

А.Н. АФАНАСЬЕВЪ

**НАРОДНЫЯ РУССКІЯ
СКАЗКИ И ЛЕГЕНДЫ**

ТОМЪ II

БЕРЛИНЪ 1922

Издательство И.П.Ладыжникова

Типографія Шпамера въ Лейпцигѣ

Printed in Germany

СКАЗКИ

Гусли-самогуды

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ мужикъ, а у этого мужика былъ сынъ. Мужика звали Алексѣемъ, а сына Ванькою. Вотъ приходитъ лѣто, Алексѣй спыхалъ землю и посѣялъ рѣпу. И такая-то хорошая уродилась рѣпа, да большая, да крупная, что и Господи! Радъ мужикъ, каждое утро ходитъ на поле, любитъся рѣпкою да Бога благодарить. Одинъ разъ примѣтилъ онъ, что кто-то воруетъ у него рѣпу, и началъ караулить; караулилъ-караулилъ — нѣтъ никого! Посылаетъ онъ Ваньку: «Поди ты, посмотри за рѣпою». Приходитъ Ванька въ поле, смотритъ — а какой-то мальчикъ рѣпу роетъ, наклакъ два мѣшка, да такіе большіе, что и ну! взвалилъ ихъ, сердешной, на спину, насилу тащить — ноги такъ и подгибаются, инда спина хруститъ! Вотъ мальчикъ тащилъ-тащилъ, немоготу вишь стало, бросилъ мѣшки на-земь, глядь — а передъ нимъ стоитъ Ванька. «Сдѣлай милость, доброй человѣкъ! пособи мнѣ дотащить мѣшки до дому; дѣдушка подаритъ тебя, пожалуетъ». А Ванька какъ увидалъ мальчика, такъ и съ мѣста не тронется, вытаращилъ на него глаза да все и смотритъ, пристально смотреть; послѣ очнулся и говоритъ ему: «Ништо, хорошо!» Взвалилъ Ванька на плеча два мѣшка съ рѣпою и понёсъ за мальчикомъ, а мальчикъ

впередѣ бѣжитъ, припрыгиваетъ, и говорить: «Меня дѣдушка каждой день посылаетъ за рѣпою. Коли ты будешь носить ему, онъ дастъ тебѣ много серебра и золота; только ты не бери, а проси гусли-самогуды». Вотъ ладно, пришли они въ избу; въ углу сидитъ сѣдой старикъ съ рогами. Ванька поклонился. Старикъ даетъ ему комокъ золота за работу; у Ваньки глаза разгорѣлись, а мальчикъ шепчетъ: не бери! «Не надо, баетъ Ванька: дай мнѣ гусли-самогуды, и вся рѣпа твоя». Какъ сказалъ онъ про гусли-самогуды, у старика глаза на вершокъ выкатились, ротъ до ушей раскрылся, а рога такъ на лбу и запрядали. Ваньку страхъ взялъ; а мальчикъ и говоритъ: «Подари, дѣдушка!» — «Многого хошь! ну, да такъ и быть: бери себѣ гусли, только отдай мнѣ то, что тебѣ дома всего дороже». Ванька думаетъ: домишка нашъ чуть въ землю не вросъ; чему тамъ быть дорогому! «Согласенъ!» говоритъ; взялъ гусли-самогуды и пошелъ домой. Приходитъ, а отецъ его мертвой на порогѣ сидитъ. Погоревалъ, поплакалъ, похоронилъ отца, и пошелъ искать счастья.

Добрался до одного большого города, гдѣ жилъ да былъ великой государь. Супротивъ дворца было поле, на томъ полѣ свиньи паслись. Ванька подошелъ къ пастуху, купилъ у него свиней и началъ пасти. Какъ только заиграетъ онъ въ гусли-самогуды, сейчасъ все стадо и запляшетъ! Вотъ однажды царя дома не случилось, царевна подошла къ окошечку, глядитъ — Ванька сидитъ на пенёчкѣ да играетъ въ гусли-самогуды, а передъ нимъ свиньи пляшутъ. Посылаетъ царевна свою дѣвушку, просить у пастуха продать ей хоть одну свинку. Ванька говоритъ: «Пусть сама прійдетъ!» Приходитъ царевна: «Пастухъ, пастухъ! продай мнѣ свинку». — «У меня свинки не продажныя, а завѣтныя». — «А какой завѣтъ?» — «Да коли угодно, царевна,

свинку получить, такъ покажи мнѣ свое бѣлое тѣло до колѣнъ». Царевна подумала-подумала, поглядѣла на всѣ на четыре стороны — никого нѣтъ; приподняла до колѣнъ платье, а у ней на правой ногѣ небольшое родимое пятнышко. Отдалъ пастухъ свинку, царевна велѣла привести ее во дворецъ, собрала музыкантовъ и заставила играть. Хочется посмотрѣть, какъ будетъ свинка выплясывать; а свинка только по угламъ прячется, визжитъ да хрюкаетъ . . .

Приѣхалъ царь, и вздумалъ отдавать свою дочь замужъ. Созываетъ онъ всѣхъ бояръ и вельможъ, и купцовъ и крестьянъ; съѣзжаются къ нему изъ чужихъ земель короли и королевичи и всякіе люди. «Кто узнаетъ, говоритъ царь: на моей дочкѣ примѣты — за того и замужъ отдамъ». Никто не могъ разузнать; какъ ни старались, какъ ни добивались, ничего не провѣдали. Вотъ напоследьхъ вызвался Ванька: я де узнаю, и сказалъ, что у царевны на правой ногѣ есть небольшое родимое пятнышко. «Угадалъ!» говоритъ царь, взялъ повѣнчалъ его на своей дочери и задалъ пиръ на цѣлой мірь. Сдѣлался Ванька царскимъ зятемъ и зажилъ припѣваючи.

Записана въ Оренбургской губ.

132

Царевна, разрѣшающая загадки

Жиль-быль старикъ; у него было три сына, третьей-етъ Иванъ-дуракъ. Какой-то былъ тогда царь — это давно ужъ было; у него была дочь. Она и говоритъ отцу: «Позволь мнѣ, батюшко, отгадывать загадки; если у ково отгадаю загадки, тому чтобы голову ссикли, а не отгадаю — за того пойду замужъ». Тотчасъ сдѣлали кличъ; многи являлись, всѣхъ казнили: царевна отга-

дывала загадки. Иванъ-дуракъ говоритъ отцу: «Благословляй, батюшко! я пойду къ царю загадывать загадки!» — «Куда ты, дуракъ! и лучше-то тебя, да казнять!» — «Благословишь — пойду, и не благословишь — пойду!» Отецъ благословилъ; Иванъ-дуракъ поѣхалъ, видитъ: по дорогѣ хлѣбъ, въ хлѣбѣ лошадь; онъ выгналъ ее кнутикомъ, чтобы не отаптывала, и говоритъ: «Вотъ загадка есть!» Ёдетъ дальше, видитъ змѣю, взялъ ее, закололъ копьемъ и думаетъ: «Вотъ другая загадка!»

Пріѣзжать къ царю; ево приняли и велятъ загадывать загадки. Онъ говоритъ: «Ѣхалъ я къ вамъ, вижу на дорогѣ добро, въ добрѣ-то добро-жо, я взялъ добро-то, да добромъ изъ добра и выгналъ; добро отъ добра и изъ добра убѣждало». Царевнахватила книжку, смотритъ: нѣту этой загадки; не знаетъ разгадать и говоритъ отцу: «Батюшко! у меня севодни головушка болитъ, мысли помѣшались; я завтра разгадаю». Отложили до завтра. Ивану-дураку отвели комнату. Онъ вечеромъ сидитъ, покуривать трубочку; а царевна выбрала вѣрную горнишну, посылать ее къ Ивану-дураку: «Поди, говоритъ, спроси у него, что это за загадка; сули ему злата и серебра, чево угодно». Горнишна приходитъ, стучится; Иванъ-дуракъ отпѣръ двери, она вошла и спрашивать загадку, сулитъ горы золота и серебра. Иванъ-дуракъ и говоритъ: «На что мнѣ деньги! у меня своихъ много. Пусть царевна простoitъ всю ночь не спавши въ моей горницѣ, дакъ скажу загадку». Царевна услышала это, согласилась, стояла всю ночь — не спала. Иванъ-дуракъ утромъ сказалъ загадку, что выгналъ изъ хлѣба лошадь. И царевна разгадала. Иванъ-дуракъ сталъ другую загадывать: «Ѣхалъ я къ вамъ, на дорогѣ вижу зло, взялъ ево да зломъ и ударилъ: зло отъ зла и умерло». Царевна опятьхватила книжку, не можетъ разгадать загадку, и отпросилась до утра. Вечеромъ посылать

горнишну узнать у Ивана-дурака загадку: «Сули, говорить, ему денегъ!» — «На что мнѣ деньги! у меня своихъ много, отвѣчаетъ Иванъ-дуракъ: пусть царевна простoitъ ночь не спавши, тогда скажу загадку». Царевна согласилась, не спала ночь и загадку разгадала.

Третью загадку Иванъ-дуракъ такъ не сталъ загадывать, а велѣлъ собрать всѣхъ сенаторовъ и загадалъ, какъ царевна не умѣла отгадывать тѣ загадки и посылала къ нему горнишну подкупать на деньги. Царевна не могла догадаться и этой загадки; опять къ нему спрашивать — сулила серебра и золота, сколько угодно, и хотѣла отправить домой на прогонѣ. Не тутъ-то было! опять простояла ночь, не спавши; онъ какъ сказалъ ей, о чѣмъ загадка — ей разгадывать-то нельзя: о ней, значить, узнають, какъ и тѣ загадки она выпытывала у Ивана-дурака. И отвѣтила царевна: «не знаю». Вотъ веселымъ пиркомъ да и за свадебку: Иванъ-дуракъ женился на ней; стали жить да быть, и теперь живутъ.

Записана въ Пермской губ., Шадринскомъ округѣ, государственнымъ крестьяниномъ А. Зыряновымъ.

133

Вѣщій сонъ

Жилъ-былъ купецъ, у него было два сына: Дмитрій да Иванъ. Разъ, благословляя ихъ на ночь, сказалъ имъ отецъ: «Ну, дѣти! кому что во снѣ привидится — поутру мнѣ повѣдайте; а кто утаитъ свой сонъ, того казнить велю». Вотъ на утро приходитъ старшій сынъ и сказываетъ отцу: «Снилось мнѣ, батюшка, будто братъ Иванъ высоко леталъ по поднебесью на двѣнадцати орлахъ; да еще будто пропала у тебя любимая овца». — «А тебѣ, Ваня, что привидѣлось?» — «Не скажу!» отвѣчалъ Иванъ. Сколько отецъ ни принуждалъ его, онъ уперся и на всѣ увѣщанія одно твердилъ: «не скажу!» да «не

скажу!» Купецъ разсердился, позвалъ своихъ приказчиковъ и велѣлъ взять непослушнаго сына, раздѣть донага и привязать къ столбу на большой дорогѣ. Приказчики схватили Ивана и, какъ сказано, привязали его нагишомъ къ столбу крѣпко-накрѣпко. Плохо пришлось доброму молодцу: солнце печетъ его, комары кусаютъ, голодъ и жажда измучили. Случилось ѣхать по той дорогѣ молодому царевичу; увидалъ онъ купческаго сына, сжалился и велѣлъ освободить его, нарядилъ въ свою одѣжу, привезъ къ себѣ во дворецъ, и началъ расспрашивать: «Кто тебя къ столбу привязалъ?» — «Родной отецъ прогнѣвался». — «Чѣмъ же ты провинился?» — «Не хотѣлъ рассказать ему, что мнѣ во снѣ привидѣлось». — «Ахъ, какъ же глупъ твой отецъ! за такую бездѣлицу да такъ жестоко наказывать . . . А что тебѣ снилось?» — «Не скажу, царевичъ!» — «Какъ не скажешь? я тебя отъ смерти избавилъ, а ты мнѣ грубить хочешь? Говори сейчасъ, не то худо будетъ». — «Отцу не сказалъ, и тебѣ не скажу!» Царевичъ приказалъ посадить его въ темницу; тотчасъ прибѣжали солдаты и отвели его, раба Божьяго, въ каменной мѣшокъ.

Прошелъ годъ, вздумалъ царевичъ жениться, собрался и поѣхалъ въ чужедальнее государство свататься на Еленѣ Прекрасной. У того царевича была родная сестра, и вскорѣ послѣ его отъѣзда случилось ей гулять возлѣ самой темницы. Увидалъ ее въ окошечко Иванъ-купческаго сынъ и закричалъ громкимъ голосомъ: «Смилуйся, царевна! выпусти меня на волю; можетъ, и я пригожуся! Вѣдь я знаю, что царевичъ поѣхалъ на Еленѣ Прекрасной свататься; только безъ меня ему не жениться, а развѣ головой поплатиться. Чай, сама слышала, какая хитрая Елена Прекрасная и сколько жениховъ на тотъ свѣтъ спроводила». — «А ты берѣшься помочь царевичу?» — «Помогъ бы, да крылья у сокола

связаны». Царевна тотчасъ же отдала приказъ выпустить его изъ темницы. Иванъ-купеческой сынъ набралъ себѣ товарищей, и было всѣхъ ихъ и съ Иваномъ двѣнадцать человѣкъ, а похожи другъ на дружку, словно братья родные — ростъ въ ростъ, голосъ въ голосъ, волосъ въ волосъ. Нарядились они въ одинаковые кафтаны, по одной мѣркѣ шитые, сѣли на добрыхъ коней и поѣхали въ путь-дорогу. Ъхали день, и два, и три; на четвертый подъѣзжаютъ къ дремучему лѣсу, и послышался имъ страшной крикъ. «Стойте, братцы! говоритъ Иванъ: подождите немножко, я на тотъ шумъ пойду». Соскочилъ съ коня и побѣжалъ въ лѣсъ; смотреть — на полянѣ три старика ругаются. «Здравствуйте, старые! изъ-за чего у васъ споръ?» — «Эхъ, молодой юноша! получили мы отъ отца въ наследство три диковинки: шапку-невидимку, коверъ-самолѣтъ и сапоги-скороходы; да вотъ уже семьдесятъ лѣтъ, какъ споримъ, а подѣлиться никакъ не можемъ». — «Хотите, я васъ раздѣлю?» — «Сдѣлай милость!» Иванъ-купеческой сынъ натянулъ свой тугой лукъ, наложилъ три стрѣлочки и пустилъ въ разные стороны; одному старику велитъ направо бѣжать, другому — налево, а третьяго посылаетъ прямо: «Кто изъ васъ первой принесетъ стрѣлу, тому шапка-невидимка достанется; кто второй явится, тотъ коверъ-самолѣтъ получить; а послѣдній пусть возьметъ сапоги-скороходы». Старики побѣжали за стрѣлками; а Иванъ-купеческой сынъ забралъ всѣ диковинки и вернулся къ своимъ товарищамъ: «Братцы! говоритъ, пускайте своихъ добрыхъ коней на волю, да садитесь ко мнѣ на коверъ-самолѣтъ». Живо усѣлись всѣ на коверъ-самолѣтъ и полетѣли въ царство Елены Прекрасной; прилетѣли къ ея стольному городу, опустились у заставы, и пошли разыскивать царевича. Приходятъ на его дворъ.

«Что вамъ надобно?» спросилъ царевичъ. «Возьми насъ, добрыхъ молодцевъ, къ себѣ на службу; будемъ тебѣ радѣть и добра желать отъ чистаго сердца». Царевичъ принялъ ихъ на свою службу и распредѣлилъ — кого въ повара, кого въ конюхи, кого — куда. Въ тотъ же день нарядился царевичъ по праздничному и поѣхалъ представляться Еленѣ Прекрасной. Она его встрѣтила ласково, угостила всякими ѣствами и дорогими напитками, и потомъ стала спрашивать: «А скажи, царевичъ, по правдѣ, зачѣмъ къ намъ пожаловалъ?» — «Да хочу, Елена Прекрасная, за тебя посвататься; пойдемъ ли за меня замужъ?» — «Пожалуй, я согласна; только выполни напередъ три задачи. Если исполнишь — буду твоя, а нѣтъ — готовъ свою голову подъ острой топоръ». — «Задавай задачу». — «Будетъ у меня завтра, а что — не скажу; ухитрись-ка, царевичъ, да принеси къ моему незнакомому свое подъ пару». Воротился царевичъ на свою квартиру въ большой кручинѣ и печали. Спрашиваетъ его Иванъ-купеческой сынъ: «Что, царевичъ, не веселъ? али чѣмъ досадила Елена Прекрасная? Подѣлись своимъ горемъ со мною; тебѣ легче будетъ». — «Такъ и такъ, отвѣчаетъ царевичъ: задала мнѣ Елена Прекрасная такую задачу, что ни одинъ мудрецъ въ свѣтѣ не разгадаетъ». — «Ну, это еще небольшая бѣда! молись-ка Богу да ложись спать; утро вечера мудренѣе, завтра дѣло разсудимъ». Царевичъ легъ спать, а Иванъ-купеческой сынъ надѣлъ шапку-невидимку да сапоги скороходы и маршъ во дворецъ къ Еленѣ Прекрасной; вошелъ прямо въ почивальню и слушаетъ. Тѣмъ временемъ Елена Прекрасная отдавала такой приказъ своей любимой служанкѣ: «Возьми эту дорогую матерію и отнеси къ башмашнику; пусть сдѣлаетъ башмачокъ на мою ногу, да какъ можно скорѣе». Служанка побѣжала, куда приказано, а слѣ-

домъ за ней и Иванъ пошелъ. Мастеръ тотчасъ же за работу принялся, живо сдѣлалъ башмачокъ и поставилъ на окошко; Иванъ-купеческой сынъ взялъ тотъ башмачокъ и спряталъ потихоньку въ карманъ. Засуетился бѣдной башмашникъ — изъ-подъ носу пропала работа; ужъ онъ искалъ-искалъ, все уголки обшарилъ — все понапрасну! «Вотъ чудо! думаетъ, никакъ нечистой со мной пошутить?» Нечего дѣлать, взялся опять за иглу, сработалъ другой башмачокъ и понёсъ къ Еленѣ Прекрасной. «Экой ты мѣшкотной! сказала Елена Прекрасная: сколько времени за однимъ башмакомъ провозился!» Сѣла она за рабочій столикъ, начала вышивать башмакъ золотомъ, крупнымъ жемчугомъ унизывать, самоцвѣтными камнями усаживать. А Иванъ тутъ же очутился, вынулъ свой башмачокъ, и самъ то же дѣлаетъ: какой она возьметъ камушекъ, такой и онъ выбираетъ; гдѣ она приткнетъ жемчужину, тамъ и онъ насаживаетъ. Кончила работу Елена Прекрасная, улыбнулась и говоритъ: «Съ чѣмъ-то царевичъ завтра покажется!» — «Подожди, думаетъ Иванъ: еще невѣдомо, кто кого перехитритъ!» Воротился домой и лёгъ спать; на зарѣ на утренней всталъ онъ, одѣлся, и пошелъ будить царевича, разбудилъ и даетъ ему башмачокъ: «Поѣзжай, говоритъ, къ Еленѣ Прекрасной и кажи башмачокъ — это ея первая задача!» Царевичъ умылся, принарядился, и поскакалъ къ невѣстѣ; а у ней гостей собрано полны комнаты — все бояре да вельможи, люди думные. Какъ пріѣхалъ царевичъ, тотчасъ заиграла музыка, гости съ мѣсто повскакивали, солдаты на караулъ сдѣлали. Елена Прекрасная вынесла башмачокъ, крупнымъ жемчугомъ унизанной, самоцвѣтными камнями усаженной; а сама глядитъ на царевича, усмѣхается. Говоритъ ей царевичъ: «Хорошъ башмакъ, да безъ пары ни на что не пригоденъ! Видно, подарить

тебѣ другой такой же!» Съ этимъ словомъ вынулъ онъ изъ кармана другой башмачокъ и положилъ его на столъ. Тутъ всѣ гости въ ладоши захлопали, въ одинъ голосъ закричали: «Ай да царевичъ! достоинъ жениться на нашей государынѣ, на Еленѣ Прекрасной». — «А вотъ увидимъ! отвѣчала Елена Прекрасная: пусть исполнить другую задачу». Вечеромъ поздно воротился царевичъ домой еще пасмурнѣй прежняго. «Полно, царевичъ, печалиться! сказалъ ему Иванъ-купеческой сынъ: молись-ка Богу, да ложись спать; утро вечера мудренѣе». Уложилъ его въ постель, а самъ надѣлъ сапоги-скороходы да шапку-невидимку и побѣжалъ во дворецъ къ Еленѣ Прекрасной. Она въ то самое время отдавала приказъ своей любимой служанкѣ: «Сходи поскорѣй на птичій дворъ да принеси мнѣ уточку». Служанка побѣжала на птичій дворъ, и Иванъ за нею; служанка ухватила уточку, а Иванъ селезня, и тѣмъ же путемъ назадъ пришли. Елена Прекрасная сѣла за рабочій столикъ, взяла утку, убрала ей крылья лентами, хохолокъ брилліантами; Иванъ-купеческой сынъ смотреть да то же творить надъ селезнемъ. На другой день у Елены Прекрасной опять гости, опять музыка; выпустила она свою уточку и спрашиваетъ царевича: «Угадалъ ли мою задачу?» — «Угадалъ, Елена Прекрасная! вотъ къ твоей уточкѣ пара», — и пускаетъ тотчасъ селезня . . . Тутъ всѣ бояре въ одинъ голосъ крикнули: «Ай да молодецъ царевичъ! достоинъ взять за себя Елену Прекрасную». — «Постойте; пусть исполнить наперѣдъ третью задачу». Вечеромъ воротился царевичъ домой такой пасмурной, что и говорить не хочетъ. «Не тужи, царевичъ! ложись лучше спать; утро вечера мудренѣе», сказалъ Иванъ-купеческой сынъ; самъ поскорѣй надѣлъ шапку-невидимку да сапоги-скороходы и побѣжалъ къ Еленѣ Прекрасной. А

она собралась на синё море ѣхать; сѣла въ коляску и всю прыть понеслася; только Иванъ-купеческой сынъ ни на шагъ не отстаётъ. Приѣхала Елена Прекрасная къ морю и стала вызывать своего дѣдушку. Волны заколыхались, и поднялся изъ воды старой дѣдъ — борода у него золотая, на головѣ волосы серебряные. Вышелъ онъ на берегъ: «Здравствуй, внучка! давненько я съ тобою не видѣлся; поищи-ка у меня въ головушкѣ». Лѣгъ къ ней на колѣни и задремалъ сладкимъ сномъ; Елена Прекрасная ищетъ у дѣда въ головѣ, а Иванъ-купеческой сынъ у ней за плечами стоитъ. Видитъ она, что старикъ заснулъ, и вырвала у него три серебряныхъ волоса; а Иванъ-купеческой сынъ не три волоса, цѣлой пучокъ выхватилъ. Дѣдъ проснулся и закричалъ: «Что ты съ ума сошла? вѣдъ больно!» — «Прости, дѣдушка! давно тебя не чесала, всѣ волоса перепутались». Дѣдъ успокоился, и немного погодя опять захрапѣлъ. Елена Прекрасная вырвала у него три золотыхъ волоса; а Иванъ-купеческой сынъ схватилъ его за бороду и чуть не всю оторвалъ. Страшно вскрикнулъ дѣдъ, вскочилъ на ноги и бросился въ море. «Теперь царевич попался! думаетъ Елена Прекрасная; такихъ волосъ ему не добыть». На слѣдующій день собрались къ ней гости; приѣхалъ и царевичъ. Елена Прекрасная показываетъ ему три волоса серебряные, да три золотые, и спрашиваетъ: «Видалъ ли ты эдакое диво?» — «Нашла чѣмъ хвастаться! хочешь я тебѣ цѣлой пучокъ подарю». Вынулъ и подаль ей клокъ золотыхъ волосъ да клокъ серебряныхъ. Разсердилась Елена Прекрасная, побѣжала въ свою почивальню и стала смотрѣть въ волшебную книгу: самъ ли царевич угадываетъ, или кто ему помогаетъ? И видитъ по книгѣ, что не онъ хитѣрь, а хитѣрь его слуга — Иванъ-купеческой сынъ. Воротилась къ гостямъ, и пристала къ царевичу: «Пришли де

ко мнѣ своего любимаго слугу». — «У меня ихъ двѣнадцать». — «Пришли того, что Ивановъ зовутъ». — «Да ихъ всѣхъ зовутъ Иванами». — «Хорошо, говоритъ, пусть всѣ пріѣдутъ!» а въ умѣ держитъ: «Я и безъ тебя найду виноватаго!» Отдалъ царевичъ приказаніе — и вскорѣ явились во дворецъ двѣнадцать добрыхъ мѣлодцевъ, его вѣрныхъ слугъ; всѣ на одно лицо, ростъ въ ростъ, голосъ въ голосъ, волосъ въ волосъ. «Кто изъ васъ большой?» спросила Елена Прекрасная. Они разомъ всѣ закричали: «Я большой! я большой!» — «Ну, думаетъ она, тутъ проста ничего не узнаешь!» и велѣла подать одиннадцать простыхъ чарокъ, а двѣнадцатую золотую, изъ которой завсегда сама пила; налила тѣ чарки дорогимъ виномъ и стала добрыхъ мѣлодцевъ потчевать. Никто изъ нихъ не беретъ простой чарки; всѣ къ золотой потянулись, и давай ее вырывать другъ у друга; только шуму надѣлали да вино расплескали! Видитъ Елена Прекрасная, что штука ея не удалася; велѣла этихъ мѣлодцевъ накормить-напоить и спать во дворцѣ положить. Вотъ ночью, какъ уснули всѣ крѣпкимъ сномъ, она пришла къ нимъ съ своею волшебною книгою, глянула въ ту книгу и тотчасъ узнала виноватаго; взяла ножницы и остригла у него високъ. «По этому знаку я его завтра узнаю и велю казнить». Поутру проснулся Иванъ-купеческой сынъ, взялся рукою за голову — а високъ-то остриженъ; вскочилъ онъ съ постели и давай будить товарищей: «Полно спать, бѣда близко! Берите-ка ножницы, да стригите виски». Черезъ часъ времени позвала ихъ къ себѣ Елена Прекрасная, и стала отыскивать виноватаго; что за чудо? на кого ни взглянетъ — у всѣхъ виски острижены. Съ досады ухватила она свою волшебную книгу и забросила въ печь. Послѣ того нельзя было ей оттовариваться, надо было выходить замужъ за царевича.

Свадьба была веселая; три дня народъ безъ просыпу пьянствовалъ, три дня кабаки и харчевни стояли отворены — кто хошь приходи, пей и ѣшь на казенной счетъ! Какъ покончились пиры, царевичъ собрался съ молодою женою ѣхать въ свое государство; а двѣнадцать добрыхъ мѣлодцевъ впередъ отпустилъ. Вышли они за городъ, разостлали коверъ-самолѣтъ, сѣли и поднялись выше облака ходячаго; летѣли-летѣли, и опустились какъ разъ у того дремучаго лѣса, гдѣ своихъ добрыхъ коней покинули. Только успѣли сойти съ ковра, глядь — бѣжитъ къ нему старикъ со стрѣлкою. Иванъ-купеческой сынъ отдалъ ему шапку-невидимку. Вслѣдъ затѣмъ прибѣжалъ другой старикъ и получилъ коверъ-самолѣтъ, а тамъ и третій — этому достались сапоги-скороходы. Говоритъ Иванъ своимъ товарищамъ: «Сѣдлайте, братцы, лошадей, пора въ путь отправляться». Они тотчасъ изловили лошадей, осѣдлали ихъ и поѣхали въ свое отечество. Приѣхали и прямо къ царевнѣ явились; та имъ сильно обрадовалась, разспросила о своемъ родномъ братцѣ, какъ онъ женился и скоро ль домой будетъ? «Чѣмъ же васъ, спрашиваетъ, за такую службу наградить?» Отвѣчаетъ Иванъ-купеческой сынъ: «Посади меня въ темницу, на старое мѣсто». Какъ его царевна ни уговаривала, онъ-таки настоялъ на своемъ; взяли его солдаты и отвели въ темницу.

Черезъ мѣсяцъ приѣхалъ царевичъ съ молодою супругою; встрѣча была торжественная: музыка играла, въ пушки палили, въ колокола звонили; народу собралось столько, что хоть по головамъ ступай! Пришли бояре и всякіе чины представляться царевичу; онъ осмотрѣлся кругомъ, и сталъ, спрашивать: «Гдѣ же Иванъ, мой вѣрный слуга?» — «Онъ, говорятъ, въ темницѣ сидитъ». — «Какъ въ темницѣ? кто смѣлъ посадить?» Докладуетъ ему царевна: «Ты же самъ, братецъ,

на него опалился и велѣлъ держать въ крѣпкомъ заточеніи. Помнишь, ты его про какой-то сонъ разспрашивалъ; а онъ сказать не хотѣлъ». — «Неужли жъ это онъ?» — «Онъ самой; я его на время къ тебѣ отпускала». Царевичъ приказалъ привести Ивана-купческаго сына, бросился къ нему на шею, и просилъ не попомнить стараго зла. «А знаешь, царевичъ, говоритъ ему Иванъ: все, что съ тобою случилось, мнѣ было напередъ вѣдомо; все это я во снѣ видѣлъ; отъ того тебѣ и про сонъ не сказывалъ». Царевичъ наградилъ его генеральскимъ чиномъ, надѣлилъ богатыми имѣньями и оставилъ во дворцѣ жить. Иванъ-купеческой сынъ выписалъ къ себѣ отца и старшаго брата, и стали они все вмѣстѣ жить-поживать, добра наживать.

134

Вѣщій сонъ

Жили-были мужикъ да баба, и стало имъ по ночамъ чудиться, будто подъ печкою огонь горить и кто-то стонетъ: «Ой, душно! ой, душно!» Мужикъ разсказалъ про то сосѣдямъ, а сосѣди присовѣтовали ему сходить въ ближній городъ: «Тамъ де живетъ купецъ Асонъ, мастеръ разгадывать всякой сонъ». Вотъ мужикъ собрался и пошелъ въ городъ; шель-шель и остановился на дорогѣ переночевать у одной бѣдной вдовы. У вдовы былъ сынъ — мальчишка лѣтъ пяти; глянулъ тотъ мальчикъ на мужика и говоритъ: «Старичокъ! я знаю, куда ты идешь». — «А куда?» — «Къ богатому купцу Асону. Смотри же, станеть онъ тебѣ сонъ разгадывать и попросить половину того, что лежитъ подъ печкою; ты ему половины не давай, давай одну четверть. А коли спросить, кто тебя научилъ? про меня не сказывай». На другой день поутру всталъ мужикъ и отправился даль-

ше; приходитъ въ городъ, разыскалъ Асоновъ дворъ и явился къ хозяину. «Что тебѣ надобно?» — «Да вотъ, господинъ купецъ, чудится мнѣ по ночамъ: будто въ моей избушкѣ подъ печкою огонь горитъ и кто-то жалобно стонетъ: ой, душно! ой, душно! Нельзя ли разгадать мой сонъ?» — «Разгадать-то можно, только дашь ли мнѣ половину того, что у тебя подъ печкою?» — «Нѣтъ, половины не дамъ; будетъ съ тебя и четверти». Купецъ было заспорилъ, да видитъ, что мужикъ стоитъ на своемъ крѣпко, и согласился; призвалъ рабочихъ съ топорами, съ лопатами, и поѣхалъ вмѣстѣ съ ними къ старику въ домъ. Приѣхалъ и велѣлъ ломать печь; какъ только печь была сломана, половицы подняты, сейчасъ и оказалась глубокая ямища — въ косую сажень будетъ, и вся то набита серебромъ да золотомъ. Старикъ обрадовался и принялся дѣлить этотъ кладъ на четыре части. А купецъ давай его выспрашивать: «Кто тебя научилъ, старичокъ, давать мнѣ четверть, а не давать половины?» — «Никто не училъ, самому въ голову пришло». — «Врешь! не съ твоимъ умомъ догадаться. Слушай: коли признаешься — кто тебя научилъ, такъ всѣ деньги твои будутъ; не возьму съ тебя и четвертой доли». Мужикъ подумалъ-подумалъ, почесалъ въ затылкѣ и сказалъ: «А вотъ какъ поѣдешь домой, увидишь на дорогѣ избушку; въ той избушкѣ живетъ бѣдная вдова, и есть у ней сынъ-малолѣтокъ — онъ самой и научилъ меня». Купецъ тотчасъ въ повозку и погналъ лошадей скорою рысью. Приѣхалъ къ бѣдной вдовѣ: «Позволь, говорить, отдохнуть маленько да чайку испить». — «Милости просимъ!» Асонъ усѣлся на лавку, началъ чай распивать, а самъ все на мальчика поглядываетъ. На ту пору приближалъ въ избу пѣтухъ, захлопалъ крыльями и закричалъ: кукуреку! «Экой голосистый какой! сказалъ купецъ: хотѣлъ бы я знать, про

что ты горланишь?» — «Пожалуй, я тебѣ скажу, промолвилъ мальчикъ: пѣтухъ вѣщаетъ, что придетъ время — будешь ты въ бѣдности, а я стану владѣть твоими богатствами». Напился купецъ чаю, сталъ собираться домой, и говоритъ вдовѣ: «Отдай мнѣ своего сынишку; будетъ онъ жить у меня на всемъ на готовомъ, въ довольствѣ, въ счастіи, и не узнаетъ, что такое бѣдность. Да и тебѣ лучше — лишняя обуза съ рукъ долой!» Мать подумала, что и въ самомъ дѣлѣ у купцовъ жизнь привольнѣе, благословила сына и отдала его Асону съ рукъ на руки. Асонъ привезъ мальчика въ свой домъ и велѣлъ идти на кухню; потомъ позвалъ повара и отдалъ ему такой приказъ: «Зарѣжь ты мнѣ того мальчика, вынь изъ него печень да сердце и приготовь къ обѣду». Поваръ воротился на кухню, взялъ ножъ и принялся на брускѣ точить. Мальчикъ залился слезами и сталъ спрашивать: «Дядюшка! для чего ты ножъ точишь?» — «Хочу барашка колоть». — «Неправда твоя! ты хочешь меня рѣзать». У повара и ножъ изъ рукъ вывалился: жалко ему стало загубить душу человѣческую. «Радъ бы, говорить, отпустить тебя, да боюсь хозяина». — «Не бойся! поди-возьми у суки щенка, вынь изъ него печень да сердце, зажарь и подай своему хозяину». Поваръ такъ и сдѣлалъ, угостилъ Асона собачиной, а мальчика до поры до времени у себя спряталъ.

Мѣсяца черезъ два, черезъ три приснился тамошнему королю такой сонъ: будто есть у него во дворцѣ три золотыя блюда; прибѣжали псы и зачали изъ тѣхъ блюдъ локать. Задумался король, что бы такое тотъ сонъ значилъ? Кого ни спрашивалъ, никто ему не могъ разсудить. Вотъ вздумалъ онъ послать за Асономъ; разсказалъ ему свой сонъ и велѣлъ разгадывать, а сроку положилъ три дня: «Если въ тотъ срокъ не отгадаешь, то все твое имѣніе на себя возьму». Воротился Асонъ отъ

короля самъ не свой; ходить пасмурной да сердитой, кого ни встрѣтитъ — всякому затрещину даетъ; а пуще всѣхъ на повара напустился: «Зачѣмъ де мальчишку со свѣту сжилъ? онъ бы теперь пригодился мнѣ!» На тѣ рѣчи поваръ возьми да и признайся, что мальчикъ-то живѣхонекъ. Асонъ тотчасъ потребовалъ его къ себѣ: «А ну, говорить, отгадай мой сонъ; снилось мнѣ нынѣшней ночью, будто есть у меня три золотыя блюда и будто изъ тѣхъ блюдъ золотыхъ псы локали». Отвѣчаетъ ему мальчикъ: «Это не тебѣ снилось, это снилось государю». — «Угадалъ, молодецъ! а что значитъ этотъ сонъ?» — «Знать-то я знаю, да тебѣ не скажу; вези меня къ королю, передъ нимъ ничего не скрою». Асонъ приказалъ заложить коляску, мальчика на запятки поставилъ, и поѣхалъ во дворецъ; подкатилъ къ высокому крыльцу, вошелъ въ бѣлокаменные палаты и отдалъ королю поклонъ. «Здравствуй, Асонъ! отгадалъ ли мой сонъ?» спрашиваетъ король. «Эхъ, государь! твой сонъ небольшо мудрѣнъ; не то что я, его малой ребенокъ разсудить можетъ. Коли хочешь, позови моего мальчика; онъ тебѣ все какъ по писанному расскажетъ». Король приказалъ привести мальчика, и какъ только привели его во дворецъ, началъ про свой сонъ выспрашивать. Отвѣчалъ мальчикъ: «Пусть-ка напередъ Асонъ разсудитъ, а то, вишь, онъ какой! ничего не вѣдая, чужимъ разумомъ жить хочетъ». — «Ну, Асонъ, говори ты прежде». Асонъ упалъ на колѣни и признался, что не можетъ отгадать королевскаго сна. Тогда выступилъ мальчикъ и сказалъ королю: «Государь! сонъ твой правдивой: есть у тебя три дочери — три королевны прекрасныя; согрѣшили онѣ передъ Богомъ и передъ тобою и на-дняхъ родятъ тебѣ по внуку». Какъ сказалъ пятилѣтокъ, такъ и случилось; король отобралъ у Асона все его имѣніе и отдалъ тому мальчику.

Въ нѣкоемъ городѣ жилъ-былъ купецъ, у него было три сына: первой Ѳеодоръ, другой Василій, а третій Иванъ-дуракъ. Жилъ тотъ купецъ богато, на своихъ корабляхъ ходилъ въ чужія земли и торговалъ всякими товарами. Въ одно время нагрузилъ онъ два корабля дорогими товарами и отправилъ ихъ за море съ двумя старшими сыновьями. А меньшей сынъ Иванъ завсегда ходилъ по кабакамъ, по трактирамъ, и потому отецъ ничего не довѣрялъ ему по торговлѣ; вотъ какъ узналъ онъ, что его братья за море посланы, тотчасъ явился къ отцу и сталъ у него проситься въ иныя земли себя показать, людей посмотреть, да своимъ умомъ барыши зашибить. Купецъ долго не соглашался: «Ты де все пропьешь, и головы домой не привезешь!» да видя неотступную его просьбу, далъ ему корабль съ самымъ дешевымъ грузомъ: съ бревнами, тѣсомъ и досками. Собрался Иванъ въ путь-дорогу, отвалилъ отъ берега и скоро нагналъ своихъ братьевъ; плывутъ они вмѣстѣ по синему морю день, другой и третій, а на четвертой поднялись сильные вѣтры и забросили Ивановъ корабль въ дальнее мѣсто къ одному невѣдомому острову. «Ну, ребята! закричалъ Иванъ корабельнымъ работникамъ: приворачивайте къ берегу». Пристали къ берегу, онъ вылѣзъ на островъ, приказалъ себя дожидаться, а самъ пошелъ по тропинкѣ; шелъ-шелъ и добрался до превеликой горы, смотритъ — въ той горѣ ни песокъ, ни камень, а чистая русская соль. Вернулся назадъ къ берегу, приказалъ работникамъ всѣ бревна и доски въ воду покидать, а корабль нагрузить солью. Какъ скоро это сдѣлано было, отвалилъ Иванъ отъ острова и поплылъ дальше. Долго ли, коротко ли, близко ли,

далеко ли — приплыль корабль къ большому богатому городу, остановился въ пристани и якорь бросиль. Иванъ-купеческой сынъ сошелъ въ городъ и отпра-вился къ тамошнему царю бить челомъ, чтобы позво-лилъ ему торговать по вольной цѣнѣ; а для показу по-нёсъ узелокъ своего товару — русской соли. Тотчасъ доложили про его приходъ государю; царь его позвалъ и спрашиваетъ: «Говори, въ чемъ дѣло — какая нужда?» — «Такъ и эдакъ, ваше величество! позволь мнѣ торго-вать въ твоёмъ городѣ по вольной цѣнѣ». — «А какимъ товаромъ торги ведешь?» — «Русской солью, ваше величество!» А царь про соль и не слыхивалъ: во всемъ его царствѣ безъ соли ѣли. Удивился онъ, чтò такой за новой, небывалой товаръ? «А ну, говорить, покажь!» Иванъ-купеческой сынъ развернулъ платокъ; царь взглянулъ и подумалъ про себя: «Да это просто-на-просто бѣлой песокъ!» И говорить Ивану съ усмѣшкою: «Ну, братъ, этого добра у насъ и безъ денегъ даютъ!» Вышелъ Иванъ изъ царскихъ палатъ весьма печалень, и вздумалось ему: «Дай пойду въ царскую кухню да посмотрю, какъ тамъ повара кушанья готовятъ — ка-кую они соль кладутъ?» Пришелъ въ кухню, попро-сился отдохнуть маленько, сѣлъ на стулъ и пригляды-вается. Повара то-и-дѣло взадъ-вперёдъ бѣгаютъ: кто варить, кто жарить, кто льетъ, а кто на чумичкѣ вшей бьетъ. Видитъ Иванъ-купеческой сынъ, что повара и не думаютъ солить кушанья; улучилъ минутку, какъ они всѣ изъ кухни повыбрались, взялъ да и всыпалъ соли, сколько надобно, во всѣ ѣтвы и приправы. Наступило время обѣдъ подавать; принесли первое кушанье. Царь отвѣдалъ, и оно ему такъ вкусно показалось, какъ ни-когда прежде; подали другое кушанье — это еще боль-ше понравилось. Призвалъ царь поваровъ, и говорить имъ: «Сколько лѣтъ я царствую, а никогда такъ вкусно

вы не готовили. Какъ вы это сдѣлали». Отвѣчаютъ повара: «Ваше величество! мы готовили по-старому, ничего новаго не прибавляли; а сидить на кухнѣ тотъ купецъ, чтò приходилъ вольнаго торгу просить: ужъ не онъ ли подложилъ чего?» — «Позвать его сюда!» Привели Ивана-купеческаго сына къ царю на допросъ: онъ палъ на колѣни и сталъ просить прощенія: «Виноватъ, царь-государь! я русскою солью все ѣствы и приправы сдобрилъ: такъ де въ нашей сторонѣ водится». — «А почему соль продаешь?» Иванъ смекнулъ, что дѣло наладъ идетъ, и отвѣчалъ: «Да не очень дорого: за двѣ мѣры соли — мѣра серебра да мѣра золота». Царь согласился на эту цѣну и купилъ у него весь товаръ. Иванъ насыпалъ полонъ корабль серебромъ да золотомъ и сталъ дожидаться попутнаго вѣтра; а у того царя была дочь — прекрасная царица, захотѣлось ей посмотреть на русской корабль, и просится она у своего родителя на корабельную пристань. Царь отпустилъ ее. Вотъ она взяла съ собой нянюшекъ, мамушекъ и красивыхъ дѣвушекъ, и поѣхала русской корабль смотрѣть. Иванъ-купеческой сынъ сталъ ей показывать, какъ и что называется: гдѣ паруса, гдѣ снасти, гдѣ носъ, гдѣ корма, и завѣлъ ее въ каюту; а работникамъ приказалъ — живо якоря отсѣчь, паруса поднять и въ море выходить. И какъ было имъ большое повѣтріе, то они скоро убѣжали отъ того города на далекое разстоянъе. Царица вышла на палубу, глянула — кругомъ море, и заплакала; Иванъ-купеческой сынъ началъ ее утѣшать, уговаривать, отъ слезъ останавливать, и какъ онъ собою красавецъ былъ, то царица скоро улыбнулась и перестала печалиться.

Долго ли, коротко ли плыть Иванъ съ царицею по морю; нагоняютъ его старшіе братья, узнали про его удалъ и счастье и крѣпко позавидовали; пришли къ

нему на корабль, схватили его за руки и бросили въ море; а послѣ кинули промежъ себя жребій и подѣлились такъ: большой братъ взялъ царевну, а средній — корабль съ серебромъ и золотомъ. И случись — на ту пору, какъ сбросили Ивана съ корабля, плавало вблизи одно изъ тѣхъ бревенъ, которыя онъ самъ же покидалъ въ море. Иванъ ухватился за то бревно и долго носился съ нимъ по морскимъ глубинамъ; наконецъ прибило его къ невѣдомому острову. Вышелъ онъ на землю и пошелъ по берегу; попадаетъ ему навстрѣчу великанъ съ огромными усами, на усахъ вачеги¹ висятъ -- послѣ дождя сушить. «Что тебѣ здѣсь надобно?» спрашиваетъ великанъ. Иванъ разсказалъ ему все, что случилось. «Хочешь, я тебя домой отнесу; завтра твой старшій братъ на царевнѣ женится; садись-ка ко мнѣ на спину». Взялъ его, посадилъ на спину, и побѣжалъ черезъ море; тутъ у Ивана съ головы шапка упала. «Ахъ, говоритъ, вѣдь я шапку сронилъ!» — «Ну, братъ! далеко твоя шапка — вѣрсть съ пятьсотъ назади осталась», отвѣчалъ великанъ; принёсъ его на родину, спустилъ наземь, и говоритъ: «Смотри же, никому не хвались, что ты на мнѣ верхомъ ѣздишь, а похвалишься — раздавлю тебя!» Иванъ-купеческой сынъ обѣщалъ не хвалиться, поблагодарилъ великана и пошелъ домой. Приходитъ, а ужъ тамъ всѣ за свадебнымъ столомъ сидятъ, собираются въ церковь ѣхать. Какъ увидала его прекрасная царевна, тотчасъ выскочила изъ-за стола, бросилась на шею: «Вотъ, говоритъ, мой женихъ, а не тотъ, что за столомъ сидитъ!» — «Что такое?» спрашиваетъ отецъ. Иванъ ему разсказалъ про все, какъ онъ солью торговалъ, какъ царевну увёзъ и какъ старшіе братья его въ море спихнули. Отецъ разсердился на большихъ сыновей, согналъ ихъ со двора долой, а Ивана обвѣнчалъ

¹) Суковныя или шерстяныя рукавицы, обшитыя сверху кожей.

на царевнѣ. Начался у нихъ веселой пиръ; на пиру гости подпили и стали хвастаться: кто силою, кто богатствомъ, кто молодой женою. А Иванъ сидѣль-сидѣль да спьяна и самъ похвастался: «Это что за похвальбы! вотъ я такъ могу похвалиться: на великанѣ черезъ все море верхомъ проѣхалъ!» Только вымолвилъ — въ ту жъ минуту является у воротъ великанъ: «А, Иванъ-купеческой сынъ! я тебѣ приказывалъ не хвалиться мною, а ты что сдѣлалъ?» — «Прости меня! молить Иванъ-купеческой сынъ: то не я хвалился, то хмель хвалился». — «А ну, покажи: какой-такой хмель?» Иванъ приказалъ привезть сороковую бочку вина да сороковую бочку пива; великанъ выпилъ и вино, и пиво, опьянѣлъ и пошелъ все, что ни попало подъ руку, ломать и крушить; много добраго натворилъ; сады повалилъ, хоромы разметалъ! Послѣ и самъ свалился, и спалъ безъ просыпу трое сутокъ; а какъ пробудился, стали ему показывать, сколько онъ бѣдъ надѣлалъ; великанъ страхъ какъ удивился, и говорить: «Ну, Иванъ-купеческой сынъ! узналъ я, каковъ хмель; хвались же ты мною отнынѣ и до вѣку».

Записана въ Архангельской губ.

136

Золотая гора

Промотался-прогулялся купеческой сынъ, до того пришло, что ѣсть нечего; взялъ онъ лопату, вышелъ на торговую площадь и сталъ поджидать — не найметъ ли кто въ работники. Вотъ ѣдетъ семисотной купецъ въ раззолоченой каретѣ; увидали его поденщики и всѣ, сколько ни было, врозь разсыпались, по угламъ попрятались. Оставался на площади всего на всего одинъ купеческой сынъ. «Хочешь работы, мѣладецъ? — най-

мись ко мнѣ», говоритъ семисотной купецъ. «Изволь; я за тѣмъ на площадь пришелъ». — «А что возьмешь?» — «Положи на день по сотнѣ рублѣвъ — съ меня и будетъ!» — «Что такъ дорого?» — «А дорого, такъ подищи дешеваго; вишь, сколько народу здѣсь было, а ты пріѣхалъ — всѣ разбѣжались». — «Ну, ладно! приходи завтра на пристань». На другой день поутру пришелъ купеческой сынъ на пристань; семисотной купецъ давно его дожидается. Сѣли они на корабль и поѣхали въ море. Ъхали-ѣхали — посреди моря островъ виднѣется, на томъ островѣ стоятъ горы высокія, а у самаго берега что-то словно огнемъ горить. «Никакъ пожаръ виденъ!» говоритъ купеческой сынъ. «Нѣтъ, это мой золотой дворецъ». Привалили къ острову, вышли на берегъ; навстрѣчу семисотному купцу прибѣжала жена вмѣстѣ съ дочкою, и дочь — такая красавица, что ни вздумать, ни взгадать, ни въ сказкѣ сказать. Тѣмчасъ они поздоровались, пошли во дворецъ, и новаго работника съ собою взяли; сѣли за столъ, стали пить-ѣсть, веселиться. «Куда день ни шель! говоритъ хозяинъ: сегодня попируемъ, а завтра и за работу пріймемся». А купеческой сынъ былъ собою молодецъ, статной, рослой, кровь съ молокомъ; полюбился онъ красной дѣвицѣ. Вышла она въ другую комнату, вызвала его тайкомъ и дала ему кремень да кресало: «Возьми, будешь въ нуждѣ — пригодится!» На другой день семисотной купецъ отправился съ своимъ работникомъ къ высокой золотой горѣ: лѣзть на нее — не взлѣзть, ползти — не всползти! «Ну-ка! говоритъ, выпьемъ напередъ». И поднѣсъ ему соннаго зелья. Работникъ выпилъ и заснулъ. Купецъ досталъ ножъ, убилъ ледащую клячу, выпотрошилъ, положилъ парня въ лошадиное брюхо, сунулъ туда лопату и зашилъ, а самъ въ кустахъ притаился. Вдругъ прилетаютъ въ-

роны чёрные-носы желѣзные, ухватили пададь, унесли на гору, и ну клевать; съѣли лошадь и стали было добираться до купеческаго сына. Тутъ онъ проснулся, отъ чёрныхъ вѣроновъ отмахнулся, глянулъ туда-сюда, и спрашиваетъ: «Гдѣ я?» Отвѣчаетъ семисотной купецъ: «На золотой горѣ; бери-ка лопату, да копай золото». Вотъ онъ копаль-копаль, все на низъ бросаль; а купецъ на возы складываль. Къ вечеру девять возовъ поспѣло. «Будетъ! говорить семисотной купецъ: спасибо за работу, прощай!» — «А я-то?» — «А ты какъ знаешь! васъ тамъ на горѣ девяносто девять сгинуло; съ тобой ровно сто будетъ!» Сказаль купецъ и уѣхаль. «Что тутъ дѣлать? думаетъ купеческой сынъ: сойти съ горы никакъ нельзя; приходится помереть голодною смертію!» Стоить на горѣ, а надъ нимъ такъ и вьются вороны чёрные-носы желѣзные; видно, добычу почуяли! Сталь онъ припоминать, какъ все это сдѣлалось, и пришло ему на умъ, какъ вызывала его красная дѣвица, подавала кремень да кресало, а сама приговаривала: «Возьми, будешь въ нуждѣ — пригодится!» — «А вѣдь это она недаромъ сказала! дай попробую». Вынулъ купеческой сынъ кремень и кресало, ударилъ разъ — и тотчасъ выскочило два мѣлодца: «Что угодно? чего надобно?» — «Снесите меня съ горы къ морскому берегу». Только успѣлъ вымолвить, они его подхватили и бережно съ горы снесли. Идетъ купеческой сынъ по берегу, глядь — мимо острова корабль плыветъ. «Эй, добрые люди корабельщики! возьмите меня съ собой». — «Нѣтъ, братъ! некогда останавливаться: мы за эту остановку сто вѣрсть сдѣлаемъ». Миновали корабельщики островъ — стали дуть имъ вѣтры встрѣчные, поднялась буря страшная. «Ахъ! видно, онъ не простой человѣкъ; лучше воротимся да возьмемъ его на корабль». Повернули къ острову, пристали къ берегу,

взяли купеческаго сына и отвезли его въ родной городъ. Много ли, мало ли прошло времени — взялъ купеческой сынъ лопату, вышелъ на торговую площадь и ждетъ наёмщика. Опять ѣдетъ въ раззолоченой каретѣ семисотной купецъ; увидали его поденщики, всѣ врозь разсыпались, по угламъ попрятались. Оставался одинъ купеческой сынъ. «Наймись ко мнѣ», говорить ему семисотной купецъ». — «Изволь! положи на день по двѣсти рублевъ, и давай работу». — «Экой дорогѣй!» — «А дорогѣй, такъ поди поймай дешеваго: вишь, сколько народу здѣсь было, а ты показался — сейчасъ разбѣжались». — «Ну ладно, приходи завтра на пристань». На утро сошлись они у пристани, сѣли на корабль и поѣхали къ острову. Тамъ одинъ день прогуляли, а другой насталь — къ золотой горѣ отправились. Приѣзжаютъ туда, семисотной купецъ подносить работнику чарку: «Ну-ка, выпей напередъ!» — «Постой, хозяинъ! ты всему голова, тебѣ первому и пить; дай я тебя своимъ поподчюю». А ужъ купеческой сынъ загодя соннымъ зельемъ запасся; налилъ полной стаканъ, и подаетъ семисотному купцу. Тотъ выпилъ и заснулъ крѣпкимъ сномъ. Купеческой сынъ зарѣзалъ самую дрянную клячу, выпотрошилъ, положилъ своего хозяина въ лошадиное брюхо, сунулъ лопату и зашилъ, а самъ въ кустахъ спрятался. Вдругъ прилетѣли вороны чѣрные-носы желѣзные, подхватили падаль, унесли на гору и принялись клевать. Пробудился семисотной купецъ, глянулъ туда-сюда: «Гдѣ я?» спрашиваетъ. «На горѣ; бери-ка лопату да копай золото; коли много накопиаешь, научу — какъ съ горы спуститься». Семисотной купецъ взялся за лопату, копаль-копаль, двѣнадцать возовъ накопиаль. «Ну, теперъ довольно! говорить купеческой сынъ: спасибо за трудъ, прощай!» — «А я-то?» — «А ты какъ знаешь! васъ тамъ на горѣ девяносто девять сги-

нуло, съ тобой ровно сотня будетъ!» Забралъ купеческой сынъ всѣ двѣнадцать возовъ, пріѣхалъ въ золотой дворецъ, женился на красной дѣвицѣ, дочкѣ купца семисотнаго, овладѣлъ всѣмъ его богатствомъ, и со всей семьей переѣхалъ жить въ столицу. А семисотной купецъ такъ на горѣ и остался; заклевали его вороны чѣрные-носы желѣзные.

137

Чудесная дудка

Жилъ-былъ попъ съ попадьёю: у нихъ былъ сынъ Иванушка и была дочь Алёнушка. Разъ Алёнушка и просится: «Матушка, матушка! я пойду въ лѣсъ за ягодами, ужъ всѣ подружки пошли». — «Ступай, да возьми съ собой брата». — «Зачѣмъ! онъ такой лѣнивой, все равно ничего не соберетъ!» — «Ничего, возьми! а кто изъ васъ больше ягодъ соберетъ, тому подарю красные чоботы»¹. Вотъ пошли братъ съ сестрой за ягодами; пришли въ лѣсъ. Иванушка все рветъ да рветъ, да въ кувшинчикъ кладетъ, а Алёнушка все ѣстъ да ѣстъ, все ѣстъ да ѣстъ; только двѣ ягодки и положила въ коробку. Глядитъ: у ней пусто, а Иванушка ужъ полный кувшинъ набралъ. Завистно стало Алёнушкѣ: «Давай, говорить, братецъ! я поищу у тебя въ головкѣ». Онъ лёгъ къ ней на колѣни и заснулъ. Алёнушка тотчасъ вынула острой ножъ и зарѣзала братца; выкопала яму и схоронила его, а кувшинъ съ ягодами себѣ взяла. Приходить домой и отдаетъ ягоды матери. «Гдѣ же твой братецъ Иванушка?» спрашиваетъ попадьѣ. «Должно быть, въ лѣсу отсталъ да заблудился; я его звала-звала, искала-искала — нѣтъ нигдѣ!» Отецъ съ матерью долго-долго ждали Иванушку, такъ и не дождались. А на

¹) Сапоги.

могилѣ Иванушки выросла большая да ровная-ровная тростинка. Шли мимо овчары со стадомъ, увидали и говорятъ: «Какая славная тростинка выросла!». Одинъ овчаръ срѣзаль ее и сдѣлалъ себѣ жилейку¹. «Дай-ка, говорить, попробую!» Поднёсь къ губамъ, жилейка и заиграла:

По малу, малу, вивчарику, грай!
Не врази ты могó серденька вкрай!
Мини сестрица — зрадница²
За красны ягодки, за червонни чоботки!

«Ахъ, какая чудесная дудка! говорить овчаръ: какъ чисто выговариваетъ; ну, эта жилейка дорого стоить!» — «А дай-ка я попробую!» говорить другой; взялъ жилейку, приложилъ къ губамъ — и у него то же самое заиграла; попыталъ третій — и у третьяго то же! Пришли овчары въ деревню, остановились возлѣ поповой хаты: «Батюшка! пусти насъ переночевать». — «У меня тѣсно», отвѣчаетъ попъ. — «Пусти, мы тебѣ диковинку покажемъ». Попъ пустилъ ихъ и спрашиваетъ: «Не видали ль гдѣ мальчика, зовутъ Иванушкою? пошелъ за ягодами, да и слѣдъ пропалъ». — «Нѣтъ, не видали; а вотъ мы срѣзали по дорогѣ тростинку, и какая чудесная жилейка изъ нея вышла: сама играетъ!» Вынулъ овчаръ жилейку и заигралъ:

По малу, малу, вивчарику, грай!
Не врази ты могó серденька вкрай!
Мини сестрица — зрадница
За красны ягодки, за червонни чоботки!

«А ну-ка, дай я поиграю», говорить попъ; взялъ жилейку и заигралъ:

По малу, малу, батеньку, грай!
Не врази ты мого серденька вкрай!
Мини сестрица — зрадница
За красны ягодки, за червонни чоботки!

¹) Дудку, свирѣль.

²) Зрада — измѣна.

«Ахъ, ужъ это не мой ли Иванушка срубленъ?» сказалъ попъ и позвалъ жену: «Ну-ка, поиграй ты». Попадья взяла жилейку и заиграла:

По малу, малу, матусенько, грай!
Не врази ты мого серденька вкрай!
Мини сестрица — зрадница
За красны ягодки, за червонни чоботки!

«А гдѣ дочка?» спрашиваетъ попъ; а Алёнушка ужъ спряталась, въ темномъ углу притаилась. Нашли ее. «Ну-ка, заиграй!» говоритъ отецъ. — «Я не умѣю». — «Ничего, играй!» Она было отпѣкиваться, да отецъ угрозилъ и заставилъ взять жилейку. Только что Алёнушка приложила ее къ губамъ, а жилейка сама выговариваетъ:

По малу, малу, сестрице, грай!
Не врази ты мого серденька вкрай!
Ты жъ мини зрадила
За красны ягодки, за червонни чоботки!

Тутъ Алёнушка во всемъ призналась; отецъ разгнѣвался и прогналъ ее изъ дому.

Записана въ Бобровскомъ у., Воронежской губ.

138

Птичій языкъ

Въ одномъ городѣ жилъ купецъ съ купчихою, и далъ имъ Господь сына, не по годамъ смышленаго, по имени Василя. Разъ какъ-то обѣдали они втроемъ; а надъ столомъ висѣлъ въ клѣткѣ соловей и такъ жалобно пѣлъ, что купецъ не вытерпѣлъ и проговорилъ: «Если бъ сыскался такой человѣкъ, которой отгадалъ бы мнѣ вправду, что соловей распѣваетъ и какую судьбу предвѣщаетъ, кажись — при жизни бы отдалъ ему половину имѣнія, да и по смерти отказалъ много добра». А мальчикъ — ему было лѣтъ шесть тогда — посмотрѣлъ

отцу съ матерью въ глаза озойливо¹ и сказалъ: «Я знаю, что соловей поётъ, да сказать боюсь». — «Говори безъ утайки!» пристали къ нему отецъ съ матерью, и Вася со слезами вымолвилъ: «Соловей предвѣщаетъ, что придетъ пора-время, будете вы мнѣ служить: отецъ станетъ воду подавать, а мать полотенце — лицо, руки утирать». Слова эти больно огорчили купца съ купчихою, и рѣшились они сбыть свое дѣтище; построили небольшую лодочку, въ темную ночь положили въ неё соннаго мальчика и пустили въ открытое море. На ту пору вылетѣлъ изъ клѣтки соловей-вѣщунъ, прилетѣлъ въ лодку и сѣлъ мальчику на плечо.

Вотъ плыветъ лодка по морю, а навстрѣчу ей корабль на всѣхъ парусахъ летитъ. Увидаль корабельщикъ мальчика, жалко ему стало, взялъ его къ себѣ, разспросилъ про все и обѣщаль держать и любить его какъ родного сына. На другой день говоритъ мальчикъ новому отцу: соловей де напѣваетъ, что подымется буря, поломаетъ мачты, прирветъ паруса; надо поворотить въ становище. Но корабельщикъ не послушался. И впрямь поднялась буря, поломала мачты, оборвала паруса. Дѣлать нечего, прошлаго не воротить; поставили новыя мачты, поправили паруса, и поплыли дальше. А Вася опять говоритъ: «соловей де напѣваетъ, что навстрѣчу идутъ двѣнадцать кораблей, всё разбойничьихъ, во полонъ насъ возьмутъ!» На тотъ разъ корабельщикъ послушался, приворотилъ къ острову, и видѣлъ, какъ тѣ двѣнадцать кораблей, всё разбойничьихъ, пробѣжали мимо.

Выждалъ корабельщикъ сколько надобно, и поплылъ дальше. Ни мало, ни много прошло времени, присталъ корабль къ городу Хвалынску; а у здѣшняго короля уже сколько годовъ передъ дворцовыми окнами летаютъ

¹) Пристально.

и кричать воронъ съ воронихою и воронёнкомъ, ни днемъ ни ночью никому угомону не даютъ. Что ни дѣлали, никакими хитростями не могутъ ихъ отъ окошекъ отжить; даже дробь не беретъ! И приказано было отъ короля прибить на всѣхъ перекресткахъ и пристаняхъ такову грамоту: ежели кто сможетъ отжить отъ дворцовыхъ окошекъ ворона съ воронихою, тому король отдастъ въ награду полцарства своего и меньшую королевну въ жены; а кто возьмется за такое дѣло, а дѣла не сдѣлаетъ, тому отрублена будетъ голова. Много было охотниковъ породниться съ королемъ, да всѣ головы свои подъ топоръ положили. Узналъ про то Вася, сталъ проситься у корабельщика: «Позволь пойти къ королю — отогнать ворона съ воронихою». Сколько ни уговаривалъ его корабельщикъ, никакъ не могъ удержать: «Ну, ступай, говорить, да если что недоброе случится — на себя пеняй!» Пришелъ Вася во дворецъ, сказалъ королю, и велѣлъ открыть то самое окно, возлѣ котораго воронѣ летало. Послушалъ птичьего крику, и говорить королю: «Ваше величество сами видите, что летаютъ здѣсь трое: воронъ, жена его ворониха и сынъ ихъ воронёнокъ; воронъ съ воронихою спорятъ, кому принадлежитъ сынъ — отцу или матери, и просятъ разсудить ихъ. Ваше величество! скажите, кому принадлежитъ сынъ?» Король говорить: «Отцу». Только изрѣкъ король это слово, воронъ съ воронёнкомъ полетѣли вправо, а ворониха — влѣво. Послѣ того король взялъ мальчика къ себѣ, и жилъ онъ при немъ въ большой милости и чести; выросъ и сталъ молодецъ молодцомъ, женился на королевнѣ и взялъ въ приданое полцарства. Вздумалось ему какъ-то поѣздить по разнымъ мѣстамъ, по чужимъ землямъ, людей посмотреть и себя показать; собрался и поѣхалъ странствовать. Въ одномъ городѣ остановился онъ ночевать; переночевалъ, всталъ по-

утру и велить, чтобъ подали ему умываться. Хозяинъ принесъ ему воду, а хозяйка подала полотенце; поразговори́лся съ ними королевичъ, и узналъ, что то были отецъ его и мать, заплакалъ отъ радости и упалъ къ ихъ ногамъ родительскимъ; а послѣ взялъ ихъ съ собою въ городъ Хвалынскъ, и стали они всѣ вмѣстѣ жить-поживать да добра наживать.

Охотникъ и его жена

Быль-жилъ охотникъ, и было у него двѣ собаки. Разъ какъ-то бродилъ онъ съ ними по лугамъ, по лѣсамъ, разыскивалъ дичи; долго бродилъ — ничего не видалъ, а какъ стало дѣло къ вечеру, набрёлъ на такое диво: торить пень, а въ огнѣ змѣя сидитъ. И говоритъ ему змѣя: «Изыми, мужичокъ, меня изъ огня изъ полымя; я тебя счастливымъ сдѣлаю; будешь знать все, что на свѣтѣ есть, и какъ звѣрь говоритъ, и что птица поётъ!». — «Радъ тебѣ помочь, да какъ?» спрашиваетъ змѣю охотникъ. «Вложи только въ огонь конецъ палки, я по ней и вылѣзу». Охотникъ такъ и сдѣлалъ. Выползла змѣя: «Спасибо, мужичокъ! будешь разумѣть теперь, что всякая тварь говоритъ; только никому про то не сказывай, а если скажешь — смертью помрешь!»

Опять охотникъ пошёлъ искать дичи, ходилъ-ходилъ, и пристигла его ночь тѣмная. «Домой далеко, подумалъ онъ: останусь-ка здѣсь ночевать». Развёлъ костёръ и улегся возлѣ, вмѣстѣ съ собаками, и слышитъ, что собаки завели промежъ себя разговоръ и называютъ другъ друга братомъ. «Ну, братъ! говоритъ одна: ночуй ты съ хозяиномъ, а я домой побѣгүү, стану дворъ караулить. Не ровёнъ часъ: воры пожалуютъ!» — «Ступай, братъ, съ Богомъ!» отвѣчаетъ другая. Поутру рано воротилъ

лась изъ дому собака и говорить той, что въ лѣсу ночевала: «Здравствуй, братъ!» — «Здорово!» — «Хорошо ли ночь у васъ прошла?» — «Ничего, слава Богу! а тебѣ, братъ, какъ дѣла — поспалось?» — «Охъ, плохо! Прибѣжалъ я домой; а хозяйка говоритъ: вотъ чортъ принёсъ безъ хозяина! и бросила мнѣ горѣлую корку хлѣба. Я понюхалъ-понюхалъ, а ѣсть не сталъ; тутъ она схватила кочергу и давай меня потчевать! всѣ рѣбра пересчитала! А ночью, братъ, приходили на дворъ воры, хотѣли къ амбарамъ да клѣткамъ подобраться, такъ я такой лай поднялъ, такъ зло на нихъ накинута, что куда ужъ было думать о чужомъ добрѣ, только бѣ самимъ уйти по добру по здорову! Такъ всю ночь и провозился!» Слышитъ охотникъ, что собака собакѣмъ сказываетъ, и держитъ у себя на умѣ; погоди, жена! приду домой — ужъ я тебѣ задамъ жару!

Вотъ пришелъ въ избу: «Здорово, хозяйка!» — «Здорово, хозяинъ!» — «Приходила вчера домой собака?» «Приходила». — «Что жъ ты ее накормила?» — «Накормила, родимой! дала ей цѣлую кринку молока и хлѣба покрошила». — «Врешь, старая вѣдьма! ты дала ей горѣлую корку, да кочергой прибила». Жена повинилась, и пристала къ мужу: скажи, да и скажи, какъ ты про все узналъ. «Не могу, отвѣчаетъ мужъ, не велѣно сказывать». — «Скажи, миленькой!» — «Право слово, не могу!» — «Скажи, голубчикъ!» — «Если скажу, такъ смертью помру». — «Ничего, только скажи, дружокъ!» Что станешь съ бабой дѣлать? хоть умри, да признавайся! «Ну, давай бѣлую рубаху», говоритъ мужъ. Надѣлъ бѣлую рубаху, легъ въ переднемъ углу подъ образа, совсѣмъ умирать приготовился, и собирается разсказать хозяйкѣ всю правду истинную. На ту пору вбѣжали въ избу куры, а за ними пѣтухъ, и сталъ гвоздить то ту, то другую, а самъ приговариваетъ: «Вотъ я съ

вами раздѣляюсь! вѣдь я не такой дуракъ, какъ нашъ хозяинъ, что съ одной женой не справится! У меня вѣсть тридцать и больше того, а захочу — до всѣхъ доберусь!» Какъ услыхалъ эти рѣчи охотникъ, не захотѣлъ быть въ дуракахъ, вскочилъ съ лавки, и давай учить жену плёткою. Присмирѣла она, полно приставать да спрашивать!

140

Хитрая наука

Жили себѣ дѣдъ да баба; былъ у нихъ сынъ. Старикъ-то былъ бѣдный; хотѣлось ему оддать сына въ науку, чтобъ смолоду былъ родителямъ своимъ на утѣху, подъ старость на перемѣну, а по смерти на поминъ души; да что станешь дѣлать, коли достатку нѣтъ! Водилъ онъ его, водилъ по городамъ — авось возьметъ кто въ ученье; нѣтъ, никто не взялся учить безъ денегъ. Воротился старикъ домой, поплакалъ-поплакалъ съ бабою, потужилъ-погоревалъ о своей бѣдности, и опять повелъ сына въ городъ. Только пришли они въ городъ, попадается имъ навстрѣчу человѣкъ, и спрашиваетъ дѣда: «Что, старичокъ, пригорюнился?» — «Какъ мнѣ не пригорюниться! сказалъ дѣдъ: вотъ водилъ-водилъ сына, никто не беретъ безъ денегъ въ науку, а денегъ нѣтути!» — «Ну, такъ отдай его мнѣ, говорить встрѣчной; я его въ три года выучу всѣмъ хитростямъ. А черезъ три года, въ этотъ самый день, въ этотъ самый часъ, приходи за сыномъ; да смотри: коли не просрочишь — придешь вб-ремя да узнаешь своего сына — — возьмешь его назадъ; а коли нѣтъ, такъ оставаться ему у меня». Дѣдъ такъ обрадовался, и не спросилъ: кто такой встрѣчной, гдѣ живетъ и чему учить станетъ малаго? отдалъ ему сына и пошелъ домой. Пришелъ

домой въ радости, разсказаль обо всемъ бабѣ; а встрѣчной-то былъ колдунъ.

Вотъ прошли три года, а старикъ совсѣмъ позабылъ, въ какой день отдалъ сына въ науку, и не знаетъ, какъ ему быть. А сынъ за день до срока прилетѣлъ къ нему малою птичкою, хлопнулся о завалинку и вошелъ въ избу добрымъ мѡлодцемъ: поклонился отцу и говорить: завтра де сровняется какъ разъ три года, надо за нимъ приходить; и разсказаль, куда за нимъ приходить и какъ его узнавать. «У хозяина моего не я одинъ въ наукѣ; есть, говорить, еще одиннадцать работниковъ, навсегда при немъ остались — оттого, что родители не смогли ихъ признать; и только ты меня не признаешь, такъ и я останусь при немъ двѣнадцатымъ. Завтра, какъ придѣшь ты за мною, хозяинъ всѣхъ насъ двѣнадцать выпустить бѣлыми голубями — перо въ перо, хвостъ въ хвостъ и голова въ голову ровны. Вотъ ты и смотри: всѣ высоко стануть летать, а я нѣтъ-нѣтъ, да возьму повыше всѣхъ. Хозяинъ спросить: узналъ ли своего сына? ты и покажь на того голубя, что повыше всѣхъ. Послѣ выведетъ онъ къ тебѣ двѣнадцать жеребцовъ — всѣ одной масти, гривы на одну сторону, собой ровны; какъ станешь проходить мимо тѣхъ жеребцовъ, хорошенько примѣчай: я нѣтъ-нѣтъ, да правой ногою и топну. Хозяинъ опять спросить: узналъ своего сына? ты смѣло показывай на меня. Послѣ того выведетъ къ тебѣ двѣнадцать добрыхъ мѡлодцевъ — ростъ въ ростъ, волосъ въ волосъ, голосъ въ голосъ, всѣ на одно лицо, и одѣжей ровны. Какъ станешь проходить мимо тѣхъ мѡлодцевъ, примѣчай-ка: на правую щеку ко мнѣ нѣтъ-нѣтъ, да и сядетъ малая мушка. Хозяинъ опять-таки спросить: узналъ ли своего сына? ты и покажь на меня».

Разсказаль все это, распростился съ отцомъ и пошелъ изъ дому, хлопнулся о завалинку, сдѣлался птичкою

и улетѣлъ къ хозяину. Поутру дѣдъ всталъ, собрался и пошелъ за сыномъ. Приходитъ къ колдуну. «Ну, старикъ! говоритъ колдунъ: выучилъ твоего сына всѣмъ хитростямъ. Только если не признаешь его, оставаться ему при мнѣ на вѣки вѣчные». Послѣ того выпустилъ онъ двѣнадцать бѣлыхъ голубей — перо въ перо, хвостъ въ хвостъ, голова въ голову ровны, и говоритъ: «Узнавай, старикъ, своего сына!» — «Какъ узнавать-то, ишь всѣ ровны!» Смотрѣлъ-смотрѣлъ, да какъ поднялся одинъ голубь повыше всѣхъ, указалъ на того голубя: «Кажись, это мой!» — «Узналъ, узналъ, дѣдушка!» рассказываетъ колдунъ. Въ другой разъ выпустилъ онъ двѣнадцать жеребцовъ — всѣ какъ одинъ, и гривы на одну сторону. Сталъ дѣдъ ходить вокругъ жеребцовъ да приглядываться, а хозяинъ спрашиваетъ: «Ну что, дѣдушка! узналъ своего сына?» — «Нѣтъ еще, погоди маленько»; да какъ увидалъ, что одинъ жеребецъ топнулъ правою ногою, сейчасъ показалъ на него: «Кажись, это мой!» — «Узналъ, узналъ, дѣдушка!» Въ третій разъ вышли двѣнадцать добрыхъ молодцевъ — ростъ въ ростъ, волосъ въ волосъ, голосъ въ голосъ, всѣ на одно лицо, словно одна мать родила. Дѣдъ разъ прошелъ мимо молодцевъ — ничего не запримѣтилъ, въ другой прошелъ — тожъ ничего, а какъ проходилъ въ третій разъ — увидалъ у одного молодца на правой щекѣ муху, и говоритъ: «Кажись, это мой!» — «Узналъ, узналъ, дѣдушка!» Вотъ, дѣлать нечего, отдалъ колдунъ старику сына, и пошли они себѣ домой.

Шли-шли, и видятъ: ѣдетъ по дорогѣ какой-то баринъ. «Батюшка, говоритъ сынъ: я сейчасъ сдѣлаюсь собачкою; баринъ станетъ покупать меня, ты меня-то продай, а ошейника не продавай; не то я къ тебѣ назадъ не ворочусь!» Сказалъ такъ-то, да въ ту жъ минуту ударился ѡземъ и оборотился собачкою.

Баринъ увидалъ, что старикъ ведетъ собачку, зачалъ ее торговать: не такъ ему собачка показалася, какъ ошейникъ хорошъ. Баринъ даетъ за нее сто рублей, а дѣдъ просить триста; торговались-торговались, и купилъ баринъ собачку за двѣсти рублей. Только сталъ было дѣдъ снимать ошейникъ, куда! баринъ и слышать про то хочетъ, упирается. «Я ошейника не продавалъ, говорить дѣдъ: я продалъ одну совачку». А баринъ: «нѣтъ, врѣшь! кто купилъ, собачку, тотъ купилъ и шейникъ». Дѣдъ подумалъ-подумалъ (вить и впрямь безъ ошейника нельзя купить собаку!) и отдалъ ее съ ошейникомъ. Баринъ взялъ и посадилъ собачку къ себѣ, а дѣдъ забралъ деньги и пошелъ домой.

Вотъ баринъ ѣдетъ себѣ да ѣдетъ, вдругъ — откуда ни возмись — бѣжитъ навстрѣчу заяцъ. «Что, думаетъ баринъ: али выпустить собачку за зайцемъ, да посмотрѣть ея прыти?» Только выпустилъ, смотрить: заяцъ бѣжитъ въ одну сторону, собака въ другую — и убѣжала въ лѣсъ. Ждалъ-ждалъ ее баринъ, не дождался и поѣхалъ не при чемъ. А собачка оборотилась добрымъ мѣлодцемъ. Дѣдъ идетъ дорогою, идетъ широкою, и думаетъ: какъ домой глаза-то показать, какъ старухѣ сказать, куда сына дѣвалъ? А сынъ ужъ нагналъ его: «Эхъ, батюшка! говорить, зачѣмъ съ ошейникомъ продавалъ? Ну, не повстрѣчай мы зайца, я бъ не воротился, такъ бы и пропалъ ни за што!»

Воротились они домой и живутъ себѣ помаленьку. Много ли, мало ли прошло времени, въ одно воскресенье говорить сынъ отцу: «Батюшка, я обернусь птичкою, понеси меня на базаръ и продай; только клѣтки не продавай, не то домой не ворочусь». Ударился ѡземъ, сдѣлался птичкою; старикъ посадилъ ее въ

клѣтку и понёсъ продавать. Обступили старика люди, на перебой начали торговать птичку: такъ она всёмъ показалася! Пришелъ и колдунъ, тотчасъ призналъ дѣда и догадался, что у него за птица въ клѣткѣ сидитъ. Тотъ даетъ дорого, другой даетъ дорого, а онъ дороже всёхъ; продалъ ему старикъ птичку, а клѣтку не отдаетъ; колдунъ туда-сюда, бился съ нимъ бился, ничего не беретъ! Взялъ одну птичку, завернулъ въ платокъ и понёсъ домой. «Ну, дочка, говоритъ дома: я купилъ нашего шельмеца!» — «Гдѣ же онъ?» Колдунъ распахнулъ платокъ, а птички давно нѣтъ; улетѣла сердешная!

Насталъ опять воскресный день. Говоритъ сынъ отцу: «Батюшка! я обернусь нынче лошадыю; смотри же, лошадь продавай, а уздечки не моги продавать; не то домой не ворочусь». Хлопнулся о сырую землю и сдѣлался лошадыю: повелъ ее дѣдъ на базаръ продавать. Обступили старика торговые люди, все барышники: тотъ даетъ дорого, другой даетъ дорого, а колдунъ дороже всёхъ. Дѣдъ продалъ ему сына, а уздечки не отдаетъ. «Да какъ же я поведу лошадь-то? спрашиваетъ колдунъ; дай хоть до двора довести, а тамъ, пожалуй, — бери свою узду: мнѣ она не въ корысть!» Тутъ всё барышники на дѣда накинулись: такъ де не водится! продалъ лошадь — продалъ и узду. Что съ ними подѣлаешь? отдалъ дѣдъ уздечку. Колдунъ привелъ коня на свой дворъ, поставилъ въ конюшню, накрѣпко привязалъ къ кольцу и высоко притянулъ ему голову: стоитъ конь на однихъ заднихъ ногахъ, переднія до земли не хватаютъ. «Ну, дочка, сказывается опять колдунъ: вотъ когда купилъ, такъ купилъ нашего шельмеца». — «Гдѣ же онъ?» — «На конюшнѣ стоитъ». Дочь побѣжала смотрѣть; жалко ей стало дѣла молодца, захотѣла подлиннѣй отпустить поводъ, стала рас-

путывать, да развязывать, а конь тѣмъ временемъ вырвался и пошелъ вѣрсты отсчитывать. Бросилась дочь къ отцу: «Батюшка, говоритъ, прости! грѣхъ меня попуталъ, конь убѣжалъ!» Колдунъ хлопнулся о сырую землю, сдѣлался сѣрымъ волкомъ и пустился въ погоню: вотъ близко, вотъ нагонить! Конь прибѣжалъ къ рѣкѣ, ударился бземъ, оборотился ершомъ и бултыхъ въ воду, а волкъ за нимъ щукою. Ершъ бѣжалъ-бѣжалъ водою, добрался къ плотамъ, гдѣ красныя дѣвицы бѣлье моютъ, перекинулся золотымъ кольцомъ и подкатился купеческой дочери подъ ноги. Купеческая дочь подхватила колечко и спрятала. А колдунъ сдѣлался попрежнему человѣкомъ: «Отдай, пристаешь къ ней, мое золотое колечко». — «Бери», говоритъ дѣвица, и бросила кольцо наземъ. Какъ ударилося оно, въ ту жъ минуту разсыпалось мелкими зернами. Колдунъ обернулся пѣтухомъ и бросился клевать; пока клевалъ — одно зерно обернулось ястребомъ, и плохо пришлось пѣтуху: задралъ его ястребъ! Тѣмъ сказкѣ конецъ, а мнѣ водочки корецъ.

Записана въ Бобровскомъ у., Воронежской губ.

141

Диво

Жиль-быль рыбакъ. Разъ поѣхалъ онъ на озеро, закинулъ сѣть и вытащилъ щуку; вылѣзъ на берегъ, развелъ огонёкъ и началъ эту щуку поджаривать: одинъ бокъ поджарилъ, поворотилъ на другой. Вотъ и совсѣмъ готово — только бы съѣсть, а щука какъ прыгнетъ съ огня да прямо въ озеро. «Вотъ диво, говоритъ рыбакъ: жареная рыба опять въ воду ушла . . .» — «Нѣтъ, мужичокъ! отзывается ему щука человѣчьимъ голосомъ; это что за диво! вотъ въ эдакой-то деревнѣ

живетъ охотникъ, такъ съ нимъ точно было диво: сходи къ нему, онъ самъ тебѣ скажетъ». Рыбакъ пошелъ въ деревню, розыскалъ охотника, поклонился ему: «Здравствуй, доброй человѣкъ!» — «Здравствуй, землякъ! зачѣмъ пришелъ?» — «Да вотъ такъ и эдакъ, Расскажи: какое съ тобою диво было!» — «Слушай, землякъ! Было у меня три сына, и ходилъ я съ ними на охоту. Разъ мы цѣлой день охотились и убили три утки; ввечеру пришли въ лѣсъ, развели огонь, ощипали и стали варить ихъ къ ужину; сварили и усѣлись было за трапезу. Вдругъ старикъ идетъ: хлѣбъ-соль, мѣлодцы! — Милости просимъ, старичокъ! Старикъ подсеѣлъ, всѣхъ утокъ сѣѣлъ, да на закуску старшаго сына моего проглотилъ. Остался я съ двумя сыновьями. На другой день встали мы поутруи пошли на охоту; цѣлой день исходили, трехъ утокъ убили, а ввечеру развели въ лѣсу огонѣкъ и готовимъ ужинъ. Опять старикъ идетъ: хлѣбъ-соль, мѣлодцы! — Милости просимъ, старичокъ! Онъ сѣѣлъ, всѣхъ утокъ сѣѣлъ, да середнимъ сыномъ закусилъ. Остался я съ однимъ сыномъ; вернулись домой, переспали ночь, а утромъ опять на охоту. Убили мы трехъ утокъ, развели огонѣкъ, живо сварили ихъ и только было ужинать собрались, какъ тотъ же самой старикъ идетъ: хлѣбъ-соль, мѣлодцы! — Милости просимъ, старичокъ! Онъ сѣѣлъ, всѣхъ утокъ сѣѣлъ, да меньшимъ сыномъ закусилъ. Остался я одинъ, какъ пѣрестъ; переночевалъ ночь въ лѣсу, на другой день сталъ охотиться и столько настрѣлялъ птицы, что едва домой дотащилъ. Прихожу въ избу, а сыновья мои лежатъ на полатахъ — всѣ трое живы и здоровы!» Рыбакъ выслушалъ и говорить: «Вотъ это диво, такъ диво!» — «Нѣтъ, землякъ! отвѣчаетъ охотникъ: это что за диво! вотъ въ такомъ-то селѣ у такого-то мужика такъ подлинно диво сотво-

рилося; пойдѣ къ нему, самъ узнаешь». Рыбакъ пошелъ въ село, разыскалъ этого мужика, поклонился ему: «Здравствуй, дядинька!» — «Здравствуй, землякъ! зачѣмъ пришелъ?» — «Такъ и такъ, Расскажи: какое съ тобой диво приключилося?»

— Слушай! говорить. Съ молодыхъ лѣтъ моихъ жилъ я съ женою, и что же? Завела она полюбовника. Мнѣ-то самому и невдомѣкъ это, да люди сказали. Вотъ одинъ разъ собрался я въ лѣсъ за дровами, запрѣгъ лошадь, выѣхалъ за околицу; постоялъ съ полчаса времени, вернулся потихоньку и спрятался на дворѣ. Какъ стемнѣло, слышу я, что моя хозяйка съ своимъ другомъ въ избѣ гуляетъ; побѣждалъ въ избу, и только было хотѣлъ проучить жену маленько, а она ухватила палку, ударила меня по спинѣ и сказала: «Доселева былъ ты мужикъ, а теперь стань чѣрнымъ кобелемъ!» Въ ту жъ минуту обернулся я собакою; взяла она хватъ и давай меня возить по бокамъ; била-била, и выгнала вонъ. Выбѣжалъ я на улицу, сѣлъ на завалинку и думаю: авось жена опомнится да сдѣлаетъ меня по-старому человѣкомъ. Куда тебѣ! сколько ни тѣрся я около избы, не могъ дождаться отъ злой бабы милости. Бывало — откроетъ окно да горячимъ кипяткомъ такъ и обдастъ всего, да все норовить, какъ бы въ глаза попасть! а кормить совсѣмъ не кормить, хотъ съ голову околѣвай! Нечего дѣлать, побѣждалъ я въ чистое поле; вижу — мужикъ стадо быковъ пасетъ. Присталъ я къ этому стаду, началъ за быками ходить: которой отъ стада отобьется — я сейчасъ пригоню; а волкамъ отъ меня просто житья не стало — ни одного не подпущу. Увидаль мужикъ мое стараніе, началъ меня кормить и поить, и такъ онъ на меня положился, что не сталъ и за стадомъ ходить: заберется, бывало, въ деревню и гуляетъ себѣ сколько хочется. Говорить

ему какъ-то баринъ: «Послушай, пастухъ! ты все гуляешь, а скотъ одинъ въ полѣ ходить; эдакъ не годится! Пожалуй, воръ прійдетъ, быковъ уведетъ». — «Нѣтъ, баринъ! я на своего пса крѣпко надѣюсь; никого не подпустить». — «Разсказывай! хочешь, я сейчасъ любого быка уведу?» — «Нѣтъ, не уведешь!» Поспорили они, ударились объ закладъ о трехстахъ рубляхъ, и отдали деньги за руки. Баринъ пошелъ въ поле и только за быка — какъ я кинуся, всю одѣжу на немъ въ клочки изорвалъ, такъ-таки и не подпустилъ его. Мой хозяинъ получилъ закладъ и съ той поры возлюбилъ меня цуще прежняго: иной разъ самъ не доѣстъ, а меня непременно накормить. Прожилъ я у него цѣлое лѣто и захотѣлъ домой побывать: «Посмотрю, думаю себѣ: не смилуется ли жена, не сдѣлаетъ ли опять человѣкомъ?» Прибѣжалъ къ избѣ, началъ въ дверь царапаться; выходитъ жена съ палкою, ударила меня по спинѣ и говоритъ: «Ну, бѣгалъ ты чѣрнымъ кобелемъ, а теперь полети дятломъ». Обернулся я дятломъ и полетѣлъ по лѣсамъ, по рощамъ. Пристигла холодная зима; ѣсть крѣпко хочется, а корму нѣтъ и достать негдѣ. Забрался я въ одинъ садъ, вижу — стоитъ на деревѣ птичья принада¹. «Дай полечу въ эту принаду; пусть меня ребятишки поймаютъ, авось кормить станутъ, да въ избѣ и теплѣй зимовать будетъ!» Вскочилъ въ западню, дверцы захлопнуло; взяли меня ребятишки, принесли къ отцу: «Посмотри, тятя, какого мы дятла поймали!» А ихній отецъ самъ былъ знахарь; тотчасъ узналъ, что я человѣкъ, не птица, вынулъ меня изъ клѣтки, посадилъ на ладонь, дунулъ на меня — и обернулся я попрежнему мужикомъ. Даетъ онъ мнѣ зеленой прутикъ и сказываетъ «Дождись, братъ, вечера и ступай домой, да какъ войдешь въ

¹) Приманка для птицъ, западня.

избу — ударь свою жену этимъ прутикомъ и скажи: была ты, жена, бабою, а теперь будь козою!» Взялъ я зеленой прутикъ, прихожу домой вечеромъ, потихоньку подкрался къ своей хозяйкѣ, ударилъ ее прутикомъ и говорю: «Была ты, жена, бабою, а теперь будь козою!» Въ ту жъ минуту сдѣлалась онъ козою; скрутилъ я ее за рога веревкою, привязалъ въ сараѣ и сталъ кормить ржаною соломою. Такъ цѣлой годъ и держалъ ее на соломѣ; а потомъ пошелъ къ знахарю: «Научи, землякъ, какъ обернуть мою козу бабою». Онъ далъ мнѣ другой прутикъ: «На, братъ! ударь ее этимъ прутикомъ и скажи: была ты козою, а теперь стань бабою!» Я воротился домой, ударилъ мою козу прутикомъ: «Была ты, говорю, козою, а теперь стань бабою!» Обернулась коза бабою; тутъ хозяйка моя бросилась мнѣ въ ноги, стала плакать, просить прощенія, заклалась-забожилась жить со мною по-Божьему. Съ тѣхъ поръ живемъ мы съ нею благополучно въ любви и согласіи». «Спасибо, сказалъ рыбакъ, это подлинно диво-дивное!»

142

Диво-дивное, чудо-чудное

Жилъ-былъ богатой купецъ съ купчихою; торговалъ дорогими и знатными товарами и каждой годъ ѣздилъ съ ними по чужимъ государствамъ. Въ нѣкое время снарядилъ онъ корабль, сталъ собираться въ дорогу, и спрашиваетъ жену: «Скажи, радость моя, что тебѣ изъ иныхъ земель въ гостинецъ привезти?» Отвѣчаетъ купчиха: «Я у тебя всею довольна; всего у меня много! а коли угодить да потѣшить хочешь, купи мнѣ диво-дивное, чудо-чудное». — «Хорошо: коли найду — куплю». Поплылъ купецъ за тридевять земель

въ тридесятое царство, присталъ къ великому, богатому городу, распродалъ всё свои товары, а новые закупилъ, корабль нагрузилъ; идетъ по городу, и думаетъ: гдѣ бы мнѣ найти диво-дивное, чудо-чудное? Попался ему навстрѣчу незнакомой старичокъ, спрашиваетъ его: «Что такъ призадумался, раскручинился, доброй молодецъ?» — «Какъ мнѣ не кручиниться! отвѣчаетъ купецъ: ищу я купить своей женѣ диво-дивное, чудо-чудное, да не вѣдаю — гдѣ». — «Эхъ, ты давно бы мнѣ сказать! Пойдемъ со мной; у меня есть диво-дивное, чудо-чудное — такъ и быть, продамъ». Пошли вмѣстѣ: старичокъ привелъ купца въ свой домъ и говоритъ: «Видишь ли — вонъ на дворѣ у меня гусь ходитъ?» — «Вижу». — «Такъ смотри же, что съ нимъ будетъ . . . Эй, гусь, поди сюды!» Гусь пришелъ въ горницу. Старичокъ взялъ сковороду и опять приказываетъ: «Эй, гусь, ложись на сковороду!» Гусь легъ на сковороду; старичокъ поставилъ ее въ печь, изжарилъ гуся, вынулъ и поставилъ на столъ. «Ну, купецъ, доброй молодецъ! садись, закусимъ; только костей подъ столъ не кидай, всё въ одну кучку собирай». Вотъ они за столъ сѣли, да вдвоемъ цѣлаго гуся и сѣли. Старичокъ взялъ оглоданныя кости, завернулъ въ скатерть, бросилъ на полъ и молвилъ: «Гусь! встань, встрепенись и поди на дворъ». Гусь всталъ, встрепенулся и пошелъ на дворъ, словно и въ печи не бывалъ! «Подлинно, хозяинъ, у тебя диво-дивное, чудо-чудное!» сказалъ купецъ, сталъ торговать у него гуся и сторговалъ за дорогія деньги. Взялъ съ собой гуся на корабль и поплылъ въ свою землю. Приѣхалъ домой, поздоровался съ женой, отдаетъ ей гуся и сказываетъ, что съ той птицею хотъ всякой день некупленное жаркое ѣшь! «Зажарь ее — она опять оживетъ!» На другой день купецъ пошелъ

въ лавки, а къ купчихѣ полюбовникъ прибѣжалъ. Такому гостю, другу сердечному, она куды какъ рада! Вздумала угостить его жаренымъ гусемъ, высунулась въ окно и закричала: «Гусь, подь сюды!» Гусь пришелъ въ горницу. «Гусь, ложись на сковороду!» Гусь не слушаетъ, не идетъ на сковороду; купчиха осердилась и ударила его сковородникомъ — и въ ту жъ минуту однимъ концомъ сковородникъ прильнулъ къ гусю, а другимъ къ купцовой женѣ, и такъ плотно прильнулъ, что никакъ оторваться нельзя! «Ахъ, миленькой дружокъ! закричала купчиха: оторви меня отъ сковородника; видно, этотъ проклятой гусь заворожень!» Полюбовникъ обхватилъ купчиху обѣими руками, хотѣлъ было отъ сковородника оторвать, да и самъ прильнулъ . . . Гусь выбѣжалъ на дворъ, на улицу, и потащилъ ихъ къ лавкамъ. Увидали приказчики, бросились разнимать; только кто до нихъ ни дотронется — такъ и прилипнетъ! Сбѣжался народъ на то диво смотрѣть, вышелъ и купецъ изъ лавки, видитъ — дѣлотно не ладно: что за друзья у жены проявились? «Признавайся, говорить, во всемъ; не то на вѣкъ такъ, сольнувшись, останешься!» Нечего дѣлать, повинилась купчиха; купецъ взялъ тогда — рѣзнялъ ихъ, полюбовнику шею накостилялъ, а жену домой отвелъ да изрядно поучилъ, приговаривая: «Вотъ тебѣ диво-дивное! вотъ тебѣ чудо-чудное!»

Записана въ Архангельской губ.

143

Счастливое дитя

Жилъ-былъ именитый купецъ съ купчихою — всякаго добра много, а дѣтей нѣту. Стали они Богу молиться, чтобы далъ имъ дѣтище — въ молодыхъ лѣтахъ на утѣху, въ старости на подмогу, а по смерти на поминъ

души; стали они нищую братію кормить, милостыней одѣлять; а сверхъ того надумались, на пользу всего люда православнаго, построить длинной мостъ черезъ топи-болота непроходимыя. Много купецъ казны издержалъ, а мостъ построилъ, и какъ работы окончились, посылаетъ онъ своего приказчика Ѳедора: «Подди-ка, сядь подъ мостъ, да послушай, что будутъ люди про меня сказывать: будутъ ли благословлять, или корить стануть?» Ѳедоръ пошелъ, сѣлъ подъ мостъ, и слушаетъ. Идутъ по мосту три святыхъ старца и говорятъ промежъ себя: «Чѣмъ наградить того, кто этотъ мостъ построилъ? Пусть у него народится счастливый сынъ: что ни скажетъ — то и сбудется, чего ни пожелаетъ — то и дастъ Господь!» Выслушалъ приказчикъ и вернулся домой. «Ну что, Ѳедоръ, не слыхалъ ли чего?» спрашиваетъ купецъ. «Нѣтъ, ничего не слыхалъ». Въ скоромъ времени отяжелѣла купчиха и родила мальчика; окрестили его и положили въ люльку. Приказчикъ позавидовалъ чужому счастью: въ глухую полночь, какъ всѣ въ домѣ крѣпко заснули, поймалъ голубя, зарѣзалъ его и замаралъ кровью постель, руки и уста родильницы; а ребенка укралъ и отдалъ на сторону выкормить. На утро хватились отецъ съ матерью, гдѣ ихъ ребенокъ? нѣтъ нигдѣ; а приказчикъ началъ доказывать: «Мать де сама его съѣла; вишь и руки и уста въ крови!» Купецъ взялъ свою жену и посадилъ въ темницу. Прошло нѣсколько лѣтъ, сынокъ ихъ подросъ, сталъ бѣгать и говорить. Ѳедоръ бросилъ купца, поселился на взморьи, и мальчика съ собой взялъ; что только ему на умъ взбредеть, онъ приказываетъ этому мальчику: «Пожелай де то-то и то-то!» — и тотчасъ все готово. Говоритъ онъ однажды: «А ну, малой, проси у Бога, чтобъ здѣсь новое царство стало, чтобъ отъ самага этого мѣста до дворца

государева хрустальной мостъ повисъ черезъ море, и чтобъ царевна за меня замужъ вышла». Мальчикъ попросилъ у Бога — и тотчасъ повисъ черезъ все море хрустальной мостъ, и явился богатой, знатной городъ съ бѣлокаменными палатами, церквами и царскими теремами. На другой день, проснувшись, смотреть царь изъ окошечка, увидалъ хрустальной мостъ и спрашиваетъ: «Кто эдакое чудо построилъ?» Докладываютъ ему, что Оедоръ. «Если онъ такъ хитѣрь, сказалъ царь: то отдамъ за него свою царевну замужъ!» Скоро дѣло сладилось, обвинчали Оедора съ царвною, и сталъ онъ въ новомъ городѣ царствовать, да мальчикомъ помыкать; держать его у себя за работника, бьетъ и ругается всячески, иной разъ и куска хлѣба пожалѣть дать. Вотъ какъ-то лежить Оедоръ съ женой на постелѣ, да промежъ себя разговариваютъ; а мальчикъ въ темной уголъ забился и горько-горько плачетъ. Спрашиваетъ царевна своего мужа: «Скажи, пожалуйста, откуда у тебя это богатство взялося? вѣдь прежде ты былъ простымъ приказчикомъ». — «И богатство мое, и сила — все отъ этого мальчика, что я у купца унёсъ». — «Какъ такъ?» — «Жилъ я у такого-то купца въ приказчикахъ, и было ему обѣщано, что народится у него сынъ, да не простой, а такой счастливой — что ни скажетъ, то и сбудется, чего ни пожелаетъ, то и дастъ Господь. Вотъ какъ ребенокъ родился, я его и скралъ; а чтобъ про то не провѣдали, наговорилъ на купчиху: будто сама свое дѣтище съѣла». Мальчикъ подслушалъ эти рѣчи, вышелъ изъ угла и сказалъ: «По моему прошенью, по Божьему изволенью будь ты, негодяй, собакою!» Въ ту жъ минуту Оедоръ обернулся собакою; мальчикъ надѣлъ ему на шею желѣзную цѣпь и повелъ къ своему отцу. Приходить и говорить ему: «Доброй человѣкъ! дай мнѣ горячихъ угольевъ». — «На что

тебѣ?» — «Да вотъ надо пса покормить». — «Что ты? Богъ съ тобой! отвѣчаетъ купецъ: гдѣ это видано, чтобъ собаки горячимъ угольемъ питались?» — «А гдѣ видано, чтобъ мать могла съѣсть свое родное дѣтище? Узнавай, батюшка! я твой сынъ, а вотъ этотъ пёсъ — твой старый приказчикъ Ѳедоръ, что меня упёсъ да на мать наклепалъ». Купецъ спросилъ про все подробно, освободилъ жену изъ темницы, и потомъ всё они вмѣстѣ переѣхали жить въ новое царство, которое еще прежде, по желанью купеческаго сына, явилось на взморьи; царевна къ своему отцу уѣхала, а Ѳедоръ до самой смерти такъ и остался поганымъ псомъ.

144

Кладъ

Въ нѣкоемъ царствѣ жилъ-былъ старикъ со старухою у великой бѣдности. Ни много, ни мало прошло времени — померла старуха. На дворѣ зима стояла лютая, морозная. Пошелъ старикъ по сусѣдямъ да по знакомымъ, просить, чтобъ пособили ему вырыть для старухи могилу; только и сусѣди, и знакомые, знаячи его великую бѣдность, всё начисто отказали. Пошелъ старикъ къ попу, а у нихъ на селѣ былъ попъ куды жадной, несовѣстливой! «Потрудись, говорить, батюшка! старуху похоронить». — «А есть ли у тебя деньги, чѣмъ за похороны заплатить? Давай, свѣтъ, впередъ!» — «Передъ тобой нечего грѣха таить: нѣтъ у меня въ домѣ ни единой копейки! Обожди маленько, заработаю — съ лихвой заплачу, право слово — заплачу!» Попъ не захотѣлъ и рѣчей стариковыхъ слушать: «Если нѣтъ денегъ, не смѣй и ходить сюда!» — «Что дѣлать? думаетъ старикъ: пойду на кладбище, вырою коѣ-какъ могилу и похороню самъ старуху». Вотъ

онъ захватилъ топоръ да лопату и пошелъ на кладбище; пришелъ и зачалъ могилу готовить: срубилъ сверху мёрзлую землю топоромъ, а тамъ и за лопату взялся, копаль-копаль, и выкопаль котелокъ, глянулъ — а онъ полнѣхонько червонцами насыпанъ, какъ жаръ блестять! Крѣпко старикъ возрадовался: «Слава тебѣ, Господи! будетъ на что и похоронить и помянуть старуху». Не сталъ больше могилу рыть, взялъ котелокъ съ золотомъ и понёсъ домой. Ну, съ деньгами знѣмое дѣло — все пошло какъ по маслу! Тотчасъ нашлись добрые люди: и могилу вырыли, и гробъ смастерили; старикъ послалъ невѣстку купить вина и кушаньевъ и закусокъ разныхъ — всего, какъ должно быть на поминкахъ, а самъ взялъ червонецъ въ руку и потащился опять къ попу. Только въ двери, а попъ на него: «Сказано тебѣ толкомъ, старый хрѣнъ, чтобъ безъ денегъ не приходилъ, а ты опять лѣзешь!» — «Не серчай, батюшка! просить его старикъ: вотъ тебѣ золотой — похорони мою старуху, вѣкъ не забуду твоей милости!» Попъ взялъ деньги, и не знаетъ, какъ старика принять-то, гдѣ посадить, какими рѣчами умилишь: «Ну, старичокъ! будь въ надѣжѣ, все будетъ едѣлано». Старикъ поклонился и пошелъ домой, а попъ съ попадьею сталъ про него разговаривать: «Вишь, старой чортъ! говорятъ: бѣденъ, бѣденъ! а онъ золотой отвалилъ. Много на своемъ вѣку схоронилъ я имени-тыхъ покойниковъ, а столько ни отъ кого не получалъ . . .» Собрался попъ со всѣмъ причетомъ, и похоронилъ старуху, какъ слѣдуетъ. Послѣ похоронъ просить его старикъ къ себѣ помянуть покойницу. Вотъ пришли въ избу, сѣли за столъ, и откуда что явилось — и вино-то, и кушанья, и закуски разныя, всего вдоволь! Гость сидитъ, за троихъ обжирается, на чужое добро зазирается. Отобѣдали гости и стали

по своимъ домамъ расходиться; вотъ и попъ поднялся. Пошелъ старикъ его провожать, и только вышли на дворъ — попъ видитъ, что со стороны никого больше нѣту, и началъ старика допрашивать: «Послушай, свѣтъ! покайся мнѣ, не оставляй на душѣ ни единого грѣха — все равно какъ передъ Богомъ, такъ и передо мною; отчего такъ скоро сумѣлъ ты поправиться? Былъ ты — мужикъ скудной, а теперь нà поди! откуда что взялось! Покайся-ка, свѣтъ! чью загубилъ ты душу, кого обобралъ?» — «Что ты, батюшка! Истинною правдою признаюсь тебѣ: я не кралъ, не грабилъ, не убивалъ никого; кладъ самъ въ руки дался!» И рассказалъ, какъ все дѣло было. Какъ услышалъ эти рѣчи попъ, ажно затрѣсся отъ жадности; воротился домой, ничего не дѣлаетъ — и день и ночь думаетъ: «Такой ледащій мужичишка и получилъ эдакую силу денегъ! какъ бы теперь ухитриться да отжилить у него котелокъ съ золотомъ?» Сказалъ про то попадѣ; стали вдвоемъ совѣтъ держать, и присовѣтовали. «Слушай, матка! вѣдь у насъ козелъ есть?» — «Есть». — «Ну, ладно! дождемся ночи и обработаемъ дѣло какъ надо». Вечеромъ поздно притащилъ попъ въ избѣ козла, зарѣзалъ и содралъ съ него шкуру — совѣмъ и съ рогами и съ бородой; тотчасъ натянулъ козлиную шкуру на себя, и говоритъ попадѣ: «Бери, матка, иглу съ ниткою; закрѣпи кругомъ шкуру, чтобъ не свалилась». Попадья взяла толстую иглу да суровую нитку и обшила его козлиною шкурою. Вотъ въ самую глухую полночь пошелъ попъ прямо къ стариковой избѣ, подошелъ подъ окно, и ну стучать да царапаться. Старикъ услыхалъ шумъ, вскочилъ и спрашиваетъ: «Кто тамъ?» — «Чортъ! . . .» — «Наше мѣсто свято!» завопилъ мужикъ и началъ крестъ творить да молитвы читать. «Слушай, старикъ! говоритъ попъ: отъ меня,

хоть молись, хоть крестись, не избавишься; отдай-ка лучше мой котелокъ съ деньгами; не то я съ тобой раздѣлаюся! Ипъ, я надъ твоимъ горемъ сжалился, кладъ тебѣ показалъ — думалъ: немного возьмешь на похороны, а ты все цѣликомъ и заграбилъ!» Глянулъ старикъ въ окно — торчатъ козлиные рога съ бородою: какъ ссть нечистой! «Ну его совѣмъ и съ деньгами-то! думаетъ старикъ: напередъ того безъ денегъ жить, и опосля безъ нихъ проживу!» Досталъ котелокъ съ золотомъ, вынесъ на улицу, бросилъ нѣземь, а самъ въ избу поскорѣе. Попъ подхватилъ котѣль съ деньгами и припустилъ домой. Воротился: «Ну, говоритъ, деньги въ нашихъ рукахъ! Нѣ, matka, спрячь подальше, да бери острой ножъ, рѣжь нитки да снимай съ меня козлиную шкуру, пока никто не видалъ». Попадья взяла ножъ, стала было по шву нитки рѣзать — какъ польѣтся кровь, какъ заорѣтъ онъ: «Matka! больно, не рѣжь; matka! больно, не рѣжь». Начнетъ она пороть въ иномъ мѣстѣ — то же самое! кругомъ къ тѣлу приросла козлиная шкура. Ужъ чего они ни дѣлали, чего ни пробовали, и деньги старику назадъ отнесли — нѣтъ, ничего не помогло; такъ и осталась на попѣ козлиная шкура. Знамо, Господь покаралъ за великую жадность!

145

Скорый гонецъ

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ были болота непроходимыя; кругомъ ихъ шла дорога окольная: скоро ѣхать тою дорогою — три года понадобится, а тихо ѣхать — и пяти мало! Возлѣ самой дороги жилъ убогой старикъ; у него было три сына: перваго звали Иванъ, второго — Василій, а третьяго — Семёнъ-малой юнышъ. Вздумалъ убогой расчислить

эти болота, проложить тутъ дорогу прямохожую-прямо-
ѣзжую и наместить мосты калиновые, чтобы пѣшему
можно было пройти въ три недѣли, а конному въ трое
сутокъ проѣхать. Принялся за работу вмѣстѣ съ сво-
ими дѣтьми, и не по маломъ времени все было испра-
влено; намощены мосты калиновые, и расчищена дорога
прямохожая-прямоѣзжая. Воротился убогой въ свою
избушку и говорить старшему сыну Ивану: «Поди-ка
ты, мой любезной сынъ, сядь подъ мостомъ и послушай:
что про насъ будутъ добрые люди говорить — добро
или худо?» По родительскому приказанію пошелъ
Иванъ и сѣлъ въ скрытномъ мѣстѣ подъ мостомъ.
Идутъ по тому мосту калиновому два старца и говорятъ
промежъ себя: «Кто этотъ мостъ мостилъ да дорогу
расчищалъ — чего бы онъ у Господа ни попросилъ,
то бы ему Господь и даровалъ!» Иванъ какъ скоро
услыхалъ эти слова, тотчасъ вышелъ изъ-подъ моста
калиноваго: «Этотъ мостъ, говоритъ, мостилъ я съ
отцомъ да съ братьями». — «Чего же ты просишь у
Господа?» спрашиваютъ старцы. «Вотъ кабы Господь
далъ мнѣ денегъ навѣкъ!» — «Хорошо, ступай въ
чистое поле: въ чистомъ полѣ есть сырой дубъ, подъ
тѣмъ дубомъ глубокой погребъ, въ томъ погребѣ мно-
жество и злата и сѣребра, и каменья драгоцѣннаго.
Возьми лопату и рой — дастъ тебѣ Господь денегъ на
цѣлой вѣкъ!» Иванъ пошелъ въ чистое поле, вырылъ
подъ дубомъ много и злата, и сѣребра, и каменья драго-
цѣннаго, и понёсъ домой. «Ну, сынокъ! спрашиваетъ
убогий: видѣлъ ли кого, что бы шелъ али ѣхалъ по
мосту, и что про насъ люди говорятъ?» Иванъ раз-
сказалъ отцу, что видѣлъ двухъ старцевъ и чѣмъ они
его наградили на цѣлой вѣкъ.

На другой день посылаетъ убогой середняго сына
Василія. Пошелъ Василій, сѣлъ подъ мостомъ ка-

линовымъ и слушаетъ. Идутъ по мосту два старца, поровнялись супротивъ того мѣста, гдѣ онъ спрятался, и говорятъ: «Кто этотъ мостъ мостилъ — чего бы у Господа ни попросилъ, то бы ему Господь и далъ!» Какъ скоро услыхалъ Василій эти слова, вышелъ къ старцамъ и сказалъ: «Этотъ мостъ мостилъ я съ батюшкой и съ братьями». — «Чего же ты у Бога просишь?» — «Вотъ кабы Господь далъ мнѣ хлѣба навѣкъ!» — «Хорошо, поди домой, выруби новину и посѣй: дастъ тебѣ Господь хлѣба на цѣлой вѣкъ!» Василій пришелъ домой, рассказалъ про все отцу, вырубилъ новину и засѣялъ хлѣбомъ.

На третій день посылаетъ убогой меньшого сына. Семень-малой юнышъ сѣлъ подъ мостомъ и слушаетъ. Идутъ по мосту два старца; только поровнялись съ нимъ, и говорятъ: «Кто этотъ мостъ мостилъ — чего бы у Господа ни попросилъ, то бы ему Господь и далъ!» Семень-малой юнышъ услыхалъ эти слова, выступилъ къ старцамъ и сказалъ: «Этотъ мостъ мостилъ я съ батюшкой и съ братьями». — «Чего же ты у Бога просишь?» — «А прошу у Бога милости: послужить великому государю въ солдатахъ». — «Проси другого! солдатская служба тяжелая; пойдешь въ солдаты, къ Морскому Царю въ полонъ попадешь, и много будетъ твоихъ слезъ пролито!» — «Эхъ, люди вы старые, сами вы вѣдаете: кто на семъ свѣтѣ не плачетъ, тотъ будетъ плакать въ будущемъ вѣкѣ». — «Ну, коли ужъ ты похотѣлъ идти въ царскую службу — мы тебя благословляемъ!» сказали старцы Семену, наложили на него свои руки и обратили въ оленя быстроногого. Побѣжалъ олень къ своему дому; усмотрѣли его изъ окошечка отецъ и братья, выскочили изъ избышки и хотѣли поймать. Олень повернулъ, и назадъ; побѣжалъ къ двумъ старцамъ, старцы обратили его въ

зайца. Заяцъ пустился къ своему дому; усмотрѣли его отецъ и братья, выскочили изъ избушки и хотѣли было изловить; да онъ назадъ повернулъ. Прибѣжалъ заяцъ къ двумъ старцамъ, старцы обратили его въ маленькую птичку-золотая головка. Птичка прилетѣла къ своему дому, сѣла у открытаго окошечка; усмотрѣли ее отецъ и братья, бросились ловить — птичка вспорхнула. и назадъ. Прилетѣла къ двумъ старцамъ, старцы сдѣлали ее попрежнему человѣкомъ, и говорятъ: «Теперь, Семень-малой юнышъ, иди на царскую службу. Если тебѣ понадобится сбѣгать куда наскоро, можешь ты обращаться оленемъ, зайцемъ и птичкою-золотая головка: мы тебя научили!» Семень-малой юнышъ пришелъ домой и сталъ у отца проситься на царскую службу. «Куда тебѣ идти? отвѣчалъ убогой: ты еще малъ и глупъ!» — «Нѣтъ, батюшка, отпусти; на то Божья воля есть». Убогой отпустилъ, Семень-малой юнышъ срядился, съ отцомъ, съ братьями простился, и пошелъ въ дорогу.

Долго ли, коротко ли — пришелъ онъ на царской дворъ прямо къ царю, и сказалъ: «Ваше царское величество! не велите казнить, велите слово вымолвить». — «Говори, Семень-малой юнышъ!» — «Ваше величество! возьмите меня въ военную службу». — «Что ты! вѣдь ты малъ и глупъ; куда тебѣ идти въ службу?» — «Хоть я малъ и глупъ, а служить буду не хуже другихъ: въ томъ уповаю на Бога». Царь согласился, взялъ его въ солдаты и велѣлъ быть при своемъ лицѣ. Прошло нѣсколько времени, вдругъ объявилъ царю нѣкоторой король жестокою войну. Царь началъ въ походъ сряжаться; въ урочное время собралось все войско въ готовности, Семень-малой юнышъ сталъ на войну проситься; царь не могъ ему отказать, взялъ его съ собою и выступилъ въ походъ. Долго-долго

шелъ царь съ воинствомъ, много-много земель за собой оставилъ, вотъ ужъ и непріятель близко — дня черезъ три надо и бой начинать. Втѣпоры хватился царь своей боевой палицы и своего меча остраго — нѣтъ ни той, ни другого! во дворецъ позабылъ; нечѣмъ ему себѣ оборону дать, непріятельскія силы побивать. Сдѣлалъ онъ кличъ по всему войску: не возьмется ли кто сходить во дворецъ наскоро да принести ему боевую палицу и острый мечъ; кто сослужить эту службу, за того обѣщалъ отдать въ супружество дочь свою Марью-царевну, въ приданое пожаловать половину царства, а по смерти своей оставить тому и все царство. Начали выискиваться охотники: кто говоритъ: я могу въ три года сходить, кто говоритъ: въ два года, а кто — въ одинъ годъ; а Семень-малой юнышъ доложилъ государю: «Я, ваше величество, могу сходить во дворецъ и принести боевую палицу и острый мечъ въ три дня». Царь обрадовался, взялъ его за руку, поцѣловалъ въ уста, и тотчасъ же написалъ къ Марьѣ-царевнѣ грамотку, чтобъ она гонцу тому повѣрила и выдала ему мечъ и палицу. Семень-малой юнышъ принялъ отъ царя грамотку и пошелъ въ путь-дорогу.

Отойдя съ версту, обернулся онъ въ оленя быстроногаго и пустился, словно стрѣла, изъ лука пущенная; бѣжалъ-бѣжалъ, усталъ и обернулся изъ оленя въ зайца; припустилъ во всю заячью прыть, бѣжалъ-бѣжалъ, веѣ ноги прибилъ и обратился изъ зайца въ маленькую птичку-золотая головка; еще быстрѣй полетѣлъ, летѣлъ-летѣлъ, и въ полтора дня поспѣлъ въ то царство, гдѣ Марья-царевна находилась. Обернулся человѣкомъ, вошелъ во дворецъ и подалъ царевнѣ грамотку. Марья-царевна приняла ее, распечатала, прочитала, и говоритъ: «Какъ же это сумѣлъ ты столько земель и такъ скоро пробѣжать?» — «А вотъ какъ!» отвѣчалъ

гонецъ — обратился въ оленя быстроногаго, пробѣжалъ разъ-другой по царевниной палатѣ, подошелъ къ Марьѣ-царевнѣ и положилъ къ ней на колѣни свою голову; она взяла ножницы и вырѣзала у оленя съ головы клочъ шерсти. Олень обратился въ зайца, заяцъ попрыгалъ немного по комнатѣ и вскочилъ къ царевнѣ на колѣни; она вырѣзала у него клочъ шерсти. Заяцъ обратился въ маленькую птичку съ золотой головкою; птичка полетала немного по комнатѣ и сѣла къ царевнѣ на руку; Марья-царевна срѣзала у ней съ головы золотыхъ пёрушковъ, и все это — и оленью шерсть, и заячью шерсть, и золотыя пёрушки завязала въ платокъ и спрятала къ себѣ. Птичка-золотая головка обратилась въ гонца. Царевна накормила его, напоила, въ путь снарядила, отдала ему боевую палицу и острой мечъ; послѣ они простились, на прощаньи крѣпко поцѣловались, и пошелъ Семень-малой юнышъ обратно къ царю. Опять побѣжалъ онъ оленемъ быстроногимъ, поскакалъ косымъ зайцемъ, полетѣлъ маленькой птичкою, и къ концу третьяго дня усмотрѣлъ царской лагерь вблизи. Не доходя до войска шаговъ съ триста, лёгъ онъ на морскомъ берегу, подлѣ ракитова куста, отдохнуть съ дороги; палицу боевую и острой мечъ около себя положилъ. Отъ великой усталости онъ скоро и крѣпко уснулъ; въ это время случилось одному генералу проходить мимо ракитова куста; увидалъ онъ гонца, тотчасъ столкнулъ его въ море, взялъ боевую палицу и острой мечъ, принесъ къ государю и сказалъ: «Ваше величество! вотъ вамъ боевая палица и острой мечъ, я самъ за ними ходилъ; а тотъ пустохваль Семень-малой юнышъ вѣрно года три проходитъ!» Царь поблагодарилъ генерала, началъ воевать съ непріателемъ и въ короткое время одержалъ надъ нимъ славную побѣду. А Семень-малой юнышъ, какъ сказано, упалъ

въ море. Въ ту жъ минуту подхватилъ его Морской Царь и унёсъ въ самую глубину. Жилъ онъ у того царя цѣлой годъ, стало ему скучно, запечалился онъ и горько заплакалъ. Пришелъ къ нему Морской Царь: «Что, Семень-малой юнышъ, скучно тебѣ здѣсь?» — «Скучно, ваше величество!» — «Хошь на русской свѣтъ?» — «Хочу, если ваша царская милость будетъ». Морской Царь вынесъ его въ самую полночь, оставилъ на берегу, а самъ ушелъ въ море. Семень-малой юнышъ началъ Богу молиться: «Дай, Господи, солнышка!» Передъ самымъ восходомъ краснаго солнца явился Морской Царь, ухватилъ его опять и унёсъ въ морскую глубину. Прожилъ тамъ Семень-малой юнышъ еще цѣлой годъ: сдѣлалось ему скучно, и онъ горько-горько заплакалъ. Спрашиваетъ Морской Царь: «Что, али тебѣ скучно?» — «Скучно!» молвилъ Семень-малой юнышъ. «Хошь на русской свѣтъ?» — «Хочу, ваше величество!» Морской Царь вынесъ его въ полночь на берегъ, самъ ушелъ въ море. Началъ Семень-малой юнышъ со слезами Богу молиться: «Дай, Господи, солнышка!» Только чуть-чуть разсвѣтать стало, пришелъ Морской Царь, ухватилъ его и унёсъ въ морскую глубину. Прожилъ Семень-малой юнышъ третій годъ въ морѣ, стало ему скучно — и онъ горько, неутѣшно заплакалъ. «Что, Семень, скучно тебѣ? спрашиваетъ Морской Царь: хошь на русской свѣтъ?» — «Хочу, ваше величество!» Морской Царь вынесъ его на берегъ, самъ ушелъ въ море. Семень-малой юнышъ началъ со слезами Богу молиться: «Дай, Господи, солнышка!» Вдругъ солнце осіяло своими лучами, и ужъ Морской Царь не смогъ больше взять его въ полонъ.

Семень-малой юнышъ отправился въ свое государство; оборотился сперва оленемъ, потомъ зайцемъ, а потомъ маленькой птичкой-золотая головка; въ короткое время

очутился у царскаго дворца. А покуда все это сдѣла-лось, царь успѣлъ съ войны воротиться, и засваталъ свою дочь Марью-царевну за генерала-обманщика. Семень-малой юнышъ входитъ въ ту самую палату, гдѣ за столомъ сидѣли женихъ да невѣста. Увидала его Марья-царевна и говорить царю: «Государь-батюшка! не вели казнить, позволь рѣчь говорить». — «Говори, дочь моя милая! что тебѣ надобно?» — «Государь-батюшка! не тотъ мой женихъ, что за столомъ сидитъ, а вотъ онъ — сейчасъ пришелъ! Покажи-ка, Семень-малой юнышъ, какъ втѣпоры ты наскоро сбѣгалъ за боевой палицей, за острымъ мечомъ». Семень-малой юнышъ оборотился въ оленя быстроногаго, пробѣжалъ разъ-другой по комнатѣ и остановился возлѣ царевны. Марья-царевна вынула изъ платочка сръзанную оленью шерсть, показываетъ царю, въ коемъ мѣстѣ она ее сръзала, и говорить: «Посмотри, батюшка! вотъ мои примѣточки». Олень обратился въ зайца; зайчикъ попрыгалъ-попрыгалъ по комнатѣ, и прискочилъ къ царевнѣ; Марья-царевна вынула изъ платочка заячью шерсть. Зайчикъ оборотился въ маленькую птичку съ золотой головкою; птичка полетала-полетала по комнатѣ и сѣла къ царевнѣ на колѣни; Марья-царевна развязала третій узелокъ въ платкѣ и показала золотыя пёрушки. Тутъ царь узналъ всю правду истинную, приказалъ генерала казнить, Марью-царевну выдать за Семена-малаго юныша, и сдѣлалъ его своимъ наслѣдникомъ.

Записана въ Архангельской губ.

146

Сестрица Аленушка, братецъ Иванушка

Жили-были себѣ царь и царица; у нихъ были сынъ и дочь; сына звали Иванушкой, а дочь Алёнушкой. Вотъ царь съ царицею померли; остались дѣти одни

и пошли странствовать по бѣлу свѣту. Шли-шли-шли . . . идутъ и видятъ прудъ, а около пруда пасётся стадо коровъ. «Я хочу пить», говоритъ Иванушка. — «Не пей, братецъ! а то будешь телёночкомъ», говоритъ Алёнушка. Онъ послушался, и пошли они дальше; шли-шли, и видятъ рѣку, а около ходитъ табунъ лошадей. «Ахъ, сестрица! если бъ ты знала, какъ мнѣ пить хочется». — «Не пей, братецъ! а то сдѣлаешься жеребёночкомъ». Иванушка послушался, и пошли они дальше; шли-шли, и видятъ озеро, а около него гуляетъ стадо овецъ. «Ахъ, сестрица! мнѣ страшно пить хочется». — «Не пей, братецъ! а то будешь баранчикомъ». Иванушка послушался, и пошли они дальше; шли-шли, и видятъ ручей, а возлѣ стерегутъ свиней. «Ахъ, сестрица! я напьюся; мнѣ ужасно пить хочется». — «Не пей, братецъ! а то будешь поросёночкомъ». Иванушка опять послушался, и пошли они дальше; шли-шли, и видятъ: пасётся у воды стадо козъ. «Ахъ, сестрица! я напьюся». — «Не пей, братецъ! а то будешь козлёночкомъ». Онъ не вытерпѣлъ и не послушался сестры, напился и сталъ козлёночкомъ, прыгаетъ передъ Алёнушкой и кричитъ: мекеке! мекеке!

Алёнушка обвязала его шелковымъ поясомъ и повела съ собою, а сама-то плачетъ, горько плачетъ . . . Козлёночекъ бѣгалъ-бѣгалъ и забѣжалъ разъ въ садъ къ одному царю. Люди увидали и тотчасъ доказываютъ царю: «У насъ, ваше царское величество, въ саду козлёночекъ и держитъ его на поясѣ дѣвица, да такая изъ себя красавица». Царь приказалъ спросить, кто она такая. Вотъ люди и спрашиваютъ ее: откуда она и чьего роду-племени? «Такъ и такъ, говоритъ Алёнушка: былъ царь и царица, да померли; остались мы, дѣти: я, царевна, да вотъ братецъ мой, царевичъ; онъ не утерпѣлъ, напился водицы и сталъ козлёночкомъ».

Люди доложили все это царю. Царь позвалъ Алёнушку, разспросилъ обо всёмъ; она ему приглянулась, и царь захотѣлъ на ней жениться. Скоро сдѣлали свадьбу и стали жить себѣ, и козлёночекъ съ ними — гуляетъ себѣ по саду, а пьеть и ѣсть вмѣстѣ съ царемъ и съ царицею.

Вотъ поѣхалъ царь на охоту. Тѣмъ временемъ пришла колдунья и навела на царицу порчу: сдѣлалась Алёнушка больная, да такая худая да блѣдная. На царскомъ дворѣ все пріуныло; цвѣты въ саду стали вянуть, деревья сохнуть, трава блѣкнуть. Царь воротился и спрашиваетъ царицу: «Али ты чѣмъ нездорова?» — «Да, хвораю», говоритъ царица. На другой день царь опять поѣхалъ на охоту. Алёнушка лежитъ больная; приходитъ къ ней колдунья и говоритъ: «Хочешь, я тебя вылѣчу? выходи къ такому-то морю столько-то зорь и пей тамъ воду». Царица послушалась и въ сумеркахъ пошла къ морю, а колдунья ужъ дожидается, схватила ее, навязала ей на шею камень и бросила въ море. Алёнушка пошла на дно; козлёночекъ прибѣжалъ и горько-горько заплакалъ. А колдунья оборотилась царицею и пошла во дворецъ. Царь пріѣхалъ и обрадовался, что царица опять стала здорова. Собрали на столъ и сѣли обѣдать. «А гдѣ же козлёночекъ?» спрашиваетъ царь. «Не надо его, говоритъ колдунья: я не велѣла пускать; отъ него такъ и несётъ козлятиной!» На другой день, только царь уѣхалъ на охоту, колдунья козлёночка била-била, колотила-колотила, и грозитъ ему: «Вотъ воротится царь, я попрошу тебя зарѣзать». Пріѣхалъ царь; колдунья такъ и пристаётъ къ нему: «Прикажи да прикажи зарѣзать козлёночка; онъ мнѣ надоѣлъ, опротивѣлъ совѣмъ!» Царю жалко было козлёночка, да дѣлать нечего — она такъ пристаётъ, такъ упрасиваетъ, что царь наконецъ

согласился и позволилъ его зарѣзать. Видитъ козлёночекъ: ужъ начали точить на него ножи булатные, заплакалъ онъ, побѣжалъ къ царю и просится: «Царь! пусти меня на море сходить, водицы испить, кишѣчки всполоскать». Царь пустилъ его. Вотъ козлёночекъ прибѣжалъ къ морю, сталъ на берегу и жалобно закричалъ:

Алёнушка, сестрица моя!
Выплынь, выплынь на бережокъ.
Огни горять горючіе,
Котлы кипятъ кипучіе,
Ножи точатъ булатные,
Хотятъ меня зарѣзати!

Она ему отвѣчаетъ:

Иванушка-братецъ!
Тяжёлъ камень ко дну тянетъ,
Люта змѣя сердце высосала!

Козлёночекъ заплакалъ и воротился назадъ. Посерѣдъ дня опять просится онъ у царя: «Царь! пусти меня на море сходить, водицы испить, кишѣчки всполоскать». Царь пустилъ его. Вотъ козлёночекъ прибѣжалъ къ морю и жалобно закричалъ:

Алёнушка, сестрица моя!
Выплынь, выплынь на бережокъ.
Огни горять горючіе,
Котлы кипятъ кипучіе,
Ножи точатъ булатные,
Хотятъ меня зарѣзати!

Она ему отвѣчаетъ:

Иванушка-братецъ!
Тяжёлъ камень ко дну тянетъ,
Люта змѣя сердце высосала!

Козлёночекъ заплакалъ и воротился домой. Царь и думаетъ: что бы это значило, козлёночекъ все бѣгаетъ на море? Вотъ попросился козлёночекъ въ третій разъ: «Царь! пусти меня на море сходить, водицы испить, кишѣчки всполоскать». Царь отпустилъ его,

и самъ пошелъ за нимъ слѣдомъ; приходитъ къ морю
и слышитъ — козлёночекъ вызываетъ сестрицу.

Алёнушка, сестрица моя!
Выплынь, выплынь на бѣрежокъ.
Огни горять горючіе,
Котлы кипятъ кипучіе,
Ножи точатъ булатные,
Хотятъ меня зарѣзати!

Она ему отвѣчаетъ:

Иванушка-братецъ,
Тяжелъ камень ко дну тянетъ,
Люта змѣя сердце высосала!

Козлёночекъ опять зачалъ вызывать сестрицу. Алёнушка всплыла кверху и показалась надъ водой. Царь ухватилъ ее, сорвалъ съ шеи камень и вытащилъ Алёнушку на берегъ, да и спрашиваетъ: какъ это сталося? Она ему все рассказала. Царь обрадовался, козлёночекъ тоже — такъ и прыгаетъ, въ саду все зазеленѣло и зацвѣло. А колдунью приказалъ царь казнить: разложили на дворѣ костѣрь дровъ и сожгли ее. Послѣ того царь съ царицей и съ козлёночкомъ стали жить да поживать, да добра наживать, и попрежнему вмѣстѣ и пили и ѣли.

Записана въ Бобровскомъ у., Воронежской губ.

147

Царевна-сѣра утица

Жилъ царь съ царицею, у нихъ были дѣти: сынъ да дочь; сына звали Димитрій-царевичъ, а дочь — Марья-царевна. Были приставлены къ царевичу и няньки и мамки, и ни одна не могла ее укачать-убаюкать. Только братъ и умѣлъ это сдѣлать; бывало прійдетъ къ ей кроваткѣ и начнетъ припѣвать: «Баю-баюшки, сестрица! баю-баюшки, родная! вырастешь большая, отдамъ тебя замужъ — за Ивана-царевича». Она закроетъ

глазки и заснетъ. Прошло нѣсколько лѣтъ; собрался Димитрій-царевичъ и поѣхалъ въ гости къ Ивану-царевичу; прогостилъ тамъ три мѣсяца — много играли, много гуляли; сталъ уѣзжать и зоветъ къ себѣ Ивана-царевича. «Хорошо, говорить, приѣду!» Воротился домой, взялъ портретъ своей сестры и повѣсилъ надъ своею постелью, и такъ хороша была царевна, что все бы смотрѣлъ на ея портретъ: глазъ оторвать невозможно! Нежданно, негаданно приѣзжаетъ Иванъ-царевичъ къ Дмитрію-царевичу, входитъ въ его комнату, а онъ спитъ себѣ крѣпкимъ сномъ. Увидаль Иванъ-царевичъ портретъ Марьи-царевны — и въ ту жъ минуту влюбился въ нее, выхватилъ свой мечъ и занёсъ на ея брата. Богъ не попустилъ грѣха, словно что толкнуло Дмитрія-царевича — вмгъ проснулся и спрашиваетъ: «Что ты дѣлать хочешь?» — «Хочу тебя убить!» — «За что, Иванъ-царевичъ?» — «Вѣдь это портретъ твоей невѣсты?» — «Нѣтъ, моей сестры Марьи-царевны». — «Ахъ, что же ты мнѣ никогда объ ней не сказывалъ! я теперь жить безъ нея не могу!» — «Ну, что жъ! женись на сестрѣ, будемъ братьями». Иванъ-царевичъ бросился обнимать Дмитрія-царевича. Тутъ они и поладили, по рукамъ ударили. Иванъ-царевичъ домой уѣхалъ — къ свадьбѣ готовится, а Дмитрій-царевичъ сталъ собираться съ своею сестрицею въ путь-дорогу, къ жениху въ гости. Снарядили два корабля: въ одномъ братъ плыветъ, въ другомъ сестра плыветъ, а при ней нянька съ дочкою. Вотъ какъ выѣхали корабли посерѣдъ моря синяго, нянька и говоритъ Марьѣ-царевнѣ: «Скинь съ себя драгоцѣнное платье, да ложись на перину — тебѣ покойнѣе будетъ!» Царевна скинула платье, и только легла на перину — нянька ударила ее слегка по бѣлому тѣлу, и сдѣлалась Марья-царевна сѣрой утицею, взвилась-полетѣла съ

корабля на синё море. А нянька нарядила свою дочь въ царевнино платье, сидять обѣ да величаются. Приѣхали въ землю Ивана-царевича; онъ тотчасъ выбѣжалъ навстрѣчу и портретъ Марьи-царевны съ собой захватилъ; смотреть, а невѣста далеко на тотъ портретъ не похожа! Разгнѣвался на Дмитрія-царевича, велѣлъ посадить его въ темницу, въ день давать ему по куску чѣрстваго хлѣба да по стакану воды; кругомъ были часовые приставлены, и наказано имъ нѣстрога никого не пускать къ заключеннику. Приходить время къ полуночи, стала сѣра утица съ моря подыматься, полетѣла къ родимому братцу — все царство собой осіяла: крыльями машеть, а съ нихъ словно жаръ сыпется! подлетѣла къ темницѣ да прямо въ окошечко, крылушки на гвоздикъ повѣсила, а сама къ брату пошла: «Родимой мой братецъ, Дмитрій-царевичъ! тебѣ тошно въ темницѣ сидѣть, по стакану воды пить, по куску хлѣба ѣсть; а мнѣ, братецъ, тошнѣе того по синю морю плавать! Сгубила насъ злая нянюшка, скинула съ меня драгоценное платье — нарядила въ него свою дочку». Братецъ съ сестрицею поплакали, погоревали вмѣстѣ; раннимъ утромъ улетѣла сѣра утица на синё море. Докладываютъ Ивану-царевичу: «Такъ и такъ, прилетала къ заключеннику сѣра утица — все царство собой осіяла!» Приказалъ онъ, чтобъ сейчасъ дали ему знать, какъ скоро та утица опять прилетитъ. Вотъ подходитъ время къ полуночи; вдругъ море заколыхалось, поднялась съ него сѣра утица, полетѣла — все царство собой освѣтила, крылушками машеть, а съ нихъ словно жаръ сыпется. Прилетѣла къ темницѣ, крылушки свои на окнѣ оставила, а сама къ брату пошла. Тотчасъ же разбудили Ивана-царевича; онъ побѣжалъ къ темницѣ, смотреть: на окнѣ лежатъ крылушки, взялъ и велѣлъ ихъ на огнѣ спалить; а самъ

приложилъ ухо да слушаетъ — про что говорятъ братецъ съ сестрицею. «Родимой мой братецъ! говоритъ Марья-царевна: тебѣ тошно въ темницѣ сидѣть, по стакану воды пить, по куску хлѣба ѣсть, а мнѣ тошнѣе того по синю морю плавать! Сгубила насъ злая нянюшка, скинула съ меня драгоцѣнное платье — нарядила въ него свою дочку . . . Ахъ, братецъ, что-то гарью пахнетъ!» — «Нѣтъ, сестрица! я ничего не слышу». Иванъ-царевичъ отворилъ темницу, входитъ туда — Марья-царевна въ ту жъ минуту бросилась къ окошечку, видитъ: крылушки ея до половины обожжены; тутъ ухватилъ ее Иванъ-царевичъ за бѣлыя руки, а она стала оборачиваться разными гадами. Иванъ-царевичъ не пугается, изъ рукъ ее не пускаетъ . . . Вотъ наконецъ она веретеномъ обратилась; царевичъ переломилъ веретено надвое, одинъ конецъ бросилъ впередъ, а другой назадъ, и говоритъ: «Стань передо мной красна дѣвица, а за мной бѣлая береза!» Стала позади бѣлая береза, а передъ нимъ явилась Марья-царевна во всей своей красотѣ. Иванъ-царевичъ выпросилъ себѣ прощеніе у Дмитрія-царевича, и всѣ трое во дворецъ пошли; а на другой день была свадьба: Иванъ-царевичъ женился на Марьѣ-царевнѣ; гости долго пировали, веселились, прохлаждались. А нянюку съ дочкою отослали въ такое мѣсто, чтобъ объ нихъ ни слуху ни духу не было!

Бѣлая уточка

Одинъ князь женился на прекрасной княжнѣ, и не успѣлъ еще на нее наглядѣться, не успѣлъ съ нею поговориться, не успѣлъ ее послушаться, а ужъ надо было имъ разставаться, надо было ему ѣхать въ даль-

ній путь, покидать жену на чужихъ рукахъ. Что дѣлать! говорятъ, вѣкъ обнявшись не просидѣть. Много плакала княгиня, много князь ее уговаривалъ, заповѣдывалъ не покидать высока терема, не ходить на бесѣду, съ дурными людьми не ватажиться, худыхъ рѣчей не слушаться. Княгиня обѣщала все исполнить. Князь уѣхалъ; она заперлась въ своемъ покоѣ и не выходитъ. Долго ли, коротко ли, пришла къ ней женщина, казалось — такая простая, сердечная! «Что, говоритъ, ты скучаешь? хоть бы на Божій свѣтъ поглядѣла, хоть бы по саду прошлась, тоску размыкала, голову простудила»¹. Долго княгиня отговаривалась, не хотѣла, наконецъ подумала: по саду походить не бѣда, и пошла. Въ саду разливалась ключевая хрустальная вода. «Что, говоритъ женщина: день такой жаркой, солнце палить, а водица студѣная — такъ и плещетъ; не скупаться ли намъ здѣсь?» — «Нѣтъ, нѣтъ, не хочу!» — а тамъ подумала: вѣдь скупаться не бѣда! скинула сарафанчикъ и прыгнула въ воду. Только окунулась, женщина ударила ее по спинѣ: «Плывы ты, говоритъ, бѣлою уточкой!» и поплыла княгиня бѣлою уточкой. Вѣдьма тотчасъ нарядилась въ ея платье, убралась, намалевалась и сѣла ожидать князя. Только щенокъ вякнулъ, колокольчикъ звякнулъ, она ужъ бѣжить навстрѣчу, бросилась къ князю, цѣлуетъ, милуетъ. Онъ обрадовался, самъ руки потянулъ и не распозналъ ея.

А бѣлая уточка нанесла яичекъ, вывела дѣточекъ, двухъ хорошихъ, а третьяго заморюшка, и дѣточки ея вышли — ребяточки; она ихъ вырастила, стали они по рѣченькѣ ходить, злату рыбку ловить, лоскутики собирать, кафтаники спивать, да выскакивать на бережокъ, да поглядывать на лужокъ. «Охъ, не ходите

¹) Освѣжила чистымъ воздухомъ.

туда, дѣти!» говорила мать. Дѣти не слушали; нынче поиграють на травкѣ, завтра побѣгають по муравкѣ, дальше-дальше, и забрались на княжій дворъ. Вѣдьма чутьемъ ихъ узнала, зубами заскрипѣла; вотъ она позвала дѣточекъ, накормила, напоила и спать уложила, а тамъ велѣла разложить огня, навѣсить котлы, наточить ножи. Легли два братца и заснули, — а заморужка, чтобъ не застудить, приказала (имъ?) мать въ пазушкѣ носить — заморужекъ-то и не спитъ, все слышать, все видить. Ночью пришла вѣдьма подѣ дверь и спрашиваетъ: «Спите вы, дѣтки, или нѣтъ?» Заморужекъ отвѣчаетъ: «Мы спимъ не спимъ, думу думаемъ, что хотять насъ всѣхъ порѣзати; огни кладутъ калиновые, котлы высятъ кипучіе, ножи точатъ булатные!» — «Не спятъ!» Вѣдьма ушла, походила, походила, опять подѣ дверь: «Спите, дѣтки, или нѣтъ?» Заморужекъ опять говорить то же: «Мы спимъ не спимъ, думу думаемъ, что хотять насъ всѣхъ порѣзати; огни кладутъ калиновые, котлы высятъ кипучіе, ножи точатъ булатные!» Что же это всё одинъ голосъ? подумала вѣдьма, отворила потихоньку дверь, видить: оба брата спать крѣпкимъ сномъ, тотчасъ обвела ихъ мертвой рукой¹ — и они померли.

Поутру бѣлая уточка зоветъ дѣтокъ; дѣтки нейдуть. Зачуяло ея сердце, встрепенулась она и полетѣла на княжій дворъ. На княжемъ дворѣ бѣлы какъ платочки, холодны какъ пласточки лежали братцы рядушкомъ. Кинулась она къ нимъ, бросилась, крылушки распустила, дѣточекъ обхватила и материнскимъ голосомъ завопила:

Кря, кря, мои дѣточки!
Кря, кря, голубяточки!

¹) Есть повѣрье, что вѣдьмы запасаются рукою мертвеца, и, приходя на промыселъ, обводятъ ею спящихъ хозяевъ, чтобы навести на нихъ непробудный сонъ.

Я нуждой васъ выхаживала,
Я слезой васъ выпайвала,
Темну ночь не досыпала,
Сладокъ кусъ не доѣдала!

«Жена, слышишь небывалое? утка приговариваетъ». —
«Это тебѣ такъ чудится! велите утку со двора прогнать!»
Её прогонять, она облетитъ да опять къ дѣткамъ:

Кря, кря, мои дѣточки!
Кря, кря, голубяточки!
Погубила васъ вѣдьма старая,
Вѣдьма старая, змѣя лютая,
Змѣя лютая, подколодная;
Отняла у васъ отца роднаго,
Отеца роднаго — моего мужа,
Потопила насъ въ быстрой рѣченькѣ,
Обратила насъ въ бѣлыхъ уточекъ,
А сама живетъ — величается!

«Эге!» подумалъ князь, и закричалъ: «Поймайте
мнѣ бѣлую уточку!» Бросились всѣ, а бѣлая уточка
летаетъ и никому не дается; выбѣжалъ князь самъ,
она къ нему на руки пала. Взялъ онъ ее за крылушко
и говорить: «Стань бѣлая береза у меня назади, а
красная дѣвица впереди!» Бѣлая береза вытянулась
у него позади, а красная дѣвица стала впереди, и въ
красной дѣвицѣ князь узналъ свою молодую княгиню.
Тотчасъ поймали сороку, подвязали ей два пузырька,
велѣли въ одинъ набрать воды живящей, въ другой
говорящей. Сорока слетала, принесла воды. Сбрызнули
дѣтокъ живящею водою — они вострепнулись, сбрыз-
нули говорящею — они заговорили. И стала у князя
цѣлая семья, и стали всѣ жить-поживать, добро нажи-
вать, худо забывать. А вѣдьму привязали къ лошади-
ному хвосту, размыкали по полю: гдѣ оторвалась нога
— тамъ стала кочерга, гдѣ рука — тамъ грабли, гдѣ
голова — тамъ кустъ да колода: налетѣли птицы —
мясо поклевали, поднялися вѣтры — кости разметали,
и не осталось отъ ней слѣда, ни памяти!

Записана въ Курской губ.

Арысь-поле

У старика была дочь-красавица; жилъ онъ съ нею тихо и мирно, пока не женился на другой бабѣ, а та баба была злая вѣдьма. Не возлюбила она падчерицу, пристала къ старику: «Прогони ее изъ дому, чтобъ я ее и въ глаза не видала». Старикъ взялъ да и выдалъ свою дочку замужъ за хорошаго человѣка; живетъ она съ мужемъ да радуется, и родила ему мальчика. А вѣдьма еще пуще злится, зависть ей покоя не даетъ; уллучила она время, обратила свою падчерицу звѣремъ Арысь-поле и выгнала въ дремучій лѣсъ, а въ падчерицыно платье нарядила свою родную дочь и подставила ее вмѣсто настоящей жены. Такъ все хитро сдѣлала, что ни мужъ ни люди — никто обмана не видитъ. Только старая мамка одна и смекнула, а сказать боится. Съ того самаго дня, какъ только ребѣнокъ проголодается, мамка понесетъ его къ лѣсу и сапоетъ:

Арысь-поле! дитя кричитъ,
Дитя кричитъ, пить-ѣсть хочетъ.

Арысь-поле прибѣжить, сброситъ свою шкуру подъ колоду, возьметъ мальчика, накормитъ; послѣ надѣнетъ опять шкуру и уйдетъ въ лѣсъ. «Куда это мамка съ ребѣнкомъ ходитъ?» думаетъ отецъ. Сталъ за нею присматривать; увидалъ, какъ Арысь-поле прибѣжала, сбросила съ себя шкурку и стала кормить малютку. Онъ подкрался изъ-за кустовъ, схватилъ шкурку и спалилъ ее. «Ахъ, что-то дымомъ пахнетъ; никакъ моя шкурка горитъ!» говоритъ Арысь-поле. «Нѣтъ, отвѣчаетъ мамка: это, вѣрно, дровосѣки лѣсъ подожгли». Шкурка сгорѣла, Арысь-поле приняла прежній видъ и рассказала все своему мужу. Тотчасъ собрались люди, схватили вѣдьму и сожгли ее вмѣстѣ съ ея дочерью.

Царевна-лягушка

Въ стары годы, въ старопрежны у одново царя было три сына — всѣ они на возрастѣ. Царь и говорить: «Дѣти! сдѣлайте себѣ по самострѣлу и стрѣляйте: кака женщина принесётъ стрѣлу, та и невѣста; ежели никто не принесётъ, тому значить не женится». Большой сынъ стрѣлилъ, принесла стрѣлу княжеска дочь; средней стрѣлилъ, стрѣлу принесла генеральска дочь; а малому Ивану-царевичу принесла стрѣлу изъ болота лягуша въ зубахъ. Тѣ братья были веселы и радостны, а Иванъ-царевичъ призадумался, заплакалъ: «Какъ я стану жить съ лягушой? вѣкъ жить — не рѣку перебрести или не полѣ перейти!» Поплакалъ, поплакалъ, да нечево дѣлать — взялъ въ жоны лягушу. Ихъ всѣхъ обвѣнчали по ихнему тамъ обряду; лягушу держали на блюдѣ.

Вотъ живутъ они. Царь захотѣлъ однажды посмотрѣть отъ невѣстокъ дары, котора изъ нихъ лучше мастерица? Отдалъ приказъ. Иванъ-царевичъ опять призадумался, плачотъ: «Чего у меня сдѣлать лягуша! всѣ станутъ смѣяться». Лягуша ползатъ по полу, только квакать. Какъ уснулъ Иванъ-царевичъ, она вышла на улицу, сбросила кожухъ, сдѣлалась красной дѣвицей и крикнула: «Няньки-маньки! сдѣлайте то-то!» Няньки-маньки тотчасъ принесли рубашку самой лучшей работы. Она взяла ее, свернула и положила возлѣ Ивана-царевича, а сама обвернулась опеть лягушой, будто ни въ чомъ не бывала! Иванъ-царевичъ проснулся, обрадовался, взялъ рубашку и понёсъ къ царю. Царь принялъ ее, посмотрѣлъ: «Ну, вотъ это рубашка — во Христовъ день надѣвать!» Средней братъ принёсъ рубашку; царь сказалъ: «Только въ баню въ ней ходить!» а у большова

брата взялъ рубашку и сказалъ: «Въ черной избѣ ее носить!» Разошлись царски дѣти; двое-то и судятъ между собой: «Нѣтъ, видно мы напрасно смѣялись надъ женой Ивана-царевича, она не лягуша, а кака-нибудь хитра!»

Царь даётъ опять приказанье, чтобъ снохи состряпали хлѣбы и принесли ему на показъ, котора лучше стряпать? Тѣ невѣстки сперва смѣялись надъ лягушой; а теперь, какъ пришло время, они и послали горничну подсматривать, какъ она станётъ стряпать. Лягуша смекнула это, взяла-замѣсила квашню, скатала, печь сверху выдолбила, да прямо туда квашню и опрокинула. Горнична увидѣла, побѣжала, сказала своимъ баронямъ, царскимъ невѣсткамъ, и тѣ такъ же сдѣлали. А лягуша хитрая только ихъ провела, тотчасъ тѣсто изъ печи выгребла, все очистила, замазала, будто ни въ чемъ не бывала, а сама вышла на крыльцо, вывернулась изъ кожуха и крикнула: «Няньки-маньки! состряпайте сейчасъ же мнѣ хлѣбовъ такихъ, каки мой батюшко по воскресеньямъ да по праздникамъ только ѣлъ». Няньки-маньки тотчасъ притащили хлѣба. Она взяла ево, положила возлѣ Ивана-царевича, а сама сдѣлалась лягушой. Иванъ-царевичъ проснулся, взялъ хлѣбъ и понёсъ къ отцу. Отецъ въ то время принималъ хлѣбы отъ большихъ братьевъ; ихъ жены какъ поспускали въ печь хлѣбы такъ же, какъ лягуша, — у нихъ и вышло кули-мули. Царь наперво принялъ хлѣбъ отъ большова сына, посмотрѣлъ и отослалъ на кухню; отъ середнёва принялъ, туда же послалъ. Дошла очередь до Ивана-царевича; онъ подаль свой хлѣбъ. Отецъ принялъ, посмотрѣлъ и говорить: «Вотъ это хлѣбъ — во Христовъ день ись! не такой, какъ у большихъ снохъ, съ закалой!»

Послѣ того вздумалось царю сдѣлать балъ, посмотреть своихъ сношекъ, котора лучше пляшотъ?

Собрались всѣ гости и снохи, кромѣ Ивана-царевича; онъ задумался: куда я съ лягушой поѣду? и заплакалъ навзрыдъ нашъ Иванъ-царевичъ. Лягуша и говоритъ ему: «Не плачь, Иванъ-царевичъ! ступай на балъ. Я черезъ часъ буду». Иванъ-царевичъ немного обрадовался, какъ услыхалъ, что лягуша баётъ; уѣхалъ, а лягуша пошла сбросила съ себя кожухъ, одѣлась чудо какъ! Пріѣзжать на балъ; Иванъ-царевичъ обрадовался и всѣ руками схлопали: кака красавица! Начали закусывать; царевна оглозотъ коску да и въ рукавъ, выпьетъ чево — остатки въ другой рукавъ. Тѣ снохи видятъ, чево она дѣлать, и онѣ тожо кости кладутъ къ себѣ въ рукава, пьютъ чево — остатки льютъ въ рукава. Дошла очередь танцовать; царь посылать большихъ снохъ, а онѣ ссылаются на лягушу. Та тотчасъ подхватила Ивана-царевича и пошла; ужъ она плясала-плясала, вертѣлась-вертѣлась — всѣмъ на диво! махнула правой рукой — стали лѣса и воды, махнула лѣвой — стали летать разны птицы. Всѣ изумились. Отплясала — ничево не стало. Други снохи пошли плясать, такъ жо хотѣли: котора правой рукой ни махнётъ, у тыѣ кости-та и полетятъ, да въ людей, изъ лѣвова рукава вода разбрыжжотъ тожо въ людей. Царю не понравилось, закричалъ: «будётъ, будетъ!» Снохи перестали. — Балъ былъ на отходѣ. Иванъ-царевичъ поѣхалъ наперёдъ, нашолъ тамъ гдѣ-то жонинъ кожухъ, взялъ ево да и сожокъ. Та пріѣзжать, хватилась кожуха: нѣтъ! сожжонъ. Легла спать съ Иваномъ-царевичомъ; передъ утромъ и говоритъ ему: «Ну, Иванъ-царевичъ! немного ты не потерпѣлъ; твоя бы я была, а теперъ Богъ знатъ. Прошшай! ищи меня за тридевять земель въ тридесятомъ царствѣ». И не стало царевны.

Вотъ готъ прошолъ, Иванъ-царевичъ тоскуётъ о женѣ; на другой готъ собрался, выпросилъ у отца

у матери благословенье и пошолъ. Идѣтъ долго ужъ. вдрукъ попадается ему избушка — къ лѣсу передомъ. къ нему задомъ. Онъ и говоритъ: «Избушка, избушка! стань по-старому, какъ мать поставила — къ лѣсу задомъ, а ко мнѣ передомъ». Избушка перевернулась. Вошолъ въ избу; сидитъ старуха и говоритъ: «Фу, фу! русской коски слыхомъ было не слыхать, видомъ не видать, нынче руссека коска сама на дворъ пришла! Куда ты, Иванъ-царевичъ, пошолъ?» — «Прежде, старуха, напой, накорми, потомъ висти разспроси». Старуха напоила, накормила и спать положила. Иванъ-царевичъ говоритъ ей: «Баушка! вотъ я пошолъ до-ставать Елену Прекрасну». — «Ой, дитятко, какъ ты долго! она съ первыхъ-то годовъ часто тебя поминала, а теперь ужъ не помнитъ, да и у меня давно не бывала. Ступай вперёдъ къ средней сестрѣ, та больше знаетъ». — Иванъ-царевичъ поутру отпра-вля, дошолъ до избушки и говоритъ: «Избушка, из-бушка! стань по-старому, какъ мать поставила — къ лѣсу задомъ, а ко мнѣ передомъ». Избушка переверну-лась. Онъ вошолъ въ неё, видитъ: сидитъ старуха и говоритъ: «Фу, фу! русской коски слыхомъ было не слыхать и видомъ не видать, а нынче руссека коска сама на дворъ пришла! Куда, Иванъ-царевичъ, по-шолъ?» — «Да вотъ, баушка, доступать Елену Пре-красну». — «Ой, Иванъ-царевичъ, сказала старуха: какъ ты долго! она ужъ стала забывать тебя, выходить въ замужъ за другога: скоро свадьба! Живѣтъ теперь у большой сестры, ступай туда, да смотри ты: какъ станѣшь подходить — у неё узнаютъ, Елена обернѣтся веретѣшкомъ, а платьѣ на ней будетъ золотомъ. Моя сестра золото станѣтъ вить; какъ совѣтъ веретѣшко и положить въ ящикъ и ящикъ запрѣтъ, ты найди ключъ, отвори ящикъ, веретѣшко переломи, кончикъ

брось назадъ, а корешокъ передъ себя: она и очудится передъ тобой». Пошолъ Иванъ-царевичъ, дошолъ до этой старухи, зашолъ въ избу; та въётъ золото, свила ево, веретёшко и положила въ ящикъ, заперла и ключъ куда-то положила. Онъ взялъ ключъ, отворилъ ящикъ, вынялъ веретёшко и переломилъ по сказанному, какъ по писанному, кончикъ бросилъ за себя, а корешокъ передъ себя. Вдрукъ и очудилась Елена Прекрасна, начала здороваться: «Ой, да какъ ты долго, Иванъ-царевичъ? я чуть за другова не ушла». А тому жениху надо скоро быть; Елена Прекрасна взяла ковёръ-самолётъ у старухи, сѣли на него и понеслись, какъ птица полетѣли. Женихъ-отъ за ними вдрукъ и пріѣхалъ, узналъ, что они уѣхали; былъ тожо хитрой! онъ ступай-ко за ними въ погоню, гналъ-гналъ, только сажонъ десять не догналъ: они на ковръ влетѣли въ Русь, а ему нельзя какъ-то въ Русь-то, воротился; а тѣ прилетѣли домой, всеѣ обрадовались, стали жить да быть, да животы наживать — на славу всеѣмъ людямъ. Записана въ Пермской губ. въ Шадринскомъ округѣ, государственнѣмъ крестьяниномъ Александромъ Зыряновымъ.

151

Царевна-змѣя

Бѣхалъ казакъ путемъ-дорогою, и заѣхалъ въ дремучій лѣсъ; въ томъ лѣсу на прогалинкѣ стоитъ стогъ сѣна. Остановился казакъ отдохнуть немножко, легъ около стога и закурилъ трубку; курилъ-курилъ, и не видалъ, какъ заронилъ искру въ сѣно. Послѣ отдыха сѣлъ на коня и тронулся въ путь; не успѣлъ и десяти шаговъ сдѣлать — какъ вспыхнуло пламя, и весь лѣсъ освѣтило. Казакъ оглянулся, смотритъ: стогъ сѣна горитъ, а въ огнѣ стоитъ красная дѣвица и говоритъ громкимъ голосомъ: «Казакъ, доброй человѣкъ!

избавь меня отъ смерти». — «Какъ же тебя избавить? кругомъ пламя, нѣтъ къ тебѣ подступу». — «Сунь въ огонь свою пику; я по ней выберусь». Казакъ сунуль пику въ огонь, а самъ отъ великаго жару назадъ от-вернулся. Тотчасъ красная дѣвица оборотилась змѣею, влѣзла на пику, скользнула казаку на шею, обвилась вокругъ шеи три раза и взяла свой хвостъ въ зубы. Казакъ испугался, не придумаетъ, что ему дѣлать и какъ ему быть. Провѣщала змѣя человѣческимъ голосомъ: «Не бойся, доброй молодецъ! Носи меня на шеѣ семь лѣтъ да разыскивай оловянное царство; а прїѣдешь въ то царство — останься и проживи тамъ еще семь лѣтъ безвыходно. Сослужишь эту службу, счастливъ будешь!» Поѣхалъ казакъ разыскивать оловянное царство; много ушло времени, много воды утекло, на исходѣ седьмого года добрался до крутой горы; на той горѣ стоитъ оловянной зѣмокъ, кругомъ зѣмка высокая бѣлокаменная стѣна. Поскакалъ на гору, передъ нимъ стѣна раздвинулась, и въѣхалъ онъ на широкой дворъ. Въ ту жъ минуту сорвалась съ его шеи змѣя, ударилась о сырую землю, обернулась душой-дѣвицей и съ глазъ пропала — словно ея не было. Казакъ поставилъ своего добраго коня на конюшню, вошелъ во дворецъ и сталъ осматривать комнаты; всюду зеркала, серебро да бархаты, а нигдѣ не видать ни одной души человѣческой. «Эхъ, думаетъ казакъ: куда я заѣхалъ? кто меня кормить и поить будетъ? видно, пришлось помирать голодною смертію!» Только подумалъ, глядь — передъ нимъ столъ накрытъ, на столѣ и пить и ѣсть — всего вдоволь; онъ закусилъ и выпилъ, подкрѣпилъ свои силы и вздумалъ пойти на коня посмотреть. Приходить въ конюшню — конь стоитъ въ стойлѣ, да овесъ уплетаетъ. Ну, это дѣло хорошее; можно, значить, безъ нужды прожить. Долго-долго

оставался казакъ въ оловянномъ замкѣ, и взяла его скука смѣртная: шутка ли — завсегда одинъ-единёшенекъ! не съ кѣмъ и словечка перекинуть. Съ горя напился онъ пьянъ, и вздумалось ему ѣхать на вольной свѣтъ; только куда ни бросится — вездѣ стѣны высокія, нѣтъ ни входу, ни выходу. За досаду то ему показалось, схватилъ доброй мѣлодецъ палку, вошелъ во дворецъ и давай зеркала и стекла бить, бархаты рвать, стулья ломать, серебро швырять: «Авось де хозяинъ выйдетъ да на волю выпустить!» Нѣтъ, никто не является. Легъ казакъ спать; на другой день проснулся, погулялъ-походилъ и вздумалъ закусить; туда-сюда смотритъ — нѣтъ ему ничего! «Эхъ, думаетъ, сама себя раба бьетъ, коль нечисто жнетъ! Вотъ набѣдокурилъ вчера, а теперь голодай!» Только покался, какъ сейчасъ и ѣда, и питье — все готово! Прошло дня три; проснувшись поутру, смотритъ казакъ въ окно — у крыльца стоитъ его доброй конь осѣдланной. Что бы такое значило? Умылся, одѣлся, Богу помолился, взялъ свою длинную пику и вышелъ на широкой дворъ. Вдругъ откуда ни взялась — явилась красная дѣвица: «Здравствуй, доброй мѣлодецъ! семь лѣтъ окончилось — избавилъ ты меня отъ конечной гибели. Знай же: я — королевская дочь; полюбилъ меня Кощей Безсмертной, унёсъ отъ отца отъ матери, хотѣлъ взять за себя замужъ, да я надъ нимъ насмѣялася; вотъ онъ озлобился и оборотилъ меня лютой змѣею. Спасибоу тебѣ за долгую службу! Теперь поѣдемъ къ моему отцу; станетъ онъ награждать тебя золотой казной и камнями самоцвѣтными, ты ничего не бери, а проси себѣ боченокъ, что въ подвалѣ стоитъ». — «А что за корысть въ немъ?» — «Покатишь боченокъ въ правую сторону — тотчасъ дворецъ явится, покатишь въ лѣвую — дворецъ пропадаетъ». — «Хорошо»,

сказалъ казакъ, сѣлъ на коня, посадилъ съ собой и прекрасную королевну; высокія стѣны сами передъ нимъ пораздвинулись, и поѣхалъ онъ въ путь-дорогу. Долго ли, коротко ли — пріѣзжаетъ въ сказанное королевство. Король увидалъ свою дочь, возрадовался, началъ благодарствовать, и даетъ казаку полны мѣшки золота и жемчугу. Отвѣчаетъ доброй мѣлодецъ: «Не надо мнѣ ни злата, ни жемчугу; дай мнѣ на память тотъ боченокъ, что въ подвалѣ стоитъ». — «Многаго хочешь, братъ! ну, да дѣлать нечего: дочь мнѣ всего дороже! за нее и боченка не жаль; бери съ Богомъ». Казакъ взялъ королевской подарокъ и отправился по бѣлу свѣту странствовать. Ъхалъ-ѣхалъ, попадаетъ ему навстрѣчу древній старичокъ. Проситъ старикъ: «Накорми меня, доброй мѣлодецъ!» Казакъ соскочилъ съ лошади, отвязалъ боченокъ, покатилъ его вправо — въ ту жъ минуту чудной дворецъ явился. Взошли они оба въ расписныя палаты и сѣли за накрытой столъ. «Эй, слуги мои вѣрные! закричалъ казакъ: накормите-напоите моего гостя». Не успѣлъ вымолвить — несутъ слуги цѣлаго быка и три котла пива. Началъ старикъ уписывать да похваливать; сѣлъ цѣлаго быка, выпилъ три котла пива, крякнулъ и говоритъ: «Маловато, да дѣлать нечего! Спасибо за хлѣбъ за соль». Вышли изъ дворца; казакъ покатилъ свой боченокъ въ лѣвую сторону — и дворца какъ не бывало! «Давай помѣняемся! говоритъ старикъ казаку: я тебѣ мечъ отдамъ, а ты мнѣ боченокъ». — «А что толку въ мечѣ!» — «Да вѣдь это мечъ-саморубъ; только стѣбитъ махнуть — хоть какая будь сила несмѣтная, всю побьетъ! Вонъ видишь — лѣсъ растетъ; хочешь — пробу сдѣлаю?» Тутъ старикъ вынулъ свой мечъ, махнулъ имъ и говоритъ: «Ступай, мечъ-саморубъ! поруби дремучій лѣсъ». Мечъ полетѣлъ и ну деревья

рубить да въ сажени класть; порубить и назадъ, къ хозяину воротился. Казакъ не сталъ долго раздумывать, отдалъ старику боченокъ, а себѣ взялъ мечъ-саморубъ; махнулъ мечомъ и убилъ старика до смерти. Послѣ привязалъ боченокъ къ сѣдлу, сѣлъ на коня и вздумалъ къ королю вернуться. А подѣ стольной городъ того короля подошелъ сильной непріятель; казакъ увидалъ рать-силу несмѣтную, махнулъ на нее мечомъ: «Мечъ-саморубъ! сослужи-ка слѣужбу, поруби войско вражее». Полетѣли головы, полилася кровь, и часу не прошло, какъ все поле трупами покрылося. Король выѣхалъ казаку навстрѣчу, обнялъ его, поцѣловалъ, и тутъ же рѣшилъ выдать за него замужъ прекрасную королевну. Свадьба была богатая; на той свадьбѣ и я былъ, медъ-вино пилъ, по усамъ текло, во рту не было.

152

Заколдованная королевна

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ именитой купецъ; у него былъ сынъ Иванъ. Нагрузилъ купецъ свои корабли, домъ и лавки приказалъ женѣ да сыну, и отправился въ дальній путь. Ъдетъ онъ морями мѣсяцъ, и два, и три, пристасть въ земли чужестранныя, закупаетъ товары заморскіе, а свои по хорошей цѣнѣ продаетъ. Тѣмъ временемъ надъ Иваномъ-купеческимъ сыномъ стряслась бѣда немалая; озлобились на него всѣ купцы и мѣщане: «Зачѣмъ де онъ такой счастливой? весь торгъ у насъ отбилъ!» Собрались цѣлымъ обществомъ, написали челобитную, что такой-то купеческой сынъ — воръ и гуляка, недостойнъ быть въ нашемъ званіи, и присудили отдать его въ солдаты. Забрили ему сердешному лобъ и отправили въ полкъ. Служить Иванъ, горе

мыкаетъ — не одинъ годочекъ; десять лѣтъ прошло, и вздумалъ онъ побывать на родинѣ, записался въ отпускъ, взялъ билетъ на шесть мѣсяцевъ и пошелъ путемъ-дорогою. Отецъ и мать ему обрадовались; прожилъ онъ прогостилъ у нихъ сколько надобно, а тутъ время и назадъ отправляться. Взялъ его купецъ, повелъ въ подвалы глубокіе, златомъ-сѣребромъ насыпанные, и говоритъ: «Ну, любезной сынъ, бери себѣ денегъ, сколько душѣ хочется». Иванъ-купеческой сынъ наложилъ карманы, принялъ отъ отца отъ матери ихъ родительское навѣки нерушимое благословеніе, простился съ сродниками и поѣхалъ въ полкъ: отецъ-то ему важнаго коня купилъ! Съ той разлуки обуяла его добраго мѣлодца грусть-тоска великая, видитъ онъ — на дорогѣ кабакъ стоитъ, заѣхалъ съ горя вина испить; выпилъ косушку — мало показалось, выпилъ другую — опьянѣлъ и повалился спать. Отколы ни взялися ошары¹ кабацкіе, вынули у него деньги — всѣ до единой копеечки. Иванъ-купеческой сынъ проснулся, хватъ — нѣтъ ни копейки, потужилъ-потужилъ, и пустился дальше. Пристигала его темная ночь въ пустынныхъ мѣстахъ; ѣхалъ-ѣхалъ, трактиръ стоитъ, возлѣ трактира столбъ, на столбу написано: кто ночевать заѣдетъ, съ того — сто рублей. Что тутъ дѣлать? не съ голоду жъ помирать; стукнулъ въ ворота — выбѣгаетъ мальчикъ, ведетъ его въ горницу, а коня на конюшню. Что только душа просить, всего подають Ивану-купеческому сыну; наѣлся-напился онъ, сѣлъ и призадумался. «О чемъ, господинъ служивой, призадумался? спрашиваетъ хозяинъ: али расплатиться нечѣмъ?» — «Не то, хозяинъ! я у тебя сѣлъ, а мой вѣрный конь такъ стоитъ». — «Нѣтъ, служивой! хоть самъ посмотри, у него и сѣна и овса вдоволь».

1) Проматавшіеся, пропившіеся люди.

— «Да не въ томъ дѣло! наши лошади ужъ такъ привычны: коли я самъ буду возлѣ коня, такъ онъ станетъ ѣсть; а безъ меня и до корму не дотронется». Трактирщикъ побѣждалъ въ конюшню, заглянулъ — такъ и есть: конь стоитъ повѣся голову, на овесъ и не смотритъ. «Экая умная лошадь! знаетъ своего господина», подумалъ трактирщикъ, и велѣлъ для солдата изготавить постель въ конюшнѣ. Иванъ-купеческой сынъ залѣгъ тамъ спать, да ровно въ полночь, какъ всѣ въ домѣ заснули, всталъ, осѣдлалъ коня и ускакалъ со двора долой. На другой день къ вечеру заѣхалъ онъ въ трактиръ, гдѣ за одну ночь по двѣсти рублей брали; удалось ему и тутъ обмануть. На третій день попадаетъ ему трактиръ лучше прежнихъ двухъ; на столбѣ написано: кто ночевать заѣдетъ, съ того — триста рублей. «Ну, думаетъ, была не была, попробую и здѣсь удали!» Заѣхалъ, важно наѣлся, напился, сѣлъ и призадумался. «О чемъ, служивой, призадумался? али расплатиться нечѣмъ?» спрашиваетъ хозяинъ. «Нѣтъ, не угадалъ! мнѣ вотъ что думается: самъ-то я сытъ, а мой вѣрной конь такъ стоитъ». — «Какъ можно! я ему и сѣна наклалъ, и овса насыпалъ — всего вдоволь». — «Да наши лошади ужъ такъ привычны: коли я самъ возлѣ коня буду, такъ онъ станетъ ѣсть; а безъ меня и до корму не дотронется». — «Ну, что жъ! ложись въ конюшнѣ». А у того трактирщика была жена-волшебница, кинулась она смотрѣть въ свои книги и тотчасъ узнала, что у солдата нѣтъ за душой ни копейки; поставила у воротъ работниковъ и строго, накрѣпко приказала смотрѣть, чтобы какъ-нибудь солдатъ со двора не улизнулъ. Въ самую полночь всталъ Иванъ-купеческой сынъ и собрался было тягу дать, посмотреть — работники на часахъ стоятъ; легъ и заснулъ; пробудился — ужъ зоря занимается, осѣдлалъ

скорѣй коня, сѣлъ и ѣдетъ со двора. «Стой! закричали сторожа: ты еще съ хозяиномъ не расплатился; подавай-ка деньги!» — «Какія деньги? убирайтесь къ чорту!» отвѣчалъ Иванъ и хотѣлъ было проскочить мимо; работники тотчасъ сгребли его и давай бить по за-гровку. Такой шумъ подняли, что весь домъ сбѣжался. «Бей его, ребята, до смерти!» — «Будетъ съ него! го-ворить хозяинъ: оставьте его живого, пушай у насъ три года проживетъ да триста рублей заработаетъ». Нечего дѣлать, остался Иванъ-купеческой сынъ жить въ трактирѣ; день живетъ, и два, и три живетъ. Го-ворить ему хозяинъ: «Что, господинъ служивой, чай умѣешь изъ ружья стрѣлять?» — «Для чево не умѣть? насъ тому въ полку учать». — «Ну, такъ ступай, на-стрѣляй дичи; въ нашихъ мѣстахъ и всякой звѣрь и всякаѧ птица водится». Иванъ-купеческой сынъ взялъ ружье и пошелъ на охоту; долго бродилъ по лѣсу — ничего не попадается, уже къ самому вечеру увидалъ зайца на опушкѣ и только хотѣлъ прицѣлиться — заяцъ вскочилъ и давай Богъ ноги! Охотникъ за нимъ бросился, и выбѣжалъ на большой зеленой лугъ, на томъ лугу великолѣпной дворецъ стоитъ, изъ чистаго мрамора выстроены, золотой крышею покрыты. Заяцъ на дворъ прыснулъ, и Иванъ туда жъ, смотритъ туда-сюда — нѣтъ зайца, его и слѣдъ простылъ! «Ну, хоть на дворецъ посмотрю!» Пошелъ онъ въ палаты; ходилъ-ходилъ — во всѣхъ покояхъ убранство такое знатное, что ни вздумать, ни взгадать, только въ сказкѣ сказать; а въ одномъ покоѣ столъ накрытъ, на столѣ разныя закуски и вина приготовлены, богатые приборы по-ставлены. Иванъ-купеческой сынъ взялъ — изо всякой бутылочки выпилъ по рюмочкѣ, со всякой тарелочки сѣлъ по кусочку, напился-наѣлся, сидитъ себѣ и въ усь не дуетъ! Вдругъ подкатилась къ крыльцу коляска.

и пріѣхала королева — сама вся черная, и люди черные, и кони вороные. Иванъ вспомнилъ военную выpravку, вскочилъ и сталъ у дверей на вытяжку; входитъ королева въ комнату — онъ тотчасъ ей на караулъ сдѣлалъ. «Здорово, служивой! привѣтила королева: какъ сюда зашелъ — волею али неволею? отъ дѣла лытаешь али дѣла пытаешь? Садись-ка со мной рядомъ, потолкуемъ ладомъ». И просить его королева: «Можешь ли сослужить мнѣ службу великую? сослужишь — счастливъ будешь! Говорятъ, русскіе солдаты ничего не страшатся; а у меня вотъ этимъ дворцомъ нечистые завладѣли . . .» — «Ваше высочество! радъ вамъ до послѣдней капли крови служить». — «Ну, такъ слушай: до двѣнадцати часовъ пей и гуляй, и какъ двѣнадцать пробьетъ — ложись на постель, что посреди большой палаты на ремняхъ виситъ, и что надъ тобой ни будетъ дѣлаться, что тебѣ ни представится — не робѣй, лежи себѣ молча». Сказала королева, попрощалась и уѣхала; а Иванъ-купеческой сынъ началъ пить-гулять, веселиться, и только полночь ударило — лёгъ на показанное мѣсто. Вдругъ зашумѣла буря, раздался трескъ и громъ, того и смотри всѣ стѣны попадаютъ, въ тартарары провалиются; полны палаты чертей набѣжало, завопили-закричали, плясъ подняли; а какъ увидали гостя, стали напущать на него разныя страсти. Вотъ откуда ни возмись — прибѣгаетъ фельдфебель. «Ахъ, Иванъ-купеческой сынъ! что ты задумалъ? вѣдь тебя въ бѣгахъ зачислили; ступай скорѣй, а то плохо будетъ». За фельдфебелемъ бѣжитъ ротной командиръ, за ротнымъ батальённой, за батальённымъ полковой: «Что ты, подлецъ, тутъ дѣлаешь? видно, сквозь строй захотѣлъ прогуляться! Эй! принести сюда свѣжихъ палокъ!» Принялись нечистые за работу и живо натаскали цѣлые вороха

палокъ; а Иванъ-купеческой сынъ ни гу-гу! лежить да отмалчивается. «Ахъ, мерзавецъ! говоритъ полковой командиръ: онъ палокъ-то совѣмъ не боится; должно быть, за свою службу больше этого видалъ! Прислать ко мнѣ взводъ солдатъ съ заряженными ружьями, пусть его, негодяя, разстрѣляютъ!» Словно изъ земли выросъ — взводъ солдатъ появился; раздалась команда, солдаты прицѣпились . . . вотъ-вотъ выпалятъ! Вдругъ закричали пѣтухи — и все мигомъ исчезло: нѣтъ ни солдатъ, ни командировъ, ни палокъ. На другой день пріѣзжаетъ во дворецъ королева — уже съ головы по грудь бѣлая стала и люди ея и лошади — тоже. «Спасибо, служивой! говоритъ королева: видѣлъ ты страсть, а увидишь того больше. Смотри, не сробѣй, прослужи еще двѣ noci; я тебя счастливымъ сдѣлаю». Стали они вмѣстѣ ѣсть-пить, веселиться; послѣ того королева уѣхала, а Иванъ-купеческой сынъ легъ на свое мѣсто. Въ полночь зашумѣла буря, раздался громъ и трескъ — набѣжали нечистые, завопили, заплясали . . . «Ахъ, братцы! солдатъ-то опять здѣсь», закричалъ хромой, одноглазой чертѣнокъ. «Вишь повадился! что ты, али хочешь у насъ палаты отбить? Сейчасъ пойду скажу дѣдушкѣ». А дѣдушка самъ озывается, приказываетъ чертямъ притащить кузницу да накалилъ желѣзные прутья: «Тѣми прутьями горячими проймите его до самыхъ костей, чтобы зналъ онъ да вѣдалъ, какъ въ чужія палаты ходить!» Не успѣли черти кузницу справить, какъ запѣли пѣтухи — и все мигомъ пропало. На третій день пріѣзжаетъ во дворецъ королева, смотритъ Иванъ, дивуется: и сама королева, и люди ея, и лошади — всѣ до колѣнъ стали бѣлые. «Спасибо, служивой! за вѣрную службу; какъ тебя Богъ милуетъ?» — «Пока живъ и здоровъ, ваше высочество!» — «Ну, постарайся послѣднюю ночь;

да вотъ на тебѣ тулупъ, надѣнь на себя, а не то нечистые тебя когтями доймутъ . . . Теперь они страшно злы!» Сѣли они вмѣстѣ за столъ, ѣли-пили, веселились; послѣ королева попрощалась и уѣхала, а Иванъ-купеческой сынъ натянулъ на себя тулупъ, оградился крестомъ и легъ на свое прежнее мѣсто. Ударило полночь — зашумѣла буря, отъ грома и треску весь дворецъ затрѣсся; набѣжало чертей видимо-невидимо, и хромыхъ, и кривыхъ, и всякаго роду. Бросились къ Ивану-купеческому сыну: «Берите его, подлеца! хватайте, тащите!» — и давай когтями цапать: тотъ хватить, другой хватить, а когти все въ тулупѣ остаются. «Нѣтъ, братцы! видно его такъ не проймешь; возьмете-ка родного его отца съ матерью, да станемъ съ нихъ съ живыхъ кожи драть!» Въ ту жъ минуту притащили точь-въ-точь Ивановыхъ родителей, и принялись ихъ когтями драть; они ревуть: «Иванъ-голубчикъ, смилуйся, сойди съ своего мѣста; за тебя съ насъ съ живыхъ кожи дерутъ». Иванъ-купеческой сынъ лежитъ, не ворохнется, знай отмалчивается. Тутъ пѣтухи запѣли — и разомъ все сгнуло, словно ничего и не бывало. Утромъ пріѣзжаетъ королева — лошади бѣлыя, люди — бѣлые, и сама вся чистая, да такая красавица, что и вообразить лучшей нельзя: видно, какъ изъ косточки въ косточку мозжечокъ переливается. «Видѣлъ страсть, говоритъ Ивану королева: больше не будетъ! Спасибо тебѣ за службу; теперь пойдемъ поскорѣй отсюда». — «Нѣтъ, королева! отвѣчаетъ Иванъ-купеческой сынъ: надо бы отдохнуть часокъ-другой». — «Что ты, станешь отдыхать — совсѣмъ пропадешь». Вышли они изъ дворца, и пустились въ путь-дорогу. Отойдя немного, говоритъ королева: «Оглянись-ка, доброй молодецъ, что назади дѣлается!» Иванъ оглянулся — дворца и слѣдовъ не осталось.

сквозь землю провалился, а на томъ мѣстѣ пламя пышетъ. «Вотъ такъ бы и мы пропали, если бѣ замѣшались!» сказала королева, и подаетъ ему кошелекъ: «Возьми, это кошелекъ не простой; если понадобятся деньги, только тряхни — и тотчасъ червонцы посыплются, сколько душѣ угодно. Теперь ступай, расплатись съ трактирщикомъ и приходи вотъ на такой-то островъ къ соборной церкви, я тебя ждать буду. Тамъ отстоимъ мы обѣдню и обвиняемся: ты будешь мой мужъ, я твоя жена. Да смотри, не опоздай; если сегодня не успѣешь — завтра приходи, не прійдешь завтра — приходи на третій день; а упустишь три дня, вѣкъ меня не увидишь». Тутъ они распрощались; королева пошла направо, Иванъ-купеческой сынъ — налѣво. Приходить онъ въ трактиръ, потрянуль передъ хозяиномъ своимъ кошелькомъ — золото такъ и посыпалось: «Что, братъ! ты думалъ: у солдата денегъ нѣтъ, такъ его на три года закабалить можно; анъ врѣшь! отсчитывай, сколько надобно». Заплатилъ ему триста рублей, сѣлъ на коня и поѣхалъ — куда ему сказано. «Что за диво! откуда у него деньги взялись», думаетъ трактирщица, кинулась къ своимъ волшебнымъ книгамъ и увидѣла, что онъ избавилъ заклятую королеву и та подарила ему такой кошелекъ, что завсегда деньги будутъ. Сейчас позвала мальчика, послала его въ поле коровъ пасти и дала ему наговоренное яблоко: «Подойдетъ къ тебѣ солдатъ, попросить напиться; ты ему скажи: воды нѣту, а вотъ тебѣ яблочко наливное!» Мальчикъ погналъ коровъ въ поле; только успѣлъ пригнать, глядь — ѣдетъ Иванъ-купеческой сынъ. «Ахъ, братецъ! говорить: нѣтъ ли у тебя водицы напиться? страшно испить хочется!» — «Нѣтъ, служивой, вода далеко отсюда; а есть у меня яблочко наливное, коли хочешь — ску-

шай, авось освѣжишься!» Иванъ-купеческой сынъ взялъ яблочко, скушалъ, и напалъ на него крѣпкой-крѣпкой сонъ; трое сутокъ безъ просыпу спалъ. По-напрасну ожидала королева своего жениха три дня сряду: «Видно, не судьба моя быть за нимъ замужемъ!» Вздохнула, сѣла въ коляску и поѣхала; видитъ — мальчикъ коровъ пасетъ: «Пастушокъ, пастушокъ! не видалъ ли ты добраго мѣлодца, русскаго солдата?» — «Да вотъ онъ подъ дубомъ третьи сутки спитъ». Королева глянула — онъ сѣмой и есть! стала его толкать, будить; но сколько ни старалась — ничего не могла сдѣлать, чтобы онъ проснулся. Взяла она листокъ бумаги, достала карандашъ и написала такую записку: «Если ты не пойдешь на такой-то перевозъ, то не бывать тебѣ въ тридесѣтомъ государствѣ, не называться моимъ мужемъ!» Положила записку Ивану-купеческому сыну въ карманъ, поцѣловала его соннаго, заплакала горькими слезами, и уѣхала далеко-далеко: была, да и нѣтъ ее! Вечеромъ поздно проснулся Иванъ, и не знаетъ, что ему дѣлать? А мальчикъ сталъ ему рассказывать: «Пріѣзжала де сюда красная дѣвица, да такая нарядная! будила тебя, будила, да не добудилась, написала записку и положила въ твой карманъ; а сама сѣла въ коляску да и съ глазъ пропала». Иванъ-купеческой сынъ Богу помолился, на все стороны поклонился, и поскакалъ на перевозъ. Долго ли, коротко ли, прискакалъ туда и кричитъ перевозчикамъ: «Эй, братцы! перевезите меня, какъ можно скорѣй, на другую сторону; вотъ вамъ и плата впередъ!» Вынулъ кошелекъ, началъ встряхивать и насыпалъ имъ золота полную лодку. Перевозчики ажно ахнули. «Да тебѣ куда, служивой?» — «Въ тридесѣтое государство». — «Ну, братъ, въ тридесѣтое государство кривой дорогой три года ѣхать, а прямой — три часа; только прямо-то

проѣзду нѣтъ!» — «Какъ же быть?» — «А мы тебѣ вотъ что скажемъ: прилетаетъ сюда Грибъ-птица¹ — собою словно гора великая, и хватаетъ здѣсь всякую падаль да на тотъ берегъ носить. Такъ ты разрѣжь у своей лошади брюхо, вычисти и вымой; мы тебя и зашьемъ въ серѣдку. Грибъ-птица подхватитъ падаль, перенесетъ въ тридесятое государство и броситъ своимъ дѣтёнышамъ; тутъ ты поскорѣй вылѣзай изъ лошадинаго брюха и ступай — куда тебѣ надобно». Иванъ-купеческой сынъ отрубилъ коню голову, разрѣзалъ брюхо, вычистилъ, вымылъ и залѣзъ туда; перевозчики зашили лошадиное брюхо, а сами ушли-спрятались. Вдругъ Грибъ-птица летитъ, какъ гора валитъ, подхватила падаль, понесла въ тридесятое государство и бросила своимъ дѣтёнышамъ, а сама полетѣла опять за добычею. Иванъ распоролъ лошадиное брюхо, вылѣзъ и пошелъ прямо къ королю на службу проситься. А въ томъ тридесятомъ государствѣ Грибъ-птица много пакости дѣлала; каждой Божій день принуждены были выставять ей по единому человѣку на съѣденіе, чтобъ только въ конецъ царства не запустошила. Вотъ король думалъ-думалъ, куда дѣтъ этого странника? и приказалъ выставить его злой птицѣ на съѣденіе. Взяли его королевскіе воины, привели въ садъ, поставили возлѣ яблони и говорятъ: «Карауль, чтобъ не пропало ни одно яблочко!» Стоитъ Иванъ-купеческой сынъ, караулитъ; вдругъ Грибъ-птица летитъ, какъ гора валитъ. «Здравствуй, доброй мѣлодецъ! я не знала, что ты въ лошадиномъ брюхѣ былъ; а то бѣ давно тебя съѣла». — «Богъ знаетъ, либо съѣла, либо нѣтъ!» Птица одну губу ведетъ пѣ-земи, а другую крышей разставила, хочетъ съѣсть добраго мѣлодца. Иванъ-купеческой сынъ махнулъ штыкомъ и приткнулъ ей нижнюю губу

¹⁾ Грибъ-птица вмѣсто Грифъ-птица.

плотно къ сырой землѣ, послѣ выхватилъ тесакъ и давай рубить Грибъ-птицу по чемъ попадя. «Ахъ, доброй мѡлодецъ! сказала птица: не руби меня, я тебя богатыремъ сдѣлаю; возьми пузырькѣ изъ-подъ моего лѣваго крыла да выпей — самъ узнаешь!» Иванъ-купеческой сынъ взялъ пузырькѣ, выпилъ, почувалъ въ себѣ великую силу и еще бойчѣй на нее напалъ: знай машетъ да рубить! «Ахъ, доброй мѡлодецъ! не руби меня; я тебѣ и другой пузырькѣ отдамъ изъ-подъ праваго крыла». Иванъ-купеческой сынъ выпилъ и другой пузырькѣ, почувалъ еще бѡльшую силу, а рубить все не перестаетъ. «Ахъ, доброй мѡлодецъ! не руби меня; я тебя на счастье наведу: есть тутъ зеленые луга, въ тѣхъ лугахъ растутъ три высокіе дуба, подъ тѣми дубами — чугуныя двери, за тѣми дверями — три богатырскіе коня; въ нѣкую пору они тебѣ пригодятся!» Иванъ-купеческой сынъ птицу слушать — слушаетъ, а рубить — все-таки рубить; изрубилъ ее на мелкія части и сложилъ въ большущую кучу. На утро король призываетъ къ себѣ дежурнаго генерала: «Поди, говорить, вели прибрать кости Ивана-купеческаго сына; хотъ онъ изъ чужихъ земель, а все человѣчьимъ костямъ безъ погребенія непригоже валяться». Дежурной генераль бросился въ садъ, смотреть — Иванъ живъ, а Грибъ-птица на мелкія части изрублена; доложилъ про то королю. Король сильно обрадовался, похвалилъ Ивана и далъ ему своеручной открытой листъ: позволяется де ему по всему государству ходить, во всѣхъ кабакахъ и трактирахъ пить-ѣсть безденежно. Иванъ-купеческой сынъ, получая открытой листъ, пошелъ въ самой богатой трактиръ, хлопнулъ три ведра вина, три ковриги хлѣба да полбыка на закуску пошло, воротился на королевскую конюшню и легъ спать. Вотъ такъ-то жилъ онъ у ко-

роля на конюшнѣ круглыхъ три года; а послѣ того явилась королева — она кривой дорѳгой ѣхала. Отецъ радѣхонекъ, сталъ разспрашивать: «Кто тебя, дочь любезная, отъ горькой доли спасъ?» — «Такой-то солдатъ изъ купеческихъ дѣтей». — «Да вѣдь онъ сюда пришелъ, и мнѣ большую радость сдѣлалъ — Грибъ-птицу изрубилъ!» Что долго думать-то? обвинчали Ивана - купеческаго сына на королевнѣ и сотворили пиръ на весь мѣръ, и я тамъ былъ, вино пилъ, по усамъ текло, во рту не было.

Въ скоромъ времени пишетъ къ королю трехглавой змѣй: отдай свою дочь, не то все королевство огнемъ сожгу, пепломъ развѣю!» Король запечалился, а Иванъ-купеческой сынъ хлопнулъ три ведра вина, три ковриги хлѣба да полбыка на закуску пошло, кинулся въ зеленые луга, поднялъ чугунную дверь, вывелъ богатырскаго коня, надѣлъ на себя мечъ-кладенецъ да боевую палицу, сѣлъ на коня и поскакалъ сражаться. «Эхъ, доброй молодецъ! говорить змѣй: что ты задумалъ . . . Я тебя на одну руку посажу, другой прихлопну — только мокренько будетъ!» — «Не хвались, прежде Богу помолись!» отвѣчалъ Иванъ, махнулъ мечомъ-кладенцомъ и сшибъ разомъ всѣ три головы. Послѣ побѣдилъ онъ шестиглаваго змѣя, а вслѣдъ за тѣмъ и двѣнадцатиглаваго, и прославился своей силою и доблестью во всѣхъ земляхъ.

153

Окаменѣлое царство

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ солдатъ; служилъ онъ долго и безпорочно, царскую службу зналъ хорошо, на смотры, на ученья приходилъ чистъ и исправенъ. Сталъ послѣднѣй годъ дослуживать — какъ на бѣду не взлюбило его началь-

ство не только большое, да и малое: то-и-дѣло подѣ палками отдувайся! Тяжело солдату, и задумалъ онъ бѣжать; ранецъ черезъ плечо, ружье на плечо, и началъ прощаться съ товарищами, а тѣ его спрашивать: «Куда идешь? аль батальённой требуетъ?» — «Не спрашивайте, братцы! подтяните-ка ранецъ покрѣпче, да лихомъ не поминайте!» И пошелъ онъ, доброй мѣлодецъ, куда глаза глядятъ. Много ли, мало ли шелъ — пробрался въ иное государство, усмотрѣлъ часового и спрашиваетъ «Нельзя ли гдѣ отдыхъ взять?» Часовой сказалъ ефрейтору, ефрейторъ офицеру, офицеръ генералу, генералъ доложилъ про него самому королю. Король приказалъ позвать того служиваго передъ свои свѣтлыя очи. Вотъ явился солдатъ, какъ слѣдуетъ — при формѣ, сдѣлалъ ружьемъ на караулъ и сталъ какъ вкопаной. Говоритъ ему король: «Скажи мнѣ по совѣсти, откуда и куда идешь?» — «Ваше королевское величество! не велите казнить, велите слово вымолвить». Признался во всемъ королю по совѣсти и сталъ на службу проситься. «Хорошо, сказалъ король: наймись у меня садъ караулить; у меня теперь въ саду неблагополучно — кто-то ломаетъ мои любимыя деревья, такъ ты постарайся-сбереги его, а за трудъ дамъ тебѣ плату немалую». Солдатъ согласился, сталъ въ саду караулъ держать. Годъ и два служить — все у него исправно; вотъ и третій годъ на исходѣ, пошелъ однажды садъ оглядывать, и видитъ — половина что ни есть лучшихъ деревьевъ поломаны. «Боже мой! думаетъ самъ съ собою: вотъ какая бѣда приключилась! Какъ замѣтитъ это король, сейчасъ велитъ схватить меня и повѣсить». Взялъ ружье въ руки, прислонился къ дереву и крѣпко-крѣпко призадумался. Вдругъ послышался трескъ и шумъ, очнулся доброй мѣлодецъ, глядь — прилетѣла въ садъ огром-

ная, страшная птица и ну валять деревья. Солдаты выстрѣлили въ нее изъ ружья, убить не убилъ, а только ранилъ ее въ правое крыло; выпало изъ того крыла три пера, а сама птица на утѣкъ пустилась. Солдаты за нею; ноги у птицы быстрыя, скорѣхонько добѣжала до провалища и скрылась изъ глазъ. Солдаты не убоялись и вслѣдъ за нею кинулись въ то провалище; упали въ глубокую-глубокую пропасть, отшибъ себѣ всѣ печѣнки и цѣлыя сутки лежалъ безъ памяти. Послѣ опомнился, всталъ, осмотрѣлся — что же? и подъ землей такой же свѣтъ. «Стало быть, думаетъ, и здѣсь есть люди!» Шель-шель, передъ нимъ большой городъ, у воротъ караульня, при ней часовая; сталъ его спрашивать — часовая молчитъ, не движется; взялъ его за руку — а онъ совсѣмъ каменной. Взошелъ солдатъ въ караульню — народу много, и стоять, и сидять, только всѣ окаменѣлые, пустился бродить по улицамъ — вездѣ то же самое: нѣтъ ни единой живой души человѣческой, все какъ есть камень! Вотъ и дворецъ расписной, вырѣзной, маршь туда, смотреть — комнаты богатая, на столахъ закуски и напитки всякіе, а кругомъ тихо и пусто. Солдаты закусилъ, выпилъ, сѣлъ было отдохнуть, и послышалось ему — словно кто къ крыльцу подѣхалъ; онъ схватилъ ружье и сталъ у дверей. Входитъ въ палату прекрасная царевна съ мамками, съ няньками; солдаты отдали ей честь, а она ему ласково поклонилась: «Здравствуй, служивой! Расскажи, говорить, какими судьбами ты сюда попалъ?» Солдаты начали рассказывать: «Нанялся де я царской садъ караулить, и повадилась туда большая птица летать да деревья ломать; вотъ я подстерѣлъ ее, выстрѣлили изъ ружья, и выбили у ней изъ крыла три пера; бросился за ней въ погоню и очутился здѣсь». — «Эта птица — мнѣ родная сестра; много она творить

всякаго зла, и на мое царство бѣду наслала — весь народъ мой окаменила. Слушай же: вотъ тебѣ книжка, становись вотъ тутъ и читай ее съ вечера до тѣхъ поръ, пока пѣтухи не запоютъ. Какія бы страсти тебѣ ни казались, ты знай свое — читай книжку да держи ее крѣпче, чтобъ не вырвали; не то живъ не будешь! Если простоишь три ночи, то выйду за тебя замужъ». — «Ладно!» отвѣчали солдатъ. Только стемнѣло, взялъ онъ книжку и началъ читать. Вдругъ застучало, загремѣло — явилось во дворецъ цѣлое войско, подступили къ солдату его прежніе начальники, и бранятъ его, и грозятъ за побѣгъ смертію; вотъ ужъ и ружья заряжаютъ, прицѣливаются . . . Но солдатъ на то не смотреть, книгу изъ рукъ не выпускаетъ, знай себѣ читаетъ. Закричали пѣтухи — и все разомъ сгинуло! На другую ночь страшнѣй было, а на третью и того пуще: прибѣжали палачи съ пилами, топорами, мѣлотами, хотятъ ему кости дробить, жилы тянуть, на огнѣ его жечь, а сами только и думаютъ, какъ бы книгу изъ рукъ выхватить. Такія страсти были, что едва солдатъ выдержалъ. Запѣли пѣтухи — и демонское наваждение сгинуло! Въ тотъ самой часъ все царство ожило, по улицамъ и въ домахъ народъ засуетился, во дворецъ явилась царица съ генералами, со свитою, и стали все благодарствовать солдату и величать его своимъ государемъ. На другой день женился онъ на прекрасной царевнѣ и зажилъ съ нею въ любви и радости.

154

Береза и три сокола

Отслужилъ солдатъ свой законный срокъ, получилъ отставку и пошелъ на родину. Идетъ путемъ-дорогою, а навстрѣчу ему нечистой. «Стой, служивой! куда

идешь?» — «Домой иду». — «Что тебѣ дома! вѣдь у тебя ни рода, ни племени. Наймись лучше ко мнѣ въ работники; я тебѣ большое жалованье положу». — «А въ чемъ служба?» — «Служба самая легкая: мнѣ надобно ѣхать за синія моря къ дочери на свадьбу, а есть у меня три сокола; покарауль ихъ до моего приѣзду». Солдаты согласились: «Безъ денегъ, думаетъ, плохое житье; хоть у чорта, все что-нибудь да зарабатую!» Нечистой привелъ его въ свои палаты, а самъ уѣхалъ за синія моря. Вотъ солдатъ ходилъ-ходилъ по разнымъ комнатамъ; сдѣлалось ему скучно, и вздумалъ онъ пойтить въ садъ; вышелъ, смотреть — стоитъ береза. И говоритъ ему береза человѣческимъ голосомъ: «Служивой! сходи вотъ въ такую-то деревню, скажи тамошнему священнику, чтобы далъ тебѣ то самое, что ему нынче во снѣ привидѣлось». Солдатъ пошелъ, куда ему сказано; священникъ тотчасъ досталъ книгу: «Вотъ тебѣ — возьми!» Солдатъ взялъ; приходитъ назадъ. «Спасибо, доброй человѣкъ! говоритъ береза: теперь становись да читай». Началъ онъ читать эту книгу; одну ночь читалъ — вышла изъ березы красная дѣвица, красоты неописанной, по самыя груди; другую ночь читалъ — вышла по поясъ; третью ночь читалъ — совсѣмъ вышла. Поцѣловала его и говоритъ: «Я — царская дочь; похитилъ меня нечистой и сдѣлалъ березою. А три сокола — мои родные братья; хотѣли они меня выручить, да сами попались!» Только вымолвила царевна это слово, тотчасъ прилетѣли три сокола, ударились о сырую землю и обратились добрыми молодцами. Тутъ все они собрались и поѣхали къ отцу къ матери, и солдата съ собой взяли. Царь и царица обрадовались, щедро наградили солдата, выдали за него замужъ царевну и оставили жить при себѣ.

Заклятой царевичъ

Жилъ-былъ купецъ, у него было три дочери. Пришлось ему ѣхать въ чужія земли за товарами, спрашиваетъ онъ у дочерей: «Что вамъ привезти изъ-за моря?» Старшая проситъ обновку, середняя — тожь, а младшая взяла листъ бумаги, нарисовала цвѣтокъ: «Мнѣ, говоритъ, батюшка, привези вотъ эдакой цвѣтокъ». Долго разѣзжалъ купецъ по разнымъ государствамъ, а такого цвѣтка нигдѣ не видалъ. Сталъ домой ворочаться и усмотрѣлъ на пути славной высокой дворецъ, съ теремами, башнями, съ садомъ. Зашелъ погулять въ саду: что тутъ всякихъ деревьевъ, что всякихъ цвѣтовъ! одинъ цвѣтокъ другого прекраснѣе! Смотритъ, а вотъ и точно такой растетъ, какой ему дочь нарисовала. «Дай, думаетъ, сорву да повезу любимой дочери; кажись, никого нѣтъ, никто не увидитъ!» Нагнулся и сорвалъ, и только сдѣлалъ это — какъ въ ту жъ минуту поднялся буйный вѣтеръ, загремѣлъ громъ, и явилось передъ нимъ страшное чудище — безобразной крылатой змѣй съ тремя головами. «Какъ ты смѣлъ въ моемъ саду хозяйничать? закричалъ змѣй на купца: зачѣмъ цвѣтокъ сорвалъ?» Купецъ испугался, палъ на колѣни и сталъ просить прощенія. «Хорошо, говоритъ змѣй: пожалуй, я тебя прощу, только съ тѣмъ условіемъ: кто тебя первой по приѣздѣ домой встрѣтитъ, того мнѣ на весь вѣкъ отдай. А если обманешь, то не забудь, что отъ меня нигдѣ не спрячешься; вездѣ тебя найду!» Купецъ согласился; подъѣзжаетъ къ своему двору, а меньшая дочь усмотрѣла его въ окошечко и выбѣжала навстрѣчу. Купецъ и голову повѣсилъ: смотреть на свою любимую дочь и горькими слезами плачетъ. «Что съ тобой? о чемъ

плачешь, батюшка?» Онъ отдалъ ей цвѣтокъ и разска-
залъ, что съ нимъ случилось. «Не печалься, батюшка!
говорить меньшая дочь: Богъ дастъ — мнѣ и тамъ
хорошо будетъ! Вези меня къ змѣю». Отецъ отвезъ
ее, оставилъ во дворцѣ, попрощался и уѣхалъ домой.
Вотъ красная дѣвица, дочь купеческая, ходитъ по раз-
нымъ комнатамъ — вездѣ золото да бархатъ, а никого
не видать, ни единой души человѣческой! а время
идетъ да идетъ; проголодалась красавица и думаетъ:
«Ахъ, какъ бы я теперь покушала!» Не успѣла по-
думать, а ужъ передъ нею столъ стоитъ, а на столѣ
и кушанья, и напитки, и сласти; развѣ только птичьяго
молока нѣтъ! Сѣла она за столъ — напилась, наѣлась;
встала — и все исчезло! Вотъ и смерклось; купеческая
дочь вошла въ спальню, хочетъ спать ложиться. Вдругъ
зашумѣлъ буйный вѣтеръ, и явился передъ нею трех-
главой змѣй. «Здравствуй, красная дѣвица! постели-ка
мнѣ постель возлѣ этой двери». Красная дѣвица постла-
ла ему постель возлѣ двери; а сама легла на кроваткѣ.
Проснулась поутру, опять во всемъ домѣ не видать
ни души; одно хорошо; чего бы ни пожелала она —
все тотчасъ и явится! Вечеромъ прилетаетъ змѣй и
приказываетъ: «Теперь, красная дѣвица, постели мнѣ
постель рядомъ съ твоею кроваткою». Она постлала
ему рядомъ съ своею кроваткою. Ночь прошла, дѣвица
проснулась — опять во дворцѣ ни души! Въ третій
разъ прилетаетъ змѣй вечеромъ и говоритъ: «Ну,
красная дѣвица, теперь я съ тобой на одной кровати
лягу». Страшно было купеческой дочери спать на одной
постели съ такимъ безобразнымъ чудищемъ, а дѣлать
нечего — скрѣпила свое сердце, легла съ нимъ. На утро
говоритъ ей змѣй: «Если скучно тебѣ, красна дѣвица,
поѣзжай къ отцу, къ сестрамъ; побудь съ ними день,
а къ вечеру назадъ пріѣзжай, да смотри — не опоздай;

если хоть минуту опоздаешь — я съ горя помру!» — «Нѣтъ, не опоздаю!» говорить купеческая дочь, вышла на крыльцо, а ужъ коляска давно готова; сѣла, и въ ту жь минуту очутилась на батюшкиномъ дворѣ. Отецъ увидалъ, обнимаетъ, цѣлуетъ ее, разспрашиваетъ: «Какъ тебя Богъ милуетъ, дочка моя любимая? хорошо ли тебѣ?» — «Хорошо, батюшка!» Стала рассказывать, какое во дворцѣ богатство, какъ ее змѣй любить, какъ все, что только она задумаетъ, тотчасъ исполняется. Сестры слушаютъ и не знаютъ что дѣлать отъ зависти. День на исходѣ; красная дѣвица назадъ собирается, съ отцомъ, съ сестрами прощается: «Такъ и такъ, говорить, домой пора! велѣно къ сроку быть». Завистливыя сестры натерли себѣ глаза лукомъ и будто плачутъ: «Не уѣзжай, сестрица! останься до завтрава». Жалко ей стало сестеръ, осталась до другого дня. Поутру простилась со всѣми и уѣхала во дворецъ. Пріѣзжаетъ — во дворцѣ пусто попрежнему; пошла въ садъ, смотреть, а змѣй мертвой въ прудѣ лежитъ: съ горя въ воду бросился. «Ахъ, Боже мой, что я сдѣлала!» вскрикнула красная дѣвица и залилась слезами, прибѣжала къ пруду, вытащила змѣя изъ воды, обняла одну голову и поцѣловала крѣпко-крѣпко, — змѣй встрепенулся и вмигъ обратился въ добраго мѣлодца. «Спасибо тебѣ, красная дѣвица! говорить ей мѣлодецъ: ты меня избавила отъ великаго несчастія; я не змѣй, а закланой царевичъ!» Тотчасъ поѣхали они къ купцу, перевѣнчались, и стали жить-поживать да добра наживать.

156

Сопливый козель

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ купецъ, и было у него три дочери. Построилъ онъ себѣ новой домъ, и посылаетъ на новоселье

ночевать старшую дочь, чтобъ послѣ рассказала ему, что и какъ ей во снѣ привидится. И привидѣлось ей во снѣ, что она выйдетъ замужъ за купческаго сына. На другой день посылаетъ купецъ на новоселье среднюю дочь, что ей привидится? И приснилось ей, что она выйдетъ замужъ за дворянина. На третью ночь дошла очередь до меньшей дочери, послалъ и ту; и приснилось ей, бѣдняжкѣ, что выйдетъ она замужъ за козла. Перепугался отецъ, не велѣлъ своей любимой дочери даже на крыльцо выходить. Такъ нѣтъ вотъ, не послушалась, вышла! А козель въ это время подхватилъ ее на высокіе рога и унёсъ за крутые берега. Принесъ къ себѣ и уложилъ на полати спать: сопли у него бѣгутъ, слюни текутъ, а бѣдняжка то-и-дѣло платочкомъ утираетъ, не брезгуетъ; понравилось это козлу, знай чешетъ свою бороду! Поутру встала наша красавица, глядь — анъ дворъ огороженъ частоколомъ, а на каждой тычинкѣ по дѣвичьей головкѣ; только одна тычинка простая стойтъ. Обрадовалась бѣдняжка, что смерти избѣжала. А слуги давно ее будятъ: «Не пора, сударыня, спать, пора вставать; въ горницахъ мести, соръ на улицу нести!» Выходитъ она на крылечко; летятъ гуси. «Ахъ вы, гуси мои сѣрые! не съ родной ли вы со сторонущи, не отъ родного ли батюшки несете мнѣ вѣсточку?» А гуси ей въ отвѣтъ: «Съ твоей-то мы со сторонущи, принесли-то мы тебѣ вѣсточку: у васъ дома сговоръ, старшую сестрицу твою замужъ выдаютъ за купческаго сына». Козель съ полатей все слышитъ, и говорить слугамъ: «Эй вы, слуги мои вѣрные! несите платья самоцвѣтные, закладывайте воронихъ коней, чтобъ три раза скакнули и были на мѣстѣ». Принарядилась бѣдняжка и поѣхала; кони мигомъ привезли ее къ отцу. На крыльцѣ встрѣчаютъ гости, въ домѣ пиръ горой! А козель въ то время

обернулся добрымъ мѣлодцемъ и ходить по двору съ гусями. Ну, какъ на пиръ гусяра не созвать? Онъ пришелъ въ хоромы и началъ выигрывать: «Козлова жена, соплякова жена! козлова жена, соплякова жена!» А бѣдняжка по одной щекѣ его хлопъ, по другой хлопъ, а сама на коней — и была такова!

Пріѣхала домой, а козелъ ужъ на полатахъ лежитъ; сопли у него бѣгутъ, слюни текутъ; бѣдняжка то-и-дѣло платочкомъ утираетъ, не брезгуетъ. Поутру будятъ ее слуги: «Не пора, сударыня, спать, пора вставать; въ горницахъ мести, соръ на улицу нести!» Встала она, прибрала все въ горницахъ и вышла на крылечко; летятъ гуси. «Ахъ вы, гуси мои сѣрые! не съ родной ли вы со сторонущи, не отъ родного ли батюшки несете мнѣ вѣсточку?» А гуси въ отвѣтъ: «Съ твоей-то мы со сторонущи, принесли-то мы тебѣ вѣсточку: у васъ дома сговоръ, среднюю сестрицу твою замужъ выдаютъ за дворянина богатаго». Опять поѣхала бѣдняжка къ отцу; на крыльцѣ ее гости встрѣчаютъ, въ домѣ пиръ горой! А козелъ обернулся добрымъ мѣлодцемъ и ходить по двору съ гусями; позвали его, онъ и сталъ выигрывать: «Козлова жена, соплякова жена! козлова жена, соплякова жена!» Бѣдняжка по одной щекѣ его хлопъ, по другой хлопъ, а сама на коней — и была такова!

Воротилась домой; козелъ лежитъ на полатахъ; сопли бѣгутъ, слюни текутъ. Прошла еще ночь; поутру встала бѣдняжка, вышла на крылечко; опять летятъ гуси. «Ахъ вы, гуси мои сѣрые! не съ родной ли вы со сторонущи, не отъ родного ли батюшки несете мнѣ вѣсточку?» А гуси въ отвѣтъ: «Съ твоей-то мы со сторонущи, принесли тебѣ вѣсточку: у отца твоего большой столъ». Поѣхала она къ отцу; гости на крыльцѣ встрѣчаютъ, въ домѣ пиръ горой! На дворѣ гусярь

похаживаетъ, на гусяхъ выигрываетъ. Позвали его въ хоромы; гусярь опять по-старому: «Козлова жена, соплякова жена! козлова жена, соплякова жена!» Бѣдняжка въ одну щеку его хлопъ, а сама мигомъ домой. Смотрить на полати, а тамъ одна козлиная шкурка лежить; гусярь не успѣлъ еще оборотиться въ козла. Полетѣла шкурка въ печь, и очутилась меньшая купеческая дочь замужемъ не за козломъ, а за добрымъ молодцомъ; стали они себѣ жить да поживать, да добра наживать.

Записана въ Нижегородской губ.

157

Неумойка

Отслужилъ солдатъ три войны, не выслужилъ и выѣденнаго яйца, и отпустили его въ чистую. Вотъ онъ вышелъ на дорогу, шелъ-шелъ, присталъ и сѣлъ у озера; сидитъ да думу думаетъ: «Куда теперь мнѣ дѣваться, чѣмъ прокормиться? . . . Къ чорту, что ли, въ работники наняться!» Только вымолвилъ эти рѣчи, а чертенокъ тутъ какъ тутъ — стоитъ передъ нимъ, кланяется: «Здорово, служба!» — «Тебѣ что надо?» — «Да не самъ ли ты захотѣлъ къ намъ въ работники наняться? Что жъ, служивой, наймись! жалованье большое дадимъ». — «А какова работа?» — «Работа легкая: только пятнадцать лѣтъ не бриться, не стричься, соплей не сморкать, носъ не утирать и одѣжи не перемѣнять». — «Ладно, говорить солдатъ: я возьмусь за эту работу, но съ тѣмъ уговоромъ, чтобы все мнѣ было готово, чего душа пожелаетъ!» — «Ужъ это какъ водится! будь спокоенъ, за нами помѣшки не будетъ». — «Ну, такъ по рукамъ!» Сейчасъ же перенеси меня въ большой столичный городъ да кучу денегъ притащи;

ты вѣдь самъ знаешь, что этого добра у солдатъ безъ малаго ничего!» Чертёнокъ бросился въ озеро, притащилъ кучу денегъ и мигомъ перенёсъ солдата въ большой городъ; перенёсъ — и былъ таковъ! «Вотъ на дурака попалъ! говоритъ солдатъ: еще не служилъ, не работалъ, а деньги взялъ». Нанялъ себѣ квартиру, не стрижется, не бреется, носа не утираетъ, одѣжи не перемѣняетъ, живетъ-богатѣетъ; до того разбогатѣлъ, что некуда стало денегъ дѣвать. Что дѣлать съ серебромъ да съ золотомъ? «Дай-ка, вздумалъ онъ: начну помогать бѣднымъ; пусть за мою душу молятся». Началъ солдатъ раздавать деньги бѣднымъ, и направо даетъ, и налѣво даетъ — а денегъ у него не только не убываетъ, а еще прибавляется. Пошла объ немъ слава по всему царству, по всеѣмъ людямъ. Вотъ такъ-то жилъ солдатъ лѣтъ четырнадцать; на пятнадцатомъ году не хватило у царя казны; велѣлъ онъ позвать къ себѣ этого солдата. Приходитъ къ нему солдатъ небритой, немытой, нечесаной, сопли не вытерты, одѣжа не перемѣнена. «Здравія желаю, ваше величество!» — «Послушай, служивой! ты, говорятъ, всеѣмъ людямъ добро дѣлаешь; дай мнѣ хоть взаймы денегъ. У меня на жалованье войскамъ не хватаетъ. Если дашь, сейчасъ тебя генераломъ пожалую». — «Нѣтъ, ваше величество! я генераломъ быть не желаю; а коли хочешь жаловать, отдай за меня одну изъ своихъ дочерей, и бери тогда казны сколько надобно». Тутъ король призадумался: и дочерей жалко, и безъ денегъ обойтись нельзя. «Ну, говоритъ, хорошо; прикажи съ себя списать патреть, я его дочерямъ покажу — которая за тебя пойдетъ?» Солдатъ повернулся, велѣлъ списать съ себя патреть — точь-въ-точь, какъ онъ есть, и послалъ его къ царю. У того царя было три дочери; призвалъ ихъ отецъ, показываетъ солдатской патреть

старшей: «Пойдешь ли за него замужъ? онъ меня изъ великой нужды выведетъ». Царевна видитъ, что нарисовано страшилище, волосы вклокочены, ногти не выстрижены, сопли не вытерты. «Не хочу! говорить: я лучше за чорта пойду!» А чортъ откуда взялся — стоитъ позади съ перомъ да съ бумагой; услыхалъ это и записалъ ея душу. Спрашиваетъ отецъ среднюю дочь: «Пойдешь за солдата замужъ?» — «Какъ же! я лучше въ дѣвкахъ просижу, лучше съ чортомъ повяжуся, чѣмъ за него идти!» Чортъ записалъ и другую душу. Спрашиваетъ отецъ у меньшей дочери; она ему отвѣчаетъ: «Видно судьба моя такова! иду за него замужъ, а тамъ что Богъ дастъ!» Царь обрадовался, послалъ сказать солдату, чтобъ къ вѣнцу готовился, и отправилъ къ нему двѣнадцать подводъ за золотомъ. Солдатъ потребовалъ къ себѣ чертѣнка: «Вотъ двѣнадцать подводъ — чтобы сейчасъ всѣ были золотомъ насыпаны!» Чертѣнокъ побѣжалъ въ озеро, и пошла у нечистыхъ работа: кто мѣшокъ тащить, кто два; живой рукой насыпали воза и отправили къ царю во дворецъ. Царь поправился и началъ звать къ себѣ солдата почитай каждый день, сажалъ съ собою за единой столъ, вмѣстѣ съ нимъ и пилъ и ѣлъ. Вотъ пока они готовились къ свадьбѣ, прошло какъ разъ пятнадцать лѣтъ: кончился срокъ солдатской службы. Зоветъ онъ чертѣнка и говорить: «Ну, служба моя покончилась; сдѣлай теперь меня молодцомъ». Чертѣнокъ изрубилъ его на мелкія части, бросилъ въ котелъ, и давай варить; сварилъ, вынулъ и собралъ все воедино, какъ слѣдуетъ: косточка въ косточку, суставчикъ въ суставчикъ, жилка въ жилку; потомъ взбрызнулъ мертвой и живой водою — и солдатъ всталъ такимъ молодцомъ, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать. Обвѣнчался онъ съ младшею царевною, и стали

они жить-поживать, добра наживать; я на свадьбѣ былъ, медъ-пиво пить, было у нихъ вино — выпивалъ его по самое дно!

Прибѣжалъ чертёнокъ въ озеро; потребовалъ его дѣдушка къ отчету: «Что, какъ солдатъ?» — «Отслужилъ свой срокъ вѣрно и честно: ни разу не брился, не стригся, соплей не утиралъ, одѣжи не перемѣнялъ». Разсердился на него дѣдушка: «Въ пятнадцать лѣтъ, говорить, не могъ соблазнить ты солдата! что даромъ денегъ потрачено! какой же ты чортъ послѣ этого!» и приказалъ бросить его въ смолу кипучую. «Постой, дѣдушка! отвѣчаетъ впучекъ: за солдатекую душу у меня двѣ записаны». — «Какъ такъ?» — «Да вотъ какъ: задумалъ солдатъ на царевнѣ жениться, такъ старшая да средняя сказали отцу, что лучше за чорта пойдутъ замужъ, чѣмъ за солдата! Стало быть онѣ — наши!» Дѣдушка оправилъ чертёнка и велѣлъ его отпустить: знаетъ де свое дѣло!

158

Косоручка

Въ нѣкоторомъ царствѣ, не въ нашемъ государствѣ, жилъ купецъ богатый; у него двое дѣтей, сынъ и дочь. И померли отецъ съ матерью. Братецъ и говоритъ сестрицѣ: «Пойдемъ, сестрица, съ этого города вонъ; вотъ я займусь въ лавочкѣ — будемъ торговать, тебѣ найму фатерку¹ — будешь жить». Ну вотъ, они пошли въ другу губерню. Пришли въ другу губерню. Вотъ братъ опредѣлился, нанялъ лавочку съ краснымъ товаромъ. Вздумалось братцу жениться; вотъ онъ женился, взялъ таку себѣ жену — волшебницу. Собирается братъ въ лавочку торговать и приказывать

¹) Квартирu.

сестрицѣ: «Смотри, сестрица, въ домѣ». Женѣ ненавистно стало, что онъ приказывать сестрѣ. Только она фтрафила, — какъ мужу возвратиться, взяла перебила всю небель¹, и ожидаетъ мужа. Она встрѣчаетъ его и говоритъ: «Вотъ какая у тебя сестра, перебила у насъ въ кладовой всю небель!» — «Что же, это наживное дѣло», отвѣчаетъ мужъ.

Вотъ на другой день отправляется въ лавку, прощается съ женою и сестрой, и приказывать сестрѣ: «Смотри, сестрица, пожаласта, въ домѣ какъ можно лучше». Вотъ жена это узнала время, въ какое быть мужу, входитъ въ конюшню и мужнину любимому коню голову снесла саблей. Стоитъ на крыльцѣ и ждетъ его. «Вотъ, говорить, какая сестра твоя! любимому коню твоему, говорить, голову снесла!» — «Эхъ, собачье собакамъ ѣсть», отвѣчаетъ мужъ.

На третій день опять идетъ мужъ въ лавку, прощается и говоритъ сестрѣ: «Смотри, пожаласта, за хозяйкой, чтобъ она сама надъ собой чтò не сдѣлала, али надъ младенцемъ, паче чаянія она родить». Она какъ родила младенца, взяла и голову срубила. Сидитъ и плачетъ надъ младенцемъ. Вотъ приходитъ это мужъ. «Вотъ кака твоя сестрица! не успѣла я родить младенца, она взяла и саблей ему голову снесла». Вотъ мужъ ничего не сказалъ, залился слезьми и пошелъ отъ нихъ прочь.

Приходитъ ночь. Въ самую полночь онъ подымается и говоритъ: «Сестрица милая! собирайся, поѣдемъ мы съ тобой къ обѣдни». Она и говоритъ: «Братецъ родимой! нынче, кажется, праздника никакого нѣтъ». — «Нѣтъ, сестрица, есть праздникъ, поѣдемъ». — «Еще рано, говорить, намъ ѣхать, братецъ!» — «Нѣтъ ваше (дѣло) дѣвичье, скоро ли, говорить: вы уберетесь!»

¹) Мебель.

Сестрица милая стала убираться: убирается не убирается она, руки у ней всё отваливаются. Подходить братецъ и говорить: «Ну, проворнѣй, сестрица, одѣвайся». — «Вотъ, говорить, еще рано, братецъ». — «Нѣтъ, сестрица, не рано — время». Собралась сестрица. Сѣли и поѣхали къ обѣднѣ. Ъхали долго ли, не мало; подъѣзжаютъ къ лѣсу. Сестра говорить: «Что это за лѣсъ?» Онъ отвѣчаетъ: «Это ограда вокругъ церкви». Вотъ за кустикъ зацѣпились дрожечки. Братецъ говорить: «Встань, сестрица, отцѣпи дрожечки». — «Ахъ, братецъ мой милый, я не могу, я платье замараю». — «Я, сестрица, тебѣ новое платье куплю, лучше этого». Вотъ она встала съ дрожекъ, стала отцѣпливать, — братецъ ей по локоть ручки отрубилъ, самъ вдарилъ по лошади и уѣхалъ отъ нея. Осталась сестрица, залилась слезами и пошла по лѣсу. Вотъ она сколько ни шла, долго ли, коротко ли ходила по лѣсу, вся ошипалась, а слѣду не найдеть, какъ выйти изъ лѣсу. Вотъ тропиночка вышла и вывели её изъ лѣсу уже чрезъ нѣсколько годовъ. Вышла она съ этого лѣсу и приходитъ въ купеческій городъ, и подходитъ къ богатищему купцу подъ окна милостину просить. Въ-у этого купца сынъ былъ, единый какъ глазъ во лбу, и влюбился онъ въ нищенку. Говорить: «Папенька съ маменькой, жените мене». — «На кого же тебе женить?» — «На этой нищенкѣ». — «Ахъ, другъ мой, развѣ въ городѣ у купцовъ нѣтъ дочерей хорошихъ?» — «Да жените; ежели вы мене не жените, я что-нибудь, говорить, надъ собой сдѣлаю». Вотъ имъ это обидно, что одинъ сынъ, какъ глазъ во лбу; собрали всѣхъ купцовъ, все священство, и спрашиваютъ: что присудятъ, женить ли на нищенкѣ, или нѣтъ? Вотъ священники сказали: «Стало его судьба такая, что его Богъ благословляетъ на нищенкѣ жениться».

Вотъ онъ съ нею пожилъ годъ и другой, и отправляется въ другую губерню, гдѣ её братъ, значить, сидитъ въ лавочкѣ. Вотъ онъ прощается и прѣсидитъ: «Папенька съ маменькой! не оставьте вы мою жену; не равно она родитъ, вы нишите ко мнѣ тотъ разъ и тотъ часъ». Какъ уѣхалъ сынъ, такъ чрезъ два ли, чрезъ три ли мѣсяца жена его родила: по локти въ золотѣ, по бокамъ часты звѣзды, во лбу свѣтѣль мѣсяцъ, противъ сердца красно солнце. Какъ отецъ съ матерью обрадовались, такъ тотчасъ сыну своему любимому письмо стали писать. Посылаютъ старичка съ запиской съ эстою поскоряючи. А невестка ужъ, значить, узнала объ этомъ, зазываетъ старичка: «Поди, батюшка, сюда, отдохни». — «Нѣтъ, мнѣ некогда, на скорую руку посылаютъ». — «Да поди, батюшка, отдохни, пообѣдаешь». Вотъ посадила его обѣдать, а сумочку его унесла, вынула записочку, прочитала, изорвала её на мелкіе клочки, и написала другую: что твоя, говорить, жена родила — половина собачьяго, половина вѣдмежачьяго; прижила въ лѣсу съ звѣрями. Приходитъ старичокъ къ купеческому сыну, подаетъ записку; онъ прочиталъ, да слезьми и залился. Написалъ письмо, что до мово пріѣзду не трогать; самъ пріѣду и узнаю, какой младенецъ родился. Вотъ, потомъ это волшебница опять зазываетъ старичка: «Поди посиди, отдохни», говорить. Вотъ онъ зашѣлъ, она кой-какъ опять заговорила его, вытацила у него записку, прочитала, изорвала, и написала, что какъ записка на дворъ, такъ чтобъ ее долой со двора согнать. Принесъ старикъ эту записочку; прочитали и огорчились отецъ и мать: «Что жъ это, говорятъ, онъ насъ въ изъѣнъ ввелъ? женили мы его, стало ему жена ненадобна стала!» Жаль имъ не такъ жену, какъ жаль младенца. Взяли благословили ее и младенца, при-

вязали младенца къ её грудямъ, и отпустили со двора.

Вотъ она пошла, залилась горькими слезьми, шла долго ли, коротко ли, — всё чистое поле, нѣтъ ни лѣсу, ни деревни нигдѣ. Подходить она къ лощинѣ, и такъ ей напиться захотѣлось. Глянула въ правую сторону — стоитъ колодезь. Вотъ ей напиться-то хочется, а наклониться боится, чтобъ не уронить робенка. Вотъ поглазилось ей, что будто бы вода ближе стала. Она наклонилась, робенокъ и выпалъ, и упалъ въ колодезь. И ходитъ она вкругъ колодезя и плачетъ: какъ младенца достать изъ воды? Подходить старичокъ и говорить: «Что ты, раба, плачешь?» — «Какъ мнѣ не плакать! я наклонилась къ колодцу воды напиться, младенецъ мой упалъ въ воду». — «Поди нагнись, возьми его». — «Нѣтъ, батюшка, у меня рукъ нѣтъ — одни локоточки». — «Да поди нагнись, возьми робенка!» Вотъ она подошла къ колодезю, стала протягивать руки, ей Господь и пожаловалъ — очутились цѣлыя руки. Она нагнулась, достала робенка и стала Богу молиться на всѣ четыре стороны.

Помолилась Богу, пошла и пришла ко двору, гдѣ её братъ и мужъ, и просится ночевать. Вотъ мужъ говорить: «Братъ, пусти нищенку; нищенки умѣютъ и сказки, и приказки, и правды умѣютъ сказывать». Вотъ невѣстка говорить: «У насъ негдѣ ночевать, тѣсно!» — «Нѣтъ, братъ, пусти пожаласта; смерть люблю, какъ нищенки сказываютъ сказки и приказки!» Вотъ пустили ее. Она и сѣла на печку съ младенцемъ своимъ. Мужъ и говорить: «Ну, душенька, скажи-ка намъ сказочку . . . ну, хоть какую стóрьбу скажи». Она и говорить: «Сказки я не умѣю сказывать и приказки, а умѣю правду сказывать. Слушайте, говорить, господа! какъ я вамъ буду правду сказывать» — и на-

чала рассказывать: «Въ нѣкоторомъ царствѣ, не въ нашемъ государствѣ, жилъ купецъ богатый; у него двое дѣтей, сынъ и дочь. И померли отецъ съ матерью. Братецъ и говоритъ сестрицѣ: пойдемъ, сестрица, съ эстого города. И пришли они въ другу губерню. Братъ опредѣлился, нанялъ лавочку съ краснымъ товаромъ. Вотъ вздумалось ему жениться; онъ женился — взялъ себѣ жену волшебницу . . .» Тутъ невѣстка заворчала: «Вотъ пошла вякать¹, б этакая!» А мужъ говоритъ: «Сказывай, сказывай, матушка; смерть люблю такія стѣріи!» — «Вотъ, говоритъ нищенка: собираются братъ въ лавочку торговать и приказывать сестрицѣ: «Смотри, сестрица, въ домѣ!» Жена обижается, что онъ всё сестрицѣ приказывать; вотъ она по злости всю небель переколотила...» И какъ она всё рассказала какъ онъ² её къ обѣдни повёзъ, ручки отрѣзалъ, какъ она родила, какъ невѣстка заманула³ старичка, — невѣстка наизнова кричить: «Вотъ, начала чуху⁴ городить!» Мужъ говоритъ: «Братъ, вели своей женѣ замолчать; вѣдь стѣрія-то славная!» Вотъ она досказала, какъ мужъ писалъ, чтобъ оставить робенка до пріѣзда; а невѣстка ворчитъ: «Вотъ чужь какую побрять!» Вотъ она досказала, какъ она пришла къ дому этому; а невѣстка заворчала: «Вотъ, б, начала орать!» Мужъ говоритъ: «Братъ, вели ей замолчать; что она всё перебиваить?» Вотъ досказала, какъ её пустили въ избу и какъ начала она имъ правды сказывать . . . Тутъ она указываетъ на нихъ и говоритъ: «Вотъ мой мужъ, вотъ мой братъ, а эта моя невѣстка!» Тутъ мужъ вскочилъ къ ней на печку, и говоритъ: «Ну,

¹) Надоѣдать рассказами, болтать пустяки.

²) Т.-е. братъ.

³) Заманила, зазвала.

⁴) Вздоръ, пустяки.

мой другъ, покажи же мнѣ младенца, правду ли писали отецъ и мать». Взяли робеночка, развили¹ — такъ всю комнату и освѣтило! «Вотъ правда-истина, что не сказки-то говорила: вотъ моя жена, вотъ мой сынъ — по локти въ золотѣ, по бокамъ часты звѣзды, во лбу свѣтѣль мѣсяцъ, а противъ сердца красно солнце!»

Вотъ братъ взялъ изъ конюшни самую что ни лучшую кобылицу, привязалъ къ хвосту жену свою, и пустилъ её по чисту полю. Потѣлъ² она её мыкала, покель принесла одну косу её, а самое растрепала по полю. — Тогда запрягли тройку лошадей и поѣхали домой къ отцу, къ матери; стали жить да поживать, добра наживать; я тамъ была и мѣдъ-вино пила, по усамъ текло и въ ротъ не попало.

Записана К. О. Александровымъ-Дольникомъ со словъ женщины
Ливенскаго у., Орловской губ.

159

По колѣна ноги въ золотѣ, по локоть въ серебрѣ

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ царь; у него былъ сынъ Иванъ-царевичъ — и красивой, и умной, и славной; объ немъ пѣсни пѣли, объ немъ сказки сказывали; онъ краснымъ дѣвушкамъ во снѣ снился. Пришло ему желанье поглядѣть на бѣлы свѣтъ; беретъ онъ у царя-отца благословенье и позволенье и ѣдетъ на всѣ на четыре стороны людей посмотриѣть, себя показать.

Долго ѣздилъ, много видѣлъ добра и худа и всякой всячины, наконецъ подѣхалъ къ палатамъ высокимъ, хорошимъ, каменнымъ. Видитъ: на крылечкѣ сидятъ три сестрицы-красавицы и между собой разговариваютъ. Старшая говоритъ: «Если бъ на мнѣ женился

¹) Т.-е. сняли свивальникъ и пеленки.

²) До тѣхъ поръ: покель — пока.

Ивань-царевичъ, я бѣ ему напяла рубашку тонкую, гладкую, какой во всемъ свѣтѣ не спрядутъ». Иванъ-царевичъ сталъ прислушиваться. «А если бѣ меня взялъ, сказала средняя: я бѣ выткала ему кафтанъ изъ серебра, изъ золота, и сіялъ бы онъ какъ Жаръ-птица». — «А я ни прясть, ни ткать не умѣю, говорила меньшая: а если бы онъ меня полюбилъ, я бы родила ему сыновъ, что ни ясныхъ соколовъ: во лбу солнце, а на затылкѣ мѣсяцъ, по бокамъ звѣзды». Иванъ-царевичъ все слышалъ, все запомнилъ и, возвратясь къ отцу, просилъ позволенья жениться. Отказа не было; онъ взялъ за себя меньшую сестру и сталъ съ нею жить-поживать душа въ душу; а старшія сестры стали сердиться да завидовать меньшей сестрѣ, начали ей зло мѣрить; подкупили нянюшекъ, мамушекъ, и когда у Ивана-царевича родился сынъ, когда онъ ждалъ, что ему поднесутъ дитя съ солнцемъ во лбу, съ мѣсяцемъ на затылкѣ, съ звѣздами по бокамъ, вмѣсто того подали ему просто-напросто котѣнка и завѣрили, что жена его обманула. Сильно онъ огорчился, долго сердился, наконецъ сталъ ожидать другого сына. Тѣ же нянюшки, тѣ же мамушки были съ царевной, опять украли ея настоящаго ребенка съ солнцемъ во лбу и подложили щенка. Иванъ-царевичъ заболѣлъ съ горя-печали; много онъ любилъ царевну, но еще больше хотѣлось ему поглядѣть на хорошее дѣтище. Началъ ожидать третьяго. Въ третій разъ ему показали простого ребенка безъ звѣздъ и мѣсяца. Иванъ-царевичъ не стерпѣлъ, отказался отъ жены, приказалъ ее судить.

Собралися, съѣхалися люди старшіе — нѣтъ числа! сидятъ-рядятъ, придумываютъ-пригадываютъ, и придумали: царевнѣ отрубить голову. «Нѣтъ, сказалъ главной судья: слушайте меня или нѣтъ, а моя вотъ рѣчь: выколоть ей глаза, засмолить съ ребенкомъ въ

бочкѣ и пустить на море; виновата — потонетъ, правѣ — выплыветъ». Рѣчь полюбилась; выкололи царевнѣ глаза, засмолили вмѣстѣ съ ребенкомъ въ бочку и бросили въ море. А Иванъ-царевичъ женился на ея старшей сестрѣ, на той самой, что дѣтей ея покрала да спрятала въ отцовскомъ саду въ зеленой бесѣдкѣ. Тамъ мальчики росли-подрастали, родимой матушки не видали, не знали; а она, горемычная, плавала по морю по окіяну съ подкидышкомъ, и росъ этотъ подкидышекъ не по днямъ, а по часамъ; скоро пришелъ въ смыслъ, сталъ разуменъ, и говоритъ: «Сударыня матушка! когда бѣ, по моему прошенію, по щучью велѣнію, по Божью благословенію, мы пристали къ берегу!» Бочка остановилась. «Сударыня матушка! когда бѣ, по моему прошенію, по щучью велѣнію, по Божью благословенію, наша бочка лопнула!» Только онъ молвилъ, бочка развалилась надвое; и онъ съ матерью вышли на берегъ. «Сударыня матушка! какое веселое, славное мѣсто; жаль, что ты не видишь ни солнца, ни неба, ни травки-муравки. По моему прошенію, по щучью велѣнію, по Божью благословенію, когда бѣ здѣсь явилась банька!» Ту жъ минуту какъ изъ земли выросла баня: двери сами растворились, печи затопились, и вода закипѣла. Вошли, взялъ онъ вѣнчикъ и сталъ теплою водою промывать больные глаза матери. «По моему прошенію, по щучью велѣнію, по Божью благословенію, когда бѣ моя матушка проглянула». — «Сынокъ! я вижу, вижу, глаза открылись!» — «По моему прошенію, по щучью велѣнію, по Божью благословенію, когда бѣ, сударыня матушка, твоего батюшки дворецъ да къ намъ перешелъ и съ садомъ и съ твоими дѣтками». Откуда ни взялся дворецъ, передъ дворцомъ раскинулся садъ, въ саду на вѣточкахъ птички поютъ, посреди бесѣдка стоитъ, въ бесѣдкѣ

три братца живутъ. Мальчикъ-подкидышекъ побѣждалъ къ нимъ. Вошелъ, видитъ — накрытъ столъ, на столѣ три прибора. Возвратился онъ поскорѣе домой и говоритъ: «Дорогая сударыня матушка! испеки ты мнѣ три лепёшечки на своемъ молокѣ». Мать послушала. Понёсъ онъ три лепёшечки, разложилъ на три тарелочки, а самъ спрятался въ уголокъ и ожидаетъ: кто прійдетъ? Вдругъ комната освѣтилась — вошли три брата съ солнцемъ, съ мѣсяцемъ, съ звѣздами; сѣли за столъ, отвѣдали лепёшекъ и узнали родимой матери молоко. «Кто намъ принёсъ эти лепёшечки? если бъ онъ показался и рассказалъ намъ объ нашей матушкѣ, мы бъ его зацѣловали, замиловали и въ братья къ себѣ приняли». Мальчикъ вышелъ и повелъ ихъ къ матери. Тутъ они обнимались, цѣловались и плакали. Хорошо имъ стало жить, было чѣмъ и добрыхъ людей угостить. Одинъ разъ шли мимо нищіе старцы; ихъ зазвали, накормили, напоили, и съ хлѣбомъ-солью отпустили. Случилось: тѣ же старцы проходили мимо дворца Ивана-царевича; онъ стоялъ на крыльцѣ и началъ ихъ спрашивать: «Нищіе старцы! гдѣ вы были-пробывали, что видѣли-повидали?» — «А мы тамъ были-пробывали, то видѣли-повидали: гдѣ прежде мохъ да болото, пень да колода, тамъ теперь дворецъ — ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать, тамъ садъ — во всемъ царствѣ не сыскать, тамъ люди — въ бѣломъ свѣтѣ не видать! Тамъ мы были-пробывали, три родныхъ братца насъ угощали: во лбу у нихъ солнце, на затылкѣ мѣсяцъ, по бокамъ часты звѣзды, и живетъ съ ними и любитъ на нихъ мать-царевна прекрасная». Выслушалъ Иванъ-царевичъ и задумался . . . кольнуло его въ грудь, забилося сердце; снялъ онъ свой вѣрный мечъ, взялъ мѣткую стрѣлу, осѣдлалъ ретиваго коня, и не сказавъ женѣ: прощай! полетѣлъ во дворецъ — что ни въ сказкѣ

сказать, ни перомъ написать. Очутился тамъ, глянулъ на дѣтей, глянулъ на жену — узналъ и не вспомнился отъ радости, душа просвѣтлѣла!

Въ это время я тамъ была, медъ-вино пила, все видѣла, всѣмъ было очень весело, горько только одной старшей сестрѣ, которую такъ же засмолили въ бочку, такъ же бросили въ море, но не такъ ее Богъ хранилъ: она тутъ же канула на дно, и слѣдъ пропалъ!

Записана въ Курской губ.

160

Поющее дерево и птица-говоруня

Жилъ царь очень любопытенъ: все подъ окнами слушалъ; а было у купца три дочери, и говорятъ какъ-то эти дочери отцу; одна говорить: «Если бъ меня взялъ царской хлѣбодаръ!» а другая говорить: «Если бъ меня царской слуга взялъ за себя замужъ!» а третья говорить: «А я желала бы за самого царя выйти; я бы принесла ему два сына и одну дочку!» Царь весь этотъ разговоръ слышалъ. Спустя нѣсколько времени, царь сдѣлалъ точно такъ, какъ онѣ желали: старшая дочь вышла за хлѣбодара, средняя дочь вышла за слугу царскаго, а меньшая за самого царя. Царь хорошо жилъ со своею супругой, и стала она беременна; потомъ стала родить. Вотъ царь посылаетъ за городской бабкой; а сестры царской женѣ и говорятъ: «Для чего посылать? мы и сами можемъ быть у тебя бабками». Какъ родила царица сына, то эти бабки взяли да и сказали царю, что ваша супруга родила щенка; а младенца новорожденного положили въ коробочку и пустили въ царскомъ саду въ прудъ. Царь разгнѣвался на свою супругу, хотѣлъ было ее въ пушки разстрѣлять, да отговорили пріѣзжіе короли — на первой де разъ

надобно простить. Ну, царь и простилъ; до другого разу оставилъ. Черезъ годъ стала царица другимъ ребенкомъ беременна, и родила сына; сестры опять сказали царю, что ваша супруга родила котѣнка. Царь еще больше того разсердился и хотѣлъ было свою супругу совѣмъ казнить, да опять упросили-уговорили его. Онъ одумался и оставилъ ее до третьяго разу. А сестры и другого младенца положили въ коробочку и пустили въ прудъ. Вотъ еще царица стала беременна третьимъ и родила прекрасную дочь; сестры опять доложили царю, что ваша супруга родила невѣдомо что. Царь больше того разсердился, поставилъ висѣлицу и хотѣлъ было свою жену повѣсить, да пріѣзжіе изъ другихъ земель короли сказали ему: «Лучше возьми да поставь около церкви часовню и посади ее туда; кто будетъ идти къ обѣднѣ, всякой будетъ ей въ глаза плевать!» Царь такъ и сдѣлалъ; а ей не только что плевать въ глаза, всякой несетъ, кто калачей, кто пироговъ. А которыхъ царица родила дѣтей, а бабки въ прудъ попускали, царской садовникъ взялъ ихъ къ себѣ и сталъ воспитывать. Эти царскія дѣти росли не по годамъ, а по мѣсяцамъ, не по днямъ, а по часамъ; царевичи выросли такіе молодцы, что ни вздумать, ни взгадать, ни перомъ написать; а царевна такая красавица — просто ужасъ! И вошли они въ пору и стали просить садовника, чтобы позволилъ имъ поставить домъ за городомъ. Садовникъ позволилъ; они поставили большой отличной домъ, и начали хорошо жить. Братья любили ходить за зайцами; разъ они пошли на охоту, а сестра одна осталась дома. И приходитъ къ ней въ домъ старая старушка, и говоритъ этой дѣвушкѣ: «Хорошо у васъ въ домѣ и красиво; только нѣтъ у васъ трехъ вещей». Царевна спрашиваетъ у старушки: «Чего же нѣтъ у насъ?

кажется, у насъ все есть!» Старушка говоритъ: «Вотъ чего у васъ нѣтъ: птицы-говоруньи, дерева пѣвучаго и живой воды». Вотъ приѣзжаютъ братья съ охоты, сестра ихъ встрѣчаетъ и говоритъ: «Братцы! все у насъ есть, только трехъ вещей нѣту!» Братья спрашиваютъ: «Чего же у насъ, сестрица, нѣту?» Она говоритъ: «Нѣту у насъ птицы-говоруньи, дерева пѣвучаго и живой воды». Старшій братъ и проситъ: «Сестрица! благослови меня, я пойду доставать эти диковины. А если я помру или меня убьютъ, такъ вы меня вотъ по чему узнавайте: поторкну я въ стѣну ножичекъ; если съ ножичка капнетъ кровь — это будетъ знакъ, что я померъ». Вотъ онъ и пошелъ; шелъ-шелъ и пришелъ въ лѣсъ. Сидитъ на деревѣ старой старичокъ; онъ его и спрашиваетъ: «Какъ бы мнѣ достать птицу-говорунью, дерево пѣвучее и живой воды!» Старикъ далъ ему каточекъ: «Куда этотъ каточекъ покатится, туда и ступай за нимъ». Каточекъ покатился, а царевичъ за нимъ; прикатился каточекъ къ высокой горѣ, и пропалъ; царевичъ пошелъ въ гору, дошелъ до половины горы, да вдругъ и пропалъ. Въ домѣ его тотчасъ же капнула съ ножичка кровь; сестра и говоритъ среднему брату, что померъ нашъ большой братъ; вотъ капнула съ его ножичка кровь! Отвѣчаетъ ей средній братъ: «Теперь я пойду, сестрица, доставать птицу-говорунью, дерево пѣвучее и живой воды». Она его благословила; онъ и пошелъ; шелъ-шелъ, много ли, мало ли вѣрстъ, и пришелъ въ лѣсъ. Сидитъ на деревѣ старичокъ; царевичъ его и спрашиваетъ: «Что, дѣдушка, какъ бы мнѣ достать птицу-говорунью, дерево пѣвучее и живой воды?» Старичокъ говоритъ: «На вотъ тебѣ каточекъ — куда онъ покатится, туда и ступай». Старикъ бросилъ — каточекъ покатился, а царевичъ за нимъ пошелъ; прикатился каточекъ къ

крутой, высокой горѣ и скрылся; полѣзъ онъ въ гору, дошелъ до половины, да вдругъ и пропалъ. Вотъ сестра дожидалася его много-много годовъ, а его все нѣтъ! и говорить: «Должно быть, и другой мой братецъ померъ!» Пошла сама доставать птицу-говоруню, дерево пѣвучее и живой воды; шла она много ли, мало ли времени, и пришла въ лѣсъ. Сидитъ на деревѣ старой старичокъ; спрашиваетъ его: «Дѣдушка! какъ бы мнѣ достать птицу-говоруню, дерево пѣвучее и живой воды?» Отвѣчаетъ старичокъ: «Гдѣ тебѣ достать! здѣсь похитрѣе тебя ходили, да все пропали». Дѣвушка проситъ: «Скажи, пожалуйста!» И говоритъ ей старичокъ: «Нѣ вотъ тебѣ каточекъ, ступай за нимъ!» Каточекъ покатился, дѣвушка за нимъ пошла. Долго ли, коротко ли — прикатился этотъ каточекъ къ крутой высокой горѣ; дѣвушка полѣзла въ гору, и зачали на нее кричать: «Куда ты идешь? мы тебя убьемъ! мы тебя съѣдимъ!» Она знай себѣ идетъ да идетъ; взошла на гору, а тамъ сидитъ птица-говоруня. Дѣвушка взяла эту птицу и спрашиваетъ у ней: «Скажи мнѣ, гдѣ достать дерево пѣвучее и живой воды?» Птица говоритъ: «Вотъ туда ступай!» Пришла она къ пѣвучему дереву, на томъ деревѣ разныя птицы поютъ; отломила отъ него вѣтку, и пустилась дальше; пришла къ живой водѣ, почерпнула кувшинчикъ, и понесла домой. Стала подъ гору спускаться, взяла да прыснула живой водой; вдругъ вскочили ея братья и говорятъ: «Ахъ, сестрица, какъ мы долго спали!» — «Да, братцы, если бъ не я, вы бы вѣкъ здѣсь спали!» И говоритъ имъ сестра: «Вотъ, братцы, достала я птицу-говоруню, дерево пѣвучее и живой воды». Братья возрадовались. Пришли они домой и посадили пѣвучее дерево въ своемъ саду; оно во весь садъ распустилось, и поютъ на немъ птицы разными голосами. Разъ какъ-то по-

ѣхали братья на охоту, и попадаетея имъ навстрѣчу царь. Полюбились царю эти охотники; сталъ ихъ просить къ себѣ въ гости. Они и говорятъ: «Мы попросимъ у сестрицы позволенія; если она позволитъ, то непременно будемъ!» Вотъ приѣзжаютъ они съ охоты, сестра ихъ встрѣчаетъ, рада за ними ухаживать; говорятъ ей братья: «Позволь намъ, сестрица, къ царю въ гости сходить; онъ насъ честію просилъ». Царевна имъ позволила; они и поѣхали въ гости. Приѣхали; царь ихъ отлично принялъ и на славу угостилъ; стали они царю докладывать и просить, чтобы и онъ навѣстилъ ихъ. Вотъ, спустя нѣкое время, приѣзжаетъ къ нимъ царь; они его такъ же хорошо приняли-угостили и показали ему дерево пѣвучее и птицу-говорунью. Царь удивился и говоритъ: «Я царь, да у меня этого нѣтъ!» Тутъ сестра и братья говорятъ царю: «Мы де ваши дѣти!» Царь узналъ про все, обрадовался и остался у нихъ навсегда жить, и супругу свою изъ часовни взялъ; и жили они всѣ вмѣстѣ много лѣтъ во всякомъ счастіи.

Записана въ Зубцовскомъ у., Тверской губ.

161

Свиной чехоль

(а) У великаго князя была жена-красавица, и любитъ онъ ее безъ памяти. Умерла княгиня, осталась у него единая дочь, какъ двѣ капли воды на мать похожа. Говоритъ великой князь: «Дочь моя милая! женюсь я на тебѣ». Она пошла на кладбище, на могилу матери, и стала умильно плакать. Мать и говоритъ ей: «Вели купить себѣ платье — чтобъ кругомъ были часты звѣзды». Отецъ купилъ ей эдакое платье и пуще прежняго въ нее влюбился. Пошла дочь въ другой разъ къ матери. Мать говоритъ: «Вели купить себѣ платье

— на спинѣ бы свѣтѣль мѣсяцъ былъ, на груди красно солнышко». Отецъ купилъ, и еще больше влюбился. Опять пошла дочь на кладбище и стала умильно плакать: «Матушка! отецъ еще пуще въ меня влюбился». — «Ну, дитятко! сказала мать: теперь вели себѣ сдѣлать свиной чехолъ». Отецъ и то приказалъ сдѣлать; какъ только приготовили свиной чехолъ, дочь и надѣла его на себя. Отецъ плюнулъ на нее и прогналъ изъ дому, не далъ ей ни служанокъ, ни хлѣба на дорогу. Она перекрестила себѣ глаза и вышла за ворота. «Пойду, говорить, на Божью волю!» Идетъ день, идетъ другой, идетъ третій — и зашла въ чужую землю.

Вдругъ надвинулись тучи, началась гроза. Гдѣ отъ дождя укрыться! Увидала княжна огромный дубъ — влѣзла на него и сѣла въ густыхъ вѣтвяхъ. Тѣмъ временемъ ѣхалъ на охоту царевичъ; сталъ проѣзжать мимо этого дуба, собаки его бросились — такъ и рвутъ и лаютъ на дубъ. Любопытно стало царевичу, отчего такъ собаки на дубъ лаютъ? Послалъ своего слугу посмотреть; слуга возвратился и сказалъ: «Ахъ, ваше высочество! на дубу сидитъ звѣрь — не звѣрь, а чудо-чудное, диво-дивное!» Царевичъ подошелъ къ дубу и спросилъ: «Что ты за чудо? говоришь ты али нѣтъ?» Княжна отвѣчала: «Я Свиной Чехолъ!» Не поѣхалъ царевичъ на охоту, а посадилъ Свиной Чехолъ къ себѣ на повозку, и говорить: «Повезу-ка я къ отцу, къ матери чудо-чудное, диво-дивное!» Отецъ и мать подивовались и отправили ее въ особую комнату. Немного спустя, собрался у царя балъ; всѣ придворные пошли веселиться. Свиной Чехолъ и спрашиваетъ у царской прислуги: «Могу ли я у дверей постоять да на балъ посмотреть?» — «Куда тебѣ, Свиной Чехолъ!» Она вышла въ чистое поле, нарядилась въ блестящее платье — кругомъ частыя звѣзды! свистнула-гаркнула

— и подали ей карету; сѣла, поѣхала на балъ. Приѣхала и пошла танцовать. Всѣ удивились: откуда взялась такая красавица? Потанцовала-потанцовала и скрылась; опять надѣла свиной чехолъ и прибѣжала въ свою комнату. Царевичъ пришелъ къ ней и спрашиваетъ: «Не ты ли, Свиной Чехолъ, тамъ была эдакой красавицей?» Она отвѣчаетъ: «Куды я гожусь съ своимъ чехломъ? я только у дверей постояла». Въ другой разъ собрались къ царю на балъ. Свиной Чехолъ просить позволенія прійти посмотрѣть. «Куда тебѣ!» Она вышла въ чистое поле, свистнула-гаркнула не соловейскимъ посвистомъ, а своимъ дѣвичьимъ голо-сомъ — явилась карета; скинула свой свиной чехолъ, надѣла платье: на спинѣ свѣтѣлъ мѣсяцъ, на груди красно солнышко! Приѣхала на балъ и пошла танцовать. Всѣ на нее прилежно глядятъ. Потанцовала и опять скрылась. «Что намъ дѣлать теперь! говоритъ царевичъ: какъ узнать, кто такова эта красавица?» Придумалъ: взялъ да и засмолилъ первую ступеньку смолою, чтобъ ея башмакъ присталъ. На третій балъ княжна еще лучше показалась, да какъ стала выходить изъ дворца — башмачокъ ея и прилипъ къ смолѣ. Царевичъ взялъ этотъ башмачокъ и пошелъ искать по всему царству, кому башмачокъ впору? Всю свою землю изѣздилъ — никому по ногѣ не приходится. Приѣхалъ домой, пошелъ къ Свиному Чехлу и говоритъ: «Покажи свои ноги». Она показала; примѣрилъ — какъ разъ впору. Царевичъ разрѣзалъ свиной чехолъ и снялъ съ княжны; потомъ взялъ ея за бѣдную руку, повелъ къ отцу, къ матери, и просить позволенія жениться на ней. Царь съ царицею благословили. Вотъ и обвинчали ихъ; сталъ царевичъ у своей жены спрашивать: «Отчего на тебѣ былъ свиной чехолъ надѣтъ?» — «Оттого, говоритъ, что была я

похожа на покойную мою мать, и отец хотѣлъ на мнѣ жениться».

(b) Якъ бувъ соби пиць да попада, та була въ ихъ одна дочка. Якъ вмерла попада, пиць и каже дочки: «А ну, дочко! убирайся, пидемъ винчатыця». Дочка пишла на матырыну могилу, да-й плаче. Маты выходыть изъ могилы й пытае дочку: «Чого ты, доню, плачешь?» — «Якъ же мыни не плакать, колы батько хоче на мыни женитьця». — «Колы такъ, дочко, скажи жъ батькови: нехай винъ тоби справыть плаття таке, якъ мисяць и солнце, и весь приборъ до плаття». Батько ий справывъ таке плаття, яке вона сказала, и весь приборъ, да-й каже дочки впять: «Кажу тоби, дочко, убирайся винчатыця». Дочка впять пишла до матыри на могилу плакать. «Чого ты впять пришла плакать?» пытае маты. «Якъ же мыни не плакать, що плаття таке, якъ ты казала, справывъ батько, та-й клыче впять винчатыця?» — «Такъ скажи жъ, дочко, батькови: нехай справыть тоби плаття таке, якъ зѳри, и увесь приборъ до плаття; та тогди, дочко, и повинчаешься зъ нымъ». Пиць справывъ дочки все, якъ вона казала, та-й каже знову: «Убирайся, дочко, пидемъ винчатыця!» Дочка и въ третій разъ пишла до матыри на могилу, а маты й пытае: «Чого ты, доню, впять прійшла до мене плакать?» — «Якъ же мыни не плакать, що батько справывъ все, що ты казала, и впять-таки хоче зо мною винчатыця». — «Такъ скажи жъ батькови, каже маты: нехай винъ тоби справыть кожухъ свынячій и до кожуха весь приборъ, чоботы и платокъ». Батько опять справывъ дочки и кожухъ, и усе, що вона хотила, да-й каже, якъ и попередю: «Ну, дочко, убирайся, пидемъ винчатыця!» Отъ дочка батькови и говѳрыть: «Потрывайте, тату, пійду зѳразъ

уберусь», да-й пійшла изъ кукламы убираться: сама убралась у свынячій кожухъ, а куколъ трехъ убрала у плаття, що їй батько посправлявъ; а убравшись прійшла на городъ та-й поставила трехъ куколъ коло себе, а сама стала по середьни. Отъ одна кукла й говдрыть: «Роступись, сыра земля, щобъ красна дивыця пишла у тебе!» и другà те саме говорить, и третя те саме. И пишли вони пидъ землю; идуть-идуть въ инше царство, въ инше государство, та-й увишли у лись, а тамъ стоитъ хатка на курячій нижци. Вони думалы, думалы, що робить, та взяли та пидъ хаткою й силы; куклы соби сидять, а попивна стала золотомъ вышивать. Колы їде царенко и каже: «Здорова була! сидай на визъ зо мною». А вона каже: «Якъ же мыни можно зъ вами сидить, колы вы царенко, а я попивна и у свынячому кожухи». Дакъ винъ каже чоловікови: «Возьмы, посады їи!» а той взявъ да-й посадывъ. Поїхалы вони и пріїхалы до дому. Тутъ винъ ввивъ їи у хату до своей матери да-й каже: «Мамо! дозволте мыни на їй женытьця». А маты ему на те: «Якъ же тобі, сыну, на їй женытьця, що ты царенко, а вона попивна у свынячому кожуху!» — «Дакъ проженемъ же їи, мамо, пидъ пичъ!» Тогди була суббота, а завтра неделя¹: отъ винъ уставъ въ-ранци да-й каже чоловікови: «Давай лышень кухоль!»² А вона, выскочила изъ-пидъ печи да-й подала ему, но винъ тильки ударывъ їи кухлемъ, сказавши: «Пиды, геть пидъ пичъ, свыня!» Вона побигла да-й сидыть соби, а винъ поїхавъ до церкви. Якъ тильки винъ поїхавъ, вона попросилась у царици да прибравшись пидъ пичью и сама пишла до церкви; прійшла да-й стоитъ соби на правому крыласи. Царенко, побачивши

¹) Воскресенье.

²) Кувшинъ, рукомойникъ.

її, підійшов да-й питає: «Видкиля ты, голубко?» — «Я изъ-пидъ Кухлева», сказала попивна, и якъ тильки зазвонили на «Достойно» — вийшла зъ церкви да-й побигла соби впять пидъ пичъ, знову надивши свинячій кожушокъ. Прїїхавъ царенко зъ церкви да-й каже матыри: «Яку я, мамо, гарну панночку бачывъ у церкви! и спытавъ її: видкиль вона? а вона сказала: зъ-пидъ Кухлева». Сподобалась¹ царенкови панночка, поїхавъ небораць² шукать Кухлева; їздивъ цилу недилію; вернувся въ субботу да-й каже матыри: «Не найшовъ панночки». А попивна сыдыть усе пидъ пичью. Прїїшла неділя, винъ вставъ въ-ранци да-й кличе чоловіка: «Дай лышень, каже, мыни рушныкъ!³» Попивна выбигла й подала ёму рушныкъ, но винъ ударивъ її рушныкомъ и прогнавъ видъ себе. Опять поїхавъ винъ до церкви. Вона выпросилась у царици, надила плаття таке, якъ мисяць и солнце, пишла до церкви да-й стала на правомъ крыласи. Царенко опять підійшовъ до еи, питає знову: видкиль вона? «Изъ-пидъ Рушныкивки», каже попивна. «Поминяємось, серце, кольцями!» — Не треба, у мене своїхъ багацько». Тильки зазвонили на «Достойно», вона побигла до дѣму, роздяглась да-й сыдыть пидъ пичью. Прїїхавъ изъ церкви царенко да впять и каже матыри: «Мамо, яку я гарну панночку бачивъ!» Поїхавъ царенко знову шукать Рушныкивку, довго їздивъ, а не найшовъ ничѣго и вернувшись розсказавъ объ своїй недѣли матыри; а попивна слухає пидъ пичью, да смієтця. Прїїшла знову неділя, вставъ царенко въ-ранци да-й каже: «Ей, хлопче, подай гребенець!» Попивна выскочила изъ-пидъ печи и

¹) Полюбилась, понравилась.

²) Бѣдняга.

³) Полотенце.

подала гребенець ёму; но винъ гребенцемъ тильки ударывъ јіи, и сказавши: «Пиды геть, свиня!» опять прогнавъ пидъ пичку. Якъ тильки посла сёго царенко појихавъ до церкви, вона опять выпросилась у царицы, и надивши плаття таке, якъ зѳри, пишла и соби до церкви и стала на правому крыласи. Царенько побачивъ јіи и опять спытавъ: видкиля вона? «Изъ-пидъ Гребенцевки», сказала попивна. «Поминяймось, сердце, кольцями!» — «Поминяймось». И воны поминялись. Потимъ якъ зазвонили на «Достойно», попивна за́разъ побигла до до́му: дывитця, и наймычки у царицы вареныки роблять; отъ вона и просить: «Дайте, каже, дивчата! и я злиплю варенычокъ». — «Добре, злипы, колы есть охота». Попивна вареныкъ злипыла да и влипыла въ ёго те колцѣ, що выминяла у царенка. Вернувь царенко зъ церкви, а попивна уже сыдыть пидъ пичью. «А, що, мамо, пора снидать, каже сынъ царицы: нехай лышень дивчата дадутъ чого појисты: чи нема вареныкивъ, або що? Такъ за печенки й тягне!» Поставылы на стиль макитру, и царенко тильки що взявъ на шпичку первый вареныкъ — жирный да смачный, да положывъ ёго въ ротъ зъ голодухы, ажъ щось объ зубы забряжчало; дывитця, а то те колцѣ, що винъ отдавъ попивни. Якъ закрычыть винъ на всю хату: «Кто, каже, липывъ вареныки? сейчасъ мыни сюды подавайте!» Наймычки перелякались¹⁾: «Мы, панычику, (кажуть) липылы, далеби, мы! тильки одынъ варенычокъ злипыла попивна, що сыдыть пидъ пичью». — «Кличте јіи сюда! побачымъ, може — вы брешете, вражи дочки!» Покликали попивну. Вона зперва надила найкраще свое плаття, и тоди вже й выйшла — такъ красавця, що лучшей нема й на свити; выйшла да й цмокъ царицю въ ручку. Царенко зробывся самъ не свій одъ

¹⁾ Перепугались.

радости; ставъ рядкомъ зъ попивною, узавъ їи за билу рученьку да й каже: «Благословить насъ, мамо; нехай пиць намъ руки звяже — намъ на счастья, вамъ на утиху!» Цариця благословила дитокъ; воны перевинчались, да и живутъ соби, хлибъ жуютъ, рѣшетомъ воду носять, а постоломъ¹ добро возять.

Записана въ Полтавской губ., въ Пирятинскомъ у.

162

Золотой башмачокъ

Жилъ-былъ старикъ со старухой. У старика, у старухи было двѣ дочери. Старикъ однажды поѣхалъ на посадъ², и купилъ тамъ одной сестрѣ рыбку, и другой тоже рыбку. Старшая скушала свою рыбку, а младшая пошла на колодець и говорить: «Матушка рыбка! скушать ли тебя или нѣтъ?» — «Не кушай меня, говорить рыбка: а пусти въ воду; я тебѣ пригожусь». Она спустила рыбку въ колодець и пошла домой. Старуха очень не любила своей младшей дочери. Она нарядила сестру ея въ самолучшее лопотьѣ³ и пошла съ ней въ церковь къ обѣднѣ, и младшей оставила двѣ мѣры ржи и велѣла ей вышестать⁴ до прихода изъ церкви. Дѣвушка пошла за водой, сидитъ у колодца и плачетъ; рыбка выплыла наверхъ и спрашиваетъ ее: «Объ чемъ ты, красная дѣвица, плачешь?» — «Какъ же не плакать мнѣ? отвѣчаетъ ей красная дѣвица: матери нарядила сестру мою въ самолучшее лопотьѣ, ушла съ ней къ обѣднѣ, а меня оставила дома и велѣла вычистить двѣ мѣры ржи до прихода своего изъ церкви!» Рыбка говорить: «Не плачь, ступай наряжайся да поѣзжай въ церковь: будетъ рожь вычищена!» Она

1) Лаптемъ. 2) Въ городъ. 3) Платье. 4) Вычистить.

нарядилась, пріѣхала къ обѣднѣ. Мати не могла ее опознать. Обѣдня зачала отходить, дѣвушка уѣзжаетъ домой; мати тоже приходитъ домой и спрашиваетъ: «Что ты, дура, вычистила ли рожь?» — «Вычистила», отвѣчаетъ она. «Что у обѣдни была за красавица! говоритъ мати: попъ не поетъ, не читаетъ — все на ей глядитъ; а ты, дура, взгляни-ка на себя, въ чемъ въ экомъ ходишь!» — «Хоть не была, да знаю!» говоритъ дѣвица. — «Гдѣ тебѣ знать?» сказала ей мати.

На другой разъ мати нарядила старшую дочь свою въ самолучшее лопотьѣ, пошла съ ей къ обѣднѣ, а младшей оставила три мѣры жита и говоритъ: «Покамѣстъ я молюсь Богу, ты вышестай жито». Вотъ она и пошла къ обѣднѣ, а дочь пошла по воду на колодезь; сидитъ у колодца и плачетъ. Рыбка выплыла наверхъ и спрашиваетъ: «О чемъ, красна дѣвица, плачешь?» — «Какъ же не плакать? отвѣчаетъ ей красна дѣвица: мати нарядила сестру мою въ самолучшее лопотьѣ, пошла съ ей къ обѣднѣ, а меня оставила дома и велѣла вычистить три мѣры жита до прихода своего изъ церкви». Рыбка говоритъ: «Не плачь, ступай наряжайся да поѣжай за ей въ церковь; жито вычистится!» Она нарядилась, пріѣхала въ церковь, стала Богу молиться. Попъ не поетъ, не читаетъ — все на ей глядитъ! Обѣдня зачала отходить. Былъ въ то время у обѣдни той стороны царевичъ; красна дѣвица наша больно ему поглянулась; онъ захотѣлъ узнать: чья этакая? взялъ да и бросилъ ей подъ башмакъ смолы. Башмакъ остался, а она уѣхала домой. «Чей башмакъ, говоритъ царевичъ: ту замужъ возьму!» Башмакъ-отъ былъ весь вышитъ золотомъ. Вотъ и старуха пришла домой. «Что тамъ была за красавица! говоритъ она: попъ не поетъ, не читаетъ, все на ей смотреть; а ты, дура, посмотри-ка на себя, что эка за оборванка!»

А втапору царевичъ по всёмъ волостямъ искалъ дѣвицы, что потеряла башмакъ; никакъ онъ не могъ найти, чтобъ башмачокъ былъ впору. Онъ пришелъ къ старухѣ и говорить: «Покажи-ка ты свою дѣвку, ладенъ ли будетъ башмакъ ей?» — «Дочь моя замазаетъ башмакъ», отвѣчаетъ старуха. Пришла красна дѣвица; царевичъ примѣрилъ ей башмакъ — башмакъ ей ладенъ. Онъ взялъ ее замужъ; стали они жить да поживать, да добра наживать. Я тамъ былъ, пиво пилъ, по губамъ текло, въ ротъ не попало. Дали мнѣ синь кафтанъ, ворона летитъ да кричитъ: синь кафтанъ! синь кафтанъ! Я думаю: скинь кафтанъ! взялъ да и скинулъ. Дали мнѣ колпакъ, стали въ шею толкать. Дали мнѣ красные башмачки, ворона летитъ да кричитъ: красные башмачки! красные башмачки! Я думаю: укралъ башмачки! взялъ да и бросилъ.

Записана въ Архангельской губ., Шенкурскомъ у., г. Борисовымъ.

163

Чернушка

Жилъ-былъ баринъ; у него была жена добрая, а дочь красавица — звали ее Машею. Только жена-то померла, а онъ на другой женился — на вдовѣ; у той своихъ было двѣ дочери, да такія злыя, недобрыя! Всячески онѣ угнетали бѣдную Машу, заставляли ее на себя работать, а когда работы не было — заставляли ее сидѣть у печки да выгребать золу; отъ того Маша всегда и грязна, и черна, и прозвали онѣ ее дѣвкой-Чернушкой. Вотъ какъ-то заговорили люди, что ихній князь жениться хочетъ, что будетъ у него большой праздникъ и что на томъ праздникѣ выберетъ онъ себѣ невѣсту. Такъ и было. Созвалъ князь всѣхъ въ гости; стала собираться и мачеха съ дочерьми, а

Машу не хотеть брать: сколько та ни просилась — нѣтъ да нѣтъ! Вотъ уѣхала мачеха съ дочерьми на княжій праздникъ, а падчерицѣ оставила цѣлую мѣру ячменя, муки и сажу: все вмѣстѣ перемѣшано, и приказала до ея пріѣзда разобрать все по зернушку, по крупинкѣ. Маша вышла на крыльцо и горько заплакала; прилетѣли два голубка, разобрали ей ячмень и муку и сажу, потомъ сѣли ей на плеча — и вдругъ очутилось на дѣвушкѣ прекрасное новое платье. «Ступай, говорятъ голубки: на праздникъ, только не оставайся тамъ долѣе полупочи». Только вошла Маша во дворецъ, такъ всѣ на нее и заглядѣлись; самому князю она больше всѣхъ понравилась, а мачеха и сестры ее совсѣмъ не узнали. Погуляла, повеселилась съ другими дѣвушками; видитъ, что скоро и полночь; вспомнила, что ей голубки наказывали, и убѣжала поскорѣй домой. Князь за нею; хотѣлъ было допытаться, кто она такова, а ея и слѣдъ простылъ! На другой день опять у князя праздникъ. Мачехины дочери о нарядахъ хлопочутъ, да на Машу то-и-дѣло кричатъ да руаются: «Эй, дѣвка-Чернушка! переодѣнь насъ, платье вычисти, обѣдъ приготовь!» Маша все сдѣлала, вечеромъ повеселилась на праздникѣ и ушла домой до полуночи; князь за нею — нѣтъ, не догналъ. На третій день у него опять пиръ горою; вечеромъ голубки обули, одѣли Машу лучше прежняго. Пошла она во дворецъ, загулялась, завеселилась и забыла про время — вдругъ ударила полночь; Маша бросилась скорѣй домой бѣжать, а князь загодя приказалъ всю лѣстницу улить смолою и дѣгтемъ. Одинъ башмачокъ ея прилипъ къ смолѣ и остался на лѣстницѣ; князь взялъ его и на другой же день велѣлъ разыскать, кому башмачокъ впору. Весь городъ обошли — никому башмачокъ по ногѣ не приходится; наконецъ пришли къ мачехѣ.

Взяла она башмачокъ и стала примѣрять старшей дочери — нѣтъ, не лѣзетъ, велика нога! «Отрѣжь большой палецъ! говоритъ мать дочери: какъ будешь княгинею — не надо и пѣшкомъ ходить!» Дочь отрѣзала палецъ и надѣла башмачокъ; княжіе посланные хотятъ во дворецъ ее везти, а голубкѣи прилетѣли и стали ворковать: «Кровь на ногѣ! кровь на ногѣ!» Посланные глянули — у дѣвицы изъ башмачка кровь течетъ: «нѣтъ, говорятъ, не годится!» Мачеха пошла примѣривать башмачокъ средней дочери, и съ этой то же самое было. Посланные увидали Машу, приказали ей примѣрить; она надѣла башмачокъ — и въ ту жъ минуту очутилось на ней прекрасное блестящее платье. Мачехины дочери только ахнули! Вотъ привезли Машу въ княжіе терема, и на другой день была свадьба. Когда пошла она съ княземъ къ вѣнцу, то прилетѣли два голубка и сѣли къ ней одинъ на одно плечо, другой на другое; а какъ воротилась изъ церкви, голубкѣи вспорхнули, кинулись на мачехиныхъ дочерей и выклевали у нихъ по глазу. Свадьба была веселая, и я тамъ былъ, медъ-пиво пилъ, по усамъ текло, въ ротъ не попало.

164

Царевна въ подземномъ царствѣ

Живъ сабѣ царь да царица, у ихъ бывъ сынъ и дачка. Яны приказали сыну, штобъ јонъ, якъ яны умрутъ, жанився на сестрѣ. Ти багата, ти мала паживши, во упаслѣ таго, якъ приказали сыну свайму жаницца на сестрѣ, царь и царица памерли. Во братъ и кажа сестрѣ, штобъ гатаваласъ къ вянцу, а самъ пашовъ да папѣ прасить, штобъ ихъ павянчавъ. Сястра зачала адѣвѣцца къ вянцу и зрабила три куклы, паставила

ихъ на вѣкнахъ, стала пасерѣдъ хаты да кѣжа: «Кукалки, куку!» Первая кѣжа: «Чого?» Другая кѣжа: «Братъ сѣстру бярѣ». Третья гавѣря: «Земля раступися, сѣстра правалися!» и въ другій и въ третій разъ такъ же. Прихѣдя братъ и спрашивая у сѣстры: «Чи савсѣмъ адѣлася?» Сѣстра кѣжа: «Ни, не савсѣмъ». Іонъ и пашѣвъ у сваи палаты дажидацца, пакуля сѣстра адѣнецца. Сѣстра знѣвъ кѣжа: «Кукалки, куку!» Первая кѣжа: «Чого?» Другая гавѣря: «Братъ сѣстру бярѣ!» Третья кѣжа: «Земля раступися, сѣстра правалися!» Яна правалилася и пашла на тей свѣтъ. Братъ, пришовши, не пашѣвъ сѣстры и застався такъ.

Правалившись на тей свѣтъ, царевна идѣ да идѣ — ажъ стаить дубъ. Янѣ пришла къ таму дубу, раздѣлася. Дубъ раступився; янѣ палажила у дупло сваю адежу, и зрабившись старухаю, пашла. Идѣ да идѣ — ажъ стаятъ палаты царскія; янѣ, прихѣвши туда, начала прасицца, штобъ яѣ наняли. Вѣ яѣ и наняли печи тапить. У таго царя, у якѣго у палатахъ служила царевна, былъ сынъ халастый. Пришла нядѣля. Царскій сынъ собирався да церкви и вялѣвъ царевнѣ-старухѣ падѣтъ гребенець¹. Янѣ нескоро падалѣ; јонъ разсярдився и ударивъ яѣ па щацѣ². Вѣ упасля таго убрався и паѣхавъ да церкви. Царевна-старуха пашла къ дубу, гдѣ захавѣла адежу; дубъ раступився. Янѣ адѣлася, зрабилася царевнаю-красавицаю и пашла въ церкавь. Царевичъ, увидавши яѣ въ церкви, спрашивъ у лакея: аткудава янѣ? А лакей знавъ яѣ, што ѣта — тая старуха, якѣя у ихъ у палатахъ печи тѣпя, и што царевичъ ударивъ яѣ грѣбенцомъ; вѣ лакей и кѣжа: «Яна изъ горада Бита-гребешкова». Царевичъ пріѣхавъ дамѣвъ, шукѣвъ-шукѣвъ таго горада въ

¹) Гребешокъ.

²) По щекѣ.

сваёмъ царствѣ и не найшовъ. Случилося якся, што царевичъ разсярдился и ударивъ царевну-старуху сапагомъ, и вò упасля таго паѣхавъ у церкавъ. Таматка была и янà, перядѣвшихъ у платѣ, што палажила у дубъ. Вò царевичъ, павидàвши знòва незнакомаю красавицу, спрашивая у лакея: аткудава янà? Лакей кàжа: «Изь Бита-сапагова». Царевичъ шукàвъ-шукàвъ таго горада вь сваёмъ царствѣ и не найшовъ. Вò начавъ думать да гадать, якъ бы сюю незнакомаю красавицу спазнать; бо палюбивъ яè и хатѣвъ на ей жаницца. А далѣ выдумавъ и приказавъ на тòя мѣста, гдѣ янà станаவிцца у церкви, налить смалы, такъ штобъ ей было не вь дамётъ. Вь нядѣлю царевна пришла у церкавъ, перядѣвшихъ, и стала на сваёмъ мѣстѣ. Кончилась служба, и якъ толька янà састушила зь мѣста, штобъ идти дамòвъ, бушмакъ улипъ у смалу и застався на мѣстѣ. Янà и пашла дамòвъ у адномъ бушмаку. Царевичъ вялѣвъ узять тей бушмакъ, привѣзъ дамòвъ, ставъ примѣрять всѣмъ дѣвушкамъ, якія были у его царствѣ. Никому не пришовся тей бушмакъ по нагѣ, акромя старухи, што тапила печи. Вò царевичъ ставъ яè допрашувать; янà призналась: хто янà и аткуда. Іонъ и ажанився на ей. Я на свадьбѣ бывъ, медь-вино пивъ, вь ротѣ не былò, на барадѣ патякло. Записана вь гор. Погарѣ, Черниговской губ., г. Матросовымъ.

165

Незнайко

Начинается сказка отъ сивки, отъ бурки, отъ вѣщей каурки. На морѣ на окіанѣ, на островѣ на Буянѣ стоитъ быкъ печеный, вь задѣ чеснокъ толченый; съ одного боку-то рѣжь, а съ другого махай да ѣшь. Жиль-былъ купецъ, у него былъ сынъ; вотъ какъ началъ сынъ

подрастать да въ лавкахъ торговать — у того купца померла первая жена, и женился онъ на другой. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, сталъ купецъ собираться въ чужія земли ѣхать, нагрузилъ корабли товарами, и приказываетъ сыну хорошенько смотрѣть за домомъ и торговлю вести какъ слѣдуетъ. Проситъ купеческой сынъ: «Батюшка! пока не уѣхалъ, поищи мое счастье». — «Сынъ мой любезной! отвѣчаетъ старикъ: гдѣ же я его найду?» — «Мое счастье недолго искать! какъ встанешь завтра поутру, выдь за ворота и первую встрѣчу, какая тебѣ попадется, купи и отдай мнѣ». — «Хорошо, сынокъ!» На другой день всталъ отецъ ранѣшенько, вышелъ за ворота, и попалась ему первая встрѣча — тащить мужикъ паршиваго, лядщаго жеребенка собакамъ на съѣденіе. Купецъ ну его торговать и сторговалъ за рубль серебромъ, привелъ жеребенка на дворъ и поставилъ въ конюшню. Спрашиваетъ купеческой сынъ: «Что, батюшка, нашелъ мое счастье?» — «Найти-то нашелъ, да ужъ больно плохое!» — «Стало быть, такъ надо! какимъ счастьемъ Господь надѣлилъ, тѣмъ и владать буду». Отецъ отправился съ товарами въ иныя земли, а сынъ сталъ въ лавкѣ сидѣть да торгомъ заниматься, и была у него такая привычка: идетъ ли въ лавку, домой ли ворочается — завсегда напередъ зайдетъ къ своему жеребенку. Вотъ не взлюбила мачеха своего пасынка, принялась искать ворожей, какъ бы его извести; нашла старую вѣдьму, которая дала ей зелья, и наказала положить подъ порогъ въ то самое время, какъ пасынку надо будетъ домой придти. Ворочаясь изъ лавки, купеческой сынъ зашелъ въ конюшню и видитъ — его жеребенокъ стоитъ во слезахъ по щиколки; ударилъ онъ его по бедру и спрашиваетъ: «Что, мой доброй конь, плачешь, а мнѣ ничего не скажешь?» Отвѣчаетъ жеребенокъ: «Ахъ, Иванъ-купеческой сынъ,

мой любезной хозяйнѣ! какъ мнѣ не плакать? мачеха хочетъ извести тебя. Есть у тебя собака; какъ подойдешь къ дому, пусти ее напередъ себя — увидишь, что будетъ!» Купеческой сынъ послушался; только собака черезъ порогъ переступила, тутъ ее разорвало на мелкія части. Иванъ-купеческой сынъ и виду не подалъ мачехѣ, что вѣдаетъ ея злобу; на другой день отправляется онъ въ лавку, а мачеха къ ворожеѣ. Старуха приготовила ей другого зелья и велѣла положить въ пойло. Вечеромъ, идучи домой, зашелъ купеческой сынъ въ конюшню — опять жеребенокъ стоитъ по щиколки въ слезахъ; ударилъ его по бедру и спрашиваетъ: «Что, мой доброй конь, плачешь, а мнѣ ничего не скажешь?» — «Какъ мнѣ не плакать, какъ не тужить? Слышу я великую невзгodu, хочетъ мачеха тебя совсѣмъ извести. Смотри, какъ придешь въ горницу да сядешь за столъ, мачеха поднесетъ тебѣ пойло въ стаканѣ — ты его не пей, а за окно вылей; самъ тогда увидишь, что за окномъ подѣлается». Иванъ-купеческой сынъ то и сдѣлалъ: только вылилъ за окно пойло, какъ начало землю рвать! Онъ и тутъ не сказалъ мачехѣ ни слова. На третій день отправляется онъ въ лавку, а мачеха опять къ ворожеѣ; старуха дала ей волшебную рубашку. Вечеромъ, идучи изъ лавки, заходитъ купеческой сынъ къ жеребенку, и видитъ — стоитъ его доброй конь по щиколки во слезахъ; ударилъ его по бедру и сказалъ: «Что ты, доброй конь, плачешь, а мнѣ ничего не скажешь?» — «Какъ мнѣ не плакать? хочетъ тебя мачеха совсѣмъ извести. Слушай же, что я скажу: какъ придешь домой, пошлетъ тебя мачеха въ баню и рубашку пришлетъ тебѣ съ мальчикомъ; ты рубашки на себя не надѣвай, а надѣнь на мальчика: что тогда будетъ — самъ увидишь!» Вотъ приходитъ купеческой сынъ въ горницу, вышла мачеха и говоритъ ему: «Не хочешь ли попариться? у

насъ баня готова». — «Хорошо», говоритъ Иванъ — и пошелъ въ баню; немного погодя приносить мальчикъ рубашку. Какъ скоро купеческой сынъ надѣлъ ее на мальчика, тотъ въ ту же минуту закрылъ глаза и палъ на помость совѣмъ мертвой; а какъ снялъ съ него эту рубашку да кинулъ въ печь — мальчикъ ожилъ, а печь на мелкія части распалась. Видитъ мачеха — ничто не беретъ, бросилась опять къ старой ворожеѣ, просить и молить ее, какъ бы извести пасынка. Отвѣчаетъ старуха: «Пока конь его живъ будетъ, ничего нельзя сдѣлать! А ты притворись больной, да какъ пріѣдетъ твой мужъ, скажи ему: видѣла де я во снѣ, что надо зарѣзать нашего жеребенка, достать изъ него желчь и тою желчью вымазаться — тогда и хворь пройдетъ!» Пришло время купцу возвращаться, сынъ собрался и пошелъ навстрѣчу. «Здравствуй, сынокъ! говоритъ отецъ: все ли у насъ дома здорово?» — «Все благополучно, только матушка больна». Выгрузилъ купецъ товары, приходитъ домой — жена лежитъ на постели, охаетъ: «Тогда, говоритъ, поправлюся, когда мой сонъ исполнишь». Купецъ тотчасъ согласился, призываетъ своего сына: «Ну, сынокъ, я хочу зарѣзать твоего коня; мать больна, надо ее вылѣчить». Иванъ-купеческой сынъ горько заплакалъ: «Ахъ, батюшка! ты хочешь отнять у меня послѣднее счастье». Сказалъ и пошелъ въ конюшню. Жеребенокъ увидалъ его и сталъ говорить: «Любезной мой хозяинъ! я тебя отводилъ отъ трехъ смертей; избавь ты меня хоть отъ единыя, попроси у своего отца — въ послѣдній разъ на мнѣ проѣхаться, погулять въ чистомъ полѣ съ добрыми товарищами». Просится сынъ у отца погулять въ послѣдній разъ на своемъ конѣ; отецъ позволилъ. Иванъ-купеческой сынъ сѣлъ на коня, поскакалъ въ чистое поле, позабавился съ своими друзьями-товарищами, а послѣ написалъ къ отцу такую за-

писку: «Лѣчи де мачеху нагайкою о двѣнадцати хвостахъ; кромѣ этого снадобья ничѣмъ ее не вылѣчишь!» Послалъ эту записку съ однимъ изъ добрыхъ товарищей, а самъ поѣхалъ въ чужедальнія стороны. Купецъ прочиталъ письмо и принялся лѣчить свою жену нагайкою о двѣнадцати хвостахъ: скоро баба выздоровѣла!

Ѣдетъ купеческой сынъ по полю чистому, раздолью широкому, видитъ — гуляетъ рогатой скоть. Говоритъ ему доброй конь: «Иванъ-купеческой сынъ! пусти меня погулять на волѣ; выдерни изъ моего хвоста три волоска; когда я тебѣ понадобится — только зажги одинъ волосокъ, я тотчасъ явлюсь передъ тобой, какъ листъ передъ травой! А ты, доброй мѣлодецъ, ступай къ пастухамъ, купи одного быка, и зарѣжь его; нарядись въ бычью шкуру, на голову пузырь надѣнь, и гдѣ ни будешь, о чемъ бы тебя ни спрашивали — на все одинъ отвѣтъ держи: не знаю!» Иванъ-купеческой сынъ отпустилъ коня на волю, нарядился въ бычью шкуру, на голову пузырь надѣлъ, и пошелъ на взморье. По синю морю корабль бѣжитъ; увидали корабельщики эдакое чудище — звѣрь не звѣрь, человѣкъ не человѣкъ, на головѣ пузырь, кругомъ шерстью обросло, подплывали къ берегу на легкой лодочкѣ, стали его выспрашивать, изъ ума вывѣдывать. Иванъ-купеческой сынъ одинъ отвѣтъ ладитъ: «Не знаю!» — «Если такъ, будь же ты Незнайкою!» Взяли его корабельщики, привезли съ собой на корабль и поплыли въ свое королевство. Долго ли, коротко ли — приплыли они къ стольному городу, пошли къ королю съ подарками и объявили ему про Незнайку. Король повелѣлъ поставить то чудище предъ свои очи свѣтлыя. Привезли Незнайку во дворецъ, сбѣжалось народу видимо-невидимо на него глазѣть. Сталъ король его выспрашивать: «Что ты за человѣкъ?»

— «Не знаю». — «Изъ какихъ земель?» — «Не знаю». — «Чьего роду-племени?» — «Не знаю». Король плюнулъ и отправилъ Незнайку въ садъ: пусть де намѣсто чучела птицъ съ яблонь пугаетъ! — а кормить его наказаль съ своей королевской кухни.

У того короля было три дочери: старшія хороши, меньшая еще лучше! Въ скоромъ времени сталъ за меньшую королевну арапской королевичъ свататься, пишетъ къ королю съ такими угрозами: «Если не отдашь ея изъ доброй воли, то силой возьму». Королю это не по нраву пришло, отвѣчаетъ арапскому королевичу: «Начинай де войну; чѣмъ велятъ судьбы Божіи!» Собралъ королевичъ силу несмѣтную и обложилъ все его государство. Незнаюшка сбросилъ съ себя шкуру, снялъ пузырь, вышелъ на чистое поле, припалилъ волосокъ и крикнулъ громкимъ голосомъ, богатырскимъ посвистомъ. Откуда ни взялся его чудной конь — конь бѣжить, земля дрожить: «Гой еси, доброй молодець! что такъ скоро меня требуешь?» — «На войну пора!» Сѣлъ Незнаюшка на своего коня добраго, а конь его спрашиваетъ: «Какъ тебя высоко нести — въ полдерева или поверхъ лѣса стоячаго?» — «Неси поверхъ лѣса стоячаго!» Конь поднялся отъ земли и полетѣлъ на вражье воинство. Наскакалъ Незнайко на непріятелей, у одного мечъ боевой выхватилъ, у другого шишакъ золотой сдернулъ да на себя надѣлъ, закрылся налѣчикомъ, и сталъ побивать силу арапскую: куда ни повернетъ, такъ и летять головы — словно сѣно косить! Король и королевны съ городской стѣны смотрять да дивуются: «Что за витязь такой! отколь взялся? ужъ не Егорій ли Храброй намъ помогаетъ?» а того и на мысляхъ нѣтъ, что это тотъ самой Незнайко, что воронъ въ саду пугаетъ. Много войскъ побилъ Незнаюшка, да не столько побилъ, сколько конемъ потопталъ; оставилъ въ жи-

выхъ только самого арапскаго королевича да человѣкъ десять для свиты — на обратной путь. Послѣ того побоища великаго, подѣхалъ онъ къ городской стѣнѣ и говорилъ: «Ваше королевское величество! угодна ли вамъ моя послуга?» Король его благодарилъ, къ себѣ въ гости звалъ; да Незнайко не послушался: ускакалъ въ чистое поле, отпустилъ своего добраго коня, вернулся домой, надѣлъ пузырь да шкуру и началъ попрежнему по саду ходить, воронъ пугать.

Прошло ни много, ни мало времени, опять пишетъ къ королю арапской королевичъ: «Если не отдашь за меня меньшую дочь, то я все государство выжгу, а ее въ полонъ возьму». Королю это не показалось; написалъ въ отвѣтъ, что ждетъ его съ войскомъ. Арапской королевичъ собралъ силу больше прежняго, обложилъ государство со всѣхъ сторонъ, трехъ могучихъ богатырей впередъ выставилъ. Узналъ про то Незнаюшка, сбросилъ съ себя шкуру, снялъ пузырь, вызвалъ своего добраго коня и поскакалъ на побоище. Выѣхалъ супротивъ него одинъ богатырь; сѣхались они, поздоровались, копьями ударились. Богатырь ударилъ Незнайку такъ сильно, что онъ едва-едва въ одномъ стремѣ удержался; да потѣмъ оправился, налетѣлъ молодцомъ, снесъ съ богатыря голову, ухватилъ ее за волосы и подбросилъ вверхъ: «Вотъ такъ-то всѣмъ головамъ летать!» Выѣхалъ другой богатырь, и съ нимъ то же сталося. Выѣхалъ третій; бился съ нимъ Незнаюшка цѣлой часъ: богатырь разсѣкъ ему руку до крови, а Незнайко снялъ съ него голову и подбросилъ вверхъ; тутъ все войско арапское дрогнуло и побѣжало врозь. Втѣпору король съ королевнами на городской стѣнѣ стоялъ; увидала меньшая королевна, что у храбраго витязя кровь изъ руки струится, снимала съ своей шеи платочекъ и сама ему рану завязывала; а король звалъ его въ

гости. «Буду, отвѣчалъ Незнайко: только не теперь». Ускакалъ въ чистое поле, отпустилъ коня, нарядился въ шкуру, на голову пузырь надѣлъ и сталъ по саду ходить, воронъ пугать.

Ни много, ни мало прошло времени — просваталъ король двухъ старшихъ дочерей за славныхъ царевичей и затѣялъ большое веселье. Пошли гости въ садъ погулять, увидали Незнайку и спрашиваютъ: «Это что за чудище?» Отвѣчаетъ король: «Это Незнайко, живетъ у меня вмѣсто пугала — отъ яблонь птицъ отгоняетъ». А меньшая королевна глянула Незнайкѣ на руку, запри-мѣтила свой платочекъ, покраснѣла и слова не молвила. Съ той поры, съ того времени начала она въ садъ почасти ходить, на Незнайку засматриваться, про пиры, про веселье и думать забыла. «Гдѣ ты, дочка, все ходишь?» спрашиваетъ ее отецъ. «Ахъ, батюшка! сколько лѣтъ я у васъ жила, сколько разъ по саду гуляла, а никогда не видала такой умильной птички, какую теперь видѣла!» Потомъ стала она отца просить, чтобъ благословилъ ее за Незнайку замужъ идти; сколько отецъ ее ни отговаривалъ, она все свое: «Если, говорить, за него не выдашь — такъ вѣкъ въ дѣвкахъ останусь, ни за кого не пойду!» Отецъ согласился и обвѣнчалъ ихъ. Послѣ того пишетъ къ нему арапской королевичъ въ третій разъ, просить выдать за него меньшую дочь, «а коли не такъ — все государство огнемъ сожгу, а ее силой возьму». Отвѣчаетъ король: «Моя дочь ужъ обвѣнчана; если хочешь, приѣзжай — самъ увидишь». Арапской королевичъ приѣхалъ; видя, что такое чудище да на такой прекрасной королевнѣ обвѣнчано, задумалъ Незнайку убить и вызвалъ его на смертной бой. Незнайко сбросилъ съ себя шкуру, снялъ съ головы пузырь, вызвалъ своего добраго коня и выѣхалъ такимъ молодцомъ, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ

написать. Съѣхались они въ чистомъ полѣ, широкомъ раздольѣ; бой недолго длился: Иванъ-купеческой сынъ убилъ арапскаго королевича. Тутъ только король узналъ, что Незнайко — не чудище, а сильномогучій и прекрасной богатырь, и сдѣлалъ его своимъ наслѣдникомъ. Сталъ Иванъ-купеческой сынъ съ своей королевною жить-поживать да добра наживать, и родного отца къ себѣ взялъ; а мачеху казни предали.

166

Несмѣяна-царевна

Какъ подумаешь, куда великъ Божій свѣтъ! живутъ въ немъ люди богатые и бѣдные, и всѣмъ имъ просторно, и всѣхъ ихъ призываетъ и разсужаетъ Господь. Живутъ роскошныя — и празднуютъ; живутъ горемычныя — и трудятся; каждому своя доля!

Въ царскихъ палатахъ, въ княжѣихъ чертогахъ, въ высокомъ терему красовалась Несмѣяна-царевна. Какое ей было житѣе, какое приволье, какое роскошье! всего много, все есть, чего душа хочетъ; а никогда она не улыбалась, никогда не смѣялась, словно сердце ея ничему не радовалось.

Горько было царю-отцу глядѣть на печальную дочь. Открываетъ онъ свои царскія палаты для всѣхъ, кто пожелаетъ быть его гостемъ. «Пускай, говорить, пытаются развеселить Несмѣяну-царевну; кому удастся, тому она будетъ женою». Только это вымолвилъ, какъ закипѣлъ народъ у княжѣихъ воротъ! со всѣхъ сторонъ ѣдутъ, идутъ — и царевичи и княжевичи, и бояре и дворяне, полковые и простые; начались пиры, полились меды — царевна все не смѣется! На другомъ концѣ, въ своемъ уголкѣ жилъ честной работникъ; по утрамъ

онъ дворъ убиралъ, вечерами скотъ пасалъ, въ безпрестанныхъ былъ трудахъ. Хозяинъ его — человѣкъ богатой, правдивой, платою не обижалъ. Только покончился годъ, онъ ему мѣшокъ денегъ на столъ: «Бери, говоритъ, сколько хочешь!» а самъ въ двери и вышелъ вонъ. Работникъ подошелъ къ столу, и думаетъ: какъ бы передъ Богомъ не согрѣшить, за труды лишняго не положить? Выбралъ одну только денежку, зажалъ ее въ горсть, да вздумалъ водицы напиться, нагнулся въ колодезь — денежка у него выкатилась и потонула на дно. Остался бѣднякъ не при чемъ. Другой бы на его мѣстѣ заплакалъ, затузилъ и съ досады бѣ руки сложилъ, а онъ нѣтъ: «Все, говоритъ, Богъ посылаетъ; Господь знаетъ кому что давать, кого деньгами надѣляетъ, у кого послѣднiя отнимаетъ. Видно, я худо рачилъ, мало трудился, теперь стану усерднѣй!» И снова за работу — каждое дѣло въ его рукахъ огнемъ горитъ! Кончился срокъ, минулъ еще годъ, хозяинъ ему мѣшокъ денегъ на столъ: «Бери, говоритъ, сколько душа хочетъ!» а самъ въ двери и вышелъ вонъ. Работникъ опять думаетъ, чтобъ Бога не прогнѣвить, за трудъ лишняго не положить; взялъ денежку, пошелъ напиться и выпустилъ невзначай изъ рукъ — денежка въ колодезь и потонула. Еще усерднѣе принялся онъ за работу: ночь не досыпаетъ, день не доѣдаетъ. Поглядишь: у кого хлѣбъ сохнетъ, желтѣетъ, а въ его хозяина все бутѣетъ; чья скотина ноги завиваетъ, а его по улицѣ брыкаетъ; чьихъ коней подъ гору тащатъ, а его и въ поводу не сдержатъ. Хозяинъ разумѣлъ, кого благодарить, кому спасибо говорить. Кончился срокъ, миновалъ третiй годъ, онъ кучу денегъ на столъ: «Бери, работничекъ, сколько душа хочетъ; твой трудъ, твоя и деньга!» а самъ вышелъ вонъ. Беретъ работникъ опять одну денежку, идетъ къ колодезю воды испить — глядь: послѣдняя

деньга цѣла и прежнія двѣ наверхъ выплыли. Подобралъ онъ ихъ, догадался, что Богъ его за труды наградилъ; обрадовался и думаетъ: «Пора мнѣ бѣлы свѣтъ поглядѣть, людей распознать!» Подумалъ и пошелъ, куда глаза глядятъ. Идетъ онъ полемъ, бѣжитъ мышъ: «Ковалёкъ, дорогой куманёкъ! дай денежку; я тебѣ сама пригожусь!» Далъ ей денежку. Идетъ лѣсомъ, ползетъ жукъ: «Ковалёкъ, дорогой куманёкъ! дай денежку; я тебѣ самъ пригожусь!» Далъ и ему денежку. Поплылъ рѣкой, встрѣлся сомъ: «Ковалёкъ, дорогой куманёкъ! дай денежку, я тебѣ самъ пригожусь!» Онъ и ему не отказалъ, послѣднюю отдалъ. Самъ пришелъ въ городъ; тамъ людей, тамъ дверей! заглядѣлся, завертѣлся работникъ на всѣ стороны, куда идти не знаетъ. А передъ нимъ стоятъ царскія палаты, серебромъ-золотомъ убраны, у окна Несмѣяна-царевна сидитъ и прямо на него глядитъ. Куда дѣваться? затуманилось у него въ глазахъ, нашелъ на него сонъ, и упалъ онъ прямо въ грязь. Откуда ни взялся сомъ съ большимъ усомъ, за нимъ жучокъ-старичокъ, мышка-стрижка; всѣ прибѣжали. Ухаживаютъ, ублаживаютъ: мышка платице снимаетъ, жукъ сапожки очищаетъ, сомъ мухъ отгоняетъ. Глядѣла-глядѣла на ихъ услуги Несмѣяна-царевна, и засмѣялась. «Кто, кто развеселилъ мою дочь?» спрашиваетъ царь. Тотъ говоритъ: я; другой: я. «Нѣтъ!» сказала Несмѣяна-царевна: вотъ этотъ человѣкъ!» и указала на работника. Тотчасъ его во дворецъ, и сталъ работникъ передъ царскимъ лицомъ молодецъ-молодцомъ! Царь свое царское слово сдержалъ: что обѣщалъ, то и даровалъ. Я говорю: не во снѣ ли это работнику снилось? Завѣряютъ, что нѣтъ, истинная правда была — такъ надо вѣрить.

Записана въ Курской губ.

Ночныя пляски

Быль-жилъ король вдовой: у него было двѣнадцать дочерей, одна другой лучше. Каждную ночь уходили эти царевны, а куда? — невѣдомо; только что ни сутки — изнашивали по новой парѣ башмаковъ. Не наготовится король на нихъ обуви, и захотѣлось ему узнать, куда это онѣ по ночамъ уходятъ и что дѣлають? Вотъ онъ сдѣлалъ пиръ, созвалъ со всѣхъ земель королей и королевичей, дворянъ и купцовъ и простыхъ людей, и спрашиваетъ: «Не сумѣетъ ли кто разгадать ему эту загадку? Кто разгадаетъ — за того отдастъ любимую дочь замужъ, да полцарства въ приданое». Никто не берется узнать, гдѣ бывають по ночамъ королевны, вызвался одинъ бѣдной дворянинъ: «Ваше королевское величество! я узнаю». — «Ладно, узнай!» Послѣ бѣдной дворянинъ одумался и говоритъ самъ себѣ: «Что я надѣлалъ? взялся узнать, а самъ ничего не вѣдаю! Если теперь не узнаю, вѣдь король меня подъ карауль отдастъ». Вышелъ изъ дворца за городъ, идетъ — раскручинился-пригорюнился; попадаетъ ему навстрѣчу старушка и спрашиваетъ: «О чемъ, доброй мѣлодецъ, призадумался?» Онъ въ отвѣтъ: «Какъ мнѣ, бабушка, не призадуматься? взялся я у короля провѣдать, куда его дочери по ночамъ уходятъ . . .» — «Да, это дѣло трудное! только узнать можно. Вотъ тебѣ шапка-невидимка, съ нею чего не вымотришь! Да помни: какъ будешь спать ложиться, королевны подадутъ тебѣ сонныхъ капель испить; а ты повернись къ стѣнѣ и вылей въ постель, а пить не моги!» Бѣдной дворянинъ поблагодарилъ старуху и воротился во дворецъ. Время къ ночи подходитъ; отвели ему комнату рядомъ съ тою, въ которой королевны почивали. Прилѣгъ онъ на постель, а самъ

сторожить собирается. Тутъ приносить одна королева сонныхъ капель въ винѣ и просить выпить за ея здоровье. Не могъ отказаться, взялъ чарку, оборотился къ стѣнѣ и вылилъ въ постель. Въ самую полночь пришли королевны посмотрѣть: спитъ ли онъ? Бѣдной дворянинъ притворился, будто крѣпко, безпробудно спитъ, а самъ за всякимъ порохомъ слѣдить. «Ну, сестрицы! наша стража заснула; пора намъ на гульбище идти». — «Пора! пора!» Вотъ нарядились въ лучшіе свои наряды; старшая сестра подошла къ своей кровати, отодвинула ее — и вдругъ открылся ходъ въ подземное царство къ заклятому царю. Стали онѣ спускаться по лѣстницѣ; бѣдной дворянинъ всталъ потихоньку съ кровати, надѣлъ на себя шапку-невидимку и пошелъ за ними. Наступилъ нечаянно младшей королевѣ на платье; она испугалась, сказала сестрамъ: «Ахъ, сестрицы! будто кто на мое платье наступилъ; эта примѣта бѣду намъ пророчить». — «И, полно! ничего не будетъ». Спустились съ лѣстницы въ рощу, въ той рощѣ золотые цвѣты растутъ. Бѣдной дворянинъ взялъ-сломилъ одну вѣточку — вся роща зашумѣла. «Ахъ, сестрицы, говоритъ младшая королева: что-то недоброе намъ сулитъ! слышите, какъ роща шумитъ?» — «Не бойся; это у заклятого царя музыка гремитъ!» Приходятъ онѣ во дворецъ, встрѣчаютъ ихъ царь съ придворными; заиграла музыка, и начали танцовать; до тѣхъ поръ танцовали, пока башмаки изорвали. Велѣлъ царь вино наливать да гостямъ разносить. Бѣдной дворянинъ взялъ съ подноса одинъ бокалъ, вино выпилъ, а бокалъ въ карманъ сунулъ. Кончилось гулянье; королевны распростились съ кавалерами, общались и на другую ночь прійти; воротились домой, раздѣлись и легли спать. Поутру призываетъ король бѣднаго дворянина: «Что — укараулилъ ты моихъ дочерей?» — «Укараулилъ, ваше

величество!» — «Куда жъ онѣ ходять?» — «Въ подземное царство къ заклятѣму царю; тамъ всю ночь танцуютъ». Король позвалъ дочерей, началъ ихъ допрашивать: «Гдѣ вы ночью были?» Королевны запираются: «Нигдѣ не были!» — «А у заклятѣго царя не были? вотъ бѣдной дворянинъ на васъ показываетъ, уличить васъ хочетъ». — «Гдѣ жъ ему, батюшка, уличить насъ, когда онъ всю ночь мертвымъ сномъ проспалъ?» Бѣдной дворянинъ вынулъ изъ кармана золотой цвѣтокъ и бокаль: «Вотъ, говорить, и улика налицо!» Что тутъ дѣлать? сознались королевны отцу; король велѣлъ засыпать ходъ въ подземное царство, а бѣднаго дворянина женилъ на младшей дочери, и стали все они счастливо жить да быть.

Записана въ Оренбургской губ.

168

Мальчикъ-съ-пальчикъ

Жилъ себѣ старикъ со старухою. Разъ старуха рубила капусту на пироги, задѣла нечаянно по рукѣ и отрубила мизинный палецъ; отрубила и бросила за печку. Вдругъ послышалось старухѣ — кто-то говорить за печкой человѣческимъ голосомъ: «Матушка! сними меня отсюда». Изумилась она, сотворила честной крестъ, и спрашиваетъ: «Ты кто таковъ?» — «Я — твой сынокъ, родился изъ твоего мизинчика». Сняла его старуха, смотреть — мальчикъ крохотной-крохотной, еле отъ земли видно! и назвала его Мальчикъ-съ-пальчикъ. «А гдѣ мой батюшка?» спрашиваетъ Мальчикъ-съ-пальчикъ. «Поѣхалъ на папню». — «Я къ нему пойду, помогать стану». — «Ступай, дитятко!»

Пришелъ онъ на папню: «Богъ въ помощь, батюшка!» Осмотрѣлся старикъ кругомъ; «что за чудо! говорить: гласъ человѣческой слышу, а никого не вижу. Кто та-

ковъ говорить со мною?» — «Я — твой сынокъ». — «Да у меня и дѣтей сроду не бывало!» — «Я только-что родился на бѣлый свѣтъ: рубила матушка капусту и пироги, отрубила себѣ мизинный палецъ съ руки, бросила за печку — вотъ я и сталъ Мальчикъ-съ-пальчикъ! Пришелъ тебѣ помогать. — землю пахать. Садись, батюшка, закуси чѣмъ Богъ послалъ, да отдохни маленько». Обрадовался старикъ, сѣлъ обѣдать; а Мальчикъ-съ-пальчикъ залѣзъ лошади въ ухо и сталъ пахать землю; а напередъ отцу наказалъ: «Если кто будетъ торговать меня, продавай смѣло; небось — не пропаду, назадъ домой прійду». Вотъ ѣдетъ мимо баринъ, смотреть и дивуется, конь идетъ, соха орѣтъ, а человѣка нѣтъ! «Этого, говорить: еще видомъ не видано, слыхомъ не слыхано, чтобы лошадь сама собой пахала!» — «Что ты, развѣ ослѣпъ! отозвался ему старикъ: то у меня сынъ пашетъ». — «Продай его мнѣ!» — «Нѣтъ, не продамъ; намъ только и радости съ старухой, только и утѣхи, что онъ!» — «Продай, дѣдушка!» пристаётъ баринъ. «Ну, давай тысячу рублей — твой будетъ!» — «Что такъ дорого?» — «Самъ видишь: мальчикъ малъ да удалъ, на ногу скоръ, на посылки лёгокъ!» Баринъ заплатилъ тысячу, взялъ мальчика, посадилъ въ карманъ и поѣхалъ домой. А Мальчикъ-съ-пальчикъ напаскудилъ ему въ карманъ, прогрызъ дыру и ушелъ.

Шель-шель, и пристигла его темная ночь; спрятался онъ подъ былинку, подлѣ самой дороги, лежитъ себѣ, спать собирается. Идутъ мимо три вора. «Здравствуйте, добрые молодцы!» говоритъ Мальчикъ-съ-пальчикъ. «Здорово!» — «Куда идете?» — «Къ попу». — «Зачѣмъ?» — «Быковъ воровать», — «Возьмите и меня съ собой!» — «Куда ты годишься? намъ надо такого молодца, чтобъ разъ далъ — и духъ вонъ!» — «Пригожусь и я: въ подворотню пролѣзу да вамъ ворота отопру». — «И то дѣло!

пойдемъ съ нами». Вотъ пришли вчетверомъ къ богатому попу. Мальчикъ-съ-пальчикъ пролѣзъ въ подворотню, отворилъ ворота, и говоритъ: «Вы, братцы, здѣсь на дворѣ постойте, а я заберусь въ сарай, да выберу быка лучше и выведу къ вамъ». — «Ладно!» Забрался онъ въ сарай, и кричитъ оттуда во всю глотку: «Какого быка тащить — бураго али чернаго?» — «Не шуми, говорятъ ему воры: тащи, какой подъ руку попадется. Мальчикъ-съ-пальчикъ вывелъ имъ быка что ни есть самага лучшаго; воры пригнали быка въ лѣсъ, зарѣзали, сняли шкуру, и стали дѣлить мясо: «Ну, братцы! говоритъ Мальчикъ-съ-пальчикъ: я возьму себѣ требуху; съ меня и того будетъ». Взялъ требуху и тутъ же залѣзъ въ нее спать — ночь коротать; а воры подѣлили мясо и пошли по домамъ.

Набѣждалъ голодной волкъ и проглотилъ требуху вмѣстѣ съ мальчикомъ; сидитъ онъ въ волчьемъ брюхѣ живой, и горя ему мало! Плохо пришлось сѣрому! Увидитъ онъ стадо, овцы пасутся, пастухъ спитъ, и только-что подкрадется овцу унести — какъ Мальчикъ-съ-пальчикъ и закричитъ во все горло: «Пастухъ, пастухъ, овечій духъ! ты спишь, а волкъ овцу тащить!» Пастухъ проснется, бросится на волка съ дубиною да притравитъ его собаками, а собаки ну его рвать — только ключья летятъ! еле-еле уйдетъ сердешной! Совѣмъ отощаль волкъ, пришлось пропадать съ голоду. «Вылѣзи!» проситъ волкъ. «Довези меня домой къ отцу, къ матери, такъ вылѣзу», говоритъ Мальчикъ-съ-пальчикъ. Побѣждалъ волкъ въ деревню, вскочилъ прямо къ старику въ избу; Мальчикъ-съ-пальчикъ тотчасъ вылѣзъ изъ волчьяго брюха задомъ, схватилъ волка за хвостъ и кричитъ: «Бейте волка, бейте сѣраго!» Старикъ схватилъ дубинку, старуха другую, и давай бить волка; тутъ его и порѣшили, сняли кожу да сынку тулупъ сдѣлали. И стали они жить-поживать, вѣкъ доживать.

Верліока

Жили-были дѣдъ да баба, а у нихъ были двѣ внучки-сиротки — такія хорошенькія да смиренныя, что дѣдъ съ бабушкой не могли ими нарадоваться. Вотъ разъ дѣдъ вздумалъ посѣять горохъ; посѣялъ — выросъ горохъ, зацвѣлъ. Дѣдъ глядитъ на него, да и думаетъ: «Теперь буду цѣлую зиму ѣсть пироги съ горохомъ». Какъ на зло дѣду воробьи и напали на горохъ. Дѣдъ видитъ, что худо, и послалъ младшую внучку прогонять воробьевъ. Внучка сѣла возлѣ гороха, машетъ хворостиной да приговариваетъ: «Кишь-кишь, воробьи! не ѣшьте дѣдова гороху!» Только слышитъ: въ лѣсу шумитъ, трещитъ — идетъ Верліока, ростомъ высокой, объ одномъ глазѣ, носъ крючкомъ, борода клочкомъ, усы въ полъаршина, на головѣ щетина, на одной ногѣ — въ деревянномъ сапогѣ, костьюлемъ подпирается, самъ страшно ухмыляется. У Верліоки была уже такая натура: завидитъ человѣка, да еще смирнаго, не утерпитъ, чтобы дружбу не показать, бока не поломать; не было спуска отъ него ни старому, ни малому, ни тихому, ни удалому. Увидѣлъ Верліока дѣдову внучку — такая хорошенькая, ну какъ не затрогать ее? Да той, видно, не понравились его игрушки; можетъ быть, и обругала его — не знаю; только Верліока сразу убилъ ее костьюлемъ.

Дѣдъ ждалъ-ждалъ — нѣтъ внучки, послалъ за нею старшую. Верліока и ту прибралъ. Дѣдъ ждетъ-пождетъ — и той нѣтъ! и говоритъ женѣ: «Да что онѣ тамъ опозднились? Пожалуй съ парубками развозились, какъ трещотки трещать, а воробьи горохъ лущать. Иди-ко ты, старуха, да скорѣй тащи ихъ за ухо». Старуха съ печки сползла, въ углу палочку взяла, за порогъ перевалилась, да и домой не воротилась. Вѣстимо, какъ

увидѣла внучекъ да потомъ Верліоку, догадалась, что это его работа; съ жалости такъ и вцѣпилась ему въ волосы. А нашему забіякѣ то и нѣруку . . . Дѣдъ ждетъ внучекъ да старуху — не дождется: нѣтъ какъ нѣтъ! дѣдъ и говоритъ самъ себѣ: «Да что за лукавой! не приглянулся ли и женѣ парень чернявой? Сказано: отъ нашего ребра не ждать намъ добра; а баба все баба, хоть и стара!» Вотъ такъ мудро размысливши, всталъ онъ изъ-за стола, надѣлъ шубку, закурилъ трубку, помолился Богу, да и поплѣлся въ дорогу. Приходитъ къ гороху, глядитъ: лежатъ его ненаглядныя внучки — точно спятъ; только у одной кровь, какъ та алая лента, полосой на лбу видна, а у другой на бѣлой шейкѣ пять синихъ пальцевъ такъ и оттиснулись. А старуха такъ изувѣчена, что и узнать нельзя. Дѣдъ зарыдалъ не на шутку: цѣловаль ихъ, миловаль, да слезно приговариваль. И долго бы проплакалъ, да слышитъ: въ лѣсу шумить, трещить — идетъ Верліока, ростомъ высокой, объ одномъ глазѣ, носъ крючкомъ, борода клочкомъ, усы въ полъяршина, на головѣ щетина, на одной ногѣ — въ деревянномъ сапогѣ, костылемъ подпирается, самъ страшно ухмыляется. Схватилъ дѣда и давай бить; на силу бѣдной вырвался да убѣжалъ домой. Прибѣжалъ, сѣлъ на лавку, отдохнулъ, и говоритъ: «Эге, надъ нами строить штуки! постой, братъ, у самихъ есть руки . . . Языкомъ хоть что разсуждай, а рукамъ воли не давай. Мы и сами съ усами! Задѣлъ рукой, поплатишься головой. Видно тебя, Верліока, не учили сызмала пословицъ: Дѣлай добро — не кайся, а дѣлай зло — сподѣвайся!¹ Взялъ лычко, отдай ремешокъ!» Долго разсуждалъ дѣдъ самъ съ собою, а наконецъ, наговорившись дѣсыта, взялъ желѣзной костыль и отправился бить Верліоку.

¹) Ожидай отплаты.

Идетъ, идетъ, и видитъ ставокъ¹, а на ставкѣ сидитъ куцой селезень. Увидалъ дѣда селезень и кричитъ: «Такъ, такъ, такъ! Вѣдь я угадалъ, что тебя сюда поджидалъ. Здоровъ, дѣдъ, на сто лѣтъ!» — «Здорово, селезень! отчего же ты меня поджидалъ?» — «Да зналъ, что ты за старуху да за внучекъ пойдешь къ Верліокѣ на расправу». — «А тебѣ кто сказалъ?» — «Кума сказала». — «А кума почѣмъ знаетъ?» — «Кума все знаетъ, что на свѣтѣ дѣлается; да другой разъ еще дѣло и не сдѣлалось, а кума кумѣ ужъ о томъ на ухо шепчетъ, а па-шепчутся двѣ кумы — весь міръ узнаетъ». — «Смотри, какое диво!» говоритъ дѣдъ. «Не диво, а правда! да такая правда, что бываетъ не только съ нашимъ братомъ, а водится и промежъ старшими». — «Вотъ что!» молвилъ дѣдъ и ротъ разинулъ; а потомъ, опомнившись, снялъ шапку, поклонился куцому селезню и говоритъ: «А вы, добродѣю, знаете Верліоку?» — «Какъ, какъ, какъ не знать! знаю я его, кривого». Селезень поверотилъ голову на сторону (съ боку они лучше видятъ), прищурилъ глазъ, поглядѣлъ на дѣда, да и говоритъ: «Эге! съ кѣмъ не случается бѣда? вѣкъ живи, вѣкъ учись, а все дурнемъ умрешь. Такъ, такъ, такъ!» Поправилъ крылья, повертѣлъ задомъ, и сталъ учить дѣда: «Слушай, дѣдушка, да учись, какъ на свѣтѣ жить! Разъ какъ-то вотъ тутъ на берегу началъ Верліока бить какого-то горемыку. А втѣпоры была у меня за каждымъ словомъ поговорка: ахъ, ахъ, ахъ! Верліока потѣшается, а я сижу въ водѣ, да такъ себѣ и кричу: ахъ, ахъ, ахъ! . . . Вотъ онъ, управившись по-своему съ горемыкою, подбѣжалъ ко мнѣ, да не говоря худого слова, хватъ меня за хвостъ! да не на таковского напалъ, только хвостъ у него въ рукахъ остался. Оно хоть хвостъ и не великъ, а все-таки жалъ его . . . Кому свое

¹) Прудъ.

добро не дорого? Говорят же: всякой птицѣ свой хвостъ ближе къ тѣлу. Верліока пошелъ домой, да и говорить дорѣгою: постой же! научу я тебя, какъ за другихъ заступаться. Вотъ я и взялся за умъ, и съ той поры — кто бы что ни дѣлалъ, не кричу: ахъ, ахъ, ахъ! а все придакиваю: такъ, такъ, такъ! Что же? и житье стало лучше, и почѣту отъ людей больше. Всѣ говорятъ: вотъ селезень — хоть куцой, да умной!» — «Такъ не можешь ли ты, добродѣю, показать мнѣ, гдѣ живетъ Верліока?» — «Такъ, такъ, такъ!» Селезень вылѣзъ изъ воды, и, переваливаясь съ боку на бокъ, словно купчиха, пошелъ по берегу, а дѣдъ за нимъ.

Идутъ-идутъ, а на дорогѣ лежитъ бечёвочка, и говорить: «Здравствуй, дѣдушка, умная головушка!» — «Здравствуй, бечёвочка!» — «Какъ живешь? куда идешь?» — «Живу и такъ и сякъ; а иду къ Верліокѣ на расправу: старуху задушилъ, двухъ внучекъ убилъ, а внучки были такія хорошія — на славу!» — «Я твоихъ внучекъ знала, старуху поважала; возьми и меня на подмогу!» Дѣдъ подумалъ: «Можетъ, пригодится связать Верліоку!» и отвѣчалъ: «Полѣзай, когда знаешь дорогу». Верёвочка и поползла за ними, словно змѣя.

Идутъ-идутъ, на дорогѣ лежитъ колотушка, да и говорить: «Здравствуй, дѣдушка, умная головушка!» — «Здравствуй, колотушка!» — «Какъ живешь? куда идешь?» — «Живу и такъ и сякъ; а иду къ Верліокѣ на расправу. Подумай: старуху задушилъ, двухъ внучекъ убилъ, а внучки были на славу!» — «Возьми меня на подмогу!» — «Ступай, когда знаешь дорогу». А самъ думаетъ: «Колотушка и впрямь поможетъ». Колотушка поднялась, уперлась ручкой о землю, и прыгнула.

Пошли опять. Идутъ-идутъ, а на дорогѣ лежитъ жолудь, и пищитъ: «Здравствуй, дѣдъ долгоногой!» —

«Здравствуй, жолудь дубовой!» — «Куда это такъ шагаешь?» — «Иду Верліоку бить, когда его знаешь?» — «Какъ не знать! пора ужъ съ нимъ расплатиться; возьми и меня на подмогу». — «Да чѣмъ ты поможешь!» — «Не плюй, дѣдъ, въ колодезь — достанется водицы напиться; синица не велика птица, да все поле спалила. А еще говорятъ: малъ золотникъ, да дорогъ; велика Ѳедора, да дура!» Дѣдъ подумалъ: «А пускай его! чѣмъ больше народу, тѣмъ лучше», и говоритъ: «Плетись позади!» Какое — плетись! жолудь такъ и скачетъ впереди всѣхъ.

Вотъ и пришли они въ густой, дремучій лѣсъ, а въ томъ лѣсу стоитъ избушка. Глядятъ — въ избушкѣ никого нѣтъ. Огонь давно погасъ, а на шесткѣ стоитъ кулишъ. Жолудь не промахъ — вскочилъ въ кулишъ, верёвочка растянулась на порогѣ, колотушку положилъ дѣдъ на полку, селезня посадилъ на печку, а самъ сталъ за дверью. Пришелъ Верліока, кинулъ дрова на землю, и сталъ поправлять въ печкѣ. Жолудь, сидя въ кулишѣ, затанулъ пѣсню: «Пи . . . пи . . . пи! пришли Верліоку бить». — «Цыцъ, кулишъ! въ ведро вылью!» крикнулъ Верліока. А жолудь не слушаетъ его, знай свое пищить. Верліока разсердился, схватилъ горшокъ, да бухъ кулишъ въ ведро. Жолудь какъ выскочить изъ ведра, щолкъ Верліоку прямо въ глазъ, выбилъ и послѣдній. Верліока кинулся было на утѣкъ, да не тутъ-то было — верёвочка перецѣпила его, и Верліока упалъ. Колотушка съ полки, а дѣдъ изъ-за дверей, и давай его подбивать; а селезень за печкой сидитъ да приговариваетъ: «Такъ, такъ, такъ!» Не помогли Верліокѣ ни его сила, ни его отвага. Вотъ вамъ сказка, а мнѣ бубликовъ вязка.

Записана Н. Тихорскимъ въ Южной Россіи.

Лихо одноглазое

Жилъ одинъ кузнецъ. «Что, говорить, я горя никакого не видалъ. Говорятъ: лихо на свѣтѣ есть; пойду, поищу себѣ лихо». Взялъ и пошелъ, выпилъ хорошенько и пошелъ искать лихо. Навстрѣчу ему портной. «Здравствуй!» — «Здравствуй». — «Куда идешь?» — «Что, братъ, все говорятъ: лихо на свѣтѣ есть; я никакого лиха не видалъ, иду искать». — «Пойдемъ вмѣстѣ. И я хорошо живу и не видалъ лиха; пойдемъ, поищемъ». Вотъ они шли, шли; зашли въ лѣсъ, въ густой, темный, нашли маленьку дорожку, пошли по ней — по узенькой дорожкѣ. Шли, шли по этой дорожкѣ, видятъ: изба стоитъ большая. Ночь; некуда идти. «Сѣмъ, говорятъ, зайдемъ въ эту избу». Вошли; никого тамъ нѣту, пусто, нехорошо. Сѣли себѣ и сидятъ. Вотъ и идетъ высокая женщина, худощавая, кривая, одноокая. «А! говорить: у меня гости. Здравствуйте». — «Здравствуй, бабушка! мы пришли почевать къ тебѣ». — «Ну, хорошо; будетъ что поужинать мнѣ!» Они перепугались. Вотъ она пошла, беремая дровъ большое принесла; принесла беремая дровъ, поклала въ печку, затопила. Подошла къ нимъ, взяла одного, портного, и зарѣзала, посадила въ печку и убрала. Кузнецъ сидитъ и думаетъ: что дѣлать, какъ быть? Она взяла-поужинала. Кузнецъ смотритъ въ печку и говорить: «Бабушка, я кузнецъ». — «Что умѣешь дѣлать-ковать?» — «Да я все умѣю». — «Скуй мнѣ глазъ». — «Хорошо, говорить: да есть ли у тебя веревка? Надо тебя связать, а то ты не дашься; я бы тебѣ вковалъ глазъ». Она пошла, принесла двѣ веревки, одну потоньше, а другую толще. Вотъ онъ связалъ ее одною, которая была потоньше. «Ну-ка, бабушка, повернися!» Она повернулась и разорвала ве-

ревку. «Ну, говорить: нѣтъ, бабушка! эта не годится». Взялъ онъ толстую веревку да этою веревкою скрутилъ ее хорошенько: «Повернись-ка, бабушка!» Вотъ она повернулась — не порвала. Вотъ онъ взялъ шило, разжѣгъ его, наставилъ на глазъ-то ей, на здоровый, взялъ топоръ да обухомъ какъ вдарить по шилу. Она какъ повернется и разорвала веревку, да и съѣла на порогѣ. «А, злодѣй, теперича не уйдешь отъ меня!» Онъ видитъ, что опять лихо ему; сидитъ, думаетъ: что дѣлать? Потомъ пришли съ поля овцы; она загнала овецъ въ свою избу ночевать. Вотъ кузнецъ ночевалъ ночь. Поутру стала она овецъ выпускать. Онъ взялъ шубу да вернулъ шерстью вверхъ, да въ рукава-то надѣлъ и подползъ къ ней какъ овечка. Она все по одной выпускала; какъ хватить за спинку, такъ и выкинетъ ее. И онъ подползъ; она и егохватила за спинку и выкинула. Выкинула его, онъ всталъ и говоритъ: «Прощай, Лихо! натерпѣлся я отъ тебя лиха; теперь ничего не сдѣлаешь». Она говоритъ: «Постой, еще натерпишься, ты не ушелъ!»

И пошелъ кузнецъ опять въ лѣсъ по узенькой тропинкѣ. Смотритъ: въ деревѣ топорикъ съ золотой ручкой; захотѣлъ себѣ взять. Вотъ онъ взялся за этотъ топорикъ, рука и пристала къ нему. Что дѣлать? никакъ не оторвешь. Оглянулся назадъ: идетъ къ нему Лихо и кричитъ: «Вотъ ты, злодѣй, и не ушелъ!» Кузнецъ вынулъ ножичекъ, въ карманѣ у него былъ, и давай эту руку пилить; отрѣзалъ ее и ушелъ. Пришелъ въ свою деревню и началъ показывать руку, что теперь видѣлъ Лихо. «Вотъ, говорить, посмотрите — каково оно: я, говорить, безъ руки, а товарища моего совсѣмъ съѣла». Тутъ и сказкѣ конецъ.

Записана въ Воронежской губ., въ Нижнедѣвицкомъ у., Н. И. Второвымъ.

Въ одной деревушкѣ жили два мужика, два родные брата: одинъ былъ бѣдной, другой богатой. Богачъ переѣхалъ на житѣе въ городъ, выстроилъ себѣ большой домъ и записался въ купцы; а у бѣднаго иной разъ нѣтъ ни куска хлѣба, а ребятишки — малъ-мала меньше — плачутъ да ѣсть просятъ. Съ утра до вечера бьется мужикъ, какъ рыба объ ледъ, а все ничего нѣтъ. Говорить онъ однова своей женѣ: «Дай-ка пойду въ городъ попрошу у брата: не поможетъ ли чѣмъ?» Пришелъ къ богатому: «Ахъ, братецъ родимой! помоги сколько-нибудь моему горю; жена и дѣти безъ хлѣба сидятъ, по цѣлымъ днямъ голодаютъ». — «Проработай у меня эту недѣлю, тогда и помогу!» Что дѣлать? принялся бѣдной за работу: и дворъ чистить, и лошадей холить, и воду возить, и дрова рубить. Черезъ недѣлю даетъ ему богатой одну ковригу хлѣба: «Вотъ тебѣ за труды!» — «И за то спасибо!» сказала бѣдной, поклонился и хотѣлъ было домой идти. «Постой! приходи-ка завтра ко мнѣ въ гости, жену приводи: вѣдь завтра — мои именины». — «Эхъ, братецъ! куда мнѣ? самъ знаешь: къ тебѣ прійдутъ купцы въ сапогахъ да въ шубахъ, а я въ лаптяхъ хожу да въ худенькомъ сѣромъ кафтанишкѣ». — «Ничего, приходи! и тебѣ будетъ мѣсто». — «Хорошо, братецъ! прійду». Воротился бѣдной домой, отдалъ женѣ ковригу, и говоритъ: «Слушай, жена! на-завтрее насъ съ тобой въ гости звали». — «Какъ въ гости? кто звалъ?» — «Братъ; онъ завтра именинникъ». — «Ну, что жъ! пойдѣмъ». На утро встали и пошли въ городъ, пришли къ богатому, поздравили его и усѣлись на лавку. За столомъ ужъ много именитыхъ гостей сидѣло; всѣхъ ихъ угощаетъ хозяинъ на славу, а про бѣднаго

брата и его жену и думать забылъ — ничего имъ не даетъ; они сидятъ да только посматриваютъ, какъ другіе пьютъ да ѣдятъ. Кончился обѣдъ; стали гости изъ-за стола вылазить да хозяина съ хозяйшкой благодарить, и бѣдной тожъ — поднялся съ лавки и кланяется брату въ поясъ. Гости поѣхали домой пьяные, веселые; шумятъ, пѣсни поютъ. А бѣдной идетъ назадъ съ пустымъ брюхомъ. «Давай-ка, говоритъ женѣ: и мы запоемъ пѣсню!» — «Эхъ, ты дуракъ, люди поютъ отъ того, что сладко поѣли да много вышли; а ты съ чего пѣть вздумалъ?» — «Ну, все-таки у брата на именинахъ былъ; безъ пѣсенъ мнѣ стыдно идти. Какъ я запою, такъ всякой подумаетъ, что и меня угостили . . .» — «Ну, пой, коли хочешь, а я не стану!» Мужикъ запѣлъ пѣсню, и послышалось ему два голоса; онъ пересталъ и спрашиваетъ жену: «Это ты мнѣ подсобляла пѣть тоненькимъ голоскомъ?» — «Что съ тобой? я вовсе и не думала». — «Такъ кто же?» — «Не знаю! сказала баба: а ну, запой, я послушаю». Онъ опять запѣлъ; поетъ-то одинъ, а слышно два голоса; остановился и спрашиваетъ: «Это ты, Горе, мнѣ пѣть пособляешь?» Горе отозвалось: «Да, хозяйинъ! это я пособляю». — «Ну, Горе, пойдемъ съ нами вмѣстѣ». — «Пойдемъ, хозяйинъ, я теперь отъ тебя не отстану». Пришелъ-мужикъ домой, а Горе зоветъ его въ кабакъ. Тотъ говоритъ: «У меня денегъ нѣтъ!» — «Охъ, ты, мужичокъ! да на что тебѣ деньги? вишь, на тебѣ полушубокъ надѣтъ, а на что онъ? скоро лѣто будетъ, все равно носить не станешь! пойдемъ въ кабакъ, да полушубокъ по боку . . .» Мужикъ и Горе пошли въ кабакъ и пропили полушубокъ. На другой день Горе заохало, съ похмелья голова болить, и опять зоветъ хозяина винца испить. «Денегъ нѣтъ!» говоритъ мужикъ. «Да на что намъ деньги? Возьми сани да телѣгу — съ насъ и довольно!» Нечего дѣлать, не от-

биться мужику отъ Гора; взялъ онъ сани и телѣгу, потащилъ въ кабакъ и пропилъ вмѣстѣ съ Горемъ. На утро Горе еще больше заохало, зоветъ хозяина опохмелиться; мужикъ пропилъ и борону и соху. Мѣсяца не прошло, какъ онъ все спустилъ; даже избу свою сосѣду валожилъ, а деньги въ кабакъ снёсъ. Горе опять пристаётъ къ нему: «Пойдемъ да пойдемъ въ кабакъ!» — «Нѣтъ, Горе! воля твоя, а больше тащить нечего». — «Какъ нечего? у твоей жены два сарафана: одинъ оставь, а другой пропить надобно». Мужикъ взялъ сарафанъ, пропилъ и думаетъ: «Вотъ когда чистъ! ни кола, ни двора, ни на себѣ, ни на женѣ!»

Поутру проснулось Горе, видитъ, что у мужика нечего больше взять, и говоритъ: «Хозяинъ!» — «Что, Горе?» — «А вотъ что: ступай къ сосѣду, попроси у него пару воловъ съ телѣгою». Пошелъ мужикъ къ сосѣду: «Дай, просить, на времячко пару воловъ съ телѣгою; я на тебя хоть недѣлю за то проработаю». — «На что тебѣ?» — «Въ лѣсъ за дровами съѣздить». — «Ну, возьми, только невеликъ возъ накладывай». — «И, что ты, кормилецъ!» Привелъ пару воловъ, сѣлъ вмѣстѣ съ Горемъ на телѣгу и поѣхалъ въ чистое поле. «Хозяинъ! спрашиваетъ Горе: знаешь ли ты на этомъ полѣ большой камень?» — «Какъ не знать!» — «А когда знаешь, поѣзжай прямо къ нему». Приѣхали они на то мѣсто, остановились и вылѣзли изъ телѣги. Горе велитъ мужику поднимать камень; мужикъ поднимаетъ, Горе пособляетъ; вотъ подняли, а подъ камнемъ яма — полна золотомъ насыпана. «Ну, что глядишь? сказываетъ Горе мужику: таскай скорѣй въ телѣгу». Мужикъ принялся за работу и насыпалъ телѣгу золотомъ, все изъ ямы повыбралъ до послѣдняго червонца; видитъ, что ужъ больше ничего не осталось, и говоритъ: «Посмотри-ко, Горе, никакъ тамъ еще деньги остались?» Горе накло-

нилось: «Гдѣ? я что-то не вижу!» — «Да вонъ въ углу свѣтятся!» — «Нѣтъ, не вижу». — «Полѣзай въ яму, такъ и увидишь». Горе полѣзло въ яму; только что опустилось туда, а мужикъ и накрылъ его камнемъ. «Вотъ эдакъ-то лучше будетъ! сказалъ мужикъ: не то коли взять тебя съ собою, такъ ты, Горе горемычное, хоть нескоро, а все же пропьешь и эти деньги!» Приѣхалъ мужикъ домой, свалилъ деньги въ подвалъ, воловъ отвелъ къ сосѣду, и сталъ думать, какъ бы себя устроить; купилъ лѣсу, выстроилъ большія хоромы и зажилъ вдвое богаче своего брата. Долго ли, коротко ли — поѣхалъ онъ въ городъ просить своего брата съ женой къ себѣ на именины. «Вотъ что выдумалъ! сказалъ ему богатой братъ: у самого ѣсть нечего, а ты еще именины справляешь!» — «Ну, когда-то было нечего ѣсть, а теперь, слава Богу! имѣю не меньше твоего; приѣзжай — увидишь». — «Ладно, приѣду!» На другой день богатой братъ собрался съ женою, и поѣхали на именины; смотря, а у бѣднаго-то голыша хоромы новыя, высокія: не у всякаго купца такія есть! Мужикъ угостилъ ихъ, употчивалъ всякими наѣдками, напоилъ всякими медами и винами. Спрашиваетъ богатой у брата: «Скажи, пожалуй, какими судьбами разбогатѣлъ ты?» Мужикъ разсказалъ ему по чистой совѣсти, какъ привязалось къ нему Горе горемычное, какъ пропилъ онъ съ Горемъ въ кабацѣ все свое добро до послѣдней нитки: только и осталась, что душа въ тѣлѣ; какъ Горе указало ему кладъ въ чистомъ полѣ, какъ онъ забралъ этотъ кладъ, да отъ Горя избавился. Завистно стало богатому; дай, думаетъ, поѣду въ чистое поле, подниму камень да вышущу Горе — пусть оно до тла разорить брата, чтобъ не смѣлъ передо мной своимъ богатствомъ чваниться! Отпустилъ свою жену домой, а самъ въ поле погналъ; подѣхалъ къ большому камню, своротилъ его

въ сторону и наклоняется посмотрѣть, что тамъ подъ камнемъ? Не успѣлъ порядкомъ головы нагнуть — а ужъ Горе выскочило и усѣлось ему на шею: «А! кричить, ты хотѣлъ меня здѣсь уморить! Нѣтъ, теперь я отъ тебя ни за что не отстану». — «Послушай, Горе! скажаль купецъ: вовсе не я засадилъ тебя подъ камень . . .» — «А кто же, какъ не ты?» — «Это мой братъ тебя засадилъ, а я нарочно пришелъ, чтобъ тебя выпустить». — «Нѣтъ, врешь! одинъ разъ обманулъ, въ другой не обманешь!» Крѣпко насѣло Горе богатому купцу на шею; привезъ онъ его домой, и пошло у него все хозяйство вкривъ да вкосъ. Горе ужъ съ утра за свое принимается, каждой день зоветъ купца опохмелиться; много добра въ кабакъ ушло! «Этакъ несходно жить! думаетъ про себя купецъ: кажись, довольно потѣшилъ я Горе; пора бъ и разстаться съ нимъ, да какъ?» Думалъ-думалъ, и выдумалъ: пошелъ на широкой дворъ, обтесалъ два дубовыхъ клина, взялъ новое колесо и накрѣпко вбилъ клинъ съ одного конца въ тулку. Приходитъ къ Горю: «Что ты, Горе, все на боку лежишь?» — «А что жъ мнѣ больше дѣлать?» — «Что дѣлать! пойдемъ на дворъ въ гулячки играть». А Горе и радо; вышли на дворъ. Сперва купецъ спрятался — Горе сейчасъ его нашло, послѣ того чередъ Горю прятаться: «Ну, говорить, меня нескоро найдешь! я хоть въ какую щель забьюсь!» — «Куда тебѣ! отвѣчаетъ купецъ: ты въ это колесо не влѣзешь, а то — въ щель!» — «Въ колесо не влѣзу? смотри-ка, еще какъ спрячусь!» Влѣзло Горе въ колесо; купецъ взялъ да и съ другого конца забилъ въ тулку дубовой клинъ, поднялъ колесо и забросилъ его вмѣстѣ съ Горемъ въ рѣку. Горе потонуло, а купецъ сталъ жить по-старому, попрежнему.

Записана въ Новгородской губ.

Двѣ доли

Жилъ да былъ мужикъ, прижилъ двухъ сыновей и померъ. Задумали братья жениться: старшій взялъ бѣдную, младшій — богатую; а живутъ вмѣстѣ, не дѣлятся. Вотъ начали жены ихъ межъ собой ссориться да вздорить, одна говоритъ: «Я за старшимъ братомъ замужемъ; мой верхъ должднъ быть!» А другая: «Нѣтъ, мой верхъ! я богаче тебя!» Братья смотрѣли-смотрѣли, видятъ, что жены не ладятъ, раздѣлили отцовское добро поровну и разошлись. У старшаго брата что ни годъ, то дѣти рождаются, а хозяйство все плоше да хуже идетъ; до того дошло, что совсѣмъ разорился. Пока хлѣбъ да деньги были — на дѣтей глядя радовался, а какъ обѣднялъ — и дѣтямъ не радъ! Пошелъ къ меньшому брату: «Помоги де въ бѣдности!» Тотъ наотрѣзъ отказалъ: «Живи, какъ самъ знаешь! у меня свои дѣти подрастаютъ». Вотъ немного погодя опять пришелъ бѣдной къ богатому: «Одолжи, просить, хоть на одинъ день лошади; пахать не на чемъ!» — «Сходи на поле и возьми на одинъ день; да сморти — не замучь!» Бѣдной пришелъ на поле и видитъ, что какіе-то люди на братниныхъ лошадяхъ землю пахутъ. «Стой! закричалъ: сказывайте, что вы за люди!» — «А ты что за спросъ?» — «Да то, что это лошади моего брата!» — «А развѣ не видишь ты, отозвался одинъ изъ пахарей: что я — Счастье твоего брата; онъ пьетъ, гуляетъ, ничего не знаетъ, а мы на него работаемъ». — «Куда же мое Счастьедѣвалось?» — «А твое Счастье вонъ тамъ-то подъ кустомъ, въ красной рубашкѣ, лежитъ, ни днемъ ни ночью ничего не дѣлаетъ, только спитъ!» — «Ладно! думаетъ мужикъ: доберусь я до тебя». Пошелъ, вырѣзалъ толстую палку, подкрался къ своему Счастью и вытянулъ его пд боку

изо всей силы. Счастье проснулось и спрашиваетъ: «Что ты дерешься?» — «Еще не такъ прибью! Люди добрые землю пахутъ, а ты безъ просыпу спишь!» — «А ты, небось, хочешь, чтобъ я на тебя нахалъ? И не думай!» — «Что жъ? все будешь подъ кустомъ лежать? Вѣдь эдакъ мнѣ умирать съ голоду прійдется!» — «Ну, коли хочешь, чтобъ я тебѣ помочь дѣлалъ, такъ ты брось крестьянское дѣло, да займись торговлею. Я къ вашей работѣ совсѣмъ непривыченъ, а купеческія дѣла всякія знаю». — «Займись торговлею! . . . да было бы на что! Мнѣ ѣсть нечего, а не то, что въ торгъ пускаться». — «Ну, хотьними съ своей бабы старой сарафанъ да продай; на тѣ деньги купи новой — и тотъ продай! А ужъ я стану тебѣ помогать; ни на шагъ прочь не отойду!» — «Хорошо!»

Поутру говоритъ бѣднякъ своей женѣ: «Ну, жена! собирайся, пойдемъ въ городъ». — «Зачѣмъ?» — «Хочу въ мѣщане приписаться, торговать зачну». — «Съ ума, что ли, спятилъ? дѣтей кормить нечѣмъ, а онъ въ городъ норовитъ!» — «Не твое дѣло! укладывай все имѣніе, забирай дѣтишекъ и пойдемъ». Вотъ и собрались. Помолились Богу, стали наглухо запираť свою избушку, и слышали, что кто-то горько плачетъ въ избѣ. Хозяинъ спрашиваетъ: «Кто тамъ плачетъ?» — «Это я — Горе!» — «О чемъ же ты плачешь?» — «Да какъ же мнѣ не плакать? самъ ты уѣзжаешь, а меня здѣсь покидаешь». — «Нѣтъ, милое! я тебя съ собой возьму, а здѣсь не покину. Эй, жена! говоритъ, выкидывай изъ сундука свою поклажу». Жена опорожнила сундукъ. «Ну-ка, Горе, полѣзай въ сундукъ!» Горе влѣзло; онъ его заперъ тремя замками; зарыл сундукъ въ землю и говоритъ: «Пропадай ты, проклятое! чтобъ вѣкъ съ тобой не знаться!» Приходитъ бѣдной съ женой и съ дѣтьми въ городъ, нанялъ себѣ квартиру, и началъ тор-

говать; взялъ старой женинъ сарафанъ, понесъ на базаръ и продалъ за рубль; на тѣ деньги купилъ новой сарафанъ и продалъ его за два рубля. И вотъ такимъ-то счастливымъ торгомъ, что за всякую вещь двойную цѣну получалъ, разбогатѣлъ онъ въ самое короткое время и записался въ купцы. Услыхалъ про то младшій братъ, приѣзжаетъ къ нему въ гости и спрашиваетъ: «Скажи, пожалуй, какъ это ты ухитрился — изъ нищаго богачомъ сталъ?» — «Да просто, отвѣчалъ купецъ: я свое Горе въ сундукъ заперъ да въ землю зарылъ». — «Въ какомъ мѣстѣ?» — «Въ деревнѣ, на старомъ дворѣ!» Младшій братъ чуть не плачетъ отъ зависти; поѣхалъ сейчасъ на деревню, вырылъ сундукъ и выпустилъ оттуда Горе: «Ступай, говоритъ, къ моему брату, разори его до послѣдней нитки!» — «Нѣтъ! отвѣчаетъ Горе: я лучше къ тебѣ пристану, а къ нему не пойду: ты — доброй человѣкъ, ты меня на свѣтъ выпустилъ! а тотъ лиходѣй — въ землю упряталъ!» Немного прошло времени — разорился завистливой братъ, и изъ богатаго мужика сдѣлался голымъ бѣднякомъ.

173

Марко Богатый и Василій Безсчастный

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ богатѣйшій купецъ; у него была одна дочь Анастасія Прекрасная, и было ей всего лѣтъ пять отроду. Купца звали Марко, по прозванію Богатой. Марко терпѣть не могъ нищихъ: только подойдутъ къ окошку, сейчасъ велитъ слугамъ своимъ гнать ихъ и травить собаками.

Въ одно время подходятъ къ окошку два сѣденькихъ старичка. Марко увидалъ и велѣлъ ихъ травить собаками. Услыхала то Анастасія Прекрасная и стала про-

силь: «Родимой мой батюшка! хоть для меня пусти ихъ въ скотную избу». Отецъ согласился, и велѣлъ пустить нищихъ въ скотную избу. Вотъ какъ всё въ домѣ заснуло, Анастасія встала и пошла въ скотную, залѣзла на полати и глядитъ на нищихъ. Пришло время быть заутрени, у иконъ сама свѣча затеплилась; старички встали, вынули изъ мѣшечковъ ризы, надѣли и стали служить заутреню. Прилетаетъ ангелъ Божій: «Господи! въ такомъ-то селѣ у такого-то крестьянина родился сынъ; какъ ему велишь нареци имя и какимъ надѣлится его счастьемъ?» Одинъ старичокъ сказалъ: «Имя нарицаю ему — Василій, прозваніе — Безсчастной, а награждаю его богатствомъ Марка Богатаго, у котораго мы ночуемъ». Анастасія все это слышала. Разсвѣло. Старички снарядились въ дорогу и вышли изъ избы. Анастасія пришла къ отцу и рассказываетъ ему все, что въ скотной видѣла и слышала.

Отецъ усомнился, какъ бы не сбылось сказанное, и захотѣлъ испытать: точно ли родился на селѣ младенецъ, велѣлъ запречь карету и поѣхалъ туда; пріѣхалъ прямо къ священнику и спросилъ: «Родился ли у васъ такого-то дня младенецъ?» — «Родился, сказалъ священникъ: у самаго бѣднаго крестьянина; я ему нарекъ имя Василій и прозвалъ Безсчастливымъ, да еще не крестилъ, потому что къ бѣдняку никто въ кумовья нейдетъ». Марко вызвался быть крестнымъ, попадью попросилъ быть кумою, и велѣлъ изготавить богатой столъ; принесли младенца, окрестили и пировали, какъ имъ было угодно. На другой день Марко Богатой призвалъ къ себѣ бѣдняка-крестьянина, обласкалъ его, и сталъ ему говорить: «Куманѣкъ! ты человѣкъ бѣдной, воспитать сына не сможешь; отдай-ка мнѣ его, я его выведу въ люди, а тебѣ на прожитіе дамъ тысячу рублей». Старикъ подумалъ-подумалъ и согласился. Марко награ-

диль кума, взялъ ребенка, окуталъ его въ лисьи шубы, положилъ въ карету и поѣхалъ. Дѣло было зимою. Проѣхавъ нѣсколько верстъ, Марко Богатой велѣлъ остановиться, отдалъ крестника своему приказчику и приказалъ: «Возьми его за ноги и выбрось въ оврагъ!» Приказчикъ взялъ и бросилъ его въ крутой оврагъ. А Марко сказалъ: «Вотъ тамъ и владѣй моимъ имѣніемъ!»

На третій день по той же дорогѣ, гдѣ проѣхалъ Марко, случилось ѣхать купцамъ: везли они Марку Богатому двѣнадцать тысячъ рублей долгу; поровнялись купцы противъ оврага, и слышался имъ дѣтской плачь. Остановились, стали вслушиваться, и послали приказчика узнать, что тамъ такое? Приказчикъ сошелъ въ оврагъ, видитъ тамъ зеленой лугъ, а на томъ лугу сидитъ ребенокъ и играетъ цвѣтами. Приказчикъ рассказалъ про все хозяину; хозяинъ вышелъ самъ, взялъ ребенка, завернулъ въ шубу, сѣлъ на повозку, и поѣхали. Приѣзжаютъ къ Марку Богатому. Вотъ Марко ихъ и спрашиваетъ, гдѣ они взяли этого ребенка? Купцы рассказали, и онъ тотчасъ догадался, что это Василій Безсчастной, его крестникъ; взялъ его на руки, подержалъ и отдалъ дочери: «Вотъ тебѣ, дочка, няньчай!» — а самъ сталъ угощать купцовъ разными напитками, и просить, чтобъ они отдали ему мальчика. Купцы было не соглашались; да какъ Марко сказалъ: «Я васъ прощаю всѣмъ долгомъ!» — то отдали ему ребенка и уѣхали. Анастасія такъ была этому рада, что сейчасъ нашла люльку, повѣсила занавѣсы и стала ухаживать за мальчикомъ, и не разставалась съ нимъ ни день ни ночь. Прошелъ день, и другой; на третій Марко воротился домой позже, когда Анастасія спала, взялъ младенца, посадилъ его въ боченокъ, засмолилъ и бросилъ съ пристани въ воду.

Боченокъ плылъ да плылъ, и приплылъ къ монастырю. На ту пору вышелъ монахъ за водою. Послышался ему дѣтской крикъ; осмотрѣлся онъ и увидалъ боченокъ; тотчасъ сѣлъ въ лодку, поймалъ боченокъ, разбилъ его, а въ боченкѣ — дитя, взялъ его и принесъ въ монастырь къ игумну. Игуменъ назвалъ ребенка Васильемъ и прозвалъ Безсчаснымъ; съ тѣхъ поръ Василій Безсчасной жилъ въ монастырѣ шестнадцать лѣтъ, и выучился грамотѣ — читать и писать. Игуменъ его полюбилъ и сдѣлалъ ключаремъ.

Марку Богатому случилось ѣхать въ иное государство за полученіемъ долговъ — на годичное время, и заѣхалъ онъ по пути въ монастырь. Здѣсь его встрѣтили, какъ человѣка богатаго. Игуменъ велѣлъ ключарю идти въ церковь: ключарь идетъ, зажигаетъ свѣчи, поетъ и читаетъ. Марко Богатой спрашиваетъ игумна: «Давно ли онъ поступилъ къ вамъ въ монастырь?» Игуменъ разсказалъ все, какъ вынули его изъ боченка, и сколько тому лѣтъ назадъ. Марко расчелъ и узналъ, что это его крестникъ. Вотъ онъ и говоритъ игумну: «Какъ бы у меня былъ такой расторопной человѣкъ, какъ вашъ ключарь, я бы сдѣлалъ его главнымъ приказчикомъ, и всю казну поручилъ бы ему подъ смотрѣнье; нельзя ли вамъ отдать его мнѣ?» Игуменъ долго отговаривался. Марко посулилъ за него монастырю двадцать пять тысячъ рублей. Игуменъ посоветовался съ братіей; удумали и согласились отпустить Василья Безсчаснаго.

Марко послалъ Василія домой и написалъ съ нимъ къ женѣ такое письмо: «Жена! какъ получишь мое письмо, сейчасъ же отправься съ этимъ посланнымъ на мыльной заводъ, и какъ пойдешь возлѣ большого кипучаго котла, толкни его туда; да непременно исполни! а не исполнишь, я на тебѣ взыщу строго: этотъ малой — мнѣ злодѣй!» Василій получилъ письмо и пошелъ путемъ-доро-

гою; попадаетея ему навстрѣчу старичокъ, и сказалъ: «Куда ты, Василій Безсечасной, идешь?» Василій сказалъ: «Въ домъ Марка Богатаго къ женѣ съ письмомъ». — «Покажи письмо». Василій вынулъ письмо и далъ старичку; старичокъ сломилъ печать, далъ Василью прочитать; Василій прочиталъ и прослезился: «Что я этому человѣку сдѣлалъ, что послалъ меня на погубленіе!» Старичокъ ему сказалъ: «Не печалься, Богъ тебя не оставитъ!» — дунулъ на письмо, печать и письмо сдѣлались такія жъ, какъ и были. «Ступай теперъ и отдай письмо женѣ Марка Богатаго».

Василій пришелъ въ домъ Марка Богатаго, отдалъ письмо его женѣ. Жена прочитала, задумалась, позвала свою дочь Анастасію и прочитала ей отцово письмо, а въ письмѣ написано: «Жена! какъ получишь мое письмо, на другой же день обвѣнчай Анастасію съ этимъ посланнымъ; да непременно исполни! а не исполнишь, будешь мнѣ отвѣчать». У богатыхъ людей не пиво варить, не вино курить — все готово, веселымъ пиркомъ да и за свадебку. Василья нарядили въ хорошее платье, показали Анастасіи, и Василій ей полюбился. Вотъ и обвѣнчали ихъ.

Въ одинъ день женѣ Марка Богатаго повѣстили, что прибылъ къ пристани ея мужъ, и она съ зятемъ и дочерью отправились встрѣчать его. Марко увидѣлъ зятя, разсердился и говорить своей женѣ: «Какъ ты осмѣлилась обвѣнчать съ нимъ дочь нашу?» — «По твоему приказанію», отвѣчала жена. Марко спросилъ свое письмо, прочиталъ и увѣрился, что точно онъ самъ то написалъ.

Пожилъ Марко съ зятемъ мѣсяцъ, другой и третій; въ одинъ день позвалъ онъ зятя къ себѣ, и говорить ему: «Вотъ тебѣ письмо, иди съ нимъ за тридевять земель, въ тридесятое государство, къ другу моему царю-Змію, получи отъ него дань за двѣнадцать лѣтъ за то, что по-

строилъ онъ дворецъ на моей землѣ, и узнай тамъ о двѣнадцати моихъ корабляхъ, что пропадаютъ цѣлые три года. Завтра же поутру отправляйся!» Василій взялъ письмо, пошелъ къ женѣ своей и разсказалъ все, что ему Марко приказывалъ. Анастасія горько заплакала, а упрашивать отца не посмѣла.

Василій поутру рано, помолясь Богу, взялъ съ собою въ котомочку сухариковъ и пошелъ. Шелъ онъ путемъ-дорогою, долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, только слышитъ въ сторонѣ голосъ: «Василій Безсчастной, куда ты идешь?» Онъ оглядывается на всѣ стороны и говоритъ: «Кто меня кличетъ?» — «Я — дубъ, тебя спрашиваю, куда ты идешь?» — «Я иду къ царю-Змію за двѣнадцать лѣтъ взять съ него дань». Дубъ сказалъ: «Какъ будешь во времени — обо мнѣ вспомни: что стоитъ дубъ, триста лѣтъ, долго ли еще ему стоять?» Василій выслушалъ и отправился въ путь-дорогу. Пришелъ Василій къ рѣкѣ, на которой перевозитъ перевозчикъ. Василій сѣлъ на поромъ. Первозчикъ его спрашиваетъ: «Куда ты, мой другъ, идешь?» Василій ему отвѣчалъ то же, что и дубу. И перевозчикъ проситъ его напомнать царю, что «перевозитъ онъ тридцать лѣтъ; долго ли еще ему перевозить?» — «Хорошо, сказалъ Василій: скажу!» — и пошелъ. Приходитъ къ морю, черезъ море лежитъ кить-рыба, по ней идутъ и ѣдутъ. Какъ пошелъ по ней Василій, кить-рыба заговорила: «Василій Безсчастной, куда ты идешь?» Василій сказалъ ей то же, что и перевозчику, и кить его проситъ: «Когда будешь во времени, обо мнѣ вспомни: что лежитъ кить-рыба черезъ море, конные и пѣшіе пробили у нея тѣло до рѣберъ; долго ли ей еще лежать?»

Василій общался, и пошелъ. Приходитъ онъ на зеленой лугъ; на лугу стоитъ большой дворецъ. Василій

взошелъ во дворецъ, ходить по комнатамъ; комната комнаты лучше убрана. Приходитъ онъ въ послѣднюю и видитъ: на постели сидитъ дѣвица-красавица и горько плачетъ. Какъ увидала Василья, встала она, подошла къ нему и спрашиваетъ: «Что ты за человекъ и какъ зашелъ въ эдакое проклятое мѣсто?» Василій показалъ ей письмо, и сказалъ, что Марко Богатой велѣлъ взять съ царя-Змія дань за двѣнадцать лѣтъ. Дѣвица бросила письмо въ печь, а Василью сказала: «Ты не за данью сюда присланъ, а Змію на съѣденіе. Да какими путями ты шелъ? не случилось ли тебѣ дорогою что видѣть и слышать?» Василій разсказалъ ей про дубъ, перевозчика и кить-рыбу. Только успѣли они переговорить, тряслась земля и дворецъ; дѣвица тотчасъ заперла Василія въ сундукъ подъ кроватью и сказала ему: «Слушай же, что мы съ Зміемъ будемъ говорить».

А сама стала встрѣчать Змія. Какъ взошелъ онъ въ комнату, сказалъ: «Что здѣсь русскимъ духомъ пахнетъ?» Дѣвица отвѣчала: «Какъ сюда можетъ зайти русской духъ? ты по Руси леталъ, русскаго духу наймался!» Змій сказалъ: «Я сильно усталъ, поищи-ка у меня въ головѣ!» и легъ на постелю. Дѣвица сказала ему: «Царь, какой я безъ тебя сонъ видѣла! будто я иду по дорогѣ, кричитъ мнѣ дубъ: скажи царю-та, долго ли мнѣ еще стоять?» — «Ему стоять до тѣхъ поръ, сказалъ царь: какъ подойдетъ къ нему кто да толкнетъ его ногою, тогда онъ выворотится съ корнемъ и упадетъ, а подъ нимъ золота и серебра многое множество — столько нѣтъ у Марка Богатого!» — «А еще пришла я къ рѣкѣ, на которой перевозитъ перевозчикъ; онъ спрашивалъ, долго ли ему перевозить?» — «Пусть онъ перваго, кто прійдетъ къ нему, посадить на поромъ и толкнетъ поромъ отъ берегу — тотъ и будетъ вѣчно перевозить, а онъ пойдетъ домой». — «Еще будто я шла по морю черезъ кить-рыбу, и она

мнѣ говорила, долго ли ей лежать?» — «Ей лежать до тѣхъ поръ, покуда вырыгнетъ двѣнадцать кораблей Марка Богатаго: тогда пойдетъ въ воду и тѣло ея нарастетъ». Сказалъ царь-Змій и заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Дѣвица выпустила изъ сундука Василия Безсчастнаго и дала ему наставленіе: «По эту сторону китъ-рыбѣ не сказывай, чтобы она вырыгнула двѣнадцать кораблей Марка Богатаго, а перейди на ту сторону и скажи. Равно придешь къ перевозчику, на этой сторонѣ не говори ему того, что слышалъ; а къ дубу придешь — толкни его ногою на восходъ, и тутъ увидишь несчетное богатство». Василий Безсчастной поблагодарилъ дѣвицу и пошелъ.

Приходитъ къ киту-рыбѣ; она его спрашиваетъ: «Говорилъ ли обо мнѣ?» — «Говорилъ; вотъ перейду и скажу». Какъ перешелъ и сказалъ: «Вырыгни двѣнадцать кораблей Марка Богатаго». Китъ-рыба рыгнула, и корабли пошли на парусахъ ни въ чемъ не вредимы; а Василий Безсчастной очутился оттого въ водѣ по колѣна. Пришелъ Василий къ перевозчику. Перевозчикъ спрашиваетъ: «Говорилъ ли царю-Змію обо мнѣ?» — «Говорилъ, сказалъ ему Василий: напередъ перевези меня». Какъ переѣхалъ на другой берегъ, и сказалъ перевозчику: «Кто къ тебѣ придетъ первой, посади его на поромъ и толкни поромъ отъ берегу; тотъ вѣчно и будетъ перевозить, а ты отправляйся въ свой домъ». Пришелъ Василий Безсчастной къ дубу, толкнулъ его ногою, дубъ свалился; подъ нимъ золота и серебра и каменья драгоцѣннаго что ни есть числа! Оглянулся Василий назадъ, видитъ — плывутъ прямо къ берегу двѣнадцать кораблей, что вырыгнула китъ-рыба. Кораблями управляетъ тотъ самый старичокъ, что попался Василию навстрѣчу, когда онъ шелъ къ женѣ Марка Богатаго съ письмомъ. Старичокъ сказалъ Василью: «Вотъ, Ва-

силій, чѣмъ тебя Господь благословилъ!» — а самъ сошелъ съ корабля и пошелъ своей дорогою.

Матросы переносили золото и серебро на корабли, и какъ всеѣмъ исправились — пустились въ путь, а съ ними и Василиій Безсчастной. Дали знать Марку Богатому, что плыветъ его зять съ двѣнадцатю кораблями и что наградилъ его царь-Змій несчетнымъ богатствомъ.

Марко разсердился, что не сбылось по его желанію, велѣлъ заперчь повозку, и поѣхалъ самъ къ царю-Змію попенять ему. Пріѣхалъ къ перевозчику, сѣлъ на поромъ; перевозчикъ отпихнулъ поромъ — и Марко остался вѣчно перевозить. А Василиій Безсчастной прибылъ къ женѣ и тещѣ, сталъ жить да поживать, да добра наживать, бѣднымъ помогать, нищихъ награждать, поить и кормить, — и завладѣлъ всеѣмъ имѣніемъ Марка Богатаго.

Записана въ Лукояновскомъ у., Нижегородской губ., въ селѣ Гавриловѣ, Никольское тожъ, В. Яшеровымъ.

174

Исторія о славномъ и храбромъ богатырѣ Ильѣ-Муромцѣ и о Соловьѣ-разбойникѣ

Въ славномъ было городѣ Муромѣ, въ селѣ Карачаровѣ — жилъ крестьянинъ Иванъ Тимоѣевичъ. У него было любимое дѣтище Ильѣ-Муромецъ; сидѣлъ онъ сиднемъ тридцать лѣтъ, и какъ минуло тридцать лѣтъ, то сталъ онъ ходить на ногахъ крѣпко и ощутилъ въ себѣ силу великую, и сдѣлалъ себѣ сбрую ратную и копьѣ булатное, и осѣдлалъ коня добраго, богатырскаго. Приходитъ къ отцу и матери и сталъ у нихъ просить благословенія: «Государи мои, батюшка и матушка! отпустите меня въ славной городъ Кіевъ Богу помолиться, а князю кіевскому поклониться». Отецъ и мать его

даютъ ему благословеніе, кладутъ на него заклятіе великое и говорятъ такія рѣчи: «Поѣзжай ты прямо на Кіевъ-градъ, прямо на Черниговъ-градъ, и на пути своемъ не дѣлай никакой обиды, не проливай напрасно крови христіанской». Илья-Муромецъ принялъ у отца матери благословеніе, Богу молится, съ отцомъ и съ матерью прощается, и поѣхалъ въ путь свой.

И такъ далеко заѣхалъ въ темны лѣса, что наѣхалъ на таборы разбойничьи; и тѣ разбойники увидѣли Илью-Муромца, и разгорѣлись у нихъ сердца разбойническія на коня богатырскаго, и стали между себя разговаривать, чтобы лошадь отнять, что такой лошади ни въ которыхъ мѣстахъ не видывали, а нынѣ ѣдетъ на такомъ добромъ конѣ незнамо-какой человѣкъ. И стали на Илью-Муромца напущать человѣкъ по десяти и по двадцати; и сталъ Илья-Муромецъ останавливать коня своего богатырскаго, и вынимаетъ изъ колчана калену стрѣлу и накладываетъ на тугой лукъ. Пустилъ онъ калену стрѣлу по-надъ землею, калена стрѣла стала рвать на косую сажень. И видя то, разбойники испужались и собирались во единъ кругъ, пали на колѣни и стали говорить: «Государь ты нашъ батюшка, удалъ доброй мблodeцъ! виноваты мы передъ тобою, и за такую вину нашу бери казны, сколько надобно, и платя цвѣтного, и табуны лошадей, сколько угодно». Илья, усмѣхнувшись, сказалъ: «Некуды мнѣ дѣвать! . . . а если хотите живы быть, такъ впередъ не отважьтесь!» и поѣхалъ въ путь свой къ славному граду Кіеву.

Подъѣзжаетъ онъ ко граду Чернигову, и подъ тѣмъ градомъ Черниговомъ стоятъ войска басурманскія, что и смѣты нѣтъ, и Черниговъ-градъ осадили, и хотятъ его вырубить и Божіи церкви на дымъ пустить, самого князя и воеводу черниговскаго живыхъ въ полонъ взять. И той великой силѣ Илья-Муромецъ ужаснулся; однако

положился на волю Создателя своего Господа Бога и вздумалъ положить главу свою за вѣру христіанскую. И сталъ Илья-Муромецъ побивать силу басурманскую копіемъ булатнымъ, и всю силу поганую побилъ, и царевича басурманскаго въ полонъ взялъ, и ведетъ во градъ Черниговъ. Встрѣчаютъ его изъ града Чернигова граждана съ честію, идетъ самъ князь и воевода черниговской, принимаютъ добраго молодца съ честію, благодареніе Господу Богу возсылаютъ, что Господь прислалъ нечаянно граду очищеніе и не далъ всѣмъ напрасно погибнуть отъ такой силы басурманскія; взяли его въ палаты свои и сотвориша велій пиръ, и отпустиша его въ путь.

Илья-Муромецъ поѣхалъ ко граду Кіеву прямою дорогою отъ Чернигова, которую заложилъ Соловей-разбойникъ ровно тридцать лѣтъ, не пропускалъ ни коннаго, ни пѣшаго, а убивалъ не ружьемъ, но своимъ свистомъ разбойничьимъ. Выѣхалъ Илья-Муромецъ въ чисто поле и увидѣлъ попрыски богатырскіе и по нихъ поѣхалъ, и пріѣхалъ на тѣ лѣса Брянскіе, на тѣ грязи топучія, на тѣ мосты калиновы и къ той рѣкѣ Смородинкѣ. Соловей-разбойникъ слышалъ себѣ кончину и безсчастіе великое, и не допуская Илью-Муромца за двадцать верстъ, засвисталъ своимъ свистомъ разбойническимъ крѣпко; но богатырское сердце не утрашилось. И не допуская еще за десять верстъ, засвисталъ онъ громче того, и съ того свисту подъ Ильею-Муромцемъ конь спотыкнулся. Пріѣхалъ Илья-Муромецъ подъ самое гнѣздо, которое свито на двѣнадцати дубахъ; и Соловей-разбойникъ, на гнѣздѣ сидя, увидѣлъ свѣторускаго богатыря и засвисталъ во весь свистъ, и хотѣлъ Илью-Муромца убить до смерти.

Илья-Муромецъ снимаетъ съ себя тугой лукъ, накладываетъ калену стрѣлу и пускаетъ на то гнѣздо Со-

ловьиное, и попалъ ему въ правой глазъ и вышибъ вонъ; Соловей-разбойникъ свалился съ гнѣзда, что овсяной снопъ. Илья-Муромецъ беретъ Соловья-разбойника; привязалъ его крѣпко къ стремени булатному и поѣхалъ къ славному граду Кіеву. На пути стоятъ палаты Соловья-разбойника, и какъ поровнялся Илья-Муромецъ противъ палатъ разбойническихъ, у которыхъ окна были растворены, и въ тѣ окна смотрѣли разбойничьи три дочери, — увидѣла его меньшая дочь и закричала своимъ сестрамъ: «Вонъ нашъ батюшка ѣдетъ съ добычею и везетъ къ намъ мужика, привязаннаго у стремени булатнаго». А большая дочь посмотрѣла и горько заплакала: «Это не батюшка нашъ ѣдетъ; это ѣдетъ незнаю какой человѣкъ и везетъ нашего батюшку». И закричали онѣ мужьямъ своимъ: «Мужья наши милые! поѣзжайте къ мужику навстрѣчу и отбейте у него нашего батюшку, не кладите нашъ родъ въ такомъ позорѣ». Мужья ихъ, сильные богатыри, поѣхали противъ свѣторусскаго богатыря; кони у нихъ добрыя, копыя острыя, и хотятъ они Илью на копьяхъ поднять. И увидѣлъ Соловей-разбойникъ, и сталъ говорить: «Зятья мои милые! не позорьтесь вы и не дразните такого сильнаго богатыря, чтобы всѣмъ вамъ не принять отъ него смерти; лучше съ покорностію попросите его въ домъ мой выпить чару зелена вина». По просьбѣ зтей поворотилъ Илья въ домъ, не вѣдая ихъ злобы. Большая дочь подняла желѣзную на цѣпяхъ подворотню, чтобы пришибить. Но Илья усмотрѣлъ ее на воротахъ, ударилъ копіемъ и ушибъ до смерти.

И какъ пріѣхалъ Илья-Муромецъ въ Кіевъ градъ, вѣзжающъ прямо на княженецкой дворъ и входитъ въ палаты бѣлокаменные, Богу молится и князю кланяется. Князь кіевской спрашиваетъ: «Скажи, доброй мѣлодецъ, какъ тебя зовутъ и изъ котораго города ты

уроженецъ?» Отвѣтъ держитъ Илья-Муромецъ: «Меня, государь, зовутъ Илюшкою, а по отчеству Ивановъ, уроженецъ города Муромъ, села Карачарова». Князь спрашиваетъ: «Которою доро́гою ѣхалъ ты изъ Муромъ?» — «На Черниговъ-градъ, и подъ Черниговомъ побилъ войска басурманскія, что и смѣты нѣтъ, и очистилъ Черниговъ градъ; и оттуда поѣхалъ прямою доро́гою, и взялъ сильнаго богатыря Соловья-разбойника и привелъ его съ собою у стремени булатнаго». Князь, осердясь, сказалъ: «Что ты обманываешь!» Какъ услышали это богатыри Алеша Поповичъ и Добрыня Никитичъ, они бросились смотрѣть и, увидѣвъ, князя увѣрили, что справедливо такъ. И приказалъ князь поднести чару зелена вина доброму мѣлодцу. Захотѣлось князю разбойническаго свисту послушать. Илья князя со княгинею обернулъ въ шубу соболью и, поставя ихъ подъ мышки, призвалъ Соловья и приказалъ въ полесиста за-свистать соловьемъ. А Соловей-разбойникъ засвисталъ во весь разбойнической свистъ и оглушилъ богатырей такъ, что они упали на полъ; и за то убилъ его Илья-Муромецъ.

Илья-Муромецъ назвался съ Добрынею Никитичемъ братьями. И осѣдлали они своихъ добрыхъ коней и поѣхали въ чистыя поля гулять, и ѣздили ровно три мѣсяца, не нашли себѣ супротивника. Только наѣхали въ чистомъ полѣ: идетъ калѣчище¹ прохожій; гуня² на немъ въ пятьдесятъ пудъ, шляпа въ девять пудъ, ко-стыль въ десять сажонъ. Илья-Муромецъ сталъ на него коня напускать, и хочетъ отвѣдать съ нимъ своей силы богатырскія. И увѣдалъ калѣчище прохожій Илью-Муромца и говорить: «Ой ты еси, Илья-Муромецъ! по-

¹) Калика — нищій, просящій милостыню пѣніемъ псалмовъ и духовныхъ пѣсней.

²) Гуня — худая одежда, рубище; поддѣвка, иногда рубашка.

мнишь ли, мы съ тобою въ одной школѣ грамотѣ учились, а нынѣ ты на меня, такова калику, напускаешь коня, какъ на нѣкоего непріятеля; а того ты не вѣдаешь, что во славномъ городѣ Кіевѣ великая невзгодушка учинилась: пріѣхалъ невѣрной сильной богатырь Идолища нечестивой, голова у него съ пивной котелъ, а въ плечахъ сажень, промежъ бровьми пядь, промежъ ушей калена стрѣла, а ѣсть онъ по быку, а пьетъ онъ по котлу; и князь кіевской вельми о тебѣ соболѣзнуетъ, что ты его въ эдакой печали оставилъ. Нарядясь въ калѣчищино платьѣ, ѣдетъ Илья-Муромецъ прямо на княженецкой дворъ, и закричалъ богатырскимъ голосомъ: «Ой еси ты, князь кіевской! сошли мнѣ, калѣчищу прохожему, милостыню». И увидѣлъ его князь и говоритъ такову рѣчь: «Поди ко мнѣ въ палаты, калѣчища! я тебя накормлю-напою и золотой казны на дорогу дамъ». И вошелъ калѣчище въ палаты и сталъ у печи — поглядываетъ. Идолища проситъ ѣсть. Принесли ему быка цѣлаго жаренаго, а онъ его и съ костями съѣлъ. Идолища проситъ пить. Принесли котелъ пива, а несли двадцать человѣкъ; и онъ взялъ его за уши и выпилъ весь. Илья-Муромецъ говоритъ: «Была у моего батюшки кобыла обжорлива, обожралась и издохла!» Идолища не утерпѣлъ и говоритъ: «Ой еси ты, калѣчища прохожій! что ты меня замаешь¹⁾ Мнѣ тебя нечего и въ руки взять! Ни то, что ты, — каковъ былъ у васъ Илья-Муромецъ, я бы и съ тѣмъ стычку далъ». — «Да вотъ каковъ онъ!» сказалъ Илья-Муромецъ, и схватилъ съ себя шляпу и ударилъ его въ голову тихонько — только прошибъ стѣну палатъ, и взялъ туловище (Идолищино) — туда жъ выкинулъ. И за то князь Илью-Муромца почтилъ великими похвалами и причелъ въ сильные могучіе богатыри

Напечатана съ лубочнаго изданія.

¹⁾ Замать — трогать.

Илья-Муромецъ и змѣй

Не въ которомъ царствѣ, не въ которомъ государствѣ жилъ-былъ мужичокъ и съ хозяйшкою. Живётъ онъ богатой рукой, всего у него довольно, капиталъ хороший имѣеть. И говорятъ они промежъ собой, сидя съ хозяйкою: «Вотъ, хозяйка! довольно всего у насъ, только у насъ дѣтей нѣту; станемъ просить Бога, авось Господи намъ создастъ дѣтище хотя бы напоследяхъ, при старости». Стали просить Бога, и забрюхатѣла она, и время пришло — родила дѣтище. Прешёлъ годъ, и два, и три года прошли, ноги у него не ходятъ, а должно бѣ ему ходить; восемнадцать годовъ прошло — всё безъ ногъ сидитъ. Вотъ пошѣлъ отецъ съ матерью на покось убирать сѣно, и остался сынъ одинъ. Приходитъ къ нему нищенской братія и просить у него милостыньку: «Хозяинушка! сотвори старичку Господню милостыньку Христа ради!» Вотъ онъ ему и говоритъ: «Старичокъ Господень, не могу я тебѣ подать милостыньку, я безъ ногъ». Вошѣлъ старичокъ въ избу: «Нутка, говоритъ, встань-ка съ постели, дай мнѣ кѡвшичекъ». Вотъ, взявши, далъ ему кѡвшичекъ. «Поди, говоритъ, принеси мнѣ водицы». Принёсъ ему воды и подаётъ въ ручки: «Извольте, старичокъ Господень!» Вотъ онъ ему назъать и отдаётъ: «Выпей, говоритъ, въ кѡвшѣ всеё воду». Опять посылаетъ онъ его за водою: «Опять сходи, принеси другой кѡшикъ воды». Шедши онъ за водою, за которое дерево ни ухватится — изъ корню выдернетъ. Старичокъ Господень и спрашиваетъ у него: «Слышишь ли теперь въ себѣ силу?» — «Слышу, старичокъ Господень! Сила теперь во мнѣ есть большая: кабы утвердить въ подвселенну такое кольцо, я бы смогъ поверотить подвселенную». Какъ принёсъ онъ другой ков-

шикъ, старичокъ Господень выпилъ полковша, а другую половину далъ ему выпить: силы у него и поубавилось: «Будеть, говорить онъ: съ тебя и этой силы!» Помогли старичокъ Господень Богу и пошѣлъ домой: «Оставайся, говорить, съ Богомъ!»

Скучно ему лежать, и пошѣлъ онъ копать въ лѣсъ, свою силу пробовать. И ужехнулся народъ, что онъ сдѣлалъ, сколько лѣсу накопалъ! Вотъ идетъ и отецъ съ матерью съ по́косу. Что это такое? лѣсъ весь вырыть; кто такой вырылъ? Подходятъ ближе. Жена и говорить своему мужу: «Хозяинъ, вѣдь это нашъ Илюшенька роетъ!» — «Дура, говорить онъ: не можетъ нашъ Илюшенька это сдѣлать; пустеки, что это нашъ Илюшенька!» И подошли къ нему: «Ахъ, батюшка ты нашъ, какъ тебѣ Господь создалъ это!» Вотъ и говорить Илья: «Пришѣлъ ко мнѣ старичокъ Господень, милостыньку просить сталъ; я ему и отвѣчаю: старичокъ Господень, не могу я тебѣ милостыньку подать: я безъ ногъ. Вотъ онъ ко мнѣ и пришѣлъ къ избу; нутка, говорить, встань-ка съ постели, дай мнѣ кѡвшичекъ. Всталъ я и далъ ему кѡвшичекъ. Поди, говорить, принеси мнѣ водицы. Принёсъ ему воды и подаль въ ручки. Выпей, говорить старичокъ: въ кѡвшѣ всеё воду. Выпилъ — и стала во мнѣ сила великая!»

Вотъ сходятся мужики на улицу, говорятъ промежъ собою: «Вона какой онъ сталъ сильный, могучій богатырь (называютъ эдакъ мужики Илью)! вишь онъ надѣлалъ каку кѡпать! надобно, говорятъ, въ городѣ объявить про него». Вотъ узналъ объ немъ и государь, что есть такой сильный, могучій богатырь; призвалъ его къ себѣ, и показался¹ онъ государю, и нарядилъ его государь въ платье, како слѣдуетъ. И показался онъ всѣмъ, и служить сталъ хорошо. Вотъ и говорить государь:

¹) Понравился, полюбился.

«Сильный, могучій ты богатырь! подымешь ли мой дворець подъ уголь?» — «Извольте, ваше царское величество! хошь на бокъ, какъ угодно подыму его». Вотъ у царя дочь прекрасная, красавица такая, что не можно вздумать, ни взгадать, ни въ бумагѣ перомъ написать. И показалась она ему оченно, и хочетъ съ ней обвѣнчаться.

Вотъ какъ-то государь и поѣхалъ въ друго царство къ королю къ другому. Приѣзжаетъ къ другому королю, а у другого короля тоже весьма хороша дочь, и повадился къ ней змѣй летать объ двѣнадцати головъ, всеё её изсушилъ: совсѣмъ извелась! Вотъ государь и говоритъ этому королю: «У меня есть такой сильный, могучій богатырь, онъ убьётъ змѣя объ двѣнадцати головъ». Король и проситъ: «Пожалуйте — ко мнѣ его пришлите». Вотъ какъ приѣхалъ онъ въ свое государство, и разговариваетъ съ своей государыней: «У эдакого-то короля повадился змѣй объ двѣнадцати главъ летать къ дочери, всеё её извелъ, изсосалъ». И говоритъ: «Илья Ивановичъ! не можешь ли ты послужить, его убить?» — «Извольте, ваше царское величество, могу; я его убью». Вотъ государь и говоритъ: «На почтѣ поѣдешь и трахтами пойдѣшь, такъ и такъ-то возьмешь». — «Я верхомъ одинъ поѣду, пожалуйста мнѣ жеребца». — «Войди въ конюшню, говоритъ ему государь: выбирай любого». А дочь проситъ его въ другой комнатѣ: «Не ѣздите, Илья Ивановичъ; васъ убьётъ змѣй объ двѣнадцати головахъ, не сможете съ нимъ сладить». Онъ и говоритъ: «Извольте оставаться и ничего не думать; я приѣду въ сохранности и въ добромъ здоровьѣ». Пошѣлъ въ конюшню жеребца себѣ выбирать; пришѣлъ къ жеребцу къ первому, наложилъ на жеребца руку, тотъ спотыкнулся; перепробовалъ всѣхъ жеребцовъ въ конюшнѣ: на котораго ни наложить руку — всякой спотыкается, ни

одинъ не удержитъ. Пришѣлъ къ самому послѣднему жеребцу — такъ, въ забросѣ стоялъ — ударилъ его по спинѣ рукой; онъ только заржалъ. И говоритъ Илья: «Вотъ мой вѣрный слуга, не спотыкнулся!» Приходитъ къ государю: «Выбралъ, ваше царское величество, себѣ жеребца, слугу вѣрнаго». Отпускаютъ его съ молебномъ, со добрыми порядками.

Сѣлъ на добраго коня, ѣхалъ долго ли, мало ли, подѣзжаетъ къ горѣ: прекрутая, большая гора, и на ней все песокъ; насилу въѣхалъ. На горѣ стоитъ столбъ, на столбѣ подписано три дороги: по одной ѣхать — самъ сытъ будешь, конь голоденъ; по другой дорогѣ ѣхать — конь сытъ, самъ голоденъ; по третьей дорогѣ ѣхать — самого убьютъ. Вотъ онъ взялъ да и поѣхалъ по этой дорогѣ, по которой самого убьютъ; а онъ на себя надѣялся. Долго ли, мало ли ѣхалъ лѣсами дремучими: не можно взглянуть — такой лѣсъ! а тутъ сдѣлалась въ лѣсу елань¹ такая широкая, а на ней стоитъ избушка. Подѣзжаетъ онъ къ избушкѣ и говоритъ: «Избушка, избушка! стань къ лѣсу задомъ, ко мнѣ передомъ». Избушка поворотилась, стала къ лѣсу задомъ, къ нему передомъ. Слѣзаетъ онъ съ добраго коня и привязываетъ его къ столбу. И услышала это баба-ега, и говоритъ: «Кто такой невѣжа пріѣхалъ? Русскаго духу и дѣтъ мой и прадѣтъ не слыхали, а теперѣча и сама русской духъ хочу очьми видѣть». Вотъ взявши ударила она жезломъ по двери, и дверь отворилась. А у ней въ рукахъ коса кривая, и хочетъ она ея взять богатыря за шею и срѣзать ему голову. «Постой, баба-ега! говоритъ онъ: я съ тобой поправлюсь». Взялъ у ней выдернулъ косу эту изъ рукъ, схватилъ ея за волосы, ударилъ ея, и говоритъ: «Ты бы прежде спросила, какой я фамилии, какого роду и какого поведенія, и куды ѣду». Вотъ она и

¹) Поляна въ лѣсу.

спрашиваетъ: «Какой вы фамиліи, какого роду и куда ѣдете?» — «Меня зовутъ Илья Ивановичъ, а ѣду туда-то». — «Пожалуйте, говоритъ, Илья Ивановичъ, ко мнѣ въ горницу». Вотъ онъ и пошѣлъ къ ней въ горницу; она сажаетъ его за столъ, ставитъ на столъ кушанья и напитки всякіе и потчиваетъ, а дѣвушку послала баньку топить для него. Вотъ покушалъ онъ и выпарился, перестоялъ у ней сутки, и собирается опять въ путь-дорогу, куда надлежитъ. «Извольте, говоритъ баба-ега: я напишу письмо къ сестрицѣ, чтобы она васъ не тронула, а приняла бы съ честью съ хорошею . . . А то она васъ убьетъ, какъ завидитъ!» Отдаётъ ему письмо и провожаетъ его съ честью доброю, хорошею. Вотъ садится богатырь на добраго коня, и поѣхалъ лѣсами дремучими; ѣхалъ много ли, мало ли: не можно взглянуть — такой лѣсъ! и пріѣзжаетъ на елань — такая широкая елань, а на ней стоитъ избушка наслана. Подѣзжаетъ онъ къ избушкѣ и слѣзаетъ съ добраго коня, и привязываетъ своего добра коня къ столбу. Услышала это баба-ега, что онъ привязываетъ къ столбу коня, и закричала: «Что такое? Русскаго духу и дѣтъ мой, и прадѣтъ не слышали, а таперьча и сама русской духъ очьми хочу видѣтъ». Вотъ она ударила жезломъ по двери; дверь отворилася. И хватаетъ она его саблею по шею; онъ и говорить: «Ты не моги со мною барахтаться! вотъ тебѣ письмо сестрица прислала». Она прочитала и принимаетъ его честью къ себѣ въ домъ: «Пожалуйте ко мнѣ въ гости!» Идетъ Илья Ивановичъ. Она сажаетъ его за столъ, и становитъ на столъ кушанья всякія, напитки и наѣдки¹, потчиваетъ, а сама послала дѣвушку топить для него баньку. Покушавши, пошѣлъ, выпарился въ банѣ. Двое сутокъ онъ у ней перестоялъ, самъ отдохнулъ, и добрый конь его отдохнулъ. Сталъ на добра

¹) Сласти.

коня садиться, и провожаетъ она его съ честью: «Ну, Илья Иванычъ, говорить, теперича тебѣ не проѣхать; тутъ Соловей-разбойникъ ждётъ, на семи дубахъ у него гнѣздо свито, онъ не допуститъ на тридесять верстъ — свистомъ оглушить!»

Вотъ онъ ѣхалъ долго ли, мало ли, подъѣзжаетъ къ тому мѣсту, что слышалъ свистъ отъ Соловья-разбойника, и какъ до половины дороги доѣхалъ, конь его споткнулся. Вотъ онъ и говоритъ: «Не спотыкайся, добрый конь! ужъ послужи мнѣ». Подъѣзжаетъ къ Соловью-разбойнику, онъ всё свищетъ. Подъѣхавши къ гнѣзду, взялъ стрѣлу, натенулъ и пустилъ въ него — и упалъ Соловей съ гнѣзда. Вотъ онъ его на землѣ и ударилъ снова¹, чтобы не до смерти убить, и посадилъ къ себѣ въ корока² на сѣдло, и ѣдетъ къ дворцу. Видятъ его изъ дворца и говорятъ: «Соловей-разбойникъ везётъ кого-то въ корокахъ!» Подъѣзжаетъ богатырь ко дворцу и подаетъ бумагу. Подали королю отъ него бумагу; тотъ прочиталъ и приказалъ его впустить. Вотъ и говоритъ король Ильѣ Иванычу: «Велите Соловью-разбойнику засвистать». А Соловей-разбойникъ говоритъ: «Вы бы накормили и напоили Соловья-разбойника: у меня уста запеклися». Вотъ и принесли ему винца, а онъ и говоритъ: «Что мнѣ штофикъ! вы бы бочёночекъ принесли мнѣ порядочный». Принесли ему бочёнокъ вина, вылили въ ведро. Онъ выпилъ заразъ и говоритъ: «Еще бы Соловью-разбойнику двѣ ведёрочки, такъ выпилъ бы!» — да ужъ не дали ему. И проситъ король: «Ну, прикажи, говорить, ему засвистать», а короля и всю его фамилію поставилъ къ себѣ подъ руки, подъ мышки: «А то (говоритъ) онъ оглушитъ васъ!» Какъ засвисталъ Соловей-разбойникъ, насилу остановилъ его Илья Ива-

¹) Одинъ разъ.

²) Торока — мѣшокъ, сума за сѣдломъ.

нычъ, ударилъ его жезломъ — онъ и пересталъ свистать, а то было попадали всѣ!

Вотъ и говорить король Ильѣ Иванычу: «Послужишь ты мнѣ вотъ эдакую службу, какъ я стану тебя просить? къ моей дочери вотъ литаешь змѣй о двѣнадцати головъ; какъ бы его убить?» — «Извольте, ваше королевское величество! что для васъ угодно — всё сдѣлаю». — «Пожалуйста, Ильѣ Ивановичъ; вотъ въ такомъ-то часу прилитить змѣй къ моей дочери, такъ постарайся!» — «Извольте, ваше королевское величество! . . .» Лежить королевна въ своей комнатѣ; въ двѣнадцать часовъ и летить къ ней змѣй. Вотъ и стали они драться: какъ ни ударить Ильѣ, такъ съ змѣя голова долой; какъ ни ударить, голова долой! Дрались много ли, мало ли время, осталась одна голова; и послѣднюю голову съ него сшибъ: ударилъ жезломъ и расшибъ её всю. Радѣхонька же королевна встала, пришла къ нему и его благодарила; доложила отцу съ матерью, что убить змѣй: всѣ де головы посбивалъ! Король и говорить: «Благодарю тебя; изволь послужить сколько-нибудь у меня». — «Нѣтъ, говорить, я поѣду въ свое государство». Отпустилъ его король отъ себя съ честью хорошею. Вотъ онъ и поѣхалъ опять тою же дорогою. Какъ пріѣхалъ къ первой бабѣ-егѣ ночевать, приняла она его съ честью; и къ другой пріѣхалъ, и та приняла его съ честью со всякою. Пріѣхалъ въ свое государство, и подалъ государю отъ того короля бумагу. И государь принялъ его съ честью, а дочь государева насилу дождалася: «Ну, тятинька, извольте, я за него замужъ пойду». Отецъ съ ней воли не снялъ: «Ну, коли угодно, такъ поди!» Обвѣнчались и теперича живутъ.

Сообщена П. В. Кирѣевскимъ.

Василій Буславичъ

Жиль-быль Буславъ девяносто годовъ, живучи Буславъ переставился¹. Остается его любима молода жена Ванильфа Тимоѳеевна, остается у неё младъ сынъ Василій Буславичъ. И сталъ этотъ сынъ Василій Буславичъ съ малыми ребятами поигрывать: у кого руку ѳторветъ, у кого голову рѣсколетъ. Отдала Ванильфа Тимоѳеевна своего сына любимаго старику Угрумищу учить — во лѣсты писать; а выучился Василій Буславичъ не во лѣсты писать, а выучился соколомъ летать. Вотъ однажды у старика Угрумища сдѣлались пиръ и бесѣда; онъ не позвалъ на него своего любимца Василья Буславича. Пришелъ самъ Василій Буславичъ на пиръ на бесѣду, изъ передняго угла гостей повыхваталъ, со скамеечки повыдергалъ, проводилъ на новы сѣни чернымъ вязомъ. Старшѣ Угрумища осерчалъ на него, на своего любимца, и сказалъ ему: «Ты не сѣкчи, молодой сѣктунъ! тебѣ не выпить изъ Оби воды, не выбить изъ граду людей; выпьешь изъ Оби воду, выбьешь изъ граду людей — вотъ тебѣ пятьсотъ рублей!» Пришелъ нашъ Василій Буславичъ домой къ своей матери и говоритъ: «Ахъ, матушка родимая! я въ молодыхъ лѣтахъ расхвастался, съ старшомъ Угрумищей разошелся». Мать взяла его пьянаго напоила и въ тѣмную тѣмницу заложила. Вотъ народъ собрался съ нимъ воевать, а онъ въ тѣмницѣ спитъ да спитъ, ничего не знаетъ. Женщина по воду ходила, и ему въ окошко закричала: «Что, говоритъ, Василій Буславичъ! спишь, ничего не знаешь; я, говоритъ, по воду ходила, сколько людей коромысломъ прибила!» Василій Буславичъ, услыхавъ эти слова, вышибъ каменную стѣну у тѣм-

¹) Т.-е. преставился, умеръ.

ницы и пошелъ народъ-силу бить. Старшà Угрумища и возмóлился ему: «Гой ли ты, Василий Буславичъ! уходи, говоритъ, свое сердце ретивое, утоли плеча богатырскія: я тебѣ пятьсотъ сулилъ, а теперь отдамъ всю тысячу!» Вотъ Василий Буславичъ смиловался, и пошелъ къ своей матери: «Ахъ, говоритъ, матушка родимая! я сегодня много крови пролилъ, много народу побилъ!» Вотъ мать на него осерчала, сдѣлала ему ко рабъ, набрала людей, и отправила по морю; сказала ему, чтобъ ѣхалъ онъ, куда хочетъ, и рукой вслѣдъ махнула. Василий Буславичъ приплылъ на зеленые луга. Тутъ лежитъ морская пучина — вокругѣмъ глаза. Онъ вокругъ неѣ похаживаетъ, сапожкомъ ее попинываетъ; а она ему и говоритъ: «Василий Буславичъ! не пинай меня, и самъ тутъ будешь». Вотъ послѣ этого рабочіе его расшугились межъ собой и стали скакать черезъ морскую пучину. Всѣ перескочили, а онъ скокнулъ на послѣдкѣ и задѣлъ ее только пальцемъ правой ноги, да тутъ и померъ.

Напечатано по списку изъ Пермской губ.

177

Алеша-Поповичъ

На небесахъ зародился младъ-свѣтѣль мѣсяцъ, на землѣ-то у стараго соборнаго у Леонтья-попа зародился сынъ — могучій богатырь; а имя нарекли ему младъ Алѣша-Поповичъ — имячко хорошенькое. Стали Алѣшу кормить-поить; у кого недѣльной, онъ денной такой; у новы́хъ¹ годовой, Алѣша недѣльной такой. Сталъ Алѣша по улочкѣ похаживати, сталъ съ малыми ребятками поигрывать: кого возьметъ за ручку — ручка прочъ, кого за

¹) Т.-е. иныхъ.

ножку — ножка прочь; игра-то у него некорыстно пошла! кого за середку возьметъ — живота лишитъ. И сталъ Алёша на возрастѣ; учаль у отца-матери просить благословеньица: ѣхать-гулять во чисто поле. Отецъ говоритъ: «Алёша-Поповичъ! поѣзжаешь ты во чисто поле; есть у насъ и посильнѣй тебя; ты возьми себѣ въ слуги вѣрные Марышка Паранова сына». И сажались добры молодцы на добрыхъ коней; какъ поѣхали они во чисто поле — пыль столбомъ закурилася: только добрыхъ мѡлодцевъ и видѣли!

Пріѣзжали добры мѡлодцы ко князю ко Владиміру; тутъ Алёша-Поповичъ прямью идетъ въ бѣлокаменны палаты ко князю ко Владиміру, крестъ кладетъ по-писанному, покланяется по-ученому на всѣ на четыре стороны, а князю Владиміру на особицу. И встрѣчаетъ добрыхъ мѡлодцевъ Владиміръ-князь, и сажаетъ ихъ за дубовый столъ: хорошо добрыхъ мѡлодцевъ попонть-покормить и втапоръ вѣстей поспросить; учали добры мѡлодцы ѣсть пряники печатные, запивать винами крѣпкими. Тутъ спросилъ добрыхъ мѡлодцевъ Владиміръ-князь: «Кто вы, добры мѡлодцы? сильные ли богатыри удалые, или путники переходжіе-сумки перемѣтныя? Не знаю я вамъ ни имени ни отчины». Отвѣтъ держитъ Алёша-Поповичъ: «Я сынъ стараго соборнаго Леонтья-попа Алёша-Поповичъ младъ, а въ товарищахъ слуга Марышко Парановъ сынъ». Какъ поѣлъ да попилъ Алёша-Поповичъ, учаль прѣвѣться на кирпичну печь, лёгъ полудновать, а Марышко за столомъ сидитъ. Въ тѣ поры да въ то времячко наѣзжалъ Змѣевичъ-богатырь и облаатынилъ все царство князя Владиміра. Идетъ Тугаринъ-Змѣевичъ въ палаты бѣлокаменны ко князю Владиміру; онъ лѣвой ногой на порогъ ступилъ, а правой ногой за дубовый столъ; онъ пьетъ и ѣсть и съ княгиней обнимается, а надъ княземъ

Владиміромъ играется и ругается; онъ кладетъ ковригу за щеку, а другую за другую кладетъ; на языкъ кладетъ цѣлаго лебедя, пирогомъ попихнулъ — все вдругъ проглотнулъ. Лсжить Алѣша-Поповичъ на кирпичной печи и говоритъ такія рѣчи Тугарину-Змѣвичу: «Было у нашего батюшки у стараго у Леонтыя-попа — было коровищѣ, было обжорищѣ, ходило по пивоварнямъ и съѣдало цѣлыя кадцы пивоварныя съ гущею; дошло коровищѣ, дошло обжорищѣ до озера, всю воду изъ озера вышло — взяло его тутъ и рѣзвало; а и тебя бы Тугарина такъ за столомъ-то всего прѣзвало!» Разсердился Тугаринъ на Алѣшу-Поповича, бросилъ въ его булатнымъ ножомъ; Алѣша-Поповичъ увертливъ былъ, увернулся отъ его за дубовый столбъ. Говоритъ Алѣша таково слово: «Спасибо тебѣ, Змѣвичъ-Тугаринъ-богатырь; подаль ты мнѣ булатный ножъ; распорю я тебѣ груди бѣлыя, застелю я тебѣ очи ясныя, засмотрю я твоего ретива сердца». Въ тѣ поры выскакалъ Марышко Парановъ сынъ изъ-за стола изъ-за дубоваго на рѣзвы ноги и хватилъ Тугарина за нѣворотъ, выхватилъ изъ-за столба и бросилъ о палату бѣлокаменну — и посыпались оконницы стекольчатыя. Какъ возговоритъ Алѣша-Поповичъ съ кирпичной печи: «Ой ты, Марышко, Марышко, Парановъ сынъ, ты вѣрная слуга неизмѣнная!» Отвѣчаетъ Марышко Парановъ сынъ: «Подай-ка ты мнѣ, Алѣша-Поповичъ, булатный ножъ; распорю я Тугарину-Змѣвичу груди бѣлыя, застелю я ему очи ясныя, засмотрю его ретива сердца». Отвѣтъ держитъ Алѣша съ кирпичной печи: «Охъ ты, Марышко Парановъ сынъ! не рѣди¹ ты палатъ-то бѣлокаменныхъ, отпусти его во чисто поле; некуда онъ тамъ дѣвается; съѣдемся съ нимъ завтра во чистомъ полѣ».

¹) Не кровавъ.

Поутру ранымъ-ранёшенько подымался вмѣстѣхъ съ солнышкомъ Марышко Парановъ сынъ, выводилъ онъ рѣзвыхъ коней пить воды на быстру рѣку. Летаеть Тугаринъ-Змѣвичъ по поднебесью и просить Алёшу-Поповича во чистѣ поле. И прїѣзжалъ Марышко Парановъ сынъ къ Алёшѣ-Поповичу: «Богъ тебѣ судья, Алёша-Поповичъ! не далъ ты мнѣ булатнаго ножа; распоролъ бы я поганцу груди бѣлыя, застлалъ бы я его очи ясныя, высмотрѣлъ бы я его ретива сердца; теперя что возьмешь у него у Тугарина? летаеть онъ по поднебесью». Говорить Алёша таково слово: «Не замѣна моя, все измѣна!» Выводилъ Алёша своего добра коня, обѣдлалъ во черкасское сѣдло, подтянулъ двѣнадцатю подпругами шелковыми — не ради басы¹, ради крѣпости; поѣхалъ Алёша во чистѣ поле. Ъдетъ Алёша по чисту полю и видитъ Тугарина-Змѣвича: онъ леталъ по поднебесью. И взмолился Алёша-Поповичъ: «Пресвятая мати Богородица! накажи-то ты тучу черную; дай Богъ изъ тучи чѣрной часта дождичка крупенистаго! смочило бы у Тугарина крыльица бумажныя». У Алёши была мольба доходная: накатилаcя туча чѣрная; изъ той тучи грозной далъ Богъ дождичка частаго, частаго да крупенистаго, и смочило у Тугарина крыльица бумажныя; палъ онъ на сыру землю и поѣхалъ по чисту полю. Не двѣ горы вмѣстѣ скатаются, то Тугаринъ съ Алёшей съѣзжались; палицами ударились — палицы по чѣвьямъ² поломались, копыями соткнулись — копыя чѣвьямъ извернулиcя, саблями махнулиcя — сабли исцербилиcя. Тутъ-то Алёша-Поповичъ валился съ сѣдла, какъ овсяной снопъ; и тутъ Тугаринъ-Змѣвичъ учалъ бить Алёшу-Поповича, а тотъ ли Алёша увертливъ былъ, увернулся Алёша подъ конное чѣрево,

¹) Красоты, щегольства.

²) Чивье — рукоятка.

съ другой стороны вывернулся изъ-подъ черева и ударилъ Тугарина булатнымъ ножомъ подъ правую пазуху, и спихнулъ Тугарина со добра коня, и учалъ Алёша-Поповичъ кричать Тугарину: «Спасибо тебѣ, Тугаринъ-Змѣевичъ, за булатный ножъ; распорю я тебѣ груди бѣлыя, застелю я твои очи ясныя, засмотрю я твоего ретива сердца». Отрубилъ ему Алёша буйну голову, и повезъ онъ буйну голову ко князю ко Владиміру; ѣдетъ да головушкой поигрываетъ, высоко головушку выметываетъ, на востро копье головушку подхватываетъ. Тутъ Владиміръ ополѣхнулся¹: «Везетъ де Тугаринъ буйну голову Алёши-Поповича! Поплѣнить онъ теперь наше царство христіанское!» Отвѣтъ держитъ Марышко Парановъ сынъ: «Не тужи ты, красно солнышко-Владиміръ стольный кіевскій! Если ѣдетъ по земли, а не летаетъ по поднебесью поганый Тугаринъ, сложить онъ свою буйну голову на мое копье булатное; не печалуйся, князь Владиміръ: какова порѣ — я съ имъ побрѣтаюся!» Посмотрѣлъ тутъ Марышко Парановъ сынъ въ трубочку подзорную, опозналъ онъ Алёшу-Поповича: «Вижу я ухватку богатырскую, поступку молодецкую: накруто Алёша коня поворачиваетъ, головушкой поигрываетъ, высоко головушку выметываетъ, на востро копье головушку подхватываетъ. Ёдетъ это не Тугаринъ поганый, а Алёша-Поповичъ, сынъ Леонтья-попа стараго соборнаго; везетъ онъ головушку поганнаго Тугарина-Змѣевича». Записана въ Шенкурскѣ, Архангельской губ., г. Харитоновымъ.

178

Данило Безсчастный

Въ городѣ Кіевѣ у нашего князя Владиміра много слугъ и крестьянъ, да былъ при немъ Данило Безсчастной-дворянинъ: придетъ день воскресной — Вла-

¹) Испугался, утрашился.

диміръ-князь всё по рюмкѣ горькаго подасть, а ему въ горбъ да въ горбъ; придетъ большой праздникъ — кому награда, а ему все ничего! Наканунѣ было Свѣтлаго воскресенія, во Страстную субботу зоветъ Владиміръ-князь Данилу Безсчастнаго, отдаетъ ему на руки сорокъ сороковъ соболей, велитъ къ празднику шубу сшить: соболь не дѣланъ, пуговицы не литы, петли не виты; въ пуговицахъ наказано лѣсныхъ звѣрей заливать, въ петляхъ заморскихъ птицъ зашивать. Опостылѣла Данилѣ Безсчастному работа, бросилъ — пошелъ за ворота, пошелъ ни путемъ ни дорогою, и слезно плачетъ. Идетъ ему навстрѣчу старая старуха: «мотри, Данило, не распоротъ бы те брюха! О чемъ ты, Безсчастной, плачешь?» — «Ахъ, ты, старая пузырьница — пузырёмъ ж . . . заплачена, лихорадкой подхвачена! поди прочь, мнѣ не до тебя!» Отошелъ немного и думаетъ: «Зачѣмъ я ее разбранилъ!» Сталъ къ ней подходить и такія рѣчи говорить: «Бабушка-голубушка! прости меня; вотъ мое горе: далъ мнѣ Владиміръ-князь сорокъ сороковъ недѣланныхъ соболей, чтобъ завтра шуба поспѣла; были бы часты пуговицы литыя, шелковыя петли витыя; въ пуговицахъ были бы львы золотые, а въ петляхъ были бы птицы заморскія завитыя — пѣли бы, распѣвали! А гдѣ мнѣ того взять? Лучше за стойкой чарку водки держать!» Говоритъ ему старуха-заплатано брюхо: «А, теперь бабушка-голубушка! поди же ты къ синему морю, стань у сырого дуба; въ самую полночь синё море всколыхается, выйдетъ къ тебѣ Чудо-Юда, морская гѣба, безъ рукъ, безъ ногъ, съ сѣдой бородою; ухвати его за бороду и бей по тѣхъ поръ, пока Чудо-Юда спроситъ: за что ты, Данило Безсчастной, бьешь меня? а ты отвѣчай: хочу, чтобъ явилась передо мной Лебедь-птица, красная-дѣвица! сквозь перьевъ бы тѣло виднѣлось, сквозь тѣла бы кости казались, сквозь

костей бы въ примѣту было, какъ изъ косточки въ косточку мозгъ переливается, словно жемчугъ пересыпается». Пришелъ Данило Безсчастной къ синю морю, стать у сыра дуба. Въ самую полночь синѣ море всколыхалось, вышло къ нему Чудо-Юда, морская губа, безъ рукъ, безъ ногъ — одна борода сѣдая! Ухватилъ его Данило за ту бороду и принялся бить о сырую землю. Спрашиваетъ Чудо-Юда: «За что ты бьешь меня, Данило Безсчастной?» — «А вотъ за что: дай мнѣ Лебедь-птицу, красную дѣвицу! сквозь перьевъ бы тѣло виднѣлось, сквозь тѣла бы — косточки, а изъ косточки въ косточку мозгъ бы переливался, словно жемчугъ пересыпался».

Черезъ малое время плыветъ Лебедь-птица, красная дѣвица; приплываетъ къ берегу и говоритъ таково слово: «Что, Данило Безсчастной, отъ дѣла лытаешь, али дѣла пытаешь?» — «Ахъ, Лебедь-птица, красная дѣвица! гдѣ отъ дѣла лытаю, а гдѣ вдвое пытаю. Вотъ Владиміръ-князь далъ мнѣ шубу спить: соболь не дѣланъ, пуговицы не литы, петли не виты!» — «Возьмешь ли меня за себя? втѣпоры все будетъ сдѣлано!» Началъ онъ думать: какъ возьму ее за себя? «Ну, Данило, что думаешь?» — «Нечего дѣлать, возьму за себя». Она крылушками махнула, головкой кивнула — вышли двѣнадцать мѣлодцовъ, все плотники, пильщики, каменщики, и принялись за работу: сейчасъ и домъ готовъ! Беретъ ее Данило за правую руку, цѣлуетъ во уста сахарныя и ведетъ въ палаты княжескія; сѣли они за столъ, пилили, прохлаждалися, за однимъ столомъ обручалися. «Теперь, Данило, ложись-почивай, ни о чемъ не помышляй! все будетъ готово». Уложила его спать, сама вышла на хрустальной крылецъ, крылушками махнула, головкой трянула: «Родимой мой батюшка! подавай мнѣ своихъ мастеровъ». Явились двѣнадцать мѣлод-

цевъ и спрашиваютъ: «Лебедь-птица, красная дѣвица! что прикажешь дѣлать?» — «Сейчасъ сшейте мнѣ шубу: соболи не дѣланы, пуговицы не литы, петли не виты». Принялись за работу: кто соболя дѣлаетъ да шубу шьетъ, кто куетъ — пуговицы льетъ, а кто петли вьетъ, и вмигъ шуба на диво сработана. Лебедь-птица, красная дѣвица подходитъ и будить Данилу Безсчастнаго: «Вставай, милой другъ! шуба готова, а въ городѣ Кіевѣ у князя Владиміра слышенъ благовѣстъ; время тебѣ подняться, къ заутренѣ убраться». Данило всталъ, надѣлъ шубу и пошелъ. Она глянула въ окошечко, остановила, дала ему серебряну трость, и наказываетъ: «Какъ выйдешь отъ заутрени — ударь ею въ грудь, весело птицы запоютъ, грозно львы заревутъ. Ты съмай шубу съ своихъ плечъ да уряди князя Владиміра въ тотъ часъ, не забывалъ бы онъ насъ. Станетъ онъ тебя въ гости звать, станетъ чару вина подавать — не пей чару до дна, а выпьешь до дна — не увидишь добра! Да не хвались ты мною; не хвались, что за едину ночь домъ построили съ тобою». Данило взялъ трость и отправился; она опять его воротила, подаетъ ему три яичка: два серебряныя, одно золотое, и говоритъ: «Серебряными похристосуйся со княземъ, со княгинею, а золотымъ — съ кѣмъ тебѣ вѣкъ прожить». Распростился съ нею Данило Безсчастной и пошелъ къ заутренѣ. Всѣ люди удивляются: «Вотъ Данило Безсчастной каковъ! и шуба поспѣла у него къ празднику». Послѣ заутрени подходитъ онъ ко князю со княгинею, началъ христосоваться, и вынулъ нечаянно золотое яйцо. Увидаль это Алѣша Поповичъ, бабій пересмѣшникъ. Стали расходиться изъ церкви. Данило Безсчастной ударилъ себя въ грудь серебряной тростью — птицы запѣли, львы заревѣли, всѣ удивляются, на Данилу глядятъ; а Алѣша Поповичъ, бабій пересмѣшникъ, перерядился нищимъ-

каликою и просить святой милостинки. Всѣ ему подаютъ, только одинъ Данило Безсчастной стоитъ да думаетъ: что я-то подамъ? нѣтъ ничего! Ради праздника великаго подаль ему золотое яичко. Алёша Поповичъ, бабій пересмѣшникъ, взялъ то золотое яйцо, и перодѣлся во свое платье прежнее. Владиміръ-князь позвалъ всѣхъ къ себѣ на закуску. Вотъ они пили-ѣли, прохлаждалися, собою величались. Данило пьянъ напивается, спьяну женой похваляется. Алёша Поповичъ, бабій пересмѣшникъ, сталъ на пиру хвастаться, что онъ знаетъ Данилину жену; а Данило говоритъ: «Если ты знаешь мою жену — мнѣ рубить голову, а если не знаешь — тебѣ рубить голову!»

Пошелъ Алёша — куды глаза глядятъ; идетъ да плачетъ. Попадается ему навстрѣчу старая старуха: «О чемъ ты плачешь, Алёша Поповичъ?» — «Отойди, старуха-пузырница! мнѣ не до тебя». — «Ладно же, пригожусь и я тебѣ!» Вотъ онъ началъ ее спрашивать: «Бабушка родимая! что ты мнѣ сказать хотѣла?» — «А, теперь бабушка родимая!» — «Да вотъ я похвастался, что знаю жену Данилину . . .» — «И-и, батюшка! гдѣ тебѣ ее знать? туда мелкая пташка не залѣтывала. Поди ты къ такому-то дому, зови ее къ князю обѣдать; она станетъ умываться, собираться, положить на окно цѣпочку; ту цѣпочку ты унеси, и покажь ее Данилѣ Безсчастному». Вотъ подходитъ Алёша къ косяцету окну, зоветъ Лебедь-птицу, красную дѣвицу, на обѣдъ къ князю; она стала было умываться, наряжаться, на пиръ собираться; въ то самое время унёсъ Алёша цѣпочку, побѣжалъ во дворецъ и казалъ ее Данилѣ Безсчастному. «Ну, Владиміръ-князь! говоритъ Данило Безсчастной: вижу теперь, что надо рубить мою голову; позволь мнѣ домой сходить да съ женой проститься». Вотъ приходитъ домой: «Ахъ, Лебедь-птица, красная дѣвица, что я

надѣлалъ: спяну тобою похвалился, своей жизни лишился!» — «Все знаю, Данило Безсчастной! Поди зови къ себѣ въ гости и князя съ княгинею, и всѣхъ горожанъ. А станетъ князь отзывать на пыль да на грязь, нынѣ де пути недобрые, синѣ море всколыхалось, топи зыбкія открылися, — ты скажи ему; не бойся, Владиміръ-князь! черезъ топи, черезъ рѣки строены мосты калиновые, переводины дубовыя, устланы мосты сукнами багровыми, а убиты все гвоздями полужёными: у добра мѡлодца сапогъ не запылятся, у его коня копыто не замараются!» Пошелъ Данило Безсчастной гостей звать. а Лебедь-птица, красная дѣвица, выступила на крылечко, крылушками тряхнула, головкой кивнула — и сдѣлала мостъ отъ своего дома до палатъ князя Владиміра: весь устланъ сукнами багровыми, а убитъ гвоздями полужёными; по одну сторону цвѣты цвѣтутъ, соловьи поютъ, по другую сторону яблоки спѣютъ, фрукты зрѣютъ. Срядился князь со княгинею въ гости и поѣхалъ въ путь-дорогу со всѣмъ храбрымъ воинствомъ. Къ первой рѣкѣ подѣхалъ — славное пиво бѣжить; около того пива много солдатъ попадало. Къ другой рѣкѣ подѣхалъ — славной медъ бѣжить: больше половины войска храбраго тому меду поклонилось, на бокъ повалилось. Къ третьей рѣкѣ подѣхалъ — славное вино бѣжить: тутъ офицеры кидалися, дѡпяна напивалися. Къ четвертой рѣкѣ подѣхалъ — бѣжить крѣпкая водка, тому же вину тѣтка; оглянулся князь назадъ, всѣ генералы на боку лежать. Остался князь самъ-четверть: князь со княгинею, Алѣша Поповичъ, бабій пересмѣшникъ, да Данило Безсчастной. Пріѣхали гости званные, вошли въ палаты высокія, а въ палатахъ столы стоятъ кленовыя, скатерти шелковыя, стулья раскрашенныя; сѣли за столъ — много было разныхъ кушаньевъ, а напитоковъ заморскихъ не бутыли, не штофы — рѣки

цѣлыя протекли! Князь Владиміръ со княгинею не пьютъ ничего, не кушаютъ, только смотрятъ: когда жъ выйдетъ Лебедь-птица, красная дѣвица? Долго за столомъ сидѣли, долго ее поджидали: время и домой собираться. Данило Безсчастной звалъ ее разъ, и другой, и третій — нѣтъ, не пошла къ гостямъ. Говорить Алѣша Поповичъ, бабій пересмѣшникъ: «Если бы это сдѣлала моя жена, я бъ ее научилъ мужа слушать!» Услыхала то Лебедь-птица, красная дѣвица, вышла на крылечко, молвила словечко: «Вотъ де какъ мужей учать!» крылушкою махнула, головкой кивнула, взвилась-полетѣла, и остались гости въ болотѣ на кочкахъ: по одну сторону море, по другую — горе, по третью — мохъ, по четвертую — охъ! Отложи, князь, спесь! изволь на Данилу верхомъ сѣсть. Пока до палатъ своихъ добрались, съ головы до ногъ грязью измарались! Захотѣлось мнѣ тогда князя со княгиней повидать, да стали со двора пихать; я въ подворотню шмыгъ — всю спину сшибъ!

Записана въ Оренбургской губ., Уфимскомъ у.

179

Василій-царевичъ и Елена Прекрасная

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ царь Иванъ, и у того царя былъ братъ Василій-царевичъ — ни въ чемъ ему счастья не было! Самый царь на него распрогнѣвался и выгналъ изъ своего дому; съ той поры и прозвали его несчастнымъ Василемъ-царевичемъ; наконецъ дошелъ онъ до такой бѣдности, что не имѣлъ у себя даже новой одѣжи. Приходитъ праздникъ Христовъ день; наканунѣ того дня ходитъ весь народъ царя поздравлять, а царь для того праздника даритъ кого деньгами, кого чѣмъ. Вотъ въ самую-таки Страстную субботу шелъ Василій-царевичъ

куда-то по улицѣ, и попадаетъ ему навстрѣчу бабка-голубая шапка и говорить: «Здравствуй, Василій-царевичъ! что ходишь невеселъ, что головушку повѣсилъ?» А онъ ей въ отвѣтъ: «Ахъ, бабка-голубая шапка! какъ мнѣ быть радостному? приходитъ эдакой праздникъ, всѣ имѣютъ хорошую одѣжу; а я, царской братъ, не имѣю ничего, даже и разговѣться нечѣмъ». — «Поди же ты, говорить она царевичу: къ брату Ивану-царю и попроси, чтобы онъ тебя пожаловалъ — чѣмъ-нибудь да подарилъ». Василій-царевичъ послушался: вошелъ онъ въ царскую комнату, увидалъ его братъ и спрашиваетъ: «Что скажешь, Василій-Несчастной?» — «Я пришелъ до тебя, братецъ, сказалъ Василій-царевичъ: для эдакаго праздника ты всѣхъ даришь, а меня еще ничѣмъ не пожаловалъ». Въ это время было у царя много всякихъ генераловъ, и началъ царь надъ братомъ смѣяться, говорить ему: «Чѣмъ я тебя, дурака, подарю? чѣмъ пожалую?» И выносить ему царь подарочекъ: сорокъ сороковъ черныхъ соболей, и еще дарить золота на пуговицы, шелку на петельки: «Вотъ тебѣ, братъ, и подарочекъ! сшей изъ него тулупъ ко христовской заутренѣ, и чтобы въ каждой пуговицѣ было по райской птицѣ, по коту заморскому!» Поблагодарилъ его Василій-царевичъ, заплакалъ и пошелъ; не радъ и подарку сталъ. Вотъ онъ идетъ да идетъ по улицѣ, и попадаетъ ему опять навстрѣчу бабка-голубая шапка; спрашиваетъ его: «Чѣмъ, Василій-царевичъ, подарилъ тебя братецъ?» — «Ой, бабка-голубая шапка! подарилъ мнѣ братъ сорокъ сороковъ черныхъ соболей, чистаго золота на пуговицы и зеленаго шелку на петельки; велѣлъ сшить ко христовской заутренѣ шубу, и чтобы въ каждой пуговицѣ райскія птицы пѣли и коты заморскіе мяукали. Говорить бабка-голубая шапка: «Иди за мной, Василій-царевичъ! не тужи и не печалься». Идутъ они путемъ-дорожкой, и

близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли — приходятъ ко дворцу Елены Прекрасной; говорить бабка-голубая шапка: ты, Василій-царевичъ, останься за воротами; а я пойду къ Еленѣ Прекрасной и буду за тебя сватать». Входитъ она къ Еленѣ Прекрасной въ комнату, и сказываетъ: «Матушка Елена Прекрасная! я пришла сватать тебя за Василья-царевича». Елена Прекрасная спрашиваетъ бабу-голубую шапку: «А гдѣ же Василій-царевичъ?» Она отвѣчаетъ: «Василій-царевичъ остался за воротами; не спросяся, не смѣетъ взойти». Елена Прекрасная тотчасъ приказала взойти Василью-царевичу, глянула на него, и онъ ей весьма понравился; посылала она царевича въ другую комнату, давала ему двухъ слугъ, и почитала его женихомъ своимъ; а бабка-голубая шапка говоритъ: «Ахъ, матушка Елена Прекрасная! ему братъ подарилъ на тулупъ сорокъ сороковъ чѣрныхъ соболей, чистаго золота на пуговицы, зеленаго шёлку на петельки, и приказалъ ко христовской заутренѣ шубу сшить, и чтобы въ каждой пуговицѣ пѣли птицы райскія, кричали коты заморскіе». Елена Прекрасная, выслушавъ, отвѣчаетъ бабкѣ, что все будетъ готово. Бабка-голубая шапка распростилась и ушла. Подъ вечеръ Елена Прекрасная выходитъ на свой крылецъ и кричить: «Гой еси, братецъ, Ясѣнь-Соколъ, лети ко мнѣ скоро-наскоро, время-на-время!» И вотъ прилетаетъ Ясѣнь-Соколъ, ударился о крылецъ и сдѣлался удалъ молодецъ. «Здравствуй, сестрица!» — «Здравствуй, братецъ!» Кое о чемъ потолковали, посудачили; наконецъ Елена Прекрасная сказала своему братцу: «Я выбрала себѣ жениха, Василья-царевича; сшей ты ему тулупъ ко христовской заутренѣ». Отдаетъ ему сорокъ сороковъ чѣрныхъ соболей, чисто золото на пуговицы и зеленой шёлкъ на петельки, и накрѣпко наказываетъ, чтобы въ каждой пуговицѣ пѣли птицы райскія и мяу-

нали коты заморскіе, и чтобы тулупъ непременно былъ готовъ во-время. «Не безпокойся, сестрица! все будетъ сдѣлано». А Василій-царевичъ того и не вѣдаетъ, что завтра будетъ съ обновою. Только заблаговѣстили заутреню, прилетѣлъ Ясѣнь-Соколь, ударился о крылець, сдѣлался удалъ доброй молодець; сестрица выходитъ встрѣчать брата, а онъ отдаётъ ей готовой тулупъ. Поблагодарила Елена Прекрасная своего братца за такую услугу, отослала эту одѣжу къ Василью-царевичу и приказала надѣтъ. Обрадовался царевичъ, нарядился и приходитъ въ комнату Елены Прекрасной. Она тотчасъ приказала заложить въ повозку лошадей, чтобы ѣхать къ заутренѣ; передъ отъѣздомъ отдала ему три яичка: «Первымъ яичкомъ похристосовайся съ протопомъ, второе отдай брату Ивану-царю, а третье тому, кто тебѣ больше милъ; а въ церкву войдешь — становись впереди своего братца родного». Приѣзжаетъ онъ къ заутренѣ и становится, какъ ему велѣно, поперѣдъ брата. Царь не узналъ его, самъ съ собой думаетъ: что это за человѣкъ? приказываетъ своему генералу подойти поближе и спросить поучтивѣ: кто онъ таковъ? Генералъ подходитъ и спрашиваетъ Василья-царевича: «Царь приказалъ узнать: царь ли вы царевичъ, король ли вы королевичъ, или сильный могучій богатырь?» Онъ ему отвѣчаетъ: «Я здѣшній». На отходѣ заутрени Василій-царевичъ сталъ напередъ христосоваться съ протопомъ; похристосовавшись, отдаётъ ему яичко; идетъ потомъ къ брату Ивану-царю и говоритъ: «Христосъ воскресе, братецъ!» Тотъ отвѣчаетъ: «Во истину воскресе!» И отдаётъ ему Василій-царевичъ другое яичко: оставалось у него еще одно. Выходитъ онъ изъ церкви, попадаетъ ему Алѣша Поповичъ: «Христосъ воскресе, Василій-царевичъ!» — «Во истину воскресе!» Пристаетъ Алѣша Поповичъ: «Давай яичко». — «Нѣтъ у

меня», отвѣчаетъ Василій-царевичъ; пришелъ домой, похристосовался съ Еленой Прекрасной, и отдалъ ей третье яичко. Она говоритъ: «Ну, Василій-царевичъ! а я не думала, чтобъ ты мнѣ оставилъ яичко; теперь я согласна выйти за тебя замужъ, поѣзжай просить своего братца на свадьбу къ намъ». Василій-царевичъ поѣхалъ къ брату; тотъ ему шибко обрадовался. Сталъ Василій-царевичъ просить его на свадьбу къ себѣ; а братъ спрашиваетъ: «Гдѣ жъ ты берешь невѣсту?» — «Я беру невѣсту Елену Прекрасную». Вотъ сыграли они свадьбу; послѣ той свадьбы сдѣлалъ Иванъ-царь пиръ на весь міръ и позвалъ брата Василья-царевича съ женой Еленой Прекрасною. Время приходитъ на пиръ идти, зоветъ Василій-царевичъ жену свою; она говоритъ: «Василій-царевичъ! я такъ хороша, что боюсь, какъ бы меня не изурочили; поѣзжай лучше одинъ». Пріѣзжаетъ къ брату Василій-царевичъ, а тотъ спрашиваетъ: «Что же ты одинъ пріѣхалъ, а не съ женою?» — «Она нездорова, братецъ!» Вотъ они много ли, мало ли пировали, и подгулявши, каждой изъ гостей началъ хвалиться: у эгого то хорошо, у другого другое; а Василій-царевичъ молчитъ, ничѣмъ не хвалится. Подходитъ къ нему братъ и спрашиваетъ: «Ты, братецъ, что сидишь, ничѣмъ не похвалишься?» — «Да чѣмъ похваюсь я?» говоритъ Василій-царевичъ. «Ну, хоть тѣмъ похвались, что жена у тебя хороша». — «Да, правда твоя, братецъ! жена у меня хорошая». Вдругъ подбѣгаетъ къ Василью-царевичу Алѣша Поповичъ и говоритъ: «Ну, ужъ хороша! я съ нею безъ тебя ночь спалъ». Тутъ всѣ гости сказали: «Если ты спалъ съ нею, такъ поди же, съ нею выпарься въ банѣ и принеси имянное ея кольцо; тогда мы повѣримъ. А не принесешь кольца — поведемъ тебя на висѣлицу». Нечего дѣлать, пошелъ Алѣша Поповичъ, самъ запечалился. Идетъ онъ путемъ-дорожкою; попа-

дается ему навстрѣчу бабка-голубая шапка и спрашиваетъ: «Что ты, Алѣша, такъ печаленъ?» — «Какъ мнѣ не печалиться! Похвалился я у царя, что съ Еленой Прекрасною ночь переспалъ; тутъ всѣ гости сказали: коли ты съ нею спалъ, такъ поди же съ нею выпарься въ банѣ и принеси имянное ея кольцо: а не принесешь — велимъ тебя повѣсить». — «Не печалься, пойдемъ со мною!» говоритъ бабка. Приходятъ они къ дому Елены Прекрасной; бабка-голубая шапка Алѣшу Поповича оставляетъ за воротами, а сама подлѣзла въ подворотню, вошла въ сѣни, глядь — а перстень имянной тутъ на лавкѣ лежитъ: позабыла его Елена Прекрасная въ то самое время, какъ послѣ отдыха умывалась. Сохватила старая это кольцо, отдала его Алѣшѣ Поповичу, да велѣла ему зайти на рѣку, намочить водой голову, будто въ банѣ былъ. Онъ то и сдѣлалъ. Приходитъ къ царю во дворъ, показываетъ всѣмъ имянное кольцо. Василій-царевичъ крѣпко огорчился, тотчасъ поѣхалъ домой, и продалъ Елену Прекрасную купцамъ за сто рублей. Въ городѣ, куда увезена Елена Прекрасная, померъ царь, и поэтому былъ кличъ, чтобы всѣ сходились въ тотъ городъ выбирать царя; а царей выбирали такъ: кто войдетъ въ церковь со свѣчкой и коли свѣча сама затеплится, тому и царемъ быть. Всѣ перепробовали свое счастье, свѣча ни у кого не затеплилась. Елена Прекрасная услышала про то и думаетъ себѣ: «Дай и я пойду, попробую своего счастья». Одѣвается она въ мужскую одѣжу, беретъ въ руки свѣчу и идетъ въ церковь; только взошла въ церковь, у ней тотчасъ свѣча и затеплилась. Всѣ обрадовались и посадили ее на царство. Стала она царствовать, и не забыла распрощаться о своемъ мужѣ Васильѣ-царевичѣ, гдѣ онъ и какъ поживаетъ? Узнала, что онъ крѣпко по ней скучаетъ, и послала за нимъ по слову. Вотъ когда онъ пріѣхалъ да рассказалъ, какъ и

что было. — Елена Прекрасная догадалась, кто были виновники ихняго горя, и помирилась съ мужемъ. Послали они за Алёшой Поповичемъ, и онъ во всемъ имъ сознался, что кольцо отдала ему бабка-голубая шапка, а онъ насказалъ у царя на Елену Прекрасную нарочно, потому де что христосовался онъ съ Васильемъ-царевичемъ да просилъ у него яичко, а царевичъ ему нѣ далъ. Послали и за бабкою-голубою шапкою; когда ее привезли, тотчасъ начали допрашивать: зачѣмъ она украла у Елены Прекрасной имянное кольцо? «Зачѣмъ, сказала, что ты, Елена Прекрасная, хотѣла меня поить-кормить три года, да не исполнила». Тутъ повелѣли Алёшу Поповича и бабку-голубую шапку разстрѣлять; а Василью-царевичу Елена Прекрасная поручила царство, и стали они жить-поживать да добра наживать.

Записана въ Оренбургской губ.

180

Балдакъ Борисевичъ

Во славномъ городѣ во Кіевѣ, у царя у Владиміра собирались князья и бояре и сильномогучіе богатыри на почестной пиръ. Возговорилъ Володиміръ-царь таково слово: «Гой есте, мои ребята! собирайтесь, сокопляйтесь за единой столъ». Собиралися за единой столъ, вполсыта наѣдалися, вполпитья напивалися, и возговорилъ Володиміръ-царь: «Кто бы сослужилъ мнѣ службу великую: съѣздитъ за тридевять земель, въ тридесятое царство, къ самому салтану турецкому — увести у него коня златогриваго, вышничка багроваго (?), убить кота-бахаря¹, самому салтану турецкому въ глаза наплевать?» Выбирался доброй мѣлодецъ Илья-Муромецъ, сынъ Ивановичъ. У царя у Владиміра была дочь возлюблен-

¹) Бахарь — бакунъ, говорунъ.

ная; возговорить она таково слово: «Гой еси, мой батюшко Володимірь-царь! хоша хвалится Илья-Муромецъ, сынъ Ивановичъ, не сослужить ему этой службы! Распусти, батюшко, почестной пиръ; поди искать по своему граду по царевымъ кабакамъ млада Балдака, сына Борисьевича, отроду семилѣтняго». И послушалъ царь своей дочери, пошелъ искать млада Балдака, сына Борисьевича, и нашель въ кабакъ — спить подъ лавкою. Ткнулъ его носкомъ Володимірь-царь; оттого Балдакъ скочилъ ото сна, какъ ни въ чемъ не бывалъ. «Гой еси, Володимірь-царь! къ чему меня требуешь?» На то отвѣчалъ ему Володимірь-царь: «Прошу тебя на почестной пиръ». — «Недостойнъ я на почестной пиръ идти; въ кабакахъ я запиваюся, подъ ногами валяюся». Возговорить ему Володимірь-царь таково слово: «Когда на пиръ зову, надо идти; есть до тебя нужда великая». И посылаетъ его младъ Балдакъ, сынъ Борисьевичъ, изъ кабака обратнымъ путемъ въ чердаки¹ царскіе, а я де скоро за тобой буду. Оставался Балдакъ одинъ въ кабакъ, опохмелялся тутъ зеленымъ виномъ, сколько требовалось, и пошелъ къ царю Владиміру въ чердаки бездокладочно; крестъ кладетъ онъ по-писанному, поклонъ ведетъ по-ученому: поклоняется на всѣ стороны, самому царю въ особину. «Здравствуй, Володимірь-царь! на что меня требовалъ?» Отвѣчаетъ ему Володимірь-царь: «Гой еси, младъ Балдакъ, сынъ Борисьевичъ! сослужи мнѣ службу великую: сходи за тридевять земель, въ тридесятое царство, къ салтану турецкому; уведи у него коня златогриваго, вышничка багроваго, убей кота-бахаря, самому салтану турецкому въ глаза наплюй. Бери съ собой народу-силы, сколько надобно; бери золотой казны, сколько хочется!» И возговорить младъ Балдакъ, сынъ Борисьевичъ: «Ужъ ты гой еси,

¹) Терема.

Володиміръ-царь! дай мнѣ силы только двадцать девять мѡлодцевъ, а самъ я тридцатой буду». Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается; отправлялся млада Балдакъ, сынъ Борисьевичъ, во путь во дорожку къ салтану турецкому; приноровился прїѣхать въ самую полночь. Вошелъ на салтанской дворъ, увелъ изъ конюшни коня златогриваго, вышничка багроваго, схватилъ кота-бахаря, разорвалъ его надрвое, самому салтану глаза заплывалъ. А былъ у салтана турецкаго любимой садъ — на три версты; всякія древа въ саду понасажены, всякіе цвѣты произведены. Млада Балдакъ, сынъ Борисьевичъ, приказалъ своимъ товарищамъ, двадцати дѣяти мѡлодцамъ, весь садъ повалить-вырубить; а самъ досталъ огоньку да тѣмъ огнемъ выжегъ все надристо, да поставилъ тридцать бѣлыхъ, тонкихъ полотняныхъ шатровъ. Поутру ранѣшенько просыпается отъ сна турецкой салтанъ; былъ у него первый взглядъ на свой на любимой садъ, и какъ скоро взглянулъ — видитъ, что всѣ деревья порублены, повыжжены, а стоятъ въ саду тридцать бѣлыхъ полотняныхъ шатровъ. «Кто такой наѣхалъ ко мнѣ, думаетъ онъ про себя: царь ли царевичъ, или король королевичъ, или сильномогучій богатырь?» Закричалъ тутъ салтанъ громкимъ голосомъ своему любимому пашѣ турецкому, призываетъ къ себѣ его и возговорить таково слово: «Неблагополучно въ царствѣ моемъ! Дожидался я русскаго виновника — млада Балдака, сына Борисьевича; а теперь наѣхалъ на меня . . . царь ли царевичъ, или король королевичъ, или сильномогучій богатырь? — того не вѣдаю, и какъ свѣдать? — не придумаю». На тотъ совѣтъ выходитъ салтана турецкаго бѡльшая дочь и говоритъ своему отцу: «О чемъ вы совѣтуете, а узнать не можете? Охъ ты, батюшка турецкой салтанъ! дай-ка мнѣ свое благословеніе да прикажи выбрать во всемъ

царствѣ двадцать девять дѣвицъ; чтобы лучше ихъ по красѣ не было! я сама буду тридцатая, я пойду въ тѣ шатры полотняные ночь ночевать, и открою вамъ виновнаго». И на то отецъ согласился, и пошла она къ тѣмъ шатрамъ съ двадцатью девятью дѣвицами: лучше ихъ по красѣ во всемъ царствѣ не было! Выходить къ ней младъ Балдакъ, сынъ Борисьевичъ, взялъ ее за бѣлыя руки, и крикнулъ своимъ громкимъ голосомъ: «Эй вы, мѣлодцы-товарищи! вы берите красныхъ дѣвицъ по рукамъ, ведите ихъ по своимъ шатрамъ и что знаете — то и дѣлайте!» Переспали вмѣстѣ единую ночь; на утро воротилась къ салтану турецкому его бѣлая дочь, говорить ему: «Гой еси, любезный батюшка! прикажи изъ бѣлыхъ полотняныхъ шатровъ всѣмъ тридцати мѣлодцамъ къ тебѣ въ домъ прійти; я сама укажу виновника». Въ тотъ часъ посылаетъ салтанъ турецкой къ тѣмъ шатрамъ своего любимаго пашу, чтобы позовалъ къ нему потребовалъ млада Балдака, сына Борисьевича, со всѣми его товарищами. Вышли изъ шатровъ тридцать мѣлодцевъ; всѣ на одинъ ликъ, словно братцы родные, волосъ — въ волосъ, голосъ — въ голосъ! И говорятъ послу таково слово: «Ступай назадъ, а мы за тобой скоро будемъ!» Младъ Балдакъ, сынъ Борисьевичъ, молвилъ своимъ ребятамъ: «Нѣтъ ли на мнѣ какой значки? осмотрите всего». И оказалось на немъ: по колѣнъ ноги въ золотѣ, по локоть руки въ сѣребрѣ. «Она хитра, а я разѣ того не разумѣю!» сказалъ Балдакъ и сдѣлалъ у всѣхъ своихъ товарищей такую же значку: по колѣнъ у ребятъ ноги въ золотѣ, по локоть руки въ сѣребрѣ; велѣлъ имъ надѣвать на руки перчатки: «Какъ зайдѣмъ къ салтану въ домъ, безъ приказа моего никто не сымай!» Вотъ пришли они къ салтану въ домъ; выходитъ его бѣлая дочь и узнаетъ виновника млада Балдака, сына Борисьевича. Говорить ей Балдакъ: «Ты

почемъ меня признаешь — по какимъ уликамъ?» Отвѣчаетъ салтанова бѣлая дочь: «Скинь-ка съ ноги сапогъ да съ руки перчатку: тутъ у меня знѣчка положена — по колѣнъ ноги въ золотѣ, по локоть руки въ сѣребрѣ» — «Развѣ у насъ такихъ мѣлодцевъ не бываетъ?» и приказываетъ младъ Балдакъ, сынъ Борисевичъ, своимъ ребятамъ: «Скидавайте всѣ съ ноги по сапогу, съ руки по перчаткѣ!» Какая знѣчка у него, такая и у всѣхъ объявилась — въ покояхъ все осѣяло! А салтанъ турецкой былъ добре милосливъ, на то дочери своей не повѣровалъ: «Врешь ты! мнѣ одинъ виновникъ надобенъ, а теперь по-твоему всѣ тридцать оказались!» Приказалъ салтанъ турецкой: «Убирайтесь всѣ вонъ!»

Послѣ того еще больше закручинился, еще больше запечалился, и сталъ опять думать, со своимъ любимымъ пашою совѣтовать, какъ бы узнать имъ виновнаго? На тотъ совѣтъ выходитъ вторая салтанова дочь, и говоритъ салтану турецкому: «Дай мнѣ, батюшка, двадцать девять дѣвицъ; я сама буду тридцатая, пойду съ ними къ бѣлымъ полотнянымъ шатрамъ, переночую въ тѣхъ шатрахъ единую ночь и открою вамъ виновника». Сказано — сдѣлано. Поутру зоветъ салтанъ турецкой младъ Балдака, сына Борисевича, въ палаты къ себѣ, а зоветъ его съ товарищами чрезъ своего пашу любимаго. Отвѣчаетъ Балдакъ попрежнему: «Ступай назадъ, а мы скоро будемъ!» Какъ скоро ушелъ паша, младъ Балдакъ вскричалъ своимъ громкимъ голосомъ: «Выходите изъ шатровъ всѣ мои товарищи, двадцать девять мѣлодцевъ; поглядите, нѣтъ ли на мнѣ какой знѣчки?» Тотчасъ всѣ изъ шатровъ выскочили и усмотрѣли у него на головѣ золотые волосы. Возговорить младъ Балдакъ, сынъ Борисевичъ: «Она хитра, а развѣ я не разумѣю того!» Сдѣлалъ у всѣхъ мѣлодцевъ, равно какъ у себя, золотые волосы, и велѣлъ наложить шапки на буйныя

головы: «Какъ будемъ въ палатахъ у салтана турецкаго, безъ моего приказу никто не сымай!» Какъ скоро вошелъ младъ Балдакъ, сынъ Борисевичъ, со своими товарищи, въ палаты салтанскія — сказать тутъ салтанъ своей средней дочери: «Узнавай, дочь любезная, которой — виновникъ?» А она знаетъ навѣрное — по тому самому, что переспала съ нимъ единую ночь; подходитъ прямо къ младу Балдаку и говорить: «Вотъ вамъ виновникъ!» Отвѣчаетъ на то младъ Балдакъ, сынъ Борисевичъ: «Почемъ ты меня признаешь — по какимъ уликамъ?» — «Сними съ головы своей шапку; тутъ у меня значка сдѣлана — волосы золотые». — «А развѣ у насъ такихъ мѣлодцевъ не бываетъ!» и приказалъ младъ Балдакъ всѣмъ своимъ ребятамъ скинуть шапки долой: объявились у нихъ золотые волосы — въ покояхъ все осіяло! Разсердился салтанъ на свою вторую дочь: «Неправда твоя! мнѣ одинъ виновникъ надобенъ, а по-твоему всѣ оказались!» и приказалъ: «Убирайтесь-ка изъ палатъ вонъ!»

Еще пуще запечалился-закручинился салтанъ турецкой; выходитъ третья меньшая дочь и хулить двухъ старшихъ сестеръ, а сама у отца напрашивается: «Любезной мой батюшко! прикажи мнѣ выбрать двадцать девять дѣвицъ, — чтобъ лучше ихъ во всемъ царствѣ не было; я сама буду тридцатая, и узнаю тебѣ виновника». По прошенью своей младшей дочери исполнилъ салтанъ. Отправилась она къ тѣмъ же шатрамъ ночь ночевать. Выскочилъ тутъ младъ Балдакъ, сынъ Борисевичъ, изъ своего шатра, беретъ салтанову дочь за бѣлыя руки и ведетъ къ себѣ; а своимъ мѣлодцамъ вскричалъ громкимъ голосомъ: «Берите-ка, ребята, красныхъ дѣвицъ по рукамъ да ведите по своимъ шатрамъ». Переночевали ту ночь, и пошли дѣвицы на утро домой. Посылаетъ салтанъ за добрыми мѣлодцами своего любимаго пашу.

Идетъ посолъ къ бѣлымъ полотнянымъ шатрамъ, зазываетъ млада Балдака съ товарищи въ палаты къ самому салтану турецкому. «Ступай назадъ, а мы за тобой скоро будемъ!» Возговорить младъ Балдакъ, сынъ Борисевичъ, своимъ товарищамъ: «Ну, ребяташки! смотрите, нѣтъ ли на мнѣ какой знѣчки?» Вездѣ высмотрѣли, вездѣ выглядѣли — не могли найти. «Ахъ братцы, видно я теперь погибъ!» и сталъ младъ Балдакъ просить, чтобъ сослужили ему службу послѣднюю; раздавалъ имъ по вострой саблѣ и велѣлъ держать подъ одѣжею: «А какъ знакъ подамъ — руби во всѣ стороны!» Какъ скоро пришли они предъ салтана турецкаго, выступила его меньшая дочь, указала на млада Балдака: «Вотъ онъ виновникъ-то! Есть у него подъ пятой золотая звѣзда». И по тѣмъ рѣчамъ означилась у него подъ пятой золотая звѣзда. Высылалъ салтанъ турецкой изъ своихъ палатъ всѣхъ двадцать девять мѣлодцевъ; оставлялъ одного виновника — млада Балдака, сына Борисевича, закричалъ на него громкимъ, зычнымъ голосомъ: «Какъ возьму тебя, на одну ладонь посажу, да другой прихлопну — только мокренько будетъ!» Отвѣчаетъ ему младъ Балдакъ: «Гой еси, турецкой салтанъ! боялись тебя царицаревичи, короли-королевичи и сильномогучіе богатыри, а я, семилѣтній мальчишка, тебя не боюсь: увелъ у тебя коня златогриваго, вышничка багроваго, убилъ котабахаря, тебѣ салтану въ глаза наплевалъ, а еще порубилъ-повыжегъ твой любимой садъ!» Осерчалъ салтанъ больше прежняго, приказалъ своимъ служителямъ, чтобъ поставили на площади два столба дубовые, перекладину кленовую, а на той перекладинѣ три петли сготовили: первую шелковую, другую пеньковую, третью лычаную, и давалъ знать по всему городу, чтобы всѣ отъ малаго до великаго собирались на площадь смотрѣть, какъ будутъ казнить русскаго виновника. Самъ сал-

танъ турецкой сажился въ легкую повозку, бралъ съ собою любимаго пашу и меньшую дочь, что открыла виновника; а млада Балдака связали, сковали, у ногъ посадили, и поѣхали прямо къ дубовымъ столбамъ. Вотъ дорогою завѣлъ младъ Балдакъ таковыя рѣчи: «Стану я загадки загадывать, а ты, салтанъ турецкой, отгадывай. Добро конь идетъ, на что хвостъ волочется?» — «Не дуракъ ли ты? отвѣчалъ салтанъ: конь съ хвостомъ и на свѣтъ родится». Немного проѣхали, говорить опять Балдакъ: «Переднія колеса конь везетъ, а заднія почто чортъ несетъ?» — «Вотъ дуракъ! наготово до смерти съ ума сошелъ, въ словахъ замирается! Мастеръ четыре колеса сдѣлалъ — четыре и катятся». Приѣхали на площадь и вышли изъ повозки вонъ; взяли виновнаго, развязали, расковали, повели на висѣлицу. Младъ Балдакъ, сынъ Борисевичъ, перекрестился, на всѣ стороны поклонился, и возговорилъ громкимъ голосомъ: «Гой еси, турецкой салтанъ! не прикажи казнить, прикажи слово вымолвить». — «Говори, что такое?» — «Есть у меня батюшкино подареньеце, матушкино благословеніе — игральной рожокъ. Прикажи мнѣ при послѣднемъ времени поиграть въ него: себя потѣшить и васъ повеселить!» — «Играй, играй при послѣднемъ времени!» Младъ Балдакъ заигралъ веселую — у всѣхъ разумъ помутился; заглядѣлись на него, заслушались, позабыли — зачѣмъ приѣхали; у салтана языкъ не шевѣлится. Услыхали рожокъ двадцать девять мблодцевъ, зашли съ заднихъ рядовъ, и давай острыми саблями народъ сѣчь. Младъ Балдакъ до тѣхъ поръ игралъ, пока мблодцы, его товарищи, не посѣкли весь народъ, пока не дошли они до самой висѣлицы. Тутъ младъ Балдакъ, сынъ Борисевичъ, покинулъ играть и молвилъ салтану турецкому послѣднее слово: «Не ты ли дуракъ! обернись-ка, назадъ погляди: мои гуси твою пшеницу

ключуть!» Салтанъ турецкой обернулся — весь народъ побить, на землѣ лежить; только и осталось ихъ трое при висѣлицѣ: самъ салтанъ съ дочерью да любимой папа. Младъ Балдакъ приказалъ своимъ мѡлодцамъ повѣситъ салтана въ петлю шелковую, любимаго его пашу въ пенъковую, а меньшую дочь въ лычаную. Тѣмъ дѣло свое покончили и отправились во славной городъ Кіевъ къ самому царю Владиміру.

Записана въ Новгородской губ.

181

Василиса-поповна

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ Василій-попъ. У него была дочь Василиса Васильевна. Одѣвалась она въ мужское платье, ѣздила верхомъ на лошади, стрѣляла изъ ружья, и все дѣлала совсѣмъ не по-дѣвичьи, такъ что очень немногіе знали, что она — дѣвушка, а думали, что она мужчина, и звали ее Василиемъ Васильевичемъ; а больше потому, что Василиса Васильевна была охоча до водки, а это, знашь, дѣвушкамъ совсѣмъ не къ лицу. Вотъ единова царь Бархатъ (такъ звали царя той стороны) поѣхалъ поохотиться за дичинкой, и ему навстрѣчу попалась Василиса Васильевна. Ёхала она верхомъ въ мужской одѣжѣ тоже за охотой. Царь Бархатъ, увидавъ ее, спрашиваетъ у своихъ слугъ: «Кто это такой молодой человекъ?» Одинъ слуга ему и отвѣчаетъ: «Это вѣдь, царь, не мужчина, а дѣвушка; мнѣ довѣдомо извѣстно, что это дочь попа Василя и что зовутъ ее Василисой Васильевной».

Лишь только царь Бархатъ воротился до двора, тотчасъ написалъ къ попу Василю грамотку, чтобы онъ своего сына Василя Васильевича отпустилъ къ нему въ

гости отвѣдать царскаго стола. А между тѣмъ самъ пошелъ къ бабушкѣ-задворинкѣ-ягинишнѣ, и давай ее выпытывать, какъ бы узнать, что Василій Васильевичъ точно дѣвушка. Бабушка-задворинка-ягинишна и говоритъ ему: «Ты по праву-то руку въ палатѣ своей повѣсь пята¹, а по лѣву-то руку ружья; если она точно Василиса Васильевна, то когда взойдетъ въ палату — прежде всего хватится за пята, а если — Василій Васильевичъ, то за оружiя». Царь Бархатъ послушался бабушку-задворинку-ягинишну и велѣлъ своимъ слугамъ поставить въ палату пята и развѣсить ружья. Какъ только грамотка царская дошла до отца Василю, и онъ показалъ ее своей дочери, тотчасъ Василюса Васильевна пошла на конюшій дворъ, осѣдлала для себя коня сиваго, коня сиваго-сивогриваго, и прямо бухъ къ царю Бархату на дворъ. Царь Бархатъ ее встрѣчаетъ; она по-учтивому Богу молится, по-писанному крестъ кладетъ, на всѣ четыре сторонushки поклонъ отдаетъ, съ царемъ Бархатомъ ласково здоровается, и входитъ съ нимъ въ царскiя палаты. Сяли вмѣстѣ за столъ и давай пить питья пьяныя и ѣсть яствы сахарныя. Послѣ обѣда Василюса Васильевна стала съ царемъ Бархатомъ по палатамъ разгуливаться, и какъ только увидала пята, то и учала царя Бархата осужать: «Что это, говоритъ, такое у тебя, царь Бархатъ, за дрянъ? У моего батюшки эдакаго дѣвичья шелепетья и видомъ не видать и слыхомъ не слыхать, а у царя Бархата дѣвичье шелепетье въ палатахъ висится!» Потомъ она съ царемъ Бархатомъ по-учтивому распростилась и поѣхала домой. Царь не могъ извѣдать, что она точно дѣвушка.

Эдакъ дня черезъ два, не больше, царь Бархатъ посылаетъ опять къ попу Василю грамотку и проситъ его отпустить къ нему своего сына Василюа Васильевича.

¹) Пятацы.

Тотчасъ, какъ только Василиса Васильевна услышала объ этомъ, пошла на конюшій дворъ, осѣдлала для себя коня сиваго, коня сиваго-сивогриваго, и пахнула прямо къ царю Бархату на дворъ. Царь Бархатъ ее встрѣчаетъ. Она съ нимъ ласково здоровается, по-учтивому Богу молится, по-писанному крестъ кладетъ, на всѣ четыре сторонушки поклонъ отдаетъ. Царь Бархатъ, по наказу бабушки-задворинки-ягинишни, велѣлъ къ ужину сварить кашу и начинить ее жемчугомъ; вишь бабушка-то сказала ему, что если она точно Василиса Васильевна, то жемчугъ будетъ въ горсточку класть, а если — Василій Васильевичъ, то подъ столъ кидать. Вотъ подошло время и ужинать. Царь сѣлъ за столъ, а Василису Васильевну посадилъ по праву руку, и стали они пить питья пьяныя и ѣсть яствы сахарныя. Послѣ всего подали кашу, и какъ только Василиса Васильевна ее хлебнула и попалась ей жемчужина, она швыркъ ее подъ столъ вмѣстѣ съ кашею, и учала царя Бархата осуждать: «Что это, говорить, за дрянъ такая въ кашѣ накладка? у моего батюшки эдакаго дѣвичья шелепетья и видомъ не видать и слыхомъ не слыхать, а у царя Бархата дѣвичье шелепетье въ кушанье кладутъ!» Потомъ она съ царемъ Бархатомъ по-учтивому распростилась и поѣхала домой. Царь опять не могъ извѣдать, что она точно дѣвушка; а вить это больно ему хотѣлось.

Дня черезъ два царь Бархатъ, по наказу бабушки-задворинки-ягинишни, велѣлъ истопить баню; вишь бабушка-то сказала ему, что если она точно Василиса Васильевна, то въ баню вмѣстѣ съ царемъ не пойдетъ. Истопили баню.

Опять царь Бархатъ пишитъ къ попу Василю граматку, чтобы онъ своего сына Василя Васильевича въ гости къ нему отпустилъ. Какъ только Василиса Васильевна узнала объ этомъ, тотчасъ пошла на конюшій

дворъ, осѣдлала своего коня сиваго, коня сиваго-сиво-гриваго, и прямо бухнула къ царю Бархату на дворъ. Царь ее встрѣчаетъ на парадномъ крыльчикѣ. Она съ нимъ ласково здоровается и входитъ по бархатному коврику въ палаты: взошедъ въ оныя, по-учтивому Богу помолилась, по-писанному перекрестилась, на всѣ четыре сторонушки низехонько поклонилась; сяла съ царемъ Бархатомъ за столъ, и стала съ нимъ пить питья пьяныя и ѣсть яствы сахарныя. Послѣ обѣда царь и говорить: «Не въ угоду ли, Василій Васильевичъ, со мной въ баньку сходить?» — «Извольте, ваше царское величество! отвѣчаетъ Василиса Васильевна: я давнымъ-давно въ банѣ не бывалъ, и больно охочъ париться». Вотъ они и пошли вмѣстѣ въ баню. Покѣлесь царь Бархатъ разоблакался въ передбанкѣ, она въ ту пору успѣла искупаться, да и была такова! Царь не могъ и въ банѣ ее захватить. Василиса Васильевна, вышедъ изъ бани, писала межъ тѣмъ къ царю писульку и велѣла слугамъ отдать ему, когда онъ самъ выйдетъ изъ бани. А въ этой писулкѣ было написано: «Ахъ ты — ворона, ворона, царь Бархатъ! не умѣла ты, ворона, сокола въ саду соимать! а я вѣдь не Василій Васильевичъ, а Василиса Васильевна». Вотъ нашъ царь Бархатъ и остался на бобахъ¹: вишь какая Василиса-то Васильевна была мудрая, да и лѣпообразная!

Записана штатнымъ смотрителемъ Ирбитскаго уѣзднаго училища
Н. Тихановымъ.

Про Мамая-безбожнаго

На Русѣ было на православной княжилъ князь тутъ Дмитрій Ивановичъ. Засылалъ онъ съ даньей русскаго

¹) Въ рукописи г. Тиханова: «И остался на бобахъ, на голубыхъ чекахъ».

посла Захарья Тютрина къ Мамаю-безбожному, псу смердящему. Прѣвѣтся путемъ-дорѣгой русской посолъ Захарій Тютринъ; пришелъ онъ къ Мамаю-безбожному, псу смердящему: «Давай-примай, говорить, дань отъ русскаго князя Дмитрія Ивановича!» Отвѣчаетъ Мамай-безбожный: «Покѣль не омоешь ногъ моихъ и не поцѣлуешь бахиль¹, не приму я дани князя Дмитрія Ивановича». Взадъ² отвѣчаетъ русской посолъ Захарко Тютринъ: «Чѣмъ бы съ дороги мѣлодца напоить-накормить, въ банѣ выпарить, втѣпоръ вѣстей попросить, а ты, Мамай-безбожный, песь смердящій! (за эвти-то слова раздуѣ твою утробу, толще угольной ямы!) того-пѣрво велишь мыть твои басурманскія ноги и цѣловать бахилы; не слѣдъ мыть ноги и цѣловать бахиль русскому послу Захарью Тютрину! Пусть поганой татаринъ, Мамай-безбожный, буде есть вѣра, цѣлуешь ноги русскаго посла Захарья Тютрина!» Разъярился собака-татаринъ, рвалъ свои чѣрныя кудри, металъ ихъ нѣземь — по застолю, княжескія бумаги прѣдралъ, и писалъ свои ярлыки скорописчатые: «Когда будетъ овесъ кудрявъ, баранъ мохнатъ, у коня подъ копытомъ трава и вода, втѣпоръ Мамай-безбожный будетъ съ святой Русью воевать: втѣпоръ мнѣ ни воды, ни хлѣба не надо!» Набралъ онъ изъ татаръ сильныхъ, могучихъ богатырей тридцать человекъ безъ одного, посылаетъ ихъ на нечестное побоище: «Пошли, говорить, слуги мои вѣрныя! попервѣе русскаго посла Захарья Тютрина; дорѣгой уходите его въ темныхъ лѣсахъ, въ крутыхъ угорахъ, а тѣло вздымите на лѣсѣну въ откормку птицамъ». Прѣвѣтся путемъ-дорѣгой русской посолъ Захарій Тютринъ; пристигла его темна ночь на бору: не оснащается ночевать — одно идетъ впередъ.

¹) Обувь, сапоги.

²) Наоборотъ.

Поутру, на восхожемъ солнущѣ, видитъ русской посолъ Захарій Тютринъ: выходятъ изъ лѣсу тридцать безъ одного сильныхъ, могучихъ богатырей. Не уробилъ Захарій Тютринъ поганныхъ татаровей, захватилъ обѣручъ корзоватую¹ уразину² и ждетъ незваныхъ гостей. Ударили татаровья на Захарья Тютрина, поставили на округ³ добраго мѣлодца. Учалъ Захарко поворачиваться, учалъ онъ уразиной гостей чествовать: кого разъ ударить — грязьей сдѣлаеть. Невмоготу стало поганымъ татаровьямъ супротивничать русскому послу Захарью Тютрину, учили они конаться⁴ ему хорошими рѣчми: «Отпусти ты насъ живьемъ, русской посолъ Захарій Тютринъ; не посмѣемъ больше перечить тебѣ!» Глядитъ Захарко на сильныхъ, могучихъ богатырей: изъ тридцати головъ безъ одной остались живы только пять головъ, да и тѣ уразиной испроломаны, кушаками головы завязаны; сжалѣлся онъ надъ погаными нехристями, отпустилъ ихъ къ Мамаю-безбожному: «Правьтесь, говорить, скажите, каково обидѣтъ русскаго посла Захарья Тютрина». Ударилъ онъ своего добраго коня по крутымъ бедрамъ: конь по первый ускѣкъ сдѣлалъ сто саженей печатныхъ, вторымъ ускокомъ версту промежъ ногами проложилъ, третьяго ускока на землѣ опятнать не могли⁵. Сmekнулъ дѣло путемъ-дорогой русской посолъ Захарій Тютринъ: наемалъ⁶ онъ

¹) Корявую.

²) Дубину.

³) Поставить на округъ — окружить, обставить кого со всѣхъ сторонъ, лишить средствъ къ побѣгу; такъ говорятъ: «Мы двоима съ собакой поставили медвѣдя на округъ», т.-е. съ одной стороны охотникъ, а съ прочихъ собака не позволяли звѣрю выйти изъ извѣстнаго круга.

⁴) Просить, умолять.

⁵) Опятнать значить, собственно, найти сбѣжавшаго коня по его слѣду на землѣ; въ настоящемъ же случаѣ опятнать — допрашивать, найти на землѣ слѣды копытъ.

⁶) Наловилъ.

двѣнадцать ясныхъ соколовъ да тринадцать бѣлыхъ кречетовъ; перѣве того испридраль¹ ярлыки Мамая поганого, и писалъ свои листы скорописчаты; написавши, привязалъ къ птичьимъ хвостамъ и промолвилъ: «Ясные соколы и бѣлые кречеты! полетите вы ко князю ко Дмитрію Ивановичу въ каменну Москву, накажите, чтобъ Задонской князь Дмитрій Ивановичъ собиралъ по городамъ и селамъ и по дальнимъ деревнямъ рать-силу несмѣтну; оставлялъ бы по домамъ только слѣпыхъ да хромыхъ, да малыхъ ребятъ-недоростковъ — ихъ печаловать. А я пойду, накажите, въ свое мѣсто, стану собирать мохначей, бородачей — донскихъ казаковъ».

Поутру было, на восхожемъ на солнушкѣ, пошли мѣрока² по ясну небу, понесли съ собой частый, мелкій дождь со буйнымъ вѣтромъ со вихоремъ. Во шуму, во грому ничего ни чуть³ стало, только чуть громкой зыкъ отъ терема княжескаго; Задонской князь Дмитрій Ивановичъ наказалъ кличь кликать по всей Москвѣ бѣлокаменной: «Собирайтесь всѣ князья и бояра и сильные, могучіе богатыри и всѣ поленицы удалыя ко князю во свѣтлый теремъ на трапезу». Собирались со всѣхъ концовъ Москвы бѣлокаменной всѣ князи и бояра, сильные, могучіе богатыри и всѣ поленицы удалыя ко князю во свѣтлый теремъ на трапезу — послушать его разумныхъ рѣчей, а и того пуще — посмотреть его очи ясныя. Какъ матѣрый дубъ промежъ тонкими кустами вересовыми⁴, что вершиною въ небо ввивается — значить великой князь промежъ своими князьями и боярами. Не золота трубочка вострубила, Задонской князь Дмитрій Ивановичъ сталъ рѣчь держать: «Воины мои любимые! не на

¹) Разодралъ.

²) Облака, тучи.

³) Не слышно.

⁴) Вересь — можжевельникъ.

попойку призывалъ я васъ, не на радостный пиръ вы ко мнѣ собиравлися; собиралися вы ко мнѣ за печальной вѣсточкой: Мамай-безбожный, песь смердящій, со всѣма своимъ ордами некрещеными, идетъ святую Русь воевать; будетъ намъ отъ Мамаея-собаки пить горькая чаша! Пойдемте, мои любимые воины, къ окіанъ-морю, изладимъ легкіе струги и побѣжимъ мы изъ окіанъ-моря въ море Хвалынское къ Соловецкимъ чудотворцамъ: запрѣмся тамъ — и нечего съ насъ будетъ взять Мамаю-безбожному, псу смердящему; въ другую сторону¹ онъ насъ полонить, очи выкопаетъ и злой смерти предастъ». Отвѣчаютъ князи и бояра, буйны головы понутивши: «Задонской князь Дмитрій Ивановичъ! одно солнушко катится по небу — одинъ князь княжить надъ Русью православною; не перечить мы пришли твоему слову крѣпкому; поизволь насъ заставить рѣчь-отвѣтъ держать, какъ надать ладить съ Мамаемъ-безбожнымъ, псомъ смердящимъ. Задонской князь Дмитрій Ивановичъ! пойдемъ мы къ окіанъ-морю, прирубимъ легкіе струги, скалѣпки² смечемъ въ окіанъ-море, сами соберемъ рать-силу великую, и будемъ драться съ Мамаемъ-безбожнымъ, псомъ смердящимъ, до послѣдней капли крови — и будетъ на Мамаея-безбожнаго побѣда!» — «Что за слыхъ, что за громъ грянулъ по трапезѣ?» говоритъ Задонской князь Дмитрій Ивановичъ. Отвѣчаетъ каліка перехожа-сумка перемѣтная: «Это, Задонской князь, Дмитрій Ивановичъ, нечистая, непріятная сила (что тебѣ подъ ухо шептала, чтобъ шелъ ты къ окіанъ-морю строить легкіе струги, изъ окіанъ-моря въ море Хвалынское), когда ты Бога прославилъ, изъ терема побѣждала».

Задонской князь Дмитрій Ивановичъ чинилъ крѣпкіе наказы, чтобъ собирали рать-силу несмѣтную по горо-

¹) Иначе, въ противномъ случаѣ.

²) Отруби, щепки.

дамъ съ пригородками, по сёламъ съ присёлками и по всѣмъ дальнимъ печищамъ¹, оставляли бѣ дома только слѣпыхъ да хромыхъ, да малыхъ ребятъ-недоростковъ имъ въ печальники. Собрали со всѣхъ концовъ Руси православной рать-силу великую, утвердили силу по-за Москвѣ бѣлокаменной, расклали силу по жеребьямъ: Семену Тупику, Ивану Квашнину, русскому послу Захарью Тютрину и семи братьямъ Бѣлозерцамъ. Пошла сила на поле на Куликово, Москвы не хватаячи. На полѣ на Куликовѣ учили думу думать, какъ надо силу смѣтитъ? Русской посолъ Захарій Тютринъ сядилъ на своего добраго коня, объѣзжалъ округъ силы три дня и три часа — не могъ силы смѣтитъ: на сколько верстъ стоять? Задонской князь Дмитрій Ивановичъ проговорилъ таково слово: разойтись силѣ по чисту полю и взять силѣ по камушку, по злаченной пуговкѣ, и приказалъ дубы замѣтывать тѣма камушками. Заметала сила семь дубовъ: съ комля² и до вершины дубовъ не видно! Раздѣлили ту силу несмѣтную на три полка: первой полкъ взялъ Задонской князь Дмитрій Ивановичъ, другой — русской посолъ Захарій Тютринъ, третій полкъ взяли: Семень Тупикъ, Иванъ Квашнинъ и семь братьевъ Бѣлозерцевъ. Учили они кидать жеребьи: кому первому на татаровой поганыхъ идти? Первый жребій выпалъ русскому послу Захарью Тютрину, съ мохначами, бородачами — донскими казаками; другой — Семену Тупику, Ивану Квашнину и семи братьямъ Бѣлозерцамъ; третій жребій выпалъ Задонскому князю Дмитрію Ивановичу.

Вѣпоръ слышалъ шведской король про великое побоище, набралъ силы сорокъ тысячъ: «Подите, воины

¹) Крестьяне Шенкурскаго уѣзда, живущіе по рѣкамъ Сюмѣ и Нелингѣ, называютъ всякую деревню *печищемъ*: печище Маслово, печище Часовинское, печище Подволочское и др.

²) Комель — корень.

мои любимые, на поле на Куликово, Москвы не хватяючи; станьте, мои воины, на бугры на высокіе: станетъ Задонской князь Дмитрій Ивановичъ побивать Мамай-безбожнаго — по Дмитрію Ивановичу пристаньте; буде Мамай-безбожный будетъ побивать Дмитрія Ивановича — по Мамаю пристаньте». Лукавъ былъ шведской король, велѣлъ по правой силѣ приставать! Турецкой король слышалъ про великое побоище, приказалъ набрать силы сорокъ тысячъ, и посылалъ ихъ на поле на Куликово — самъ наказывалъ: «Воины мои любимые! какую силу побивать будутъ, по той пристаньте». Простъ былъ турецкой король, по виноватой силѣ велѣлъ приставать!

Засряжалась рать-сила могучая на полѣ на Куликовѣ на кровавое побоище: передъ держалъ русской по-солъ Захарій Тютринъ съ мохначами, бородачами — донскими казаками. Палась имъ встрѣту сила Мамай-безбожнаго: когда сила съ силою сходилась, мать-сыра земля подгибалась, вода подступалась. Втрѣпоръ выскочилъ изъ земли Кроволинъ-татаринъ — вышина семь сажень; скрычалъ татаринъ зычнымъ голосомъ: «Задонской князь Дмитрій Ивановичъ! давай мнѣ-ка поединщика; буде не поставишь мнѣ поединщика, я твою силу одинъ побью-вырублю, грязьѣй сдѣлаю!» Говорить Задонской князь Дмитрій Ивановичъ: «Не на кого мнѣ-ка надѣяться; самому пришлось идти супротивникомъ-поединщикомъ на Кроволина-татарина!» Оболокѣетъ онъ свои латы крѣпкія, застегаетъ пуговицы воальянскія, обсѣдлали ему добра коня во сѣдло черкасское, беретъ онъ съ собой палицу боевую, поѣзжаетъ къ Кроволину-татарину. Палъ ему встрѣту незнамый воинъ: «Осади лошадь, Задонской князь Дмитрій Ивановичъ! пойду я на Кроволина-татарина, отрублю ему по плечъ басурманскую голову!» Сѣдлавъ онъ своего

добраго коня, подтягивалъ двѣнадцатима подпруга шелковымъ не ради басы, ради крѣпости. «Обороню я тебя, Задонской князь Дмитрій Ивановичъ, отъ первыя смерти! Буде я побью Кроволина-татарина, то бейся и дерись ты съ оканнымъ врагомъ, съ Мамаемъ-безбожнымъ, псомъ смердящимъ, до послѣдней капли крови: и будетъ на Мама-безбожнаго побѣда!» Задонской князь Дмитрій Ивановичъ съ незнамымъ воиномъ обмѣнялись конями, простились, и благословилъ его князь Дмитрій Ивановичъ на дѣло великое, на побоище смертное. Съѣхались два сильные, могучіе богатыря на чистомъ полѣ на Куликовѣ въ бою-дракѣ перевѣдаться. Палицами ударились — палицы по чѣвья поломались; копьями соткнулись — копья извернулись; саблями махнулись — сабли исцербились; скакали они со добрыхъ коней и бились они рукопашнымъ боѣмъ, и бились они три дня, и три ночи, три часа не пиваючи, бились не ѣдаючи; на четвертой день оба тутъ и упокоились. И учалъ князь Дмитрій Ивановичъ досматривать: незнамый воинъ правую руку на тулово¹. Кроволина-татарина накинулъ. Князь своего воина срядилъ, похоронилъ, надъ нимъ крѣсть поставилъ и вызолотилъ.

У Мама-безбожнаго, пса смердящаго, выскочилъ изъ земли другой воинъ, и звопилъ своимъ зычнымъ голосомъ: «Задонской князь Дмитрій Ивановичъ! подавай мнѣ-ка супротивника: въ другую сторону я твою силу побью, и тебѣ, князю, глаза выкопаю — свѣтъ отниму!» Понурилъ буйну голову Задонской князь Дмитрій Ивановичъ: «Не на кого мнѣ-ка надѣяться, самому пришлось идти на Кроволина-татарина». Садился онъ на своего добраго коня, поѣзжалъ на Кроволина-татарина. Палъ ему встрѣту другой воинъ: «Осади лошадь, Задонской князь Дмитрій Ивановичъ! избавлю я тебя отъ

¹) Туловище.

скорыя смерти. Буде я побью собаку-татарина, бейся и дерись съ Мамаемъ-безбожнымъ, псомъ смердящимъ, до послѣдней капли крови: и будетъ на Мама-безбожнаго побѣда! А буде Квашнинѣкъ-богатырѣкъ побьетъ меня, садись на моего добраго коня: увезетъ онъ тебя отъ смерти отъ скорыя». Князь Дмитрій Ивановичъ и незнамый воинъ обмѣнялись конями, простились, и благословилъ его Дмитрій Ивановичъ на дѣло великое, а побоище смертное. Съѣхались два сильные, могучіе богатыря на чистомъ полѣ на Куликовѣ въ бою-драгѣ перевѣдаться. Впервые палицами они ударились — палицы по чивья поломались, копьями кололись — копы извернулись, острыми саблями рубились — сабли исцербились; скочили они со добрыхъ коней, бились-дрались рукопашнымъ боємъ, бились-дрались три дня, три ночи и три часа, не пиваючи, не ѣдаючи и ясныхъ глазъ не смыкаючи; на четвертой день оба тутъ и упокоились. И учалъ князь Дмитрій Ивановичъ досматривать: у воина князева правая полѣ на поганаго татарина накинулась. Князь своего воина честно срядилъ, похоронилъ, и на могилѣ крестъ поставилъ и выволотилъ.

Втѣпорѣ русской посолъ Захарій Тютринъ, съ мохначами, бородачами — донскими казаками, напущался на силу Мама-безбожнаго. Свѣтлый день идетъ ко вечеру, а бой-драка еще не кончилась; когда кончилась драка, учили смѣчать: у кого сколько силы пало? У русскаго посла Захарья Тютрина на одного мохнача, бородача — донскаго казака по двѣ тысячи по двѣсти татаровой выпало. Сталъ попускаться другой полкъ¹ Семена Тупика, Ивана Квашнина и семи братьевъ Бѣлозерцевъ. Красное солнушко изъ-за лѣса привздымается, бой-драка не умаляется; красное солнушко на-

¹) Полкъ.

покатъ пошло, нашу силу побивать стали. Втѣпорѣ сталъ попускаться Задонской князь² Дмитрій-Ивановичъ. Живетъ онъ въ силѣ Мама-безбожнаго, какъ острая коса въ сѣностаѣ¹ въ мягкой травѣ; куда проѣдетъ на конѣ — тамъ улица, поворотится — переулочекъ, оборота на конѣ дастъ — площадью силу сдѣлаетъ. Невмогѹту стало биться Задонскому князю Дмитрію Ивановичу: забрызгалъ онъ свои очи ясныя поганю татарскою кровью, тутъ у него и свѣтъ выбрало — отемнѣлъ. Законѣлся² онъ своему коню доброму: «Увези ты меня, конь, отъ скорыя смерти!» Билъ онъ коня по крутымъ бедрамъ; подымался конь — только топъ стойтъ! Привозилъ его конь въ поле чистое къ кудрявой березѣ, а опричь тоѣ кудрявой березы на полѣ нѣтъ ни лѣсинки. Слѣзалъ онъ со добра коня: «Побѣгай, мой добрый конь, въ чистыя поля, въ широкіе луга, ѣшь шелкову траву, пей свѣжую воду; не достанься, мой добрый конь, поганому Мамаю-безбожному, псу смердящему». Сѣлъ Задонской князь Дмитрій Ивановичъ на кудрявую березу. Летитъ по небу черезъ поле чистое стадо бѣлыхъ лебедей. Поглядѣлъ на стадо Дмитрій Ивановичъ, самъ прогдворилъ: «За грѣхи мои окаенные попускаетъ Господь Богъ на землю русскую Мама-безбожнаго; не по насъ птицы летятъ: будетъ на Русь православленную побѣда!» Обсидѣлся Задонской князь Дмитрій Ивановичъ; мало — бѣжить по чисту полю стадо сѣрыхъ волковъ. «Господи, истинный Христе! смилуйся надъ Русью православною, не отдай насъ въ лихо къ некрещеному поганому татарину; не по насъ звѣри бѣжатъ: пить намъ отъ Мама-безбожнаго, пса смердящаго, горькая чаша!» Заспалъ Задонской князь Дмитрій Ивановичъ на кудрявой березѣ.

¹) Въ сѣнокосную пору.

²) Замолился.

Втѣпорѣ сила Мамая-бозбожнаго, пса смердящаго, нашу силу побивать стала. Русской посолъ Захарій Тютринъ съ мохначами, бородачами — донскими казаками, Семенъ Тупикъ, Иванъ Квашнинъ и семь братьевъ Бѣлозерцевъ и вся Дмитрія Ивановича сила-рать могучая Господу Богу возмѣлились: «Господи Иисусе, истинный Христосъ, Донъ-Мать Пресвятая Богородица! не попустите некрещеному татарину наругаться надъ храмами вашими пречистыми, пошлите намъ заступника Георгія Храбраго». Изъ-за тѣхъ ли темныхъ лѣсовъ, зеленыхъ дубравъ выѣзжаетъ сильное воинство; ударилось оно на силу Мамая-безбожнаго. Побѣждали поганые татары по чисту полю, прибѣгали поганые татары въ зыбкую брду¹, въ этой ордѣ поганые татары и животъ скончали.

Схватила рать-сила могучая Задонскаго князя Дмитрія Ивановича. Русской посолъ Захарій Тютринъ, Семенъ Тупикъ, Иванъ Квашнинъ и семь братьевъ Бѣлозерцевъ учили силу спрашивать: не помѣтилъ ли кто пути-дороги Задонскаго князя Дмитрія Ивановича? Молчить рать-сила могучая; ни отъ кого отвѣта нѣтъ. Русской посолъ Захарій Тютринъ, Семенъ Тупикъ, Иванъ Квашнинъ и семь братьевъ Бѣлозерцевъ понурили свои буйны головы; положили они на скопѣ²: погибъ Задонской князь Дмитрій Ивановичъ въ бою-дракѣ отъ поганыхъ татаровей. Взадъ пошла рать-сила могучая по чистому полю. Увидѣлъ русской посолъ Захарій Тютринъ въ чистомъ полѣ кудрявую березу, а на той кудрявой березѣ чернѣзину³; походилъ Захарко на чернѣзину, признавалъ онъ Задонскаго князя Дмитрія

¹) Орда у крестьянъ Архангельской губ. — зыбкая тундра, болото, покрытое мохомъ.

²) На общемъ собраніи.

³) Отдаленный предметъ, чернѣющій вдаль.

Ивановича. Въ ноги палъ онъ князю Дмитрію Ивановичу: «Возрадуйся, Задонской князь Дмитрій Ивановичъ! постояли мы за матушку Русь православную, побѣдили Мамая-безбожнаго, пса смердящаго!» Сохдигъ князь Дмитрій Ивановичъ съ кудрявыя березы; на востокъ онъ три раза зѣмно кланяется. Настигали они рать-силу могучую, находили въ томъ радость-веселіе. Записана въ Архангельской губ., Шенкурскомъ у., г. А. Харитоновымъ.

183

Сказаніе объ Александрѣ Македонскомъ

Жилъ на свѣтѣ царь: имя его было Александръ Македонской. Это было въ старину, давно-давно, такъ что ни дѣды, ни прадѣды, ни прапрадѣды, ни пращуръ наши не запомнятъ. Царь этотъ былъ изъ богатырей богатырь. Никакой силачъ въ свѣтѣ не могъ побѣдить его. Онъ любилъ воевать, и войско у него было все нѣчисто богатыри. На кого ни пойдетъ войною царь Александръ Македонской — все побѣдить. И покорилъ онъ подъ свою власть всѣ царства земныя. И зашелъ онъ на край свѣта и нашелъ такіе народы, что самъ, какъ ни былъ храбръ, ужаснулся ихъ: свирѣпы пуще лютыхъ звѣрей, и ѣдятъ живыхъ людей; у иного изъ нихъ одинъ глазъ — и тотъ во лбу, а у иного три глаза; у иного одна только нога, а у иного три, и бѣгаютъ они такъ быстро, какъ летитъ изъ лука стрѣла. Имя этихъ народовъ было: гоги и магоги. Однакожъ царь Александръ Македонской отъ этихъ дивныхъ народовъ не струсилъ; началъ онъ съ ними воевать. Долго ли, коротко ли онъ съ ними вѣлъ войну — это невѣдомо; только дивніи народы струсили, и пустились отъ него бѣжать. Онъ за ними, гнать-гнать, и загналъ ихъ въ такія трущобы, пропасти и горы, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать. Тамъ-то

они и скрылись отъ царя Александра Македонскаго. Что же сдѣлать съ ними царь Александръ? Онъ свѣлъ надъ ними одну гору съ другою сводомъ, и поставилъ на сводѣ трубы, и ушелъ назадъ въ свою землю. Подуютъ вѣтры въ трубы, и подыметъ страшный вой; они, сидя тамъ, кричатъ: «О, видно еще живъ Александръ Македонской!» Эти гоги и магоги до сихъ поръ еще живы и трепещутъ Александра, а выйдутъ оттудова передъ самою кончиною свѣта.

Записана въ Саратовской г. А. Леопольдовымъ.

184

Шемякинъ судъ

Въ нѣкоторыхъ палестинахъ два брата живяше: одинъ богатый, а другой — убогій. Прииде убогій братъ къ богатому лошади просити, на чемъ бы ему въ лѣсъ по дрова съѣздить. Богатый даде ему лошадь. Убогій же нача и хомута прошати; богатый же вознегодовалъ на брата и не даде ему хомута. Убогій же братъ умысли себѣ привязать дровни лошади за хвостъ и поѣхалъ въ лѣсъ по дрова, и насѣкъ возъ великъ, елико сила лошади можетъ вести, и приѣхалъ ко двору своему, и отворилъ ворота, а подворотню забылъ выставить. Лошадь же бросилась чрезъ подворотню и оторвала у себя хвостъ. Братъ же убогій къ богатому приведе лошадь безъ хвоста; богатый же виде лошадь безъ хвоста, не принялъ у него лошади и поиде на убогаго бити челомъ къ Шемякѣ-судѣ. Убогій, вѣдая, что пришла бѣда его — будетъ по него посылка, а у голаго давно смѣчено, что хоженаго дать будетъ нечего, поиде вслѣдъ брата своего.

И приидоша оба брата къ богатому мужику на ночлегъ. Мужикъ нача съ богатымъ братомъ пити и ясти и веселиться, а убогаго пригласить не хотяху къ себѣ.

Убогій же вниде на полати, поглядывая на нихъ, и внезапно упалъ съ полатей и задавилъ ребѣнка въ люлькѣ до смерти. Мужикъ же поиде къ Шемякѣ-судьѣ на убогаго бити челомъ.

Идущимъ имъ ко граду купно (богатый братъ и оной мужикъ, убогій же за ними идяше), прилучися имъ идти высокимъ мостомъ. Убогій разумѣ, что не быть ему живому отъ судьи Шемяки и бросился съ мосту: хотѣлъ ушибиться до смерти. Подъ мостомъ сынъ вѣзъ отца хвораго въ баню, и онъ попалъ къ нему въ сани и задавилъ его до смерти. Сынъ же поиде бити челомъ къ судьѣ Шемякѣ, что отца его ушибъ.

Богатый братъ прииде къ Шемякѣ-судьѣ бити челомъ на брата, како у лошади хвостъ выдернулъ. Убогій же подня камень и завязалъ въ платъ, и кажетъ позади брата, и то помышляетъ: аще судья не по мнѣ станеть судить, то я его ушибу до смерти. Судья же, чая — сто рублевъ даетъ отъ дѣла, приказалъ богатому отдать лошадь убогому, пока у нея хвостъ вырастетъ.

Потомъ прииде мужикъ, подаде челобитну въ убійствѣ младенца и нача бити челомъ. Убогій вынувъ тотъ же камень и показа судьѣ позади мужика. Судья же, чая — другое сто рублевъ даетъ отъ другого дѣла, приказалъ мужику отдать убогому жену по тѣхъ мѣстъ, пока у ней робѣнокъ родится: «И ты втѣпоры возьми къ себѣ жену и съ ребенкомъ назадъ».

Прииде сынъ объ отцѣ бити челомъ, како задавилъ отца его до смерти, и подаде челобитну на убогаго. Убогій же, вынувъ тотъ же камень, кажетъ судьѣ. Судья, чая — сто рублевъ даетъ отъ дѣла, приказалъ сыну стать на мосту: «А ты, убогій, стань подъ мостомъ, и ты, сынъ, также соскочи съ мѣсту на убогаго и задави его до смерти».

Судья Шемяка выслалъ слугу къ убогому просать денегъ триста рублевъ. Убогій же показа камень и рече:

«Аще бы судья не по мнѣ судилъ, и я хотѣлъ его ушибить до смерти». Слуга же прииде къ судѣ и сказа про убогаго: «Аще бы ты не по немъ судилъ, и онъ хотѣлъ тебя этимъ камнемъ ушибить до смерти». Судья нача креститися: «Слава Богу, что я по немъ судилъ!»

Прииде убогій братъ къ богатому по судейскому приказу лошади прошаты безъ хвоста, пока у ней хвостъ вырастетъ. Богатый же не восхотѣ лошади дати, даде ему денегъ пять рублевъ, да три четверти хлѣба, да козу дойную, и помирися съ нимъ вѣчно.

Прииде убогій братъ къ мужику и нача по судейскому приказу жену прошати по тѣхъ мѣстъ, пока робѣнокъ родится. Мужикъ же нача съ убогимъ миритися и даде убогому пятьдесятъ рублевъ, да корову съ телѣнкомъ, да кобылу съ жеребенкомъ, да четыре четверти хлѣба, и помирися съ нимъ вѣчно.

Прииде убогій къ сыну за отцово убійство и нача ему говорить, что по судейскому приказу тебѣ стать на мосту, а мнѣ подъ мостомъ, и ты бросайся на меня и задави меня до смерти. Сынъ же нача помышляти себѣ: «Какъ скочу съ мосту, его не задавишь, а самъ ушибуся до смерти!» и нача съ убогимъ миритися, даде ему денегъ двѣсти рублевъ, да лошадь, да пять четвертей хлѣба — и помирися съ нимъ вѣчно.

Напечатана съ лубочнаго изданія.

185

Загадки

(а) Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ старикъ; у него былъ сынъ. Ъздили они по селамъ, по городамъ, да торговали помаленьку. Разъ поѣхалъ сынъ въ окольные деревни торгъ вести. Ъхалъ долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, приѣхалъ къ избушкѣ и попросилея ночь ночевать.

«Милости просимъ! отвѣчала старуха: только съ тѣмъ уговоромъ, чтобъ ты загадалъ мнѣ загадку неразгаданную». — «Хорошо, бабушка!» Вошелъ въ избушку; она его накормила-напоила, въ банѣ выпарила, на постель положила, а сама сѣла возлѣ и велѣла задавать загадку. «Погоди, бабушка; дай подумаю!» Пока купецъ думалъ, старуха уснула; онъ отчасъ собрался, и вонъ изъ избушки. Старуха услыхала шумъ, пробудилась — а гостя нѣтъ, выбѣжала на дворъ и подносить ему стаканъ съ пойломъ: «Выней-ка, говорить, посошокъ на дорожку!» Купецъ не сталъ на дорогу пить, вылилъ пойло въ кувшинъ, и съѣхалъ со двора. Ъхалъ-ѣхалъ, и застигла его въ полѣ темная ночь; остановился ночевать, гдѣ Богъ привелъ, подъ открытымъ небомъ. Сталъ онъ думать да гадать, что такое поднесла ему старуха? взялъ кувшинъ, налилъ себѣ на ладонь, съ той ладони помазалъ плеть, а той плетью ударилъ коня: только ударилъ — коня вмигъ разорвало! Поутру налетѣло на падалъ тридцать вѣроновъ; наклевались-наѣлись да тутъ же и переколѣли всѣ. Купецъ собиралъ мертвыхъ вѣроновъ и развѣсилъ по деревьямъ. Въ то самое время ѣхалъ мимо караванъ съ товарами: увидали приказчики птицъ на деревьяхъ, взяли ихъ, снимали, изжарили и съѣли: только съѣли — такъ мертвые и попадали! Купецъ захватилъ караванъ и поѣхалъ домой. Долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли — заѣхалъ опять къ той же старухѣ ночь ночевать. Она его накормила-напоила, въ банѣ выпарила, на постель положила, и велитъ задавать загадку. «Хорошо, бабушка! скажу тебѣ загадку; только уговоръ лучше денегъ: коли отгадаешь — возьми у меня весь караванъ съ товарами, а коли не отгадаешь — заплати мнѣ столько деньгами, сколько стоитъ караванъ съ товарами». Старуха со-

гласилась. «Ну, вотъ тебѣ затадка: изъ стакана въ кувшинъ, изъ кувшина на ладонь, съ ладони на плётку, съ плётки на коня, изъ коня въ тридцать вѣроновъ, изъ вѣроновъ въ тридцать молодцевъ». Старуха маялась-маялась, такъ и не отгадала; дѣлать нечего, пришлось платить денежки. А купецъ воротился домой и съ деньгами, и съ товарами, и сталъ себѣ жить-поживать, добра наживать.

Записана въ Оренбургской губ., Уфимскомъ у.

(b) Близъ большой дороги засѣвалъ мужикъ полянку. На то время ѣхалъ царь, остановился противъ мужика и сказалъ: «Богъ-помощь, мужичокъ!» — «Спасибо, доброй человѣкъ!» (Онъ не зналъ, что это царь.) — «Много ли получаешь съ этой полянки пользы?» спросилъ царь. «Да при хорошемъ урожаѣ рублей съ восемьдесятъ будетъ». — «Куда жъ эти деньги дѣваешь?» — «Двадцать рублей въ подать взношу, двадцать — долгу плачѣ, двадцать — займы даю, да двадцать — за окно кидаю». — «Растолкуй же, братецъ, какой ты долгъ платишь, кому займы даешь и зачѣмъ за окно кидаешь?» — «Долгъ плачѣ — отца содержи, займы даю — сына кормлю, за окно кидаю — дочь питаю». — «Правда твоя!» сказалъ государь; далъ ему горсть серебра, объявилъ себѣ, что онъ царь, и заповѣдалъ безъ его лица никому тѣхъ рѣчей не сказывать: «Кто бы ни спрашивалъ, никому не говори!» Приѣхалъ царь въ свою столицу и созвалъ бояръ да генераловъ: «Разгадайте, говоритъ, мнѣ загадку. Видѣлъ я по дорогѣ мужика — засѣвалъ полянку; спросилъ у него: сколько онъ пользы получаетъ и куда деньги дѣваетъ? Мужичокъ мнѣ отвѣчалъ: при урожаѣ восемьдесятъ рублей получаю; двадцать въ подать взношу, двадцать — долгу плачѣ, двадцать — займы даю, да двадцать — за

окно кидая. Кто изъ васъ разгадаетъ эту загадку, того большихъ наградъ, большихъ почестей удостою». Бояре и генералы думали-думали, не могли разгадать. Вотъ одинъ бояринъ вздумалъ и отправился къ тому мужику, съ которымъ царь разговаривалъ; насыпалъ ему цѣлую груду серебряныхъ рублевинокъ, и просить: «Объясни де, растолкуй царскую загадку!» Мужикъ позарился на деньги, взялъ да объявилъ про все боярину; а бояринъ воротился къ царю и сейчасъ растолковалъ его загадку. Царь видитъ, что мужикъ не сдержалъ заповѣди, приказалъ его передъ себя достать. Мужикъ явился къ царю и съ самаго перва¹ сознался, что это онъ разсказалъ боярину. «Ну, братъ, пеняй на себя, а за такую провинность велю казнить тебя смертію!» — «Ваше величество! я ничѣмъ не виновенъ, потому — боярину разсказалъ я при вашемъ царскомъ лицѣ». Тутъ вынулъ мужикъ изъ кармана серебряный рублевинокъ съ царской персоной² и показалъ государю. «Правда твоя! сказалъ государь: это моя персона». Наградилъ щедро мужика и отпустилъ домой.

Записана въ Архангельской губ.

186

Горшеня

(b) Горшеня ѣдетъ-дремлетъ съ горшками. Догналъ его государь Иванъ Васильевичъ. «Миръ по дорогѣ!» Горшеня оглянулся. «Благодаримъ, просимъ со смиреньемъ». «Знать вздремалъ?» — «Вздремалъ, великій осударь! не бойся того, кто пѣсни поетъ, а бойся того, кто дремлетъ». — «Экой ты смѣлый, горшеня! люблю едакихъ. Ямщикъ! поѣзжай тише. А што, горшенюшка, давно ты этимъ ремесломъ кормишься?» — «Сызмо-

¹) Сначала. ²) Т.-е. портретомъ.

лоду, да вотъ и середовой сталъ». — «Кормишь дѣтей?» — «Кормлю, ваше царское величество! и не пашу, и не кошу, и не жну, и морозомъ не бьетъ». — «Хорошо, горшеня, но все-таки на свѣтѣ не безъ худа». — «Да, ваше царское величество! на свѣтѣ есть три худа». — «А какія три худа, горшенюшка?» — «Первое худо — худой шаберъ¹, а второе худо — худая жена, а третье худо — худой разумъ». — «А скажи мнѣ, которое худо всѣхъ хуже?» — «Отъ худова шабра уйду, отъ худой жены тоже можно, какъ будетъ съ дѣтьми жить; а отъ худова разума не уйдешь — все съ тобой». — «Такъ, вѣрно, горшеня! ты мозголовъ. Слушай! ты для меня — а я для тебя. Прилетятъ гуси съ Руси, перышки оциплешь, а по правильному покинешь!» — «Годится, такъ покину — какъ придетъ! а то и наголо». — «Ну горшеня, стой на часъ! я погляжу твою посуду». Горшеня остановился, началъ раскладывать товаръ. Осударь сталъ глядѣть, и показались ему три тарелочки глиняны. «Ты надѣлаешь мнѣ едакихъ?» — «Сколько угодно вашему царскому величеству?» — «Возовъ десятокъ надо». — «На много ли дашь время?» — «Мѣсяць». — «Можно и въ двѣ недѣли представить, и въ городъ. Я для тебя, ты для меня». — «Спасибо, горшенюшка!» — «А ты, осударь, гдѣ будешь въ то время, какъ я представлю товаръ въ городъ?» — «Буду въ дому у купца въ гостяхъ». Осударь пріѣхалъ въ городъ и приказалъ, чтобы на всѣхъ угощеніяхъ не было посуды ни серебряной, ни оловянной, ни мѣдной, ни деревянной, а была бы все глиняная.

Горшеня кончилъ заказъ царской и привезъ товаръ въ городъ. Одинъ бояринъ выѣхалъ на торжище къ горшенѣ и говорить ему: «Богъ за товаромъ, горшеня!» — «Просимъ покорно». — «Продай мнѣ весь товаръ».

¹) Сосѣдъ.

— «Нельзя, по заказу». — «А што тебѣ, — ты бери деньги — не повинять изъ этого, коли не взялъ задатку подъ работу. Ну, што возьмешь?» — «А вотъ што: каждую посудину насыпать полну денегъ». — «Полно, горшенюшка, много!» — «Ну, хорошо, одну насыпать, а двѣ отдать — хочешь?» И сладили. «Ты для меня, а я для тебя». Насыпають да высыпають, сыпали, сыпали; денегъ не стало, а товару еще много. Бояринъ, видя худо, съѣздилъ домой, привезъ еще денегъ. Опять сыплють да сыплють — товару все много. «Какъ быть, горшенюшка?» — «Ну, што ни жадали? Нечего дѣлать, я тебя уважу — только знаешь што? свези меня на себѣ до этого двора, отдамъ и товаръ, и всѣ деньги». Бояринъ мялся, мялся — жалъ и денегъ, жалъ и себя; но дѣлать нечего — сладили. Выпрягли лошадь — сѣлъ мужикъ, повезъ бояринъ: въ спорѣ дѣло. Горшеня запѣлъ пѣсню, бояринъ везетъ да везетъ. «До коихъ же мѣстъ везти тебя?» — «Вотъ до этого двора и до этого дому». Весело поетъ горшеня, противъ дому онъ высоко поднялъ. Осударь услыхалъ, выбѣгъ на крыльцо — призналъ горшеню. «Ба! здравствуй, горшенюшка, съ прїездомъ!» — «Благодарю, ваше царское величество». — «Да на чемъ ты ѣдешь?» — «На худомъ-то разумѣ, осударь». — «Ну мозголовъ, горшеня, умѣлъ товаръ продать; бояринъ скидай строевую одежду и сапоги, а ты, горшеня, кафтанъ и разувай лапти; ты ихъ обувай, бояринъ, а ты, горшеня, надѣвай его строевую одежду. Умѣлъ товаръ продать! немного послужилъ, да много услужилъ — а ты не умѣлъ владѣть боярствомъ. Ну, горшеня, прилетали гуси съ Руси?» — «Прилетали». — «Перышки оципалъ, а по правильному покинулъ?» — «Нѣтъ, наголо, великій осударь, всего оципалъ».

Записана П. М. Языковымъ въ Симбирской губ., со словъ крестьянина села Головина.

Мудрые отвѣты

Служилъ солдатъ въ полку цѣлыя двадцать пять лѣтъ, а царя въ лицо не видалъ. Пришелъ домой; стали его спрашивать про царя, а онъ не знаетъ что и сказать-то. Вотъ и зачали его корить родичи да знакомцы: «Вишь, говорятъ, двадцать пять лѣтъ прослужилъ, а царя въ глаза не видалъ!» Обидно это ему показалось: собрался и пошелъ царя смотрѣть. Пришелъ во дворецъ. Царь спрашиваетъ: «Зачѣмъ, солдатъ?» — «Такъ и такъ, ваше царское величество! служилъ я тебѣ да Богу цѣлыя двадцать пять лѣтъ, а тебя въ лицо не видалъ; пришелъ посмотреть!» — «Ну, смотри». Солдатъ три раза обошелъ кругомъ царя, все оглядывалъ. Царь спрашиваетъ: «Хорошъ ли я!» — «Хорошъ», отвѣчаетъ солдатъ. — «Ну, теперь, служивой, скажи: высоко ли небо отъ земли?» — «Столь высоко, что тамъ стукнетъ, а здѣсь слышно». — «А широка ли земля?» — «Вонъ тамъ солнце всходитъ, а тамъ заходитъ — столь широка!» — «А глубока ли земля?» — «Да былъ у меня дѣдъ, умеръ тому назадъ съ девяносто лѣтъ, зарыли въ землю, съ тѣхъ поръ и домой не бывалъ: вѣрно, глубока!» Потомъ отослалъ царь солдата въ темницу и сказалъ ему: «Не ꙗлошай, служба! я пошлю къ тебѣ тридцать гусей: умѣй по перу выдернуть». — «Ладно!» Призвалъ царь тридцать богатыхъ купцовъ и загадалъ имъ тѣ же загадки, что и солдату загадывалъ; они думали-думали, не смогли отвѣту дать, и велѣлъ ихъ царь посадить за то въ темницу. Спрашиваетъ ихъ солдатъ: «Купцы-молодцы! васъ за что посадили?» — «Да вишь государь насъ допрашивалъ: далеко ли небо отъ земли? и сколь земля широка? и сколь она глубока? а мы — люди тѣмные,

не смогли отвѣту дать». — «Дайте мнѣ каждой по тысячѣ рублей — я вамъ правду скажу». — «Изволь, братъ; только научи». Взялъ съ нихъ солдатъ по тысячѣ и научилъ, какъ отгадать царскія загадки. Дня черезъ два призвалъ царь къ себѣ и купцовъ и солдата; задалъ купцамъ тѣ же самыя загадки, и какъ скоро они отгадали — отпустилъ ихъ по своимъ мѣстамъ. «Ну, служба! сумѣлъ по перу сдѣрнуть?» — «Сумѣлъ, царь-государь, да еще по золотому!» — «А далеко ль тебѣ до дому?» — «Отсюда не видно — далеко, стало быть!» — «Вотъ тебѣ тысяча рублей; ступай съ Богомъ!» Воротился солдатъ домой и зажилъ себѣ привольно, богато.

188

Мудрая дѣва

(б) Ъхали два брата: одинъ бѣдной, другой именитой; у обоихъ по лошади: у бѣднаго кобыла, у именитаго меринъ. Остановились они на ночлегъ рядомъ. У бѣднаго кобыла принесла ночью жеребенка; жеребенокъ подкатился подъ телѣгу богатаго. Будить онъ наутрѣ бѣднаго: «Вставай, братъ! у меня телѣга ночью жеребенка родила». Братъ встаетъ и говоритъ: «Какъ можно, чтобы телѣга жеребенка родила! это моя кобыла принесла». Богатой говоритъ: «Кабы твоя кобыла принесла, жеребенокъ бы подлѣ былъ!» Поспорили они и пошли до начальства; именитой дарить судей деньгами, а бѣдной словами оправдывается. Дошло дѣло до самого царя. Велѣлъ онъ призвать обоихъ братьевъ и загадалъ имъ четыре загадки: «Что всего въ свѣтѣ сильнѣй и быстрѣй? что всего въ свѣтѣ жирнѣе? что всего мягче? и что всего милѣе?» и положилъ имъ сроку три дня: «На четвертой приходите, отвѣтъ дайте!» Богатой подумалъ-подумалъ, вспомнилъ про

свою куму и пошелъ къ ней совѣта просить. Она посадила его за столъ, стала угощать; а сама спрашиваетъ: «Что такъ печаленъ, куманѣкъ?» — «Да загадалъ мнѣ государь четыре загадки, а сроку всего три дня положилъ». — «Что такое? скажи мнѣ». — «А вотъ что, кума: первая загадка — что всего въ свѣтѣ сильнѣй и быстрѣе?» — «Экая загадка! у моего мужа каряя кобыла есть; нѣтъ ея быстрѣе! коли кнутомъ приударить — зайца догонитъ». — «Вторая загадка: что всего въ свѣтѣ жирнѣе?» — «У насъ другой годъ рябой боровъ кормится; такой жирной сталъ, что и на ноги не подымается!» — «Третья загадка: что всего въ свѣтѣ мягче?» — «Извѣстное дѣло — пуховикъ, ужъ мягче не выдумаешь!» — «Четвертая загадка: что всего въ свѣтѣ милѣе?» — «Милѣе всего внучекъ Иванушка!» — «Спасибо тебѣ кума! научила уму-разуму, по вѣкъ не забуду». А бѣдной братъ залился горькими слезами и пошелъ домой; встрѣчаетъ его дочь-семилѣтка (только и семьи было, что дочь одна): «О чемъ ты, батюшка, вздыхаешь да слезы ронишь?» — «Какъ же мнѣ не вздыхать, какъ слезъ не ронить? задалъ мнѣ царь четыре загадки, которыхъ мнѣ и въ жизнь не разгадать». — «Скажи мнѣ: какія загадки?» — «А вотъ какія, дочка: что всего въ свѣтѣ сильнѣй и быстрѣе, что всего жирнѣе, что всего мягче и что всего милѣе?» — «Ступай, батюшка, и скажи царю: сильнѣй и быстрѣй всего вѣтеръ; жирнѣе всего земля: что ни растеть, что ни живетъ — земля питаетъ! Мягче всего рука: на что человѣкъ ни ляжетъ, а всё руку подъ голову кладетъ; а милѣе сна нѣтъ ничего на свѣтѣ!» Пришли къ царю оба брата: и богатой и бѣдной. Выслушалъ ихъ царь, и спрашиваетъ бѣднаго: «Самъ ли ты дошелъ, или кто тебя научилъ?» Отвѣчаетъ бѣдной: «Ваше царское величество! есть у меня дочь-семилѣтка, она меня научила». — «Когда

дочь твоя мудра, вотъ ей ниточка шелковая; пусть къ утру соткѣтъ мнѣ полотенце узорчатое». Мужикъ взялъ шелковую ниточку, приходитъ домой кручинной, печальной: «Бѣда наша! говорить дочери: царь приказалъ изъ этой ниточки соткать полотенце». — «Не кручинься, батюшка!» отвѣчала семилѣтка, отломила прутикъ отъ вѣтника, подаетъ отцу и наказываетъ: «Пойди къ царю, скажи, чтобъ нашелъ такого мастера, которой бы сдѣлалъ изъ этого прутика крѣсны: было бы на чемъ полотенце ткать!» Мужикъ доложилъ про то царю. Царь даетъ ему полтора ста яицъ: «Отдай, говорить, своей дочери: пусть къ завтраму выведетъ мнѣ полтора ста цыплятъ». Воротился мужикъ домой еще кручиннѣе, еще печальнѣе: «Ахъ, дочка! отъ одной бѣды увернешься, другая навяжется!» — «Не кручинься, батюшка!» отвѣчала семилѣтка, попекла яйца и припрятала къ обѣду да къ ужину, а отца посылаетъ къ царю: «Скажи ему, что цыплятамъ на кормъ нужно однодѣнное пшено: въ одинъ бы день было поле вспахано, просо засѣяно, сжато и обмолочено; другого пшена наши цыплята и клевать не стануть!» Царь выслушалъ и говоритъ: «Когда дочь твоя мудра, пусть на утро сама ко мнѣ явится — ни пѣшкомъ, ни на лошади, ни голая, ни одѣтая, ни съ гостинцемъ, ни безъ подарочка». — «Ну, думаетъ мужикъ: такой хитрой задачи и дочь не разрѣшитъ; пришло совсѣмъ пропадать!» — «Не кручинься, батюшка! сказала ему дочь-семилѣтка: ступай къ охотникамъ да купи мнѣ живого зайца да живую перепелку». Отецъ пошелъ и купилъ ей зайца и перепелку. На другой день поутру сбросила семилѣтка всю одѣжу, надѣла на себя сѣтку, въ руки взяла перепелку, сѣла верхомъ на зайца и поѣхала во дворецъ. Царь ее у воротъ встрѣчаетъ. Поклонилась она царю: «Вотъ тебѣ, государь, по-

дарочекъ!» и подаетъ ему перепелку. Царь протянулъ было руку, перепелка порхъ и улетѣла! «Хорошо, говорить царь: какъ приказалъ — такъ и сдѣлала. Скажи мнѣ теперь: вить отецъ твой бѣденъ, такъ чѣмъ вы кормитесь?» — «Отецъ мой на сухомъ берегу рыбу ловить, лоушки въ воду не становить; а я приполомъ рыбу ношу да уху варю». — «Что ты, глупая! когда рыба на сухомъ берегу живетъ? рыба въ водѣ плаваетъ!» — «А ты умёнъ? когда видано, чтобъ телѣга жеребенка принесла? не телѣга, кобыла родить!» Царь присудилъ отдать жеребенка бѣдному мужику, а дочь его взялъ къ себѣ; когда семилѣтка выросла, онъ женился на ней, и стала она царицею.

Записана въ Саратовской губ.

189

Поповъ работникъ

Въ нѣкатарамъ сялѣ попъ нанялъ сабѣ батрака, и паслалъ ягò на сучонкѣ пахать, и далъ яму цѣлую кавригу хлѣба и гутаря¹ яму: «На, батракъ, будь самъ сытъ, и сучонкя щобы была сыта, да щобы и каврига была цала».

Вò батракъ, взявши, паѣхалъ въ пòля, а приѣхавши зачалъ пахать. Вò пахалъ-пахалъ, ужъ время бы, кажись, и червячка замарить²: животики яму такъ и подвяло; да що станяшъ дѣлать съ паповымъ-та приказамъ? Но голадъ ня тётка, уму-разума науча. Вотъ и вздумалъ думу батракъ, кажись бы гожа! ну, быть дѣлу такъ. Взялъ верхнюю скорку съ хлѣбушки тихо-ханькя снялъ, мяконъ всеё навывтаскивалъ, самъ дòсыта паѣлся и сучонкю накармилъ, а скорки апятъ

1) Говорить.

2) Заморить червячка — утопить голодъ.

слажилъ папрежняму; какъ была, да и попахивая сабѣ да вечера, какъ будта ня въ чомъ не былъ, горя мала ямѹ! Вѹ ужъ начало смяркатъся. Онъ и паѣхалъ дамой. Пріяжая, а попъ ягѹ ужъ у варотъ встрѣчая и спрашивая ягѹ: що-моль, батракъ, сытъ? Онъ кажа: «Сытъ». Попъ апать спрашивая: «А сучонка сыта?» Батракъ кажа: «Сыта». Попъ апать гутаря: «А каврига цала?» Батракъ кѹжа: «Цала! нѹ вотъ, батюшка, цалѣхунья». Вѹ какъ разглядѣлъ попъ-атъ да и расмѣялся, и гутаря: «Хитрець ты окаянный! какъ на те пагляжу, изъ тебе прокъ будя. Люблю за абычай и за тваю дагадливість! ухитрился, маладецъ! аставайся у мене, живи; мнѣ такой и надобя». И аставилъ ягѹ у себе; прибавя ящо сверхъ дагаворнай цѣны за то, що парень-та папался ему ухарскай и разухабистай да больна да гадливый. Тутъ-то батраку пашло житьѣ, що твоя маслина, и умирать ня нада.

Записана въ Тамбовской губ., близъ Кадома.

190

Царевичъ-найденышъ

Жилъ царь съ царицею; у нихъ родился сынъ. По-надобилось царю отлучиться изъ дому; безъ него бѣда пришла — царевичъ пропалъ! Искали-искали царевича — какъ въ воду канулъ: ни слуху ни духу объ немъ! Долго плакали царь съ царицею. Прошло цѣлыя пятнадцать лѣтъ, и донеслись до царя вѣсти, что въ одной деревнѣ такой-то мужикъ нашелъ ребенка — всемъ на диво: и красотой, и умомъ взялъ! Царь приказалъ доставить нѣскоро къ себѣ мужика. Привезли его, начали расспрашивать, гдѣ и когда нашелъ мальчика? Мужикъ объявилъ, что нашелъ его пятнадцать лѣтъ тому назадъ въ овинѣ, что на немъ одѣжа

была такая-то, богатая. По всѣмъ примѣтамъ, кажись, царской сынъ! Говорить царь мужику: «Скажи твоему найденышу, чтобъ онъ ко мнѣ побывалъ ни нагъ, ни одѣтъ, ни пѣшкомъ, ни на лошади, ни днемъ, ни ночью, ни на дворѣ, ни на улицѣ». Мужикъ пріѣхалъ домой, плачетъ и рассказываетъ мальчику: какъ теперь быть? Мальчикъ говоритъ: «Не больно хитро! эту загадку разгадать можно». Взялъ раздѣлся съ ногъ до головы да накинулъ на себя сѣтку, сѣлъ верхомъ на козла, пріѣхалъ къ царю въ сумерки и вѣхалъ на козлѣ въ ворота: переднія ноги на дворѣ, а заднія на улицѣ. Царь увидалъ и говоритъ: «Вотъ мой сынъ!»

191

Сосватанныя дѣти

Жили-были два богатыхъ купца: одинъ въ Москвѣ, другой въ Кіевѣ; часто они сѣзжались по торговымъ дѣламъ, вмѣстѣ дружбу водили и хлѣбъ-соль дѣлили. Въ нѣкое время пріѣхалъ кіевскій купецъ въ Москву, свидѣлся съ своимъ пріятелемъ и говоритъ ему: «А мнѣ Богъ радость далъ — жена сына родила!» — «А у меня дочь родилась!» отвѣчаетъ московскій купецъ. — «Ну-ка, давай по рукамъ ударимъ! у меня — сынъ, у тебя — дочь, чего лучше! — женихъ и невѣста! Какъ вырастутъ, обвѣнчаемъ ихъ и породнимся». — «Ладно; только это дѣло нельзя просто дѣлать. Пожалуй, еще твой сынъ отступится отъ невѣсты; давай мнѣ двадцать тысячъ залогу!» — «А если твоя дочь да помретъ?» — «Ну, тогда и деньги назадъ». Кіевской купецъ вынулъ двадцать тысячъ и отдалъ московскому; тотъ взялъ, пріѣзжаетъ домой и говоритъ женѣ: «Знаешь ли, что скажу? вѣдь я свою дочь просваталъ!» Купчиха изумилась: «Что ты! али съ ума сошелъ; она еще въ люлькѣ

лежить!» — «Ну, что жъ, что въ люлькѣ? я все-таки ее просваталъ: вотъ двадцать тысячъ залогу взялъ».

Вотъ хорошо. Живутъ купцы всякой въ своемъ городѣ, а другъ друга не навѣщаютъ — далеко, да и дѣла такъ пошли, что надо дома оставаться. А дѣти ихъ растутъ да растутъ; сынъ хорошъ, а дочь еще лучше. Прошло осьмнадцать лѣтъ; московской купецъ видитъ, что отъ стараго его знаконца нѣтъ ни вѣсти, ни слуху, и просваталъ дочь свою за полковника. Въ то самое время призываетъ кievской купецъ своего сына и говоритъ ему: «Поѣзжай-ка ты въ Москву; тамъ есть озеро, на томъ озерѣ я поставилъ плѣнку; если въ эту плѣнку попалась утка — то утку вези, а ежели нѣтъ утки — то плѣнку назадъ». Купеческой сынъ собрался и поѣхалъ въ Москву; ѣхалъ-ѣхалъ, вотъ ужъ близко, всего одинъ перегонъ остался. Надо ему черезъ рѣку переправляться, а на рѣкѣ мостъ: половина замощена, а другая нѣтъ. Тою же самою дорогою случилось ѣхать и полковнику; подъѣхалъ къ мосту и не знаетъ, какъ ему перебраться на ту сторону. Увидалъ онъ купческаго сына и спрашиваетъ: «Ты куда ѣдешь?» — «Въ Москву». — «Зачѣмъ?» — «Тамъ есть озеро, въ томъ озерѣ — лѣтъ осьмнадцать прошло, какъ поставилъ мой отецъ плѣнку, а теперь послалъ меня съ такимъ приказомъ: если попалась въ плѣнку утка — то утку возьми, а если утки нѣтъ — то плѣнку назадъ!» — «Вотъ задача!» думаетъ полковникъ: развѣ можетъ простоять плѣнка осьмнадцать лѣтъ? ну, пожалуй, плѣнка еще простойтъ; а какъ же утка-то проживетъ столько времени? Думалъ-думалъ, гадалъ-гадалъ, ничего не разгадалъ. «Какъ же, говорить, намъ черезъ рѣку переѣхать?» — «Я поѣду задомъ наперѣдъ!» сказалъ купеческой сынъ; погналъ лошадей, доѣхалъ до половины моста, и давай заднія доски на-

перёдъ перемасивать; намости́лъ и перебра́лся на другую сторону, а вмѣстѣ съ нимъ и полковникъ переѣхалъ. Вотъ пріѣхали они въ городъ. «Ты гдѣ остановишься?» спрашиваетъ купческаго сына полковникъ. — «А въ томъ домѣ, гдѣ весна съ зимой на воротахъ». Распрещались и повернули всякой въ свою сторону. Купческой сынъ присталъ у одной бѣдной старухи; а полковникъ погналъ къ невѣстѣ. Онъ и рассказываетъ: «Повстрѣчался я съ какимъ-то купческимъ сыномъ; спросилъ его: зачѣмъ въ Москву ѣдетъ? а онъ въ отвѣтъ: есть де въ Москвѣ озеро, на томъ озерѣ — лѣтъ осьмнадцать прошло, какъ мой отецъ плѣнку поставилъ, а теперь послалъ меня съ такимъ приказомъ: если попалась въ плѣнку утка — то утку возьми, а ежели утки нѣтъ — то плѣнку назадъ! Тутъ пришлось намъ черезъ рѣку переправляться; на той рѣкѣ мостъ, половина замощена, а другая нѣтъ. Раздумался я, какъ на другую сторону переѣхать? а купческой сынъ сейчасъ смекнулъ, задомъ наперёдъ переѣхалъ и меня перевёзъ». — «Гдѣ же онъ на квартирѣ сталъ?» спрашиваетъ невѣста. «А въ томъ домѣ, гдѣ весна съ зимой на воротахъ». Вотъ купческая дочь побѣжала въ свою комнату, позвала служанку и приказываетъ: «Возьми кринку молока, ковригу хлѣба да лукошко яицъ; изъ кринки отпей, ковригу почни, изъ лукошка яйцо скушай. Потомъ ступай въ тотъ домъ, гдѣ на воротахъ трава съ сѣномъ привязаны; разыщи тамъ купческаго сына, отдай ему хлѣбъ, молоко и яйца, да спроси: въ своихъ ли берегахъ море, или упало? полонъ ли мѣсяцъ, или въ ущербѣ? все ли звѣзды на небѣ, или скатились?» Пришла служанка къ купческому сыну, отдала гостинцы и спрашиваетъ: «Что море — въ своихъ ли берегахъ или упало?» — «Упало». — «Что мѣсяцъ — полонъ или въ ущербѣ?» — «Въ

ущербѣ». — «Что звѣзды — всѣ ли на небѣ?» — «Нѣтъ, одна скатилась». Вотъ служанка воротилась домой и рассказала эти отвѣты купеческой дочери. «Ну, батюшка! говорить отцу купеческая дочь: вашъ женихъ мнѣ не годится; у меня есть свой давнишній — съ его отцомъ по рукамъ ударено, договоромъ скрѣплено». Сейчасъ послали за настоящимъ женихомъ, стали свадьбу справлять да пиръ пировать, а полковнику отказали. На той свадьбѣ и я былъ, медъ-вино пилъ, по усамъ текло, въ ротъ не попало.

192

Доброе слово

Жиль-былъ купецъ богатой; умеръ, оставался у него сынъ Иванъ Безсчастной; пропилъ онъ, промоталъ все богатство, и пошелъ искать работы. Ходить онъ по торгу, собой-то видной; на ту пору красная дѣвушка, дочь купецкая, сидѣла подъ окошечкомъ, вышивала коверъ разными шелками. Увидала она купецкаго сына . . . Полюбился ей купецкой сынъ: «Пусти меня, говорить матери: за него замужъ». Старуха и слышать было не хотѣла, да потолковала со старикомъ: «Можетъ быть, женинымъ счастьемъ и онъ будетъ счастливъ, а дочь наша въ сорочкѣ родилась!» Взяли ее да и отдали — перевѣнчали. Жена купила бумаги, вышила коверъ и послала мужа продавать: «Отдавай коверъ за сто рублей, а встрѣтится хорошій человекъ — за доброе слово уступи». Встрѣтился ему старичокъ, сталъ коверъ торговать; сторговалъ за сто рублей, вынимаетъ деньги, и говоритъ: «Чтò хочешь — деньги или доброе слово?» Купецкой сынъ подумалъ-подумалъ: жена недаромъ наказывала . . . «Сказывай, говорить, доброе слово; нѣ коверъ!» — «Прежде смерти ничего

не бойся!» сказали старикъ, самъ взялъ коверъ и ушелъ. Приходитъ купецкой сынъ домой, рассказалъ все хозяйкѣ; хозяйка молвила ему спасибо, купила шелку, вышила новой коверъ и опять посылаетъ мужа продавать: «Отдавай коверъ за пятьсотъ рублей, а встрѣтится хорошій человѣкъ — за доброе слово уступи». Выходитъ купецкой сынъ на торгъ; попадается ему тотъ же старичокъ, сторговалъ коверъ за пятьсотъ рублей, сталъ деньги вынимать, и говоритъ купецкому сыну: «А хочешь — я тебѣ доброе слово скажу?» — «На коверъ; говори доброе слово». — «Пробуди, дѣло разбери, головы не сымаячи!» сказали старикъ, взялъ коверъ и ушелъ. Воротился купецкой сынъ домой, рассказалъ все хозяйкѣ — та ни слова.

Вотъ дядя купецкаго сына собралися за море ѣхать, торгъ-торговать; купецкой сынъ собралъ кое-какъ одинъ корабль, простился на постели съ женой, да и поѣхалъ съ ними. Ъдутъ они по морю; вдругъ выходитъ изъ моря морской *горбыль*(?). «Давай намъ, говоритъ горбыль купцамъ: русскаго человѣка на судьбину — дѣло разобрать; я его назадъ опять ворочу». Дядя думали-думали, и пришли къ племяннику съ поклономъ, чтобъ онъ шелъ въ море. Тотъ вспомнилъ слово старика: прежде смерти ничего не бойся, и пошелъ съ горбылемъ въ море. Тамъ Судьбина разбираетъ, что дороже: золото, серебро или мѣдь? «Разберешь ты это дѣло, говоритъ Судьбина купецкому сыну: награжу тебя». — «Изволь, отвѣчаетъ онъ: мѣдь дороже всего: безъ мѣди при расчетѣ обойтись нельзя; въ ней и копейка, и денежка, и полушка, изъ нея и рубль набрать можно; а изъ серебра и золота не откусишь». — «Правда твоя! говоритъ Судьбина: ступай на свой корабль». Выводитъ горбыль его на корабль, а тотъ корабль биткомъ набитъ каменьемъ самоцвѣтнымъ.

Дядья ужъ далеко уѣхали, да купецкой сынъ догналъ ихъ и заспорилъ съ ними, чей товаръ лучше? Тѣ ему говорятъ: «У тебя, племянничекъ, одинъ кораблишка, а у насъ сто кораблей». Спорили-спорили, осерчали и пошли на него царю жаловаться. Царь сперва хотѣлъ просто безъ суда повѣсить купецкаго сына: не порочъ, дескать, дядьевъ! да послѣ велѣлъ товары на посмотри принести. Дядья принесли ткани золотыя, шелковыя . . Царь такъ и засмотрѣлся. «Показывай свои!» говоритъ онъ купецкому сыну. «Прикажи, государь, закрыть окна; я свои товары ночью показываю». Царь приказалъ закрыть окна; тотъ вынулъ изъ кармана камушекъ — такъ все и освѣтило! «Твой лучше товаръ, купецкой сынъ! возьми себѣ за то дядины корабли». Онъ забралъ себѣ дядины корабли, торговалъ ровно двадцать лѣтъ, наторговалъ много всякаго добра, и съ большимъ, несмѣтнымъ богатствомъ ворочается домой. Входитъ въ свой домъ и видитъ: хозяйка его лежитъ на постели съ двумя молодцами. Закипѣло у него ретивое, вынулъ саблю вострую: «Зарублю, думаетъ, друзей жениныхъ!» И вспомнилъ доброе слово старика: пробуди, дѣло разбери, головы не сымаючи! разбудилъ свою хозяйку, а та вскочила и ну толкать молодцовъ: «Дѣтки! говорить, вашъ батюшка пріѣхалъ». Тутъ и узналъ купецкой сынъ, что жена безъ него родила ему двойчатъ.

Записана въ Рязанской губ., Рязанбургскомъ у., П. И. Якушкинымъ.

193

Дочь пастуха

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ царь: наскучило ему ходить холостому, и задумалъ жениться; долго приглядывался, долго

присматривался, и никакъ не могъ найти себѣ невѣсты по сердцу. Въ одно время поѣхалъ онъ на охоту и увидалъ на полѣ: пасеть скотину крестьянская дочь — такая красавица, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать, а другой такой во всемъ свѣтѣ не сыскать. Подѣхалъ царь къ ней и говоритъ ласково: »Здравствуй, красная дѣвица!» — «Здравствуй, государь!» — «Котораго отца ты дочь?» — «Мой отецъ — пастухъ, недалече живетъ». Царь разспросилъ про все подробно: какъ зовутъ ея отца и какъ слыветъ ихъ деревня, распрощался и поѣхалъ прочь. Немного погодя, день или два, приѣзжаетъ царь къ пастуху въ домъ: «Здравствуй, доброй человекъ! я хочу на твоей дочери жениться». — «Твоя воля, государь!» — «А ты, красная дѣвица, пойдешь за меня?» — «Пойду!» говоритъ. — «Только я беру тебя съ тѣмъ уговоромъ, чтобъ ни однимъ словомъ мнѣ не поперечила; а коли скажешь супротивъ хоть единое словечко — то мой мечъ, твоя голова съ плечъ!» Она согласилась. Царь приказалъ ей готовиться къ свадьбѣ, а самъ разослалъ по всѣмъ окрестнымъ государствамъ пословъ, чтобъ съѣзжались къ нему короли-королевичи на пиръ на веселье. Собрались гости; царь вывелъ къ нимъ свою невѣсту въ простомъ деревенскомъ платьѣ: «Что, любезные гости, нравится ли вамъ моя невѣста?» — «Ваше величество! сказали гости: коли тебѣ нравится, а намъ и подавно». Тогда велѣлъ ей нарядиться въ царскіе уборы, и поѣхали къ вѣнцу. Извѣстное дѣло: у царя не пиво варить, не вино курить — всего вдоволь! Перевѣнчались и подняли пиръ на весь міръ: пили-ѣли, гуляли и потѣшались. Отпировали, и зачалъ царь жить съ своей молодой царицею въ любви и согласіи. Черезъ годъ времени родила царица сына, и говоритъ ей царь грозное слово: «Твоего сына убить надо, а то сосѣдніе короли

смѣяться будутъ, что всѣмъ моимъ царствомъ завладѣть послѣ меня мужицкой сынъ!» — «Твоя воля! не могу тебѣ поперечить», отвѣчаетъ бѣдная царица. Царь взявъ ребенка, унесъ отъ матери и тайно велѣлъ отвезти его къ своей сестрѣ: пусть у ней растетъ до поры, до времени. Прошелъ еще годъ — царица родила ему дочь; царь опять говоритъ ей грозное слово: «Надобно изгубить твою дочь, а то сосѣдніе короли смѣяться будутъ, что она не царевна, а мужицкая дочь!» — «Твоя воля! дѣлай что знаешь, не могу тебѣ поперечить». Царь взявъ дѣвочку, унесъ отъ бѣдной матери и отослалъ къ своей сестрѣ. Много лѣтъ прошло, много воды утекло; царевичъ съ царевною выросли: онъ хорошъ, она еще лучше — другой такой красавицы нигдѣ не найти! Царь собралъ своихъ думныхъ людей, призвалъ жену и сталъ говорить: «Не хочу съ тобой больше жить; ты — мужичка, а я — царь! Снимай царскіе уборы, надѣвай крестьянское платье и ступай къ своему отцу». Ни слова не сказала царица, сняла съ себя богатые уборы, надѣла старое крестьянское платье, воротилась къ отцу и попрежнему начала въ поле скотину гонять. А царь задумалъ на иной жениться; отдалъ приказъ, чтобы все было въ свадьбѣ готово, и, призвавъ свою прежнюю жену, говоритъ ей: «Хорошенько прибири у меня въ комнатахъ; я сегодня невѣсту привезу». Она убрала комнаты, стоитъ — дожидается. Вотъ привезъ царь невѣсту, за нимъ слѣдомъ наѣхало гостей видимо-невидимо; сѣли за столъ, стали ѣсть-пить, веселиться. «Что, хороша ли моя невѣста?» спрашиваетъ царь у прежней жены. Отвѣчаетъ она: «Если тебѣ хороша, такъ мнѣ и подавно!» — «Ну, сказалъ ей царь: надѣвай опять царскіе уборы и садись со мной рядомъ; была ты и будешь моей женою. А эта невѣста — дочь твоя, а это — сынъ твой!» Съ этихъ

поръ началъ царь жить съ своею царицею безъ всякой хитрости, пересталъ ее испытывать и до конца своей жизни вѣрилъ ей во всякомъ словѣ.

Оклеветанная купеческая дочь

Быль-жилъ купецъ, имѣлъ у себя двухъ дѣтей: дочь да сына. Сталъ купецъ помирать (а купчиху-то прежде его на погостъ свезли!) и приказываетъ: «Дѣти мои! живите хорошо — въ любви и совѣтѣ, такъ, какъ мы съ покойницей жили». Вотъ и померъ; схоронили его и помянули, какъ слѣдуетъ. Немного погодя задумалъ купеческой сынъ за моремъ торговать; снарядилъ три корабля, нагрузилъ ихъ разными товарами, и сталъ сестрѣ наказывать: «Ну, милая сестрица! ѣду я въ дальнюю дорогу, оставляю тебя одну-одишеньку дома; смотри же, води себя скромно, въ худыя дѣла не вдавайся, по чужимъ людямъ не таскайся». Послѣ того помѣнялись они своими портретами: сестра взяла братнинъ портретъ, а братъ — сестринъ; поплакали на разставаньи и простились. Купеческой сынъ снялся съ якорей, отвалилъ отъ берега, поднялъ паруса и вышелъ въ открытое море; плыветъ годъ, плыветъ другой, а на третій годъ приѣзжаетъ къ нѣкому богатому стольному городу и останавливаетъ свои корабли въ гавани. Какъ скоро приѣхалъ, сейчасъ набралъ блюдечко драгоцѣнныхъ каменьева да свертокъ лучшаго бархату, камки и атласу, и повѣсъ къ тамошнему царю на поклонъ. Приходить во дворецъ, подаетъ царю гостинецъ и проситъ позволенія торговать въ его стольномъ городѣ. Полюбился царю дорогій гостинецъ, говоритъ онъ купеческому сыну: «Хорошъ твой даръ! сколько лѣтъ я на свѣтѣ живу, никто такъ меня не учествовалъ;

даю тебѣ за то первое мѣсто на торгу. Продавай-покупай, никого не бойся, а коли обида будетъ — прямо ко мнѣ приходи; завтра я самъ къ тебѣ на корабль побываю». На другой день пріѣхалъ царь къ купеческому сыну, сталъ по кораблю похаживать, товары осматривать, и увидѣлъ въ хозяйской каютѣ — портретъ висить; спрашиваетъ купческаго сына: «Чей это портретъ?» — «Моей сестрицы, ваше величество!» — «Ну, господинъ купецъ! такой красоты я еще отродясь не видывалъ; а скажи по правдѣ: какова она правомъ и обычаемъ?» — «И тиха и чиста, какъ голубка!» — «Ну, коли такъ, быть ей царицею; возьму за себя замужъ». А втѣпору былъ при царѣ генераль, да такой злющій, завистной: чужое счастье ему поперѣкъ въ горлѣ становилося. Услыхалъ онъ царскія рѣчи и страшно озлобился: эдакъ, пожалуй, прійдется нашимъ женамъ купчихѣ кланяться! Не выдержалъ и говорить царю: «Ваше величество! не прикажите казнить, прикажите слово вымолвить». — «Сказывай!» — «Эта купеческая дочь вамъ вовсе не пара; я самъ ее давно знаю, не разъ съ нею на постелѣ лѣживалъ, въ любовныя игры поигрывалъ; совсѣмъ дѣвка распутная!» — «Какъ же ты, иноземной купецъ, говоришь, что она тиха и чиста, какъ голубка, худыми дѣлами не занимается?» — «Ваше величество! коли генераль не врѣтъ, пусть достанетъ отъ моей сестры именной перстень да узнаетъ, какова у ней тайная примѣта есть». — «Хорошо, говоритъ царь, и даетъ тому генералу отпущекъ: коли въ срокъ не достанешь перстня да примѣты не скажешь — то мой мечъ, твоя голова съ плечъ!» Собрался генераль и поѣхалъ въ тотъ городъ, гдѣ жила купеческая дочь; пріѣхалъ, и не знаетъ, какъ ему быть? Ходитъ по улицамъ взадъ и впередъ такой кручинной, задумчивой. Попадается ему навстрѣчу

старушонка, просить милостины; онъ ей подаль. Спрашиваетъ старуха: «О чемъ, господинъ, призадумался?» — «Что тебѣ сказывать? вѣдь ты моему горю не пособишь». — «Кто знаетъ — можетъ, и пособлю!» — «Знаешь ты, гдѣ живетъ такая-то купеческая дочь?» — «Какъ не знать!» — «Ну, такъ достань у нея именной перстень, да разузнай, какова у нея тайная примѣта есть; сдѣлаешь это дѣло, награжу тебя золотомъ». Старушонка потащилась къ купеческой дочери, поступалась въ ворота, взошла въ горницу, помолилась, и стала рассказывать, что идетъ ко святымъ мѣстамъ: не будетъ ли какого подаянія? Повела такія хитрыя рѣчи, что красная дѣвица совсѣмъ заслушалась и не замѣтила, какъ проговорила о своей тайной примѣтѣ; пока то да сѣ, старушонка стибрила со столлика именной перстень и въ рукавъ запрятала. Послѣ того попрощалась съ хозяйкою, и бѣгомъ къ генералу, отдаетъ ему перстень и говоритъ: «А тайная примѣта у купеческой дочери — золотой волосокъ подъ лѣвою мышкою». Генераль наградилъ ее щедрой рукою и отправился въ обратной путь; пріѣзжаетъ въ свое государство и является во дворецъ; и купеческой сынъ тутъ же. «Ну что, спрашиваетъ царь: досталъ именной перстень?» — «Вотъ онъ, ваше величество!» — «А какова у купеческой дочери тайная примѣта?» — «Золотой волосокъ подъ лѣвою мышкою». — «Такъ ли?» спрашиваетъ царь купеческаго сына. «Точно такъ, государь!» — «Какъ же смѣлъ ты передо мною лгать? за твою вину велю казнить тебя». — «Царь-государь! не откажи въ послѣдней милости, позволь написать къ сестрѣ письмо; пусть пріѣдетъ, со мной попрощается». — «Хорошо, отвѣчалъ царь: пиши; только я долго ждать не стану!» Отложилъ казнь на срокъ, а до того времени приказалъ заковать его въ желѣза и посадить въ темницу. Вотъ

купеческая дочь какъ получила отъ брата письмо да прочитала, тотчасъ пустилась въ дорогу; ѣдетъ да золотую перчатку вяжетъ, а сама горько плачетъ: слезы падаютъ брильянтами; она тѣ брильянты подбираетъ, да на перчатку сажаетъ. Приѣхала въ стольной городъ наскоро, наняла у бѣдной вдовы квартиру, и спрашиваетъ: «Что у васъ въ городѣ новаго?» — «У насъ новостей нѣтъ никакихъ, окромѣ того, что одинъ иноземной купецъ черезъ свою сестру страждаетъ; завтрашній день его вѣшать будутъ». Поутру встала купеческая дочь, наняла карету, нарядилась въ богатое платье и поѣхала на площадь: тамъ ужъ висѣлица готова, войска разставлены, и народу набралось многое множество; вонъ ужъ и брата ея ведутъ. Она вышла изъ кареты и прямо къ царю, подаетъ ему ту перчатку, что дорожкой связала, и говоритъ: «Ваше величество! оцѣните, что такая перчатка стоить?» Царь посмотрѣлъ: «Ей, говоритъ, и цѣны нѣту!» — «Ну, такъ вашъ генераль былъ у меня въ домѣ и точно такую перчатку укралъ — дружку этой самой; прикажите розыскъ сдѣлать». Царь позвалъ генерала: «Вотъ на тебя жалоба, будто ты дорогую перчатку укралъ». Генераль началъ божиться: ничего знать не знаю и вѣдать не вѣдаю. «Какъ же ты не знаешь? говоритъ ему купеческая дочь: сколько разъ бывалъ въ моемъ домѣ, со мной на постелѣ лѣживалъ, въ любовныя игры поигрывалъ . . .» — «Да я тебя впервой вижу! никогда у тебя не бывалъ, и теперь — хоть умереть — не знаю: кто ты и откуда приѣхала». — «Такъ за что же, ваше величество, мой братъ страждаетъ?» — «Которой братъ?» спрашиваетъ царь. «А вонъ котораго на висѣлицу привели!» Тутъ все дѣло на чистоту открылося; царь приказалъ купческаго сына освободить, а генерала повѣсить; а самъ сѣлъ съ красной дѣвицей, купеческой

дочерью, въ карету и поѣхалъ въ церковь. Тамъ они обвѣнчались, сдѣлали большой пиръ и стали жить-поживать, добра наживать, и теперь живутъ.

Записана въ Воронежской губ.

195

Царица-гусляръ

Въ нѣкоемъ царствѣ, въ нѣкоемъ государствѣ жилъ-былъ царь съ царицею; пожилъ онъ съ нею немалое время и задумалъ ѣхать въ ту чужедальнюю землю, гдѣ жиды Христа рѣспяли. Отдалъ приказы министрамъ, попрощался съ женою, и отправился въ дорогу. Долго ли, коротко ли — пріѣхалъ въ чужедальнюю землю, гдѣ жиды Христа рѣспяли; а въ той землѣ правилъ тогда проклятой король. Увидалъ этотъ король царя, велѣлъ схватить его и посадить въ темницу. Много у него въ темницѣ всякихъ невольниковъ; по ночамъ въ цѣпяхъ сидятъ, а по утрѣмъ надѣваетъ на нихъ проклятой король хомуты и пашетъ пашню до вечера. Вотъ въ такой-то мѣкъ прожилъ царь цѣлые три года, и не знаетъ, какъ ему оттуда вырваться, какъ дать о себѣ царицѣ вѣсточку? И выискалъ-таки случай, написалъ къ ней письмо: «Продавай, пишетъ, все наше имѣніе да пріѣзжай выкупать меня изъ неволи». Получила царица письмо, прочитала и восплакала: «Какъ мнѣ выкупать царя? Если сама поѣду — увидить меня проклятой король и возьметъ къ себѣ замѣсто жены; если министровъ пошлю — на нихъ надѣжи нѣтъ!» И что жъ она вздумала? остригла свои косы русыя, нарядилась музыкантомъ, взяла гусли, и, никому не сказавшись, отправилась въ путь-дорогу дальнюю. Приходить къ проклятому королю на дворъ и заиграла въ гусли, да такъ хорошо, что вѣкъ бы слушалъ — не наслушался. Король какъ

услыхалъ такую славную музыку, тотчасъ велѣлъ позвать гусляра во дворецъ. «Здравствуй, гусляръ!» изъ которой земли ты, изъ котораго царства?» спрашиваетъ король. Отвѣчаетъ ему гусляръ: «Сызмала хожу, ваше величество, по бѣлому свѣту, людей веселю, да тѣмъ свою голову кормлю». — «Оставайся-ка у меня, поживи день, другой, третій; а я тебя щедро награжу». Гусляръ остался; день-деньской передъ королемъ играетъ, а тотъ все дѣсыта не наслушается: «экая славная музыка! всякую скуку, всякую тоску какъ рукой снимаетъ». Прожилъ гусляръ у короля три дня и приходитъ прощаться. «Что жъ тебѣ за труды пожаловать?» спрашиваетъ король. — «А пожалуй, государь, мнѣ одинаго невольника, у тебя много въ темницѣ пасажено; а мнѣ нуженъ товарищъ въ дорогѣ. Хожу я по чужедальнымъ государствамъ; иной разъ не съ кѣмъ словавымолвить». — «Изволь, выбирай себѣ любого!» сказалъ король и повелъ гусляра въ темницу. Гусляръ оглянулъ заключенныхъ, выбралъ себѣ царя-невольника, и пошли они вмѣстѣ странствовать. Подходятъ къ своему государству, царь и говоритъ: «Отпусти меня, доброй человѣкъ! я вѣдь — не простой невольникъ, я самъ царь; сколько хочешь, бери выкуп: ни денегъ, ни крестьянъ не пожалѣю». — «Ступай съ Богомъ! говоритъ гусляръ: мнѣ твоего ничего не надо». — «Ну, хоть въ гости ко мнѣ зайди». — «Будетъ время — побываю». Тутъ они распрощались и пошли каждый своею дорогою. Царица побѣжала окольною дорогою, прежде мужа домой поспѣла, сняла съ себя гуслярское платье и нарядилась, какъ быть слѣдуетъ. Черезъ часъ времени закричали, забѣгали по дворцу придворные: царь пришелъ! Царица къ нему навстрѣчу бросилась, а онъ со всѣми здоровается, а на нее и смотрѣть не хочетъ. Поздоровался съ министрами и говоритъ:

«Вотъ, господа, какова жена у меня! теперь на шею бросается, а какъ сидѣлъ я въ неволѣ да писалъ къ ней, чтобъ все добро продавала да меня выкупала — небось, ничего не сдѣлала. О чемъ же она думала, коли мужа позабыла?» Министры доложили царю: «Ваше величество! какъ только царица получила ваше письмо, въ тотъ же самой день неизвѣстно куда скрылася и все это время пропадала; во дворецъ только сегодня явилась». Царь сильно разгнѣвался и приказываетъ: «Господа министры! судите мою невѣрную жену по правдѣ по истинной. Гдѣ она по бѣлу свѣту таскалася? зачѣмъ не хотѣла меня выкупать? Не видать бы вамъ своего царя вѣки вѣчныя, если бъ не молодой гусярь; за него стану Бога молить, ему половину царства не пожалѣю отдать». Тѣмъ временемъ царица успѣла нарядиться гусяромъ, вышла на дворъ и заиграла въ гусли. Царь услыхалъ, побѣжалъ навстрѣчу, схватилъ музыканта за руку, приводитъ во дворецъ, и говоритъ своимъ придворнымъ: «Вотъ этотъ гусярь, что меня изъ неволи выручилъ!» Гусярь сбросилъ съ себя верхнюю одѣжу — и всѣ тотчасъ узнали царицу. Тутъ царь возрадовался; началъ на радостяхъ пиръ пировать, да такъ цѣлую недѣлю и прохлаждалися.

196

Отецъ и дочь

Въ нѣкоторомъ царствѣ, не въ нашемъ государствѣ жилъ-былъ богатой купецъ, у него жена была красавица, а дочь такова, что даже родную мать красотой превзошла. Пришло время, купчиха заболѣла и померла. Жаль было купцу, да дѣлать нечего; похоронилъ ее, поплакалъ-погоревалъ, и сталъ на свою дочь за-сматриваться. Обуяла его нечистая любовь, при-

ходить онъ къ родной дочери и говорить: «Твори со мной грѣхъ!» Она залилась слезами, долго его уговаривала-умоляла; нѣтъ, ничего не слушаетъ: «Если не согласишься, говорить, сейчасъ порѣшу твою жизнь!» И сотворилъ съ нею грѣхъ насильно, и съ того самаго времени понесла она чадѣ. А у того купца было двѣнадцать приказчиковъ. Какъ только запримѣтилъ онъ, что дочь тяжела, тотчасъ началъ ее выспрашивать: «Послушай, дочь моя милая! когда ты родишь, на кого скажешь?» — «На кого мнѣ сказывать? прямо на тебя». — «Нѣтъ, дочка! ты на меня не сказывай, а лучше скажи на приказчика». — «Ахъ, отецъ! какъ я скажу понапрасну на человѣка невиннаго?» Сколько купецъ ее ни уговаривалъ, она все свое твердитъ. А время идетъ да идетъ. Вдругъ пріѣзжаетъ за нимъ гонецъ отъ государя: «Царь де спрашиваетъ». Пріѣхалъ къ царю: «Что, ваше величество, прикажете?» — «Собери корабли да поѣзжай въ тридесятое государство за товарами». Ну, царя нельзя не послушаться; хотъ не хочешь — поѣдешь. Велѣлъ купецъ изготовить все къ походу, а самъ къ дочери: «Въ послѣдній разъ тебя, дочка, спрашиваю: когда ты родишь, на кого скажешь?» — «На кого мнѣ сказывать? прямо на тебя». Купецъ схватилъ острой мечъ со стѣны, и отсѣкъ ей голову: кровь такъ и брызгнула! Послѣ взялъ убитую, отнёсъ въ садъ и спряталъ въ погребъ; самъ сѣлъ на корабль и уѣхалъ въ тридесятое государство.

Всѣмъ домомъ купеческимъ сталъ заправлять главной приказчикъ. Вотъ въ первую же ночь снится ему, будто кто говоритъ: «Что ты спишь! ничего не вѣдаешь, что у тебя приключилось?» Приказчикъ проснулся, взялъ ключи и пошелъ по кладовымъ; кажись всѣ кладовыя обошелъ, а одинъ ключъ все лишній, и не придумаетъ приказчикъ, что бы такое тѣмъ ключомъ

было заперто. «Дай пойду въ садъ, поразгуляюся!» Только онъ въ садъ, а соловей на кустикъ, да громко поетъ, словно человѣческимъ голосомъ выговариваетъ: «Доброй мѡлодецъ! вспомни про меня, я здѣсь лежу!» Приказчикъ сталъ присматриваться и набрѣлъ на погребъ; еле-еле доискался входа — такъ заросло все травой да деревьями. Попробовалъ — лишній ключъ какъ разъ сюда пришелся; отворилъ дверь, а въ томъ погребѣ стоитъ гробъ, въ гробу дѣвица, кругомъ свѣчи горятъ воску яраго, по стѣнамъ образа въ золотыхъ ризахъ такъ и свѣтятся. Говоритъ ему дѣвица, дочь купеческая: «Сослужи мнѣ службу, доброй мѡлодецъ! облегчи меня: возьми мечъ и вынь изъ меня младенца». Приказчикъ побѣждалъ за мечомъ; входитъ въ ту самую горницу, гдѣ отецъ дочь загубилъ, смотреть — а на полу, гдѣ кровь текла, тамъ цвѣты цвѣтутъ! Взялъ мечъ, воротился въ садъ, разрѣзалъ у купеческой дочери чрево, вынулъ младенца и отдалъ его воспитывать своей матери. Ни много, ни мало прошло времени, пріѣхалъ купецъ изъ тридесятаго государства; сталъ государю про свои дѣла докладывать, а мальчикъ прибѣжалъ во дворецъ, да все возлѣ нихъ увивается. «Чей такой славной ребѣнокъ?» спрашиваетъ царь. — Это сынъ моего приказчика. Царь пожелалъ видѣть этого приказчика; позвали его во дворецъ, а онъ тотчасъ и разсказалъ все, какъ было. Царь приказалъ купца разстрѣлять, а мальчика взялъ къ себѣ: и теперь при государѣ живетъ!

197

Солдатъ и царь въ лѣсу

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ мужикъ; у него было два сына. Пришла солдатчина, и взяли старшаго сына въ рекруты. Слу-

жилъ онъ государю вѣроу и правдоу, да таково счастливо, что въ нѣсколько лѣтъ дослужился до генеральскаго чина. Въ это самое время объявили новой наборъ, и палъ жеребей на его меньшого брата; забрили ему лобъ, и случилось такъ, что онъ попалъ въ тотъ самой полкъ, въ которомъ братъ его былъ генераломъ. Солдаты призналъ было генерала, да куды! тотъ отъ него нѣчисто отказывается: «Я тебя не знаю, и ты меня не вѣдай!» Разъ какъ-то стоялъ солдатъ на часахъ у полкового ящика, возлѣ генеральской квартиры; а у того генерала былъ большой званой обѣдъ, и наѣхало къ нему много офицеровъ и баръ. Видитъ солдатъ, что кому веселье, а ему — нѣтъ ничего, и залился горькими слезами. Стали его спрашивать гости: «Послушай, служивой, что ты плачешь?» — «Какъ мнѣ не плакать? мой родной братъ гуляетъ да веселится, про меня не вспоманетъ». Гости рассказали про то генералу, а генераль разсердился: «Что вы ему вѣрите? сдуру врѣть!» Приказалъ смѣнить его съ часовъ и дать ему триста палокъ, чтобъ не смѣлъ въ родню причитаться. Обидно показалось это солдату; нарядился въ свою походную амуницію и бѣжалъ изъ полку. Долго ли, коротко ли — забрался онъ въ такой дикой, дремучій лѣсъ, что мало кто туда и заживалъ, и сталъ тамъ время коротать, ягодами да кореньями питаться. Вскорѣ послѣ того собрался царь и выѣхалъ на охоту съ большою свитою; поскакали они въ чистое поле, распустили гончихъ собакъ, затрубили въ трубы и начали тѣшиться. Вдругъ откуда ни взялся — выскочилъ красивой олень, стрѣлой мимо царя и бухъ въ рѣку; переплылъ на другую сторону и прямо въ лѣсъ. Царь за нимъ, плылъ-плылъ, скакалъ-скакалъ... смотреть — олень изъ глазъ скрылся, охотники далеко назади остались, а кругомъ густой темной лѣсъ; куда

ѣхать? — невѣдомо, ни одной тропинки не видно. До самаго вечера блуждалъ онъ и крѣпко умаялся. Попадаетъ ему навстрѣчу бѣглою солдатъ. «Здравствуй, доброй человѣкъ! какъ сюда попалъ?» — «Такъ и такъ, поѣхалъ поохотиться, да въ лѣсу заблудился; выведи, братъ, на дорогу». — «Да ты кто таковъ?» — «Царской слуга». — «Ну, теперь темно; пойдемъ, лучше гдѣ-нибудь въ оврагѣ ночуемъ, а завтра я тебя на дорогу выведу». Пошли искать — гдѣ бы имъ ночь переспать; шли-шли, и увидали избушку. «Эва! Богъ ночлегъ послалъ; зайдёмъ сюда», говоритъ солдатъ. Входятъ они въ избушку; тамъ сидитъ старуха. «Здорово, бабушка!» — «Здорово, служивой!» — «Давай намъ пить да ѣсть!» — «Сама бы съѣла, да нечего». — «Врѣшь ты, старая чертовка!» сказалъ солдатъ, и сталъ въ печи да по полкамъ шарить; глядь — у старухи всего вдоволь: и вино припасено, и кушанье всякое изготовлено. Съели за столъ, поужинали всласть, и полѣзли на чердакъ спать. Говоритъ солдатъ царю: «Береженаго и Богъ бережетъ! пусть одинъ изъ насъ отдыхаетъ, а другой на часахъ стоитъ». Кинули жеребей, доставалось первому царю сторожить. Солдатъ далъ ему свой острой тесакъ, поставилъ у дверей; приказалъ не дремать, а коли что случится — тотчасъ его разбудить; самъ лёгъ спать, и думаетъ: «Какъ-то будетъ мой товарищъ на часахъ стоять? пожалуй, съ непривычки не сможетъ. Дай на него посмотрю». Вотъ царь стоялъ-стоялъ, и начало его въ сонъ клонить. «Что качаешься? окликаетъ его солдатъ: аль дремлешь?» — «Нѣтъ!» отвѣчаетъ царь. «То-то, смотри!» Царь постоялъ съ четверть часа и опять задремалъ. «Эй, пріятель! никакъ ты спишь?» — «Нѣтъ, и не думаю». — «Коли заснешь, не пеняй на меня!» Царь постоялъ еще съ четверть часа; ноги у него подкосились, сва-

лился онъ на полъ и заснулъ. Солдатъ вскочилъ, взялъ тесакъ и давай его угощать да приговаривать: «Развѣ такъ караулъ держать? я десять лѣтъ прослужилъ, мнѣ начальство ни одной ошибки не простило; а тебя знать не учили! Разъ-другой простилъ, а ужъ третья вина всегда виновата . . . Ну, теперь ложись спать; я самъ на часы стану». Царь легъ спать, а солдатъ на часахъ стоитъ, глазъ не смыкаетъ. Вдругъ засвистали-захлопали, приѣхали въ ту избушку разбойники; старуха встрѣчаетъ ихъ и говоритъ: «Къ намъ де гости ночевать пришли». — «Ладно, бабушка! вотъ мы цѣлую ночь понапрасну проѣздили, а наше счастье само въ избу привалилося. Давай-ка напередъ ужинать!» — «Да вѣдь гости наши все приѣли, все выпили!» — «Ишь смѣльчаки какіе! да гдѣ они?» — «На чердакъ спать забрались». — «Ну, я пойду, съ ними сдѣлаюсь!» сказалъ одинъ разбойникъ, взялъ большой ножъ и полѣзъ на чердакъ; только просунулъ было въ дверь голову, солдатъ какъ шаркнетъ тесакомъ — такъ голова и покатилося; солдатъ тотчасъ втащилъ на чердакъ туловище, стоитъ-ждется: что дальше будетъ? Разбойники ждали-ждали, и говорятъ: «Что онъ долго возится?» Послали другого; солдатъ и того убилъ. Вотъ такъ-то въ короткое время перебилъ онъ всѣхъ разбойниковъ. На разсвѣтѣ проснулся царь, увидалъ трупы и спрашиваетъ: «Ахъ, служивой! куда мы попались?» Солдатъ рассказалъ ему все, какъ было. Потомъ сошли они съ чердака. Увидалъ солдатъ старуху и закричалъ на нее: «Постой, старая чертовка! я съ тобой раздѣлаюсь. Ишь, что выдумала — разбой держать! Подавай сейчасъ всѣ деньги!» Старуха открыла сундукъ полонъ золота; солдатъ насыпалъ золотомъ ранецъ, набилъ всѣ карманы, и говоритъ своему товарищу: «Бери и ты!» Отвѣчаетъ царь:

«Нѣтъ, братъ! не надобно! у нашего царя и безъ того денегъ много, а коли у него есть — и у насъ будутъ». — «Ну, какъ знаешь!» сказали солдатъ и повелѣ его изъ лѣсу; вывелъ на большую дорогу: «Ступай, говорить, по этой дорогѣ; черезъ часъ въ городѣ будешь». — «Прощай! говорить царь: спасибо тебѣ за услугу. Побывай ко мнѣ, я тебя счастливымъ человѣкомъ сдѣлаю». — «Полно врать! вѣдь я въ бѣгахъ, если въ городъ покажусь — сейчасъ схватятъ». — «Не сомнѣвайся, служивой! меня государь очень любитъ; коли я за тебя попрошу да про твою храбрость расскажу, онъ не то что проститъ, еще тебя пожалеетъ». — «Да гдѣ тебя найти?» — «Прямо во дворецъ приходи». — «Ну, ладно; завтра побываю». Распрощался царь съ солдатомъ и пошелъ по большой дорогѣ; приходитъ въ свой столичный городъ, и не мѣшкая отдаетъ приказъ по всѣмъ заставамъ, абвахтамъ¹ и карауламъ, чтобъ не зѣвали: какъ скоро покажется такой-то солдатъ, сейчасъ отдавали бы ему генеральскую честь. На другой день только показался солдатъ у заставы, сейчасъ весь караулъ выбѣжалъ и отдалъ ему генеральскую честь. Дивуется солдатъ: «Что бъ это значило?» и спрашиваетъ: «Кому вы честь отдаете?» — «Тебѣ, служивой!» Онъ вынулъ изъ ранца горсть золота и далъ караульнымъ на водку. Идетъ по городу; куда ни покажется, вездѣ часовые ему честь отдаютъ — только успѣвай на водку отчитывать. «Экой, думаетъ, болтунъ — этотъ царской слуга! всѣмъ успѣлъ разблаговѣстить, что у меня денегъ много». Подходить ко дворцу, а тамъ уже войско собрано и встрѣчаетъ его государь въ томъ самомъ платьѣ, въ которомъ на охотѣ былъ. Тутъ только узналъ солдатъ, съ кѣмъ онъ въ лѣсу ночь ночевалъ, и крѣпко испугался: «Это

¹) Гауптвахтамъ.

де царь, а я съ нимъ, словно съ своимъ братомъ, тесакомъ, управился!» Царь взялъ его за руку, передъ всѣмъ войскомъ поблагодарилъ за свое спасеніе и наградилъ генеральскимъ чиномъ, а старшаго брата его въ солдаты разжаловалъ: не отказывайся вперёдъ отъ роду отъ племени!

Солдатъ и разбойникъ

Жилъ-былъ мужикъ да баба; мужикъ-то разбоемъ промышлялъ, а жена ему помогала. Вотъ разъ поѣхалъ онъ на разживу; дома оставалась одна баба. На ту пору случилось проходить той деревней солдату; постучался къ ней въ окно и просится: «Пусти переночевать, хозяйшкка!» — «Ступай!» Солдатъ вошелъ въ избу, снялъ съ себя ранецъ и лёгъ спать. Немного погодя, пріѣзжаетъ хозяинъ, увидалъ гостя и говоритъ: «Ну, слава Богу! хоть на дорогѣ не выѣздили, да въ избѣ нашель!» Сѣлъ ужинать и велитъ женѣ: «Разбуди-ка солдата! пусть и онъ со мной поужинаетъ». Вотъ и солдатъ усѣлся за столъ; хозяинъ наливаетъ ему стаканъ вина — онъ выпилъ; наливаетъ другой — и другой выпилъ; наливаетъ третій — а онъ больше не пьетъ, отнѣживается. «Не чванься! хоть пей, хоть не пей — все равно помирать!» сказалъ хозяинъ; вылѣзъ изъ-за стола, взялъ въ руки топоръ и говоритъ: «Ну, служивой, молись Богу; немного тебѣ жить осталось!» Солдатъ началъ просить, умолять, чуть не въ землю кланяется — нѣтъ, ничего не беретъ. Сталъ онъ на колѣни передъ святою иконою и такъ усердно, отъ всего сердца молится, да въ грѣхахъ кается. «Скорѣй молись! пора!» А солдатъ все стоитъ да молится. Вдругъ кто-то стукнулъ въ окно, и не-

вѣдомый голосъ провѣстился: «Служба! а, служба! что ты копаешься? иди, я тебя давно ожидаю». Мужикъ испугался и топоръ выронилъ, а солдатъ надѣлъ ранецъ и вышелъ на крыльцо — стоитъ тройка добрыхъ коней; онъ сѣлъ въ повозку — лошади понесли, и не успѣлъ солдатъ очнуться — глядь: передъ нимъ отцовской дворъ. Тройка пропала, словно ея и не было. Возблагодарилъ солдатъ Бога за свое спасеніе и пошелъ въ избу; отецъ съ матерью обрадовались ему, не знаютъ — какъ принять, чѣмъ угостить. Живетъ у нихъ солдатъ день и другой; на третій приѣзжаетъ къ нимъ въ гости тотъ самый мужикъ, что хотѣлъ было порѣшить солдата; вишь, разбойникъ-то былъ женатъ на его родной сестрѣ, только солдатъ про то не вѣдалъ, да и сестра его не признала. Сейчасъ за столъ, стали ѣсть да пить; разбойникъ смекнулъ, что его дѣло неладно, сидитъ — не пьетъ; а солдатъ его подчуеъ: «Хоть пей, говорить, хоть не пей — все одно помирать!» — «Богъ съ тобой, сынокъ! что ты говоришь нехорошее? . . .» напустились на него отецъ съ матерью. Солдатъ рассказалъ все, какъ было; тутъ разбойника схватили, заковали и въ острогъ отправили.

199

Разбойники

Жилъ-былъ попъ съ попадьею; у нихъ была дочка Аленушка. Вотъ этого попа позвали на свадьбу; онъ собрался ѣхать съ женою, а дочь оставляетъ домосѣдкою. «Матушка! я боюсь оставаться одна», говоритъ Аленушка матери. «А ты собери подружекъ на посидѣлки, и будешь не одна». Попъ и попадьа уѣхали, а Аленушка собрала подружекъ; много сошлось ихъ съ работою; кто вяжетъ, кто плететъ, а кто и прядетъ.

Одна дѣвица уронила невзначай веретено; оно пока-
тилось и упало въ трещину, прямо въ погребъ. Вотъ
она полѣзла за веретеномъ въ погребъ, сошла туда,
смотреть, а тамъ за кадушкою сидитъ разбойникъ и
грозить ей пальцемъ. «Смотри, говоритъ онъ: не
разсказывай никому, что я здѣсь, а то не быть тебѣ
живой!» Вотъ вылѣзла она изъ погреба блѣдная-
блѣдная, разказала все шопотомъ одной подружкѣ,
та другой, а эта третьей, и всѣ, перепуганныя, стали
собираться домой. «Куда вы? уговариваетъ ихъ Але-
нушка: постойте, еще рано!» Кто говоритъ, что ей
надо по воду идти; кто говоритъ, что ей надо отнести
къ сосѣду холстъ, — и всѣ ушли. Осталась одна
Аленушка.

Разбойникъ услыхалъ, что все пріутихло, вышелъ
изъ погреба и говоритъ ей: «Здравствуй, красная
дѣвица, пирожная мастерица!» — «Здравствуй!» отвѣ-
чаетъ Аленушка. Разбойникъ осмотрѣлъ все въ избѣ,
и вышелъ посмотреть еще на дворъ, а Аленушка тѣмъ
временемъ поскорѣй двери заперла и огонь потушила.
Разбойникъ стучится въ избу: «Пусти меня, а то я
тебя зарѣжу!» — «Не пущу; коли хочешь, полѣзай
въ окно!» а сама приготовила топоръ. Только раз-
бойникъ просунулъ въ окно голову, она тотчасъ ударила
топоромъ и отрубила ему голову, а сама думаетъ:
«Скоро пріѣдутъ другіе разбойники, его товарищи;
что мнѣ дѣлать?» Взяла отрубленную голову и за-
вязала въ мѣшокъ; послѣ притащила убитаго раз-
бойника, разрубила его въ куски и поклала ихъ въ
разные мѣшки и горшки. Прошло ни много ни мало,
пріѣхали разбойники и спрашиваютъ: «Справился
ли?» — они думали, что товарищъ ихъ живъ. «Спра-
вился, говоритъ Аленушка голосомъ разбойника:
вотъ два мѣшка денегъ, вотъ крынка масла, вотъ вет-

чина!» и подаетъ приготовленные мѣшки и горшки въ окно. Разбойники забрали все это да на возъ. «Ну, поѣдемъ!» говорятъ они. «Поѣзжайте, говорить Аленушка, а я посмотрю, нѣтъ ли еще чего». Тѣ и уѣхали.

Разсвѣло. Попъ съ попадѣй воротились со свадьбы. Она и разсказала имъ все, какъ было: «Такъ и такъ, сама разбойниковъ побѣдила». А разбойники пріѣхали домой, да какъ поглядѣли въ мѣшки и въ горшки, такъ и ахнули: «Ахъ она такая-сякая! хорошо же, мы ее сгубимъ!» Вотъ нарядились они хорошо, и пріѣхали къ попу свататься за Аленушку, а въ женихи ей выбрали дурачка, нарядили и его. Аленушка смѣтила ихъ по голосу и говоритъ отцу: «Батюшка! это не сваты, это тѣ разбойники, что прежде пріѣзжали». — «Что ты врешь? говоритъ попъ: они такіе нарядные!» а самъ-то радъ, что такіе хорошіе люди пріѣхали свататься за его дочь, и приданого не берутъ. Аленушка плакать — ничего не помогаетъ. «Мы тебя изъ дому прогонимъ, коли не пойдешь теперь замужъ!» говоритъ попъ съ попадѣю. И просватали ее за разбойника и сыграли свадьбу. Свадьба была самая богатая.

Повезли разбойники Аленушку къ себѣ, и только въѣхали въ лѣсъ — и говорятъ: «Что жъ, здѣсь станемъ ее казнить?» А дурачокъ и говоритъ: «Хочъ бы она денечекъ прожила, я бы на нее поглядѣлъ». — «Ну, что тебѣ, дураку, смотрѣть!» — «Пожалуйста, братцы!» Разбойники согласились, поѣхали и привезли Аленушку къ себѣ, пили-пили, гуляли-гуляли; потомъ и говорятъ: «Что жъ, теперь пора ее сказнить!» А дурачокъ: «Хочъ бы мнѣ одну ноченьку съ нею переночевать». — «Ну, дуракъ, она пожалуй еще уйдетъ!» — «Пожалуйста, братцы!» Разбойники согласились на его просьбу, и оставили ихъ въ особой клѣти. Вотъ Аленушка и

говорить мужу: «Пусти меня на дворъ — я простужусь»¹. — «А ну какъ наши-то услышать?» — «Я потихонечку; пусти хочъ въ окошко». — «Я бы пустилъ, а ну какъ ты уйдешь?» — «Да ты привяжи меня; у меня есть славной холстъ, отъ матушки достался: обвяжи меня холстомъ и выпусти, а когда потянешь — я опять влѣзу въ окно». Дурачокъ обвязалъ ее холстомъ. Вотъ она это спустилась, поскорѣй отвязалась, а замѣсто себя привязала за рога козу, и немного погодя говорить: «Тащи меня!» — а сама убѣждала. Дурачокъ потащилъ, а коза — *мекеке, мекеке!* Что ни потянетъ, коза все — *мекеке да мекеке!* «Что ты мекѣкаешь? говорить молодой: наши услышать, сейчасъ же тебя изгубятъ». Притащилъ, хватъ, — а за холстъ привязана коза. Дурачокъ испугался, и не знаетъ, что дѣлать: «Ахъ, она проклятая! вить обманула». Поутру входятъ къ нему разбойники. «Гдѣ твоя молодая?» спрашиваютъ его. «Ушла». — «Ахъ, ты дуракъ, дуракъ! вить мы жъ тебѣ говорили, такъ нѣтъ!»

Сѣли верхами и поскакали нагонять Аленушку; ѣдутъ съ собаками, хлопаютъ да свищутъ — такая страсть! Аленушка услышала погоню и влѣзла въ дупло сухого дуба, и сидитъ тамъ ни жива, ни мертва, а вокругъ этого дуба собаки такъ и выются. «Нѣтъ ли тамъ ее? говорить одинъ разбойникъ другому: ткни-ка, братъ, туда ножомъ». Тотъ ткнулъ ножомъ въ дупло и попалъ Аленушкѣ въ колѣнку. Только Аленушка была догадлива, схватила платокъ и обтерла ножъ. Посмотрѣлъ разбойникъ на свой ножъ и говоритъ: «Нѣтъ, ничего не видать!» И опять они поскакали въ разныя стороны, засвистали и захлопали.

¹) Простудиться — прохладиться, подышать свѣжимъ воздухомъ.

Когда все стихло, Аленушка вылезла из дупла и побѣжала; бѣжала-бѣжала, и слышитъ опять погоню. А по дорогѣ, видитъ она, ѣдетъ мужикъ съ корытами и лотками. «Дяденька, спрячь меня подъ корыто!» просить она. «Эка, ты какая нарядная! ты вся вымарешься». — «Пожалуйста, спрячь! за мной разбойники гонятся». Мужикъ раскидалъ корыта, положилъ ее подъ самое нижнее, и опять сложилъ. Только-что успѣлъ кончить, какъ наѣхали разбойники. «Что, мужикъ, не видалъ ли такой-то женщины?» — «Не видалъ, родимые!» — «Врешь! сваливай корыта». Вотъ онъ сталъ сбрасывать корыта и побросалъ ужъ всѣ, кромѣ послѣдняго. «Нечего, братцы, здѣсь искать; поѣдьте дальше!» сказали разбойники, и поскакали съ гамомъ, свистомъ и хлопаньемъ.

Когда все стихло, Аленушка и просить: «Дяденька,пусти меня!» Мужикъ выпустилъ ее, и она опять побѣжала; бѣжала-бѣжала, и слышитъ опять погоню. А по дорогѣ, видитъ она, ѣдетъ мужикъ — везетъ кожи. «Дяденька, молить она, спрячь меня подъ кожи! за мной разбойники гонятся». — «Эка, вишь ты, какая нарядная! подъ кожами ты вся вымарешься». — «Ничего, только спрячь!» Мужикъ раскидалъ кожи, положилъ ее подъ самую нижнюю, и опять сложилъ все попрежнему. Только-что успѣлъ кончить, какъ наѣхали разбойники. «Что, мужикъ, не видалъ ли такой-то женщины?» — «Не видалъ, родимые!» «Врешь! сваливай кожи». — «Да зачѣмъ, родимые, стану я разбрасывать свое добро?» Разбойники бросились сами сбрасывать кожи и побросали, почитай, всѣ кожи; только двѣ-три оставалось. «Нечего, братцы, здѣсь искать; поѣдьте дальше!» сказали они, и поскакали съ гамомъ, свистомъ и хлопаньемъ.

Когда не стало слышно ни стуку этого, ни грому, она и просить: «Дяденька, пусти меня!» Мужикъ выпустилъ ее, и она опять побѣжала; бѣжала-бѣжала, и пришла домой въ полночь, да и легла въ стогъ сѣна, закопалась туда вся, и заснула. Разсвѣло. Попъ пошелъ давать коровамъ сѣна, и только воткнулъ вилами въ стогъ, — Аленушка и схватилась руками за вилы. Попъ оробѣлъ, крестится и говорить: «Съ нами крестная сила! Господи помилуй!» Потомъ ужъ спросилъ: «Кто тамъ?» Аленушка узнала отца и вылѣзла изъ сѣна. «Какъ ты сюда попала?» — «Такъ и такъ, вы отдали меня разбойникамъ; они хотѣли меня убить, да я убѣжала» — и рассказываетъ все страсти. Немножко погода, пріѣзжаютъ къ попу разбойники, а онъ Аленушку спряталъ. Попъ спрашиваетъ: «Жива ли, здорова дочка моя?» — «Слава Богу! она осталась дома хозяйничать», говорятъ разбойники, и сѣли они какъ бы въ гостяхъ; а попъ тѣмъ временемъ собралъ солдатъ, потомъ вывелъ дочь и говорить: «А это кто?» Тутъ разбойниковъ похватали, связали, да въ тюрьму.

Записана въ Воронежской губ., въ Бобровскомъ у.

200

Королевна и разбойники

Быу сабѣ круль съ крулёвай, и мѣли адну дачку яельми харошую, и да іѣ сваталися дванадцать кавалерау¹, а тые кавалеры были усѣ разбойники. Ты разбойники прасили, кабъ кали-нибудзь яна да ихъ прышла багато-убранная. Аднаго разу, безъ вѣдама айца², яна сабралася дый пашла па той дарозѣ, па якой яны ей паказали. Идзе яна дакъ идзе лѣсамъ,

¹) Жениховъ.

²) Отца.

ажъ у лѣсѣ станць палаць. Вайшла у той палаць, ажъ у першой хацѣ стаяць бочки з' кровей чоловѣчай, у другой хацѣ усѣ чоловѣчія головы, ноги, руки, у трецей усѣ тулубы¹ чоловѣчія, у чацвѣртай самыя боты² и чаравики³, у пятой адзенё⁴ суконное и матеріи, у шостой и у сѣмой сребро и брилянты, а восмая — тая хата, гдзѣ жили разбойники. Хадзила яна, хадзила па усѣхъ пакояхъ, и якъ пачула⁵ стукъ — схавалася падъ ложка. Сядзиць яна тамъ, ажъ уходзяць тые дванадцаць разбойникоу и прыводзяць съ сабою нѣякую вельми харошую и багатую панну; узяли яну разабрали⁶ да-гола, палажили на калодку и зарѣзали, а послѣ зачали знимаць персцѣнки з' рукъ, и з' аднаго пальца ниякъ не маглі зняць. Адзинъ каже, што аддайце миѣ гэты персцѣнакъ. «Добра!» казалі усѣ. Іошъ узяу сакеру и якъ рубнуу, дакъ палець з' персцѣнкомъ палецѣу падъ тое ложка, гдзѣ сядзѣла кралеуна. Разбойникъ палѣзъ падъ ложка шукаць персцѣнка; але якъ было цѣмно, то не знашоу персцѣнка и адлажиу да заутра. Кралеунѣ ажъ млосно⁷ зробилося з' страху, бо яна чула усю ихъ гутарку⁸. Яны гаварили, кабъ якъ-нибуць звясці кралеуну да себѣ убраную и послѣ забиць. Доуго гулялі, пили, ѣли разбойники, а якъ надышла поуначъ, дакъ усѣ парасходзилисе: адзинъ пашоу у лѣсѣ, други пашоу на гасцинецъ⁹, треці на другі гасцинецъ, а рэшта¹⁰ парасходзились у усѣ

1) Туловища.

2) Сапоги.

3) Башмаки.

4) Одежда, платье.

5) Послышала.

6) Раздѣли.

7) Тошно.

8) Разговоръ.

9) Большая дорога.

10) Остальные.

стораны. Кралеуна, якъ яны навыходзили, вылязла зпадъ ложка дый пашла просто да дому. Прышоушы да дому, яна ничаго никаму не казала, што бачила, и лягла спакойне спаць.

На други дзень рано разказала кралеуна абъ усёмъ свайму бацьку, и іонъ канечне захацьу ихъ палавиць. Ажъ таго самаго дня прыѣжджаюць усѣ тые разбойники на абѣдъ да караля. Доуго сядзѣли тые разбойники, а послѣ стали абѣдаць. Якъ толькі зачалі ѣсці, кралеуна зачала такъ разказваць: «Мнѣ снілося сегодняя, што пашла да васъ у госьці. Ішла я, дакъ ішла той дорогай, якой вы мнѣ паказалі, ажъ стаіць палаць; ухаджу я у той палаць, ажъ у першой хаць стаяць бочки з' кровей чоловѣчай, у другой хаць голавы, ногі, рукі, у трецемъ пакоі тулубы чоловѣчїе, у чацвѣртомъ пакоі самыя боты і чаравікі, у пятомъ пакоі адзенё суконное і матэріі, у шостомъ пакоі самое сrebro і брылянты. А послѣ пачула стукъ і схавалася падъ ложку. Сядзѣла я тамъ, сядзѣла, ажъ ухадзяць дванадцатъ мужчінъ і прывялі съ сабою адну вельмі харошую і багатую панну; палажылі яну на калодку і зарѣзалі. Послѣ пазнімалі персцѣнкі з' рукъ, але аднаго персцѣнка ніякъ не маглі зняць. Дакъ адзінъ разбойнікъ каже: аддайце мнѣ гэты персцѣнакъ, я яго зніму. Яны аддалі той персцѣнакъ, і іонъ адрубау яго з' пальцамъ; але той палець палецѣу падъ тое ложку, гдзѣ я сядзѣла». Калі гэта разказвала кралеуна, разбойнікі усѣ пачерванѣлі¹ і дагадаліся, што кралеуна была у ихъ і усё бачыла. Послѣ кралеуна выняла персцѣнакъ з' пальцамъ съ кншени² і сказала: «Гэта, што я гаварыла, мнѣ не снілося, але было прауда!» Тые разбойнікі, бачучы, што будзе

¹) Покраснѣлі, побягровѣлі.

²) Изъ кармана или мѣшка.

кепско¹, съ-за стала дый у ноги² празь окна; але тамъ сядзѣли прыгатаваныя людзи, каторыя ихъ усѣхъ пала-вили, папяззали и прывели да караля. Кароль заразъ казау прыгатаваць жалѣзныя бѣраны и усѣхъ дванадцать разбойникау паразцягаць, а кралеуну аддау замужъ за аднаго великаго кралеви́ча. Веселе³ было гучное⁴, а па весели паѣхали да таго палацу, гдзѣ жили разбойники, и пазабiрали усѣ багацтво, и прыѣхаушы назадъ, дали балъ, на которомъ и я быу, медъ-вино пиу, па барадзѣ цекло, у роцѣ не было.

Записано въ Новогрудскомъ у., Гродненской губ., М. Дмитриевымъ.

201

Мудрая дѣвица и семь разбойниковъ

Жиль-былъ крестьянинъ; у него было два сына: меньшей былъ въ дорогѣ, старшій при домѣ. Сталъ отецъ помирать и оставилъ сыну при домѣ все наслѣдство, а другому ничего не далъ: думалъ, что братъ брата не изобидитъ. Какъ отецъ-то померъ, старшій сынъ его похоронилъ и все наслѣдство у себя удержалъ. Вотъ пріѣзжаетъ другой сынъ и горько плачетъ, что не засталъ отца въ живыхъ. Старшій ему и говорить: «Отецъ мнѣ все одному оставилъ!» И дѣтей-то у него не было, а у меньшого былъ сынъ родной да дочь-пріемышъ. Вотъ старшій получилъ все наслѣдство, разбогатѣлъ и сталъ торговать дорогими товарами; а меньшей былъ бѣдень, рубилъ въ лѣсу дрова да возилъ на рынокъ. Сосѣди, жалѣя его бѣдность, собрались и даютъ ему денегъ, чтобы онъ хоть мелочью торговалъ. Бѣднякъ боится, говорить имъ: «Нѣтъ,

¹) Плохо (польск. *kiepsko*).

²) Т.-е. бѣжать.

³) Свадьба.

⁴) Шумное, громкое.

добрые люди! не возьму я ваши деньги: неравно проторгуюсь, — чѣмъ я вамъ долгъ заплачу?» И уговорились двое сосѣдей какъ-нибудь ухитриться да дать ему денегъ. Вотъ какъ поѣхалъ бѣдной за дровами, одинъ изъ нихъ настигъ его окольной дорогой и говорить: «Поѣхалъ я, братецъ, въ дальній путь; на дорогѣ отдалъ мнѣ должникъ триста рублей — не знаю, куда ихъ дѣвать! Домой ворочаться не хочется; возьми, пожалуй, мои деньги, похрани у себя, а лучше-ка торгуй на нихъ: я приѣду нескоро; послѣ выплатишь мнѣ понемножку». Бѣдной взялъ деньги, привёзъ домой и боится, какъ бы ихъ не потерять, какъ бы жена не нашла да не издержала замѣсто своихъ. Думаль, думаль, и спряталъ въ малѣнку¹ съ золой, а самъ ушелъ со двора. Приѣхали безъ него мѣновщики — вотъ что скупаютъ золу да мѣняютъ ее на товаръ. Баба взяла и отдала имъ эту малѣнку съ золой. Вернулся домой мужъ, видитъ, что малѣнки нѣтъ, спрашиваетъ: «Гдѣ зола?» Жена отвѣчаетъ: «Я ее продала мѣновщикамъ». Вотъ онъ испугался, тоскуетъ и горюетъ, а только все молчитъ. Видитъ жена, что онъ печаленъ; приступила къ нему: «Что за напасть съ тобой случилась? отчего такъ печаленъ?» Онъ и признался, что въ золѣ были спрятаны у него чужія деньги; разсердилась баба — и рветъ, и мечетъ, и слезами заливается: «Зачѣмъ ты мнѣ не повѣрилъ? я бъ лучше твоего припрятала!» Опять поѣхалъ мужикъ по дрова, чтобъ потѣмъ на рынкѣ продать да хлѣба купить. Настигаетъ его другой сосѣдъ, говоритъ ему тѣ же самыя рѣчи и даетъ подъ сохрану пятьсотъ рублей. Бѣднякъ не беретъ, отказывается, а тотъ ему насильно всунулъ деньги въ руку и поскакалъ по дорогѣ. Деньги-то были бумажками; думаль-думаль: куда ихъ положить? взялъ

¹⁾ Деревянная кадочка, мѣрка, пудовка.

да промежъ подкладки и спряталъ въ шапку. При-
ѣхалъ въ лѣсъ, шапку повѣсилъ на ёлку и началъ
рубить дрова. На его бѣду прилетѣлъ воронъ и унёсъ
шапку съ деньгами. Мужикъ потужилъ, погоревалъ,
да видно — такъ тому и быть! Живетъ себѣ попрежнему,
торгуетъ дровишками да мелочью, коё-какъ переби-
вается. Видятъ сосѣди вр, чтоемени прошло довольно,
а у бѣднаго торгъ не прибываетъ; спрашиваютъ его:
«Что жъ ты, братецъ, худо торгуешь? али наши деньги
затратить боишься? коли такъ, лучше отдай наше
добро назадъ». Бѣдной заплакалъ и рассказалъ, какъ
пропали у него ихнія деньги. Сосѣди не повѣрили и
пошли просить на него въ судъ. «Какъ разсудить это
дѣло? думаетъ судья: мужикъ — человекъ смирной,
неимушій, взять съ него нечего; коли въ тюрьму поса-
дить — съ голоду помретъ!» Сидитъ судья, пригорюнясь,
подъ окошкомъ, и взяло его большое раздумье. На то
время какъ нарочно играли на улицѣ мальчишки.
И говоритъ одинъ — такой бойкой: «Я бурмистръ
буду; стану васъ, ребята, судить, а вы приходите ко
мнѣ съ просьбами». Сѣлъ на камень, а къ нему под-
ходитъ другой мальчишка, кланяется и проситъ: «Я
де вотъ этому мужичку далъ денегъ взаймы, а онъ мнѣ
не платитъ; пришелъ къ твоей милости суда на него
просить». — «Ты бралъ взаймы?» спрашиваетъ бур-
мистръ у виноватаго. «Бралъ». — «Почему жъ не
платишь?» — «Нечѣмъ, батюшка!» — «Слушай, челобит-
чикъ! вѣдь онъ не отпирается, что бралъ у тебя деньги,
а заплатить ему немоготу; такъ ты отсрочь ему долгъ
лѣтъ на пять, на шесть, авось онъ поправится и отдастъ
тебѣ съ лихвою. Согласны?» Мальчишки оба поклони-
лись бурмистру: «Спасибо, батюшка! согласны». Судья
все это слышалъ, обрадовался и говоритъ: «Этотъ
мальчикъ ума мнѣ далъ! скажу и я своимъ челобитчи-

камъ, чтобъ отерочили они бѣдному». По его словамъ, согласились богатые сосѣди обождать года два-три: авось тѣмъ временемъ мужикъ поправится!

Вотъ бѣдной опять поѣхалъ въ лѣсъ за дровами, полвоза нарубилъ — и сдѣлалось темно. Остался онъ на ночь въ лѣсу: «Утромъ де съ полнымъ возомъ ворочусь домой». И думаетъ: гдѣ ему ночевать? Мѣсто было глухое, звѣрей много; подлѣ лошади лечь — пожалуй, звѣри съѣдятъ. Пошелъ онъ дальше въ чащу и взлѣзъ на большую ель. Ночью пріѣхали на это самое мѣсто разбойники — семь человѣкъ, и говорятъ: «Дверцы, дверцы! отворитесь». Тотчасъ отворились дверцы въ подземелье; разбойники давай носить туда свою добычу, снесли всю, и приказываютъ: «Дверцы, дверцы! затворитесь». Дверцы затворились, а разбойники поѣхали снова на добычу. Мужикъ все это видѣлъ, и когда кругомъ его стихло — спустился съ дерева: «А ну-тка я попробую — не отворятся ль и мнѣ эти дверцы?» И только сказалъ: «Дверцы, дверцы! отворитесь», — онѣ въ ту жъ минуту и отворились. Вошелъ онъ въ подземелье, смотритъ — лежатъ кучи золота, серебра и всякой всячины. Возрадовался бѣдной и на разсвѣтѣ принялся таскать мѣшки съ деньгами; дрова долой сбросилъ, нагрузилъ возъ серебромъ да золотомъ, и поскорѣй домой. Встрѣчаетъ его жена: «Охъ ты, мужъ-муженёкъ! а я ужъ съ горя пропадала; все думала: гдѣ ты? либо деревомъ задавило, либо звѣрь съѣлъ!» А мужикъ веселѣхонекъ: «Не кручинься, жена! Богъ далъ счастья, я кладъ нашелъ: пособляй-ка мѣшки носить». Кончили работу, и пошелъ она къ богатому брату; рассказалъ все, какъ было, и зоветъ съ собой ѣхать по счастью. Тотъ согласился. Пріѣхали вмѣстѣ въ лѣсъ, отыскиали ель, крикнули: «Дверцы, дверцы! отворитесь» — дверцы отво-

рились. Начали они таскать мѣшки съ деньгами; бѣдной братъ наложилъ возъ — и доволенъ сталъ, а богатому все мало. «Ну ты, братецъ, поѣзжай! говорить богатой: а я за тобой скоро буду». — «Ладно! не забудь же сказать: дверцы, дверцы! затворитесь». — «Нѣтъ, не забуду»: Бѣдной уѣхалъ, а богатой никакъ не можетъ разстаться: всего вдругъ не увезешь, а покинуть жалъ! Тутъ его и ночь застигла. Приѣхали разбойники, нашли его въ подземельи и отрубили ему голову; снимали свои мѣшки съ возу, замѣсто того положили убитаго, настегали лошадь и пустили на волю. Лошадь бросилась изъ лѣсу и привезла его домой. Вотъ атаманъ разбойничій и бранить того разбойника, что убилъ богатаго брата. «Зачѣмъ ты убилъ его рано? надо было напередъ разспросить, гдѣ онъ живетъ? Вѣдь у насъ много добра убыло; видно, онъ же повытаскалъ! гдѣ теперь найдемъ?» Есаулъ говорить: «Ну, пускай тотъ и доискивается, кто его убилъ!»

Недолго спустя сталъ тотъ убійца развѣдывать: не отыщется ли гдѣ ихъ золото? Приходитъ какъ есть къ бѣдному брату въ лавочку; то-другое поторговалъ, запримѣтилъ, что хозяинъ скученъ, задумывается и спрашиваетъ: «Что такъ приунылъ?» А тотъ и говоритъ: «Былъ у меня старшій братъ, да бѣда стряслась: кто-то убилъ его, третьёва дни лошадь на дворъ привезла съ отрубленной головою, а сегодня похоронили». Разбойникъ видитъ, что на слѣдъ попалъ, и давай разспрашивать; притворился, будто очень жалѣеть. Узналъ, что послѣ убитаго вдова осталась, и спрашиваетъ: «Хоть есть ли у сироты свой-то уголокъ!» — «Есть — домъ важной!» — «А гдѣ? укажи мнѣ». Мужикъ пошелъ, указалъ ему братнинъ домъ; разбойникъ взялъ кусокъ красной краски и положилъ на воротахъ замѣтку.

«Это для чего?» спрашивает его мужикъ. А тотъ отвѣчаетъ: «Я де хочу помочь сиротѣ, а чтобъ легче домъ найти — нарочно замѣтку сдѣлалъ». — «Э, братъ! моя невѣстка ни въ чемъ не нуждается; слава Богу, у нея всего довольно». — «Ну, а ты гдѣ живешь?» — «А вотъ и моя избѣшка». Разбойникъ и у него на воротахъ положилъ такую жъ замѣтку. «А это для чего?» — «Ты, говоритъ, мнѣ очень понравился; стану къ тебѣ на ночлегъ заѣзжать; повѣрь, братъ, для твоей же пользы!» Вернулся разбойникъ къ своей шайкѣ, рассказалъ все по порядку; и уговорились они ѣхать ночью — ограбить и убить всѣхъ въ обоихъ домахъ, да воротить свое золото.

А бѣдной пришелъ ко двору и рассказываетъ: «Сейчасъ спознался со мной молодецъ, запятналъ мои ворота — стану, говоритъ, къ тебѣ завсегда на постой заѣзжать. Такой доброй! а какъ о братѣ сожалѣлъ, какъ хотѣлъ невѣсткѣ помочь!» Жена и сынъ слушаютъ, а дочь-пріемышъ говоритъ ему: «Батюшка, не ошибся ли ты? ладно ли эдакъ будетъ? Не разбойники ль это убили дядюшку, а теперь хватились своего добра да насъ разыскиваютъ? Пожалуй, наѣдутъ, разграбятъ, и отъ смерти не уйдешь!» Мужикъ испугался: «А что дивить? вѣдь я его допрежде того никогда не видывалъ. Вотъ бѣда! что же дѣлать-то станемъ?» А дочь говоритъ: «Поди же ты, батюшка, возьми краски да по всему околотку и запятнай ворота такими же мѣтками». Мужикъ пошелъ и запятналъ ворота во всемъ околоткѣ. Пріѣхали разбойники и не могли ничего разыскать; воротились назадъ и приколотили развѣдчика: зачѣмъ неладно пятналъ? Наконецъ разсудили: «Видно, мы на хитраго напали!» и погода немного приготовили семь бочекъ; въ шесть бочекъ посадили по разбойнику, а въ седьмую масла налили. Поѣхалъ прежній раз-

вѣдчикъ съ этими бочками прямо къ бѣдному брату, пріѣхалъ подъ вечеръ и попросился ночевать. Тотъ и пустилъ его, какъ знакомаго. Дочь вышла на дворъ, стала осматривать бочки, одну открыла — въ ней масло, другую попробовала открыть — нѣтъ, не сможетъ; припала ухомъ и слушаетъ, а въ бочкѣ кто-то шевелится и здышетъ. «Э, думаетъ, да тутъ недобрая хитрость!» Пришла въ избу и говорить: «Батюшка! чѣмъ будемъ гостя подчивать? семь-ка я пойду-затоплю печку въ задней избѣ да изготовлю чего-нибудь поужинать». — «Ну, что жъ! ступай». Дочь ушла, затопила печь, да между стряпнѣй все воду грѣетъ, кипятокъ носить да въ бочки льетъ; всѣхъ разбойниковъ заварила. Отецъ съ гостемъ поужинали, а дочь сидитъ въ задней избѣ да караулитъ, что-то будетъ? Вотъ когда хозяева уснули, гость вышелъ на дворъ, свистнулъ — никто не откликается; подходитъ къ бочкамъ, кличетъ товарищей — нѣтъ отвѣту; открываетъ бочки — оттуда паръ валитъ. Догадался разбойникъ, запрѣгъ лошадей и убрался со двора съ бочками. Дочь заперла ворота, пошла будить своихъ домашнихъ, и рассказала все, что сдѣлалось. Отецъ и говорить: «Ну, дочка! ты намъ жизнь спасла, будь же законной женой моему сыну». Веселымъ пиркомъ и свадьбу сыграли. Молодая одно отцу твердить, чтобы продалъ свой старой домъ, да другой купилъ: крѣпко боялась разбойниковъ! не ровенъ часъ — опять пожалуютъ. Такъ и случилось. Черезъ нѣкое время тотъ самой разбойникъ, что пріѣзжалъ съ бочками, снарядился офицеромъ, пріѣхалъ къ мужику и просится ночевать; его пустили. Никому невдомѣкъ, только молодая признала и говорить: «Батюшка! вѣдь это прежній разбойникъ!» — «Нѣтъ, дочка, не тотъ!» Она и замолчала: да какъ стала спать ложиться — принесла вострой топоръ и положила

подлѣ себя; всю ночь глазъ не смыкала, все караулила. Ночью офицеръ всталъ, беретъ свою саблю и хочетъ ея мужу голову отсѣчь; она не сробѣла, махнула топоромъ — и отрубилъ ему правую руку, махнула еще разъ — и голову снесла. Тутъ отецъ увѣрился, что дочка его подлинно премудрая; послушался, продалъ домъ и купилъ себѣ гостиницу. Перешелъ на новоселье, началъ жить, богатѣть, расторговываться.

Заѣзжаютъ къ нему сосѣди — тѣ самые, что давали ему денегъ да послѣ на него въ судѣ просили. «Ба! ты какъ здѣсь?» — «Это мой домъ, недавно купилъ». — «Важной домъ! видно, у тебя деньгъ водится. Что жъ ты долгу не платишь?» Хозяинъ кланяется и говоритъ: «Слава Богу! мнѣ Господь далъ, я кладъ нашель, и готовъ заплатить вамъ хоть втрое». — «Хорошо, братъ! Давай же теперь новоселье праздновать». — «Милости просимъ!» Вотъ погуляли, попраздновали; а при домѣ садъ куда хорошъ! «Можно садъ посмотрѣть?» — «Извольте, честные господа! я и самъ съ вами пойду». Ходили-ходили по саду, и нашли въ дальнемъ углу малѣнку золы. Хозяинъ какъ увидалъ, такъ и ахнулъ: «Честные господа! вѣдь это та самая малѣнка, которую моя жена продала». — «А ну-тка, нѣтъ ли въ золѣ денегъ?» Вытряхнули, а они тутъ и есть. Тогда сосѣди повѣрили, что мужикъ имъ правду сказывалъ. «Станемъ, говорятъ, деревья осматривать; вѣдь шапку-то воронъ унёсъ — вѣрно, въ ней гнѣздо свилъ». Ходили-ходили, увидали гнѣздо, стащили баграми — какъ есть та самая шапка! Выбросили гнѣздо и нашли деньги. Заплатилъ имъ хозяинъ долгъ свой и сталъ жить богаго и счастливо.

Записана въ Пермской губ. г. Александромъ Сергачевымъ.

Счастье и Несчастье

Быу чоловѣкъ бѣдны, не мѣу ни счасцины¹, ни скацины, а дзѣцей мѣу шмать². Пришла вясна, а ямѹ нима чимъ гараць; людзи идуць съ сахою и скацинаю, а іонъ идзе з' жалязнікомъ. Встрѣчая іонъ двѣ панны, а тыя панны были: адна — Счасцѣ, а другая Несчасцѣ. Пытаюць яго: «Куды, чоловѣче, идзешь!» Такъ іонъ каже: «Панначки маи, кралеуначки! мае такое не-счасцѣ: людзи идуць съ скацинаю, а я съ жалязнікомъ; нема чимъ праживиць дзѣцей». Дакъ тыя адна з' другою гаворачи кажуць: «Надаремъ мы яго». Дакъ Счасцѣ каже: «Кали твой, то ты ягò и надари». Дакъ выняли и дали ямѹ дзесяць рублѣу, и сказали: «Идзи да хаты и купи сабѣ вала». Дакъ іонъ прышоу да хаты и тые гроши сховау у гаршокъ, гдѣ быу пòпель. На-заутра прышла да ягò сусѣдка, кума багатая, дый каже: «Чп нима у васъ попелу, бо маи палотна вельми рудыя?»³ — «Вазьми сабѣ вотъ у гарнушку⁴ стаиць», сказала бѣднаго чоловѣка жонка. Мужикъ, котораго не было дома, стау аглядацца и ниякъ не убачиу гаршка съ попеламъ, дый стау на жонку (кричать): куды дзѣла гроши з' гаршкомъ? Жонка зачала бажицца, што не вѣдала, што тамъ были гроши, и сказала, што гаршокъ узяла сусѣдка кума. А послѣ мужикъ (пошелъ) да кумы и стау прасиць, кабъ аддала гроши. Яна каже, што я не бачила ихъ у себе никали. Мужикъ пашоу да пана, и тамъ не знашоу справы⁵; бо панъ сказау —

1) Домашней рухляди.

2) Довольно, много.

3) Замараны, нечисты.

4) Маленькій горшокъ съ ручкой.

5) Суда, расправы.

што ты грошей никали не мѣу, а хочешъ только у іѣ адабраць. Итакъ гроши мужика прапали.

Плакау іонъ, плакау, дый изноу идзе съ жалязникомъ, ажъ устрѣчая тыя двѣ панны. Іонъ ихъ не пазнау, а яны яго пазнали. А послѣ пытаюць такъ само, якъ упяродъ; и іонъ имъ такъ само адказау, якъ упяродъ, и яны дали яму двадцать рублёу. Мужикъ изноу, прышоушы да дому, схавау гроши у гумнѣ у патруху¹. Назаутра прышла тая самая кума и зачала прасиць патрухи для целяць, и жонка бѣднаго мужика изноу дала патруху, бо не вѣдала, што тамъ гроши. Мужикъ, прышоушы да дому, пашоу у гумно выняць гроши и изноу не знашоу. Прышоу у хату и стау свѣрицца² на жонку: куды дзѣла гроши з' патрухою? Жонка сказала, што кума прихадзила и забрала патруху. Дакъ той мужикъ такъ само, якъ упяродъ, хадзиу и да кумы и да пана; але нигдѣ ни знашоу справы. Усѣ казалі, што у цебе никали грошей не было.

Мужикъ поплакау, дый изноу идзе и спатыкае тыя самыя панны, и яны дали яму только два гроши и сказали: «Идзи да рѣчки Нёмна³, тамъ будуць лавиць рыбу, дый ниякъ не зловяць. Ты папраси, кабъ на твое счасцѣ закинули». Іонъ такъ и зробиу; пашоу да Нёмна и напрасиу, кабъ на яго счасцѣ закинули. Якъ закинули, дакъ такъ много выпягнули рыбы, што негдѣ было дзѣць. Рыбаки запыталіся: «Кольки бы табѣ даць за гэта?» Іонъ каже, што прадайце мнѣ за два гроши. Яны прадали адну рыбку за два гроша, а другую дали яму даромъ. Мужикъ, узяушы тыя рыбки, пашоу да дому и аддау жонци, кабъ зваріла. Жонка вельми была рада съ дзѣцъми з' тыхъ рыбаць

¹) Мякина, труха.

²) Браніцца.

³) Нёмана.

и не варила, а палажила такъ. Ажъ ѣхау адзинъ панъ черезъ тое сяло; той мужикъ пашоу адчиниць варота и зачау смѣяцца, а панъ запытауся: «Чаго ты смѣешься!» Ионъ сказау, што у мене есць такая рыбка: хто на рыбку гляне, то кажды смѣецца. Таму пану вельми захоцѣлосе рыбки, и за тую рыбку дау мужику пару валоу, пару кѣней и тольки збожа¹, кольки мужикъ хацѣу. Итакъ мужикъ знашоу сваё счасцё у двухъ грошахъ.

Записано старшимъ учителемъ Новогрудскаго дворянскаго училища М. Дмитриевымъ въ Новогрудскомъ у., Гродненской губ.

203

Убогій

Жилъ-былъ Нестерка, было у него дѣтей шестерко; дѣтей-то много, да имѣнія никакого: нечѣмъ ему съ семьей кормиться, а воровать боится. Вотъ онъ запрѣгъ повозку, забралъ дѣтишекъ и поѣхалъ по міру. Ъдетъ дорогою, оглянулся назадъ — лежитъ въ грязи старичокъ безногой. И просить этотъ старичокъ: «Возьми меня, пожалуста, съ собою!» — «Куда мнѣ тебя, батюшка! отвѣчаетъ Нестерка: у меня шестеро дѣтей, а лошадь худая». Опять просить безногой: «Возьми меня, пожалуста!» Нестерка взялъ этого убогаго, посадилъ на повозку и поѣхалъ. Говорить ему убогой: «Давай, мы съ тобой бросимъ жеребей, кому быть изъ насъ бѣльшимъ братомъ». Бросили они жеребей, доставалось быть бѣльшимъ братомъ — убогому. Приѣхали въ деревню. Убогой приказываетъ: «Поди, просись ночевать вотъ въ этотъ домъ». Нестерка сталъ проситься ночевать; вышла старуха, отвѣчаетъ ему: «У насъ негдѣ, и безъ васъ тѣсно!» Вернулся Нестерка къ убогому: «Сюда не пускаютъ!»

¹⁾ Жита, хлѣба.

говорить; а убогой опять его посылаетъ: непременно просись! Пошелъ Нестерка и таки выпросился ночевать; въѣхалъ на дворъ, сталъ носить своихъ дѣтей въ избу, и убогаго перенёсъ. Велитъ ему хозяйка: «Клади ты своихъ дѣтей подъ лавку, а безногаго на полати посади!» Посадила онъ безногаго на полати, а дѣтей подъ лавку положилъ. «Гдѣ твой мужъ?» спрашиваетъ хозяйку убогой. — «На разбой поѣхалъ, и двухъ сыновей взялъ». Вотъ пріѣзжаетъ домой хозяинъ, впустилъ двѣнадцать возовъ на дворъ — всѣ серебромъ насыпаны, отложилъ лошадей, и пришелъ въ избу. Увидалъ нищихъ и закричалъ на хозяйку: «Что ты за людей напустила?» — «Это нищіе, ночевать выпросились». — «Нужно было! и на улицѣ бъ ночевали!» Сѣлъ хозяинъ съ хозяйкою и съ двумя сыновьями ужинать, а нищихъ не зовутъ. Убогой вынулъ половину просвирки, самъ покушалъ и Нестеркѣ и дѣтишкамъ его далъ: всѣ сыты наѣлись. Хозяинъ только удивляется: «Отчего такъ мы четверо цѣлой хлѣбъ сѣли — и то впроголодь, а ихъ восьмеро половиной просвирки сыты!» Какъ заснули хозяева, убогой и посылаетъ Нестерку на дворъ посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Нестерка вышелъ — всѣ лошади овесъ ѣдятъ. Въ другой разъ посылаетъ его убогой: «Поди, опять посмотри!» Вышелъ онъ, посмотрѣлъ — на всѣхъ лошадяхъ хомуты надѣты. Въ третій разъ посылаетъ Нестерку убогой; опять вышелъ онъ — всѣ лошади запряжены. Воротился въ избу и говоритъ: «Всѣ лошади въ упряжи стоятъ». — «Ну, сказалъ убогой: теперь выноси своихъ дѣтей и меня, да поѣдемъ». Сѣли они на свою повозку и поѣхали со двора, а двѣнадцать хозяйскихъ лошадей вслѣдъ за ними съ возами пошли. Ъхали-ѣхали, и приказываетъ убогой, чтобы сходилъ Нестерка въ тотъ домъ, гдѣ они ночевали,

да рукавицы взялъ: «Я де на полатяхъ забылъ». Пришелъ Нестерка — а того дома какъ не бывало, сквозь землю провалился! однѣ рукавицы на печномъ столбѣ уцѣлѣли. Взялъ онъ рукавицы, приходитъ къ убогому и говоритъ, что весь домъ провалился сквозь землю. «Это Господь за разбой покаралъ! Возьми себѣ эти двѣнадцать возовъ со всѣмъ, что есть», сказалъ убогой, и изъ глазъ пропалъ. Нестерка пріѣхалъ домой, посмотрѣлъ — всѣ возы серебромъ засыпаны, и сталъ богато жить.

Посылаетъ его жена: «Что, говоритъ, лошади такъ гуляютъ? поѣзжай-ка въ извозъ». Онъ собрался и поѣхалъ въ городъ. Повстрѣчала его на дорогѣ невѣдомо-чья дѣвица: «Это, говоритъ, не твои лошади!» — «Не мои, отвѣчаетъ Нестерка: коли ты признала ихъ — возьми, Богъ съ тобой! Дѣвица взяла двѣнадцать лошадей, а мужикъ домой воротился. На другой день пришла къ нему подъ окно эта дѣвица и говоритъ: «На, возьми своихъ лошадей; я съ тобой пошутила, а ты ихъ и отдалъ!» Нестерка взялъ лошадей, смотритъ, а въ возахъ больше прежняго серебра да золота насыпано!

Записана въ Тверской губ., въ Зубцовскомъ у.

204

Безстрашный

Въ нѣкоторомъ царствѣ жилъ купеческой сынъ, сильной, смѣлой, смолоду ничего не боялся; захотѣлось ему страсти извѣдать и поѣхалъ онъ съ работникомъ странствовать. Долго ли, коротко ли — пріѣхали они къ дремучему лѣсу, а тутъ какъ нарочно смеркалося. «Поѣзжай въ лѣсъ!» говоритъ купеческой сынъ. «Эхъ, хозяинъ, сюда страшно ѣхать: вѣдь теперь ночь, могутъ либо звѣри напасть, либо разбойники

обидѣть». — «Вотъ испугался! дѣлай, что приказываю». Въѣхали они въ лѣсъ, и спустя немного увидали: виситъ на одномъ деревѣ мертвецъ. Работникъ еще пуще набрался страху, а купеческому сыну все нипочемъ — снялъ мертвеца съ дерева, положилъ въ повозку и велѣлъ ѣхать дальше. Черезъ часъ черезъ два подъѣзжаютъ они къ большому дому; въ окна огонь свѣтится. «Ну, вотъ и знатно: есть гдѣ переночевать!» говоритъ купеческой сынъ; а работникъ упирается: «Лучше въ лѣсу ночевать, чѣмъ въ этомъ домѣ: того и гляди къ разбойникамъ попадемъ — оберутъ насъ до нитки, да и смерти не миновать!» И впрямь тутъ жили разбойники; но купеческой сынъ ничего не слушаетъ, самъ и ворота отворилъ и на дворъ въѣхалъ. Выпрягъ лошадей, и беретъ съ собой работника въ хоромы. Входитъ — а тамъ за большимъ столомъ сидятъ разбойники, всѣ въ богатой одѣжѣ, у всѣхъ при боку славныя сабли; пьютъ разные напитки да ѣдятъ рыбу. «Здравствуйте, господа! сказалъ имъ купеческой сынъ: посадите-ка и меня съ собой попить, покушать». Разбойники смотрятъ на него: что за молодецъ? и не отвѣчаютъ ни слова. Незваной гость самъ къ столу подходитъ, взялъ кусокъ рыбы, съѣлъ и говоритъ: «Ну, господа, плоха ваша рыба! Эй, работникъ! поди-ка, принеси сюда ту бѣлужину, что въ повозкѣ лежитъ». Работникъ сбѣгалъ, принесъ мертвеца. Купеческой сынъ взялъ мертвое тѣло, бросилъ на столъ и принялся ножомъ кромсать; отрѣзалъ кусокъ, понюхалъ и закричалъ: «Нѣтъ, не хороша и эта бѣлужина! Работникъ! лови-ка живыхъ» А самъ на разбойниковъ показываетъ; разбойники съ испугу разбѣжались въ разныя стороны и попрятались — кто куда. «Ну, вотъ ты боялся! гдѣ же страсть-то?» спрашиваетъ купеческой сынъ работника: «сядемъ

лучше за столъ да поужинаемъ». Съли, напились-наѣлись, а ночевать не остались; запрягли лошадей и поѣхали въ путь-дорогу. Вотъ подъѣзжаютъ они къ кладбищу. «Стой! закричалъ купеческой сынъ; остановимся здѣсь ночевать». А работникъ опять за свое: «Тутъ страшно! по ночамъ мертвецы встаютъ». — «Экой ты! всего бойшься!» Остановились и легли спать на могилѣ. Купеческой сынъ заснулъ, а работнику и сна нѣтъ. Вдругъ изъ той могилы подымается мертвецъ въ бѣломъ саванѣ, огромнаго роста, навалился на купческаго сына и началъ его душить. Тотъ пробудился, сшибъ мертвеца подъ себя и принялся въ свою очередь бить его и мучить всячески. Мертвецъ терпѣль-терпѣль и сталъ пощады просить. «Я тебя, пожалуй, отпущу (говорить купеческой сынъ), если ты черезъ часъ унесешь и доставишь мнѣ дочь такого-то царя, что живетъ отсюда за тридевять земель». — «Доставлю, только отпусти!» Купеческой сынъ отпустилъ мертвеца, и черезъ часъ времени возлѣ его повозки появилась спящая царевна — на той же самой кровати, на какой обыкновенно она почивала въ царскихъ палатахъ. Купеческой сынъ не будилъ царевны до тѣхъ поръ, пока она сама не проснулась, а воротившись домой, вступилъ съ нею въ законное супружество.

Много купеческой сынъ по разнымъ землямъ странствовалъ, а страху нигдѣ не испыталъ; пріѣхалъ домой, и вотъ что случилось съ нимъ въ нѣкое время. Имѣлъ онъ сильную охоту рыбу ловить: цѣлые дни и ночи на рѣкѣ проводилъ. Матери его больно не нравилось, что онъ надолго изъ дому отлучается; вотъ она и попросила рыбаковъ какъ-нибудь испугать его. Рыбаки наловили ершей, и какъ скоро замѣтили, что купеческой сынъ, плавая въ лодкѣ, заснулъ, — подплыли

къ нему потихоньку и положили ему за пазуху нѣсколько ершей. Ерши затрепетались, купеческой сынъ испугался и упалъ въ воду, кое-какъ выплылъ, и тутъ-то впервые узналъ, что такое страхъ.

Записана въ Моршанскомъ у., Тамбовской губ., приходскимъ учителемъ А. Добровольскимъ.

205

Разсказы о мертвецахъ

(а) У одномъ селѣ была дѣвка — лежѣка, лѣнтятка, не любила работѣть, абы какъ погудорить да побалакать! И здумала она собрать къ себѣ дѣвокъ на попрядухи. А въ деревняхъ вѣстимо ужъ лежѣки собирають на попрядухи, а лакомогузки ходять. Вотъ она собрала на ночь попрядухъ; онѣ ей прядуть, а она ихъ кормить, подчуеть. То-сѣ, и разговорились: кто изъ нихъ смѣлѣе? Лежѣка говорить: «Я ничего не боюсь!» — «Ну, ежели не боишься, говорятъ попрядухи: дакъ поди мимо погоста¹ къ церкви, сними съ дверей образъ да принеси». — «Хорошо, принесу; только каждая напреди мнѣ по початку»². А это чувство-то въ ней есть, чтобъ ей ничего самой не дѣлать, а чтобъ другіе за нее дѣлали. Вотъ она пошла, сняла образъ и принесла. Ну, тѣ видють — точно образъ отъ церкви. Надо теперь несть образъ назадъ, а время ужъ хъ полночи. Кому несть? Лежѣка говорить: «Вы, дѣвки, прядите; я сама отнесу, я ничего не боюсь!» Пошла, поставила образъ на мѣста. Только идетъ назадъ мимо погосту, и видить: мертвецъ въ бѣломъ саванѣ сидить на могилѣ. Ночь-то мѣсяшная, все видно. Она подходитъ къ мертвецу, сташпила съ него саванъ; мертвецъ ничего не говорить, молчить — знать время

¹) Кладбища.

²) Мѣра прядева.

не пришло ишша¹ ему говорить-то. Вотъ она взяла саванъ, приходитъ домой. «Ну, говорить, образъ отнесла, поставила на мѣста, да вотъ ишша съ мертвеца саванъ стащила!» Дѣвки которыя спужались, которыя не вѣрютъ, смѣются. Только поужинали, легли спать, вдругъ мертвецъ стучится въ окна и говорить: «Отдай мой саванъ! отдай мой саванъ!» Дѣвки перепугались — не живы, не мертвы; а лежака беретъ саванъ, идетъ къ окну, отворила: «На, говорить, возьми!» — «Нѣтъ, отвѣчаетъ мертвецъ: неси туда, гдѣ взяла!» Только вдругъ пѣтухи запѣли — и мертвецъ счезъ. На другую ночь ужъ попрядухи все по домамъ разошлись; въ тотъ же самой часъ опять мертвецъ приходитъ, стучится въ окно: «Отдай мой саванъ!» Вотъ отецъ и мать лежаки отворяютъ окно, отдаютъ ему саванъ. «Нѣтъ, говорить, пушшай она отнесетъ туда, гдѣ взяла!» Ну, какъ идти съ мертвецомъ на погостъ? страшно! Только пѣтухи пропѣли — счезъ мертвецъ. На другой день отецъ и мать послали за священникомъ; рассказали ему такъ и просятъ пособить ихъ горю: «Нельзя ли, говорятъ, обѣдню отслужить!» Священникъ подумалъ: «Ну, пожалуй! велите ей завтра къ обѣдни выходить». На завтра пошла лежака къ обѣдни; началась служба, народу много нашло! Только какъ стали херувимскую пѣть, вдругъ откуда поднялся страшной вихрь, ажно все ницъ попадали! ухватилъ ее да оземь. Дѣвки не стало, только одна коса отъ неѣ осталась.

Записана въ Воронежской губ. Дѣствована Н. И. Второвымъ.

(b) Ъхаль ночью мужикъ съ горшками; Ъхаль-Ъхаль, лошадь у него устала и остановилась какъ разъ противъ кладбища. Мужикъ выпрягъ лошадь, пустилъ на

¹) Еще.

траву, а самъ прилёгъ на одной могилѣ; только что-то не спится ему. Лежалъ-лежалъ, вдругъ начала подъ нимъ могила растворяться; онъ почувалъ это и вскочилъ на ноги. Вотъ могила растворилась, и оттуда вышелъ мертвецъ съ гробовою крышкою, въ бѣломъ саванѣ; вышелъ и побѣжалъ къ церкви, положилъ въ дверяхъ крышку, а самъ въ село. Мужикъ былъ человѣкъ смѣлой; взялъ гробовую крышку и сталъ возлѣ своей телѣги, дожидается. — что будетъ? Немного погодя пришелъ мертвецъ, хватъ — а крышки-то нѣту, сталъ по слѣду добираться, добрался до мужика и говорить: «Отдай мою крышку, не то въ клочья разорву!» — «А топоръ-то на что? отвѣчаетъ мужикъ: я самъ тебя искрошу на мелкія части!» — «Отдай, доброй человѣкъ!» просить его мертвецъ. «Тогда отдамъ, когда скажешь, гдѣ были и что дѣлалъ?» — «А былъ я въ селѣ; уморилъ тамъ двухъ молодыхъ парней». — «Ну, скажи теперь, какъ ихъ оживить можно?» Мертвецъ поневолѣ сказываетъ: «Отрѣжь отъ моего савана лѣвую полу и возьми съ собой; какъ придешь въ тотъ домъ, гдѣ парни умерены, насыпь въ горшочекъ горячихъ угольевъ и положи туда клочокъ отъ савана, да дверь затвори; отъ того дыму они сейчасъ оживутъ». Мужикъ отрѣзалъ лѣвую полу отъ савана и отдалъ гробовую крышку. Мертвецъ подошелъ къ могилѣ — могила растворилась; сталъ въ нее опускаться — вдругъ пѣтухи закричали, и онъ не успѣлъ закрыться какъ надо: одинъ конецъ крышки снаружи остался. Мужикъ все это видѣлъ, все примѣтилъ. Стало разсвѣтать; онъ запрѣгъ лошадь и поѣхалъ въ село. Слышитъ въ одномъ домѣ плачь, крики; входитъ туда — лежатъ два парня мертвые. «Не плачьте! а смогу ихъ оживить». — «Оживи, родимой; половину нашего добра тебѣ отдадимъ», говорятъ родичи. Мужикъ сдѣлалъ все такъ, какъ научилъ

его мертвецъ, и парни ожили. Родные обрадовались, а мужика тотчасъ схватили, скрутили веревками: «Нѣтъ, дока! мы тебя начальству представимъ; коли оживить сумѣлъ, стало быть, ты и уморилъ-то!» — «Что вы, православные! Бога побойтесь!» завопилъ мужикъ и рассказалъ все, что съ нимъ ночью было. Вотъ дали знать по селу, собрался народъ и повалилъ на кладбище, отыскиали могилу, изъ которой мертвецъ выходилъ, разрыли и вбили ему прямо въ сердце осиновою коль, чтобъ больше не вставалъ да людей не морилъ: а мужика знатно наградили и съ честью домой отпустили.

Записана въ Моршанскомъ у., Тамбовской губ., сельскимъ приходскимъ учителемъ Алексѣмъ Добровольскимъ.

(f) Отпросился солдатъ въ отпускъ — родину навѣстить, родителей повидать, и пошелъ въ дорогу. День шелъ, другой шелъ, на третій забрѣлъ въ дремучій лѣсъ. Гдѣ тутъ ночевать? Увидалъ — на опушкѣ двѣ избы стоятъ, зашелъ въ крайнюю и засталъ дома одну старуху. «Здравствуй, бабушка!» — «Здравствуй, служивенькой!» — «Пусти меня ночь переспать». — «Ступай, только тебѣ здѣсь безпокойно будетъ». — «Что, али тѣсно у васъ? это, бабушка, ничего, солдату немного мѣста надо: гдѣ-нибудь въ уголокъ прилягу, только бы не на дворѣ!» — «Не то, служивенькой! на грѣхъ пришелъ ты . . .» — «На какой грѣхъ?» — «А вотъ на какой: въ сосѣдней избѣ померъ недавно старикъ — большой колдунъ! и таперича каждую ночь рыщетъ онъ по чужимъ домамъ да людей ѣстъ». — «Э, бабушка! Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ». Солдатъ раздѣлся, поужиналъ, и полѣзъ на полати; легъ отдыхать, а возлѣ себя тесакъ положилъ. Ровно въ двѣнадцать часовъ попадали всѣ запоры, и раствори-

лись всѣ двери; входитъ въ избу покойникъ въ бѣломъ саванѣ, и бросился на старуху. «Ты, проклятой, зачѣмъ сюда?» закричалъ на него солдатъ. Колдунъ оставилъ старуху, вскочилъ на полаты и давай съ солдатомъ возиться. Тотъ его тесакомъ, рубиль-рубиль, всѣ пальцы на рукахъ поотбивалъ, а все не можетъ поправиться. Крѣпко они сцѣпились, и оба съ полатей на полъ грохнулись: колдунъ подъ низъ, а солдатъ наверхъ попалъ; схватилъ солдатъ его за бороду и до тѣхъ поръ угощалъ тесакомъ, пока пѣтухи не запѣли. Въ ту самую минуту колдунъ омертвѣлъ: лежитъ, не тронется, словно деревянная колода. Солдатъ вытащилъ его на дворъ и бросилъ въ колодезь — головой внизъ, ногами вверхъ. Глядь: на ногахъ у колдуна славные новые сапоги, гвоздями убиты, дѣгтемъ смазаны! «Эхъ, жаль! такъ, задаромъ пропадутъ! думаетъ солдатъ: дай-ка я сниму ихъ!» Снялъ съ мертвого сапоги и воротился въ избу. «Ахъ, батюшка служивенькой! говоритъ старуха: зачѣмъ ты съ него сапоги-то снялъ?» — «Дакъ неужли жъ на немъ оставить? Ты смотри: какіе сапоги-то! Кому не надо — рубль серебра дать; а я вѣдь человѣкъ походной, мнѣ они очень пригодятся!» На другой день простился солдатъ съ хозяйкою и пошелъ дальше; только съ того самаго дня — куда онъ ни пойдетъ на ночлегъ, ровно въ двѣнадцать часовъ ночи является подъ окно колдунъ и требуетъ своихъ сапоговъ: «Я, грозить, отъ тебя нигдѣ не отстану: всю дорогу съ тобой пройду, на родинѣ не дамъ отдыху, на службѣ замучу!» Не выдержалъ солдатъ: «Да что тебѣ, проклятой, надобно?» — «Подай мои сапоги!» Солдатъ бросилъ въ окно сапоги: «На, отвязись отъ меня, нечистая сила!» Колдунъ подхватилъ свои сапоги, свистнулъ и съ глазъ пропалъ.

(g) Пошелъ мужикъ на охоту и любимую собаку съ собой взялъ. Ходилъ-ходилъ по лѣсамъ, по болотамъ, ничего не выходилъ; пристигала его темная ночь, въ неуказные часы идетъ мимо кладбища и видитъ: стоитъ на распутіи мертвецъ въ бѣломъ саванѣ. Оробѣлъ мужикъ: куда идти? впередъ или назадъ повернуть? «Эхъ, что ни будетъ, пойду впередъ!» Идетъ, а собака за нимъ слѣдомъ бѣжитъ. Запримѣтилъ его мертвецъ и понесся навстрѣчу — до земли ногами на полъ-аршина не хватаетъ, только саванъ раздувается. Поровнялся съ охотникомъ, бросился на него, а собака ухватила того мертвеца за голыя икры и начала съ нимъ бороться. Видитъ мужикъ, что собака съ мертвецомъ схватилась; обрадовался, что его дѣло право, и побѣжалъ во всю прыть домой. Собака до тѣхъ поръ дралась, пока пѣтухи запѣли и мертвецъ недвижимо упалъ; послѣ того пустилась за хозяиномъ, нагнала у самаго дома и бросилась рвать-кусать его; такъ обозлилась, такъ пристала, что еле домашніе отбили! «Что такое съ собакой подѣялось? спрашиваетъ мать-старуха: отчего такъ возненавидѣла хозяина?» Мужикъ рассказъ все, что было. «Нехорошо, сынокъ! говорить старуха: собака за то осерчала, что ты не далъ ей помощи; она съ покойникомъ дралась, а ты ее одною покинулъ да себя спасалъ! Теперь она долго будетъ на тебя зло мыслить». На утро вся семья по двору ходитъ — собака ничего, а только хозяинъ покажется — такъ и зарычить. Приковали ее на цѣпь; цѣлой годъ на цѣпи продержали, а все она не забыла хозяйской обиды; сорвалась какъ-то и прямо на охотника, давай душиить его . . . Тутъ ее и убили.

(h) Въ стародавніе годы жили-были въ одной деревнѣ два молодыхъ парня; жили они дружно, вмѣстѣ по

бесѣдамъ ходили, другъ друга за родного брата почитали. Сдѣлали они между собой такой уговоръ: кто изъ нихъ станетъ впередъ жениться, тому звать своего товарища на свадьбу; живъ ли онъ будетъ, помрётъ ли — все равно. Черезъ годъ послѣ того заболѣлъ одинъ молодёцъ и померъ; а спустя нѣсколько мѣсяцевъ задумалъ его товарищъ жениться. Собрался со всеѣмъ сродствомъ своимъ и поѣхалъ за невѣстою. Случилось имъ ѣхать мимо кладбища, вспомнилъ женихъ своего пріятеля, вспомнилъ старой уговоръ и велѣлъ остановить лошадей: «Я, говорить, пойду къ своему товарищу на могилу; попрошу его къ себѣ на свадьбу погулять; онъ былъ мнѣ вѣрный другъ!» Пошелъ на могилу и сталъ звать: «Любезный товарищъ! прошу тебя на свадьбу ко мнѣ». Вдругъ могила растворилась, покойникъ всталъ и вымолвилъ: «Спасибо тебѣ, братъ, что исполнилъ свое обѣщаніе! На радостяхъ взойди ко мнѣ; выпьемъ съ тобой по стакану сладкаго вина». — «Зашелъ бы, да поѣздъ стоитъ, народъ дожидается». Покойникъ отвѣчаетъ: «Эхъ, братъ! стаканъ вить недолго выпить». Женихъ спустился въ могилу; покойникъ налилъ ему чашу вина, онъ выпилъ — и прошло цѣлое сто лѣтъ. «Пей, милой, еще чашу!» Выпилъ другую — прошло двѣсти лѣтъ. «Ну, дружище, выпей и третью, да ступай съ Богомъ, играй свою свадьбу!» Выпилъ третью чашу — простился съ своимъ товарищемъ; гробъ закрылся, могила заровнялась. Женихъ смотритъ: гдѣ было кладбище, тамъ стала пустошь; нѣтъ ни дороги, ни сродниковъ, ни лошадей, вездѣ поросла крапива да высокая трава. Побѣжалъ въ деревню — и деревня ужъ не та: домъа иные, люди все незнакомые. Пошелъ къ священнику — и священникъ не тотъ: рассказалъ ему, какъ и что было. Священникъ началъ по книгамъ справляться, и нашелъ, что триста

лѣтъ тому назадъ былъ такой случай: въ день свадьбы отправился женихъ на кладбище и пропалъ, а невѣста его вышла потѣмъ замужъ за другого.

206

Упырь

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, былъ-жилъ старикъ со старухою; у нихъ была дочь Маруся. Въ ихъ деревнѣ былъ обычай справлять праздникъ Андрея Первозваннаго: соберутся дѣвки въ одну избу, напекутъ пампушекъ и гуляютъ цѣлую недѣлю, а то и больше. Вотъ дождались этого праздника, собрались дѣвки, напекли-наварили что надо; вечеромъ пришли парубки съ сопелкою, принесли вина, и началась пляска, гульба — дымъ коромысломъ! Всѣ дѣвки хорошо пляшутъ, а Маруся лучше всѣхъ. Немного погодя, входитъ въ избу такой молодецъ — что на поди! кровь съ молокомъ! одѣтъ богато, чисто. «Здравствуйте, говорить, красныя дѣвицы!» — «Здравствуй, доброй мѣлодецъ!» — «Гулянье вамъ!» — «Милости просимъ гулять къ намъ!» Сейчасъ вынулъ онъ кошель полонъ золота, послалъ за виномъ, за орѣхами, пряниками — разомъ все готово; началъ угощать и дѣвокъ и робятъ, — всѣхъ одѣлилъ. А пошелъ плясать — любо-дорого посмотреть! Больше всѣхъ полюбилакъ ему Маруся; такъ къ ней и пристаеъ. Наступило время по домамъ расходиться. Говоритъ этотъ мѣлодецъ: «Маруся! поди, проводи меня». Она вышла провожать его; онъ и говорить: «Маруся, сердце! хочешь ли, я тебя замужъ возьму?» — «Если бы взялъ, я бы съ радостью пошла. Да ты отколя?» — «А вотъ изъ такого-то мѣста, живу у купца за приказчика». Тутъ они попрощались и пошли

всякой своей дорогою. Воротилась Маруся домой, мать ее спрашиваетъ: «Хорошо ли погуляла, дочка?» — «Хорошо, матушка! да еще скажу тебѣ радость: былъ тамъ со стороны доброй мѡлодецъ, собой красавецъ и денегъ много; обѣщаль взять меня замужъ». — «Слушай, Маруся; какъ пойдешь завтра къ дѣвкамъ, возьми съ собой клубокъ нитокъ; станешь провожать его, втѣпоры накинъ ему петельку на пуговицу и распускай потихоньку клубокъ, а послѣ по этой ниткѣ и свѣдаешь, гдѣ онъ живетъ». На другой день пошла Маруся на вечерницу и захватила съ собой клубокъ нитокъ. Опять пришелъ доброй мѡлодецъ: «Здравствуй, Маруся!» — «Здравствуй!» Начались игры, пляски; онъ пуще прежняго льнѣтъ къ Марусѣ, ни на шагъ не отходить. Ужъ время и домой идти. «Маруся! говоритъ гость: проводи меня». Она вышла на улицу, стала съ нимъ прощаться и тихонько накинула петельку на пуговицу; пошелъ онъ своею дорогою, а она стоитъ да клубокъ распускаетъ; весь распустила и побѣжала узнавать, гдѣ живетъ ея названной женихъ. Сначала нитка по дорогѣ шла, послѣ потянулася черезъ заборы, черезъ канавы, и вывела Марусю прямо къ церкви, къ главнымъ дверямъ. Маруся попробовала — двери заперты; пошла кругомъ церкви, отыскала лѣстницу, подставила къ окну и полѣзла посмотрѣть, что тамъ дѣется. Влѣзла, глянула — а названной женихъ стоитъ у гроба да упокойника ѣсть; въ церкви тогда ночевало мертвое тѣло. Хотѣла было потихоньку соскочить съ лѣстницы, да съ испугу не остереглася и стукнула; бѣжить домой — себя не помнить, все ей погоня чудится; еле жива прибѣжала! Поутру мать спрашиваетъ: «Что, Маруся, видѣла того мѡлодца?» — «Видѣла, матушка!» а что видѣла, того не рассказываетъ. Вечеромъ сидитъ Маруся въ раздумьи: идти

или нѣтъ на вечерницу?» — «Ступай, говорить мать: поиграй, пока молода!» Приходитъ она на вечерницу, а нечистой уже тамъ. Опять начались игры, смѣхи, пляска; дѣвки ничего не вѣдаютъ! Стали по домамъ расходиться; говорить нечистой: «Маруся! поди, проводи меня». Она нейдетъ, боится. Тутъ всѣ дѣвки на нее накинулись: «Что съ тобой? или застыдилася? ступай, проводи добра молодца!» Нечего дѣлать, пошла — что Богъ дастъ! Только вышли на улицу, онъ ее и спрашиваетъ: «Ты вчера къ церкви ходила?» — «Нѣтъ!» — «А видѣла, что я тамъ дѣлалъ?» — «Нѣтъ!» — «Ну, завтра твой отецъ помереть!» Сказалъ и исчезъ. Вернулась Маруся домой грустна и невесела; поутру проснулась — отецъ мертвой лежитъ. Поплакали надъ нимъ и въ гробъ положили; вечеромъ мать къ попу поѣхала, а Маруся осталась: страшно ей одной дома; «дай, думаетъ, пойду къ подругамъ». Приходитъ, а нечистой тамъ. «Здравствуй, Маруся! что невесела?» спрашиваютъ ее дѣвки. «Какое веселье? отецъ померъ». — «Ахъ, бѣдная!» Всѣ тужать объ ней; тужить и онъ, проклятой, будто не его дѣло. Стали прощаться, по домамъ расходиться. «Маруся, говоритъ онъ: проводи меня». Она не хочетъ. «Что ты, маленькая, что ли? чего боишься? проводи его!» пристають дѣвки. Пошла провожать; вышла на улицу. «Скажи, Маруся, была ты у церкви?» — «Нѣтъ!» — «А видѣла, что я дѣлалъ?» — «Нѣтъ!» — «Ну, завтра мать твоя помереть!» Сказалъ и исчезъ. Вернулась Маруся домой еще печальнѣе; переночевала ночь, поутру проснулась — мать лежитъ мертвая. Цѣлой день она проплакала, вотъ солнце сѣло, кругомъ темнѣть стало — боится Маруся одна оставаться; пошла къ подругамъ. «Здравствуй! что съ тобой? на тебѣ лица не видать!» говорятъ дѣвки. «Ужъ какое мое веселье! вчера отецъ померъ, а сегодня

мать». — «Бѣдная, несчастная!» сожалеютъ ее всѣ. Вотъ пришло время прощаться. «Маруся! проводи меня», говоритъ нечистой. Вышла провожать его. «Скажи, была ты у церкви?» — «Нѣтъ!» — «А видѣла, что я дѣлалъ?» — «Нѣтъ!» — «Ну, завтра ввечеру сама помрешь!» Маруся переночевала съ подругами, поутру встала и думаетъ: что ей дѣлать? Вспомнила, что у ней есть бабка — старая-старая, ужъ ослѣпла отъ долгихъ лѣтъ. «Пойду-ка я къ ней, посовѣтуюсь». Отправилась къ бабкѣ. «Здравствуй, бабушка!» — «Здравствуй, внучка! какъ Богъ милуетъ? что отецъ съ матерью?» — «Померли, бабушка!» — и рассказала ей все, что съ нею случилось. Старуха выслушала и говорить: «Охъ, горемычная ты моя! ступай скорѣй къ попу, попроси его: коли ты помрешь, чтобъ вырыли подъ порогомъ яму, да несли бы тебя изъ избы не въ двери, а протащили бъ сквозь то отверстие; да еще попроси, чтобъ похоронили тебя на перекресткѣ — тамъ, гдѣ двѣ дороги пересѣкаются». Пришла Маруся къ попу, слезно заплакала и упросила его сдѣлать все такъ, какъ бабушка научила; воротилась домой, купила гробъ, легла въ него — и тотчасъ же померла. Вотъ дали знать священнику; похоронилъ онъ сначала отца и мать Маруси, а потомъ и ее. Вынесли Марусю подъ порогомъ, схоронили на раздорѣжьи.

Въ скоромъ времени случилось одному боярскому сыну проѣзжать мимо Марусиной могилы; смотреть — а на той могилѣ растетъ чудный цвѣтокъ, какого онъ никогда не видывалъ. Говоритъ баричъ своему слугѣ: «Поди, вырой мнѣ тотъ цвѣтокъ съ ^и корнемъ; привеземъ домой и посадимъ въ горшокъ: пусть у насъ цвѣтетъ!» Вотъ вырыли цвѣтокъ, привезли домой, посадили въ муравленой горшокъ и поставили на окно. Началъ цвѣтокъ расти, красоваться. Разъ какъ-то

не поспалось слугѣ ночью; смотреть онъ на окно и видеть — чудо совершилось: вдругъ цвѣтокъ зашатался, упалъ съ вѣтки наземъ — и обратился красной дѣвицей; цвѣтокъ былъ хорошъ, а дѣвица лучше! Пошла она по комнатамъ, достала себѣ разныхъ напитковъ и кушаньевъ, напилась-наѣлась, ударилась объ полъ — сдѣлалась попрежнему цвѣткомъ, поднялась на окно и сѣла на вѣточку. На другой день рассказалъ слуга баричу, какое чудо ему въ ночи привидѣлось. «Ахъ, братецъ! что жъ ты меня не разбудилъ? Нынѣшнюю ночь станемъ вдвоемъ караулить». Пришла ночь — они не спятъ, дожидаются. Ровно въ двѣнадцать часовъ цвѣтокъ началъ шевелиться, съ мѣста на мѣсто перелетать, послѣ упалъ наземъ — и явилась красная дѣвица; достала себѣ напитковъ и кушаньевъ и сѣла ужинать. Баринъ выбѣжалъ, схватилъ ее за бѣлыя руки и повелъ въ свою горницу; не можетъ вдоволь на нее насмотрѣться, на красоту ея наглядѣться. На утро говорить отцу, матери: «Позвольте мнѣ жениться; я нашелъ себѣ невѣсту». Родители позволили. Маруся говорить: «Я пойду за тебя только съ тѣмъ уговоромъ, чтобы четыре года въ церковь не ходить». — «Хорошо!» Вотъ обвѣнчались, живутъ себѣ годъ и два, и прижили сына. Одинъ разъ наѣхали къ нимъ гости; подгуляли, выпили, и стали хвалиться своими женами: у того хороша, у другого еще лучше. «Ну, какъ хотите, говорить хозяинъ: а лучше моей жены во всемъ свѣтѣ нѣту!» — «Хороша, да некрещена!» отвѣчаютъ гости. «Какъ такъ?» — «Да въ церковь не ходить». Тѣ рѣчи показались мужу обидны; дождался воскресенья и велѣлъ женѣ наряжаться къ обѣднѣ. «Знать ничего не хочу! будь сейчасъ готова!» Собрались они и поѣхали въ церковь; мужъ входитъ — ничего не видитъ, а она глянула — сидитъ на окнѣ

нечистой: «А, такъ ты вѣтана! Вспомни-ка старое: была ты ночью у церкви?» — «Нѣтъ!» — «А видѣла, что я тамъ дѣлалъ?» — «Нѣтъ!» — «Ну, завтра у тебя и мужъ и сынъ помрутъ!» Маруся прямо изъ церкви бросилась къ своей старой бабушкѣ. Та ей дала въ одномъ пузырькѣ святой воды, а въ другомъ живущей, и сказала, какъ и что дѣлать. На другой день померли у Маруси и мужъ и сынъ; а нечистой прилетѣлъ и спрашиваетъ: «Скажи, была у церкви?» — «Была». — «А видѣла, что я дѣлалъ?» — «Мертваго жралъ!» Сказала да какъ плеснетъ на него святой водою — онъ такъ прахомъ и разсыпался. Послѣ взбрызнула живущей водою мужа и сына — они тотчасъ ожили, и съ той поры не знали ни горя ни разлуки, а жили все вмѣстѣ долго и счастливо.

207

Иванъ-купеческій сынъ отчитываетъ царевну

Въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ купецъ, у него былъ сынъ Иванъ. Выучился Иванъ грамотѣ и нанялся къ одному богачу въ работники; пожилъ у него три года, получилъ за все это время жалованье, и собрался домой. Идетъ онъ дорогою, а навстрѣчу ему нищій плетется — и хромъ, и слѣпъ, и проситъ святой милостинки Христа ради. Купеческой сынъ отдалъ убогому все заработанныя деньги и пришелъ домой ни съ чѣмъ; а тутъ несчастье — отецъ померъ, надо хоронить да долги платить. Кое-какъ сбился, управился съ дѣлами и принялся за торгъ. Вскорѣ прослышалъ онъ, что два его дяди нагружаютъ корабли товарами и хотятъ за море ѣхать; «дай, думаетъ, и я поѣду! авось дяди возьмутъ меня съ собою». Пошелъ къ нимъ проситься. Дяди обѣщали: «Приходи, го-

ворятъ, завтра!» а наавтра чуть свѣтъ распустили паруса и уѣхали одни, безъ племянника. Иванъ запечалился; говорить ему мать: «Не кручинься, сынокъ! ступай на рынокъ, найми себѣ приказчика — только постарѣй выбирай; старые люди — бывалые, на все догадливые. Какъ наймешь приказчика, изготовь корабль, и поѣзжайте вдвоемъ за море. Богъ не безъ милости!» Иванъ-купеческой сынъ послушался, побѣжалъ на рынокъ, а навстрѣчу ему сѣдой старичокъ: «Куда спѣшишь, доброй молодецъ?» — «Иду, дѣдушка, на рынокъ, хочу нанять приказчика». — «Найми меня!» — «А что возьмешь?» — «Половину барыша». Купеческой сынъ согласился и принялъ старика въ приказчики. Изготовили они корабль, нагрозили товарами и отвалили отъ берега; вѣтеръ былъ попутной, корабль ходкой, и прибылъ Иванъ въ чужестранное государство въ то самое время, какъ дядины корабли въ пристань входили. Въ томъ государствѣ обмерла у царя дочь, вынесли ее въ церковь и каждую ночь посылали къ ней по одному человѣку на сѣденіе. Много народу погибло; «эдакъ, думаетъ царь; пожалуй, и царство мое не устоитъ», и выдумалъ: вмѣсто своихъ людей посылать къ дочери пріѣзжихъ изъ иныхъ земель; какой бы купецъ ни явился у пристани — долженъ напередъ перебыть ночь въ церкви, а потѣмъ, коли уцѣлѣетъ — можетъ и покупать, и продавать, и назадъ ѣхать. Вотъ новопріѣзжіе купцы сошлись на пристани и стали судить да рядить, кому прежде въ церковь идти. Кинули жеребей, и доставалось на первую ночь идти старшему дядѣ, на вторую ночь — младшему дядѣ, а на третью ночь — Ивану-купеческому сыну. Дяди испугались и давай просить своего племянника: «Голубчикъ Ванюшка! переночуй за насъ въ церкви; что хочешь — то и возьми за послугу, спорить не

будемъ». — «Постойте, я спрошусь у дѣдушки». Пошелъ къ старику: «Такъ и такъ, говорить, дяди пристаютъ, просятъ за нихъ потрудиться; какъ ты, дѣдушка, присовѣтуешь?» — «Ну, что жъ, — потрудись; только пусть они за то по три корабля тебѣ дадутъ». Иванъ-купеческой сынъ передалъ эти слова своимъ дядюшкамъ; они согласились: «Ладно, Ваня! шесть кораблей — твои». Когда наступилъ вечеръ, старичокъ взялъ Ивана за руку, привелъ въ церковь, поставилъ возлѣ гроба и начертилъ кругъ: «Стой крѣпко, изъ-за черты не выходи, читай псалтырь и ничего не бойся!» Сказалъ и ушелъ. Иванъ-купеческой сынъ остался одинъ въ церкви, развернулъ книгу и началъ псалмы читать. Какъ только пробило двѣнадцать часовъ — подымается крышка съ гроба, встаетъ царевна и подходитъ прямо къ чертѣ: «Я тебя съѣмъ!» грозить, рвется впередъ, кричить на разные голоса — и по-собачьи и по-кошачьи, а переступить черты не можетъ. Иванъ читаетъ, на нее не смотритъ; вдругъ пѣтухи запѣли, и царевна бросилась въ гробъ какъ попало; ея платье черезъ край повисло. Поутру посылаетъ царь своихъ прислужниковъ: «Ступайте въ церковь, приберите кости». Прислужники отперли двери, заглянули въ церковь, — а купеческой сынъ стоитъ живой передъ гробомъ да все псалтырь читаетъ. На другую ночь было то же самое; а на третій день вечеромъ взялъ его старикъ за руку, привелъ въ церковь, и говорить: «Какъ только ударитъ двѣнадцать часовъ, ты не мѣшкай полѣзай на хоры; тамъ стоитъ большой образъ Петра-апостола, стань позади его — ничего не бойся!» Купеческой сынъ принялся за псалтырь, читаль-читаль; ровно въ двѣнадцать часовъ видитъ — крышка съ гроба подымается; онъ поскорѣй на хоры, и сталъ позади большого образа Петра-апостола. Царевна выскочила да за нимъ, прибѣжала на хоры,

искала-искала, всё углы обошла — не могла найти. Подходить къ образу, глянула на ликъ св. апостола и задрожала; вдругъ отъ иконы гласъ раздался: «Изыди, окаянной!» Въ ту жь минуту злой духъ оставилъ царевну, пала она передъ иконою на колѣна и начала со слезами молиться. Иванъ-купеческой сынъ вышелъ изъ-за образа, сталъ съ нею рядомъ, крестится да поклоны кладетъ. Поутру приходятъ въ церковь царскіе прислужники, смотрятъ — Иванъ-купеческой сынъ и царевна стоятъ на колѣнахъ и Богу молятся; тотчасъ побѣжали и доложили царю. Царь обрадовался, поѣхалъ самъ въ церковь, привезъ царевну во дворецъ, и говоритъ купеческому сыну: «Ты мою дочь и все царство избавилъ; возьми ее за себя замужъ; а въ приданое жалую тебѣ шесть кораблей съ дорогими товарами». На другой день ихъ перевѣнчали; весь народъ пировалъ на свадьбѣ — и бояре, и купцы, и простые крестьяне. Черезъ недѣлю послѣ того собрался Иванъ-купеческой сынъ домой ѣхать; распростился съ царемъ, взялъ молодую жену, сѣлъ на корабль и велѣлъ выходить въ море. Бѣжить его корабль по морю, а вслѣдъ за нимъ двѣнадцать другихъ плывутъ: шесть кораблей, что царь подарилъ, да шесть кораблей, что у дядей выслужилъ. На половинѣ пути говоритъ старичокъ Ивану-купеческому сыну: «Когда жъ станемъ барыши дѣлить?» — «Хоть сейчасъ, дѣдушка! выбирай себѣ шесть кораблей, какіе полюбятся». — «Это не все; надо и царевну подѣлить». — «Что ты, дѣдушка! какъ ее дѣлить». — «Да вотъ разрублю надвое: тебѣ половина, да мнѣ половина». — «Богъ съ тобой! эдакъ она никому не достанется; лучше бросимъ жеребій». — «Не хочу! отвѣчаетъ старикъ: сказано — барыши пополамъ, такъ тому и быть!» Выхватилъ мечъ и разсѣкъ царевну надвое, — поползли изъ нея разные гады и

змѣи. Старикъ перебилъ всѣхъ гадъ и змѣй, сложилъ царевнино тѣло, взбрызнулъ разъ святою водою — тѣло срослось, взбрызнулъ въ другой — царевна ожила и сдѣлалась краше прежняго. Говорить тогда старикъ Ивану-купеческому сыну: «Бери себѣ и царевну и всѣ двѣнадцать кораблей, а мнѣ ничего не надо; живи праведно, никого не обижай, нищую братію надѣляй, да молись св. апостолу Петру». Сказалъ и исчезъ. Купеческой сынъ воротился домой и жилъ съ своею царевною долго и счастливо, никого не обижалъ и бѣднымъ завсегда помогалъ.

Разсказы о вѣдьмахъ

(а) Позднимъ вечеромъ приѣхалъ одинъ казакъ въ село, остановился у крайней избы и сталъ проситься: «Эй, хозяинъ! пусти переночевать». — «Ступай, коли смерти не боишься». — «Что за рѣчь такая!» думаетъ казакъ, поставилъ коня въ сарай, далъ ему корму, и идетъ въ избу. Смотритъ — и мужики, и бабы, и малые ребятишки всѣ навзрыдъ плачутъ да Богу молятся; помолились и стали надѣвать чистыя рубашки. «Чего вы плачете?» спрашиваетъ казакъ. «Да вишь, отвѣчаетъ хозяинъ: въ нашемъ селѣ по ночамъ смерть ходитъ; въ какую избу ни заглянетъ — такъ на утро кладѣ всѣхъ жильцовъ въ гробъ да вези на погостъ. Нынѣшнюю ночь за нами очередь». — «Э, хозяинъ! не бойся; Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ». Хозяева полегли спать; а казакъ себѣ на умѣ — и глазъ не смыкаетъ. Въ самую полночь отворилось окно; у окна показалась вѣдьма — вся въ бѣломъ, взяла кропило, просунула руку въ избу и только хотѣла кропить — какъ вдругъ казакъ размахнулъ своею саблею и отсѣкъ

ей руку по самое плечо. Вѣдьма заохала, завизжала, по-собачьи забрехала, и убѣжала прочь. А казакъ поднялъ отрубленную руку, спряталъ въ свою шинель, кровь замылъ, и легъ спать. Поутру проснулись хозяева, смотрятъ — всѣ до одинаго живы-здоровы, и несказанно обрадовались. «Хотите, говорить казакъ: я вамъ Смерть покажу? Соберите скорѣй всѣхъ сотниковъ и десятниковъ, да пойдемте ее по селу искать». Тотчасъ собрались всѣ сотники и десятники и пошли по домамъ; тамъ нѣту, здѣсь нѣту, наконецъ добрались до пономарской избы. «Вся ли семья твоя налицо?» спрашиваетъ казакъ. «Нѣтъ, родимой! одна дочка больна, на печи лежитъ». Казакъ глянулъ на печь, а у дѣвки рука отсѣчена; тутъ онъ объявилъ все, какъ было, вынулъ и показалъ отрубленную руку. Миръ наградилъ казака деньгами, а эту вѣдьму присудилъ утопить.

(b) Въ нѣкоторомъ королевствѣ жилъ-былъ король; у этого короля была дочь-волшебница. При королевскомъ дворѣ проживалъ попъ, а у попа былъ сыночекъ десяти лѣтъ и каждой день ходилъ къ одной старушкѣ — грамотѣ учиться. Разъ случилось ему поздно вечеромъ идти съ ученья; проходя мимо дворца, глянулъ онъ на одно окошечко. У того окошечка сидитъ королевна, убирается: сняла съ себя голову, мыломъ намылила, чистой водой вымыла, волосы гребнемъ расчесала, заплела косу, и надѣла потѣмъ голову на старое мѣсто. Мальчикъ диву дался: «Вишь какая хитрая! прямая колдунья!» Воротился домой и сталъ всѣмъ рассказывать, какъ онъ королевну безъ головы видѣлъ. Вдругъ расхворалась-разболѣлась королевская дочь, призвала отца и стала ему наказывать: «Если я помру, то заставьте поповскаго сына три ночи сряду надо

мною псалтырь читать». Померла королевна, положили ее въ гробъ и вынесли въ церковь. Король призываетъ попа: «Есть у тебя сынъ?» — «Есть, ваше величество!» — «Пусть, говоритъ, читаетъ надъ моею дочерью псалтырь три noci сряду». Попъ воротился домой и велѣлъ сыну изготавиться. Утромъ пошелъ поповичъ учиться, и сидитъ надъ книгою такой скучной. «О чемъ записались?» спрашиваетъ его старушка. «Какъ мнѣ не печалиться, коли я совсѣмъ пропасть?» — «Да что съ тобой? говори толкомъ». — «Такъ и такъ, бабушка! надо читать надъ королевною, а она вѣдь колдунья!» — «Я прежде тебя это вѣдала! только не бойся, вотъ тебѣ ножикъ; когда прійдешь въ церковь, очерти около себя кругъ, читай псалтырь да назадъ не оглядывайся. Что бы тамъ ни было, какія бы страсти ни представлялись — знай свое, читай да читай! А если назадъ оглянешься — совсѣмъ пропадешь!» Вечеромъ пришелъ мальчикъ въ церковь, очертилъ ножомъ около себя кругъ и принялся за псалтырь. Пробыло двѣнадцать часовъ, съ гроба поднялась крышка, королевна встала, выбѣжала и закричала: «А теперь ты узнаешь, какъ подъ моими окнами подсматривать да людямъ рассказывать!» Стала на поповича бросаться, да никакъ черезъ кругъ перейти не можетъ; тутъ начала она напускать разныя страсти; только что ни дѣлала — онъ все читаетъ да читаетъ, никуда не оглядывается. А какъ стало свѣтать, бросилась королевна въ гробъ, и со всего размаху повалилась въ него — какъ попало! На другую ночь то же приключилось; поповичъ ничего не убоялся, до самаго свѣта безостановочно читалъ, а поутру пошелъ къ старухѣ. Она спрашиваетъ: «Ну, что, видѣлъ страсть?» — «Видѣлъ, бабушка!» — «Нынче еще страшнѣе будетъ! Вотъ тебѣ молотокъ и четыре гвоздя — забей ихъ по четыремъ угламъ гроба, а какъ

станешь псалтырь читать — молотокъ противъ себя поставь». Вечеромъ пришелъ поповичъ въ церковь и сдѣлалъ все такъ, какъ научила старушка. Пробыло двѣнадцать часовъ, гробовая крышка на полъ упала, королевна встала и начала летать по всеѣмъ сторонамъ да грозить поповичу; то напускала большія страсти, а теперь еще больше: чудится поповскому сыну, что въ церкви пожаръ сдѣлался, пламя такъ всеѣ стѣны и охватило! а онъ стоитъ себѣ да читаетъ, назадъ не оглядывается. Передъ разсвѣтомъ королевна въ гробъ бросилась и тотчасъ пожара какъ не бывало — все наважденье сгинуло! Поутру приходитъ въ церковь король, смотреть — гробъ открытъ, въ гробу королевна кверху спиной лежитъ. «Что такое?» спрашиваетъ мальчика; тотъ ему разсказать, какъ и что было. Король приказалъ забить своей дочери осиновый колъ въ грудь и зарыть ее въ землю, а поповича наградилъ казною и разными угодами.

(е) Жила-была старуха — страшная колдунья; у нея были дочь на внучка. Пришло время помирать старухѣ; призываетъ къ себѣ свою дочь и такъ наказываетъ: «Смотри, дочка! какъ я помру — ты не обмывай мое тѣло теплою водицею, а возьми котѣль, вскипяти самага крутого¹ кипятку да тѣмъ кипяткомъ и ошпарь всеѣ меня». Послѣ этого полежала колдунья хворою дня два-три и померла. Дочь побѣждала по сусѣдямъ съ просьбою, чтобы пришли пособить ей обмыть старуху; а въ избѣ осталась одна малая внучка; и видится ей: вылѣзли вдругъ изъ-подъ печки два чорта — большой да крохотной, побѣждали къ мертвой колдуньѣ; старой чортъ схватилъ ее за ноги, какъ дёрнулъ — сразу всю шкуру сорвалъ! и говоритъ чертѣнку: «Возьми себѣ

¹) Горячаго.

мясо, тащи подь печку!» Чертёнокъ подхватилъ мясо въ охапку и унёсъ подь печь. Оставалась одна старухина шкура; старой чортъ залѣзъ въ эту шкуру и лёгъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ лежала колдунья. Вотъ воротилась дочь, привела съ собой съ десятокъ бабъ, и принялись онѣ убирать покойницу. «Мама! говорить дѣвочка: а безъ тебя съ бабушки шкуру стащили». — «Что ты врѣшь?» — «Право, мама! вылѣзъ изъ-подъ печки такой черной-черной, содралъ шкуру, да самъ въ нее и залѣзъ». — «Молчи, негодная! ишь что выдумала!» закричала старухина дочь, принесла большой котёлъ, налила холодной воды, поставила въ печь и нагрѣла крутого кипятку; потомъ подняли бабы старуху, положили въ корыто, взялись за котёлъ и разомъ весь кипятокъ на нее вылили. Чортъ не вытерпѣлъ, выскочилъ изъ корыта, бросился въ дверь — и пропалъ совсѣмъ со шкурою. Бабы смотрять: что за чудо? была покойница, да и нѣтъ ея! ни убирать ни хоронить некого; въ глазахъ черти унесли!

209

Смерть скупого

Жиль-быль скупой скряга, старикъ; имѣлъ двухъ сыновей и множество денегъ; послышалъ смерть, заперся одинъ въ избѣ, и сѣлъ на сундукъ, началъ глотать золотыя деньги и ѣсть ассигнаціи, и такъ покончилъ свою жизнь. Пришли сыновья, положили мертваго подь святые иконы и позвали дьячка читать псалтырь. Вдругъ въ самую полночь является въ образѣ человѣка нечистой, поднялъ мертваго старика на плечо и сказалъ: «Держи, дьячокъ, полу». И началъ трусить старика: «Деньги твои, а мѣшокъ мой!» понёсъ его, и невидимъ сталъ.

Записана въ Саратовской губ.

Скрипачъ въ аду

Быль-жилъ мужикъ, у него было три сына. Жилъ онъ богато, собралъ два котла денегъ — одинъ закопалъ въ овинѣ, другой въ воротахъ. Вотъ померъ этотъ мужикъ, а про деньги никому не сказалъ. Однажды былъ на деревнѣ праздникъ; шелъ скрипачъ на гулянку и вдругъ провалился сквозь землю; провалился и попалъ въ адъ, прямо въ то мѣсто, гдѣ богатой мужикъ мучился. «Здравствуй, знакомой!» говоритъ скрипачъ. Отвѣчаетъ ему мужикъ: «Ты неслално попалъ сюда! здѣсь адъ, и я въ аду сижу». — «За что же ты, дядя, сюда угодилъ?» — «За деньги! было у меня денегъ много, нищимъ не давалъ, два котла въ землю закопалъ. Вотъ сейчасъ станутъ меня мучить, палками бить, когтями терзать». — «Какъ же мнѣ-то быть? пожалуй и меня замучаютъ!» — «А ты поди, сядь за трубой на печкѣ, да три года не ѣшь — такъ уцѣлѣешь!» Скрипачъ спрятался за трубой: пришли ненаши¹, стали богатаго мужика бить да приговаривать: «Вотъ тебѣ, богачъ! тьму денегъ накопилъ, а спрятать не сумѣлъ: туда закопалъ ихъ, что намъ сторожить неумоготу! Въ воротахъ безперечъ ѣздятъ, лошади намъ головы подковами поразбивали, а въ овинѣ цѣпами насъ молотятъ». Только ушли ненаши, мужикъ и говоритъ скрипачу: «Если выйдешь отсюда, скажи моимъ дѣтямъ, чтобы они взяли деньги: одинъ котелъ у воротъ закопанъ, а другой — въ овинѣ, и чтобы рѣздали ихъ на нищую братію». Потомъ еще набѣжала цѣлая изба ненашихъ, и спрашиваютъ у богатаго мужика: «Что у тебя русскимъ духомъ пахнетъ?» Мужикъ говоритъ: «Это вы по Руси ходили, русскаго духу набрались!»

¹) Черти.

— «Какъ бы не такъ!» Стали искать, пашли скрипача и закричали: «Ха-ха-ха, скрипачъ здѣсь!» Стащили его съ печки и заставили играть на скрипкѣ. Онъ три года игралъ, а ему за три дня показалось: уморился и говорить: «Что за диво! бывало игралъ я — въ одинъ вечеръ всѣ струны изорву, а теперь третій день играю — и всё цѣлы. Господи благослови!» Только вымолвилъ — всѣ струны и лопнули. «Ну, братцы! говорить скрипачъ, сами видите: струны лопнули, не на чемъ играть!» — «Постой, сказалъ одинъ нечистой: у меня есть два бунта струнъ, я тебѣ принесу». Сбѣгалъ и принесъ; скрипачъ взялъ струны, потянулъ и опять только вымолвилъ: «Господи благослови!» — оба бунта лопнули. «Нѣтъ, братцы, ваши струны мнѣ не годятся; у меня свои дѣла есть, дайте — схожу!» Ненаши его не пускаютъ: «Ты уйдешь!» говорятъ. «Если вы не вѣрите, то пошлите со мной кого-нибудь въ провожатые. Ненаши выбрали одного и послали съ скрипачомъ. Скрипачъ пришелъ въ деревню, слышитъ: въ крайней избѣ свадьбу справляютъ. «Пойдемъ на свадьбу!» — «Пойдемъ!» Вошли въ избу; тутъ всѣ скрипача узнали, спрашиваютъ: «Гдѣ это ты, братецъ, три года пропадалъ?» — «На томъ свѣтѣ былъ!» Посидѣли, погуляли; ненашъ зоветъ скрипача: «Пора идти!» А тотъ: «Погоди еще немножко; дай мнѣ на скрипкѣ поиграть, молодыхъ повеселить». До тѣхъ поръ просидѣли, пока пѣтухи запѣли; тутъ ненашъ пропалъ, а скрипачъ сталъ говорить сыновьямъ богатаго мужа: «Вашъ батюшка приказалъ вамъ взять деньги: одинъ котелъ у воротъ зарыть, а другой — въ овинѣ, и велѣлъ всѣ эти деньги нищимъ роздать». Вотъ откопали оба котла, стали раздавать деньги по нищей братіи: чѣмъ больше ихъ раздаютъ, тѣмъ больше ихъ прибавляется. Вывезли эти котлы на перекрѣстокъ: кто ни ѣдетъ мимо,

всякой беретъ оттуда, сколько рукой захватить, а деньги все не сбываютъ. Подали челобитную государю; онъ и приказалъ: въ нѣкоторомъ городѣ шла дорога въ объѣздъ — верстъ пятьдесятъ будетъ, а если прямо положить, то всего пять верстъ, и приказалъ государь выстроить прямоѣзжій мостъ. Вотъ и выстроили мостъ на пять верстъ, и на то дѣло оба котла опорожнили. Въ тѣ времена нѣкая дѣвица родила сына и покинула его съ малолѣтства; этотъ младенецъ три года не ѣлъ, не пилъ, и все съ нимъ Божій ангелъ ходилъ. Пришелъ младенецъ на мостъ и говоритъ: «Ахъ, какой славной мостъ! дай Богъ тому царство небесное, на чьи деньги его построили». Услышалъ Господь эту молитву и велѣлъ своимъ ангеламъ выпустить богатаго мужика изъ аду кромѣшнаго.

Записана въ Зубцовскомъ у., Тверской губ.

211

Горшечникъ

Ѣдетъ дорогою горшечникъ; навстрѣчу ему прохожій: «Найми, говоритъ, меня въ работники!» — «Да умѣешь ли ты горшки дѣлать?» — «Еще какъ умѣю-то!» Вотъ порядились, ударили по рукамъ и поѣхали вмѣстѣ. Приѣзжаютъ домой, работникъ и говоритъ: «Ну, хозяинъ! приготовь сорокъ возовъ глины, завтра я за работу пріймусь!» Хозяинъ приготовилъ сорокъ возовъ глины; а работникъ-то былъ самъ нечистой, и наказываетъ онъ горшечнику: «Я стану по ночамъ работать, а ты ко мнѣ въ сарай не ходи!» — «Отчего такъ?» — «Ну, да ужъ такъ! Прійдешь — бѣды наживешь!» Наступила темная ночь; какъ разъ въ двѣнадцать часовъ закричалъ нечистой громкимъ голосомъ — и собралось къ нему чертенять

видимо-невидимо, начали горшки лѣпить, пошелъ громъ, стукъ, хохоть по всему двору. Хозяинъ не вытерпѣлъ: «Дай пойду — посмотрю!» Приходить къ сараю, заглянулъ въ щелочку — сидятъ черти на корточкахъ да горшки лѣпятъ; только одинъ хромой не работаетъ, по сторонамъ смотреть, увидалъ хозяина, схватилъ комъ глины да какъ пустить — и попалъ ему прямо въ глазъ! Окривѣлъ хозяинъ на одинъ глазъ и вернулся въ избу, а въ сараѣ-то гамъ да хохоть пуще прежняго! На утро говорить работникъ: «Эй, хозяинъ! ступай горшки считать, сколько за одну ночь наработано». Хозяинъ сосчиталъ — сорокъ тысячъ наработано. «Ну, теперь готовъ мнѣ десять сажень дровъ; въ эту ночь стану обжигать горшки». Ровно въ полночь опять закричалъ нечистой громкимъ голосомъ: сбѣжались къ нему со всѣхъ концовъ чертенята, перебили всѣ горшки, покидали черепье въ печь и давай обжигать. А хозяинъ закрестилъ щелочку и смотреть: «Ну, думаетъ, пропала работа!» На другой день зоветъ его работникъ: «Погляди, хорошо ли сдѣлалъ?» Хозяинъ приходитъ смотрѣть — всѣ сорокъ тысячъ горшковъ стоятъ цѣлы, одинъ одного лучше! На третью ночь созвалъ нечистой чертенятъ, раскрасилъ горшки разными цвѣтами, и всѣ до послѣдняго на одинъ возъ уклалъ. Дождался хозяинъ базарнаго дня и повезъ горшки въ городъ на продажу, а нечистой приказалъ своимъ чертенятамъ бѣгать по всѣмъ домамъ, по всѣмъ улицамъ, да народъ скликать — горшки покупать. Сейчас повалилъ народъ на базаръ; обступили со всѣхъ сторонъ горшечника, и въ полчаса весь товаръ разобрали. Приѣхалъ мужикъ домой, и полонъ мѣшокъ денегъ привезъ. «Ну, говорить ему нечистой: давай барыши дѣлить». Подѣлили пополамъ. Чортъ взялъ свою часть, распрощался съ хозяиномъ и про-

паль. Черезъ недѣлю поѣхалъ мужикъ съ горшками въ городъ; сколько ни стоялъ онъ на базарѣ, никто не покупаетъ; всѣ обходятъ его мимо да еще всячески ругаютъ: «Знаемъ мы твои горшки, старой хрѣнъ! съ виду казисты, а нальешь воды — сейчасъ и развалятся! Нѣтъ, братъ! теперь не надуешь». Перестали брать у него горшки; совсѣмъ обѣднялъ мужикъ, запилъ съ горя и сталъ по кабакамъ валяться.

212

Вдова и бѣсъ

Жилъ-былъ мужикъ, была у него жена-красавица; крѣпко они любили другъ дружку и жили въ ладу и согласіи. Ни много, ни мало прошло времени, померъ мужъ. Похоронила его бѣдная вдова и стала задумываться, плакать, тосковать. Три дня, три ночи безперечъ слезами обливалась; на четвертые сутки, ровно въ полночь, приходитъ къ ней бѣсъ въ образѣ ея мужа. Она возрадовалась, бросилась ему на шею, и спрашиваетъ: «Какъ ты пришелъ?» — «Да слышу, говоритъ, что ты, бѣдная, по мнѣ горько плачешь, жалко тебя стало, отпросился и пришелъ». Лѣгъ онъ съ нею спать; а къ утру, только пѣтухи запѣли, какъ дымъ исчезъ. Ходитъ бѣсъ къ ней мѣсяцъ и другой; она никому про то не рассказываетъ, а сама все больше да больше сохнетъ, словно свѣчка на огнѣ таетъ! Въ одно время приходитъ ко вдовѣ мать-старуха, стала ее спрашивать: «Отчего ты, дочка, такая худая?» — «Отъ радости, матушка!» — «Отъ какой радости?» — «Ко мнѣ покойной мужъ по ночамъ ходитъ». — «Ахъ ты, дура! какой это мужъ — это нечистой!» Дочь не вѣритъ. «Ну, слушай же, что я тебѣ скажу: какъ придетъ онъ къ тебѣ въ гости и сядетъ за столъ, ты урони нарочно ложку, да какъ

станешь подымать — посмотри ему на ноги». Послушалась вдова матери; въ первую же ночь, какъ пришелъ къ ней нечистой, уронила подъ столъ ложку, полѣзла доставать, глянула ему на ноги — и увидала, что онъ съ хвостомъ. На другой день побѣжала она къ матери. «Ну что, дочка? правда моя?» — «Правда, матушка! что мнѣ дѣлать нечастной?» — «Пойдемъ къ попу». Пошли, рассказали все, какъ было; попъ началъ вдову отчитывать, три недѣли отчитывалъ — насилу отсталъ отъ нея злой бѣсъ!

213

Лѣшій

Одна поповна, не спросясь ни отца ни матери, пошла въ лѣсъ гулять, и пропала безъ вѣсти. Прошло три года. Въ этомъ самомъ селѣ, гдѣ жили ея родители, былъ смѣлой охотникъ: каждой Божій день ходилъ съ собакой да съ ружьемъ по дремучимъ лѣсамъ. Разъ идетъ онъ по лѣсу; вдругъ собака его залаяла, и песья шерсть на ней щетиною встала. Смотритъ охотникъ, а передъ нимъ на лѣсной тропинкѣ лежитъ колода, на колодѣ мужикъ сидитъ, лапотъ ковыряетъ; подковырнетъ лапотъ да на мѣсяцъ и погрозитъ: «Свѣти, свѣти, ясень мѣсяцъ!» Дивно стало охотнику: «Отчего такъ, думаетъ, собою мужикъ — еще молодѣцъ, а волосомъ какъ лунъ сѣдъ?» Только подумалъ это, а онъ словно мысль его угадалъ: «Оттого, говорить, я и сѣдъ, что чортовъ дѣдъ!» Тутъ охотникъ и смекнулъ, что передъ нимъ не простой мужикъ, а лѣшій; нацѣлился ружьемъ — бацъ! и угодилъ ему въ самое брюхо. Лѣшій застоналъ, повалился было черезъ колоду, да тотчасъ же привсталъ и потащился въ чащу. Слѣдомъ за нимъ побѣжала собака, а за собакою охотникъ пошелъ.

Шель-шель и добрѣль до горы; въ той горѣ расщелина, въ расщелинѣ избушка стоитъ. Входитъ въ избушку, смотритъ: лѣшій на лавкѣ валяется — совсѣмъ издохъ, а возлѣ него сидитъ дѣвица да горько плачетъ: «Кто теперь меня поить-кормить будетъ!» — «Здравствуй, красная дѣвица! говоритъ ей охотникъ: скажи: чья ты и откуда?» — «Ахъ, доброй мѣлодецъ! я и сама не вѣдаю, словно я и вольнаго свѣта не видала, и отца съ матерью не знавала». — «Ну, собирайся скорѣй! я тебя выведу на святую Русь». Взялъ ее съ собою и повелъ изъ лѣсу; идетъ да по деревьямъ все мѣтки кладетъ. А эта дѣвица была лѣшимъ унесена, прожила у него цѣлые три года, вся-то обносилась, обрвалась — какъ есть совсѣмъ голая! а стыда не вѣдаетъ. Пришли на село; охотникъ сталъ выпрашивать: не пропадала ли у кого дѣвка? Выискался попъ: «Это, говорить, моя дочка!» Прибѣжала попадья: «Дитятко ты мое милое! гдѣ ты была столько времени? не чаяла тебя и видѣть больше!» А дочь смотреть, только глазами хлопаетъ — ничего не понимаетъ; да ужъ послѣ стала помаленьку приходить въ себя . . . Попъ съ попадѣей выдали ее замужъ за того охотника, и наградили его всякимъ добромъ. Стали было искать избушку, въ которой она проживала у лѣшаго; долго плутали по лѣсу, только не нашли.

214

Морока

(а) Жиль-быль старикъ да старуха. Пришелъ бурлакъ и просится ночевать. Старикъ пустилъ: «Пожалуй, ночуй, только съ такимъ уговоромъ, чтобы всю ночь сказки сказывалъ». — «Изволь, буду сказывать». — «Ну, вотъ хорошо». Полѣзъ старикъ съ бурлакомъ на полати, а старуха сидитъ на печи — лёнъ

прядетъ. Бурлакъ и думаетъ про себя: «Дай-ко, развѣ подшутить надъ нимъ!» и оборотилъ себя волкомъ, а старика медвѣдемъ. «Побѣжимъ, говорить, отсюда», и побѣжали въ чистое поле. Увидалъ волкъ старикову кобылу и говорить: «Давай, съѣдимъ кобылу!» — «Нѣтъ, вѣдь это моя кобыла!» — «Ну, да вѣдь голодъ не тѣтка!» Съѣли они кобылу и опять побѣжали; увидали старуху, старикову-то жену, — волкъ опять и говорить: «Давай, съѣдимъ старуху!» — «Ой, да вѣдь это моя старуха», отвѣчаетъ медвѣдь. «Какая твоя!» Съѣли и старуху. Такъ-то медвѣдь съ волкомъ лѣто цѣлое пробѣгали; настаетъ зима. «Давай, говорить волкъ: засядемъ въ берлогу; ты полѣзай дальше, а я напередъ сяду. Коли найдутъ насъ охотники, такъ меня перваго застрѣлятъ; а ты смотри, какъ меня убьютъ, начнутъ кожу сдирать, — ты выбѣги, да черезъ кожу-то переметнись, и обернешься опять человѣкомъ». Вотъ лежать они въ берлогѣ; набрали на нихъ охотники, сейчасъ застрѣлили волка и начали снимать съ него кожу. Въ то самое время медвѣдь какъ выскочить, да кувыркъ черезъ волчью шкуру — и полетѣлъ старикъ съ полатей внизъ головою. «Ой, ой! заревѣлъ онъ: всю спину отбилъ!» Старуха кричить: «Что ты, чѣрна немочь! почто палъ? кажись, пьянъ не былъ». — «Да вотъ почто», и началъ рассказывать: «Ты вѣдь ничего не знаешь, а мы съ бурлакомъ звѣрьемъ были: онъ волкомъ, я — медвѣдемъ; цѣлое лѣто да зиму пробѣгали, и кобылу нашу съѣли, и тебя, старую, съѣли!» Старуха принялась хохотать, просто ўдержу нѣту: «Ай да бурлакъ! славно подшутить!»

(b) Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ матросъ; служилъ царю вѣрно, вель себя честно, потому и начальство его знало.

Отпросился онъ разъ съ корабля походить по городу, надѣлъ свой парусинникъ и пошелъ въ трактиръ: сѣлъ за столъ и потребовалъ себѣ и вина и закусокъ: ѣсть, пить, прохлаждается! ужъ рублей на десять забралъ, а все не унимается: то того, то другого спрашиваетъ. «Послушай, служба! говорить ему половой: забираешь ты много, а есть ли у тебя чѣмъ разсчитаться?» — «Эхъ, братецъ! о деньгахъ, что ли, сумнѣваешься? да у меня денегъ куры не клюютъ». Тотчасъ вынулъ изъ кармана золотой, бросилъ на столъ и говоритъ: «На, получай!» Половой взялъ золотой, высчиталъ все, какъ слѣдуетъ, и приносить сдачу; а матросъ ему: «Что тамъ за сдача, братецъ! возьми себѣ на водку». На другой день опять отпросился матросъ, зашелъ въ тотъ же трактиръ, и прогулялъ еще золотой; на третій день тоже, и сталъ онъ ходить туда почитай каждой день и все платитъ золотыми, а сдачи не беретъ, даритъ половому на водку. Сталъ замѣчать за нимъ самъ трактирщикъ, и пришло ему въ сумнѣніе: «Что бы это значило? матросишка — такъ себѣ, а поди какъ сорить деньгами! Полную шкатулку золота натаскалъ!... Жалованье мнѣ ихнее извѣстно, небось — не раскутишься! Вѣрно, онъ гдѣ ни на есть казну обобралъ; надо начальству про то донести; не ровенъ часъ — еще въ такую бѣду попадешь, что послѣ и не раздѣлаешься, а пожалуй и въ Сибирь угодишь». Вотъ и доложилъ трактирщикъ офицеру, а тотъ довелъ до самого генерала. Генералъ потребовалъ къ себѣ матроса: «Признавайся, говоритъ, по совѣсти — отколь золото бралъ?» — «Да этого золота во всякой помойной ямѣ много!» — «Что ты врешь?» — «Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство! не я вру, а трактирщикъ; пусть покажетъ онъ то золото, что отъ меня получилъ». Сейчас принесли шкатулку, открыли,

а она полнехонька костяшекъ. «Какъ же, братецъ! ты платилъ золотомъ, а очутились костяшки? Покажи, какъ ты сдѣлалъ это?» — «Ахъ, ваше превосходительство! вить намъ смерть приходитъ . . .» Глядятъ, а въ окна и въ двери такъ вода и хлынула; все выше да выше, ужъ подъ горло подступаетъ. «Господи! что же теперь дѣлать? куда дѣваться?» спрашиваетъ съ испугу генераль. А матросъ въ отвѣтъ: «Коли не хотите тонуть, ваше превосходительство, такъ полѣзайте за мною въ трубу». Вотъ и полѣзли, взобрались на крышу, стоятъ и смотрятъ во все стороны: цѣлой городъ затопило! такое наводненіе, что въ низкихъ мѣстахъ совсѣмъ домовъ не видать; а вода прибываетъ да прибываетъ. «Ну, братецъ! говоритъ генераль: вѣрно и намъ съ тобой не уцѣлѣть!» — «Не знаю: что будетъ — то будетъ!» — «Смерть моя приходитъ!» думаетъ генераль, стоитъ самъ не свой да Богу молится. Вдругъ откуда нѣ взялся — плыветъ мимо яликъ, зацѣпился за крышу и остановился на томъ мѣстѣ. «Ваше превосходительство, говоритъ матросъ: садитесь скорѣе въ яликъ, да поплывемъ; можетъ и уцѣлѣемъ, авось вода сбудетъ». Сѣли оба въ яликъ, и понесло ихъ вѣтромъ по водѣ; день плывутъ, и другой плывутъ, а на третій стала вода сбывать, и такъ скоро — куда только она дѣлась? Кругомъ сухо стало; вышли они изъ ялика, спросили у добрыхъ людей: какъ слыветъ та сторона и далеко ль занесло ихъ? А занесло-то ихъ за тридевять земель, въ тридесятое царство; народъ все чужой, незнаемой. Какъ тутъ быть, какъ попасть въ свою землю? денегъ при себѣ ни гроша не имѣютъ, подняться не за что. Матросъ говоритъ: «Надо наняться въ работники да зашибить деньжонокъ; безъ того и думать нечего — домой не воротиться». — «Хорошо тебѣ, братецъ! ты давно къ

работѣ привыченъ; а мнѣ каково? самъ знаешь, что я генераль, работать не умѣю». — «Ничего, я такую работу найду, что и умѣнья не надо». Побрели въ деревню и стали въ пастухи наниматься; общество согласилось и порядило ихъ на цѣлое лѣто: матросъ пошелъ за старшаго пастуха, а генераль за подпаска. Такъ-таки до самой осени и пасли они деревенскую скотину; послѣ того собрали съ мужиковъ деньги и стали дѣлиться. Матросъ раздѣлилъ деньги поровну: сколько себѣ, столько и генералу. Вотъ генераль видитъ, что матросъ ровняетъ его съ собою, сталъ на это обижаться и говорить: «Что жъ ты меня съ собой ровняешь? вѣдь я — генераль, а ты — все-таки простой матросъ!» — «Какъ бы не такъ! мнѣ бы раздѣлить на-трое: двѣ части себѣ взять, а съ васъ и одной довольно: вѣдь я настоящимъ пастухомъ былъ, а вы — подпаскомъ». Генераль осерчалъ и принялся всячески ругать матроса; а матросъ крѣпился-крѣпился, размахнулъ рукой, какъ толкнетъ его въ бокъ: «Очнитесь, ваше превосходительство!» Генераль очнулся: смотреть — все по-старому; какъ былъ въ своей комнатѣ, такъ и не выходилъ изъ ней! Не захотѣлъ онъ больше судить матроса, отпустилъ его отъ себя; такъ трактирщикъ ни при чемъ и остался.

Дока на доку

Пришелъ солдатъ въ деревню и просится ночевать къ мужику. «Я бы тебя пустилъ, служивой! говорить мужикъ: да у меня свадьба заводится, негдѣ тебѣ спать будетъ». — «Ничего, солдату вездѣ мѣсто!» — «Ну, ступай!» Видитъ солдатъ, что у мужика лошадь въ сани запряжена, и спрашиваетъ: «Куда, хозяинъ, отправляешься?» — «Да вишь у насъ такое заведеніе: у кого

свадьба, тотъ и поѣзжай къ колдуну да вези подарокъ! Самой бѣдной безъ двадцати рублевъ не отдѣляется, а коли богатъ, такъ и пятидесяти мало; а не отвезешь подарка, всю свадьбу испортить!» — «Послушай, хозяинъ! не вози, и такъ сойдетъ!» Крѣпко увѣрилъ мужика, тотъ послушался и не поѣхалъ къ колдуну съ гостинцами. Вотъ начали свадьбу играть, повезли жениха съ невѣстою законъ принимать; ѣдутъ дорѣгою, а навстрѣчу поѣзду быкъ несется, такъ и реветъ, рогами землю копаетъ. Всѣ поѣзжане испугалися, а солдатъ усомъ не мигнетъ: гдѣ ни взялася — выскочила изъ-подъ него собака, бросилась на быка и прямо за глотку вцѣпилась — быкъ такъ и грохнулся наземь. Ёдутъ дальше а навстрѣчу поѣзду огромной медвѣдь. «Не бойтесь, кричить солдатъ: я худа не допущу!» Опять гдѣ ни взялася — выскочила изъ-подъ него собака, кинулась на медвѣдя и давай его душить; медвѣдь заревѣлъ и издохъ. Миновала та бѣда, снова ѣдутъ дальше; а навстрѣчу поѣзду заяцъ выскочилъ и перебѣжалъ дорогу чуть-чуть не подъ ногами передней тройки. Лошади остановились, храпятъ, а съ мѣста не трогаются! «Не дури, заяцъ! крикнулъ на него солдатъ: мы опослѣ поговоримъ съ тобой!» — и тотчасъ весь поѣздъ легко двинулся. Приѣхали къ церкви благополучно, обвѣнчали жениха съ невѣстою, и отправились назадъ въ свою деревню. Стали ко двору подъѣзжать, а на воротахъ чѣрной воронъ сидитъ да громко каркаетъ — лошади опять стали, ни одна съ мѣста не тронется. «Не дури, воронъ! крикнулъ на него солдатъ: мы съ тобой опослѣ потолкуемъ». Воронъ улетѣлъ, лошади въ ворота пошли. Вотъ посадили молодыхъ за столъ; гости и родичи свои мѣста заняли — какъ слѣдуетъ, по порядку; начали ѣсть, пить, веселиться. А колдунъ крѣпко осердился: гостинцевъ ему нѣ дали, пробовалъ было страхи напускать

— и то дѣло не выгорѣло! Вотъ пришелъ самъ въ избу, шапку не ломаетъ, образамъ не молится, честнымъ людямъ не кланяется; и говоритъ солдату: «Я на тебя сердить!» — «А за что на меня сердиться? ни я не занималъ у тебя, ни ты мнѣ не долженъ! Давай-ка лучше пить да гулять». — «Давай!» Взялъ колдунъ со стола ендову пива, налилъ стаканъ и подноситъ солдату: «Выпей, служивой!» Солдатъ выпилъ — у него всѣ зубы въ стаканъ выпадали! «Эхъ, братецъ! говоритъ солдатъ: какъ мнѣ безъ зубовъ-то быть? чѣмъ будетъ сухари грызть?» Взялъ да и бросилъ зубы въ ротъ — они опять стали попрежнему. «Ну, теперь я поднесу! выпей-ка отъ меня стаканъ пива!» Колдунъ выпилъ — у него глаза вылѣзли! Солдатъ подхватилъ его глаза и забросилъ невѣдомо куда. Остался колдунъ на всю жизнь слѣпымъ и закаялся страхи напускать, надъ людьми мудрить; а мужики и бабы стали за служиваго Бога молить.

216

Ворожея

(b) Въ нѣкоторомъ царствѣ былъ-жилъ баринъ; у того барина были лакей да кучеръ; лакей прозывался Брюхо, а кучеръ Ребро. Въ одно время украли они изъ барскаго сундука жемчугъ. Баринъ хватился — нѣтъ жемчугу! Позвалъ своихъ людей: «Признавайтесь, говорить, вы украли?» — «Никакъ нѣтъ! знать не знаемъ, вѣдать не вѣдаемъ». — «Ну, смотрите! сейчасъ же призову бабку-ворожейку, да коли она узнаетъ да на васъ покажетъ, тогда худо будетъ!» Послалъ баринъ за старухою: привезли ее. «Здравствуй, бабушка! поворожи мнѣ, голубушка! у меня дорогй жемчугъ пропалъ». — «Хорошо, баринъ, поворожу: только прикажи напередъ баню истопить, съ дороги обмыться надо». Истопили баню, стала старуха париться, а сама приговариваетъ:

«Ну, достанется жъ теперь и брюху и ребру». А лакей да кучеръ слушаютъ подъ окномъ, что она станетъ говорить. «Ахъ, братъ! говоритъ кучеръ: вѣдь узнала, проклятая! что теперь дѣлать?» Только старуха изъ бани, а они къ ней: «Бабушка родимая! не говори барину». — «А гдѣ жемчугъ? цѣль ли?» — «Цѣль, бабушка!» — «Ну, возьмите-закатайте каждую жемчужинку въ хлѣбъ и дайте сѣрому гусю; пусть поклюётъ!» Сказано — сдѣлано. Пришла старуха къ барину. «Что, бабушка, узнала?» — «Узнала, родной!» — «Кто жъ виновать?» — «Да сѣрой гусь, что на дворѣ ходитъ; вишь у васъ въ горницахъ окна-то отворены, онъ влетѣлъ въ окно да жемчутъ и поклевалъ». Баринъ приказалъ поймать гуся и зарѣзать. Зарѣзали сѣраго гуся и нашли въ зобу жемчугъ. Сталъ баринъ благодарить ворожейку, и оставляетъ у себя обѣдать; а къ обѣду велѣлъ изготovitъ на жареное ворону. «Посмотрю, думаетъ, узнаетъ ли старуха?» Вотъ сѣли обѣдать; несутъ жареную ворону на столъ, а баба смотритъ по сторонамъ да говорить о себѣ: «Вотъ залетѣла ворона въ высоки хоромы!» — «Экая хитрая, все знаетъ». Послѣ обѣда приказалъ баринъ заложить коляску да отвезть старуху домой, а въ коляску наклалъ потихоньку яицъ: «Посмотрю, узнаетъ ли теперь?» Вотъ стала она садиться въ коляску и говорить сама себѣ: «Ну, бабушка, садись на старыя яички!» Удивился баринъ, что старуха все знаетъ, все вѣдаетъ, наградилъ ее деньгами и отпустилъ съ Богомъ.

217

Знахарь

Жилъ бѣдной да продувной мужичокъ, по прозванью Жучокъ; укралъ у бабы холстину и спряталъ въ ометѣ соломы, а самъ расхвастался, что ворожить мастеръ. Пришла къ нему баба и просить погадать. Мужикъ

спрашиваетъ: «А что за работу дашь?» — «Пудъ муки да фунтъ масла». — «Ладно!» Сталъ гадать; погадалъ-погадалъ и сказалъ ей, гдѣ холстъ спрятанъ. Дня черезъ два, черезъ три пропалъ у барина жеребецъ: онъ же плутъ его и увёлъ да привязалъ въ лѣсу къ дереву. Посылаетъ баринъ за этимъ мужикомъ; сталъ мужикъ гадать и говорить: «Ступайте скорѣй, жеребецъ въ лѣсу къ дереву привязанъ». Привели жеребца изъ лѣсу; далъ баринъ знахарю сто рублевъ, и пошла объ немъ слава по всему царству. Вотъ на бѣду пропало у царя его вѣнчалъное кольцо; искать-искать — нѣтъ нигдѣ! Послалъ царь за знахаремъ, чтобы какъ можно скорѣй во дворецъ его привезли. Взяли его, посадили въ повозку и привезли къ царю. «Вотъ когда пропалъ-то! думаетъ мужикъ: какъ мнѣ узнать, гдѣ дѣвалось кольцо? Ну какъ царь опалится да туда заплѣтъ, куда Макаръ и телятъ не гонялъ!» — «Здравствуй, мужичокъ! говоритъ царь: поворожи-ка мнѣ, отгадаешь — деньгами награжу, а коли нѣтъ — то мой мечъ, твоя голова съ плечъ!» Тотчасъ приказалъ отвести знахарю особую комнату: «Пускай де цѣлую ночь ворожить, чтобъ къ утру отвѣтъ былъ готовъ». Знахарь сидитъ въ той комнатѣ да думаетъ: «Какой отвѣтъ дамъ я царю? Лучше дождусь глухой полночи, да убѣгу, куда глаза глядятъ; вотъ какъ пропоютъ третьи пѣтухи сейчасъ и задамъ тягу!» А кольцо-то царское утащили три дворовыхъ чело-вѣка: лакей, кучеръ да поваръ. «Что, братцы! говорятъ они межъ собой какъ этотъ ворожейка да узнаетъ насъ? вѣдь тогда намъ смерть неминучая . . . Давайте-ка подслушивать у дверей; коли онъ ничего — и мы молчокъ; а коли узнаетъ насъ, такъ ужъ дѣлать нечего — станемъ просить его, чтобъ царю-то не доказывалъ». Пошелъ лакей подслушивать: вдругъ пѣтухи запѣли, мужикъ и промолвилъ: «Слава Тебѣ, Господи! одинъ

уже есть, остается двухъ ждать». У лакея душа въ пятки ушла; прибѣжалъ онъ къ своимъ товарищамъ: «Ахъ, братцы! вѣдь меня узналъ: только я къ двери, а онъ кричитъ: одинъ уже есть, остается двухъ ждать!» — «Постой, я пойду!» сказалъ кучеръ; пошелъ подслушивать. Запѣли вторые пѣтухи, а мужикъ: «Слава Тебѣ, Господи! и два есть, остается одного ждать». — «Эхъ, братцы! и меня узналъ». Поваръ говоритъ: «Ну, если и меня узнаетъ, такъ пойдемъ прямо къ нему: бросимся въ ноги, и станемъ упрашивать». Пошелъ подслушивать поваръ; третьи пѣтухи запѣли, мужикъ перекрестился: «Слава Богу, все три есть!» да поскорѣй въ двери — бѣжать хочетъ; а воры къ нему навстрѣчу, пали въ ноги и просятъ и молятъ: «Не погуби, не сказывай царю; вотъ тебѣ кольцо!» — «Ну, такъ и быть, прощаю васъ!» Взялъ мужикъ кольцо, поднялъ половицу и бросилъ его подъ полъ. На утро царь спрашиваетъ: «Что, мужичокъ, какъ твои дѣла?» — «Выворожилъ; кольцо твое укатилось подъ эту половицу». Подняли половицу и достали кольцо; царь щедро наградилъ знахаря деньгами и велѣлъ накормить-напоить его до отвала, а самъ пошелъ въ садъ гулять. Идетъ по дорожкѣ, увидалъ жука, поднялъ его, и воротился къ знахарю: «Ну, коли ты знахаръ, такъ узнай, что у меня въ рукѣ?» Мужикъ испугался и говоритъ самъ себѣ: «Что, попался, Жучокъ, царю въ руки!» — «Такъ, такъ, твоя правда!» сказалъ царь, еще больше его наградилъ и съ честью домой отпустилъ.

218

Слѣпцы

Въ Москвѣ бѣлокаменной жилъ одинъ парень въ рабочихъ; задумалъ на лѣто въ деревню идти и сталъ просить у хозяина расчета. Только немного пришлось

ему получать денегъ, всего на всего одинъ полтинникъ. Взялъ онъ этотъ полтинникъ и пошелъ за Калужскую заставу; смотритъ — сидитъ на валу слѣпой нищій и проситъ Христовымъ именемъ подавня. Мужикъ подумалъ-подумалъ и сжалился; подалъ ему полтинникъ и рассказываетъ: «Это, старичокъ, полтинникъ; прійми изъ него Христа ради семитку, а сорокъ-восемь копеекъ дай мнѣ сдачи». Слѣпой положилъ полтинникъ въ свою кошину и снова затянулъ: «Православные христіане, подайте Христа-ради слѣпому-невидущему!» — «Что жъ ты, старикъ? подавай мнѣ сдачу». А онъ будто не слышитъ: «Ничего, родимой! еще солнышко высоко, успѣю до двора помаленьку добрести». — «Оглохъ, что ли? мнѣ самому идти добрыхъ сорокъ вѣрстъ, деньги въ дорогѣ-то надобны!» Взяло мужика горе пуще остраго ножа: «Эй, говоритъ, старой чортъ! подавай сдачу; не то я съ тобой раздѣлаюсь по-своему!» И началъ его поворачивать на все стороны. Слѣпой во всю глотку закричалъ: «Батюшки, грабятъ! караулъ, караулъ!» Побоялся мужикъ бѣды нажить, бросилъ слѣпого: лучше, думаетъ про себя, отъ грѣха уйти; а то не ровѣнъ часъ — прибѣгутъ караульные да еще въ городъ поведутъ! Отошелъ шаговъ съ десятокъ, али больше, остановился на дорогѣ и все глядитъ на нищаго: жалко, вишь, своихъ трудовыхъ денегъ! А тотъ слѣпой на двухъ костыляхъ ходилъ, и оба костыля при немъ лежали: одинъ съ праваго боку, другой съ лѣваго. Разгорѣлось у мужика сердце, радъ всякое зло ему сдѣлать: «Постой же, хоть костыль унесу да посмотрю, какъ-то ты домой поплетешься!» Вотъ подобрался потихонечку и утащилъ костыль; а слѣпой посидѣлъ немного времени, вылунилъ свои бѣльмы на солнце и говоритъ: «Ну, солнышко не больно высоко; чай, время и домой собираться. Эй вы, костылики, мои батюшки! не пора ли ко двору идти?»

Сталъ онъ шарить¹ съ обѣихъ сторонъ: слѣва-то костыль тутъ, а справа-то нѣту: «Ужъ этотъ мнѣ костыль давно опостыль! никогда его сразу не ощупаю». Пошариль-пошариль и говорить самъ съ собой: «Знать, кто-нибудь надо мною шутку спутиль! Да ничего: и на одномъ добреду». Всталъ и поплѣлся на одномъ костылѣ; слѣдомъ за нимъ пошелъ и мужикъ. Шли-шли; недалеко отъ деревни, у самага-таки перелѣска стоятъ двѣ старыхъ избушки. Подошелъ слѣпой къ одной избушкѣ, распоясался, снялъ съ пояса ключъ и отперъ свою келью; только онъ отворилъ дверь настежь, — а мужикъ поскорѣй туда, забрался напередъ его, сѣлъ на лавку и духъ притаилъ: «Посмотрю, думаетъ, что дальше будетъ?» Вотъ слѣпой пошелъ въ избушку, наложилъ на дверь изнутри крючокъ, оборотился къ переднему углу и помолился на святые иконы; опосля бросилъ кушакъ съ шапкою на прилавокъ и полѣзъ подъ печку — такъ и загремѣли сковородни да ухваты. Маленько погода, тащить оттудова боченокъ; вытащилъ, поставилъ на столъ, и началъ вытряхать изъ мошны набранныя деньги да въ боченокъ класть; у того боченка съ боку горлышко было малое — такъ, чтобы мѣдному пятаку пролѣзть. Покидалъ туда деньги, а самъ таково слово вымолвилъ: «Слава Богу! насилу пятьсотъ доровнялъ; да спасибо и тому молодцу, что полтинникъ далъ; кабы не онъ подъ руку попался, еще дня три просидѣлъ бы на дорогѣ». Усмѣхнулся слѣпой, сѣлъ на полъ, раскорячился, и ну покатывать боченокъ съ деньгами: покатить его отъ себя, а онъ ударится объ стѣнку да назадъ къ нему. «Дай пособлю ему! думаетъ мужикъ: полно ему, старому чорту, куражиться!» и тотчасъ къ рукамъ прибралъ боченокъ съ деньгами. «Ишь, зацѣпилъ за лавку!» говоритъ слѣпой и пошелъ щупать; щупаль-щупаль — нѣтъ

¹⁾ Искать.

нигдѣ; испугался сердечной, отворилъ немного дверь, просунулъ голову и закричалъ: «Пантелей, а Пантелей! подь-ка, братъ, сюда!» Пришелъ Пантелей — такой же слѣпечъ; рядомъ съ этимъ въ другой кельѣ жилъ. «Что такое?» спрашиваетъ онъ. «Да, вишь, какая притча вышла! Каталъ я по полу боченокъ съ деньгами, а куда онъ теперь дѣвался — самъ не вѣдаю; шутка ли? — пятьсотъ рублевъ денегъ! ужъ не стибрилъ ли кто? Кажись, въ избѣ никого не было». — «Подѣломъ вору и мука! сказалъ Пантелей. Вишь ты, старой, совсѣмъ изъ ума выжилъ! словно малой ребенокъ, задумалъ деньгами играть; вотъ теперь и плачь отъ своей игры! А ты бы сдѣлалъ по-моему: у меня своихъ почитай съ пятьсотъ рублевъ, вотъ я размѣнялъ ихъ на ассигнаціи и зашилъ въ эту старую шапчонку; небось на нее никто не польстится!» Мужикъ услыхалъ эти рѣчи и думаетъ: «Ладно! вѣдь шапка у тебя къ головѣ не гвоздемъ прибита». Сталъ Пантелей входить въ избу, только за порогъ переступилъ, а мужикъ цапъ-царапъ съ него шапку да въ дверь, и побѣжалъ домой безъ оглядки. А Пантелей подумалъ, что шапку-то подцѣпилъ у него сосѣдъ, хватъ его по рылу: «У насъ, братъ, такъ не дѣлаютъ! свои деньги потерялъ да на чужія зарисься!» Ухватили другъ друга за честные волосы, и пошла у нихъ драка великая. Пока они дрались, мужикъ далеко ушелъ; на тѣ деньги онъ знатно поправился и зажилъ себѣ припѣваючи.

219

Воръ

Жилъ-былъ старикъ со старухою; у нихъ былъ сынъ по имени Иванъ. Кормили они его, пока большой выросъ; а потомъ и говорятъ: «Ну, сынокъ! доселева мы тебя кормили, а нынче корми ты насъ до самой смерти».

Отвѣчалъ имъ Иванъ: «Когда кормили меня до возраста лѣтъ, то кормите и до уса». Выкормили его до уса, и говорятъ: «Ну, сынокъ! мы кормили тебя до уса, теперь ты корми насъ до самой смерти!» — «Эхъ, батюшка, и ты, матушка! отвѣчаетъ сынъ: когда кормили меня до уса, то кормите и до бороды». Нечего дѣлать, кормили-поили его старики до бороды, а послѣ и говорятъ: «Ну, сынокъ! мы кормили тебя до бороды, нынче ты насъ корми до самой смерти». — «А коли кормили до бороды, такъ кормите и до старости!» Тутъ старикъ не выдержалъ, пошелъ къ барину бить челомъ на сына. Призываетъ господинъ Ивана: «Что жъ ты, дармоѣдъ, отца съ матерью не кормишь?» — «Да чѣмъ кормить-то? развѣ воровать прикажете? работать я не учился, а теперь и учиться поздно». — «А по мнѣ какъ знаешь! говорить ему баринъ: хоть воровствомъ, да корми отца съ матерью, чтобъ на тебя жалобъ не было!» Тѣмъ временемъ доложили барину, что баня готова, и пошелъ онъ париться: а дѣло-то шло къ вечеру. Вымылся баринъ, воротился назадъ и сталъ спрашивать: «Эй, кто тамъ есть? подать босовики!»¹ А Иванъ тутъ какъ тутъ, стащилъ ему сапоги съ ногъ, подалъ босовики; сапоги тотчасъ подъ мышку и унесъ домой. «На, батюшка! говорить отцу: снимай свои лапти, обувай господскіе сапоги». На утро хватился баринъ — нѣтъ сапоговъ; послалъ за Иваномъ: «Ты унесъ мои сапоги?» — «Знать не знаю, вѣдать не вѣдаю, а дѣло мое!» — «Ахъ ты, плутъ, мошенникъ! какъ же ты смѣлъ воровать?» — «Да развѣ ты, баринъ, не самъ сказалъ: хоть воровствомъ, да корми отца съ матерью? я твоего господскаго приказу не хотѣлъ ослушаться». — «Коли такъ, говорить баринъ: вотъ тебѣ мой приказъ: украдь у меня чернаго быка изъ-подъ плуга; уворуешь — дамъ тебѣ сто рублей, не уворуешь

¹) Башмаки (туфли), надѣваемые на босую ногу.

— влѣплю сто плетей». — «Слушаю-сь!» отвѣчаетъ Иванъ. Тѣмчасъ бросился онъ на деревню, стащилъ гдѣ-то пѣтуха, ощипалъ ему перья, и скорѣй на пашню; подползъ къ крайней бороздѣ, приподнялъ глыбу земли, подложилъ подъ нее пѣтуха, а самъ за кусты спрятался. Стали плугатары вести новую борозду, зацѣпили ту глыбу земли и своротили на сторону: ощипанной пѣтухъ выскочилъ и что силъ было — побѣждалъ по кочкамъ, по рытвинамъ. «Что за чудо изъ земли выкопали!» закричали плугатары и пустились въ догонку за пѣтухомъ. Иванъ увидалъ, что они побѣжали какъ угорѣлые, бросился сейчасъ къ плугу, отрубилъ у одного быка хвостъ да воткнулъ другому въ ротъ, а третьяго отпрѣгъ и увелъ домой. Плугатары гонялись-гонялись за пѣтухомъ, такъ и не поймали, воротились назадъ: чернаго быка нѣтъ, а пестрой безъ хвоста. «Ну, братцы! пока мы за чудомъ бѣгали, быкъ быка съѣлъ; чернаго-то совсѣмъ сожралъ, а пестрому хвостъ откусилъ!» Пошли къ барину съ повинною головою: «Помилуй, отецъ! быкъ быка съѣлъ». — «Ахъ вы, дурачье безмозглое! закричалъ на нихъ баринъ: ну гдѣ это видано, гдѣ это слыхано, чтобъ быкъ да быка съѣлъ? Позвать ко мнѣ Ивана». Позвали. «Ты быка укралъ?» — «Я, баринъ». — «Куда жъ ты дѣвалъ его?» — «Зарѣзалъ; кожу на базаръ снесъ, а мясомъ стану отца да мать кормить». — «Молодецъ! говоритъ баринъ: вотъ тебѣ сто рублей. Ну, украдь же теперь моего любимаго жеребца, что стоитъ за тремя дверями, за шестью замками; уведешь — плачу двѣсти рублей, не уведешь — влѣплю двѣсти плетей!» — «Изволь, баринъ! украду». Вечеромъ поздно забрался Иванъ въ барской домъ; входитъ въ переднюю — нѣтъ ни души, смотреть — виситъ на вѣшалкѣ господская одѣжа; взялъ барскую шинель да фуражку, надѣлъ на себя, выскочилъ на крыльцо и закричалъ громко ку-

черамъ и конюхамъ: «Эй, ребята! осѣдлатъ поскорѣй моего любимаго жеребца да подать къ крыльцу». Кучера и конюхи признали его за барина, побѣжали въ конюшню, отперли шесть замковъ, отворили трое дверей, вмигъ все дѣло исправили и подвели къ крыльцу осѣдланнаго жеребца. Воръ сѣлъ на него верхомъ, ударилъ хлыстикомъ — только и видѣли! На другой день спрашиваетъ баринъ: «Ну, что мой любимой жеребецъ?» а онъ еще съ вечера выкраденъ. Пришлось посылать за Иваномъ: «Ты укралъ жеребца?» — «Я, баринъ». — «Гдѣ же онъ?» — «Купцамъ продалъ». — «Счастливъ твой Богъ, что я самъ украсть велѣлъ! Возьми свои двѣсти рублей. Ну, украдь же теперь керженскаго¹ наставника». — «А что, баринъ, за труды положишь?» — «Хочешь триста рублей?» — «Изволь, украду!» — «А если не украдешь?» — «Твоя воля; дѣлай, что самъ знаешь».

Призвавъ баринъ наставника: «Берегись, говорить, стой на молитвѣ всю ночь, спать не моги! Ванька-воръ на тебя похваляется». Перепугался старецъ, не до сна ему, сидитъ въ кельѣ да молитву твердитъ. Въ самую полночь пришелъ Иванъ-воръ съ рогозиннымъ кошелѣмъ и стучится въ окно. «Кто ты, человѣче?» — «Ангель съ небеси, посланъ за тобою унести живого въ рай; полѣзай въ кошель». Наставникъ сдуру и влѣзъ въ кошель; воръ завязалъ его, поднялъ на спину и понесъ на колокольню. Тащилъ-тащилъ; «скоро ли?» спрашиваетъ наставникъ. «А вотъ увидишь! Сначала дорога хотя долга, да гладка, а подъ конецъ коротка да колотлива». Втащилъ его наверхъ, и спустил внизъ по лѣстницѣ: больно пришлось наставнику, пересчиталъ всѣ ступеньки! «Охъ, говорить, правду сказывалъ ангель: передняя дорога хотя долга, да гладка, а послѣдняя ко-

¹) Раскольничій.

ротка да колотлива! И на томъ свѣтѣ такой бѣды не знавалъ!» — «Терпи, спасенъ будешь!» отвѣчалъ Иванъ; поднялъ кошель и повѣсилъ у воротъ на ограду, положилъ подлѣ два березовыхъ прута толщиною въ палецъ и написалъ на воротахъ: «Кто мимо пройдетъ да не ударитъ по кошелю три раза — да будетъ анаѣема проклять!» Вотъ всякой, кто ни проходитъ мимо—непремѣнно стегнетъ три раза. Идетъ баринъ: «Что за кошель виситъ?» Приказалъ снять его и развязать. Развязали, а оттуда лѣзетъ керженской наставникъ. «Ты какъ сюда попалъ? вѣдь говорилъ тебѣ: берегись, такъ нѣтъ! Не жалко мнѣ, что тебя прутьями били, а жалко мнѣ, что изъ-за тебя триста рублей даромъ пропали!»

220

Вороватый мужикъ

Жила-была старуха, у ней было два сына: одинъ-то померъ, а другой въ дальнюю сторону уѣхалъ. Дня три спустя, какъ уѣхалъ сынъ, приходитъ къ ней солдатъ и просится: «Бабушка, пусти ночевать». — «Иди, родимой! да ты откуда?» — «Я, бабушка, Никонецъ, съ того свѣту выходецъ». — «Ахъ, золотой мой! у меня сыночекъ померъ; не видалъ ли ты его?» — «Какъ же! видалъ; мы съ нимъ въ одной горницѣ жили». — «Что ты!» — «Онъ, бабушка, на томъ свѣтѣ журавлей пасетъ». — «Ахъ, родненькой! чай, онъ съ ними замаялся?» — «Еще какъ замаялся! вѣдь журавли-то, бабушка, все по шиповнику бродятъ». — «Чай, онъ обносился?» — «Еще какъ обносился-то! совсѣмъ въ лохмотьяхъ». — «Есть у меня, родимой, аршинъ сорокъ холста да рублевъ съ десятокъ денегъ: отнеси къ сынку». — «Изволь, бабушка!» Долго ли, коротко ли, приѣзжаетъ сынъ: «Здравствуй, матушка!» — «А ко мнѣ безъ тебя приходилъ Никонецъ, съ того свѣта выходецъ, про покойнаго

сынка сказывалъ; они вмѣстѣ въ одной горницѣ жили; я услала съ нимъ туда холстикъ да десять рублей денегъ». «Коли такъ, говоритъ сынъ: прощай, матушка! я поѣду по вольному свѣту; когда найду дураковатѣй тебя — буду тебя и кормить и поить, а не найду — со двора спихну!» Повернулся и пошелъ въ путь-дорогу.

Приходитъ въ господску деревню, остановился возлѣ барскаго двора, а на дворѣ ходитъ свинья съ поросятами; вотъ мужикъ сталъ на колѣни и кланяется свинѣ въ землю. Увидала то изъ окна барыня, и говоритъ дѣвкѣ: «Ступай, спроси, чего мужикъ кланяется?» Спрашиваетъ дѣвка: «Мужичокъ! чего ты на колѣняхъ стоишь да свинѣ поклоны бьешь?» — «Матушка! доложи барынкѣ, что свинья-то ваша пестра, моей женѣ сестра, а у меня сынъ завтра женится, такъ на свадьбу прошу. Не отпустить ли свинью въ свахи, а поросятъ въ поѣздъ?» Барыня какъ выслушала эти рѣчи, и говоритъ дѣвкѣ: «Какой дуракъ! просить свинью на свадьбу, да еще съ поросятами. — Ну, что жъ! пусть съ него люди посмѣются. Наряди поскорѣй свинью въ мою шубу, да вели запречь въ повозку пару лошадей: пусть не пѣшкомъ идетъ на свадьбу». Запрягли повозку, посадили въ нее наряжену свинью съ поросятами, и отдали мужику; онъ сѣлъ и поѣхалъ назадъ. Вотъ воротился домой баринъ, а былъ онъ въ то время на охотѣ. Барыня его встрѣчаетъ, сама со смѣху помираетъ: «Ахъ, душенька! не было тебя, не съ кѣмъ было посмѣяться. Былъ здѣсь мужичокъ, кланялся нашей свинѣ: ваша свинья, говорилъ, пестра — моей женѣ сестра, и просилъ ее къ своему сыну въ свахи, а поросятъ въ поѣздъ». — «Я знаю, говоритъ баринъ: ты ее отдала». — «Отпустила, душенька! нарядила въ свою шубу и дала повозку съ парой лошадей». — «Да откуда мужикъ-то?» — «Не знаю, голубчикъ!» — «Это выходитъ: не мужикъ

— дуракъ, а ты — дура!» Разсердился баринъ, что жену обманули, выбѣжалъ изъ хоромъ, сѣлъ на виноходца и поскакалъ въ погоню. Слышитъ мужикъ, что баринъ его нагоняетъ, завелъ лошадей съ повозкою въ густой лѣсъ, а самъ снялъ съ головы шляпу, опрокинулъ наземь и сѣлъ возлѣ. «Эй ты, борода! закричалъ баринъ: не видалъ ли — не проѣхалъ ли здѣсь мужикъ на парѣ лошадей? еще у него свинья съ поросятами въ повозкѣ». — «Какъ не видать! ужъ онъ давно проѣхалъ». — «Въ какую сторону? какъ бы мнѣ его догнать!» — «Догнать — не устать, да повѣртокъ много; того и смотри, заплутаешься. Тебѣ, чай, дороги невѣдомы?» — «Поѣзжай, братецъ, ты! поймай мнѣ этого мужика!» — «Нѣтъ, баринъ, мнѣ никакъ нельзя! у меня подъ шляпою соколъ сидитъ». — «Ничего, я постерегу твоего сокола». — «Смотри, еще выпустишь! Птица — дорогая! меня хозяинъ тогда со свѣту сживетъ». — «А что она стѣнитъ?» — «Да рублевъ триста будетъ». — «Ну, коли упушу, такъ заплачу». — «Нѣтъ, баринъ! хоть теперь ты сулишь, а что послѣ будетъ — не вѣдаю». — «Экой невѣра! пу, вотъ тебѣ триста рублевъ про всякой случай». Мужикъ взялъ деньги, сѣлъ на виноходца и поскакалъ въ лѣсъ, а баринъ остался пустую шляпу караулить. Долго ждалъ баринъ; ужъ и солнышко закатывается, а мужика нѣтъ какъ нѣтъ!» — «Постой, посмотрю: есть ли подъ шляпою соколъ? коли есть, такъ пріѣдетъ; а коли нѣтъ, такъ и ждать нечего!» Поднял шляпу, а сокола и не бывало! «Экой мерзавецъ! вѣдь навѣрно это былъ тотъ самый мужикъ, что барыню обманулъ!» Плюнулъ съ досады баринъ и поплѣлся къ женѣ; а мужикъ ужъ давно дома: «Ну, матушка! говоритъ старухъ: живи у меня: есть на свѣтѣ и тебя дурашливѣе. Вотъ ни за что, ни про что дали тройку лошадей съ повозкою, триста рублевъ денегъ, да свинью съ поросятами».

Солдатская загадка

Шли солдаты прохожіе, остановились у старушки на отдыхъ. Попросили они попить да поѣсть, а старуха отзывается: «Дѣтоньки! чѣмъ же я васъ буду подчивать? у меня ничего нѣту». А у ней въ печѣ былъ варёной пѣтухъ — въ горшкѣ, подъ сковородой. Солдаты это дѣло смекнули; одинъ — вороватой былъ! — вышелъ на дворъ, раздергалъ возъ со снопами, воротился въ избу и говорить: «Бабушка, а бабушка! посмотри-ка, скотъ-ать у тебя хлѣбъ ѣсть». Старуха на дворъ, а солдаты тѣмъ времячкомъ заглянули въ печь, вынули изъ горшка пѣтуха, на мѣсто его положили туда ошмѣтокъ¹, а пѣтуха въ суму спрятали. Пришла старуха: «Дѣтоньки, миленьки! не вы ли скота-то пустили? почто же, дѣтоньки, пакостите? не надо, миленьки!» Солдаты помолчали-помолчали, да опять попросили: «Дай же, бабушка, поѣсть намъ!» — «Возьмите, дѣтоньки, кваску да хлѣбца; будетъ съ васъ!» И вздумала старуха похвалиться, что провела² ихъ, и заганула имъ загадку: «А что, дѣтоньки! вы люди-то бывалые, всего видали; скажите-ка мнѣ: нынѣ въ Пенскомъ, Черепенскомъ, подъ Сковороднымъ, здравствуетъ ли Куруханъ-Курухановичъ?» — «Нѣтъ, бабушка!» — «А кто же, дѣтоньки, вмѣсто его?» — «Да Липанъ Липановичъ»³. — «А гдѣ же Куруханъ Курухановичъ?» — «Да въ Суминъ городъ переведенъ, бабушка». Послѣ того ушли солдаты. Приѣзжаетъ сынъ съ поля, просить ѣсть у старухи, а она ему: «Поди-ка, сынокъ! были у меня солдаты да просили закусить, а я имъ, дитятко, заганула загадочку

¹) Изнашенный, старой лапоть.

²) Обманула.

³) Куруханъ отъ слова: куръ — пѣтухъ; липанъ отъ слова: липа, потому что лапти плетутся изъ лицевыхъ лыкъ.

про пѣтуха, что у меня въ печи; они не сумѣли отгадать-то». — «Да какую ты, матушка, заганула имъ загадку?» — «А вотъ какую: въ Пенскомъ, Черепенскомъ, подъ Сквороднымъ, здравствуетъ ли Куруханъ Курухановичъ? Они не отганули; нѣтъ, баютъ, бабушка! Гдѣ же онъ, родимые? Да въ Суминъ городъ переведенъ. А того и не знаютъ, курвины дѣти, что у меня въ горшкѣ-то есть!» Заглянула въ печь, анъ пѣтухъ-то улетѣлъ; только лапотъ вытащила. «Ахти, дитятко, обманули меня проклятые!» — «То-то, матушка! солдата не проведешь, онъ — человѣкъ бывалой».

Записана въ Пермской губ.

222

Мертвое тѣло

Въ нѣкоемъ царствѣ, не въ нашемъ государствѣ, жила старушка-вдова; у нея было два сына умныхъ, а третій дуракъ. Стала мать помирать, стала имѣнье отказывать — кому что, и просить умныхъ: «Не обдѣлите, сынки, дурака; было бы всеѣмъ поровну!» Вотъ старуха померла, умные братья раздѣлили все имѣніе межъ собой, а дураку ничего не дали. Дуракъ схватилъ покойницу со стола и потащилъ на чердакъ. «Что ты, дуракъ! закричали на него братья: куда поволокъ?» А дуракъ въ отвѣтъ: «Вы двое все добро себѣ забрали; мнѣ одна матушка осталась!» Втащилъ наверхъ и принялся кричать во все горло: «Люди добрые! поглядите — матушку убили!» Братья видятъ — худо дѣло! и говорятъ ему: «Дуракъ, не кричи! вотъ тебѣ сто рублей; вотъ тебѣ лошадь!» Дуракъ взялъ деньги, запрѣгъ лошадь, посадилъ старуху на дровни и повезъ ее, словно живую, на большую дорогу. Скачетъ навстрѣчу ему баринъ, колокольчикъ подъ дугой такъ и заливается; дуракъ съ

дороги не сворачиваетъ. «Эй ты, олухъ! вороти въ сторону», кричитъ баринъ. «Самъ вороти!» отвѣчаетъ дуракъ. Баринъ осерчалъ, заругался, не велѣлъ сворачивать, наскочилъ на дровни и опрокинулъ на бокъ; старуха упала, а дуракъ завопилъ: «Караулъ! караулъ! баринъ матушку до смерти зашибъ!» — «Молчи, дуралей! вотъ тебѣ сто рублевъ». — «Давай триста». — «Чортъ съ тобой, бери триста, только кричать перестань». Дуракъ взялъ съ барина деньги, положилъ старуху на дровни, и поѣхалъ въ ближнее село; пробрался задѣми къ попу на дворъ, залѣзъ въ погребъ, видитъ — стоятъ на льду кринки съ молокомъ. Онъ сейчасъ поснималъ съ нихъ покрышки, приволокъ свою старуху и усадилъ возлѣ на солому; въ лѣвую руку далъ ей кувшинъ, въ правую — ложку, а самъ за кадку спрятался. Немного погодя, пошла на погребъ попадья; глядь — незнамо чья старуха сместану съ кринокъ сымаетъ да въ кувшинъ собираетъ; попадья ухватила палку, какъ треснетъ ее по головѣ — старуха свалилась, а дуракъ выскочилъ и давай кричать: «Батюшки-свѣты, караулъ! попадья матушку убила!» Прибѣжалъ попъ: «Молчи, говорить, я тебѣ сто рублевъ заплачу и мать даромъ схороню». — «Неси деньги!» Попъ заплатилъ дураку сто рублевъ и похоронилъ старуху. Дуракъ воротился домой съ деньгами; братья спрашиваютъ: «Куда мать дѣвалъ?» — «Продалъ, вотъ и денежки». Завидно стало братьямъ, стали сговариваться: «Давай-ка убьемъ своихъ женъ да продадимъ. Коли за старуху столько дали, за молодыхъ вдвое дадутъ». Ухлопали своихъ женъ и повезли на базаръ; тамъ ихъ взяли, въ кандалы заковали, и сослали въ Сибирь. А дуракъ остался хозяиномъ, и зажилъ себѣ припѣваячи, мать поминаючи.

Шутъ

Въ одной деревнѣ жилъ шутъ. Какой-то попъ вздумалъ ѣхать къ нему, говоритъ попадѣ: «Ѣхать было къ шуту, не спутить ли какú шутку!» Собрался и поѣхалъ; шутъ пò двору похаживать, за хозяйствомъ присматривать. «Богъ въ помочь, шутъ!» — «Добро жаловать, батюшко! куды тебя Богъ понесъ?» — «Къ тебѣ, свѣтъ; не спутишь ли шутку мнѣ?» — «Изволь, батюшко; только шутку-то я оставилъ у семи шутовъ, дакъ снаряди потеплѣй да дай лошади съѣздить за нею». Попъ далъ ему лошадь, тулупъ и шапку. Шутъ сѣлъ и поѣхалъ. Пріѣхалъ къ попадѣ и говоритъ: «Матушка! попъ купилъ триста пудовъ рыбы, меня вотъ послалъ на своей лошади къ тебѣ за деньгами, триста рублей просить». Попадья тотчасъ отсчитала ему триста рублей; шутъ взялъ и поѣхалъ назадъ. Пріѣзжать домой, тулупъ и шапку положилъ въ сани, лошадь въ ограду пустилъ, а самъ спрятался. Попъ пождалъ-пождалъ, не могъ дождаться, собрался и воротился къ попадѣ. Она спрашивать: «А гдѣ рыба-то?» — «Какая рыба?» — «Какъ какая! шутъ пріѣзжалъ за деньгами, сказывалъ, будто ты заторговалъ триста пудовъ рыбы; я ему триста рублей дала». Узналъ попъ, какову шутку сыгралъ надъ нимъ шутъ!

На другой день собрался, и опять къ шуту. Шутъ зналъ, что попъ пріѣдетъ, переодѣлся женщиной, взялъ пресницу¹ и сѣлъ подъ окошко, сидитъ да прядётъ. Вдругъ попъ: «Богъ въ помочь!» — «Добро жаловать!» — «Дома шутъ?» — «Нѣту, батюшко!» — «Гдѣ же онъ?» — «Да вѣдь онъ, батюшко, съ тобой вчера съ пошутилъ да послѣ того и дѣла не бывалъ». — «Экой плутъ! видно на-

¹) Прялку.

завтрее прїѣзжать». На третій день прїѣхалъ; шута все нѣтъ дома. Попъ и думать: «Чево жо я ѣзжу безъ дѣла. Эта дѣвка знать сестра ево, увезу ее домой, пусть зарабатывает¹ мои деньги». Спрашивать ее: «Ты кто жо? какъ шуту доводишься?» Она говоритъ: «Сестра». — «Шутъ у меня триста рублей денекъ взялъ, такъ ступай-ко, голубушка, зарабатывай ихъ . . .» — «Дакъ што! ѣхать, дакъ ѣхать!» Собралась и поѣхала съ попомъ. Живетъ у него ужъ и долго. У попа были дочери-невѣсты. Вдругъ къ нему сватовшики — какой-то богатой купецъ началъ сватать дочь за сына. Поповски дочери что-то купцу не понравились, не поглянулись, онъ и высваталъ стряпку², шутову сестру. Веселымъ пиркомъ да и за свадебку. Справили все какъ слѣдуетъ. Ночью молодая говоритъ мужу: «Высади меня въ окошко по холсту повѣтриться: а какъ тряхну холстомъ, назадъ тани». Мужъ спустилъ ее въ садъ; жонушка привязала вмѣсто себя козлуху, тряхнула — молодой потащилъ. Притащилъ въ горницу, смотреть — козлуха. «Охъ, злые люди испортили у меня жену-то!» закричалъ молодой; все сбѣжались, начали возиться съ козлухой: дружки взялись наговаривать, штобы обратить ее въ женщину, и совсѣмъ доконали-замучили: пропала козлуха.

Шутъ между тѣмъ пришѣлъ домой, переодѣлся и поѣхалъ къ попу. Тотъ ево встрѣтилъ: «Милости просимъ! милости просимъ!» — угощать. Шутъ сидитъ, ѣсть да пьетъ; тѣ-други разговоры, онъ и спрашивать: «Батюшко, гдѣ жо моя сестра? не увозилъ ли ты?» — «Увѣзь, говоритъ попъ: да и отдалъ въ-замужъ за богатова купца». — «А какъ жо, батюшко, безъ моего спросу отдали ее въ-замужъ? разѣ есь таки законы?

¹) Зарабатываетъ.

²) Кухарку, работницу.

вѣдь я просить пойду!» Попъ биться-биться съ нимъ, чтобы не ходилъ въ просьбу. Шутъ выпросилъ съ него триста рублей; попъ отдалъ. Шутъ взялъ и говоритъ опеть: «Ладно, батюшко! теперь своди-ка меня къ сватушку-то; покажи, каково они живутъ». Попъ не захотѣлъ спорить; собрались и поѣхали. Пріѣзжаютъ къ купцу; тутъ ихъ встрѣтили, начали подбивать. Шутъ сидитъ ужъ и дивно времени — сестры не видать! и говоритъ онъ: «Сватушко, гдѣ жо моя-то сестра? я давно съ ней не видался». Тѣ посѣмываютъ¹. Онъ опеть спрашивать; они и сказали ему, что злы люди похимостили², испортили ее въ козлуху. «Покажите козлуху!» просить шутъ; они говорятъ: «Козлуха пропала». — «Нѣтъ, не козлуха пропала, а вы разѣ мою сестру убили; какъ сдѣлаться ей козлухой! Пойду просить на васъ». Тѣ ну просить ево: «Не ходи, пожалуйста не ходи просить; чего хочешь — бери!» — «Отдайте триста рублей, не пойду!» Деньги отсчитали, шутъ взялъ и ушѣлъ, сдѣлалъ гдѣ-то гробъ, склалъ въ него деньги и поѣхалъ.

Вотъ ѣдетъ шутъ, а навстрѣчу ему семь шутовъ; спрашиваютъ: «Чево, шутъ, везешь?» — «Деньги». — «А гдѣ взялъ?» — «Гдѣ взялъ! Вишь покойника продалъ, и везу теперь полонъ гробъ денекъ. Шуты, ничево не говоря, пріѣхали домой, перебили всѣхъ своихъ жёнъ, подѣлали гроба, склали на телѣги, и везутъ въ городъ; везутъ да кричатъ: «Покойниковъ, покойниковъ! кому надо покойниковъ?» Услыхали это козаки, живо подскакали и давай ихъ понужать плетями; драли-драли, еще съ приговорами: «Вотъ вамъ покойники! вотъ вамъ покойники!» и проводили вонъ изъ города. Еле-еле убрались шуты; покойниковъ схоронили, сами и ступай къ шуту, отмстить за насмѣшку; тотъ ужъ зналъ;

¹) Переминаются, беспокоятся.

²) Заворожили, заколдовали.

вперёдъ изготовился. Вотъ они пріѣхали, вошли въ избу, поздоровались, сѣли на лавку; а у шута въ избѣ была козлуха: она бѣгала-бѣгала, вдрукъ и выронила семигривенникъ. Шуты увидѣли это, спрашиваютъ: «Какъ это козлуха-то семигривенникъ выронила?» — «Она у меня завсегда серебро носить!» Тѣ и приступили: продай да продай! Шутъ упрямится, не продаётъ: самому де надо. Нѣтъ, шуты безотступно торгуютъ. Онъ запросилъ съ нихъ триста рублей. Шуты дали, и увезли козлуху; дома-то поставили ее въ горницѣ, на полъ ковромъ настлали, дожидаются утра, думаютъ: «Вотъ када денекъ-то наносить!» а вмѣсто того она только ковры изгадила.

Шуты опять поѣхали мстить тому шуту. Тотъ уже зналъ, что они будутъ; говорить своей женѣ: «Хозяйка! смотри, я тебѣ привяжу подъ пазуху пузырь съ кровью; какъ придутъ шуты бить меня, я втѣпору стану просить у тебя обѣдать; разъ скажу — ты не слушай, другой скажу — не слушай, и въ третій — тоже не слушай. Я ухвачу ножъ и ткну въ пузырь, кровь побѣжитъ — ты и падѣ, будто умерла. Тутъ я возьму плѣтку, стегну тебя разъ — ты пошевелись, въ другой — ты повертись, а въ третій — скочи да на столъ собирай». Вотъ пріѣхали шуты: «Ну, братъ! ты насъ давно обманываешь, теперича мы тебя убѣмъ». — «Дакъ што! убьете, такъ убьете; дайте хоть въ послѣдній разъ пообѣдать. Эй, хозяйка! давай обѣдать». Та ни съ мѣста: онъ вдругòредь приказывать — она ни съ мѣста; въ третій разъ говорить — то жо самое. Шутъ схватилъ ножикъ, хлопъ ее въ бокъ — кровь полилась ручьями, баба пала, шуты испугались: «Што ты надѣлалъ, собака? и насъ упекѣшь тутъ жо!» — «Молчите, ребята! у меня есть плѣтка; я ее вылѣчу». Сбѣгалъ за плѣткой, стегнулъ разъ — хозяйка пошевелилась, въ другой — пово-

ротилась, въ третій — ссочила и давай на столъ соби-
рать. Шуты говорятъ: «Продай плётку!» — «Купите». —
«Много ли возьмёшь?» — «Триста рублей». Шуты отсчи-
тали деньги, взяли плётку, ступай съ ней въ городъ; ви-
дять — везутъ богатова покойника, они кричатъ: стой!
Остановились. «Мы оживимъ покойника!» Разъ стег-
нули плёткой — покойникъ не шевелится, въ другой
разъ — тожо, въ третій, четвертой, пятой — покойникъ
все не шевелится. Тутъ ихъ, сердешныхъ, забрали и
давай самихъ драть; плетями стегаютъ да приговари-
ваютъ: «Вотъ вамъ, лѣкаря! вотъ вамъ, лѣкаря!» До по-
лусмерти изстегали, отпустили. Они каё-какъ доплелись
до двора, поправились и говорятъ сами съ собой: «Ну,
робята, не докуль шуту надъ нами смѣяться; пойдемте,
убьёмъ ево! чево на нево смотрѣть-то?»

Тотчасъ собрались и поѣхали; застали шута дома,
схватили и потащили на рѣку топить. Онъ прѣсится:
«Дайте хоть съ женой да съ роднѣй проститься, приве-
дите ихъ сюда!» Ну, согласились, пошли все за род-
нѣй; а шута завязали въ куль и оставили у пролуби.
Только ушли, вдрукъ ѣдѣтъ солдатъ на парѣ каурыхъ,
а шутъ што-то и скашлялъ. Солдатъ остановился, со-
скачилъ съ саней, развязалъ куль и спрашивать: «А,
шутъ! пошто залѣзъ тутъ?» — «Да вотъ выеватали за
меня убѣгомъ таку-то (называется ее по имени), севодни
и украли; а отецъ и хватился, давай искать. Намъ не-
куда дѣваться; вотъ мы спрятались въ кули, насъ завя-
зали да и растащили по разнымъ мѣстамъ, штобъ не
узнали». Солдатъ былъ вдѣвой, говорить: «Пусти,
братъ, меня въ куль-отъ». Шутъ упрямится, не
пускать. Солдатъ уговаривать, и уговорилъ ево. Шутъ
вышѣлъ, завязалъ солдата въ куль, саялъ на лошадей и
уѣхалъ. Солдатъ сидѣлъ-сидѣлъ въ кулю, и уснулъ.
Семь шутовъ воротились одни, безъ родни, схватили куль

и бросили въ воду; пошѣлъ куль ко дну — буры да коуры! Сами побѣжали домой; только прибѣжали, разсялись по мѣстамъ, а шутъ и катить мимо оконъ на парѣ лошадей — ухъ! «Стой!» закрычали семеро шутовъ. Онъ остановился. «Какъ ты изъ воды выбился?» — «Эхъ, вы дураки! разѣ не слышали: какъ пошѣлъ я ко дну, то сказывалъ: буры да коуры? это я коней ималъ. Тамъ ихъ много, да какіе славные! Это што еще! я дрянъ взялъ — спереди, а тамъ дальше воронные — вотъ такъ лошади! Шугы повѣрили: «Спускай, братъ, насъ въ воду; пойдѣмъ и мы коней выбирать». — «Извольте!» Всѣхъ извязалъ въ кули и давай спускать по одному; и спускалъ всѣхъ въ воду, махнулъ рукой и сказалъ: «Ну, выѣзжайте жо теперь на вороныхъ!»

Записана въ Пермской губ., г. А. Зыряновымъ.

224

Иванушко-дурачокъ

Быль-жилъ старикъ со старухою; у нихъ было три сына: двое — умные, третій — Иванушко-дурачокъ. Умные-то овецъ въ порѣ пасли, а дуракъ ничего не дѣлалъ, все на печкѣ сидѣлъ, да мухъ ловилъ. Въ одно время наварила старуха аржаныхъ клѣцокъ, и говорить дураку: «На-ка, снеси эти клѣцки братьямъ; пусть поѣдятъ». Налила полной горшокъ и дала ему въ руки; побрѣлъ онъ къ братьямъ. День былъ солнечной; только вышелъ Иванушко за околицу, увидалъ свою тѣнь съ боку, и думаетъ: «Что это за человѣкъ? со мной рядомъ идетъ; ни на шагъ не отстаетъ; вѣрно клѣцокъ захотѣлъ!» И началъ онъ бросать на свою тѣнь клѣцки, такъ всѣ до единой и повыкидалъ; смотреть, а тѣнь всё съ боку идетъ: «Эка ненасытная утроба!» сказалъ дурачокъ съ сердцемъ, и пустилъ въ нее горшкомъ — раз-

летѣлись черепки въ разныя стороны. Вотъ приходитъ съ пустыми руками къ братьямъ; тѣ его спрашиваютъ: «Ты, дуракъ, зачѣмъ?» — «Вамъ обѣдъ принёсъ». — «Гдѣ же обѣдъ? давай живѣе». — «Да вишь, братцы, привязался ко мнѣ дорогою незнамо какой человѣкъ, да все и поѣлъ!» — «Какой-такой человѣкъ?» — «Вотъ онъ! и теперь рядомъ стоитъ!» Братья ну его ругать, бить, колотить; отколотили и заставили овецъ пасти, а сами ушли на деревню обѣдать. Принялся дурачокъ пасти: видитъ, что овцы разбрелись по полю, давай ихъ ловить да глаза выдирать; всѣхъ переловилъ, всѣмъ глаза выдолбилъ, собралъ стадо въ одну кучу и сидитъ себѣ радѣхонекъ, словно дѣло сдѣлалъ. Братья пообѣдали, воротились въ поле: «Что ты, дуракъ, натворилъ? отчего стадо слѣпое?» — «Да почто имъ глаза-то? Какъ ушли вы, братцы, овцы-то врозь разсыпались; я и придумалъ: сталъ ихъ ловить, въ кучу собирать, глаза выдирать; вѣ какъ умаялся!» — «Постой, еще не такъ умаешься!» говорятъ братья, и давай угощать его кулаками; порядкомъ-таки досталось дураку на орѣхи!

Ни много, ни мало прошло времени; послали старики Иванушка-дурачка въ городъ къ празднику по хозяйству закупать. Всего закупилъ Иванушко: и столъ купилъ, и ложекъ, и чашекъ, и соли; цѣлой возъ навалилъ всякой всячины. Ъдетъ домой, а лошадёнка была такая, знатъ, неудалая, везетъ — не везетъ! «А что, думаетъ себѣ Иванушко: вѣдь у лошади четыре ноги, и у стола тожъ четыре; такъ столъ-отъ и самъ добѣжитъ!» Взялъ столъ и выставилъ на дорогу. Ъдетъ-ѣдетъ, близко ли, далеко ли, а вороны такъ и вьются надъ нимъ да все каркаютъ. «Знатъ сестрицамъ поѣсть-покушать охота, что такъ раскричались!» подумалъ дурачокъ; выставилъ блюда съ ѣствами наземъ и началъ подчивать: «Сестрицы-голубушки! кушайте на здоровье». А

самъ все впередъ да впередъ подвигается. Ъдетъ Иванушко перелѣскомъ; по дорогѣ все пни обгорѣлые. «Эхъ, думаетъ, ребята-то безъ шапокъ; вѣдь озябнуть, сердечные!» Взялъ-понадѣвалъ на нихъ горшки да корчаги. Вотъ доѣхалъ Иванушко до рѣки, давай лошадь поить, а она не пьетъ. «Знать бѣзъ соли не хочетъ!» и ну солить воду. Высыпалъ полонъ мѣшокъ соли, лошадь все не пьетъ. «Что жъ ты не пьешь, волчье мясо! развѣ задаромъ я мѣшокъ соли высыпалъ?» Хватилъ ее полѣномъ да прямо въ голову, и убилъ наповалъ. Остался у Иванушки одинъ кошель съ ложками, да и тотъ на себѣ понёсъ. Идетъ; ложки назади такъ и брякаютъ: брякъ, брякъ, брякъ! а онъ думаетъ, что ложки-то говорятъ: «Иванушко-дуракъ!» бросилъ ихъ, и ну топтать да приговаривать: «Вотъ вамъ Иванушко-дуракъ! Вотъ вамъ Иванушко-дуракъ! Еще вздумали дразнить, негодныя!» Воротился домой и говоритъ братьямъ: «Все искупилъ, братики!» — «Спасибо, дуракъ, да гдѣ жъ у тебя закупки-то?» — «А столъ-отъ бѣжитъ, да знать отсталъ, изъ блюдъ сестрицы кушаютъ, горшки да корчаги ребятамъ въ лѣсу на головы понадѣвалъ, солью-то поиво лошади посолилъ, а ложки дразнятся — такъ я ихъ на дорогѣ покинулъ». — «Ступай, дуракъ, поскорѣе! собери все, что разбросалъ по дорогѣ». Иванушко пошелъ въ лѣсъ, снялъ съ обгорѣлыхъ пней корчаги, повышибалъ днища и надѣлъ на батогъ корчагъ съ дюжину — всякихъ: и большихъ и малыхъ. Несетъ домой. Отколотили его братья; поѣхали сами въ городъ за покупками, а дурака оставили домовничать. Слушаетъ дуракъ, а пиво въ кадкѣ такъ и бродитъ, такъ и бродитъ. «Пиво, не броди, дурака не дразни!» говоритъ Иванушко. Нѣтъ, пиво не слушается; взялъ да и выпустилъ все изъ кадки, самъ сѣлъ въ корыто, по избѣ разѣвзажаетъ, да пѣсенки распѣваетъ.

Приѣхали братья, крѣпко осерчали, взяли Иванушка — зашили въ куль и потащили къ рѣкѣ. Положили куль на берегу, а сами пошли пролубь осматривать. На ту пору ѣхалъ какой-то баринъ мимо на тройкѣ бурыхъ; Иванушко и ну кричать: «Садятъ меня на воеводство судить да рядить, а я ни судить, ни рядить не умѣю!» — «Постой, дуракъ! сказалъ баринъ: я умѣю и судить и рядить; вылѣзай изъ куля!» Иванушко вылѣзъ изъ куля, зашилъ туда барина, а самъ сѣлъ въ его повозку и уѣхалъ изъ виду. Пришли братья, спустили куль подъ ледъ, и слушаютъ, а въ водѣ такъ и буркаетъ. «Знать бѣрка ловить!» проговорили братья и побрели домой. Навстрѣчу имъ, откуда ни возмись, ѣдетъ на тройкѣ Иванушко, ѣдетъ да прихвастываетъ: «Вотъ-ста какихъ поймалъ я лошадушекъ! а еще остался тамъ сивко — такой славной!» Завидно стало братьямъ; говорятъ дураку: «Запивай теперь насъ въ куль да спускай поскорѣй въ пролубь! Не уйдетъ отъ насъ сивко . . .» Опустилъ ихъ Иванушко-дурачокъ въ пролубь и погналъ домой пиво допивать да братьевъ поминалъ. Былъ у Иванушка колодець, въ колодцѣ рыба елець, а моей сказкѣ конецъ.

Записана въ Вологодской губ.

Дуракъ и береза

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ старикъ, у него было три сына: двое — умныхъ, третій — дуракъ. Померъ старикъ, сыновья раздѣлили имѣнье по жеребью: умнымъ досталось много всякаго добра, а дураку одинъ быкъ — и тотъ худой! Пришла ярмарка; умные братья собираются на торгъ ѣхать. Дуракъ увидалъ и говорить: «И я, братцы, по-

веду своего быка продавать». Зацѣпилъ быка веревкою за рога и повелъ въ городъ. Случилось ему идти лѣсомъ, а въ лѣсу стояла старая сухая береза; вѣтеръ подуетъ — и береза заскрипитъ. «Почто береза скрипитъ? думаетъ дуракъ: ужъ не торгуетъ ли моего быка? Ну, говорить, коли хочешь покупать — такъ покупай; я не прочь продать! Быкъ двадцать рублевъ стоить; меньше взять нельзя . . . Вынимай-ка деньги!» Береза ничего ему не отвѣчаетъ, только скрипитъ; а дураку чудится, что она быка въ долгъ просить. «Изволь, я подожду до завтраго!» Привязалъ быка къ березѣ, распрощался съ нею и пошелъ домой. Вотъ приѣхали умные братья и стали спрашивать: «Ну что, дуракъ! продалъ быка?» — «Продалъ». — «За дорого?» — «За двадцать рублевъ». — «А деньги гдѣ?» — «Денегъ еще не получалъ; сказано — завтра придти». — «Эхъ, ты — простота!» На другой день поутру всталъ дуракъ, снарядился и пошелъ къ березѣ за деньгами. Приходить въ лѣсъ — стоитъ береза, отъ вѣтру качается, а быка нѣту: ночью волки съѣли. «Ну, землякъ! подавай деньги, ты самъ общалъ, что сегодня заплатишь». Вѣтеръ подулъ — береза заскрипѣла, а дуракъ говоритъ: «Ишь ты какой невѣрной! вчера сказывалъ — завтра отдамъ! и нонче то же сулишь. Такъ и быть, подожду еще одинъ день, а ужъ больше не стану — мнѣ самому деньги надобны». Воротился домой. Братья опять къ нему пристають: «Что, получилъ деньги?» — «Нѣтъ, братцы! пришлось еще денѣкъ подождать». — «Да кому ты продалъ?» — «Сухой березѣ въ лѣсу». — «Экой дуракъ!» На третій день взялъ дуракъ топоръ и отправился въ лѣсъ. Приходить и требуетъ денегъ. Береза скрипитъ да скрипитъ. «Нѣтъ, землякъ! коли все будешь завтраками подбивать, такъ съ тебя никогда не получишь. Я шутить-то не люблю, живо съ тобой раздѣлаюсь!» Какъ хватить ее топоромъ

— такъ щепки и посыпались во всѣ стороны. Въ той березѣ было дупло, а въ томъ дуплѣ разбойники спрятали полной котель золота. Распалось дерево надвое, и увидалъ дуракъ чистое золото; нагрѣвъ цѣлую полку и потащилъ домой; принесъ и показываетъ братьямъ. «Гдѣ ты, дуракъ, добылъ столько?» — «Землякъ за быка отдалъ; да тутъ еще не сполна все, чай и половины домой не притащилъ! Пойдемте-ка, братцы, забирать остальное!» Пошли въ лѣсъ, забрали деньги и несутъ домой. «Смотри же, дуракъ! говорятъ умные братья: никому не рассказывай, что у насъ столько золота». — «Небось, не скажу!» Вдругъ попадается имъ навстрѣчу дьячокъ. «Что вы, ребята, изъ лѣсу тащите?» Умные говорятъ: грибы. А дуракъ поперечить: «Врутъ они! мы деньги несемъ; вотъ посмотри!» Дьячокъ такъ и ахнулъ, бросился къ золоту и давай хватать пригоршнями да въ карманъ совать. Дуракъ разсердился, ударилъ его топоромъ и убилъ до смерти. «Эхъ, дуракъ! что ты надѣлалъ? закричали братья: самъ пропадешь, и насъ загубишь! Куда теперь мертвое тѣло дѣвать?» Думали-думали, и стащили его въ пустой погребъ, да тамъ и бросили. Поздно вечеромъ говоритъ старшій братъ середнему: «Дѣло-то выходитъ неладно! какъ стануть про дьячка разыскивать, вѣдь дуракъ все расскажетъ. Давай-ка убьемъ козла да схоронимъ въ погребъ, а мертвое тѣло зароемъ въ иное мѣстѣ». Дождали они глухой ночи, убили козла и бросили въ погребъ, а дьячка снесли въ иное мѣсто и зарыли въ землю. Прошло нѣсколько дней, стали про дьячка вездѣ розыскивать, у всѣхъ спрашивать: дуракъ и отозвался: «На что онъ вамъ? анамедни я его топоромъ убилъ, а братья на погребъ снесли». Тотчасъ ухватились за дурака: «Веди, показывай!» Дуракъ полѣзъ въ погребъ, досталъ козлиную голову и спрашиваетъ: «Вашъ дьячокъ чѣрной?»

— «Чёрной». — «И съ бородою?» — «Да, и съ бородою». — «И рога есть?» — «Какіе тамъ рога, дуракъ!» — «А вотъ смотрите!» — и выбросилъ голову. Люди смотрять — какъ есть козёлъ, плюнули дураку въ глаза и разошлись по домамъ. Сказкѣ конецъ, а мнѣ меду корецъ.

226

Набитый дуракъ

(b) Въ одной семьѣ жилъ-былъ дуракъ набитой. И бывало нѣтъ того дня, чтобъ на него не жаловались люди: либо кого словомъ обидить, либо кого прибить. Мать сжалилась надъ дуракомъ, стала смотрѣть за нимъ какъ за малымъ ребенкомъ; бывало — куда дуракъ срядится¹ идти, мать съ полчася ему толкуетъ: ты такъ-то, дитятко, дѣлай и такъ-то! Вотъ однажды пошѣлъ дуракъ мимо гумень и увидалъ — молотятъ горохъ и закричалъ: «Молотить вамъ три дня и намотить три зерна!» Мужики его за такія слова прибили цѣпами. Пришѣлъ дуракъ къ матери и вопить: «Матушка, матушка! нынѣ били хохла, колотили хохла!» — «Тебя что ль, дитятко?» — «Да». — «За что?» — «Вотъ я шѣлъ мимо Дормидошкинова гумна, а на гумнѣ молотили горохъ его семейные...» — «Ты что же, дитятко?» — «Да я имъ прогутарилъ²: молотить вамъ три дня и намотить три зерна. Они за то меня и прибили». — «Охъ, дитятко! ты бы сказалъ имъ: возить вамъ — не перевозить, носить — не переносить, таскать — не перетаскать!» Обрадовался дуракъ, пошелъ на другой день по селу. Вотъ навстрѣчу ему несутъ упокойника. Дуракъ, помня вчерашнее наставленіе, зашумѣлъ въ превеликой голосъ: «Но-

¹) Снарядится, приготовится,

²) Промолвилъ.

силь вамъ — не переносить, таскать — не перетаскать!» Опять отдули его! Дуракъ воротился къ матери и рассказалъ ей, за что его прибили. «Ты бы, дитятко, ска-
залъ имъ: канунъ да ладанъ!» Такія слова глубоко пали дураку въ умъ-разумъ. На другой день опять пошѣлъ онъ бродить по селу. Вотъ свадьба и ѣдитъ ему на-
встрѣчу. Дуракъ откашлялся, закричалъ, какъ только свадьба съ нимъ поровнялась: «Канунъ да ладанъ!» Пья-
ные мужики соскочили съ телѣги и прибили его жестоко. Дуракъ пошѣлъ домой, кричитъ: «Охъ, мать моя родимая! какъ больно-то прибили меня!» — «За что, дитятко?» Дуракъ рассказалъ ей, за что прибили. Мать сказала: «Ты бы, дитятко, поигралъ да поплясалъ имъ». — «Спа-
сибо тебѣ, матушка моя!» И ушѣлъ опять на село, да взялъ съ собою дудочку. Вотъ въ концѣ села занялся¹ овинъ у мужика. Дуракъ со всѣхъ ногъ побѣждалъ туда; забѣждалъ противъ овина, и ну плясать да играть въ свою дудочку. И тутъ дурака отколотили. Онъ опять пришѣлъ къ матери со слезами и рассказалъ, за что его побили. Мать ему сказала: «Ты бы, дитятко, взялъ воды, да заливалъ съ ними». Черезъ три дня, какъ за-
жили у дурака бока, пошелъ онъ бродить по селу. Вотъ увидалъ онъ: мужикъ свинью палить. Дуракъ схва-
тилъ у мимошедшей бабы съ коромысла ведро съ водою, побѣждалъ туда и началъ заливать огонь. И тутъ ду-
рака порядкомъ поколотили. Опять воротился онъ къ матери и рассказалъ, за что его били. Мать заклѣлась пускать его по слободѣ, и съ тѣхъ поръ дуракъ и понынѣ, кромѣ двора своего, никуда не выходитъ.

Записана въ Тамбовской губ.

¹) Загорѣлся.

Лутонюшка

Жилъ-былъ старикъ со старухой; былъ у нихъ сынокъ Лутоня. Вотъ однажды старикъ съ Лутонею занялись чѣмъ-то на дворѣ, а старуха была въ избѣ. Стала она снимать съ грядъ¹ полѣно, уронила его на загнетку², и тутъ превеликимъ голосомъ закричала и завопила. Вотъ старикъ услыхалъ крикъ, прибѣжалъ поспѣшно въ избу и спрашиваетъ старуху, о чемъ она кричитъ? Старуха сквозь слѣзы стала говорить ему: «Да вотъ если бы мы женили своего Лутонюшку, да если бы у него былъ сыночекъ, да если бы онъ тутъ сидѣлъ на загнеткѣ — я бы его вѣдь ушибла полѣномъ-то!» Ну, и старикъ началъ вмѣстѣ съ нею кричать о томъ, говоря: «И то вѣдь старуха! ты ушибла бы его! . . .» Кричатъ оба что ни есть мочи! Вотъ бѣжитъ со двора Лутоня и спрашиваетъ: «О чемъ вы кричите?» Они сказали о чемъ: «Если бы мы тебя женили, да былъ бы у тебя сынокъ, и если бы онъ давеча сидѣлъ вотъ здѣсь, старуха убила бы его полѣномъ: оно упало прямо сюда да таково рѣзко!» — «Ну, сказалъ Лутоня: исполать вамъ!» Потомъ взялъ свою шапку въ охапку и говоритъ: «Прощайте! если я найду глупѣе васъ, то приду къ вамъ опять, а не найду — и не ждите меня!» — и ушѣлъ . . .

Шѣлъ-шѣлъ, и видитъ: мужики на избу тащатъ корову. «Зачѣмъ вы тащите корову?» спросилъ Лутоня. Они сказали ему: «Да вотъ видишь, сколько выросло тамъ травы-то!» — «Ахъ, дураки набитые!» сказалъ Лутоня, взялъ-залѣзъ на избу, сорвалъ траву и бросилъ коровѣ. Мужики ужасно тому удивились и стали просить Лутоню, чтобы онъ у нихъ пожилъ да поучилъ ихъ.

¹) Гряда — двѣ перекладки, утвержденныя сверху избы, для сушенія дровъ.

²) Загнетка — шестокъ у русской печи.

«Нѣтъ, сказали Лутоня: у меня такихъ дураковъ еще много по бѣлу свѣту!» — и пошѣлъ дальше.

Вотъ въ одномъ селѣ увидалъ онъ толпу мужиковъ у избы: привязали они въ воротахъ хомутъ, и палками вгоняють въ этотъ хомутъ лошадь, умаяли¹ ее до полусмерти. «Что вы дѣлаете?» спросилъ Лутоня. — «Да вотъ, батюшка, хотимъ запречь лошадку». — «Ахъ, вы, дураки набитые! пустите-ка, я вамъ сдѣлаю». Взялъ и надѣлъ хомутъ на лошадь. И эти мужики съ дива дались ему, стали останавливать его и усердно просить, чтобъ остался онъ у нихъ хоть на недѣлку. Нѣтъ, Лутоня пошѣлъ дальше.

Шѣль-шѣль, усталъ и зашѣлъ на постоянной дворъ. Тутъ увидалъ онъ: хозяйка-старушка сварила саламату, поставила на столъ своимъ ребятамъ, а сама то-и-дѣло ходитъ съ лошкой въ погребъ за смятаной. «Зачѣмъ ты, старушка, понапрасну топчешь лапти?» сказалъ Лутоня. «Какъ зачѣмъ! возразила старуха охриплымъ голосомъ. Ты видишь, батюшка, саламата-то на столѣ, а смятана-то въ погребѣ». — «Да ты бы, старушка, взяла и принесла сюда смятану-то; у тебя дѣло пошло бы по масличку!» — «И то, родимой!» Принесла въ избу смятану, посадила съ собою Лутоню. Лутоня наѣлся до нѣльзя, залѣзъ на полатки и уснулъ. Когда онъ проснѣтся, тогда и сказка моя далѣе начнѣтся, а теперь пока вся.

Записана въ Тамбовской губ.

228

Мѣна

Чистилъ мужикъ навозъ и нашолъ овсяное зярно; приходитъ къ жинѣ, у жинѣ изба топится. Онъ гварить: «Ну-ка ты, хозяйка, пыварачевыйси, застрябай-ка ты жаръ, сынь эта зярно въ печь; выгребѣ изъ печи,

¹) Утоилил.

исталки яво и смили, кисилю нывари, атлей въ блюда; вотъ я и пайду къ царю, пынясу блюда кисилю: ну, хазайка, ни пажалыить ли насъ царь чѣмъ-нибудь?»

Вотъ онъ и пришолъ къ царю, принёсъ блюда кисилю; царь яво пажалывалъ зылатой титерькай. Пышолъ ать царя дамò; йдить полимъ: бирагутъ табунъ каней. Пастухъ яво спрашивыить: «Мужичокъ, гдѣ ты былъ?» — «Хадила къ царю, насиль блюда кисилю». — «Чѣмъ тибя царь пажалывалъ?» — «Зылатой титерькыю». — «Прыминяй намъ титерьку ны каня». Ну, прыминялъ, сѣлъ ны каня и поѣхылъ. Вотъ онъ ѣдить: бирагутъ стада каровъ. Пастухъ гварить: «Гдѣ ты, мужичокъ, былъ?» — «Хадила къ царю, насиль блюда кисилю». — «Чѣмъ тибя царь пажалывалъ?» — «Зылатою титерькыю». — «Гдѣ у тибя титерька?» — «Я иё прыминялъ ны каня». — «Прыминяй намъ каня ны карову». Прыминялъ, видѣтъ каровку зы рага: бирагутъ стада авецъ. Пастухъ гварить: «Мужичокъ, гдѣ ты былъ?» — «Хадила къ царю, насиль блюда кисилю». — «Чѣмъ тибя царь пажалывалъ?» — «Зылатою титерькыю». — «Гдѣ зылатая титерька?» — «Прыминялъ ны каня». — «Гдѣ конь?» — «Прыминялъ ны каровку». — «Прыминяй намъ каровку ны авечку». Прыминялъ, гонить авцу: бирагутъ стада свиней. Пастухъ гварить: «Гдѣ ты, мужичокъ, былъ?» — «Хадила къ царю, насиль блюда кисилю». — «Чѣмъ тибя царь пажалывалъ?» — «Зылатою титерькыю». — «Гдѣ зылатая титерька?» — «Прыминялъ ны каня». — «Гдѣ конь?» — «Прыминялъ ны каровку». — «Гдѣ каровка?» — «Прыминялъ ны авечку». — «Прыминяй намъ авечку ны свинью». Прыминялъ, гонить свинью: бирагутъ стада гусей. Пастухъ спрашивыить: «Гдѣ ты, мужичокъ, былъ?» — «Хадила къ царю, насиль блюда кисилю». — «Чѣмъ тибя царь пажалывалъ?» — «Зылатою титерькыю». — «Гдѣ у тибя зылатая титерька?» — «Я

приминялъ ны каня». — «Гдѣ конь?» — «Я приминялъ ны каровку». — «Гдѣ каровка?» — «Я приминялъ ны авечку». — «Гдѣ авечка?» — «Я приминялъ ны свинью». — «Приминяй намъ свинью ны гуська». Приминялъ, нисѣть гуська: бирагутъ утыкъ. Пастухъ гварить: «Мужичокъ, гдѣ ты былъ?» — «Хадилъ къ царю, насилъ блюда кисилю». — «Чѣмъ тибя царь пажалывалъ?» — «Зылатою титерькью». — «Гдѣ зылатая титерька?» — «Я приминялъ ны каня». — «Гдѣ конь?» — «Я приминялъ ны каровку». — «Гдѣ коровка?» — «Я приминялъ ны авечку». — «Гдѣ авечка?» — «Я приминялъ ны свинью». — «Гдѣ свинья?» — «Я приминялъ ны гуська». — «Приминяй намъ гуська ны утычку». Приминялъ, нисѣть утку: рибяты играютъ въ клюшки¹. «Гдѣ ты, мужичокъ, былъ?» — «Хадилъ къ царю, насилъ блюда кисилю». — «Чѣмъ тибя царь пожалывалъ?» — «Зылатою титерькью». — «Гдѣ зылатая титерька?» — «Я приминялъ ны каня». — «Гдѣ конь?» — «Я приминялъ ны каровку». — «Гдѣ каровка?» — «Я приминялъ ны авечку». — «Гдѣ авечка?» — «Я приминялъ ны свинью». — «Гдѣ свинья?» — «Я приминялъ ны гуська». — «Гдѣ гусѣкъ?» — «Я приминялъ на утку». — «Приминяй намъ утку на клюшку». Приминялъ, идѣтъ; пришолъ дамб, клюшку пыставилъ у варотъ, а самъ пышолъ въ избу. Жина стала спрашивыть; онъ разсказалъ все до клюшки. «Гдѣ клюшка?» — «У варотъ». Ана пышла, взяла клюшку, ды клюшкой-та вазила-вазила² яво: «Ни миняй, ни миняй, старый чортъ! ты хужъ бы утку при- нѣсъ дамб!»

Записана въ Липецкомъ у., Тамбовской губ.

¹) Клюшка (клюка) — дубинка, палка съ загнутымъ концомъ, которую дѣти подбиваютъ шаръ.

²) Т.-е. била.

Сказка про братьевъ Өому и Ерёму

(а) Ахъ, да Ерёма да Өома были два братейка:
 Они волосомъ однаки и умомъ равны,
 У нихъ бороды, какъ бороды, и усы, какъ усы.
 Вотъ задумали братаны въ Божью церковь идти;
 Въ Божью церковь идти, Богу молиться.
 Вотъ Ерёма зашелъ въ церковь, а Өома въ олтарь,
 Вотъ Ерёма взялъ книгу, а Өома псалтырь;
 Охъ, Ерёма-то запѣлъ, а Өома заговорилъ.
 То слышали попы со высокія горы,
 Попы грамотные, люди надобные . . .
 Вонъ Ерёму взяли въ шею, а Өому въ толчки

.
 Ерёма-то изъ двери, а Өома изъ окна.
 Охъ, Ерёма пошелъ въ ельникъ, а Өома въ соснякъ;
 Они оба испугались, оба вмѣстѣ соходились.
 Вотъ задумали братаны сѣрыхъ зайковъ промыслять,
 Сѣрыхъ зайковъ, побѣгошковъ: ничего не нашли!
 Вотъ пошли они, братаны, по крутому бережку,
 По крутому бережку, по желтому по песку.
 Вотъ увидѣли братаны, что двѣ уточки пивутъ:
 Одна уточка бѣлешенька, а другая-то что снѣгъ.
 Охъ, Ерёма схватилъ палку, а Өома косарь:
 Какъ Ерёма не докинулъ, Өома чѣрезъ перекинулъ.
 Вотъ задумали братаны себѣ рыбу промыслять,
 Себѣ рыбу промыслять, красну сѣможку.
 Охъ, Ерёма сѣлъ да въ лодку, а Өома въ ботню;
 У нихъ лодка безъ набоевъ¹ и ботня безо дна.
 Они три года тонули — не могли потонуть,
 Ихъ три чорта давили — не могли задавить!

¹) Набойная лодка — та, у которой на бортахъ набито по одной или по двѣ доски.

Вотъ задумали братаны свои головы кормить,
Свои головы кормить, себѣ хлѣбъ наживать,
И полбжили ребята себѣ пашню пахать;
Вотъ Ерѣма пошелъ въ рынокъ, а Оома на базаръ,
Вотъ Ерѣма купилъ мерина, Оома жеребца —
Онъ у нихъ меринъ-то не тянетъ и соха-то не валить;
Они мерина коломъ, сами съ пашеньки бѣгомъ!

Записана въ Архангельской губ. г. А. Харитоновымъ.

(b) Было два брата, Хома да Ерѣма; сдумали-сгадали честные братаны рыбу ловить. Лодка была у нихъ рѣзна¹, ботникъ² безо дна; три дни тонули, а потонуть не могли, добрые люди повытащили. Съли братаны на бережокъ, понюхиваютъ табачокъ. Вздумали они торговать: накупили холстовъ, съѣхали въ Ростовъ, и промѣняли холсты на свинные хвосты, и тутъ неудача! Вздумали землю пахать: посѣяли рожь и овёсъ; рожь-то не выникла, а овёсъ-то не взошелъ, съ того они соху и борону въ огонь, лошадь по горлу ножомъ, а сами съ пашни бѣгомъ.

230

Хорошо да худо

(a) Ъхали баринъ и мужикъ. «Мужикъ, откуда ты?» — «Издаlechа, бачка!» — «А откуда?» — «Изъ города Ростова, а барина Толстова». — «А великъ ли городъ?» — «Не мѣрилъ». — «А силенъ?» — «Не боролся». — «А зачѣмъ ѣхалъ?» — «За покупкой дорогю: за мѣрою гороха». — «Вотъ это хорошо!» — «Хорошо, да не дюже!» — «А что жъ?» — «Ѣхалъ пьяный, да разсыпалъ». — «Вотъ это худо!» — «Худо да не дюже!» — «А что жъ?» — «Разсыпалъ-то мѣру, а подгрѣбъ-то двѣ!» — «А вотъ

¹) Изломана, дырява.

²) Челнокъ, маленькая лодка, выдолбленная изъ одного дерева.

это-то хорошо!» — «Хорошо, да не дюже!» — «Да что жъ?» — «Посѣялъ, да рѣдокъ». — «Вотъ это худо!» — «Худо, да не дюже!» — «А что жъ?» — «Хоть рѣдокъ да стручистъ!» — «Вотъ это хорошо!» — «Хорошо, да не совсемъ!» — «А что жъ?» — «Поповы свиньи повадились горохъ топтать, топтать, — да и вытоптали». — «Эдакъ худо!» — «Худо, да не дюже!» — «А что жъ?» — «Я поповыхъ свиней убилъ, да два чана свѣжины насолилъ». — «Вотъ это хорошо!» — «Хорошо, да не дюже!» — «А что жъ?» — «Поповы собаки повадились свѣжину таскать, таскать — да повытаскали». — «Вотъ это худо!» — «Худо, да не дюже!» — «А что жъ?» — «Я тѣхъ собакъ убилъ, да женѣ шубу сшилъ!» — «Вотъ это хорошо!» — «Хорошо, да не дюже!» — «А что жъ?» — «Пошла моя шельма жена мимо попова двора; попъ-то узналъ да шубку снялъ». — «Вотъ это худо!» — «Худо, да не дюже!» — «А что жъ?» — «Я съ попомъ судился-судился, сиваго мерина да рыжую корову цапъ-царапъ! мое-то дѣло и выгорѣло!»

Записана въ Орловской губ., Болховскомъ у. Изъ собранія П. В. Кирѣевского.

(b) Повстрѣчались два мужика: «Здорово, братъ!» — «Здорово!» — «Откуда ты?» — «Изъ Ростова». — «Не слыхалъ ли что новаго?» — «Не слыхалъ». — «Говорятъ, ростовскую мельницу сорвало?» — «Нѣтъ; мельница стоитъ, жернова по водѣ плаваютъ, на нихъ собака сидитъ, хвостъ согнувши — повизгиваетъ, да муку полизуетъ . . .» — «А былъ на ростовской ярманкѣ?» — «Былъ». — «Велика?» — «Не мѣрилъ». — «Сильна?» — «Не боролся». — «Что жъ тамъ по чемъ?» — «Деньги по мѣшкамъ, табакъ по рожкамъ, пряники по лавкамъ, калачи по санкамъ». — «А ростовскаго медвѣдя видѣлъ?» — «Видѣлъ». — «Каковъ?» — «Сѣрый!» — «Не

брeдь! это волкъ». — «У насъ волкъ по лѣсу побѣгиваетъ, ушми подергиваетъ!» — «Это заяцъ!» — «Чорта ты знаешь!» — «Это трусь!» — «У насъ-то трусь, что на дубу сидить да покаркиваетъ». — «Это ворона!» — «Чтобъ тебя лихорадка по животу порола!»

Записана въ Орловской губ., Малоархангельскомъ у., П. И. Якушкинымъ.

231

Не любо — не слушай

Жили два брата умныхъ, а третій дуракъ. Вотъ однажды поѣхали они въ чашу, и захотѣлось имъ тамъ пообѣдать; насыпали они крупъ въ горшокъ, налили воды холодной (такъ командовалъ дуракъ), а огня не знали гдѣ добыть. Неподалѣку отъ нихъ былъ пчельникъ. Вотъ большой братъ и говоритъ: «Пойти мнѣ за огнѣмъ на пчельникъ». Приходить и говоритъ старику: «Дѣдушка! дай мнѣ огоньку». А дѣдъ говоритъ: «Сыграй прежде пѣсенку мнѣ». — «Да я, дѣдушка, не умѣю». — «Ну, попляши». — «Я, дѣдушка, не гораздъ». — «А, не гораздъ! такъ пѣть тебѣ и огня!» Къ тому жъ за провинку взялъ-вынулъ у него изъ спины ремень. И приходитъ этотъ большой братъ безъ огня къ своимъ братьямъ. Тутъ средній братъ закроптался¹ на него, говоря: «Экой ты, братъ! не принесть намъ огню! Да-ка я пойду» — и пошѣлъ. Пришѣлъ на пчельникъ и кричить: «Дѣдушка! пожалуй мнѣ огоньку!» — «Ну-ка, свѣтъ, сыграй мнѣ пѣсенку!» — «Я не умѣю». — «Ну, сказку скажи». — «Да я, дѣдушка, ничего не умѣю. Старикъ взялъ и у этого брата вырѣзалъ изъ спины ремень. Приходитъ и этотъ безъ огню къ своимъ братьямъ. Вотъ умные братья и поглядываютъ другъ на друга.

¹) Кропаться — тужить, сердясь говорить что.

Дуракъ все смотрѣлъ на нихъ, и проговорилъ: «Эхъ вы — умные братцы! не взяли вы огню!» и пошѣлъ самъ за огнѣмъ. Приходить и говорить: «Дѣдушка! нѣтъ ли у тебя огоньку?» А дѣдъ говорить: «Попляши прежде!» — «Я не умѣю», отвѣчалъ дуракъ. «Ну, сказку скажи». — «Вотъ это такъ мое дѣло! сказалъ дуракъ, присаживаясь на лежацій плетень: да смотри, продолжалъ дуракъ: садись-ка наспротивъ меня, слушай да не перебивай, а если перебьешь, то изъ спины твоей три ремня». Вотъ старикъ сѣлъ наспротивъ его — къ солнцу лысиной, а лысина была большая. Дуракъ откашлялся и началъ сказку: «Ну, слушай же, дѣдъ!» — «Слушаю, свѣтъ!» отвѣчалъ старикъ.

«Была у меня, дѣдушка, пѣгинькая лошадевка; я на ней ѣзжалъ въ лѣсъ сѣчь дрова. Вотъ однажды сидѣлъ я на ней верхомъ, а топоръ у меня былъ за поясомъ; лошадь-то бѣжитъ — трюкъ, трюкъ, а топоръ-то ей по спинѣ — стукъ, стукъ; вотъ стучалъ, стучалъ, да и отсѣкъ ей задъ. Ну, слушай, дѣдъ!» говорить дуракъ, — а самъ его голицей¹ по лысинѣ щолкъ! «Слушаю, свѣтъ!» — «Вотъ я на передкѣ этомъ еще три года ѣздилъ; да потомъ какъ-то нечаянно въ лугахъ увидалъ задокъ моей лошади: ходитъ онъ и траву щипить. Я взялъ-поймалъ его и пришилъ къ передку, пришилъ, да еще три года ѣздилъ. Слушай, дѣдъ!» — а самъ опять голицею его по лысинѣ щолкъ! «Слушаю, свѣтъ!» — «Ѣздилъ-Ѣздилъ, пріѣхалъ я въ лѣсъ, и увидалъ тутъ высокой дубъ; началъ по немъ лѣзть и залѣзъ на небо. Вотъ увидалъ я тамъ, что скотина дешева, только комари да мухи дороги; взялъ и слѣзъ на землю, наловилъ я мухъ и комарей два куля, взвалилъ ихъ на спину и вкарабкался опять на небо. Сложилъ кули и сталъ раздавать грѣшнымъ людямъ: отдаю я муху съ комарѣнкомъ, а беру

¹) Голица — рукавица.

съ нихъ на обмѣнъ корову съ телёнкомъ, — и набралъ столько скотины, что и смѣты нѣтъ. Вотъ и погналъ я скотину, пригналъ я къ тому мѣсту, гдѣ взлѣзалъ, — хватился: дубъ-то подеѣкли. Тутъ я пригорюнился и думалъ, какъ мнѣ съ неба слѣзть, и вздумалъ, наконецъ, сдѣлать верёвку до земли: для этого перерѣзалъ я всю скотину, сдѣлалъ долгой ремень, и началъ спускаться. Вотъ спускался-спускался, и не хватило у меня ремнѣвъ вышиною поболѣе твоего шалаша, дѣдушка, а спрыгнуть побоялся. Слушай, дѣдъ!» — а самъ голицею по лысинѣ его щолкъ. «Слушаю, свѣтъ!» — «Вотъ, мужикъ на мое счастье вѣсть овёсъ: полова-то¹ летить вверхъ, а я хватаю, да верёвку мотаю. Вдругъ поднялся сильной вѣтеръ и началъ меня качать туда и сюда, то въ Москву, то въ Питеръ; оторвалась у меня верёвка изъ половы, и забросило меня вѣтромъ въ тину. Весь я ушѣлъ въ тину, одна голова лишь осталась; вылѣзть мнѣ хочется, а нельзя. На моей головѣ свила утка гнѣздо. Вотъ повадился бирюкъ ходить на болото и ѣсть яйца. Я какъ-нибудь вытинулъ изъ тины руку и ухватился за хвостъ бирюку, какъ стоялъ онъ подлѣ меня, ухватился и закричалъ громко: «тю-лю-лю-лю! Онъ меня и вытащилъ изъ тины. Слушаешь, дѣдъ?» — а самъ годицею его по лбу щолкъ! «Слушаю, свѣтъ!»

Видитъ дуракъ, что дѣло-то плохо: сказка вся, а дѣдъ сдержалъ свое слово, не перебивалъ его; чтобы раздразнить старика, началъ дуракъ иную побаску: «Мой дѣдушка на твоёмъ дѣдушкѣ верхомъ ѣзжалъ» . . . — «Нѣтъ, мой на твоёмъ ѣзжалъ верхомъ!» перебилъ сказку старикъ. Дуракъ тому и радъ, того и добивался, свалилъ старика и вырѣзалъ у него изъ спины три ремня; взялъ огня и пришёлъ къ своимъ братьямъ. Тутъ разложили они огонь, поставили горшокъ съ крупами на

¹) Мякина, щелуха.

таганъ и начали варить кашу. Когда каша сварится, тогда и сказка продлится, а теперь пока вся.

Записана въ Тамбовской губ.

232

Байка про старину стародавнюю

Старину скажу стародавнюю,
Стародавнюю, небывалую:
Старика свяжу со старухою,
Со старухою съ кособрухою.
То вамъ не чудо, не диковинка,
Я видалъ чуда чуднѣе того:
Среди моря овинъ горить,
По чисту полю корабль бѣжить!
То вамъ не чудо, не диковинка,
Еще вотъ вамъ чудо чуднѣе того:
Ужъ какъ кутюшка¹ бычка родила,
Поросеночекъ яичко снесъ!
Это вамъ не чудо, не диковинка,
Я видалъ чуда чуднѣе того:
Мужики на улицѣ заѣзки² бьютъ,
Заѣзки бьютъ, они рыбъ ловятъ!
То вамъ не чудо, не диковинка,
Я видалъ чуда чуднѣе того:
По подписбесью медвѣдь летить,
Ушками, лапками помахиваетъ,
Сѣрымъ хвостикомъ поправливаетъ;
На дубу кобыла бѣлку злаяла,
Въ стойлѣ сука въ запрягѣ стоптъ,
Въ осѣкѣ³ овца гнѣздо свила!

¹) Кутя — собака.

²) Ъзы — заклы для рыбной ловли.

³) Осѣкъ — изгорода изъ кольевъ, отдѣляющая пажить отъ луговъ или селеніе отъ полей.

И тому чуду не дивуйтеса:
Съ горы корова на лыжахъ катится,
Расширя поги, глаза выпуча!
И то не чудо, не диковинка,
Я видалъ чуда чуднѣе того:
Сынъ на матери снопы возилъ,
Молода жена въ пристяжѣ была;
Сынъ матушку припои́оживалъ¹,
Молоду жену призадѣрживалъ!
Я еще видѣлъ чудо-диковинку:
Бьется сноха со свекровкою,
Большимъ боѣмъ бьются — мутовками,
Ложками стрѣляли во чисто поле;
Устрѣлили татарина мертваго,
Кафтанъ съ него сняли рого́зьяный,
Опоясочку съ него сняли лычану,
Сапоги съ него сняли берестяные.
Кто богатъ да скупъ: пива не варить,
Насъ молодецъ не кормить, не поить,
Тому дастъ Богъ кошечье вздыханье,
Собачье взрыданье.
Небогату да таровату,
Кто пиво варить, насъ молодецъ поить,
Дастъ Богъ на полѣ приплѣдъ,
На гумнѣ примолоть.
Въ квашнѣ спорину²,
На столѣ сдвижину³.
Съ пива съ того приу́пился мужикъ,
Приупившись, самъ на сараѣ лежить,
У рта кроха — полтора колпака⁴ . . .

Записана въ Архангельской губ. г. Харитоновымъ.

¹) Понуждалъ, подгонялъ.

²) Прибыль.

³) Частую переме́ну яствъ.

⁴) Колпакъ — большая чашка.

Удалой батракъ

У одного мирошника¹ былъ работникъ. Мирошникъ послалъ его засыпать на ковшъ пшеницы, а работникъ пошелъ и засыпалъ-то на камень. Мельница завертѣлася, и пшеница вся разметалася. Хозяинъ какъ пришелъ на мельницу и какъ увидѣлъ размѣтанную пшеницу — и согналъ работника. Работникъ пошелъ домой, въ свое село, и заплутался. Вотъ зашелъ онъ въ эдакіе кусты и легъ спать. Приходитъ бирюкъ; видитъ, что работникъ спитъ, и подошелъ къ нему близко, сталъ его обнюхивать, а работникъ-та ухватилъ бирюка за хвостъ, убилъ его, и снялъ съ него шкуру!

Вотъ работникъ вышелъ на гору, а на горѣ стояла пустая мельница; онъ у этой мельницы и остановился ночевать. Приѣхали три человѣка, разбойники; развели въ мельницѣ огонь и начали дуванъ дуванить². Одинъ разбойникъ говоритъ: «Я свою часть положу подъ исподъ мельницы»; другой разбойникъ: «А я подъ колесо подпихну»; а третій говоритъ: «Я въ ковшъ спрячу». А работникъ лежитъ въ ковшѣ, и убоявшись, какъ бы разбойники его не убили, вздумалъ сабѣ: «Дай, я вонъ такъ-та закричу: Денись! ступай туда на низъ; а ты, Хвока! гляди съ бока; а ты, малой, гляди тамъ, а я тутъ! держи ихъ, ребята! бей ихъ, ребята!» Разбойники уробѣли, бросили свое имѣніе и разбѣжались.

Работникъ вылѣзъ изъ ковша, подобралъ все богатство и пошелъ домой; приходитъ и рассказываетъ отцу и матери: «Вотъ все, що я заработалъ на мельницѣ. Поѣдемъ теперь, дѣдушка, на базаръ и купимъ сабѣ ружье и будемъ охотничать». Поѣхали сабѣ на ба-

¹) Мельникъ.

²) Дѣлать грабежъ, добычу; дуванъ — раздѣлъ.

зарь, купили ружье, и ѣдутъ съ базару. Вотъ работникъ и говорить дѣду: «Ты, дѣдушка, гляди, не попадется ли намъ заяцъ, лисица, а не то куница». Ёдутъ да оба дремлютъ и наконецъ уснули. Гдѣ ни взялись два бирюка, зарѣзали у нихъ лошадь и съѣли всю. Дѣдушка проснулся да какъ стягнётъ кнутомъ — думалъ по лошади, анъ по бирюку! бирюкъ-та попалъ въ хомутъ и давай носить, а дѣдъ править. А другой бирюкъ сзади хочеть ухватить работника, и тотъ бирюкъ-та былъ съ щербиной. Работникъ какъ стягнётъ бирюка кнутомъ, а онъ хотѣлъ кнутъ-та зубами поймать, да на кнутѣ былъ узелъ, — этотъ узелъ и застрялъ у бирюка въ щербинѣ! Работникъ и потащилъ его за телѣгою. Одинъ бирюкъ везётъ, а другой сзади идётъ. Вотъ пріѣхали они домой; собачка выскочила и давай лаять. Бирюки испугались, одинъ какъ повернулъ круто — телѣжонка и опрокинулась, работникъ съ старикомъ упали на землю; тутъ бирюкъ изъ хомута выскочилъ, а работникъ кнутъ изъ рукъ выпустилъ, такъ оба бирюка и убѣжали, а старикъ съ работникомъ остались не при чемъ. Жили они богато; дворъ у нихъ кольцомъ, три жердины конецъ съ концомъ, три кола забито, три хворостины завито, небомъ накрыто, а свѣтомъ обгорожено!

Записана въ Астраханской губ., Енотаевскомъ у., священникомъ Григоріемъ Рышкинымъ.

234

Иванъ-дуракъ

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ старикъ со старухой. У нихъ было три сына, третьяво звали Иванъ-дуракъ. Первые двое женатые, а Иванъ-дуракъ холостой; два брата занимались дѣломъ, управляли домомъ, пахали и сѣяли, третей же

ничево не дѣлалъ. Одинъ разъ отецъ и снохи стали Ивана посылать на полѣ допахать сколько-то лехъ¹ пашни. Парень поѣхалъ; пріѣхалъ на пашню, запрѣгъ лошадь, проѣхалъ съ сохой разъ ли, два ли, видитъ: счёту нѣтъ комаровъ да мошокъ; онъ схватилъ хлыстикъ, стегнулъ по боку лошадь, убилъ ихъ безъ смѣты; ударилъ по другому, убилъ сорокъ паутовъ², и думаетъ: «Вѣдь я на одинъ замахъ убилъ сорокъ богатырей, а мелкой шошки³ смѣты нѣтъ!» Взялъ ихъ всёхъ — положилъ въ кучу и завалилъ конскимъ каломъ; самъ не сталъ пахать, выпрѣгъ лошадь, поѣхалъ домой. Пріѣзжаетъ домой и говорить снохамъ и матерѣ: «Давайте мнѣ подлогъ⁴ и сѣдло, а ты, батюшко, давай саблю, которая у тебя виситъ — на стѣнѣ заржавѣла. Что я за мужикъ! у меня ничего нѣтъ». Тѣ посмѣлились надъ нимъ и дали на смѣхъ какой-то расколотой тюрикъ⁵ на мѣсто сѣдла; парень нашъ придѣлалъ къ нему подпруги и надѣлъ на худую кобылѣнку. Въмѣсто пологу мать дала какой-то старой дубасъ⁶; онъ и то взялъ, да взялъ саблю у отца, пошѣлъ, выточилъ, собрался и поѣхалъ. Доѣзжаетъ до розстаней⁷ — а былъ еще мало-мало грамотной — написалъ на столбѣ: пріѣзжали бы сильные богатыри Илья-Муромецъ и Федоръ Лыжниковъ въ такое-то государство къ сильному и могучему богатырю, которой на одинъ помахъ убилъ сорокъ богатырей, а мелкой шошки

¹) Мѣра земли.

²) Пауть — слѣпень или оводъ.

³) Т.-е. мелкой сошки. Соха — мѣра земли, съ которой платилась подать въ старину. Выраженіе «мелкой сошки» означаетъ здѣсь: низшаго разряда.

⁴) Пологъ — толстая холстина, шитая въ нѣсколько полосъ.

⁵) Тюрикъ — деревянный цилиндръ, на который сматываютъ пряжу.

⁶) Родъ одежды, подобной сарафану и названной такъ потому, то ее красятъ въ дубовомъ листу.

⁷) Розстани — мѣсто, гдѣ одна дорога раздѣляется на двѣ, перекрестокъ.

смѣты нѣтъ, и всѣхъ ихъ камнѣмъ привалилъ. Точно послѣ ево прѣѣзжаетъ богатырь Илья-Муромецъ, видитъ на столбѣ надпись: «Ба! говорить, поѣхалъ сильной могучой богатырь; послушаться не годно». Поѣхалъ, догонять Ванюху; далѣко не доѣхалъ, снялъ шапку и кланяется: «Здравствуй, сильной могучой богатырь!» А Ванюха не ломать шапки, говорить: «Здорово, Илюха!» Поѣхали вмѣстѣ. Не чрезъ долго времени къ тому жо столбу прѣѣхалъ Ѳеодоръ Лыжниковъ, видитъ на столбѣ написано, послушаться не годно: Илья-Муромецъ поѣхалъ! — и онъ поѣхалъ туда жо; также далѣко не доѣхалъ до Ванюхи — снимать шапку, говорить: «Здравствуй, сильной могучой богатырь!» А Ванюха шапки не ломать: «Здорово, говорить, Ѳеодюнъка!»

Поѣхали вмѣстѣ всѣ трое; прѣѣзжаютъ въ одно государство, остановились на царскихъ лугахъ. Богатыри поставили себѣ шатры, а Ванюха распелилъ дубасъ; коней два богатыря спутали шёлковыми путами, а Ванюха сорвалъ пруть (съ) дерева, свилъ ево и спуталъ свою кобылу. Вотъ и живутъ. Царь изъ своего терему увидялъ, что ево любимые луга травятъ какіе-то люди, тотчасъ отряжать ближняво своево спросить, что за люди? Тотъ прѣѣхалъ на луга, подошѣлъ къ Ильѣ-Муромцу, спрашивать, что они за люди и какъ смили безъ спросу топтать царскіе луга? Илья-Муромецъ отвѣчалъ: «Не нашо дѣло! спрашивай вонъ старшова — сильнова могучова богатыря». Посолъ подошѣлъ къ Ванюхѣ. Тотъ закричалъ на ево, не далъ слова молвить: «Убирайся, докуля живъ, и скажи царю, что на ево луга прѣѣхалъ сильной могучой богатырь, которой на одинъ пѣмахъ убилъ сорокъ богатырей, а мелкой шошки смѣты нѣтъ, и камнѣмъ привалилъ, да Илья-Муромецъ и Ѳеодоръ Лыжниковъ съ нимъ, и требуетъ у

царя дочь замужъ». Тотъ пересказалъ это царю. Царь хватилъ по записямъ: Илья-Муромецъ и Оедоръ Лыжниковъ есть, а третьяво, которой убивать на одинъ помахъ по сороку богатырей, нѣтъ въ записяхъ. То царь приказалъ собрать рать, захватить трехъ богатырей и привести къ нему. Гдѣ захватить? Ванюха увидялъ, какъ стала подходить ближе рать; онъ крикнулъ: «Илюха! ступай, прогони ихъ, что за люди?» — самъ лежитъ, растянулся, да поглядывать, какъ сычъ. Илья-Муромецъ на тово слова соскочилъ на коня, погналъ, не столько руками билъ, сколько конемъ топталъ; всѣхъ прибилъ, оставилъ только однехъ язычниковъ¹ царю. Царь услышалъ эту бѣду, тово больше собралъ силы и послалъ поимать богатырей. Иванъ-дуракъ крикнулъ: «Оедюнька! поди-ко, прогони эту сволочь!» Тотъ соскочилъ на коня, всѣхъ прибилъ, оставилъ однехъ язычниковъ. Чево дѣлать царю? дѣло худо, силу побили богатыри; царь призадумался и вспомнилъ, что у него въ царствѣ живетъ сильной богатырь Добрыня. Онъ посылать къ нему письмо, просить пріѣхать побѣдить трехъ богатырей. Добрыня пріѣхалъ; царь на третьемъ балхонѣ встрѣтилъ его, а Добрыня наверхшой² подъѣхалъ къ балхону вровень съ царемъ: вотъ какой былъ! поздоровался, поговорили. Онъ и поѣхалъ на царскіе луга. Илья-Муромецъ и Оедоръ Лыжниковъ увидѣли, что къ нимъ ѣдетъ Добрыня, испугались; соскочили на своихъ лошадей, да ступай-ко оттуда — угнали. А Ванюха не успѣлъ. Пока ималъ свою кобылѣнку, Добрыня и подъѣхалъ къ нему, да и смѣется, что это за сильной могучой богатырь? маленькой, худенькой! Согнулся головой къ самому Ванюхѣ, смотреть на него, да и любитъ. Ванюха да какъ-то не обробѣлъ, выхватилъ

¹) Язычникъ — вѣстникъ.

²) Наверхшой — ѣдущій верхомъ.

свою саблѣшку да и сѣѣкъ ему голову. Царь это увидялъ, перепугался: «Охъ, говорить, богатырь убилъ Добрыню; бѣда теперя! Ступайте скоряя, зовите богатыря во дворецъ». За Ванюхой пріѣхалъ такой почѣтъ, что батюшки упаси! кареты самолучшы, люди всѣ изжалованы. Посадили и привезли къ царю. Царь ево угостилъ и отдалъ дочь; обвѣнчались, и теперя живутъ, хлѣбъ жуютъ.

Я тутъ былъ, медъ пилъ; по усамъ текло, въ ротъ не попало. Дали мнѣ колшакъ, да пѣчели толкать; дали мнѣ кафтанъ, я иду домой, а синичка летать и говорить: «Синь да хорошъ!» Я думалъ: «Скинъ да положи!» — взялъ, скинулъ да и положилъ. Это не сказка, а прісказка, сказка впереди!

Записана въ Пермской губ., въ Шадринскомъ округѣ, государственнымъ крестьяниномъ А. Зыряновымъ.

235

Оома Беренниковъ

Жила-была старуха, у ней былъ кривой сынъ Оома Беренниковъ. Вотъ поѣхалъ Оома пахать; лошаденка худенькая, взяло его горе, сѣлъ на завалинку . . . мухи около навоза такъ и жужжать. Схватилъ онъ хворостинку, да какъ хлыснетъ по кучѣ; сталъ считать, сколько побилъ? насчиталъ пятьсотъ, да еще много безъ счету осталось. Рѣшилъ Оома, что имъ и смѣты нѣтъ! Приходитъ къ своему коню, на немъ сидитъ двѣнадцать оводовъ; онъ всѣхъ и побилъ. Воротился Оома Беренниковъ къ матери и проситъ у ней благословенья великаго: «Побилъ дескать мелкой силы — счету нѣтъ, да двѣнадцать могучихъ богатырей; пусти меня, матушка, на подвиги великіе, а землю пахать — не мое дѣло богатырское, то дѣло мужицкое!» Благословила его ма-

тушка на подвиги великіе, на поприща богатырскія. Беретъ онъ за плечи тупой серпъ, за поясъ лычной кошель, а въ тотъ кошель кладетъ тупой косарь. Вотъ ѣдетъ Оома путемъ-дорогою, стороною незнакомою, и наѣхалъ на столбъ; пишетъ онъ на томъ столбѣ — не было у него въ карманѣ ни злата, ни сѣребра, а случился въ карманѣ мѣль — вотъ и пишетъ онъ мѣломъ: «Проѣхалъ здѣсь богатырь Оома Беренниковъ, который сразу побиваетъ двѣнадцать могучихъ богатырей, да oprичъ того силу несмѣтную». Написалъ и поѣхалъ дальше. Ёдетъ той же дорогою Илья-Муромецъ, подъѣзжаетъ къ столбу, видитъ — надпись, и говоритъ: «Видна попрыска богатырская: не тратитъ ни злата ни сѣребра, одинъ мѣль!» Написалъ онъ сѣребромъ: «Вслѣдъ за Оомою Беренниковымъ проѣхалъ богатырь Илья-Муромецъ». Наѣзжаетъ онъ Оому Беренникова и говоритъ (устрашился, зная, тоѣ надписи мѣляныя): «Могучій богатырь Оома Беренниковъ! гдѣ ѣхалъ: спереди или сзади?» — «Ступай сзади!» отвѣчаетъ Оома.

Вотъ ѣдетъ той же дорогою Алѣша Поповичъ-младъ; наѣзжаетъ онъ на тотъ столбъ, издавеча видитъ на томъ столбѣ надпись — какъ жаръ горитъ! Прочиталъ надписи Оомы Беренникова да Илья-Муромца, вынимаетъ изъ кармана чисто золото и пишетъ: «За Ильею-Муромцемъ проѣхалъ Алѣша Поповичъ-младъ». Наѣзжаетъ онъ Ильею-Муромца: «Ты скажи, скажи, Илья-Муромецъ! впереди ѣхалъ, или сзади мнѣ?» — «Не меня спроси, а мово брата старшаго Оому Беренникова». Подъѣхалъ Алѣша Поповичъ-младъ къ Оомѣ Беренникову: «Удалой боецъ Оома Беренниковъ! гдѣ укажешь ѣхалъ Алѣшѣ Поповичу?» — «Ступай сзади!»

Вотъ ѣдутъ они путемъ-дорогою, стороною незнакомою; пріѣзжаютъ они въ зелены сады. Илья-Муромецъ и Алѣша Поповичъ раскидываютъ бѣлы шатры, а Оома

Беренниковъ свои портки. А тѣ сады были самого царя, царя прусскаго, и воевалъ того царя король китайской съ шестью могучими богатырями. Посылаетъ царь прусской грамотку къ Оомѣ Беренникову, а въ той грамоткѣ значится: «Воюеть меня, царя прусскаго, король китайской; не будетъ ли ваша помощь?» Оомка грамотѣ небольшо разумѣлъ, посмотрѣлъ на грамотку, покачалъ головою и говоритъ: хорошо! Вотъ подступаетъ король китайской близко къ городу; приходятъ Илья-Муромецъ и Алёша Поповичъ-младъ къ Оомкѣ Беренникову и говорятъ таково слово: «Подѣзжаютъ подъ царя, къ самому городу; надо его защитить. Самъ пойдешь, или насъ пошлешь?» — «Ступай ты, Илюшка-Муромецъ!» Побилъ Илья-Муромецъ всѣхъ. А послѣ того приводитъ король китайской еще шесть богатырей и рать-силу несмѣтную. Илья-Муромецъ съ Алёшей Поповичемъ приходятъ къ Оомкѣ Беренникову: «Ты скажи, скажи, Оома Беренниковъ! самъ пойдешь, или насъ пошлешь?» — «Ступай ты, братъ, Алёшка Поповичъ-младъ!» Поѣхалъ Алёша Поповичъ-младъ и побилъ всю рать-силу несмѣтную и тѣхъ шесть могучихъ богатырей. Говоритъ китайской король: «Есть у меня еще одинъ богатырь, берёгъ его на племя; пуцу и его теперь!» Вотъ приводитъ онъ рать-силу несмѣтную и съ нею богатыря могучаго, завѣтнаго, и говоритъ король своему богатырю: «Не силой бьеть насъ русской богатырь, а хитростью; что станеть дѣлать русской богатырь, то и ты дѣлай!» Приѣзжаютъ Илья-Муромецъ да Алёша Поповичъ-младъ къ Оомкѣ Беренникову: «Самъ пойдешь или насъ пошлешь?» — «Самъ пойду; приведи моего коня». Кони богатырскіе по чисту полю ходять, травку щиплють, а Оомкинъ стоитъ да овесъ уплетаетъ. Подошелъ Илья-Муромецъ къ Оомкину коню, а тотъ развѣлся, брыкается и ку-

сается! Взяла досада Илью-Муромца, схватилъ онъ коня Оомкина за хвостъ да и кинулъ его черезъ плетень. Молвилъ ему Алёша Поповичъ-младъ: «Не увидѣлъ бы насъ Оома Беренниковъ? задастъ онъ намъ жару!» — «Знать вся сила не въ коню, а въ самомъ молодцу!» говоритъ Илья-Муромецъ, и подводитъ тоё клячу къ Оомкѣ Беренникову. Оомка садится на лошадь, а самъ думаетъ: «Пусть убьютъ! сраму не будетъ». Ёдетъ онъ, пригнулся къ коню на гриву и зажмурился. Богатырь китайской, помня королевской наказъ, и самъ къ коню пригнулся да зажмурился. Оомка слѣзъ съ коня, сѣлъ на камень и давай точить серпъ; китайской богатырь и себѣ тожъ: слѣзаетъ съ могуча коня и точить свой мечъ. Видитъ онъ, что Оомка Беренниковъ на одинъ глазъ кривъ, думаетъ про себя: «Онъ одинъ глазъ прищурилъ; дай-ка я ухитрюсь да оба зажмурю!» Не успѣлъ онъ зажмурить, какъ Оомка Беренниковъ отсѣкъ ему голову. Беретъ онъ его коня богатырскаго, хочетъ на него сѣсть, да не влѣзетъ. Привязалъ Оомка сильномогучаго коня къ столѣтнему дубу, взобрался на дерево да и вспрыгнулъ на коня верхомъ. Почуялъ конь сѣдока, какъ рванется — и вырвалъ дубъ съ корнемъ вонъ; летитъ во всю мочь богатырскую и волочить за собою громадной дубъ. Оома Беренниковъ кричитъ: «Помогите, помогите!» А китайцы-дураки русскаго языка не знаютъ, побѣжали съ испугу врозь; богатырской конь ихъ ногами топчетъ да столѣтнимъ дубомъ бьетъ: всѣхъ перебилъ до одинаго! Вотъ и пишетъ китайской король къ Оомкѣ Беренникову грамотку: никогда не буду съ тобой воевать. А Оомкѣ то и надобно! И дивуются Илья-Муромецъ и Алёша Поповичъ-младъ тому Оомкѣ Беренникову.

Вотъ ёдетъ Оома къ царю прусскому. «Чѣмъ тебя жаловать?» спрашиваетъ царь: бери казны золотой

сколько надобно, или полцарства моего бѣлаго, или царевну прекрасную». — «Давай царевну прекрасную да позови на свадьбу меньшихъ моихъ братьевъ Илью-Муромца да Алёшу Поповича-млада». И женился Оома Беренниковъ на прекрасной царевнѣ. Видно не однимъ богатырямъ бываетъ удача! кто накричитъ о себѣ больше, тому и лучше.

Записана П. И. Якушкинымъ въ Калужской губ., Лихвинскомъ у

236

Сказка о злой женѣ

Зла жона худо съ мужемъ жила, ничево мужа не слушала. Велить мужъ ране встать, такъ ёна трои сутки спить; велить мужъ спать, а ёна николько не спить. Велить мужъ блины печи, а ёна гыть¹: «Не стоишь, воръ, блиновъ!» Мужъ гыть: «Не пеки, жона, блиновъ, коли не стою»; ёна выпечетъ кринку въ два вѣдра, и гыть: «Ѣшь! воръ, чтобъ съѣдено было!» — «Ну, гыть, жона, не стряпай и на сѣнокося не ходи; мнѣ тебя жалъ!» А ёна гыть: «Нѣтъ, воръ, я пойду, и ты ступай за мною!» Только онъ побился съ ней, помаялся, пошолъ съ горя въ лѣсъ по ягоды и нашолъ кустъ смородины, и увидѣлъ въ эвтомъ кусту бездонную яму; поглазѣлъ онъ и смекнулъ: «Что я живу со злой жоной, маюся! не могу ли я ее въ эвту яму засадить, не могу ли я ее проучить?» Пришолъ въ избу и гыть: «Не ходи, жона, въ лѣсъ за ягодамъ!» — «Нѣтъ, шишморникъ², пойду!» — «Я нашолъ кустъ смородины, не бери!» — «Нѣтъ, сама пойду, оберу, тебѣ не дамъ смородины!» Мужъ пошолъ, жона съ нимъ; пришолъ къ кусту къ смородинѣ, а жона вскочила въ кустъ и магомъ кри-

¹) Говорить.

²) Бранное слово; шишимора.

читъ: «Не ходи, воръ, въ кусть, убью!» и сама полѣзла въ средину, да въ яму-то и хлопъ бездонную.

Мужъ съ радостей въ избу пошолъ и прожилъ трои сутки, на четвертыя пошелъ провѣдывать: взялъ бечеву длинную, пустилъ въ ямницу и вытащилъ оттуда чертенка; испугавшись, и хочетъ чертенка въ яму опустить. Закричалъ тотъ матомъ, замолился и гыть: «Христіанинъ! не обрати назадъ, пусти на свѣтъ; пришла злая жона, всѣхъ насъ пріѣла, прикусила, прищипала — тошно намъ! я тебѣ добро сдѣлаю!» Христіанинъ и отпустилъ его на Божью волю — на святую Русь. Чертенокъ и гыть: «Ну, христіанинъ! пойдемъ со мною во градъ Вологду; я стану людей морить, а ты лѣчишь». Ну вотъ, пошолъ чертенокъ по купеческимъ жонамъ и по купеческимъ дочерямъ; сталъ онъ въ нихъ входить, стали онѣ дурѣть, стали онѣ болѣть. Вотъ этотъ христіанинъ — гдѣ заболѣютъ — придетъ въ домъ, а не пріятель-то онъ, въ дому благодать будетъ, и смекаютъ всѣ, что этотъ христіанинъ — лѣкаръ, деньги даютъ, да и пирогами кормятъ. И набралъ христіанинъ денегъ несмѣтную сумму себѣ. Вотъ чертенокъ и гыть: «Полно, христіанинъ, съ тебя; доволенъ ли ты? Тепере я пойду въ боярскую дочь: мотри, не ходи ее лѣчить; не то съѣмъ тебя!» Боярышня заболѣла и такъ задурѣла, што требуетъ людей ѣсти. Приказалъ бояринъ христіанина найти — такова-то лѣкаря отыскать. Онъ приходитъ въ хоромы и велитъ боярину, чтобъ всѣ горожане и кареты съ кучерами стояли въ этой улицѣ противу дому боярскаго; потомъ даетъ приказъ, чтобъ всѣ кучера щолкали въ арапельники¹ и матомъ кричали: «Злая жона пришла, злая жона пришла!» и самъ пошолъ въ комнаты. Пришолъ онъ въ комнаты; чертенокъ возлился на него и гыть: «Што ты, русской, зачѣмъ при-

¹) Арапники.

поль? я тебя съѣмъ!» Онъ гыть: «Што ты! я пришоль тебя не выживать, а пришоль тебя жалья¹ сказать: злато жона сюда пришла!» Чортъ на окошко вскочилъ, вытаращилъ зѣнки² да и чуётъ: всё однимъ матомъ орютъ: «Злая жона!» — «Христіанинъ! взговорилъ чортъ: мнѣ-то куды дѣваться?» — «Ступай опять въ ямищу; она туды больше не пойдётъ». Чортъ туды и ушолъ къ злой жонѣ. За это бояринъ пожаловалъ милость, дочку (за крестьянина) замужъ отдалъ, поль-имѣнья подарилъ, а злая жона и тепѣре въ ямѣ сидитъ въ тартарары. Записана въ Череповскомъ у., Новгородской губ., Н. Чернышевымъ.

237

Жена-спорица

(а) Въ одного мужика была жена сварлива и упряма; ужъ что бывало захочеть, дакъ мужъ дай ей, и ужъ непремѣнно мужъ соглашайся съ ней. Да больно она льстива была на чужую скотину; какъ бывало зайдетъ на дворъ чужая скотина, дакъ ужъ мужъ и говори, что это её. Страшно надоѣла жена мужу. Вотъ однажды и зашли къ ней на дворъ барскіе гуси. Жена спрашиваетъ: «Мужъ, чьи это гуси?» — «Барскіе». — «Какъ барскіе!» Вспылила со злости, пала на поль. «Я умру, говорить, сказывай: чьи гуси?» — «Барскіе». Жена охаетъ, стонетъ. Мужъ наклонился къ ней: «Что ты стонешь?» — «Да чьи гуси?» — «Барскіе». — «Ну, умираю, бѣги скорѣй за попомъ». Вотъ мужъ послалъ за попомъ; ужъ и попъ ѣдетъ. «Ну, говорить мужъ: вотъ и священникъ ѣдетъ». Жена спрашиваетъ: «Чьи гуси?» — «Барскіе». — «Ну, пушшай священникъ идѣтъ, умираю!»

¹⁾ Жалѣя.

²⁾ Зѣнки — глаза.

Вотъ исповѣдали ее, приобшили, попъ вшѣлъ. Мужъ опять: «Что съ тобой, жена?» — «Чьи гуси?» — «Барскіе». — «Ну, совсѣмъ умираю, готовъ домовишше!»¹ Изготовили домовишше. Мужъ подшѣлъ: «Ну, жена, ужъ и домовишше готово». — «А чьи гуси?» — «Барскіе». — «Ну, совсѣмъ умерла, клади въ домовишше». Положили въ домовишше, и послали за попомъ. Мужъ наклонился къ женѣ, шепчетъ: «Ужъ домовишше поднимають, нести хотять отпѣвать въ церковь». А она шепчетъ: «Чьи гуси?» — «Барскіе». — «Ну, несите!» Вотъ вынесли домовишше, поставили въ церкви, отпѣли панафиду. Мужъ подходитъ прощаться: «Ужъ и панафиду, говорить, отпѣли; выносить хотять на кладбишше». Жена шепчетъ: «Чьи гуси?» — «Барскіе». «Несите на кладбишше!» Вотъ и вынесли; подняли домовишше опушшать въ могилу, мужъ нагинается къ ней: «Ну, жена, ужъ тебя въ могилу опушшаютъ и землей тотчасъ засыплють». А она шепчетъ: «Чьи гуси?» — «Барскіе». — «Ну, опушшайте и засыпайте!» Домовишше опустили и засыпали землею. Такъ уходили бабу барскіе гуси!

Записана въ Ливенскомъ у., Орловской губ., К. О. Александровымъ-Дольникомъ.

(с) Мужикъ обрилъ бороду, и говоритъ: «Смотри, жена, какъ я чисто выбрился». — «Да развѣ это брито? это такъ только стрижено!» — «Врешь, каналья! говори: брито». — «Нѣтъ, стрижено!» — «Я тебя изобью; говори: брито». — «Нѣтъ, стрижено!» Мужъ побилъ жену, и нудить: «Говори: брито; не то утоплю!» — «Что хочешь — дѣлай, а стрижено!» Повѣлъ ее топить: «Говори: брито!» — «Нѣтъ, стрижено!» Ввѣлъ ее въ глубину по самую шею, и толкаетъ въ голову: «Скажи да скажи:

¹) Домовище — гробъ.

брито!» Жена и говорить не можетъ, подняла руку изъ воды и двумя пальцами показываетъ, что стрижено.

Записана въ Астраханской губ., въ Черноярскомъ у., г. Волкониднымъ.

238

Жена-доказчица

(b) Жилъ мужикъ на чужой сторонѣ, не заработалъ ни копейки, и пошелъ домой. Сталъ подходить къ своей деревнѣ и думаетъ: какъ безъ денегъ домой показаться? Попадаетъ ему богатой жидъ навстрѣчу; мужикъ хватилъ его топоромъ, ушибъ до смерти, деньги къ себѣ прибралъ, а мертвое тѣло подъ кустъ стащилъ. Приходить домой, увидала жена деньги и ну приставать: «Гдѣ добылъ такую великую казну?» Мужикъ и проговорись: «Встрѣчнаго убилъ, подъ кустъ положилъ; смотри, жена, никому не сказывай!» Проговорился, да и самъ не радъ: «Ну, какъ разболтаетъ баба? вѣдь у вихъ волосъ длиненъ, да умъ коротокъ! Бѣда мая будетъ!» Побѣждалъ поскорѣй въ поле, ухватилъ-поволокъ жиду въ иное мѣсто и зарылъ гдѣ-то въ лѣсной трупобѣ, а замѣсто его подъ кустомъ бросилъ зарѣзаннаго козла; потомъ закупилъ цѣлой четверикъ грушъ и нацѣплялъ ихъ на вербу, а стояла та верба какъ разъ на дорогѣ къ барской усадьбѣ. День прошелъ — баба молчитъ, и другой прошелъ — все молчитъ; а на третій чортъ и попуталъ. Вишь, мужъ вчастую дома не живалъ, такъ баба съ добрымъ молодцемъ знакомство свела; довѣдался мужикъ, что баба-то гуляетъ, и давай ее бить-колотить — что только силы было! — «Ахъ ты, разбойникъ! закричала она: одного ужъ убилъ и денежки обобралъ, а теперь и меня хочешь забить до смерти! Пойдемъ, душегубъ, къ барину; я на тебя все докажу . . .» Пошли судиться къ барину. «Стой, жена! говоритъ му-

жикъ дорогою: погляди-ка, на вербѣ груши выросли; давай трусить». — «Давай!» Натрусили полонъ мѣшокъ, снесли домой, и опять собрались къ барину. Вотъ и усадьба барская. Стала жена на мужа доказывать: «Батюшка, баринъ! заступись, оборони отъ злодѣя: мой мужъ человѣка сгубилъ, деньги обобралъ, мертвое тѣло подъ кустъ положилъ». — «Что ты врѣшь, полоумная? не вѣрьте ей, добрый баринъ; она у меня издавна завирается. Я козла зарѣзалъ, а ей человѣкъ почудился». Баринъ поѣхалъ самъ осматривать; глянулъ подъ кустъ — зарѣзанной козѣль лежитъ. «Что жъ ты клепишь, глупая баба?» — «Нѣтъ, баринъ! отвѣчаетъ баба: я не клеплю, я говорю сущую правду, должно быть онъ, мошенникъ, мертвое тѣло запряталъ куда подальше, а замѣсто его козла подкинулъ». — «Ну, мужикъ, признавайся!» говоритъ баринъ. «Да въ чемъ признаваться-то, коли ни душой, ни тѣломъ не виновать? Извѣстное дѣло — баба: волосъ дологъ, умъ коротокъ; сдуру врѣтъ! Она, пожалуй, скажетъ, что груши на вербѣ растутъ — такъ ей и вѣрить?» — «Да таки растутъ! сегодня полонъ мѣшокъ съ вербы натрусили . . .» — «Пошла вонъ, дура, закричалъ баринъ: ты совсѣмъ съ ума спятила». Пошла баба, несолоно хлѣбавши; а дома мужикъ опять за плѣтку и порядкомъ поучилъ ее: съ недѣлю спина и бока болѣли!

239

Головиха

Одна баба бойка была; пришѣлъ мужъ съ совѣту, она и спрашивать ево: «Чево вы тамъ судили?» — «Чево судили-то! голову выбирали». — «А ково выбрали?» — «Не ково ишшо». — «Выберите меня», баетъ баба. Дакъ что мужъ пошелъ на совѣтъ (она зла была; ему хотѣлось

ее проучить), сказали это старикамъ; тѣ тотчасъ бабу выбрали въ головы. Живетъ баба, судить и рядить, и вино съ мужиковъ пьётъ, и взятки берётъ. Пришло время подушно собирать. Голова не успѣлъ, не мокъ собрать въ-время; приѣхалъ казакъ, сталъ спрашивать голову, а баба пряталась: узнала, что приѣхалъ казакъ, бѣжить скораяй домой. «Да куда жо я, да куда жо я спрятаюсь? говорить мужу. Завяжи-ко меня, батюшко-муженёкъ, въ мѣшокъ, да поставь вонъ къ мѣшкамъ съ хлѣбомъ-то». Тутъ стояло съ ерицей¹ мѣшковъ пять. Мужъ завязалъ голову, поставилъ въ серѣдку мѣшковъ. Казакъ пришёлъ да говорить: «Э! голова-то спрятался!» Давай-ко по мѣшку-то плетью хлестать. Баба во все горло заревѣла: «Ой, батюшки! не пойду въ головы, не пойду въ головы». Казакъ отхлесталъ, ушѣлъ, баба полно головить², и стала послѣ того мужа слушать.

Записана въ Пермской губ., въ Шадринскомъ округѣ, государственнымъ крестьяниномъ А. Зыряновымъ.

240

Мужъ да жена

Жилъ мужъ съ женой, по виду будто хорошо, да какъ-то жена была мудрена: уйдетъ мужъ — она весела, придетъ — захвораетъ; такъ и старается ему дѣло найти, куда-нибудь съ рукъ сбыть; нынче пошлетъ его туда, завтра въ другое мѣсто, а безъ него у нея гулюшки, пирушки! Придетъ мужъ — и чисто, и прибрано; сама охаетъ, больна, на лавочкѣ лежитъ. Мужъ вѣритъ, чуть самъ не плачетъ. Вотъ разъ придумала послать его за лѣкарствомъ въ Крымъ-градъ. Мужъ пошелъ. На дорогѣ ему встрѣлся солдатъ: «Куда ты, мужикъ?» —

¹) Ярица — яровой хлѣбъ.

²) Быть головою.

«Въ Крымъ-градъ за лѣчбой!» — «Кто боленъ?» — «Жена!» — «Воротись, воротись безотмѣнно; я самъ дока, я пойду съ тобою!» Поворотилъ его налѣво кругомъ, и очутился мужикъ опять у своего гумна. «Сядь же ты здѣсь, говоритъ дока: я спровѣдаю, какова хворая?» Вошелъ во дворъ; приложилъ ухо къ избѣ — тамъ игры, тамъ скоки, гульба! Забилась солдатская грудь, ударилъ въ дверь, растворилась изба — хозяйка по ней лебедемъ носится, передъ ней молодой парень въ присядку разсыпается, зелено вино по столу разливается. Пришелъ солдатъ во-время, выпилъ чарку и пошелъ въ присядку; полюбился хозяйкѣ: что за солдатъ, что за дѣтина! угодливъ, догадливъ, словно вѣкъ тутъ жилъ! Поутру надо пирожки печь. «Солдатъ! сходи на гумно, принеси соломки вязаночку». Солдатъ пошелъ; набралъ соломы, завернулъ туда мужа, скрячилъ¹ веревкой, вскинулъ за плечи и принёсъ къ хозяйкѣ. Хозяйка рада, затулила пѣсенку: «Пошелъ мужъ во Крымъ-градъ зелья купить, женѣ зельемъ животь лѣчить! туда ему не доѣхать, и оттуда не пріѣхать! . . . Солдатъ, подтягивай мнѣ!» Солдатъ началъ свою пѣсню: «Чуешь ли, солома, что дѣется дома!» — «О, твоя не хороша, моя лучше; давай вмѣстѣ: пошелъ мужъ во Крымъ-градъ зелья купить, женѣ зельемъ животь лѣчить». Она поётъ громко, а солдатъ еще громче: «Чуешь ли, солома, что дѣется дома? Плеть виситъ на стѣнѣ, а быть ей на спинѣ!» Солома почувяла, затряслась, веревка лопнула, вязанка распалась — и выскочилъ мужъ, схватилъ плетку и давай стегать хозяйку. Какъ рукой сняло — вылѣчилъ жену!

Записана въ Курской губ.

¹⁾ Крячить — скручивать веревку палкою при связываніи ноши.

Вѣщій дубъ

Тошно молодой женѣ съ старымъ мужемъ, тошно и старику съ молодой женой! Въ одно ушко влѣзеть, въ другое вылѣзеть; замаячить — въ глазахъ одурачить, изъ воды суха выйдетъ: и видишь, и знаешь, да ни въ чемъ ее не поймашь! Одному доброму старичку досталась молодая жена — плутоватая баба. Онъ ей слово въ науку, она ему въ отвѣтъ: «Нѣтъ тебѣ, старой лежебокъ, ни пить ни ѣсть, ни бѣлой рубахи надѣтъ!» А не стерпишь — слово вымолвишь: дѣло старое! Вотъ и придумалъ онъ жену выучить. Сходилъ въ лѣсъ, принёсъ вязанку дровъ, и рассказываетъ: «Диво-дивное на свѣтѣ дѣется! въ лѣсу старой дубъ все мнѣ, что было, сказалъ, и что будетъ — угадалъ!» — «Охъ, и я побѣгу! вѣдь ты знаешь, старикъ: у насъ куры мрутъ, у насъ скотъ не стоитъ . . . Пойду побалакать; авось скажетъ что». — «Ну, иди скорѣй, пока дубъ говорить; а когда замолчитъ, слова не допросишься». Пока жена собиралась, старикъ зашелъ впередъ, влѣзъ въ дубовое душло и поджидаетъ ее. Пришла баба, передъ дубомъ повалилася, замолилася, завывала: «Дубъ дубовистый, дѣдушка рѣчистый! какъ мнѣ быть? не хочу стараго любить, хочу мужа ослѣпить; научи, чѣмъ полѣчить?» А дубъ въ отвѣтъ: «Не-зачѣмъ лѣчить, зелья попусту губить; начни масленѣй кормить! Сжарь курочку подъ сметанкою, не скупись: пусть онъ ѣсть — сама за столъ не садись! Свари кашу молочную, да больше масломъ полей; пушай ѣсть — не жалѣй! Напеки блинцовъ; попроси, поклонись, чтобъ ихъ въ масло макать да побольше съѣдалъ — и сдѣлается твой старикъ слѣпѣе куръ слѣпыхъ». Пришла жена домой, мужъ на печкѣ крехтитъ. «Эхъ ты, старень мой! ай опять что бо-

лить? ай опять захирѣлъ? Хочешь: курочку убью, аль блинцовъ напеку, кашку масломъ полью? хочешь — что ль?» — «Съѣлъ бы, да гдѣ взять?» — «Не твоя печаль! хоть ты и журишь меня, а все тебя жалко! . . . На, старинушка! ѣшь, кушай, пей — не жалѣй!» — «Сядись и ты со мною». — «Э, нѣтъ! зачѣмъ? Мнѣ бѣ только тебя напитать! сама я тамъ-сямъ перекушу — и сыта. Ёшь, голубчикъ, помасленѣй ѣшь!» — «Охъ, постой, жена! дай водицы хлебнуть». — «Да вода на столѣ». — «Гдѣ на столѣ? и не вижу». — «Передъ тобой стоять!» — «Да гдѣ же? что-то въ глазахъ темно стало». — «Ну, полѣзай на печку». — «Укажи-ка, гдѣ печь? я и печь не найду». — «Вотъ она, полѣзай скорѣе». Старикъ собирается головой въ печь лѣзть. «Да что съ тобой? ослѣпъ — что ли?» — «Охъ, согрѣшилъ я, жена! сладко съѣлъ, вотъ Божій день и потемнѣлъ для меня. Охо-хо!» — «Экое горе! ну, лежи пока; я пойду, кое-что принесу». Побѣжала, полетѣла, собрала гостей, и пошелъ пиръ горой. Пили-пили, вина не хватило; побѣжала баба за виномъ. Старикъ видитъ, что жены нѣту, а гости напи- тались и носы повѣсили; слѣзъ съ печи, давай крестить — кого въ лобъ, кого въ горбъ; всѣхъ перебилъ и заткнулъ имъ въ ротъ по блину, будто сами подавились; послѣ взлѣзъ на печь и лёгъ отдыхать. Пришла жена, глянула — такъ и обмерла: всѣ други, всѣ пріятели, какъ боровы, лежатъ, въ зубахъ блины торчатъ; что дѣ- лать, куда покойниковъ дѣвать? Зареклася баба гостей собирать, зареклася старика покидать. На ту пору шелъ мимо дуракъ. «Батюшка, такой-сякой! кричить баба: на тебѣ золотой, душу съ тѣломъ пусти, бѣду съ шеи скости!» Дуракъ деньги взялъ и потащилъ покойни- ковъ: кого въ прорубь всадила, кого грязью прикрылъ и концы схоронилъ.

Дорогая кожа

Въ одномъ селѣ жили два брата — Данило и Гаврило. Данило былъ богатой, а Гаврило бѣдной; только и живота было у Гаврилы, что одна корова, да и тому Данило завидовалъ. Поѣхалъ Данило въ городъ закупить кое-что и, воротясь изъ городу, пришелъ къ брату и говорить: «Что ты, братъ, держишь корову? Я былъ се-водни въ городѣ и видѣлъ: тамъ коровы очень дешевы, по пяти и шести рублей, а за кожу двадцать пять даютъ». Гаврило повѣрилъ ему, закололъ корову и пріѣлъ говядину; послѣ дождался рынку и отправился въ городъ. Пріѣхалъ въ городъ и поволокъ продавать кожу; уви-дѣлъ его кожевникъ и спрашиваетъ: «Что, любезной, продаешь кожу?» — «Продаю». — «Что просишь?» — «Двадцать пять рублей». — «Что ты, безумной! возьми два съ полтиной». Гаврило не отдалъ и волочилъ ко-жу цѣлой день; никто ему не даетъ больше. Наконецъ поволокъ ее мимо гостинаго ряду; увидалъ его купецъ и спрашиваетъ: «Что, продаешь кожу?» — «Продаю». — «Дорого ли просишь?» — «Двадцать пять рублей». — «Что ты, шальной! гдѣ слыхалъ про такія дорогія ко-жи? Возьми два съ полтиной». Гаврило подумалъ-подумалъ и сказалъ: «Такъ и быть, господинъ купецъ, уступлю тебѣ! только поднеси мнѣ хоть водки стаканъ». — «Хорошо, объ водкѣ ни слова!» Отдалъ ему купецъ два съ полтиной, да вынимаетъ изъ кармана платокъ и говорить: «Ступай вонъ въ тотъ каменной домъ, отдай хозяйкѣ платокъ и скажи, что я велѣлъ тебѣ поднести полонъ стаканъ вина».

Гаврило взялъ платокъ и пошелъ; приходитъ въ домъ, хозяйка его и спрашиваетъ: «Ты зачѣмъ?» Гаврило ей говорить: «Такъ и такъ, сударыня! продалъ я твоему

хозяину за два съ полтиной кожу, да еще вырядилъ полонъ стаканъ вина; дакъ онъ меня сюда послалъ, велѣлъ тебѣ платокъ отдать да сказать, чтобы ты винца поднесла». Хозяйка тотчасъ налила стаканъ, только немного не полонъ, и поднесла Гаврилѣ; онъ выпилъ и стоитъ. Хозяйка спрашиваетъ: «Что жъ ты стоишь?» Гаврило говоритъ: «У насъ была рада — полонъ стаканъ вина». А въ то время сидѣлъ у купчихи любовникъ, услыхалъ онъ эти слова и говоритъ: «Налей ему, душа, еще!» Она налила еще полстакана; Гаврило выпилъ и все стоитъ. Хозяйка опять спрашиваетъ: «Теперь чего дожидаться?» Отвѣчаетъ Гаврило: «Да у насъ рада была — полонъ стаканъ, а ты полстакана подала». Любовникъ велѣлъ поднести ему въ третій разъ; тогда купчиха взяла графинъ съ виномъ, стаканъ отдала Гаврилѣ въ руки, и налила его такъ, что черезъ край побѣжало. Только Гаврило выпилъ, а хозяинъ на ту пору домой грядетъ. Она не знаетъ: куда любовника дѣвать? и спрашиваетъ: «Куда жъ я тебя спрячу?» Любовникъ забѣгалъ по горницѣ, а Гаврило за нимъ да кричить: «Куда я-то дѣнусь?» Хозяйка отворила западню и пихнула обоихъ туда.

Хозяинъ пришелъ и привелъ еще съ собой гостей. Когда они подпили, то начали пѣсни запѣвать; а Гаврило, сидя въ ямѣ, говоритъ своему товарищу: «Какъ хочешь — это любимая батюшкова пѣсня! я запою». — «Что ты, что ты! пожалуста не пой. На тебѣ сто рублей, только молчи». Гаврило взялъ деньги и замолчалъ. Немного погодя запѣли другую; Гаврило опять говорить товарищу: «Какъ хочешь, а теперь запою; это любимая пѣсня матушкина!» — «Пожалуста, не пой! На тебѣ двѣсти рублей». Гаврилѣ то на руку — уже триста рублей есть, спряталъ деньги и молчитъ. Вскорѣ запѣли третью пѣсню; Гаврило говоритъ: «Теперь хотъ

четыреста давай, дакъ запою». Любовникъ его всячески уговариваетъ; а денегъ больше нѣтъ. Хозяйка услышала, что они тамъ ерошятся, отперла западню и спросила потихоньку: «Что вы тамъ?» Любовникъ потребовалъ пятьсотъ рублей; она живо вернулась, подала пятьсотъ рублей; Гаврило опять взялъ и замолчалъ.

Какъ-то попалась тутъ Гаврилѣ подушка и боченокъ смолы; онъ приказалъ товарищу раздѣться. Когда тотъ раздѣлся, онъ окатилъ его смолой; потѣмъ распоролъ подушку, рассыпалъ пухъ и велѣлъ ему кататься. Вотъ какъ тотъ выкатался въ пуху, Гаврило растворилъ западню, сѣлъ на товарища верхомъ, ѣдетъ, а самъ кричить: «Девятая партія изъ здѣшняго дому убирается!» Гости увидали и кинулись по домамъ; думаютъ, что то черти явились. Такъ все и разбѣжались; а купчиха стала говорить своему мужу: «Ну, вотъ! я тебѣ говорила, что у насъ чудится». Купецъ сдуру-то возьми да и повѣрь, и продалъ свой домъ за безцѣнокъ. Гаврило пришелъ домой и послалъ своего старшаго сына за дядей Даниломъ, чтобъ пришелъ къ нему деньги пересчитать. Сынъ пошелъ, сталъ звать своего дядю; а тотъ ему смѣется: «Да что у него считать-то? али Гаврило двухъ съ полтиной сосчитать не можетъ!» — «Нѣтъ, дядя! онъ много принёсъ денегъ!» Тогда жена Данилова стала говорить: «Подъ, сходи! что тебѣ не охота! Хочь посмѣшьясь надъ нимъ». Послушался Данило жены и пошелъ. Вотъ какъ Гаврило высыпалъ передъ нимъ кучу денегъ, Данило удивился и спрашиваетъ: «Гдѣ ты, братъ, взялъ столько денегъ?» — «Какъ гдѣ? вѣдь я корову закололъ, да кожу въ городѣ продалъ за двадцать пять рублей; на тѣ деньги сдѣлалъ оборотъ: купилъ пять коровъ, закололъ, да кожи опять продалъ по той же цѣнѣ; такъ все и перебивался». Данило услышалъ, что братъ его такъ легко нажилъ богатство, по-

шелъ домой, закололъ всю свою скотину, и сталъ дожидаться рынку; а какъ время было жаркое, то говядина у него вся испортилась. Повёзъ продавать кожи, и дороже двухъ съ полтиной никто ему не далъ. Такъ-то ему дался барышъ съ накладомъ, и сталъ онъ жить бѣднѣ Гаврилы; а Гаврило пошелъ на выдумки, да и нажилъ себѣ большое богатство.

Записана въ Пермскомъ у. Д. Пѣтуховымъ.

243

Какъ мужъ отучилъ жену отъ сказокъ

Жилъ себѣ дворникъ. Онъ имѣлъ въ себе жену, которая страсть какъ любила сказки, и запретила она пушпашъ къ себѣ въ постойшники тѣхъ, кто не умѣлъ сказки сказывать. Ну, разумѣется, мужу-то убыточно, онъ и думаетъ: какъ бы мнѣ жену отучить отъ сказокъ! Вотъ однажды въ зимнюю пору, поздно ночью, идѣтъ себѣ старичокъ, весь иззябъ, и просится перночевать. Мужъ выбѣгаетъ къ нему: «А што, говорить, умѣешь ты сказки сказывать. Жена не велитъ пушпашъ никого, кто не умѣетъ сказки сказывать». Мужикъ видитъ — дѣло плохо, отъ холода чуть не мерзнетъ: «Умѣю!» говорить. «А долго будешь сказывать?» — «Да всю ночь». — «Ну, вотъ хорошо». Впустили мужика. Мужъ говорить: «Ну, жена! вотъ мужикъ посулился всю ночь сказывать сказки, да только съ тѣмъ, чтобъ поперечки ему не дѣлать и не перебивать». Мужикъ говорить: «Да, поперечки не дѣлать, а то сказывать не буду». Вотъ поужинали, легли спать; мужикъ и началъ: «Летѣла сова мимо сада, сѣла на колоду, выпила воду; летѣла сова мимо сада, сѣла на колоду, выпила воду . . .» И пошелъ твердить все одно и то же: «Летѣла сова мимо сада, сѣла на колоду, выпила

воду . . .» Хозяйка слушала-слушала, да и говорить: «Что жъ эта за казка, все одно и то же твердить!» — «Дакъ для че же ты мене перебиваешь? вѣдь я говорилъ, чтобы мнѣ поперечки не дѣлать; вѣдь эта такъ ужъ казка сказывается вначалѣ, а тамъ пойдетъ другое». Вотъ мужъ, услыхамши это, а ему то и нужно было, скочилъ съ лавки и давай жену колотить: «Тебѣ сказано, чтобы ты не поперечила! и казку не дала кончить!» Ужъ онъ билъ-билъ, билъ-билъ, такъ что жена возненавидѣла казки и съ тѣхъ поръ зареклась казки слушать.

Записана въ Орловской губ., въ Ливенскомъ у., К. О. Александровымъ-Дольникомъ.

244

Лубокъ

Бувъ соби въ одномъ пустимъ мистци хуторъ невелички. Въ хутори жила семья одна и невеличка: бувъ тамъ старесеньки дидъ да сынъ його женатый — звався винъ Ничипоръ, да ще не дуже велики сынъ одъ Ничипора. Дидъ бувъ совсимъ безъ моци; ходючи винъ згинався уже дуже, голова у його була била-била, мовъ молокомъ облыта, а робыты — дакъ совсимъ нельга було йому бидному. Ничипору се було дуже не по нутру; йому усе хотилося, щобъ батько що-нѣбудь да робывъ. Надумався Ничипоръ, да-й каже: «Згублю я батька; годи йому житы! мини и такъ приходытця гирько житы да хлибъ добуваты». Пришла зыма. Ничипоръ доставъ зъ горы предовги да широкій лубъ, узавъ своего сына, да-й каже батькови старому: «Ходимо, тату, въ поле, годи тоби житы! ни самъ не будешъ мучитысь, ни насъ не будешъ мучиты». И повели старого батька. Почувши ричъ таку, батько тильки залывався гирькими слѣзами — билышъ ничего. Довивъ Ничипоръ дида до

дуже-глубокого яру, посадивъ його старесенького на лубокъ, що принисъ зъ собою; спустивъ на нимъ батька у самый низъ, та-й каже: «Прощай теперъ, тату! не поминай насъ лыхомъ». И вже хотивъ идты до дому, ажъ внучокъ того дида и каже батькови: «Тату! визьмы жъ лубочокъ зъ собою». — «А на що винъ? нехай тамъ зуштаеця». — «Якъ на що? аже жъ якъ будешъ и ты таки стары, якъ дидъ мій, то й я тебе посадивъ бы на той лубокъ, та-й спустивъ бы». Тоди Ничипоръ хопився за високъ: «Дурный, дурный я! що зробивъ. Спасыбы жъ тобі, сыну, що ты дурного батька на умъ та на разумъ наставивъ!» И швидче кинувся у яръ, взявъ батька старого зъ собою, попросивъ у його опрощенья и ставъ кормыты до самесенькой смерти, щобъ и його диты не покидали.

245

Крестъ-порука

Въ одномъ было городѣ — жили два купца по самой край рѣчки: одинъ русской, а другой татаринъ; оба были богатые люди. Только русской по какимъ-то торговымъ дѣламъ обанкрутился, такъ что у него не осталось ничего изъ пожитковъ: все описали и обобрали. Нечего было дѣлать русскому купцу — остался голъ, какъ соколь; пошелъ къ своему пріятелю татарину и просить у него взаймы денегъ. Татаринъ говорить: «Давай поручителя!» — «А кого жъ я тебѣ дамъ, когда у меня нѣтъ никого? Ну, да постой, вотъ тебѣ порука — на церкви животворящей крестъ!» — «Хорошо, другъ! говорить татаринъ: я кресту вашему повѣрю; для меня все равно, что ваша вѣра, то и наша». И далъ русскому купцу пятьдесятъ тысячъ рублей. Русской взялъ деньги, распростился съ татаринѣмъ, и отправился опять торговать по разнымъ мѣстамъ.

Черезъ два года на эти пятьдесятъ онъ нажилъ сто пятьдесятъ тысячъ рублей, и случилось ему съ товаромъ плыть по Дунай-рѣкѣ изъ одного мѣста въ другое; вдругъ поднялась буря, такъ и хочеть судно потопить. Тутъ купецъ и вспомнилъ, что бралъ деньги и давалъ въ поручители животворящій крестъ, а долгу не заплатилъ: такъ вѣрно отъ того и буря поднялася! Только подумалъ это, какъ стала буря утихать. Купецъ взялъ боченокъ, отсчиталъ пятьдесятъ тысячъ рублей, написалъ къ татарину записку, положилъ ее вмѣстѣ съ деньгами въ боченокъ, и бросилъ тотъ боченокъ въ воду, думая про себя: «Когда я давалъ въ поручители крестъ, такъ онъ и доставить!» Боченокъ тотчасъ же на дно пошелъ: всѣ такъ думали, что деньги потеряются. Что же случилось? Жила у татарина русская стряпка. Вотъ однажды случилось ей идти на рѣку за водой; приходитъ и видитъ — плаваетъ боченокъ; побрела по водѣ и давай его хватать — не тутъ-то было! она къ боченку, а боченокъ отъ нея; она отъ боченка къ берегу, а боченокъ за ней плыветъ. Такъ она билась-билась немалое время, пошла домой и рассказала про то своему хозяину. Онъ сначала было ей не повѣрилъ, а потомъ самъ рѣшился идти на рѣку и посмотрѣть: что за боченокъ такой тамъ плаваетъ? Приходитъ туда — боченокъ точно плаваетъ и недалеко отъ берега. Татаринъ снялъ съ себя одѣжду, зашелъ въ воду, и только-что побрѣлъ, какъ боченокъ самъ къ нему подплываетъ; взялъ татаринъ боченокъ, принёсъ домой и раскупорилъ; заглянулъ, а въ боченкѣ деньги лежатъ, наверху денегъ записка виднѣется. Взялъ онъ, прочиталъ записку, а въ ней вотъ что говорилось: «Любезный другъ! возвращаю тебѣ пятьдесятъ тысячъ рублей, которые когда у тебя занималъ — то давалъ тебѣ въ поручители животворящій крестъ». Татаринъ прочиталъ и удивился силѣ животворящаго

креста; пересчиталъ деньги: всё ли налицо? Деньги оказались всё сполна. Межь тѣмъ русской купецъ, поторговавши лѣтъ съ пятокъ, нажилъ порядочный капиталецъ; прїѣзжаетъ въ свое мѣсто, и думая, что боченокъ его пропалъ, за первый долгъ поставилъ разсчитаться съ татаринѣмъ; приходитъ онъ къ нему и отдаетъ зянятыя деньги. Тогда татаринъ разсказалъ купцу все, что было, и какъ онъ поймалъ на рѣкѣ боченокъ съ деньгами и съ запиской; показалъ ему эту записку и спросилъ: «Точно ли это твоей руки?» Тотъ отвѣчалъ: «Точно моей». Всё подивились чудному явленію, и татаринъ сказалъ: «Такъ мнѣ, братъ, не нужно съ тебя другихъ денегъ получать; неси-ка ихъ назадъ». Русской купецъ отслужилъ Богу благодарственный молебень, а татаринъ на другой же день крестился со всёмъ своимъ семействомъ. Русской купецъ былъ у него хрѣстнымъ отцомъ, а стряпка хрѣстною матерью. Послѣ того жили они оба долго и счастливо; прожили до глубокой старости и скончались въ мирѣ.

Записана въ Пермскомъ у. г. Д. Пѣтуховымъ.

246

Объ отцѣ Николаѣ

Въ одномъ городѣ былъ вороватый человѣкъ и надѣлалъ уже много бѣдъ. Однажды случилось ему обокрасть богатаго человѣка; дѣло это подмѣтили, послали за нимъ погоню. Долго онъ бѣжалъ лѣсомъ, а впереди того лѣса была чистая степь вѣрстъ по крайней мѣрѣ на десять. Какъ пробѣжалъ весь лѣсъ, остановился, и не знаетъ, что ему дѣлать? если бѣжать по степи, то сейчасъ поймають, потому что версты на двѣ все видно, а погоня, слышитъ, уже близко. Тогда-то онъ началъ молиться: «Господи, прости мою душу грѣш-

ную; батюшко, отецъ Николай! сокрой меня — я тебѣ гривенную свѣчку поставлю».

Вдругъ не откуда взялся — предсталъ человѣкъ пожилыхъ лѣтъ, и спрашиваетъ вора: «Что ты теперь говорилъ?» Воръ отвѣчаетъ: «Вотъ что я говорилъ: батюшко отецъ Николай! сокрой меня въ этой глуши. И обѣщался ему свѣчу поставить». Тутъ онъ покался старичку въ своемъ грѣхѣ. Старикъ ему сказалъ: «Если хочешь, полѣзай въ это падалище!» А тутъ неподалѣку лежала падаль. Нечего было дѣлать вору, надо было лѣзть въ падаль, потому что пойману быть не хочется. Залѣзъ онъ туда, а старичокъ въ ту же минуту невидимъ сталъ. Тотъ старичокъ былъ самъ отецъ Николай. Вотъ приближается погоня; выѣхали люди на степь, отѣхали съ полверсты — никого не видать! и воротились обратно; а воръ лежитъ въ падалищѣ, еле дышитъ — такой гнилой духъ! Когда проѣхала погоня мимо, онъ вылѣзъ оттуда и видитъ опять того же старичка — стоитъ неподалечку да собираетъ воскъ. Воръ подходитъ къ нему, благодарить за избавленіе; тогда старичокъ снова спросилъ: «А что ты обѣщалъ отцу Николаю, когда искалъ убѣжища?» Воръ отвѣчаетъ: «Я обѣщался смѣнить гривенную свѣчу». — «То-то и есть! какъ тебѣ было душно лежать въ падалищѣ, такъ и отцу Николаю было бы душно отъ твоей свѣчи». И далъ ему старичокъ наставленіе: «Никогда не проси Господа Бога и святыхъ Его угодниковъ на злыя дѣла; потому что Господь не благословляетъ злыхъ дѣлъ. Да смотри же, помни мои слова, да и прочимъ скажи, чтобъ никогда не просили Бога въ худыхъ дѣлахъ!» Сказалъ это, и скрылся изъ глазъ.

Записана въ Пермскомъ у. г. Д. Пѣтуховымъ.

Жилъ-былъ богатой купецъ Марка — скупѣй его не было! Разъ какъ-то пошелъ онъ гулять: идучи дорогою, увидалъ нищаго: сидитъ старецъ и проситъ милостыни: «Подайте, православные, Христа ради!» Марка-Богатой прошелъ мимо. Слѣдомъ за нимъ шелъ на ту пору бѣдный мужикъ, возжалѣлъ нищаго и подалъ ему копеечку. Стыдно показалось богатому, остановился онъ и говорить мужику: «Послушай, землякъ, дай мнѣ займы копеечку; хочется убогому подать, да мелкихъ нѣту!» Мужикъ далъ ему и спрашиваетъ: «А когда за долгомъ приходить?» — «Завтра приходи!» На другой день бѣдной идетъ къ богатому за своей копейкою. Пришелъ на его широкой дворъ: «Что Марка-Богатой дома?» — «Дома! тебѣ что надо?» спрашиваетъ Марка. «За копеечкой пришелъ». — «Ахъ, братъ! прійди послѣ; ну право, мелкихъ нѣтъ». Бѣдной поклонился и назадъ: «Я, говорить, прійду завтра». На утро приходитъ — опять то же: «Мелкихъ денегъ вовсе нѣтъ! коли хошь, давай съ сотенной сдачи . . . а не то приходи черезъ двѣ недѣли». Черезъ двѣ недѣли снова идетъ бѣдной къ богатому, а Марка-Богатой увидалъ его въ окно и говорить женѣ: «Слушай, жена! я раздѣнусь догоя и лягу подъ святыя¹⁾; а ты покрой меня полотномъ, сиди и плачь, словно надъ мертвымъ. Когда прійдетъ мужикъ за долгомъ, скажи ему, что я сегодня померъ». Вотъ ладно, какъ мужъ приказалъ, такъ жена и сдѣлала: сидитъ да горючими слезами заливается. Приходитъ мужикъ въ горницу, она его и спрашиваетъ: «Тебѣ что?» — «За должкомъ къ Маркѣ-Богатому» отвѣчаетъ бѣдной. «Ну, мужичокъ, Марка-Богатой приказалъ долго жить; сей-

¹⁾ Т.-е. иконы.

часъ только померъ». — «Царство ему небесное! Позволь, хозяйка, за мою копеечку послужу ему — хоть грѣшное тѣло обмою». Съ этимъ словомъ ухватилъ чугунъ съ горячей водою, и давай Марку-Богатаго кипяткомъ ошпаривать. Марка еле терпитъ, морщится да ногами дрыгаетъ. «Дрыгай, не дрыгай, а копейку подай!» говоритъ бѣдной. Обмылъ, снарядилъ, какъ надо. «Ну, хозяйка! покупай гробъ да вели въ церковь выносить; я стану надъ нимъ псалтырь читать». Положили Марку-Богатаго въ гробъ и вынесли въ церковь, а мужикъ сталъ надъ нимъ псалтырь читать. Наступила темная ночь. Вдругъ открывается окно, и лѣзутъ въ церковь воры-разбойники; мужикъ за алтарь спрятался. Воры влѣзли и начали межъ собой добычу дѣлить; все подѣлили, остается золотая сабля — всякой къ себѣ тащить, никто не уступаетъ. Бѣдной какъ выскочить, какъ закричить: «Что вы спорите? кто мертвецу голову отрубить, того и сабля будетъ!» Марка-Богатой векочилъ самъ не свой. Воры испугались, побросали свою казну и кинулись бѣжать. «Ну, мужичокъ! говоритъ Марка: давай деньги дѣлить». Раздѣлили поровну; много досталось и тому и другому. «Что жъ копеечку?» спрашиваетъ бѣдной. «Эхъ, братъ! самъ видишь — мелкихъ нѣтъ!» Такъ-таки и не отдалъ Марка-Богатой копейки.

Записана въ Новгородской губ.

248

Разсказы объ инородцахъ

(а) Цыганъ разбилъ палатку возлѣ озера, лежитъ на берегу ровно три дня да все въ воду смотреть, какъ рыба въ озерѣ гуляетъ: гулять-то она гуляетъ, да цыгану въ ротъ не попадаетъ! Глядь — пріѣхалъ чумакъ на быкахъ степь орать, развелъ огонь и началъ кашицу варить.

Вотъ цыганъ и думаетъ думку: какъ бы ухитриться, у чумака около котла поживиться. Приходитъ къ нему «Здравствуй, батинька!» — «Здоровъ бувъ, цыганъ!» — «А что, батинька! мнѣ ужасно тошнить съ постнаго». — «Что такъ?» — «Да завсегда вижу рыбу въ глазахъ, ѣшь — не хочу! больно прискучила. А ты что ѣшь, батинька?» — «Да сало!» — «Давай же другъ съ дружкой подѣлимся; ты мнѣ хоть сальца кусокъ удѣли, а я тебя рыбкой попотчую». Чумакъ отрѣзалъ ему кусокъ сала. «Спасибо, батинька! да вѣдь къ салу и хлѣба надобно». Чумакъ далъ ему паляницу. «Дай ужъ и пшена горсточку!» Чумакъ отсыпалъ ему п пшена. «Спасибо, доброй человекъ! пріѣзжай ко мнѣ за рыбою: ты мнѣ изъ своихъ рукъ давалъ, а я тебя подведу къ моему добру да сколько хочешь, столько и бери!» Пришелъ цыганъ въ свой шатѣръ, сварилъ кашицу и всласть поѣлъ; лежить надъ озеромъ, да на рыбу смотреть. Чумакъ послалъ своего хлопца къ цыгану за рыбою. «Здоровъ бувъ, цыганъ! тятка за рыбою прислалъ». — «Да что же, батинька, твой отецъ самъ не пріѣхалъ? Вотъ ужъ и не знаю, что теперь дѣлать! Много дать — ты не подымеешь, а мало дать — пожалуй, онъ обидится; лучше пускай самъ пріѣзжаетъ». Хлопчикъ прибѣжалъ къ чумаку, сказалъ ему эти рѣчи; чумакъ запрѣгъ лошадь и поѣхалъ къ цыгану. «Здравствуй, батинька, здравствуй! что хорошаго скажешь?» — «Да за рыбкой пріѣхалъ». — «Ну, вотъ тебѣ ложка; пойдемъ, сперва ухи похлебаемъ». Привелъ его къ озеру: «Садись, батинька! какъ выхлебаешь эту уху, тогда хотъ всю рыбу бери». Чумакъ наплевалъ цыгану въ глаза и поѣхалъ ни съ чѣмъ.

(1) Однажды заспорилъ жидъ съ цыганомъ, и говоритъ ему: «Чуешь, цыгане! ты со мною не спорь, не то худо будетъ». — «А скажи, батиньку, отчего бы такъ было

мнѣ худо?» — «Отъ того, что вѣра наша больше вашей». — «Э, нѣтъ, батиньку! наша вѣра больше вашей. Да вотъ; если я положу на дорогѣ девяносто девять цѣлковыхъ, вѣдь ты, жидъ, не утерпишь, возьмешь деньги себѣ, а послѣ божиться станешь, что не только не бралъ — совсѣмъ не видалъ! А если ты положишь, я ни за что не возьму!» — «Постой, думаетъ жидъ, узнаю же я цыганскую правду!» Побѣждалъ впередъ въ ту самую сторону, куда нужно было идтить цыгану, положилъ на дорогѣ девяносто девять цѣлковыхъ, а самъ за кустъ спрятался и смотритъ: возьметъ ли цыганъ деньги или нѣтъ? Вотъ и цыганъ появился; дошелъ до того мѣста, увидалъ кучу денегъ на дорогѣ, остановился и думаетъ: навѣрно, это поганый жидъ едуру насыпалъ! дай сосчитаю». Сосчиталъ, — какъ разъ девяносто девять цѣлковыхъ. «Такъ и есть, жиловскія штуки! да ничего, что всѣхъ девяносто девять; я одинъ свой добавлю — будетъ ровно сто!» Забралъ деньги, положилъ за пазуху и пошелъ куда надо. Жидъ выбѣжалъ изъ-за куста, нагналъ цыгана: «Такъ-то, говоритъ: ваша вѣра крѣпче нашей! зачѣмъ ты забралъ на дорогѣ мои деньги?» — «Какія деньги, я ихъ и не видывалъ». — «Что ты, цыгане! отдай безъ грѣха; вить я нарочно положилъ, твоей правды пыталъ!» — «Отвяжись, проклятой! что ты присталъ ко мнѣ: я тебя совсѣмъ не знаю, впервой вижу». Потащилъ жидъ цыгана до пана судиться. «Э, батиньку! говоритъ цыганъ: на мнѣ одѣжа вся оборвана, какъ я пойду съ тобой къ пану?» Жидъ подумалъ, что онъ не хочетъ идти къ пану — суда боится, снялъ съ себя кафтанъ: «На! говоритъ, надѣвай мою одѣжу, а я твою надѣну». Помѣнялись кафтанами и пошли къ пану судиться. Жидъ разсказалъ все, какъ было, какъ спорили они о вѣрѣ — чья крѣпче и больше — и какъ завладѣлъ цыганъ его деньгами. А цыганъ стоитъ на

одномъ: «Знать не знаю, паночекъ! Привязался жидъ ни съ того, ни съ сего; онъ, чего добраго, станетъ говорить, что и одѣжа-то на мнѣ его, а не моя!» — «Да моя и есть!» Панъ плюнулъ имъ въ глаза, и закричалъ на своихъ слугъ: «Чортъ ихъ разберетъ! ведите обоихъ на конюшню, положите рядомъ да отдуйте кнутомъ!» Потащили добрыхъ молодцовъ на конюшню. Жидъ кланяется, просить панскихъ слугъ: «Голубчики! не кладите меня подъ цѣлой кнутъ, положите подъ конецъ кнута; я вамъ рубль заплачу!» Вотъ положили ихъ рядомъ: цыгана подъ цѣлой кнутъ, а жида подъ кончикъ, и начали драть. Не такъ больно цыгану досталось, какъ его товарищу: славно ему настегали спину, едва портки натянулъ! Пошли они съ панскаго двора. «Что, цыгане! говорить жидъ: будешь пана помнить? Мнѣ было горько, а тебѣ, чай, вдвое: вить я не даромъ упросилъ, да тебя подъ цѣлой кнутъ подвѣлъ!»

(п) Шелъ мужикъ дорогою. Нагоняетъ его жидъ: «Здравствуй, доброй целовѣкъ!» — «Здорово, жидъ!» — «Куда же ты идешь?» — «Въ деревню». — «Пойдемъ вмѣстѣ, и я туда зъ иду». — «Пойдемъ!» Вотъ и пошли вмѣстѣ; дошли до канавы; жидъ прыгнулъ — у него изъ-за пазухи выпалъ кошель съ деньгами и прямо въ канаву, а мужикъ подхватилъ да къ себѣ въ карманъ. «Цуешь, доброй целовѣкъ! говоритъ жидъ: отдай мои гроши». — «Какіе? я у тебя не бралъ». — «А все зъ неправда! ты взялъ; отдай позалуста!» — «Ты, жидъ, кажись, белены объѣлся! самъ ко мнѣ навязался, да еще деньгами упрекаешь». — «А ну, пойдемъ до пана». И потащилъ жидъ мужика судиться: идутъ да спорятъ. «Цуешь, говоритъ жидъ: прійдемъ мы до пана, ты якъ будешь сказывать?» — «Какъ? извѣстное дѣло: скажу, что не бралъ твоихъ денегъ». — «Нѣтъ, целовѣце! ты говори такъ, якъ я буду

говорить». — «А ты какъ будешь говорить?» — «Да вотъ говори за мною: шли мы вдвоемъ по дорогѣ...» — «Ну, шли мы вдвоемъ по дорогѣ». — «Дошли до канавы . . .» — «Дошли до канавы». — «Я черезъ канаву скокъ!» — «Ты черезъ канаву скокъ!» — «Кошелёкъ съ деньгами въ канаву покъ!» — «Кошелёкъ съ деньгами въ канаву покъ!» — «А ты хопъ!» — «А я хопъ!» — «Вотъ тебѣ, доброй целовѣкъ, пятакъ; говори и передъ паномъ такъ». Всю дорогу твердилъ жидъ мужику, какъ говорить передъ паномъ, и надавалъ ему пятаковъ съ двадцать. Вотъ пришли до пана; мужикъ попрежнему отпирается: не бралъ денегъ, да и только! «Пане вельможный! говорить жидъ: послушайте, какъ онъ за мною будетъ сказывать. Ну, доброй целовѣце! шли мы вдвоемъ по дорогѣ . . .» — «Шли мы вдвоемъ по дорогѣ». — «Дошли до канавы . . .» — «Дошли до канавы». — «Я черезъ канаву скокъ!» — «Ты черезъ канаву скокъ!» — «Кошелекъ съ деньгами покъ!» — «Кошелекъ съ деньгами покъ!» — «А ты хопъ!» — «Нѣтъ, я не бралъ». — «О, бачъ, якій ты невѣрный! передъ паномъ не хочешь такъ сказывать, якъ сказывалъ дорогою. Позвольте, пане, я выйду съ нимъ въ сѣнцы да поговорю; а то онъ, глупый, забылъ, якъ надо сказывать». — «Ну, ступайте, потолкуйте». Вотъ жидъ съ мужикомъ вышли въ сѣни, а панъ сталъ у дверей и слушаетъ. «Сто зе ты, добрый целовѣкъ! говорить жидъ: обѣщался передъ паномъ говорить по моимъ словамъ, а говоришь другое: вотъ тебѣ цѣлковой-рубль, только сказы пану, якъ я тебя науцилъ». — «Хорошо!» Взялъ мужикъ цѣлковой, и вошли опять въ горницу. «Ну, паночекъ, послухай: ишли мы дорогою . . .» — «Шли мы дорогою». — «Дошли до канавы...» — «Дошли до канавы». — «Я черезъ канаву скокъ!» — «Ты, жидове, черезъ канаву скокъ!» — «Кошелёкъ покъ!» — «Кошелёкъ покъ!» — «А ты хопъ!» — «Нѣтъ, я не бралъ!» —

«Ахъ, портовъ сынъ! опять не признается». А панъ говорить: «Полно, жидъ! я самъ слышалъ, какъ ты его уговаривалъ, да цѣлковой давалъ, чтобы онъ всклепалъ на себя напраслину!» и тотчасъ же приказалъ вытолкать жиду въ шею.

(t) Русской и татаринъ ѣхали вмѣстѣ. Случилось имъ ночевать въ полѣ; сварили они кашу, поѣли и начали разговаривать, кому лошадей караулить. У русскаго лошадь была сивая да плохая, у татарина вороная да хорошая. Ночь была темная. Русской говорить татарину: «Мнѣ не надо караулить свою бѣлую лошадь; я проснусь и тотчасъ ее увижу. А ты не спи, карауль свою черную лошадь». Татарину не хотѣлось караулить: онъ промѣнялъ свою лошадь русскому. Русской взялъ хорошую лошадь за плохую и сталъ смѣяться надъ татаринѣмъ: «Теперь, говорить, я вовсе не буду караулить своей черной лошади: придетъ воръ — моей черной лошади не найдетъ въ потьмахъ, а твою бѣлую сейчасъ же увидить и украдетъ».

Легли они спать. Русской притворился спящимъ и захрапѣлъ, выжидая, что станетъ дѣлать татаринъ; а татаринъ, желая отплатить за обманъ и думая, что русской спитъ, всталъ, отыскалъ его лошадь и загналъ ее въ топкое болото; потомъ легъ и заснулъ въ самомъ дѣлѣ. Тогда русской задралъ шкуру у ногъ татариновой лошади по колѣно, вогналъ ее въ тину, а свою вытащилъ, и легъ опять на свое мѣсто. Вотъ татаринъ проснулся, разбудилъ русскаго и сталъ рассказывать ему свой сонъ: «Охъ, русской! какой дурной я видѣлъ сонъ-то, будто бы кто-то пришѣлъ и загналъ твою лошадь въ тину!» — «Охъ, братъ татаринъ! говорить русской: и я сонъ видѣлъ не такъ хорошъ, будто бы твоя лошадь ноги подсушила и зашла въ тину». Татаринъ вскочилъ и побѣ-

жалъ посмотрѣть: приходитъ, а лошадь его уже умерла въ тинѣ. Татаринъ остался пѣшимъ. Разсвѣло, и надо было отправляться въ путь. Русской, чтобъ не приста- валъ къ нему татаринъ, продалъ свою лошадь.

Пошли они въ путь и условились по очереди нести другъ друга на плечахъ, пока тотъ, кому достанется сидѣть на чужихъ плечахъ, заснѣтъ. Бросили жребій, и наперѣдъ досталось нести русскому. Татаринъ взбрался на плечи русскаго и запѣлъ: талды-булды! пѣлъ-пѣлъ и заснулъ. Русской не пронёсъ татарина и полу- версты, и грянулъ его съ плечъ ѓземъ. Затѣмъ русской взбрался на плечи татарина и запѣлъ: тили-тили! пѣлъ-пѣлъ такъ долго, что татаринъ тащилъ его на плечахъ верстъ двадцать, усталъ и спрашиваетъ русскаго, на-долго ли протянется его пѣсня? «Верстъ на десятокъ потянетъ», говоритъ русской. А татаринъ въ отвѣтъ: «Охъ, твои тили-тили совсѣмъ меня съ ногъ сбили!» Горюнъ тащилъ русскаго до самой ночи.

Пришло село; татаринъ съ русскимъ остановились здѣсь ночевать. Изъ съѣстнаго у нихъ была одна только курица. Какъ двумъ нельзя быть сытымъ одною курицею, то и положили съѣсть ее одному, кому достанется по договору. Татаринъ и говоритъ: «Давай, русской, спать, и кто увидить лучше сонъ, тому и курицу ѣсть». Вотъ легли. Татаринъ сталъ выдумывать сонъ; пока онъ думалъ, а русской съѣлъ курицу и заснулъ. Тата-ринъ выдумалъ наконецъ сонъ, разбудилъ русскаго, и спрашиваетъ, что онъ видѣлъ во снѣ. Русской заставилъ впередъ татарина рассказать сонъ. Татаринъ и гово- рить: «Ахъ, русской, хорошъ сонъ я видѣлъ, будто бы меня взяли на небо; на небѣ видѣлъ я много ангеловъ; какъ тамъ хорошо!» — «Ну, говоритъ русской: а я ви- дѣлъ, какъ тебя взяли на небо, подумалъ, что ты оттуда не воротишься, и съѣлъ курицу-то». Бѣдный татаринъ

остался безо всего, не захотѣлъ странствовать съ русскимъ и ушѣлъ отъ него.

Записанъ въ Моршанской у., Тамбовской губ., въ селѣ Кареляхъ наставникомъ приходскаго училища Алексѣемъ Добровольскимъ.

(у) Русской съ мордзвиномъ работали вмѣстѣ на Волги, да вмѣстѣ оттолива и домой пошли. Вотъ они шли пучёмъ-дорогой, да оба и приусти. Мордзвинъ и выдумалъ штуку. «Давай, батъ, русской, попиремѣнна одзинъ другова неси за коргешками¹. Поколи я цея² буду неси, ты пѣсню пой; а какъ ты споёшь пѣсню, я на цея сяду — ты меня неси до цѣхъ поръ, коли я пѣсню спою». Русской дзѣлами смекнулся. «Пожалуй, батъ, мордзвинушка! я на ита сугласинъ. Давай жерьбій мицнѣмъ, кому ково напирѣтъ достанитца нисци». Митнули жерьбій. Напирѣтъ досталось весци русскому мордзвина. Мордзвинъ сѣлъ русскому за коргешки; сидить да пѣсню поётъ, а русской слушать да везётъ. Вотъ мордзвинъ спѣлъ пѣсню; русской сѣлъ на мордзвина, да и запѣлъ бисконешну пѣсинку: цили-ли, ци-ли-ли! сидить да поётъ, а мордзвинъ слушать да везётъ. Вѣрсть дзесиць провѣсъ рускова, и спрашивать: «Што, русской, вся ли тва пѣсня?» — «Нѣтъ, мордзвинушка, не вся ищо!» Мордзвинъ вѣсъ, вѣсъ, безъ mocy сталъ; упалъ съ устатку, а у рускова пѣсня не вся ищо. «Ну, батъ, русской, хаць вся, хаць не вся тва пѣсня, а мнѣ утдыхаць пришлось. Твои цили-ли меня съ нокъ свалили!» Мордзвинъ осталса, а русской ищо вѣрсть дзесиць ушолъ. Вотъ цѣ, мордзвинъ зацѣилъ на сву шею возицца; ну гдзѣ мордзвину убмануць рускова? ушь убманить ли, нѣтъ ли — русской мордзвина!

¹) На закортышкахъ, плечахъ.

²) Тебя.

(сс) Познакомился русской съ чувашинѡмъ и сталъ ѣздить къ нему въ гости. Приѣдетъ, бывало, а чувашинъ его за руку, да за столъ: «Садись, садись! моя тебя любить». И начнетъ его такъ угощать, что русской мужикъ напьется крѣпко-крѣпко пьянъ: едва въ повозку ввалится! Лошадь-то у него была привычная, сама домой привезетъ. Вотъ этотъ мужикъ такую взялъ сноровку: какъ только захочетъ напиться пьянъ, сейчасъ запрягаетъ лошадь и ѣдетъ прямо къ чувашину. Другой разъ дня два пропьянствуетъ, а къ себѣ чувашина не зоветъ. Однавъ былъ у чувашина праздникъ; русской къ нему въ гости, и такъ наугощался, что любо-дорого! и объ святой недѣлѣ не всегда мужику такая благодать выпадетъ! Вотъ русской и говоритъ чувашину: «Братъ! заѣзжай какъ-нибудь ко мнѣ въ гости». — «Спасибо, братъ! случится по дорогѣ — заѣду». Прошло немного времени; понадобилось чувашину быть въ той самой деревнѣ, гдѣ проживалъ его русской знакомецъ. Заѣзжаетъ къ нему на дворъ — на ту пору мужикъ рождь молотилъ: «Здравствуй, русской! Богъ въ помощь!» — «А, здорово, братъ, здорово!» говоритъ русской. Сейчасъ бросилъ молотить, взялъ чувашина за руку и повелъ въ избу, посадилъ въ переднемъ углу, а на столъ полное ведро поставилъ. Набралъ ковшикъ и подноситъ чувашину: «Пей, братъ!» Тотъ выпилъ. Онъ — другой ковшикъ: «Пей, пріятель! пожалуйста пей!» Выпилъ и другой. Мужикъ зачерпнулъ въ третій разъ и опять подноситъ: «Выпей, другъ! потѣшь меня! вить я у тебя за всегда пью, не отказываюсь». Чувашинъ не хочетъ, а мужикъ его нудить: пей да и кончено! Нечего дѣлать чувашину: хоть не хочетъ, черезъ силу пьетъ! . . . Воротился онъ домой, и сказываетъ своей хозяйкѣ: «Я былъ у знакомаго въ гостяхъ». — «Чѣмъ же онъ тебя подчивалъ?» — «Небось, русской не по-нашему! Цѣлое

ведро на столъ поставилъ, все ковшомъ подносилъ да силоваль; пей, брать! пожалуста пей. Я пилъ-пилъ, ковша четыре выпилъ; да спасибо, что вода была, а то бѣ живому домой не воротиться!»

(ff) Дѣло было въ пятницу: ѣхали вмѣстѣ русской да нѣмецъ. Захотѣлось нѣмцу закусить, и принялся онъ за колбасу. «Не ѣшь скоромнаго. говоритъ русской: нынче — пятница». — «Что тамъ за пятница? наплевалъ бы ей въ глаза!» Долго ли, коротко ли они ѣхали, ведутъ имъ навстрѣчу медвѣдя. Русской говоритъ: «Вонъ идетъ наша пятница!» — «Постой же, пойду наплюю въ глаза вашей пятницѣ!» Сейчасъ соскочилъ съ повозки да къ медвѣдю, а Михайло Ивановичъ ухватилъ его сердечнаго: ужъ онъ ломалъ нѣмца, ломалъ; насилу люди отбили!

Записанъ въ Тверской губ.

249

Народные анекдоты

(a) Ихавъ Остапъ зъ Ромна, а Оедырь у Роменъ, и зустрілись¹. Остапъ и пыта у Оедыря: «Звиткиля?»² — «Зъ Ромна», каэ Оедырь. «А що?» — «Вола». — «А якъ?» — «Трицять». — «Гумъ! . . .» — «Ге!» И розъ-їихались собі.

(b) Шовъ москаль по селу ничью, а ничь була мисяшна. Бигъ іого святий зна, кудысь мисяць и зховавсь; пань кажутъ, шо то було якеесь-то лунне затминя. Москаль подывывсь, що нема на неби мисяця, да-й пыта у яго-кось мужика, который іому навстричь шовъ: «А што энто на небѣ дѣлаеця?» — «Да я не здѣшній, господинъ служивый, каэ мужикъ; спросить у тутешнихъ».

¹) Встрѣтились.

²) Откуда.

(с) «Дѣ се ты бувъ? пыта Ничипиръ¹ Степана: що тебе такъ довго не було видно». — «Ге, дѣ? у татарви!» — «У татарви! чого?» — «Воюваты ходывъ». — «А чи зрубавъ хоть єдиного татарюгу?» — «А то жъ и ни!» — «А якъ же ты јого зрубавъ?» — «Да такички: иду соби полемъ и бряскочу шаблюкою², ажъ зиркъ³ — пидъ вербою лежить здоровенный татарюга и руки роскидавъ. Ото я пидкрався да изъ-за вербы јому єдну руку и витявъ⁴ шаблюкою, а винъ лежить; я јому и другу витявъ, а винъ усе лежить!» — «Э, дурный же ты, Степане! каз Ничипиръ: ты бѣ јому голову першъ витявъ». — «Ге! каже, я и самъ такъ думавъ, да головы не булѣ!»

(d) «Що-то за сущъ така! казавъ панъ пысаръ пану голови: колы бѣ-то дощикъ спрызнувъ — то усе бѣ полизло изъ земли». — «Ковинька⁵ тоби на языкъ, пане пысарю! каз голова: аже тамъ у мене тры жинки, да не дай же то Боже, якъ вони вылизуть!»

(e) Заснувъ мужикъ на вози да и најихавъ на верству; кони стали, мужикъ и проснувся, да-й каз: «Оце бисова тиснота! да що то за разумны люде булы: не знали дѣ постановыты верству!»

(f) Продавъ Грыцько борошно⁶ въ губернии⁷ и купывъ соби добры шкаповы⁸ чоботы⁹, вымазавъ ихъ добрымъ дѣгтемъ, и напився губернской горилки въ смакъ¹⁰,

¹) Никифоръ.

²) Саблею.

³) Глядь.

⁴) Отсѣкъ, отъ глагола: тяти, тнути — сѣчь, бить.

⁵) Закорючка.

⁶) Муку.

⁷) Въ губернскомъ городѣ.

⁸) Шкаповый — яловый, т.-е. сапоги изъ телячьей кожи.

⁹) Сапоги.

¹⁰) Велась.

такъ що ледви¹ вылизъ зъ губернии. Дали вже не могли йти, упавъ на шляху² да и заснувъ, а москали шлы да и зняли чоботы. На другій день ураньци їде мужикъ зъ того села, зъ якого бувъ и Грыцько. Ото винъ, бачъ — той що јихавъ, пидходе до Грыцько да и буде його: «Вставай, кажу, Грыцько!» — «Да ще рано», казъ Грыцько. — «Да яке тобі рано?» — «Геть»,³ кажу тобі! казъ Грыцько розсердившись. «Бачъ, ще-й гниваеця! прыйми хочъ ноги зъ шляху, дай пројихаты». Глянувъ Грыцько на свои ноги и баче, що нема чобитъ, да и казъ: «Се не мои, мои въ чоботахъ!»

(g) «Шо це зъ тобою робыця? казъ батько своему сынови: чи у тебе лыхоманка, чи що, шо ты нычого и не јисы? Чи јивъ ты сёгодня що?» — «Ни, казъ сынъ: маты ураньци дала краюшку хлиба да черству, я хотивъ въ ведро обмочити да не влизла, дакъ я и сухую згрызъ; бильшь ничого не јивъ».

(h) Сивъ Охрымъ зъ своею жинкою Солохою на великописны запуски⁴ запускаты. Солоха чи що зъјила, чи не зъјила, а Охрымъ усе појивъ и печене, и варене, да ще цилу макитру⁵ гречаныхъ вареныкивъ вмьявъ⁶, и не здужа, сердека, вже встаты зъ покутя, да-й казъ жинци: «Солѡха, Солѡха! кз⁷ лышынь сюда подушки». — «На що тобі? хйба на примосци мисьця мало?» — «Ой, лышечко жъ мини!» гвалтуе Охрымъ. «Да що тамъ таке зъ тобою?» — «Ой, голубочко жъ моя Солѡха! скажи жъ

¹) Едва.

²) На дорогѣ.

³) Прочь.

⁴) Великопостное заговѣнье.

⁵) Макитра — большая глиняная ендова.

⁶) Умяль, съѣль.

⁷) Дай.

миш: чи уси миряне сёгодня јилы вареныки?» — «А якъ же, уси!» — «Про-о-палы жъ теперычки уси міряне!»

(і) Зибралыся зъ нашего села хлопци, може ихъ тамъ було и зъ семеро, або й бильшъ. Да пишлы въ губерныю на ярманокъ. Ходять соби по ярманку, да-й думаютъ, шобъ то губерньске купыты, да таке, шобъ усимъ було въ дыковыну. Ажъ зиркъ, москаль несе фүзію¹! «А що, браца², каэ коваль: чи ны купимо фүзію у москаля?» — «А що жъ, гукнули хлопци: колы куповать, то й купимо!» Ото-й купылы фүзію, купылы маку — се то бачъ: пороху, купылы и шроту³, дай пишлы до дому. Идучи дорогою, одынъ хлопецъ и каэ: «А що, браця, трельнемо⁴ зъ фүзіи!» — «Колы трельнемо, то-й трельнемо!» — «А хто буде триляты?» пытае одынъ. «Да хто жъ, гукнули уси: якъ не коваль, се вжо звисно!» Ото коваль узявъ фүзію, усыпавъ въ нее жменю⁵ маку, да и хотивъ уже триляты. «Тривай⁶, тривай! гукнули хлопци: а ще мы не сыпалы маку». — «Ну, сыпте и вы», каэ коваль. Хлопци повну фүзію насыпали макомъ, да-й кажутъ: «Отъ теперычки трилай, а мы зъ бокивъ станемо да будемо дывытысь⁷, якъ вона палне»⁸. — «А куды триляты!» пытаеца коваль. «Да туды на татарву», гукнули хлопци. Коваль трельнувъ — и фүзію упустывъ, и самъ упавъ, а писля якъ очунявся да поглядивъ, що вся у нёго морда въ пасоци⁹, а хлопци — дѣ якій безъ очій, а дѣ якій зовсимъ мертвый лежить, ажъ жахъ¹⁰ його

¹) Ружье.

²) Братцы.

³) Дроби.

⁴) Стрѣльнемъ.

⁵) Горсть.

⁶) Погоди.

⁷) Смотрѣть.

⁸) Вышалить.

⁹) Въ крови.

¹⁰) Ужасъ, страхъ.

пронявъ. А дали и каэ: «Оце, бисова фюзія! скильки тутъ людей побыла! чого жъ вона наробыла у татарви?»

(к) «Омелько! каэ Прохирь: а на шо оце у тебе высе рушныця¹, хиба ты уміишь триляты?» — «Отъ таке! каже Омелько: а тожъ и не умію? ластивку кулею² такъ и счешу». — «Эге, а зыбьешъ кулею у мене зъ головы шапку?» — «Зыбью». — «Ни, не зыбьешъ!» — «Ни, зыбью». — «А що? . . .» — «Кварту горилки». — «Добре!» Ото и пишли Прохирь и Омелько у поле; сивъ Прохирь на пни, а Омелько видмирявъ³ пьятнадцать ступынивъ да-й циле прямисенько въ Прохореву кучму⁴, а Прохирь тильки зна натягуе шапку, щобъ не збывъ јији Омелько. Трельнувъ Омелько. Прохирь якъ снийъ покатывся. «А шо, каэ Омелько самъ соби: не збывъ, пропала кварта горилки!» А дали якъ пидыйшовъ да побачывъ, шо Прохирь зовсимъ умеръ, знявъ зъ його кучму — ажъ куля навзкризь голову пробыла. «Эге, сказавъ самъ соби: оце я понызывъ!»

(л) Купывъ соби мужикъ новы шкаповы чоботы, жинци накупывъ каблучковъ⁵, а доци сережки. Прышовъ празныкъ, ото уси и понадивалы свои обновки. Мужикъ сивъ на покутя, выставывъ ногу и човга⁶, щобъ то бачылы його чоботы, и каэ жинци: «А чому се у насъ хата не метена?» Жинка выставыла попередъ себе руки, растопырыла пальци, щобъ то бачылы јији каблучки, да-й каже: «Чи яжъ не казала!» А дочка замотала головою, такъ шо сережки зателипалысь⁷, да каэ: «Оце лыхо, скилько јији разивъ на день месты?»

¹) Ружье. ²) Пулею. ³) Отмѣрилъ. ⁴) Кучма — особый родъ крестьянской шапки. ⁵) Колець, перстней. ⁶) И колышетъ, качаетъ. ⁷) Телипаться — болтаться.

(m) Накынувъ Грыцько кднѣ арканомъ да-й тягне на гору, а кинь тягне пидъ гору; арканъ хоть и дуже крипкій бувъ да порвався, а кинь сторчъ¹ головою покатывся. Баче Грыцько, шо кинь перевертнемъ чеше, да-й каже: «Оце, бисова скотына, яка сылна! бачъ, новѣй арканъ якъ перегорывъ!» А Ныкыта и пыта у Грыцька: «Яка жъ скотына, чи та, що перевернулася, чи та, що стоить?»

(n) Продавъ мужикъ товаръ да пишовъ дегтю купыты, да увыйшовъ въ таку, бачъ, лавку, дѣ фиги-миги продають и всяки ласощи². Выйшовъ, поставывъ мазныцю биля чобота да и дывыця. Купецъ іого и пыта: «Чого се тобі надомно?» — «Я дывлюсь, каэ мужикъ, що тутечки продаеця?» Купецъ и розсердывся на мужика да-й закрывавъ: «Дураки, дураки, дураки!» — «Оце да-й расходъ на ныхъ великій, каэ мужикъ: оце ты тильки одынъ и зоставсь!»

(o) «Дывысь, тату! видъ чдого се: иншій колосокъ, якъ поглянешъ, такъ до земли и прыпада а иншій якъ стовбуръ³ стоить». — «Гай, гай! каэ батько: бачу, шо ты ще не разумный и того не втелепавъ, зъ дуба вырись, а ума, бачу, не вынись! ото котрый повный, то такъ до земли и прыпада, а котрый пустый, то такъ до горы и дерецця». — «Отъ теперъ же то я, тату, й догадавъ — видъ чдого се нашъ пысаръ Иванъ Гургуня такъ до горы нись дерел!»

(p) «Хто тамъ до тебе прїїздывъ учора, пытае панъ у свого мужика, шо ты до мене прыблгавъ за самоваромъ?» — «Да якійсь панъ». — «Да якій же, якъ іого прозвище?

¹) Торчма, стремглавъ. ²) Лакомства.

³) Обрубокъ каменный или деревянный.

— «Оце-й забувъ. Такось, якъ на птаха скидаеця: је птахъ такий». — «Сорочиньскій?» каэ панъ. «Ни». — «Горобьевскій?» — «И то ни!» — «Сыныцькій?» — «Да ни». — «А шобъ іого! отъ на уми вертыця, да не згадаю¹.. Вербицкій, Вербицкій, пане! насылу згадавъ». — «Ты жъ казавъ, що іого прозвище на птаха скидаеця?» — «Ге! да що, хiba птахъ на вирби и не сидить?»

(q) Прыходе мужикъ до пана, выйшовъ у горницю да-й ставъ, а у пана бувъ попугай, котрый тильки и умивъ казаты: дуракъ мужикъ! Мужикъ стоить у пороги, а попугай усе каэ: дуракъ мужикъ! А мужикъ усе іому кланиеця, а дали и каже: «Звините, ваше бла-городье! я думаль, що вы птыця».

(r) «Чого се ты дома сидышь, казала жинка мужикови: чому се ты не поведешъ вола въ Москву? тамъ, кажуть, хороши гроши дають за воливъ». — «Оле! и то правда, спасиби, що нагадала». Ото и повивъ мужикъ вола въ Москву продавать, и стрича іого у Москви москаль и каэ: «Здоровъ, хахолъ!» — «Будте здоровы, москалю!» — «Што, братъ, продаешь козла?» — «Якого козла?» — «Што ведешь за рога». — «Да се вилъ!» — «Што ты, без-мозглый хахолъ, дурачить што ль пришёлъ?» — «Да Бигъ зъ вами, се вилъ!» — «Да Богъ съ тобою, хахолъ, это козель! тебя ешно поколотятъ, какъ будешь гово-рить, што это волъ». — «Отчалуйте, отчалуйте, москалю! я бачу, що у васъ не уси дома». — «Погоди, отчалить хто-нибудь тебя!» Мужикъ повивъ вола дали, а москаль перевулками побигъ да знѡву іому навстричъ йде. «Здоровъ, хахолъ!» каэ москаль. А мужикъ и не вте-лепавъ², шо то той самой москаль, шо перше здоров-кався, да-й каэ: «Здоровы булы!» — «Не продаешь ли

¹) Не вспомню.

²) Не призналъ, смекнулъ.

козла?» Мужикъ глядыть на москаля да-й дума: «Чи воны подурилы, си москали, що на вола кажутъ козелъ!» — «Ну што вылупись глазища?» тебя спрашиваютъ, не продасшь ли козла?» — «Да якій се козелъ, се виль». — «Гдѣ волъ?» — «Да осе!» — «Вотъ тебѣ, проклятый хахолъ, штобъ не дурачить людей!» и дзвизнувъ¹ москаль мужика по потылицы², и пишовъ соби. «Оце лыхо! дума мужикъ: ужъ самъ соби, сердека, не вире. Може се манія³ яка! побачу, що буде дали, а то й брошу — цуръ іому!» Повивъ вола дали, а москаль — шо то за хытрый бувъ! — побигъ да надивъ вже мундёръ, да-й зновъ иде навестричь мужикови, щобъ то, бачъ, зовсимъ зъ пантолыку збыты⁴. «Эй ты, лоботрясь! што заплаћиль за козла?» Злякавъ⁵ бидный мужикъ: «Оце лыхо! дума самъ соби: я й казавъ, що се манія яка, а не виль!» да уже срадовавъ, що москаль озвався. Цуръ іому, щобъ я за собою манію водывъ! . . . Я іого продаю», каэ москалю. «А што просишь?» — «Да диять корбованьцивъ». — «Што-о! ахъ ты, мужицкая твоя харя! да гдѣ же ты слышалъ, штобы за козла платили по десяти цалковыхъ?» — «Да не серчайте бо, господынь служивый! вы кажить, що даете». — «Цалковой». — «Накыньте хоть шо-нибудъ!» Москаль баче, шо мужикъ зовсимъ здуривъ, торговаця, и выторговавъ вола за два корбованьця.

Пишовъ мужикъ до дому; выйшовъ у хату, кинувъ на пиль батигъ и шапку, ставъ да-й дывыця на жинку. «Ну шо, пытае іого жинка: продавъ вола?» — «Якого вола?» — «Да бурого, шо въ Москву повивъ». — «Ге, вола! бувъ виль, да скозлятивсь!»

¹) Удариль.

²) По затылку.

³) Призракъ, привидѣніе

⁴) Съ разуму сбить.

⁵) Испугался.

(s) Ны прѣдавъ мужикъ вола въ губерныи и веде до дому, закинувъ йому ланцюгъ¹ на роги; а москали видризали ланцюгъ да привязали своего брата москаля, а вола повели зновъ на ярманокъ у губерныю. Ото привязанный москаль якъ смыкне² за ланцюгъ, мужикъ и оглянувся и баче, що замисъ³ вола привязана служба⁴. «Що се таке», казъ самъ собі. А москаль казъ йому: «Пусти меня, мужичокъ! за што ты меня привязалъ, вѣдь я табѣ ничаво не сдѣлалъ». Мужикъ спугався да и ланцюгъ упустывъ, а москаль тымъ часомъ взявъ да утикъ. Вернувся знову мужикъ въ губерныю и баче, що його вола москали вже продають на ярманци, а знакомый чоловикъ зъ ихъ же села торгуе того вола; ото винъ пидыйшовъ до нѣго да-й казъ: «Эй, брате, не купи сѣго вола! се не виль, а манія: отъ теперъ винъ зовсимъ якъ виль, а выведешъ за губерныю, той стане служба!»

(t) Приїхавъ Грыцько у Москву и ставъ биля дзвонницы⁵ Велькаго Ивана, да галки й щита, а на ту биду йде москаль да й пыта Грыцька: «Што ты, хахолъ, дѣлаешъ?» — «Галкѣ щитаю, господа служба!» — «Какъ што? галки считаешъ?» — «Эге!» — «Какъ же ты смѣешъ казенныя галки считать, а?» — «Хиба жъ вони зправди казены?» — «А ты, безмозглой, и этаво не зналъ! пойдемъ въ полицію». — «Да за що, господа служба, въ полицію?» — «Какъ за што? за галки». — «Да помилуйте!» — «Што тутъ съ тобою толковать, пойдемъ, говорятъ! а не то за шиворотъ потащу!» — «Да помилуйте бо! може вамъ грошей треба?» — «А сколько ты галокъ нащиталъ?» — «Да усего тильки два десятка».

¹⁾ Цѣпь, обороть.

²⁾ Дернеть, потянетъ.

³⁾ Вмѣсто.

⁴⁾ Солдаты.

⁵⁾ Колокольни.

— «По гривнѣ за штуку!» — «Да звольте жъ, тильки помылуйте!» Полизъ у кишеню¹ Грыцько, доставъ мидякивъ² пригощъ³, выдчитавъ москалеви два рубли, да мерщій⁴ видъ нѣго прибигъ до своихъ да-й смієця. «Чого се ты смієся?» пытаюця іого хлопци. «Кихъ, кихъ, кихъ, оце обдурывъ москаля; кажуть, що москаля не обдурышъ; я нащитавъ галѣкъ може сотни зъ дви, а сказавъ іому тильки двадцать!»

(и) Бижить мужикъ, а навстричъ іому иде москаль; мужикъ и пыта у москаля: «Москалю, москалю! чи не находывъ ты торбынки⁵, а въ торбынци выторопокъ⁶ да дви паляныци?» — «Што?» — «Чы не находывъ ты торбынки, а въ торбынци выторопокъ да дви паляныци?» — «Нѣтъ, я нашѣлъ мяшокъ, а въ мяшкѣ заяць да двѣ ляпѣшки». — «Ни, каѣ мужикъ: се не мое!»

(w) Москаль побачывъ, що у мужика на горыщи⁷ висе сало, да тыхесенько й полизъ, щобъ то, бачъ, іого зняты. Знявъ сало, да вмисци зъ саломъ якъ загуркотыть⁸, бо стеля⁹ була у хати уже трухлява¹⁰. Ото винъ и впавъ у хату, а у хати чоловикъ зъ жинкою да зъ дитками вечеряли. Шо тутъ робыты москалеви? винъ заразъ вскочилъ на ноги да и пыта у мужика: «А што, братъ, не были ль здѣся наши колядники?» — «Ни, не булѣ». — «А коли не были, такъ прощай!» И зъ симъ словомъ мо-

¹) Въ карманъ.

²) Мѣдныхъ денегъ.

³) Пригорщъ, горсть.

⁴) Скорѣе.

⁵) Мѣшка.

⁶) Заяць.

⁷) На чердакѣ.

⁸) Громко застучать; здѣсь: провалиться съ шумомъ.

⁹) Потолокъ.

¹⁰) Дряблая, гнилая.

скаль выбигъ зъ хаты. «Оце лыхо! каэ жинка чоловикови¹: мини здасця, що у москаля було наше сало?» — «И то бачъ, каэ мужикъ: а полизь лышинъ на горыще да погляды». Полизла жинка, побачыла, що нема сала, да й каэ: «Нема, чоловиче!» — «Оле! ну вже жъ хочъ москаль и вкравъ сало, за то жъ и самъ страху набрався!»

(х) Шовъ мужикъ зъ поля, пидходе до свосей хаты, зиркъ въ викно, а у хати москаль цюлуе його жинку. Мужикъ мерщій у хату, а москаль примитывъ мужика да мерщій на покутя, вкрывся — небито спыть. Мужикъ шастъ у хату и баче, що москаль спыть, а жинка порасця билия пички². «Хиба жъ то я ничого й не бачывъ!» каэ мужикъ. «А що ты тамъ бачывъ?» пыта його жинка. «Якъ що, бисова дочка!» — «За що ты лаешся, вражій сыну?» — «Якъ за що! хиба жъ я не бачывъ, якъ тебе москаль цюлувавъ». — «Колы?» — «Якъ колы! Господа служба! господа служба! каэ мужикъ москалеви: бачъ, небито й спыть! оце лыхо, въ очи обдурюють!» — «Што за шумъ!» каэ москаль, продырючи очи — бачъ хоче показаты, що спавъ. «Якъ що за шумъ! А на що вы мою жинку цюлувалы?» — «Када?» — «Якъ колы! да заразъ». — «Што ты, ошалѣль, што ли? я къ начальству пойду, пожалуюсь, што ты мнѣ покою не дасшь; на ученьи былъ, усталъ . . .» — «Да таки и пидить, господа служба! каэ жинка: пожалуйте на його. Се йому видъ пьянства такъ вздрилося³. — «Оце лыхо! каэ мужикъ: далеби⁴ що самъ бачывъ». — «Да што ты одурѣль, што ли?» Мужикъ здвигнувъ плечими и дума: «А може мини й показалося». — «Какъ же ты видѣль?» пыта його

¹) Мужу.

²) Возится, убирается около печи.

³) Показалось.

⁴) Ей, постигъ

москаль. «Да у викно», каэ мужикъ. «А постой, я пойду погляжу».

Пышовъ москаль да и глядыть у те саме викно, у которе глядывъ и мужикъ, да и каже: «Вотъ и ты цалуешъ!» — «Да ни, господа служба! далеби-то що ни», каэ мужикъ дывуючись. «Шѣтъ, братъ, цалуешъ!» — «Оце оказія!» каэ мужикъ. А идить вы, служба, у хату, а я ще пиду подывлюсь». Москаль выйшовъ у хату да зновъ ставъ жинку цюлуваты, а мужикъ дывыця у викно да и каэ: «Цюлуετε, господа служба, далеби що цюлуετε!» — «Вотъ я тебѣ говорю, што это окно такъ показывается!» — «А и справди, се викно не певне¹, мороче воно насъ зъ вами! каэ мужикъ вхѣдючи у хату: треба забыты іого, служба! бачите, що вона зачаровано».

(у) Прышовъ москаль на квартиру да й каэ хозяйци: «Хазявка! иѣту ли чаво поѣсть?» — «Je», каэ хозяйка. «Ну такъ давай!» Ото й постановыла Хивря передъ москалемъ повнисеньку макитру вареныкивъ, — дума соби, що москаль повной не зѣйсть. Почавъ москаль поратьця бия вареныкивъ, упорався такъ, що тильки на донычку трошки зосталось. Баче москаль, що вже трохи вареныкивъ въ макитри да й пыта Хиврю: «Хазявка! а какъ называетца ева ѣда?» Хивря дуже розсердылась на москаля за вареныки да зъ сердцемъ іому й каэ: «Жры мовчки!»² — «А славные жримочки! каэ москаль: нельзя ли ешо подложить евтихъ жримочковъ!»

(z) Прыїхавъ зъ кіевской бурсы сынъ зажиточнаго мужика Петра Дренчика, хлопя мале, да що то розумне да прерозумне, таке що забуло — якъ зъ нами и говорють и якъ зоветца плугъ, або потылиця, усе по

¹) Обыкновенное.

²) Молча.

нысьменекому раздобарюе: потылицы, каа, не потылицы, а затылокъ. Ого ходе винь зъ батькомъ по двору и баче, що лежать грабли, винь и пыта батька: «Тату, якъ воно зовеця?» да й наступивъ на зубци. Ще батько и не видвигавъ йому, якъ грабли вченого паньчз вчитыли по мармызи такъ, що некры зъ очий посныданысь. «Ай, биеови грабли!» заскыглывъ¹ паньчз, а батько й каа: — «Такъ теби й треба, сыну! вчись да розуму не провчи²; скоро ты забудешъ, якъ и мене зваты».

(да) Лихавъ Омелько въ губернии до дому, а школяръ тежъ бигъ до дому. Баче школяръ, що на дорози велика калюжа³, да й почавъ прохаты Омелька, щобъ винь його перевизъ, а Омелько й каа: «Ты, брасику, вчений — перейдешъ, якъ захочешъ». — «Э, кони жъ такъ, каа буреакъ: то я жъ тебя зроблю штуку». Тильки що Омелько вѣжихавъ въ калюжу, а буреакъ вбигъ за нимъ, да й еивъ верхи на коня да й выдризавъ гужи у хамути, и переѣихавъ черезъ калюжу; а Омелько вставъ у калюжи. Що тутъ робыты Омелькови? треба зласкы зъ воа да ловыты коня, що буреакъ переѣихавши бросивъ на тымъ боци⁴, а самъ узявъ да й утикъ. Приймавъ Омелько коня, запригъ якъ прышлесь у самой калюжи, и прыѣихавъ до дому. Входе у хату и баче, що буреакъ сидыть на покуты въ його хаги. Омельке и ретъ розавывъ да й пыта жинку: «аго се? якъ се?» — «Да нечуваты неспросиве», каа жинка. — «Гу! каа Омелько: тобре, спасеби, жинко! що пустыла. Отъ теперъ же жъ-то я зъ тобою, биеове дытя, ретурбуеысь⁵. Що

1) Жалобно зашипать.

2) Проучи.

3) Лужа.

4) На той сторонѣ.

5) Расправлюсь; турбовать — безпокоить кого, трогать.

тутъ робыты бурсакови? утикъ бы, да Омелько и хату защеппувъ и самъ ставъ била дверей. Ото и каа Омелько бурсакови: «А ходы лышинь сюда, вчений панычу!» Бурсакъ пидыйшовъ. «А шо се таке?» пыта Омелько и показуе на огонь. — «А шо жъ, дядюшка, каа бурсакъ: якъ не огонь!» — «Ни, брешишь», каа Омелько, да якъ згарбавъ¹ школяра за чупрыну да круте, круте, и приговорѣе: «Брешишь, се не огонь, а чистота!» Ажъ моторошно² стало бурсакови, да ничого робыты. А дали веливъ Омелько жинци прынесы кухлыкъ³ воды, да зновъ пыта у бурсака: «Що воно је?» — «Вода», каа бурсакъ. — «Ни, брешишь, каа Омелько: се не вода, а благодать!» да зновъ згарбавъ бурсака за чупрыну и ну крутыты, ажъ слёзы якъ горохъ сыплюця изъ очій у бурсака, а Омелько іого круте за чупрыну да приговоруе: «Се не вода, а благодать!» — «Ну, а се що?» пыта зновъ Омелько у бурсака и показуе на стелю. — «Стеля, дядюшка!» каа бурсакъ. — «А, бачъ, ты вчений, да не знаешъ, шо се высота!» да зновъ почавъ за чуба крутыты; крутивъ, крутивъ, ажъ искры посыпалысь изъ очій у бурсака; сердека-бурсакъ ажъ упавъ! Тогди Омелько заказавъ: годи⁴

Писля сёго Омелько зъ жинкою повечералы, а бурсакови не дали, да-й леглы спаты. Лигъ и бурсакъ, да не спыця іому: почувъ, що мужикъ зъ жинкою захропылы, тихесенько видсунувъ заслинку у печи, доставъ огню, и вышовъ зъ хаты да-й пидложывъ той огонь пидъ стриху; хата мужикова и загорилась, а бурсакъ видсунувъ виконечко да-й крычить мужикови: «Дядюшка, а дядюшка! встаньте да погляньте, що воно робыця?» —

¹) Сграбиль.

²) Жутко.

³) Кувшинъ.

⁴) Довольно.

«А що тамъ таке?» каз Омелько. «Якъ що? хибѣ жъ вы не бачыте, що чистота побигла на высоту. А вы, дя-дюшка, мерщій берить благодать да йдуть хату за-лы-вать!»

(bb) Шовъ москаль чи въ домовый отпускъ, чи що, а його догоня конемъ Грыцько зъ нашего села — чоловикъ усимъ знакомый, той що у цвынтари¹ въ великій пиетъ стоить зъ каламаромъ² да проскуры³ подписуе, бо бувъ соби чоловикъ письменный. Його звали по батющи Максимовичъ. Ото винъ догнавъ москаля, а москалю захотилося пидъїхаты, бо дуже утомився сердека. Москаль и гукнувъ Грыцьку: «Здоровъ, хахоль Ма-ксимовичъ!» Грыцько не розчухавъ⁴, якъ його москаль назвавъ по имению, а тильки почувъ що по батющи такъ уллучивъ⁵; опынывъ⁶ коня, глядыть на москаля, по-тылыцю чеше и самъ смієця. «Што, каз москаль: аль не позналъ — што ли?» — «Нн», каз Грыцько. — «Вотъ-те на! Нешто забылъ, какъ мы стояли въ вашей деревнѣ?» — «Да чы не Иванъ вы, господа служба?» — Насилу вспомнилъ, Максимычъ! а братъ твой, али свать, какъ бишь ево — тотъ, што водочку тово . . .» — «Се Иванъ, да винъ мини дядько доводиця; нема вже його, господа служба!» — «Да гдѣ же онъ?» — «Вмеръ». — «Ой ли! а славной былъ мужикъ, царство небесное!» Москаль взявъ да-й перехрыстывсь. «Да вы, бачу, усихъ на-шыхъ знаете; сидайте лышинъ на визъ, я васъ пидвезу». Москалю тильки того й хотилось. Сивъ москаль на визъ да якъ переговорывъ усе, що було, а мовчки си-

¹) Въ церковной оградѣ.

²) Съ чернилицею

³) Просвиры.

⁴) Не разслышалъ.

⁵) Попалъ.

⁶) Остановилъ.

диты не хотилося, и каэ Грыцькови: «Максимиць! дай, братъ, риѣмы говорить». — «Якъ се то рыхмы?» — «Да такъ, штобъ было до ладу». — «А що жъ, дай». — «Вотъ, напримѣръ, какъ твоего дѣда звали?» — «Кузьмою». — «Я твоего Кузьму за бороду возьму». — «Нп, се не звычайно¹; мій дидъ бувъ чоловикъ всимы поважаемый, за що його за бороду браты?» — «Эхъ, братъ, не знаешь ты дѣла! ну, какъ твоего дядьку звали?» — «Хиба жъ ты не знаешь, що Иванъ!» — «Твой дядько Иванъ большой болванъ». — «Бачъ, бисова служба, пцей лаеця! А якъ же тебе зовуть?» — «Леонтій». — «Э колы Леонтій, то злизай зъ воза». — «Да евто не риѣма». — «Да що, хоть не рыхма, а ты геть пишовъ зъ воза!»

(cc) Ходывъ якійсь панъ по охоти зъ легавою собакою, зовсимъ якъ треба, а мужикъ ще до схидъ сонця вставъ да може дѣ яку й десятину зоравъ и сивъ соби снідати хлибъ да сало. Ото панъ и пидходе до нѣго и пыта: «А що се ты робышь, чоловиче?» — «Снидаю, пане!» — «Снидаешъ?» — «Эге!» — «А що жъ ты снідаешъ?» — «Що снідаю? хлибъ да сало». — «Сало! да и собака моя не буде јисты сала, хоть брось јий». Мужикъ и выдризавъ шматочикъ сала и кинувъ собаки да-й дывыця, що то зъ того буде, а панъ щось не наше зказавъ собацп. Собака й дывыця па сало, а јисты боиця. Мужикъ поглядуе то на папа, то на собаку, а дали зкинувъ кучму, почухавъ² потылицю и каэ: «Отъ теперъ же жъ-то я, пане, догадавсь, видъ чого вона не јистъ сала; бачу, що и вона единой зъ вама породы».

(dd) Пријихавъ якійсь панъ у свое село; винъ дѣсь въ другимъ мнєци живъ довго-довго, такъ що мужики не

¹) Звычайный — обыкновенный, вѣжливый. ²) Почесалъ.

зналы, що тамъ за панъ у ихъ. Ото и прыїхавъ да заразь вылизъ зъ кареты и пишовъ до горници, а його собака, чи вона мыдяляньска, чи або яка, съ довгими ушима, восталась у карети. Ото една жинка и каэ своему чоловікови: «Чоловиче! пиду лышинъ я побачу, що тамъ за панъ такій!» — «Иды», каэ чоловікъ. Ото-й пишла жинка на паньскій дворъ и баче, що стоить карета. Вона заразь до ней и дывыця; подывылась и пишла соби до дому. Ото-й пыта јии чоловікъ: «А щи, жинко, чи бачыла пана?» — «А якъ же!» — «А якій же винъ?» — «Да якій! зовсимъ якъ нашъ барбось, тильки уши довши»¹.

(ee) Побачывъ Пудъ у паньи маленьку собачку на рукахъ, да хорошу, да мохнату-премохнату, да-й каэ самъ соби: «Шо то за бисови глачане, чого вони не зроблять!»

(ff) «Шо то за скусны² нимци! казавъ Нестуръ: бачъ, обизяну выдумалы!»

Разказы подь буквами а—ff собраны учителемъ Грайворонскаго уѣзднаго училища, въ Курской губ., г. Островскимъ.

(gg) «Чи ѣу ты баранки съ молокомъ?» — «Ни, не ѣу! а ты чи ѣу?» — «Нјѣтъ, и я не ѣу; а батька видѣу, якъ панъ ѣу у карчмы, кажиць — дуже смѣчны!»

Записано въ Бѣлоруссіи.

(hh) Старуха-мать ругала мальчишку, чтобъ онъ не ходилъ на рѣку купаться: «Ну, курвинъ сынъ! смотри, коли утонешь, такъ и домой не ходи!»

(ii) Разъ зимою ѣхали по Волгѣ-рѣкѣ извозчики. Одна лошадь заортачилась и бросилась съ дороги въ сторону;

¹) Длиннѣе.

²) Искусны.

извозчикъ тотчасъ погнался за нею, и только хотѣлъ ударить кнутомъ — какъ она попала въ майну¹ и пошла подъ лёдъ со всѣмъ возомъ. «Ну, моли Бога, что ушла! закричалъ мужикъ: а то я бы нахлесталъ тебѣ бока-то!»

(kk) Поѣхалъ молодой мужикъ на промыслы, а жена пошла его провожать; прошла съ вёрсту и заплакала. «Не плачь, жена, я скоро приѣду». — «Да развѣ я о томъ плачу? у меня ноги озябли!»

(ll) Запримѣтилъ солдатъ, что у хохла въ сѣняхъ висѣло подъ конькомъ пуда два свиного сала въ мѣшкѣ; прорылъ ночью крышу, сталъ отвязывать мѣшокъ, да какъ-то осклизнулся и упалъ вмѣстѣ съ саломъ въ сѣни. Хозяинъ услышалъ шумъ и вышелъ съ огнемъ: «Чого тоби треба?» — «Не надо ли тебѣ сала?» спрашиваетъ солдатъ. — «Ни, у мене свого богацько!» — «Ну, такъ потрудись, навали мнѣ мѣшокъ на спину». Хохолъ навалилъ ему мѣшокъ на спину и солдатъ ушелъ.

(mm) Разъ вошелъ хохолъ въ церковь въ шапкѣ и сталъ впереди всѣхъ; другой увидалъ и толкнулъ: «Что ты шапки не скидаєшь?» Тотъ оглянулся: «А шо, хибѣ староста здись?»

(nn) Въ одной слободѣ напроказилъ что-то дьячокъ. Собралась громада² и послала за нимъ десятекаго. «Панъ дьячокъ! иды въ громаду, сказалъ десятекой: щось на тебе громада рыпить!»³ — «Сейчасъ приду», отвѣчалъ дьячокъ, захватилъ съ собой кувшинъ съ дѣгтемъ да квачъ⁴ и пошелъ въ громаду. «Кто тутъ на меня

¹) Полынью.

²) Мірская сходка.

³) Рыпѣть — о людяхъ: ворчать, гнѣваться; о немазаныхъ колесахъ: скрипѣть.

⁴) Помазокъ.

рыпить?» спрашиваетъ дьячокъ. — «Та хоть бы и мы!» крикнулъ старшина. Дьячокъ мазнулъ его дѣгтемъ по губамъ — онъ замолчалъ. «Еще кто!» Всѣ и замолчали.

(oo) Прибили одного дурня ночью, и стали ему на другой день смѣяться. «Ну, говорить онъ: молитѣ Бога, что ночь была свѣтлая; а то я выкинулъ бы вамъ штуку!» — «Какую? скажи, пожалуйста». — «Я бы спрятался!»

(pp) Трое прохожихъ пообѣдали на постояломъ дворѣ и отправились въ путь. «А что, ребята! вить мы, кажется, дорого за обѣдъ заплатили?» — «Ну, я хоть и дорого заплатилъ, сказалъ одинъ: за то не даромъ!» — «А что?» — «А развѣ вы не примѣтили? только хозяинъ засмотрится, я сейчасъ схвачу изъ солоницы горсть соли, да въ ротъ! да въ ротъ!»

(qq) Какой-то мужикъ купилъ полуштофъ вина, выпилъ заразъ — ничего; купилъ еще косушку — все не пьянъ; выпилъ еще шкаликъ — и опьянѣлъ. И началъ тужить: «Зачѣмъ покупалъ я полуштофъ да косушку? лучше бъ прямо купилъ шкаликъ — съ него бъ меня и такъ разобрало!»

(rr) Овдовѣлъ мужикъ; пришлось самому хлѣбы ставить. Вотъ онъ замѣсилъ въ дежѣ¹ тѣсто, и вышелъ куда-то. Въ сумеркахъ воротился, хотѣлъ было вздуть огонь, какъ услышалъ, что кто-то пыхтитъ; а это хлѣбы кисли. «Недавно, думаетъ себѣ: ушелъ, а кто-то ужъ забрался въ избу!» — и впотьмахъ наступилъ на коцергу. Она ударила его въ лобъ, онъ закричалъ: «Сдѣлай милость, не дерись! вить я тебѣ ничего не сдѣлалъ» — а самъ ну пятиться вонъ изъ избы. На бѣду нога разулась, и мужикъ при выходѣ прихлопнулъ оборку²

1) Квашнѣ. 2) Вережку отъ лаптя.

дверью и упалъ. «Батюшка, отпусти! не держи меня, право слово — ничего тебѣ не сдѣлаю!»

(ss) Мужикъ позвалъ сосѣда на обѣдъ, и поставилъ на столъ щи съ говядиною. Гость захватилъ себѣ весь кусокъ говядины и говоритъ: «Ну, братъ, что зацѣпилъ — то и Богъ далъ!» А хозяинъ похлебалъ, похлебалъ щей, да потомъ ухватилъ гостя за волосы и давай таскать: «Ну, братъ, что зацѣпилъ — то и Богъ далъ!»

(tt) Богатой купецъ часто зазывалъ къ себѣ всякихъ людей, поилъ, кормилъ, угощалъ; только коли кто скажетъ ему противное — того непременно поколотить. Разъ зазвалъ онъ къ себѣ ямщика. Тотъ отпрѣгъ лошадей, вошелъ въ хоромы, и послѣ долгаго угощенья сказалъ: «Довольно, хозяинъ! мнѣ пора ѣхать». Купецъ давай его бить, такъ что ямщикъ едва вырвался, и сталъ запрягать лошадей. Купецъ за нимъ. Ямщикъ нарочно началъ дугу вкладывать кольцомъ назадъ. Купецъ закричалъ: «Не такъ вкладываешь!» А ямщикъ давай его бить да приговаривать: «Не твое дѣло указывать! не твое дѣло указывать!»

Разсказы подъ буквами hh—tt записаны въ Астраханской губ., въ Черноярскомъ у., г. Волконидинымъ.

(uu) Одинъ мужичокъ охотникъ былъ драться; зазвалъ къ себѣ въ гости мужика, велѣлъ хозейкѣ собрать на столъ, велитъ гостю садиться за столъ. Тотъ отговаривается: «Что ты, Демьянъ Ильичъ, безпокоишься напрасно?» Демьянъ Ильичъ ему плюху¹ да и по шпокѣ, и говоритъ: «Въ чужомъ домѣ хозейна слушай!» Тому нечево дѣлать, сѣлъ за столъ, потчуетъ его; онъ ѣсъ. Хозейнъ началъ рушать хлѣба много. Мужикъ и го-

¹) Затрещину.

ворить: «Куда ты, Демьянъ Ильичъ, столько хлѣба нарушивашъ?» Демьянъ Ильичъ и другу ему чикну¹: «не указывай, говоритъ, въ чужомъ домѣ! дѣлай то, чего хозейнъ велитъ». Мужикъ не радъ сталъ: ежели потчуютъ — не ѣсъ, не слушать Демьяна. Тотъ ево бѣётъ да приговаривать: «Въ чужомъ дому хозейна слушай!»

На эту пору неоткуда возмись — другой дѣтина, только не въ взрачной лопотинѣ², а парень бойкой, безъ спросу отворяетъ ворота, заѣзжаетъ въ ограду; а Демьянъ вышелъ на крыльцо, кланяется: «Милости просимъ, милости просимъ!» — охота и этова побить! Дѣтина — неробкой, сниматъ шапку и говоритъ: «Извини, Демьянъ Ильичъ, я не спросился — заѣхалъ». — «Нечего, нечево! милости просимъ въ избу». Дѣтина вошёлъ. Хозейнъ и ево садить за столъ, женѣ велитъ ставить ѣствова, нести хлѣба, такъ и потчуютъ! А дѣтина ѣсъ да ѣсъ, не перечить. Демьянъ сколько ни бился — дѣтина ни въ чёмъ не перечить: не удалось ему ударить. Онъ и пошолъ на продѣлки, вынѣсъ хорошо-само лучше платье, говоритъ дѣтинѣ: «Скидай то, надѣвай вотъ это!» Думаетъ самъ: ужъ де отпираться станётъ, я ево выколочю. Дѣтина не прекословитъ, надѣватъ. Демьянъ то-друго подсунётъ; дѣтина все не спорить. Вывёлъ хорошу лошадь, обѣдлалъ въ лучше сѣдло, надѣлъ добру узду, и говоритъ дѣтинѣ: «Садись на мою лошадь; твоя-то худая» — ужъ да не станётъ ли перечить? Дѣтина сѣлъ. Демьянъ велитъ ѣхать; тотъ молчитъ, понужнулъ³ лошадь, выѣхалъ изъ ограды, и говоритъ: «Прощай, Демьянъ! ни чортъ пехалъ, самъ по паль!» И уѣхалъ — поминай какъ звали: только и было! Демьянъ посмотрѣлъ велѣдъ, хлопнулъ руками

¹) Чикать — бить, ударять.

²) Лопотина — мужская и женская одежда.

³) Понужать, нудить.

да и сказалъ: «Ну, видно нашла коса на камень! Дуракъ жо я — хотѣлъ побить, да лошадь и пробилъ!» Можетъ лошадь-та со збруей-та сотъ полоторыхъ стояла.

Записана въ Пермской губ., въ Шадринскомъ округѣ, государственнымъ крестьяниномъ Александромъ Зыряновымъ.

(ww) Жилъ-былъ баринъ; вышелъ однажды на базаръ и купилъ себѣ канарейку за пятьдесятъ рублей. Случилось быть при этомъ мужику; пришелъ мужикъ домой и говоритъ своей бабѣ: «Знаешь ли что, жена?» — «А что?» — «Ходилъ я сегодня на базаръ; тамъ былъ и баринъ, и купилъ онъ себѣ малую пташку — пятьдесятъ рублей заплатилъ. Дай-ка я понесу къ нему своего гусака: не купить ли?» — «Понеси!» Вотъ мужикъ взялъ гусака и понёсъ къ барину. Приноситъ: «Купи, баринъ, гусака». — «А что стоитъ?» спросилъ баринъ. «Сто рублей». — «Ахъ, ты, болванъ!» — «Да коли ты за малую пташку не пожалѣлъ пятидесяти, такъ за эту и сотня — дешево!» Баринъ разсердился, прибилъ мужика и отобралъ у него гуся даромъ. «Ну, ладно, сказалъ мужикъ: попомнишь ты этого гусака!» Воротился домой, снарядился плотникомъ, взялъ пилу и топоръ, и опять пошелъ; идетъ мимо барскаго дома и кричить: «Кому тёплы сѣни работать?» Баринъ услыхалъ, зоветъ его къ себѣ: «Да сумѣешь ли ты сдѣлать?» — «Отчего не сдѣлать; вотъ тутъ неподалечку растеть тёплой лѣсъ: коли изъ того лѣсу да выстроить сѣни, то и зимой топить не надо. — «Ахъ, братецъ! сказалъ баринъ: покажи мнѣ этотъ лѣсъ поскорѣе». — «Изволь, покажу». Поѣхали они вдвоемъ въ лѣсъ. Въ лѣсу мужикъ срубилъ огромную сосну и сталъ ее пластать на двѣ половины; раскололъ дерево съ одного конца и ну клинъ вбивать, а баринъ смотрѣлъ-смотрѣлъ да спроста и положилъ руку въ щель. Только онъ это сдѣлалъ, какъ мужикъ вы-

тащилъ клинъ назадъ и накрѣпко защемилъ ему руку. Потомъ взялъ ременную плётку и началъ его дуть да приговаривать: «Не бей мужика, не бери гусака! не бей мужика, не бери гусака!» Ужъ онъ его дуль-дуль! вволю натѣшился и сказалъ: «Ну, баринъ! билъ я тебя разъ, прибью и въ другой, коли не отдашь гусака да сотню рублей на придачу». Сказалъ и ушелъ, а баринъ такъ и пробылъ до вечера; дома-то поздно хватились его, да пока нашли да изъ тисковъ высвободили — времени и многонько ушло! Вотъ баринъ захворалъ, лежить на постели да охаетъ; а мужикъ нарвалъ травъ, цвѣтовъ, обтыкался ими кругомъ, обрядился дохтуромъ и опять идетъ мимо барскаго двора и кричить: «Кого полѣчить!» Баринъ услыхалъ, зоветъ его: «Ты что за человѣкъ?» — «Я дохтуръ: всякую болѣзнь снимаю». — «Ахъ, братецъ! пожалуста вылѣчи меня». — «Отчего не вылѣчить? прикажи истопить баню». Тотчасъ вытопили баню. «Ну, говоритъ мужикъ барину: пойдемъ лѣчиться; только никого не бери съ собой въ баню, бойся дурного глаза!» Пошли они вдвоемъ въ баню; баринъ раздѣлся. «А что, сударь! спрашиваетъ дохтуръ: стерпишь ли, коли въ эдакомъ жару начну тебя мазью пачкать?» — «Нѣтъ, не стерпѣть мнѣ!» говоритъ баринъ. «Какъ же быть? не велишь связать тебя?» — «Пожалуй, свяжи». Мужикъ связалъ его бечевою, взялъ нагайку и давай валять на обѣ корки. Ужъ онъ валялъ-валялъ, а самъ приговорилъ: «Не бей мужика, не бери гусака! не бей мужика, не бери гусака!» Послѣ, уходя, сказалъ: «Ну, баринъ, билъ я тебя два раза; прибью и въ третій, коли не отдашь гусака да двухъ сотенъ рублей на придачу». Баринъ еле живъ изъ бани вылѣзъ, не захотѣлъ ожидать третьяго раза, и отослалъ мужику и гусака, и двѣсти рублей.

Записана въ Новгородской губ.

(хх) Жилъ-былъ купецъ; у него былъ сынъ. Вотъ однажды посылаетъ онъ сына въ нижніе города товары закупать, и на прощаньи наказываетъ: «Смотри же, сынокъ! будь умёнъ да разсудливъ, съ рыжимъ да съ краснымъ не связывайся». Поѣхалъ купеческой сынъ въ путь-дорогу. День-то былъ морозный; вотъ онъ прозябъ и заѣхалъ въ кабакъ обогрѣться; входитъ — за стойкою сидитъ рыжій цѣловальникъ. «Налей-ка мнѣ, говоритъ ему купеческой сынъ: стаканъ доброй наливки». Выпилъ стаканъ наливки, и больно приплась она ему по вкусу: «Вотъ наливка, такъ наливка! ста рублёвъ стоить! Налей-ка еще». Выпилъ въ другой разъ — еще лучше показалась: «Ну, братъ, этотъ стаканъ двухъ сотъ стоить!» А цѣловальникъ себѣ на умѣ: какую цѣну сказывалъ купеческой сынъ, ту и на стѣнку записывалъ. Пришло дѣло до расчета. «Сколько тебѣ?» спрашиваетъ купеческой сынъ. «Триста рублёвъ». — «Что ты, белены объѣлся? экую цѣну заломилъ!» — «Не я заломилъ, ты же самъ назначилъ; да теперь назадъ пятишься. Только, братъ, отъ меня не отвертись; коли не заплатишь — съ двора не спущу!» Нечего дѣлать, заплатилъ купеческой сынъ триста рублёвъ, поѣхалъ дальше и думаетъ самъ съ собою: «Вотъ она правда-то! водись послѣ того съ рыжими да съ красными! не даромъ отецъ наказывалъ; родительское слово — пустяшное не бываетъ». На ту самую пору попадается навстрѣчу рыжій мужикъ съ возомъ. Какъ увидалъ его купеческой сынъ, тотчасъ выскочилъ изъ кибитки и сунулся ничкомъ въ снѣгъ, ажно дрожить съ испугу! «Что съ нимъ сталося? не попритчилось ли?» подумалъ встрѣчной мужикъ, подошелъ къ купеческому сыну, и сталъ подымать его на ноги: «Вставай, братъ!» — «Отвяжись отъ меня! ужъ одинъ рыжій надулъ меня, и ты надуешь». — «Полно, братъ! рыжій да красной всякой бываетъ:

бываетъ плутъ, бываетъ и доброй человѣкъ. Да кто тебя обманулъ-то?» — «Такъ и такъ, рыжій цѣловальникъ изъ сосѣдняго села». — «Воротись со мной; я съ нимъ сдѣлаюсь». Вотъ пріѣхали они въ кабакъ; мужикъ тотчасъ окинулъ глазомъ всю избу, увидалъ: подъ матицей баранья лопатка виситъ, подошелъ къ цѣловальнику, спросилъ рюмку водки, да тутъ же бьетъ его по плечу и говорить: «Продай-ка мнѣ эту лопаточку!» — «Купи». — «Что возьмешь?» — «Рубль серебра». Мужикъ выкинулъ цѣлковой; послѣ вынулъ изъ-за пазухи широкой ножъ, и даетъ купеческому сыну въ руки: «На, братъ! вырѣжь у него лопатку — мнѣ на закуску». — «Что ты! говоритъ цѣловальникъ: я тебѣ баранью лопатку продалъ, а не эту». — «Разсказывай! меня, братъ, не проведешь, какъ этого купеческаго сына; не на тавовскаго напалъ!» Цѣловальникъ проситъ да молить, чуть не въ ноги кланяется. «Ну, такъ и быть! сказалъ мужикъ: отпущу тебя, коли воротишь купеческому сыну все деньги сполна». Цѣловальникъ отдалъ назадъ триста рублѣвъ; а мужикъ того и добивался. «Вотъ видишь, говоритъ купеческому сыну: рыжій да красной всякой бываетъ: бываетъ и плутъ, бываетъ и доброй человѣкъ. Поѣзжай теперь съ Богомъ!» А купеческой сынъ только и думаетъ, какъ бы скорѣе убраться; сѣлъ въ кибитку, погоняетъ лошадей, и говорить самъ съ собой объ мужикѣ: «Слава Богу, вырвался! цѣловальникъ рыжій плутовать, а этотъ еще плутоватѣй: коли бъ съ нимъ связался, кажись, онъ съ меня съ живого бы кожу снялъ!»

Записана въ Оренбургской губ.

(уу) Жиль-быль бѣдной мужикъ; дѣтей много, а добра — всего одинъ гусь. Долго берегъ онъ этого гуся, да голодъ не тетка! до того дошло, что ѣсть нечего; вотъ

мужикъ и зарѣзалъ гуся; зарѣзалъ, зажарилъ и на столъ поставилъ. Все бы хорошо, да хлѣба нѣтъ, а соли не бывало. Говорить хозяинъ своей женѣ: «Какъ станемъ мы ѣсть безъ хлѣба, безъ соли? Лучше я отнесу гуся-то къ барину на поклонъ, да попрошу у него хлѣба». — «Ну, что жъ? съ Богомъ!» Приходить къ барину: «Принёсъ вашей милости гуська на поклонъ; чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ. Не побрезгуй, родимый». — «Спасибо, мужичокъ, спасибо! раздѣли же ты гуся промежъ насъ безъ обиды». А у того барина была жена, да два сына, да двѣ дочери — всего было шестеро. Подали мужику ножъ; сталъ онъ кроить, гуся дѣлить. Отрѣзалъ голову и даетъ барину: «Ты, говоритъ, всему дому голова, такъ тебѣ голова и слѣдуетъ». Отрѣзалъ гузку, деать барынѣ: «Тебѣ дома сидѣть, за домомъ смотрѣть; вотъ тебѣ гузка!» Отрѣзалъ ноги, даетъ сыновьямъ: «А вамъ по нужкѣ, топтать отцовскія дорожки!» Дочерямъ далъ по крылышку: «Вамъ съ отцомъ, съ матерью недолго жить; вырастете — прочь улетите. А я, говоритъ, мужикъ глупъ, мнѣ глодать хлупъ!»¹ Такъ всего гуся и выгадалъ себѣ. Баринъ засмѣялся, напоилъ мужика виномъ, наградилъ хлѣбомъ и отпустилъ домой. Услыхалъ про то богатой мужикъ, позавидовалъ бѣдному, взялъ — зажарилъ цѣлыхъ пять гусей и понесъ къ барину. «Что тебѣ, мужичокъ?» спрашиваетъ баринъ. «Да вотъ принесъ вашей милости на поклонъ пять гуськовъ». — «Спасибо, братецъ! ну-ка раздѣли промежъ насъ безъ обиды». Мужикъ и такъ, и сякъ; нѣтъ, не раздѣлишь поровну! стоитъ да въ затылкѣ почесываетъ. Послалъ баринъ за бѣднымъ мужикомъ, велѣлъ ему дѣлить. Тотъ взялъ одного гуся, отдалъ барину съ барыней, и говоритъ: «Вы теперь, сударь, самъ-третьей!» Отдалъ другого гуся двумъ сыновьямъ, а третьяго —

¹) Птичьё туловище.

двумъ дочерямъ: «И вы теперь самъ-третей!» Остальную пару гусей взялъ себѣ: «Вотъ и я самъ-третей!» Баринъ говоритъ: «Вотъ молодецъ, такъ молодецъ! сумѣлъ всё поровну раздѣлить, и себя не забылъ». Тутъ наградилъ онъ бѣднаго мужика своею казною, а богатаго выпналь вонъ.

(zz) Повёзъ бѣдной мужичокъ дрова продавать. Встрѣчаетъ его богатой да чванной. «Эй, стой! что на базаръ везешь?» — «Солому». — «Врёшь, дуракъ! какая солома — это дрова!» — «Ну, коли самъ видишь, такъ нѣча и спрашивать; у тебя глаза не вылѣзли!» сказалъ бѣдной и поѣхалъ своей дорогой. На другой день идетъ богатой да чванной по улицѣ съ пріятелемъ. Такъ и такъ, рассказываетъ ему: разобидѣлъ меня бѣдной мужичишка!» А бѣдной какъ тутъ — ѣдетъ опять навстрѣчу. «Вотъ онъ — вчерашній мужикъ-то!» говоритъ богатой. «Нѣтъ, врешь! отвѣчаетъ ему бѣдной: я не вчерашній: скоро сорокъ лѣтъ стукнетъ, какъ живу на бѣломъ свѣтѣ».

(aaa) Шли просёлкомъ нищіе — старикъ да старуха; стали подходить къ деревнѣ. Старикъ говоритъ: «Я здѣсь молока попрошу!» Старуха въ отвѣтъ: «А я въ молоко хлѣба крошу!» Старикъ ухватилъ старуху и давай бить да приговаривать: «Не кроши въ молоко хлѣба, не то прокиснетъ! Не кроши въ молоко хлѣба, не то прокиснетъ!» Пришли въ деревню, а молока никто не далъ.

(bbb) Повезла баба въ городъ кринку масла продавать; время-то шло къ масляной. Нагоняютъ ее два солдата; одинъ позади остался, а другой впередъ забѣжалъ и проситъ бабу: «Эй, тетка! подпояшь меня пожалуста». Баба слѣзла съ воза и принялась подпоясы-

вать. «Да покрѣпче подтяни!» Баба подтянула покрѣпче. «Нѣтъ, это туго; послабѣ маленько». Отпустила послабже. «Ужъ это больно слабо будетъ; закрѣпи потуже». Пока завязывала баба поясъ то крѣпче, то слабже, другой солдатъ успѣлъ утащить кринку съ масломъ и убрался себѣ по добру, по здорову. «Ну, спасибо тебѣ, тетка! подпоясала ты меня на всю масляницу», говоритъ солдатъ. «На здоровье, служба!» Приѣхала баба въ городъ, хватъ — а масла какъ не бывало!

(ссс) Пришелъ солдатъ съ походу на квартиру, и говоритъ хозяйкѣ: «Здравствуй, Божья старушка! дай-ка мнѣ чего-нибудь поѣсть». А старуха въ отвѣтъ: «Вотъ тамъ на гвоздикѣ повѣсь». — «Аль ты совсѣмъ глуха, что не чуешь?» — «Гдѣ хошь, тамъ и заночуешь». — «Ахъ ты, старая вѣдьма! я те глухоту-то вылѣчу» — и полѣзъ было съ кулаками: «Подавай на столъ!» — «Да нечего, родимой!» — «Вари кашницу!» — «Да нѣ изъ чего, родимой!» — «Давай топоръ; я изъ топора сварю». — «Что за диво! думаетъ баба: дай посмотрю, какъ изъ топора солдатъ кашницу сварить». Принесла ему топоръ; солдатъ взялъ, положилъ его въ горшокъ, налилъ воды и давай варить. Варилъ-варилъ, попробовалъ, и говоритъ: «Всѣмъ бы кашница взяла, только бѣ малую толику крупъ подсыпать!» Баба принесла ему крупъ. Опять варилъ-варилъ, попробовалъ, и говоритъ: «Совсѣмъ бы готово, только бѣ масломъ сдобрить!» Баба принесла ему масла. Солдатъ сварилъ кашницу: «Ну, старуха, теперь подавай хлѣба да соли, да принимайся за ложку: станемъ кашницу ѣсть». Похлебали вдвоемъ кашницу. Старуха спрашиваетъ: «Служивой! когда жъ топоръ будемъ ѣсть?» — «Да вишь, онъ еще не уварился, отвѣчалъ солдатъ: гдѣ-нибудь на дорогѣ доварю, да позавтракаю». Тотчасъ припряталъ топоръ въ ранецъ,

распростился съ хозяйкою и пошелъ въ иную деревню. Вотъ такъ-то солдатъ и кашицы поѣлъ и топоръ унёсъ!

(ddd) Купилъ мужикъ гуся къ празднику и повѣсилъ въ сѣняхъ. Провѣдали про то двое солдатъ; одинъ взобрался на крышу гуся добывать, а другой вошелъ въ избу. «Здорово, хозяинъ!» — «Здорово, служба!» — «Благослови коледовать!» — «Коледуй, доброй человѣкъ!» Солдатъ началъ:

«А въ лѣсѣ, въ лѣсѣ
Солдатъ на стрѣси¹⁾;
Стрѣху продраль,
Гуся забралъ.
Святой вечеръ!»

А хозяину и невдогадъ, что солдатъ прямо въ глаза ему смѣется. «Спасибо тебѣ, служивой! я, говорить, такой коледы отроду не слыхивалъ». — «Ничего, хозяинъ! завтра самъ ее увидишь». На утро полѣзла хозяйка за гусемъ, а гусемъ и не пахнетъ давно!

(eee) Дѣло было весною. Вынесли бабы холсты бѣлить: «Ну, говорятъ, теперь надо смотрѣть да смотрѣть, какъ бы кто холстовъ не стибрилъ!» — «У меня все будетъ цѣло! стала похвально одна старушка: кто къ моимъ холстамъ только руку протянетъ, тотъ съ мѣста не встанетъ!» Похвальные рѣчи всегда гнилы; старуха-то выдавала себя за колдунью, а какая колдунья! бывало у людей кровь заговариваетъ, а у себя и соплей утереть не сможетъ. Вотъ разостлала она по полю холсты и усѣлась сторожить. Проходили мимо двое солдатъ и вздумали поживиться чужимъ добромъ. «Слушай, товарищъ! говорить одинъ: ты залѣзь въ кусты, да смотри не зѣвай! а я подойду, стану съ бабой ласы точить». Сказано — сдѣлано. Подошелъ солдатъ къ старухѣ: «Здравствуй, баушка!» — «Здорово, батюшка!

¹⁾ Стрѣха — крыша, кровля.

куда тебя Господь несетъ?» — «Иду къ начальству за тѣмъ, за семь, больше ни зачѣмъ». — «И-и, родимой! служба-то ваша куды мудрена!» — «А я, баушка, къ тебѣ съ запросомъ; вижу: ты — человѣкъ бывалой! разрѣши-ка нашъ солдатской споръ. Товарищи мои говорятъ, что въ нашей сторонѣ совсѣмъ не такъ звонятъ, какъ у васъ; а я говорю, что все равно». — «Вѣстимо, все равно; небось, и у васъ колокола-то мѣдные!» — «То-то! прозвони-ка, баушка, по-вашему». — «По-нашему: тинь-тинь-тинь! донъ-донъ! тинь-тинь-тинь! донъ-донъ!» — «Немного разницы! у насъ, баушка, звонятъ порѣже». Тутъ солдатъ махнулъ своему товарищу рукою и зазвонилъ: «Тини-тини, потягивай, тини-тини, потягивай!» Старуха и ротъ разинула; пока она слушала, другой солдатъ стянулъ холстъ — и былъ таковъ! «Ну, служивой! говорить старуха, а сама такъ и заливается сѣ смѣху: звоны-то ваши куда чудны! дѣсыта насмѣешься!» — «А вотъ ужѣ — такъ дѣсыта наплачешься! Прощай, баушка!» — «Съ Богомъ, родимой!» Вечеромъ стали бабы холсты считать; у старухи нѣтъ одного. Заплакала она горькими слезами, и наплакалась дѣсыта: правду сказали солдатъ!

(iff) Пошелъ солдатъ въ отпускъ: шелъ-шелъ, много верстъ ногами измѣрилъ, и добрался къ вечеру до одной деревушки. Время было осеннее: то дождемъ поливало, а тутъ изморозь пошла. Солдатъ крѣпко измочился и весь иззябъ; остановился у одной избы, постучался въ окно, и просится ночевать. «Кто тамъ?» спрашиваетъ хозяинъ. — «Солдатъ». — «Откуда тебя черти принесли! ступай туда, откуда пришелъ». Постучался солдатъ у другой и у третьей избы, всю деревню обошелъ — нигдѣ не пускаютъ; приходится на улицѣ мерзнуть! Увидаль онъ — на другомъ краю стоитъ еще избышка, пошелъ

туда и говорить: «Эй, хозяинъ! пусти на ночь кости обогрѣть». — «Пожалуй, пущу, только съ тѣмъ уговоромъ, чтобы ты во всю ночь сказывалъ намъ сказки». — «Хорошо, говоритъ солдатъ: я стану сказывать, только чтобъ никто мнѣ не поперечилъ; а коли кто хоть единое слово промолвить, такъ ужъ не погнѣвись — тому и сказки рассказывать до бѣлаго дня». — «Ладно, ладно, служивой!» Вотъ поужинали и улеглись на ночь: хозяинъ съ солдатомъ на лавкахъ, хозяйка на печкѣ, работникъ подъ печкою. «Ну, сказалъ солдатъ: теперь слушайте, начинается моя сказка; какъ у васъ, хозяинъ, на деревнѣ мужики всё живутъ дураки! какъ у васъ на деревнѣ мужики всё живутъ дураки!» И пошелъ твердить одно и то же, разовъ сто ужъ повторилъ! Мужикъ слушалъ, разобидѣлся и не вытерпѣлъ. «Послушай, служивой! вѣтъ ты и меня за одно ругаешь, а не я ль тебя въ избѣ пустилъ!» Солдатъ вскочилъ съ лавки, хлопъ хозяина по уху: «Мое дѣло было сказывать, твое — слушать да молчать!» Присталъ къ нему вплотную; ничѣмъ не отвяжешься! «Полно, служивой! говоритъ хозяинъ: ложись съ Богомъ. Я самъ тебѣ стану сказывать». Солдатъ улегся, а мужикъ началъ: «Дуракъ будетъ тотъ, кто тебя, служивой, впередъ пустить къ себѣ ночевать; а я больше никогда не пущу! дуракъ будетъ тотъ, кто тебя, служивой, впередъ пустить къ себѣ ночевать; а я больше никогда не пущу!» Разовъ сто повторилъ онъ эти рѣчи; на ту пору проснулась на печи хозяйка, слышитъ, что въ избѣ все еще бормочутъ, и говоритъ: «Полно вамъ болтать! скоро свѣтъ, а вы все не спите». Мужикъ съ солдатомъ вскочили и пристали къ старухѣ: «Какъ ты смѣла перебить нашу сказку? теперь сама рассказывай!» Нечего дѣлать, начала старуха: «Какой, говоритъ, хозяинъ подлецъ, такого жъ подлеца и ночлежника пустилъ! Какой хозяинъ под-

лецъ, такого жъ подлеца и ночлежника пустил!» Твердила-твердила; вотъ услыхалъ работникъ и отозвался подъ печкою: «Будетъ вамъ толковать, изъ пустого въ порожнее переливать; добрые люди давно спятъ!» Тутъ всѣ трое: и солдатъ, и хозяинъ съ хозяйкою уцѣпились за работника: говори де намъ сказку! Работникъ началъ. «Какъ не спали мы съ вечера, такъ и не спать намъ и дѣ свѣту; скоро надо на работу идти! какъ не спали мы съ вечера, такъ не спать намъ и дѣ свѣту; скоро надо на работу идти!» И говорилъ онъ эти рѣчи до самаго свѣта. Поутру собрался солдатъ въ дорогу: «Прощай, хозяинъ!» — «Ну тѣ къ бѣсу!»

(ggg) Два солдата шли домой на побывку: шли-шли — дѣло-то было зимою — и набрели на мерзлаго человѣка. Одинъ говоритъ: «Вотъ бѣда!» Другой ему: «Что за бѣда? это Богъ кладъ даетъ!» Отрубилъ у мертвого ногу и положилъ ее въ ранецъ совсѣмъ съ сапогомъ. Пришли они въ большое село, сговорились промежду себя, и выпросились одинъ у богатаго мужика на ночь, другой у его сосѣда. Тотъ, что ночевалъ у богатаго мужика, собрался рано-рано, только свѣтать начинало, подбросилъ на полати отрубленную ногу и ушелъ потихоньку. Погодя немного, приходитъ его товарищъ, стучится въ избу и кричитъ: «Вставай! солдату долго спать не приходится; пора въ походъ идти». — «Да его здѣсь нѣту, говоритъ хозяйка: видно спозаранку ушелъ». — «Вотъ тѣ на, чтѣ выдумала! какъ же онъ про меня-то забылъ?» Тотчасъ вошелъ солдатъ въ избу, бросился на полати, искалъ-искалъ, и нашелъ отрубленную ногу; вытащилъ ее: «А это что?» говоритъ. Хозяинъ съ хозяйкою перепугались: «Батюшка! знать не знаемъ, вѣдать не вѣдаемъ; ни душою ни тѣломъ не виноваты». — «Врете вы, воры! Польстились на солдатскія деньги да и зарѣ-

зали: вотъ такъ-то вы нашего брата прохожаго обираете, да свои карманы набиваете, — съ того и богатѣете! Да что съ вами много разговаривать! пойду къ сотскому и заявлю; пускай это дѣло судъ разбираетъ». Мужикъ чуть не въ ноги кланяется солдату: «Служивой! батюшка! нельзя ли какъ помириться?» Принесъ ему штофъ водки, потчуетъ, а самъ все упрасиваетъ. Солдатъ какъ выпилъ, еще пуще зашумѣлъ. «Не погуби, родимой! просить мужикъ: хочешь полсотни взять?» — «Какъ бы не такъ! Съ убитаго ты, чай, цѣлую тысячу заграбилъ; давай пятьсотъ, въ убытокъ не будешь! Коли дашь — все шито да крыто, а не дашь — на себя пеняй!» Нечего дѣлать, заплатилъ ему мужикъ пятьсотъ рублевъ. «Давай еще на придачу лошадь съ телѣгой». Мужикъ и на томъ не постоялъ. Вотъ солдатъ сѣлъ въ повозку и поѣхалъ въ путь-дорогу; нагналъ своего товарища, что вперѣдъ-то ушелъ, и говорить: «Здорово, землякъ! не подвезти ли?» — «Что, какъ дѣло?» — «Да вить я жъ тебѣ говорилъ, что Богъ кладъ даетъ!»

(hhh) Сидѣли старикъ съ старухою на печи. Старуха смотритъ въ окошечко на поле и говорить: «Что, старикъ, кабы былъ у насъ сынокъ Иванушка да была дочка Алёнушка; вотъ бы сынокъ вспахалъ тутъ да посѣялъ хлѣба, хлѣбъ-то бы выросъ, а дочка сжала; нарастила бы я солоду, наварила бы пива, всю родню свою созвала бы, а твоихъ не позвала бъ!» — «Нѣтъ, моихъ позови, а своихъ не надо!» говорить старикъ. «Нѣтъ, своихъ позову, а твоихъ не надо!» Старикъ вскочилъ, и ну таскать старуху за косу; таскалъ-таскалъ и съ печи столкнулъ.

Старикъ поѣхалъ въ лѣсъ за дровами, а старуха бѣжать собралась; напекла пироговъ да хлѣбцовъ, уложила въ большой мѣшокъ, и пошла къ сосѣдкѣ прощаться.

Узналъ какъ-то про это старикъ, воротился домой, вынулъ изъ мѣшка все, что баба на дорогу заготовила, отнесъ пироги да хлѣбы въ клѣтъ, а самъ сѣлъ въ мѣшокъ. Старуха пришла домой, подняла мѣшокъ на спину и ударилась въ бѣги. Сдѣлала верстъ пять или шесть, остановилась и говорить: «Сѣсть было на пенёкъ, сѣсть было пирожокъ!» А старикъ изъ мѣшка кричить: «Вижу-вижу! слышу-слышу!» — «Ахъ, проклятой! онъ, пожалуй, догонить», думаетъ старуха, и пустилась дальше. Опять верстъ шесть отошла, и говорить: «Сѣсть было на пенёкъ, сѣсть было пирожокъ!» — «Вижу-вижу! слышу-слышу!» кричить старикъ. Она опять бѣжать; много верстъ отсчитала, и такъ-то приустала, ни пивши, ни ѣвши, что и силъ больше не хватаетъ. «Что будетъ — ни будетъ, остановлюся здѣсь», думаетъ старуха: отдохну маленько да закушу». Глядь, а въ мѣшкѣ-то мужъ. Взмолилась старуха старику: «Батюшка, помилуй! николи впередъ не стану бѣгать». Старикъ ее простилъ, и пошли вмѣстѣ домой.

Записано въ Тверской губ.

(iii) Бѣдной мужикъ, идучи по чистому полю, увидалъ подъ кустомъ зайца, обрадовался и говорить: «Вотъ когда заживу домкомъ-то! Возьму этого зайца, убью плетью, да продамъ за четыре алтына; на тѣ деньги куплю свинюшку, она принесетъ мнѣ двѣнадцать поросятъ; поросятки вырастутъ, принесутъ еще по двѣнадцати; я всѣхъ приколю, анбаръ мяса накоплю; мясо продамъ, а на денежки домъ заведу, да самъ оженюсь; жена-то родитъ мнѣ двухъ сыновей: Ваську да Ваньку. Дѣтки станутъ пашню пахать, а я буду подъ окномъ сидѣть да порядки давать: эй вы, ребятки, крикну, Васька да Ванька! шибко людей на работу не туганьте¹; видно,

¹) Не понуждайте.

сами бѣдно не живали!» Да такъ-то громко крикнулъ мужикъ, что заяцъ испугался и убѣжалъ, а домъ со всѣмъ богатствомъ, съ женой съ дѣтьми пропалъ!

Записанъ въ Пермской губ., въ Осинскомъ у.

(kkk) Мужикъ стащилъ въ лавкѣ кулѣпшенничной муки; захотѣлось къ празднику густей зазвать, пирогами потчевать. Принёсъ домой муку, да и задумался. «Жена! говоритъ онъ своей бабѣ: муки-то я укралъ, да боюсь — узнають! спросятъ: отколь ты взялъ такую бѣлую муку?» — «Не кручинься, мой кормилецъ! я испеку изъ неё такіе широги, что гости ни за што не отличать отъ аржаныхъ».

(lll) «Куда, доброй человѣкъ, идешь?» — «Да вонъ въ сосѣдную деревню». — «Что жъ тамъ родня у тебя?» — «Да изъ нашей деревни отдана туда дѣвка замужъ». — «Такъ зачѣмъ же ты идешь?» — «Да либо пива напиться, либо подраться».

(mmm) Пришла въ кабакъ баба, и спрашиваетъ о своемъ мужѣ: «Не былъ ли здѣсь мой пьяница?». — «Былъ». — «Ахъ, подлець! ахъ, разбойникъ! Насколько онъ выпилъ?» — «На пятакъ». — «Ну, такъ давай мнѣ на гривну».

(nnn) Выдали дѣвку замужъ; она сидитъ и воетъ: «Свѣтъ-то моя крашенина, у матушки на печи осталась!» — «Какая крашенина? много ли аршинъ?» — «Да я въ квасу хлѣба накрошила густо-нагусто и съ лучкомъ, и съ маслцомъ!»

(ooo) У одной бабы былъ мужъ глухой. Разъ какъ-то вздумалось ей приласкаться къ мужу. Вотъ она и говоритъ ему: «Охъ ты, моя защита и оборона!» — «Какъ, я оцинана ворона? ахъ, ты — такая-сякая!» и отколотилъ

жену. «Что ты, глухой чортъ! закричала баба: разбойникъ, обидчикъ эдакой!» — «Вотъ давно бы такъ!» сказать мужъ.

(rrr) Давно было. Не стало на селѣ попа. Согласилсь мужики избрать попа міромъ, выбрали и пошли къ дядѣ Пахому: «Пахомъ, говорятъ ему: а Пахомъ! будь ты у насъ на селѣ попомъ». Пахомъ и сталъ попомъ, да то бѣда: ни службы не знаетъ, ни пѣть, ни читать не умѣть. Вотъ однажды собрались міряне въ церковь, а въ тотъ день былъ большой у Бога праздникъ. Пахомъ выносить книгу, и спрашиваетъ: «Православные! знаете ли вы эту книгу?» — «Знаемъ, батъка, знаемъ. Еще покойной попъ все бывало ее читалъ». — «Ну, коли знаете, нечего вамъ ее и читать». Выносить другую: «Православные! а эту книгу знаете?» — «Нѣтъ, батъка, этой не знаемъ». — «Ну, такъ что жъ вамъ ее и читать!»

(qqq) Повезъ мужикъ въ городъ три четверти ржи продавать. Подъѣзжаетъ къ заставѣ. Обступили его мошенники: «Стой! какъ тебя зовутъ?» — «Егоромъ, родимые!» — «Эхъ, братъ! недавно у насъ четыре Егора церковь обокрали; троихъ-то нашли, а четвертаго все ищутъ! Смотри жъ: коли гдѣ тебя спросятъ: какъ зовутъ? говори: безъ четверти-Егоръ; а не то свяжутъ да въ тюрьму посадятъ». — «Спасибо, родимые! спасибо, что научили». Приѣхалъ мужикъ на подворье, хватился, а четверти ржи какъ не бывало! на заставѣ стащили. Разказы подъ•буквами kkk—qqq записаны въ Тверской губ.

(ггг) Жилъ-былъ мужикъ Иванъ да жена Арина. Послалъ онъ ее въ поле рожь жать. Вотъ Арина пришла на полосу, выжала такое мѣстечко, чтобъ можно было одной улечься; улеглась, выпалась хорошохонько и отправилась домой, будто и впрямь потрудилась-порабо-

тала. «Что, жена, спрашиваетъ мужъ: много ли сегодня выжала?» — «Слава тебѣ, Господи! одно мѣстечко выжала». — «Ну, это хорошо! думаетъ мужикъ: одна полоса, значить, покончена». На другой день опять пошла Арина въ поле, выжала мѣстечко и проспала до вечера; и на третій день — то же самое, и на четвертой — то же самое; такъ всю недѣлю и проволочила. «Пора, думаетъ мужикъ: за снопами въ поле ѣхать»; приѣзжаетъ — а рожь стоитъ вся нежатая; кое-гдѣ, кое-гдѣ выжато мѣстечками, да и то такими, что только человеку улечься. Сталь жену искать, и видить: лежитъ она на одномъ мѣстечкѣ да такъ-то храпитъ! Мужикъ сейчасъ домой, захватилъ ножницы, патоки и пуху; воротился на живую, остригъ свою бабу наголо, вымазалъ ей голову патокой и осыпалъ пухомъ; сдѣлалъ все это и воротился на деревню. Вотъ Арина спала-спала, да наконецъ и проснулась;хватила рукой за голову и говоритъ сама себѣ: «Что-й-то попритчилось! Кажись, я — Арина, а голова не моя! Пойду домой: коли собака залаетъ, такъ я, значить, — не Арина». Пришла на деревню, прямо къ своей избѣ и спрашиваетъ подъ окошкомъ: «Что ваша Арина дома?» Мужъ смекнулъ и говоритъ ей: «Дома!» Тутъ выѣзла изъ-подъ воротъ собака, не признала хозяйки и бросилась на нее, словно на чужую; такъ за полы и хватается. Арина бѣгомъ да бѣгомъ! какъ бы только живой отъ своего дома уйти! И пошла она бродить по полю; цѣлыя сутки ничего не пила, не ѣла. Послѣ того мужикъ сжалился, простилъ ее, и съ той поры стала Арина жать безхитростно.

(sss) Доселева одинокой былъ Мартынокъ, задумалъ жениться и пошелъ свататься къ попу; вотъ и сватать дѣвку Устинью. Попъ ему и баеетъ: «Ой Мартынокъ! отдай бы, да какъ станешь жить-то? вѣдь Устя уросли-

вая¹ такая!» Мартышко отвѣчаетъ ему: «Батюшко! я одинъ, а съ ней будемъ двое, не на кого будетъ сердиться, не съ кѣмъ будетъ браниться». Попъ согласился отдать Устю за Мартынка. Вотъ они и свѣнчались. Мартышко увезъ Устю къ себѣ домой; она спрашиваетъ: «Коли ты осердишься, что дѣлашь?» Онъ сказалъ: «Когда осержусь, съ воды пьянъ бываю!» Потомъ спросилъ Устю: «А ты, Устя, когда осердишься, что дѣлашь?» — «Коли я сердита, тогда стану сидѣть на печѣ къ углу лицомъ и у кокошника козырёкъ назадъ сдѣлаю». На другой день утромъ уѣхалъ нашъ Мартышко на своей пѣгой кобылѣ пахать подъ вешну². Устя послѣ его настряпала шанегъ³, понесла къ нему, кричить: «Мужикъ! иди ѣсть». Онъ какъ будто не слышитъ себѣ. Устя разсердилась, ушла домой, стряпню свою съѣла и сѣла на печь къ углу лицомъ. Мартышко какъ пріѣхалъ домой, выпилъ два ковша воды, взялъ ягненка и порвалъ; началъ полѣзать на печь къ женѣ, оборвался, палъ къ дверямъ избы на полъ и захрапѣлъ. Жена тихонько слѣзла съ печи, дверей отпереть не посмѣла, въ окошко дровъ натаскала, истопила печку и настряпала для Мартынка. Онъ проснулся, она его напотчивала и созвала въ гости къ отцу. Вотъ Мартышко запрегъ свою пѣгую кобылу въ сани — нужды нѣтъ, что весной! поѣхали; дорóгою кобыла-то у нихъ не пошла, Мартышко отсѣкъ ей голову и запрегъ свою Устю. Подъѣзжаетъ къ дому тестя; увидѣла попадья съ дочерьми, что Устя Мартынка везетъ, выскочили встрѣчать, взяли кто за гужи, кто за оглобли, пособляютъ Устѣ; а попъ благодарить Мартынка, что такъ учить уросливыхъ. Пришли

¹) Капризная.

²) Подъ яровую.

³) Ватрушекъ, сдобныхъ хлѣбовъ.

въ избу, Устя заказываетъ своимъ, чтобы воды нигдѣ не было, а поили бы виномъ да пивомъ; сказывала: когда Мартышко воды напьется — бѣда сердить! На другой день какъ-то одна стряпка оставила въ сѣняхъ ведро съ водою; онъ и напился воды, задурѣлъ какъ пьяной, приказываетъ Устѣ запрягаться, а она дрожить, да все пока просить, чтобы далъ имъ своего бѣрка. Попъ подарилъ имъ лошадь; Мартышко уѣхалъ съ Устей домой, и теперь они живутъ да хлѣбъ жуютъ, а Устя поди-косъ какая послушная стала!

Записано въ Пермской губ., въ Осинскомъ у.

(ttt) Въ одномъ селѣ жилъ-былъ старикъ, да такой скупой, прижимистой! Какъ сядетъ за столъ, нарѣжетъ хлѣба, сидитъ да на снохъ посматриваетъ: то на ту, то на другую, а самъ ничего не ѣстъ. Вотъ, глядя на него, и снохи тоже поглазѣютъ-поглазѣютъ, да и полѣзутъ вонъ изъ-за стола голодные. А старикъ опосля, только-что уйдутъ онѣ по работамъ, втихомолку наѣтся, напьется и разляжется на печи сытѣхонекъ. Вотъ одна отпросилась меньшая сноха и пошла къ своему отцу, къ матери, и стала жаловаться на свекора: «Такой де лютой, ненавистной! жить нельзя! совсѣмъ ѣсть не даетъ, все ругается: ненаѣды вы едакія!» — «Хорошо, говорить ей отецъ: я приду къ вамъ въ гости, самъ посмотрю ваши порядки». И погода денекъ-другой, пришелъ онъ къ старику вечеромъ. «Здорово, свать!» — «Здорово!» — «Я къ тебѣ въ гости; радъ ли мнѣ?» — «Радъ не радъ, дѣлать нечего; садись, такъ и гость будешь!» — «Какъ моя дочушка живѣтъ, хорошо ли хлѣбъ жуѣтъ?» — «Ништъ, живетъ себѣ!» — «Ну-ка, сватушка, соловья баснями не кормятъ; давай-ка поужинаемъ, легче говорить будетъ». Сѣли за столъ; старикъ нарѣзалъ хлѣба, самъ не ѣстъ — сидитъ, все на снохъ глядитъ. «Эхъ,

свать! говорить гость: это не по-нашему; у насъ нарѣзаль хлѣба да поѣлъ, еще нарѣзаль — и то поѣлъ. Ну вы, бабы молодья! больше хлѣба ѣшьте, здоровѣе будете». Послѣ ужина стали спать укладываться. «Ты, свать, гдѣ ляжешь?» спрашиваетъ хозяинъ. «Я лягу на кутничкѣ». — «Что ты! я тутъ завсегда сплю», говорить старикъ; вишь, въ кутѣ у него спрятаны были яйца, хлѣбъ и молоко; ночью, какъ заснуть все въ избѣ, онъ украдкою встанетъ и наѣстся вдоволь. Свать это дѣло запримѣтиль: «Какъ хочешь, говорить, а я лягу на кутничкѣ». Вотъ улеглись все спать. Въ самую какъ есть полночь старикъ ползкомъ-ползкомъ, да прямо въ залавокъ — скрипъ! А гость еще съ вечера припасъ про него большой ремѣнной кнутъ; какъ вытянетъ свата разъ, другой, третій — самъ бьетъ да приговариваетъ: «Брысь, окаянная! брысь!» Пришлось старику не ѣвши спать. Вотъ такъ-то прогостилъ свать у свата цѣлыхъ три дня и заставилъ надолго себя помнить. Проводилъ его старикъ, и съ тѣхъ поръ полно — пересталь у снохъ во рту куски считать.

(иии) Послала хохлушка въ городъ мужа — продать кадку масла да купить очипокъ¹, и накрѣпко ему наказала по сторонамъ не зѣвать, а смотрѣть, чтобы не стащилъ кто кадки. Приѣхаль хохоль на базаръ, поставилъ свою кадку и уѣлся на ней. «Что, хохоль, продаешь?» — «Масличко». — «Покажи». — «Ни, вкрадешь!» И это говорилъ онъ всякому, кто только хотѣлъ торговать у него масло. Такъ бѣзъ толку и просидѣлъ на базарѣ до самаго вечера; а тутъ пришли два солдата. «Знаешь что, хохоль? сказалъ ему одинъ: вѣдь съ вашего брата наборъ, тебя, пожалуй, въ солдаты возьмутъ. Не хочешь ли помѣриться? можетъ, ты и не годишься...

¹) Головной уборъ.

Хохоль всталъ и пошелъ въ мѣру становиться; солдатъ примѣрилъ его и говорить: «Ну, счастливъ твой Богъ! ты, братъ, негодень». А тѣмъ временемъ другой солдатъ ужъ успѣлъ стащить у него кадку съ масломъ. Приходитъ хохоль назадъ, смотритъ — масло украдено; потужилъ онъ, потужилъ, и поѣхалъ домой. Только въ двери, а жена спрашиваетъ: «Що, человиче, купивъ очипокъ?» — «Ни». — «А масличко продавъ?» — «Ни». — «Сгубивъ?» — «Ни». — «Вкрали?» — «Ни». — «Дѣ жъ воно?» — «Ге! усе утро стоявъ — не вкрали, повдень стоявъ — не вкрали; та насилу-насилу вже къ вичеру вкрали!»

Записанъ въ Тверской губ.

(www) Шель солдатъ домой на побывку, и забрѣлъ къ одному мужику ночь ночевать. «Здравствуй, хозяинъ! накорми и обогрѣй прохожаго». — «Ну, что жъ! садись за столъ, гость будешь». Солдатъ снялъ тесакъ да ранецъ, помолился образамъ и усѣлся за столъ; а хозяинъ налилъ стаканъ горькаго и говоритъ: «Отгадай, служба, загадку, — стаканъ вина поднесу; не отгадаешь — оплеуха тебѣ!» — «Изволь, сказывай загадку». — «А что значить *чистота*?» Солдатъ подумалъ-подумалъ, и вымолвилъ: «Хлѣбъ чистъ, значить онъ и чистота». Мужикъ хлопъ его по щекѣ. «Что жъ ты дерешься? насъ бьютъ да вину сказываютъ». — «Чистота, братъ, кошка: завсегда умывается! А что значить *благодать*?» Солдатъ опять подумалъ-подумалъ, и говоритъ: «Знамое дѣло, хлѣбъ — благодать!» Мужикъ хлопъ его въ другой разъ: «Врешь, братъ служба! благодать — вода. Ну, вотъ тебѣ послѣдняя загадка: что такое *красота*?» Солдатъ опять свое: «Хлѣбъ, говорить, красота!» — «Врешь, служба; красота — огонь; вотъ тебѣ и еще оплеуха! Теперь, полно, давай ужинать». Солдатъ ѣсть да про себя думаетъ: «Сроду такихъ оплеухъ не видалъ,

и на службѣ царской того не было; постой же, я тебѣ и самъ удружу; будешь меня помнить!» Поужинали и легли спать. Солдатъ выждалъ ни много, ни мало времечка; видитъ, что хозяйева заснули; слѣзъ съ полатей, поймалъ кошку, навязалъ ей на хвостъ пакли, паклю-то зажегъ, да кошку на чердакъ погналъ; бросилась она туда со всеѣхъ четырехъ ногъ и заронила огонь въ солому; вмигъ загорѣлась изба, и пошло драть! Солдатъ наскоро одѣлся, подошелъ къ хозяину и давай въ спину толкать. «Что ты, служивой?» — «Прощай, хозяинъ! иду въ походъ». — «Ступай съ Богомъ!» — «Да вотъ тебѣ на прощанье загадка: взяла чистота красоту, понесла на высоту; коли не ухватишь благодати, не будешь жить въ хати! Отгадывай!» Сказалъ солдатъ и пошелъ со двора. Пока мужикъ ломалъ себѣ голову, что бы такое значили солдатскія рѣчи, загорѣлся потолокъ. «Воды, воды!» кричитъ хозяинъ, а воды-то въ домѣ ни капли нѣтъ; такъ все и сгинуло. «Ну, правду солдатъ загадалъ: коли не ухватишь благодати, не будешь жить въ хати!» Отольются кошкѣ мышиныя слѣзки.

(ххх) Одна глупая баба пріѣхала на ярмарку купить образъ Временной Пятницы¹. Приходитъ въ балаганъ къ разносчику: «Дядюшка! покажи-ка мнѣ образъ Временной Пятницы». Въмѣсто того показываетъ онъ ей Егорія Храбраго. «Дядюшка! да отчего же она, матушка, на конѣ?» — «Экая ты баба дура! оттого она и называется Временною, что иной разъ пѣшкомъ ходитъ, а временемъ на конѣ ѣздитъ. Вишь, конь-то такъ копытица и задираетъ!»

(ууу) Одна баба, ставя по праздникамъ свѣчку передъ образомъ Георгія Побѣдоносца, завсегда показывала

¹) Пятница именуется Временною, потому что день св. Параскевы, 28 октября, временно приходится въ пятокъ.

змію кукишъ: «Вотъ тебѣ, Егорій, свѣчка; а тебѣ шишъ, окаянному!» Этимъ она такъ разсердила нечистаго, что онъ не вытерпѣлъ; явился къ ней во снѣ и сталъ стращать: «Ну, ужъ попадись ты только ко мнѣ въ адъ, натерпишься муки!» Послѣ того баба ставила по свѣчкѣ и Егорию и змію. Люди и спрашиваютъ, зачѣмъ она это дѣлаетъ? «Да какъ же, родимые! вѣдь незнамо — еще куда попадешь: либо въ рай, либо въ адъ!»

250

Докучныя сказки

(а) Жили-были два братца, два братца — куликъ да журавль. Накосили они стожокъ сѣнца, поставили сѣреди поляца. Не сказать ли сказку опять съ конца?

(б) Жилъ былъ старикъ, у старика былъ колодець, а въ колодцѣ-то ялѣць¹: тутъ и сказкѣ конецъ.

Записаны въ Вологодской губ., въ Никольскомъ у.

(с) Жилъ-былъ царь, у царя былъ дворъ, на дворѣ былъ колъ, на колу мочало; не сказать ли сначала?

(д) «Сказать ли тебѣ сказку про бѣлаго бычка?» — «Скажи». — «Ты скажи, да я скажи, да сказать ли тебѣ сказку про бѣлаго бычка?» — «Скажи». — «Ты скажи, да я скажи, да чего у насъ будетъ, да докуль это будетъ! Сказать ли тебѣ сказку про бѣлаго бычка?»².

251

Прибаутки

(а) «Государь ты нашъ, Сидоръ Карповичъ, много ли тебѣ отроду лѣтъ?» — «Семьдесятъ, бабушка! семьдесятъ, Пахомовна!» — «Государь ты нашъ, Сидоръ Карповичъ, когда ты умирать будешь?» — «Въ среду,

¹) Рыба. ²) И такъ далѣе, пока не наскучить одному спрашивать, а другому отвѣчать.

бабушка! въ среду, Пахомовна!» — «Государь ты нашъ, Сидоръ Карповичъ, когда жъ тебя хоронить будутъ?» — «Въ пятницу, бабушка! въ пятницу, Пахомовна!» — «Государь ты нашъ, Сидоръ Карповичъ, чѣмъ тебя поминать будутъ?» — «Блинами, бабушка! блинами, Пахомовна!» — «Государь ты нашъ, Сидоръ Карповичъ, во что послѣ тебя позвонить будетъ?» — «Въ сковороду, бабушка! въ сковороду, Пахомовна!» — «Государь ты нашъ, Сидоръ Карповичъ, много ли у тебя дѣтушекъ?» — «Семеро, бабушка! семеро, Пахомовна!» — «Государь ты нашъ, Сидоръ Карповичъ, чѣмъ послѣ тебя поить-кормить будетъ?» — «По міру, бабушка, по міру, Пахомовна!» — «Государь ты нашъ, Сидоръ Карповичъ, по міру ходитъ — зима студена!» — «Въ лапоткахъ, бабушка! въ лапоткахъ, Пахомовна!» — «Государь ты нашъ, Сидоръ Карповичъ, по міру ходитъ — собаки съѣдятъ!» — «Съ палочкой, бабушка! съ палочкой, Пахомовна!» — «Государь ты нашъ, Сидоръ Карповичъ, по міру ходитъ — не во что милостыню класть!» — «Въ сумочку, бабушка! въ сумочку, Пахомовна!»

(b) «Куда, миленькой, снаряжаешься?» — «Не скажу». — «Скажи, мой дорогой, куда снаряжаешься?» — «Въ городъ на ярманку». — «Миленькой, возьми меня съ собой». — «Не возьму». — «Возьми, мой дорогой, меня съ собой». — «Садись на самой краюшекъ». — «Что у тебя, миленькой, въ возу?» — «Не скажу». — «Что, мой дорогой, въ возу?» — «Яблоки». — «Дай мнѣ, миленькой, яблочко?» — «Не дамъ». — «Дай, дорогой, яблочко». — «Возьми одно». — «Гдѣ мы, миленькой, ночуемъ съ тобой?» — «Не скажу». — «Скажи, мой дорогой, гдѣ ночуемъ съ тобой?» — «Въ большой деревнѣ у попа въ пелевнѣ¹.

¹) Пелѣвня — сарай для соломы.

(с) «Коза, коза, лубяные глаза! гдѣ ты была?» — «Конею пасла». — «А кони-то гдѣ?» — «Николка увелъ». — «А Николка-то гдѣ?» — «Въ клѣть ушелъ». — «А клѣть-то гдѣ?» — «Водой унесло». — «А вода-то гдѣ?» — «Быки выпили». — «А быки-то гдѣ?» — «Въ гору ушли». — «А гора-то гдѣ?» — «Черви сточили». — «А черви-то гдѣ?» — «Гуси выклевали». — «А гуси-то гдѣ?» — «Въ вереснякъ¹ ушли». — «А вереснякъ-то гдѣ?» — «Дѣвки выломали». — «А дѣвки-то гдѣ?» — «Замужъ выскакали». — «А мужья-то гдѣ?» — «Всѣ примерли».

Записана въ Новгородской губ.

(d) «Галка-копалка! ты куды, галка, летала?» — «На дѣдину полянку». — «Чего дѣлають на дѣдиной полянкѣ?» — «Грамоту пишутъ, на дѣвицу здышутъ». — «Дѣвица, дѣвица! сходи за водицей». — «Рака боюся!» — «Ракъ на болотѣ, рубахи колотить, въ цвѣтномъ платѣ; трои сани съ козырями, трои съ вычурами».

(e) Гуси-лебеди летели, въ чисто поле залетели, въ полѣ банюшку доспили. Воробей дрова кололъ, тараканъ баню топилъ, мышка водушку носила, вошка парилася, приушмарилася; бѣла гнида подхватила, на рогожку повалила; сѣра блошка подскочила, ножку подломила, въ передбанокъ вошку выносила . . .

(f) Котъ на печи сухари толчетъ, кошка въ окошкѣ шинку шьетъ, свинья въ огородѣ овесъ толчетъ, курочка въ сапожкахъ избушку метѣтъ; вымела избушку, положила голичокъ подъ порожилокъ.

¹⁾ Можжевельникъ.

(g) Ходить курочка въ сапожкахъ, выронила перышко, изъ перышка-то ядрышко; укатилось оно на Иваново село. На Ивановомъ селѣ-то собачка на лычкѣ потявливаетъ, мѣдвидь на цѣпочкѣ порывается, господинъ на печкѣ обувается, госпожа за печкой оладьи печетъ, сухари толчетъ.

Записаны въ Пермской губ., въ Чердынскомъ у.

(h) Слеталися птицы стадами, садилися малыми рядами, пѣли онѣ — воспѣвали, жалобно причитали: кто у насъ на морѣ бѣльшимъ? кто на синемъ-то меньше? На морѣ орелъ царемъ, на морѣ орлица царица, его голубушка перепелка, русской гусь торговой, сѣра утка попадья, воробышекъ дьячокъ, малые чирята крылошане, дикіе гуси дворяне, на морѣ филинъ водовозомъ, на морѣ журавль перевозомъ: то-то ли долгія ноги, то-то ли короткое платье! журавль по бережку ходить, людей перевозить, цвѣтно платье не мочить; галочки черноваты, малиновки штуковаты¹, синички молодицы, касаточки красны дѣвицы; малая птица синица сѣнушко косить не смогаетъ, по корму скотинушку пускаетъ; жаворонъ воспѣваетъ, слышитъ вѣсну красну, слышитъ лѣто тѣпло: стала мать-рожь на колосѣ метаться, скотинушка въ лѣсѣ убираться; ворона-то вшивая, понаплетка фальшивая, лѣтомъ ворона по суслонамъ², зимой ворона по дорогѣ, каждого слѣду перегребаетъ, каждого братомъ называетъ; сорока-то гостиная жена, хочетъ щепотко³ ходити, съ денежки на денежку ступать, рублемъ ворота отпирать, полтиною замѣчать, безъ калача исть не сядетъ, безъ водки не изопьетъ.

¹) Хитры.

²) Сусловъ — нѣсколько сноповъ, складенныхъ въ кучу.

³) Чисто, богато.

(і) Лежить зайко подъ кустомъ; охотники за нимъ взорятъ, звѣря малаго ловятъ. Сочилъ зайко на ноги: вы, охотнички, идите — на мой хвостикъ посмотрите.

«Заинька сѣринькой, гдѣ ты былъ-спобывалъ?» — «Былъ я, побывалъ въ огородѣ-ельничкѣ, въ анбарчикѣ-спальничкѣ». — «Кого видѣлъ-сповидалъ?» — «Видѣлъ я, повидалъ три дѣвчины хороши, три любчины пригожи; Аннюшенька черноброва, черноглаза лучше всѣхъ». — «Заинько сѣринькой, онѣ звали ли тебя?» — «Звали-звали, позывали: Катюша на часокъ, Марьюша на денёкъ; Аннюшенька удала, на недѣлку позвала». — «Заинько сѣринькой, кормили ли тебя?» — «Катюша-то блинами, Марьюша-то пирогами; Аннюшенька удала, кашу съ масломъ поднесла». — «Заинько сѣринькой, поили ли тебя?» — «Катюша-то пивцомъ, Марьюша-то винцомъ; Аннюшенька удала, стаканъ мѣду налила». — «Заинько сѣринькой, положили ли тебя?» — «Катюша-то на лавку, а Марьюша на другую; Аннюшенька удала, подушечку подала». — «Заинько сѣринькой, не били ли тебя?» — «Катюша-то клюкой, а Марьюша кочергой; Аннюшенька удала, за ушеньки подрала». — «Заинько сѣринькой, провожали ли тебя?» — «Катюша-то на сѣнецъ, а Марьюша на крылецъ; Аннюшенька удала, за ворота провела».

(к) Тень-потетень! выше города плетень; на полицѣ трубица гороховая, на печи калачи, какъ огонь горячі, съ печки упали, въ горшечекъ попали. Кушайте, бояре, повѣрныхъ щей. Тетка-божатка!¹ сошей-ка рубашку тоненьку, бѣленьку, косой воротокъ. Поѣду я жениться, на сивкѣ, на буркѣ, на солóвой кобылкѣ. Кобылка, кобылка! не сдерни овина; въ овинѣ Арина ткётъ плотно, перетыки-то² кладетъ, да не дотыкиваетъ.

¹) Крестная мать.

²) Пёретыки — особеннаго рода нить, затканная въ полотно.

Шапка-татарка поѣхала по лавкамъ; бей въ доску да поминай Москву. Какъ на Вологдѣ вино по три денежки ведро, хоть пей, хоть лей, хоть окачивайся! Куколка, куколка! гляча¹ долго не жила? Я боялась типуна. А типунъ-то не судья, а судья-то лодыга. Лодыгины дѣти хотятъ улетѣти за Ивановъ городъ. Они по грамоткѣ пишутъ, на дѣвицу дышутъ. Дѣвица, дѣвица! поди по водицу. На дорогѣ-то волки горохъ молотили, поповы ребята попу-то сказали, попадья-то съ печи обломала плечи. Сѣмь-пересѣмь на лопаткѣ испеченъ; мужикъ пѣсню спѣлъ, на капустникъ сѣлъ, сѣлъ три короба блиновъ, три костра пироговъ, заулокъ рогулекъ, заходъ калачей, макинницу сулюю², овинъ киселя, поваренку щей!

(l) Нутко, дядюшка Корнило, запрягай-ко ты кобылу, у Макарья на песку приразмычь горѣ-тоску: стоитъ бражка въ туяску³, бражка пьяная-пьяна, весела хмельная голова! Бражка порняй⁴ выпивай! . . .

(m) Пошелъ полковникъ погулять, поймалъ птичку-перепѣлочку; птичка-перепѣлочка пить похотѣла, поднялась-полетѣла, пала-пропала, подъ ледъ попала, попа поймала, попа поповича, Петра Петровича.

(n) Однажды говорила о себѣ рѣпа: «Я, рѣпа, съ мѣдомъ хороша!» — «Поди прочь, хвастунья! отвѣчалъ ей мѣдъ: я и безъ тебя хорошъ».

Двѣ послѣднія записаны въ Тверской губ.

¹) Вмѣсто: для-ча (чего).

²) Сулой — мутный квасъ и густое сусло, изъ котораго варятъ ржаной кисель.

³) Туесь — берестяной буракъ.

⁴) Порно — крѣпко, скоро.

(о) Была рѣпа важная, дивилась старуха кажная! однимъ днёмъ кругомъ не обойдешь; у той рѣпы половину мы съ семьей цѣлую недѣлю ѣли, а другую половину другую недѣлю; корку навалили да кобылу насадили и телѣгу обломили. Вотъ какая была мудрость недавно утрось!¹

(р) Стоить градъ пусть, а во градѣ кустъ; въ кустѣ сидитъ старецъ да варить изварецъ; и прибѣжалъ къ нему косой заяцъ и просить изварецъ. И приказалъ старецъ безногому бѣжать, а безрукому хватать, а голому въ пазуху класть.

Записана въ Вологодской губ.

(q) Теща про зятя пироги пекла, творила² да вмѣсила три осьмины муки, соли да крупы на четыре рубли, масла да яицъ на восемь рублей, окорокъ свиной да поросёнокъ годовой. Этого пирожка семерымъ не снестъ, а хоть семеро подымутъ, такъ десяткомъ не съѣсть. А зятёкъ сѣлъ, у присядку³ все съѣлъ. Теща по полу похаживаетъ, скоса на зятя поглядываетъ: «Милый зять! не одуло ли тебя?» — «Ласкова теща! не прибавишь ли еще хоть сито блиновъ, рѣшето пироговъ!» — «Что тебя, зятюшко, не рѣзорвало!» Вотъ зять идетъ дорогой, а брюшина стороной; навстрѣчу ему — прохожій спрашиваетъ: «Что это за диво? гдѣ я ни бывалъ, нигдѣ не видалъ!» — «Какое это диво! зятева брюшина».

(г) «Бабушка Арина, куда ты ходила?» — «Въ новую деревню». — «Ну, что въ новой деревнѣ?» — «Утка въ юбкѣ, селезень въ кафтанѣ, корова въ рогожѣ — нѣтъ

¹) Утромъ.

²) Существительное «творило» отъ глагола творить — разводить муку на теплой водѣ.

³) За присѣсть.

ея дорожке». Это присказка, сказка будеть впереди.
«Кудель, кудель, куда ты летѣла, на кусточекъ сѣла, на кусточекъ сѣла — соловьемъ запѣла?» У насъ не такъ, какъ у васъ: и кудель поетъ соловьемъ!

(s) Наташка, Наташка! сладенька кулажка¹, сладка медовая, въ печи не бывала, жару не видала. Заиграли утки въ дудки, жиравли пошли плясать, долги ноги выставлять, долги шеи протягать.

(t) Межъ долами, межъ горами сидитъ баба съ пирогами, недорого продаетъ: все по денежкѣ пирогъ. Она вѣкъ-отъ свой торгуетъ, ходитъ босикомъ: чулки новы, пяты голы, носки выпадали. Призакаялась молодка пирогами торговать, пироги печи, на базаръ везти.

(u) Курошинскимъ-то ребятамъ нонѣ пѣжилось, прибогатилось; они съ торгу мукѣ брали, мукѣ на солодъ мѣняли, часто пѣшко варили, бражку пьяненькую, бражку хмельненькую. Они пили-пировали, сами всѣ проистошались², кошелечки нашивали и пестери³ наплели, по дворами побрели.

(w) Не бѣлая березонька въ полѣ шатается, полудивый съ плѣшивымъ считается: «Хороши твои кудри, хороши твои русы, да не выросли!»

¹) Кула́да — солодъ ржаной, смѣшанный съ ржаною же мукою и сваренный въ печкѣ.

²) Поразорились.

³) Пестерь — котомка, сплетенная изъ лыкъ или бересты; коробъ.

Замѣтка о сказкѣ «Ерусланъ Лазаревичъ»

Сказка о славномъ и сильномъ витязѣ Ерусланѣ Лазаревичѣ одна изъ наиболѣе любимыхъ у грамотнаго простонародья; она распространена во многихъ рукописныхъ сборникахъ (XVII и XVIII столѣтій), въ лубочныхъ листкахъ и картинахъ и въ сѣрыхъ изданіяхъ въ родѣ «Лѣкарства отъ задумчивости и бессонницы» (Москва, 1819 г.) и «Собранія старинныхъ русскихъ сказокъ» (Москва, 1830 г.). При изученіи устной народной словесности, нельзя не обратить на нее вниманія, потому что, несмотря на встрѣчающіяся въ ней чуждыя намъ имена (*Ерусланъ*, царь *Картаусъ*, вѣщій конь *Арашъ*) и на очевидное вліяніе на ея составъ пріемовъ письменной литературы, въ сказкѣ объ Ерусланѣ есть много прекрасныхъ эпическихъ выраженій и тѣхъ обычныхъ сказочныхъ мотивовъ, какіе составляютъ исконную принадлежность всѣхъ индоевропейскихъ народовъ. На эти-то сказочные мотивы и намѣрены мы указать въ настоящей замѣткѣ. Но для этого необходимо изложить самое содержаніе сказки, что мы и дѣлаемъ по тексту, напечатанному въ «Лѣтописяхъ русской литературы и древности» (1859 г., кн. IV, стр. 100—128), пользуясь отчасти и тѣмъ спискомъ, который помѣщенъ въ «Памятникахъ старинной русской литературы» (вып. II, стр. 325—339): оба означенные текста взяты изъ рукописей XVII вѣка и въ несомнѣнной свѣжести сохранили чистоту народнаго языка и эпическаго преданія.

Быль нѣкій царь Картаусъ (Киркоусъ), а у него былъ дядя князь Лазарь Лазаревичъ; у того Лазаря родился сынъ Ерусланъ Лазаревичъ. Какъ было Еруслану десять лѣтъ, сталъ онъ ходить на улицу и шутить шутки него-раздо добры: кого возьметъ за руку — у того руку вырветъ, кого за ногу — тому ногу выломить. Царь приказалъ выслать его изъ царства вонъ. Ерусланъ о томъ не тужить, а тужить объ одномъ, что нѣтъ у него коня по мысли: ни одинъ конь его поднять не можетъ. Вотъ выстроили ему каменную палату у синя моря и выслали изъ царства. Учалъ Ерусланъ гулять по лукоморью и стрѣлять по тихимъ заводямъ гусей-лебедей: какъ натянетъ лукъ да выстрѣлитъ — ино какъ изъ тучи громъ грянетъ, а по чему стрѣлитъ, того не грѣшитъ¹. Однажды подѣхалъ къ нему человекъ, сошелъ съ своего сиваго коня, ударилъ челомъ низко и промолвилъ: «Дай де Богъ здравіе государю нашему Еруслану Лазаревичу!» — «Ты меня почему знаешь?» — «Какъ мнѣ не знать тебя! я, господине, отца твоего старой конюхъ, гораздой стрѣлецъ, сильной борецъ; стерегу стада уже тридцать лѣтъ, а зовутъ меня Ивашко». Ерусланъ ему признался: «Тужу де я, что нѣтъ у меня коня по мысли». Ивашко молвилъ: «Есть, господине, въ отцовѣ стадѣ жеребецъ третьимъ лѣтомъ; ни у кого еще въ рукахъ не бывалъ, а тебѣ, чаю, по мысли будетъ». Когда пригналъ онъ стадо на водопой, Ерусланъ накинулъ на того жеребца тесмянную узду и далъ ему имя вѣщій Арашъ; а былъ жеребецъ величннй мало не съ палатою ровень. Сѣлъ богатырь на коня, поскакалъ въ чистое поле и наѣхалъ на рать-силу Данила-князя Бѣлаго, которой пришелъ подъ царство Картаусово и похвалялся все это царство разорить, самого царя и двѣнадцатъ богатырей его въ полонъ взять. Ерусланъ хочетъ съ Данилою въ бой вступать; говорить ему отецъ:

¹) Не промахнется.

«Ты еще молодъ, ратное дѣло тебѣ не за обычай!» — «Государь батюшка! отвѣчалъ сынъ: не учи ты гоголя по водѣ плавать, не учи насъ, богатырей, на ратное дѣло ѣздить». Напускался онъ на своемъ добромъ конѣ на рать-силу Данила Бѣлаго и сталъ побивать ее. Много было воинства вражьяго — ни въ которую сторону не объѣхать, ни окомъ обозрѣть! Ерусланъ все порѣшилъ: сколько побилъ, а вдвое того отъ зычнаго голоса на-земь попадало и смертью померло; самого Данилу отпустилъ онъ на словѣ, чтобы впредь ему не приходиться больше подъ государство Картаусово. Совершивъ такой подвигъ, отправляется Ерусланъ въ путь-дорогу; ѣдетъ онъ много дней, и видитъ — въ чистомъ полѣ великая рать побита; кликнувъ богатырскимъ голосомъ: «Есть ли въ этомъ побоищѣ живъ человѣкъ?» Отозвался ему живъ человѣкъ, и спросилъ его Ерусланъ: «Чья это рать побита и кто побилъ ее?» — «Это рать Θεодула-змѣя, а побилъ ее Иванъ-русской богатырь, и не одну эту рать, а много побилъ онъ: хочетъ у змѣя понять за себя дочь-царевну». Поѣхалъ Ерусланъ искать Ивана-русскаго богатыря; близко ли, далеко ли — стоитъ въ чистомъ полѣ шатѣръ съ золотою маковкою; у шатра богатырской конь встреноженъ. Рядомъ съ тѣмъ конемъ Ерусланъ своего поставилъ къ бѣлоярской пшеницѣ, и вошелъ въ шатѣръ, а тамъ лежитъ Иванъ-богатырь и крѣпко спитъ. Ерусланъ легъ возлѣ и самъ уснулъ. Пробудился Иванъ-русской богатырь, посмотрѣлъ на гостя и ужаснулся; выглянувъ изъ шатра — ажно вѣщій Арашъ отбилъ его добраго коня отъ корму прочь. Емлетъ Иванъ острой мечъ и хочетъ отецъ Еруслану голову, да помыслилъ въ умѣ своемъ: «Не честь убить соннаго человѣка! Самъ онъ пріѣхалъ втѣпоры, какъ я спалъ богатырскимъ сномъ, и воля ему была убить меня соннаго, и онъ меня не убилъ, а животъ далъ». Разбу-

диль онъ Еруслана, и выѣхали они силы пробовать. Ерусланъ ударилъ Ивана-богатыря тупымъ концомъ копья, противъ сердца, и свалилъ его на сырую землю; а вѣщій Арашъ наступилъ ему копытомъ на ожерелье. Ерусланъ далъ побѣжденному животъ; тутъ они назвали братьями: Ерусланъ большимъ, а Иванъ младшимъ...

Вся эта прекрасная сцена богатырскаго великодушія цѣликомъ встрѣчается въ сказкѣ объ Иванѣ-царевичѣ и Бѣломъ Полянинѣ (№ 96), изъ которыхъ послѣдній долгіе годы сражался съ бабой-ягою, желая достигнуть ея прекрасную дочь.

... Ерусланъ помогаетъ своему названному брату въ войнѣ съ Θεодуломъ-змѣемъ, и когда змѣй въ бѣгство ударился — онъ поскакалъ за нимъ въ погоню. У обоихъ у нихъ были жеребцы быстрые — родные братья, рожденные отъ тѣхъ славныхъ водяныхъ (морскихъ) коней, о которыхъ не разъ упоминаютъ народныя сказки; словно сѣколы летѣли они чистымъ полемъ, и по озеру скакали поверхъ воды, словно по мосту. Ерусланъ настигъ-таки Θεодула-змѣя и разсѣкъ его, а дочь Θεодулову, прекрасную царевну, отдалъ Ивану-русскому богатырю. Легъ Иванъ съ своей красавицей опочивъ держать и сталъ спрашивать: «Душечка моя, свѣтъ красная царевна! доставалъ я тебя и добромъ и лихомъ; скажи-ка мнѣ правду: есть ли гдѣ тебя краше, а брата моего Еруслана удалѣе?» Отвѣчала царевна: «Чѣмъ я красна и хороша? есть, господине, въ полѣ — кочуютъ двѣ царевны, и у тѣхъ царевенъ краше меня дѣвки, что имъ на руки воду подаютъ; а брата твоего Еруслана есть удалѣе Ивашко-Бѣлая Поляница (*вар.* Бѣлая Епанча), индѣйскаго царя сторожъ; стоитъ онъ на Украинѣ, и мимо его никакъ человѣкъ не проѣдетъ».

Услыхалъ эти рѣчи Ерусланъ Лазаревичъ, и захотѣлъ ѣхать посмотрѣть на тѣхъ царевенъ и съ Ивашкомъ-

Бѣлой Поляницей перевѣдаться; а наперѣдъ того вздумалось ему побывать у отца у матери и ударить имъ челомъ. Приѣзжаетъ въ царство Картаусово, а оно совсѣмъ пусто; только и нашель одного человѣка, и узналь отъ него, что третій годъ тому, какъ Данило Бѣлой повоевалъ все царство, царя Картауса, князя Лазаря и двѣнадцать богатырей въ полонъ взялъ, выкопаль у нихъ очи и посадилъ въ своемъ городѣ въ крѣпкую темницу, а достальныхъ людей мечомъ высѣкъ. Ерусланъ поскакаль въ государство Данилово, перебилъ у темницы всю стражу и навѣстилъ плѣнныхъ. Сказаль ему князь Лазарь: «Сыне мой! только хочешь послужить великому царю Картаусу и мнѣ, своему отцу, и двѣнадцати богатырямъ, и ты поѣзжай *за тихія воды, за теплое море, къ вольному царю Огненному Щиту, Пламенному Коню*; убей его и добудь изъ него *жѣлчи*». Ерусланъ отправился искать вольнаго царя, и наѣхаль на кряковистой дубъ добре великъ посерѣдѣ поля, и остановился подъ нимъ, не вѣдая, какой дорѣгою ѣхать. Ровно въ полдень летить великое стадо птицъ-хохотуней, сѣли кругомъ дуба и учили изметоваться красными дѣвицами. Ерусланъ поймалъ одну дѣвицу: «У васъ, говоритъ, крылья: вы летаете по многимъ землямъ и царствамъ: не слыхали ль, гдѣ живетъ вольный царь Огненный Щить?» — «Есть такой царь, да никаковъ человѣкъ его видѣть не можетъ». — «Не говори того, а лучше поставь меня въ его царство; не то не быть тебѣ живою, и отпуску отъ меня не жди!» — «Господине Еруслане! зажмурься, и я поставлю тебя, куда надобно». Ерусланъ зажмурился да ступилъ трижды на своемъ добромъ конѣ — и очутился какъ разъ въ чистомъ полѣ подъ государствомъ вольнаго царя Огненнаго Щита. На томъ полѣ знать побоище великое, посреди побоища лежить богатырская голова добрѣ велика.

Говорить голова Еруслану: «Есть де подо мною мечъ таковъ, что опричь того меча никакое желѣзо не возьметъ вольнаго царя. И я съ тѣмъ мечомъ выѣхалъ было противъ царя Огненнаго Щита, чаялъ убить его; а онъ выѣхалъ на *осьминогомъ конѣ*, да не допускаячи *сжѣгъ* меня; и я, падая съ лошади, кинулъ свой мечъ себѣ подъ голову. Супротивъ вольнаго царя ничѣмъ нельзя взять, какъ только хитростію». Послушался Ерусланъ головы, и рѣшился: гдѣ нельзя одолѣть силою, тамъ взять хитростію. Приѣхалъ онъ къ вольному царю Огненному Щиту, попросился къ нему на службу и вызвался добыть ему изъ-подъ головы великана чудодѣйный мечъ. Голова сама скатилась и отдала ему мечъ съ такимъ наказомъ: «Не сѣки царя больше одного разу; ударишь въ другой — тебѣ самому не быть живымъ». Какъ скоро выѣхалъ онъ на царской дворъ, царь Огненный Щитъ, не ожидая измѣны, бросился къ нему навстрѣчу; а Ерусланъ подпустилъ его близко, ударилъ мечомъ и разсѣкъ надвое. Падая наземъ, вольный царь молвилъ: «Сѣки вдругорядь!» — «Дважды богатыри не сѣкутъ!» отвѣчалъ Ерусланъ, вспоролъ у царя Огненнаго Щита могучую грудь, вынулъ жѣлчь (*вар.* взялъ въ вощаночку кровь горячую и печень свѣжую) и положилъ въ сумку. Послѣ поѣхалъ къ головѣ великана и помазалъ ее жѣлчью — *и тотъ богатырь сталъ живъ*. Тутъ они поцѣловались и отправились каждый въ свою сторону. Воротившись къ Картаусу, Ерусланъ помазалъ ему, отцу своему Лазарю и двѣнадцати богатырямъ глаза жѣлчію — и они тотчасъ прозрѣли; а Данила Бѣлаго за его обманъ и ложную клятву предалъ смерти . . .

Дѣвы-птицы, съ которыми встрѣчается Ерусланъ на пути къ вольному царю, часто упоминаются въ сказкахъ у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ. Впрочемъ, эпизодъ этой встрѣчи внесенъ только въ ту редакцію

сказки, какая напечатана въ «Лѣтописяхъ» г. Тихонова; въ другихъ же спискахъ нигдѣ его не находимъ.

... Возвративъ царю Картаусу свободу и земли, Ерусланъ отправился въ дальнія страны доѣзжать хвалёныхъ царевенъ. Прибылъ къ нимъ въ шатеръ, взялъ старшую на постель и сталъ выпрашивать: «Есть ли гдѣ васъ царевенъ краше, а меня удалѣе?» Отвѣчала царевна: «Есть, господине, у индѣйскаго царя красная царевна; мы ей обѣ въ ногу несудны. А тебя удалѣе Ивашко-Бѣлая Поляница». Ерусланъ разсердился, сшибъ ей голову и взялъ къ себѣ меньшую сестру. На сдѣланный ей вопросъ она отвѣчала: «Есть Ивашко-Бѣлая Поляница, индѣйскаго царя сторожъ — тотъ силенъ, а ты, господине, удалъ же; обоихъ васъ Богъ вѣдаетъ, кто изъ васъ удалѣй будетъ». Ерусланъ оставилъ ее живою и поѣхалъ въ индѣйское царство; ѣхалъ-ѣхалъ, и видитъ — на рубежѣ того царства спитъ человекъ на конѣ, копьемъ подперся. Ерусланъ разбудилъ его и сказался, кто онъ таковъ. «Слыхалъ про тебя, отвѣчалъ Ивашко: да два богатыря въ полѣ не живутъ!» Стали силами мѣряться; Ерусланъ сбилъ его съ коня и говорить: «Пожалѣлъ бы тебя, да за то убью, что тобой дѣвки хвалятся!» И прокололъ его копьемъ. Приѣзжаетъ онъ въ индѣйское государство, а тамъ бѣда приключилась: стало выходить изъ озера чудо (змѣй) о трехъ головахъ и емлетъ всякой день по человеку: уже дошла очередь до царевны. Ерусланъ вызвался защитить ее отъ чуда, а царь обѣщалъ отдать ему за то дочь въ супружество и съ ней половину царства. Повели царевну къ озеру, и Ерусланъ поѣхалъ. «Не бойся! говорить онъ дѣвицѣ: молись Богу да смотри на озеро: какъ учнутъ волны являться — разбуди меня». А самъ уснулъ крѣпко. Начали подыматься волны — стало чудо показываться, царевна его будить и не мо-

жетъ никакъ разбудить, вынула ножъ и поколола его въ стегно. Ерусланъ проснулся, и началась битва. Чудо даетъ ему за свою жизнь выкупъ великой — камень самоцвѣтной. Ерусланъ камень взялъ, а врага убилъ . . .

Вся эта сцена съ тѣми же подробностями о крѣпкомъ снѣ богатыря передъ битвою составляетъ обыкновенный, часто повторяемый мотивъ въ сказкахъ арійскихъ племенъ.

. . . Женился Ерусланъ на царевнѣ, и сталъ ее спрашивать, есть ли кто ея краше, а его мѣлодца удалѣе? «Чѣмъ я, господине, красна и хороша? Есть на морѣ солнечный градъ, а въ томъ городѣ царствуетъ царевна (или: въ дѣвичьѣ царствѣ, въ солнечномъ ерадѣ есть дѣвица — сама царствомъ владѣетъ), а служащiе у нея все дѣвки; и та царевна въ семь седмерицъ краше меня, а я несудна тѣмъ дѣвкамъ, которыя у нея служатъ, красотою и хорошествомъ. А тебя удалѣе и сильнѣе никого нѣтъ!» Спалъ съ нею Ерусланъ единую ночь, а поутру всталъ, далъ ей самоцвѣтной камень и молвилъ: «Милая красная царевна! родится у тебя послѣ меня сынъ, и ты возложи ему самоцвѣтной камень на руку; а родится у тебя дочь, и ты ей изъ того камня серьги доешь». Самъ Ерусланъ уѣхалъ въ солнечный градъ, гдѣ царствуетъ дѣвица, краше которой во всемъ свѣтѣ нѣтъ, и учалъ съ нею жить въ любви много лѣтъ.

Пока Ерусланъ наслаждался любовью несказанной красавицы, жена его — индѣйскаго царя дочь — родила сына, назвала его Ерусланомъ Еруслановичемъ и дала ему на руку самоцвѣтной камень. Выросъ онъ, почуялъ въ себѣ богатырскую мощь и поѣхалъ искать отца. Подъѣзжаетъ къ солнечному граду, остановился на концѣ моста и свистнулъ богатырскимъ посвистомъ; въ то время отецъ его исполнился: «Не простой то че-

ловѣкъ свистнулъ, а сильномогучій богатырь!» Сѣлъ на своего вѣщаго Араша, и вотъ начинается борьба между отцомъ и сыномъ, не узнающими другъ друга. Сынъ ударилъ отца тупымъ концомъ копья, и мало Ерусланъ Лазаревичъ съ коня не упалъ — удержался за сѣдельную луку. Сѣхались богатыри вдругорядъ; отецъ ударилъ сына тупымъ концомъ и сшибъ его съ коня наземь, а вѣщій Арашъ наступилъ на его ожерелье. Жаль Еруслану убить паробочка, потому что добрѣ молодъ; а юноша въ сердцахъ подъ Ерусланомъ рвѣтъ у отца копье булатное, и оттого оголилась у него рука. Ерусланъ Лазаревичъ усмотрѣлъ на его рукѣ самоцвѣтной камень, опозналъ своего сына и учалъ спрашивать: «Скажи мнѣ, брате, какой ты человекъ?». Тутъ все объяснилось и добромъ покончилось; Ерусланъ покинулъ солнечный градъ навсегда и вмѣстѣ съ сыномъ воротился къ своей женѣ . . .

Этотъ эпизодъ принадлежитъ къ числу общеизвѣстныхъ эпическихъ сказаній въ литературахъ какъ восточныхъ, такъ и европейскихъ народовъ. Такъ Илья Муромецъ сражался съ своимъ сыномъ сокольникомъ (или Збуть-Борисъ-королевичемъ), долго они водились, по колѣна въ землѣ приобмялися; Илья изнемогъ, и сокольникъ насѣлъ на его бѣлыя груди. Молитва спасла стараго; съ-земи металъ онъ противника въ высь небесную, самъ на него насѣлъ и сталъ спрашивать о родѣ о племени. «Вотъ какъ бы я на тебѣ сидѣлъ, го не сталъ бы спрашивать, а споролъ бы тебѣ, старому, бѣлыя груди!» отвѣчалъ побѣжденный. Наконецъ, Илья узнаетъ сына и отпускаетъ его къ матери. Тотъ же сюжетъ встрѣчается въ пѣсняхъ кельтскихъ бардовъ, въ готской поэмѣ о Гильдебрандѣ и въ персидской поэмѣ о Рустемѣ и Зорабѣ, извѣстной у насъ по переводу Жуковского; у сербовъ «Предрагъ и Ненадъ».

Текстъ сказки объ Ерусланѣ Лазаревичѣ, напечатанный въ «Лѣтописяхъ», оканчивается такъ: «И захотѣлъ (сынъ Еруслана) отвѣдати плеча своего богатырскаго, и захотѣлъ прославиться во многія орды своею удачею; а съ отцомъ своимъ жити не похотѣлъ. Захотѣлъ свою честь получить и славу захотѣлъ свою пустити во многія орды». Въ лубочномъ изданіи это простое краткое указаніе уже распространено. Ерусланъ Еруслановичъ, принявъ отъ своихъ родителей благословеніе, ѣдетъ въ путь-дорогу, пять лѣтъ странствуетъ, и, наконецъ, встрѣчается ему малъ-старъ челоуѣкъ: стоитъ на дорогѣ и не даетъ проѣзду. Богатырь хочетъ раздавить его, а малъ-старъ челоуѣкъ насмѣхается: «За что ты меня стараго-малаго убить хочешь? съ меня нечего снять!» Еще пуще богатырь разгнѣвался, поднялъ мечъ-кладенецъ и кинулся на стараго; а тотъ приклонился и дунулъ на Еруслана Еруслановича да таково сильно, что онъ и на конѣ не усидѣлъ — палъ на сырую землю что овсяной снопы! Тогда малъ-старъ челоуѣкъ сжалился надъ витяземъ и пропустилъ его домой.

Изъ приведенныхъ нами указаній и сближеній очевидно, что составитель любопытнаго сказанія о Ерусланѣ Лазаревичѣ воспользовался нѣсколькими отдѣльными эпизодами, принадлежащими различнымъ эпическимъ произведеніямъ народной фантазіи, и всѣ ихъ соединилъ вмѣстѣ, связавъ съ именемъ одного славнаго богатыря.

ЛЕГЕНДЫ

Чудесная молотьба

Разъ какъ-то принялъ на себя Христосъ видъ старичка-нищаго и шелъ черезъ деревню съ двумя апостолами. Время было позднее, къ ночи; сталъ онъ проситься у богатаго мужика: «Пусти, мужичокъ, насъ переночевать». А мужикъ-атъ богатой говоритъ: «Много васъ попрошаскъ здѣсь таскается! что слоняетесь-та по чужимъ дворамъ? только, чай, и умѣете, а небось не работаете . . .» и отказалъ наотрѣзъ. «Мы и то идемъ на работу, говорятъ странники: да вотъ застала насъ въ дорогѣ ночь тѣмная. Пусти, пожалуста! мы ночуемъ хоть подъ лавкою». — «Ну такъ и быть! ступайте въ избу». Впустили странниковъ; ничѣмъ-то ихъ не покормили, ничѣмъ-то ихъ не напоили (самъ хозяинъ-та поужиналъ вмѣстѣ со своими домашними, а имъ ничего нѣ далъ), да и ночевать имъ довелось подъ лавкою.

Поутру рано стали хозяйскіе сыновья собираться хлѣбъ молотить. Вотъ Спаситель и говоритъ: «Пустите, мы вамъ поможемъ за нослегъ, помолотимъ за васъ». — «Ладно, сказалъ мужикъ: и давно бы такъ! лучше чѣмъ подусту безъ дѣла слоняться-та!» — Вотъ и пошли молотить. Приходятъ, Христосъ и гутарить¹ хозяйскимъ сыновьямъ: «Ну, вы разметывайте адонье²,

¹) Говорить.

²) Снопы, покладенные въ кучу, скирдъ.

а мы приготовимъ токъ». И сталъ онъ съ апостолами готовить токъ по-своему: не кладутъ они по одному снопу въ рядъ, а сноповъ по пяти, по шести, одинъ на другой, и наклали почитай цѣлое полъадонье. «Да вы такіе-сякіе совсѣмъ дѣла не знаете! заругались на нихъ хозяева: зачѣмъ наложили такіе вороха?» — «Такъ кладутъ въ нашей сторонѣ; работа, знаешь, отъ того спорѣе идѣтъ», сказалъ Спаситель и зажѣгъ покладенные на току снопы. Хозяева ну кричать да браниться, дискать весь хлѣбъ погубили. Анъ погорѣла одна солома, зерно осталось цѣлое и заблестало въ большущихъ кучахъ крупное, чистое да такое золотистое!

Воротимшись въ избу, сыновья-та и говорятъ отцу: «такъ и такъ, батюшка, смолотили, дискать, полъадонья». Куда! и не вѣрить! Разказали ему все, какъ было; онъ еще пуще дивится: «Быть не можетъ! отъ огня зерно пропадѣтъ!» Пошелъ самъ поглядѣть: зерно лежало большими кучами да такое крупное, чистое, золотистое — на диво! Вотъ покормили странниковъ, и остались они еще на одну ночь у мужика.

На утро Спаситель съ апостолами собирается въ путь-дорогу, а мужикъ имъ гутарить: «Пособите намъ еще денёкъ-та!» — «Нѣтъ, хозяинъ, не проси; нѣколи, нѣдыть идти на работу». А старшій хозяйской сынъ потихоньку и говоритъ отцу: «Не трожь ихъ, бачка; незамай идутъ. Мы тапереча и сами знаемъ, какъ нѣдыть молотить». Странники попрощались и ушли. Вотъ мужикъ-то съ дѣтьми своими пошелъ на гумно; взяли наклали сноповъ, да и зажгли: думаютъ — сгорить солома, а зерно останется. Анъ вышло не такъ: весь хлѣбъ поняло огнемъ, да отъ сноповъ бросилось пѣломъ на разны постройки; начался пожаръ, да такой страшной, что все догола и погорѣло!

Записана въ Воронежской губ., Бобровскомъ у.

Чудо на мельницѣ

Када-то пришелъ Христосъ въ худой нищенской одежѣ на мельницу и сталъ просить у мельника святую милостыньку. Мельникъ осерчалъ: «Ступай, ступай отселева съ Богомъ! много васъ таскается, всёхъ не накормишь!» Такъ-таки ничего и нѣ далъ. На ту пору случись — мужичокъ привѣзъ на мельницу смолоть небольшой мѣшокъ ржи, увидалъ нищаго и сжалился: «Подъ сюды, я тебѣ дамъ». И сталъ отсыпаль ему изъ мѣшка хлѣбъ-ать; отсыпаль почитай съ цѣлую мѣрку, а нищій все свою кису подставляетъ. «Что, али еще отсыпаль?» — «Да, коли будетъ ваша милость!» — «Ну, пожалуй!» Отсыпаль еще съ мѣрку, а нищій все-таки подставляетъ свою кису. Отсыпаль ему мужичокъ и въ третій разъ, и осталось у него у самого зерна такъ самая малость. «Вотъ дуракъ! сколько отдалъ, думаетъ мельникъ: да я еще за помоль возьму; что жъ ему-то останется?» Ну, хорошо. Взялъ онъ у мужика рожъ, засыпаль и сталъ молоть; смотреть: ужъ много прошло времени, а мука все сыпится, да сыпится! Что за диво! всего зерна-то было съ четверть, а муки намололось четвертей двадцать, да и еще осталось, что молоть: мука себѣ все сыпится, да сыпится . . . Мужикъ не зналъ, куды и собирать-то!

Записана въ Воронежской губ., Бобровскомъ у.

Бѣдная вдова

(а) Давно было — странствовалъ по землѣ Христосъ съ двѣнадцатью апостолами. Шли они разъ какъ бы простые люди, и признать нельзя было, что это Христосъ и апостолы. Вотъ пришли они въ одну деревню

и попросились на нослегъ къ богатому мужику. Богатой мужикъ ихъ не пустилъ: «Вонъ тамъ живетъ вдова, она нищихъ пускаетъ; ступайте къ ней». Попросились они ночевать у вдовы, а вдова была бѣдная, пребѣднѣющая! Ничего-то у ней не было; только была махонькая краюшечка хлѣбца, да съ горсточку мучицы; была у ней еще коровка, да и та безъ молока — не отелилась къ тому сроку. «У меня, батюшки, говорить вдова: избенка малая, и лечь-то вамъ негдѣ!» — «Ничего, какъ-нибудь упокоимся». Приняла вдова странниковъ и не знаетъ, чѣмъ напитать ихъ. «Чѣмъ же мнѣ покормить васъ, родимыхъ, говорить вдова: всего нѣ всего есть у меня одна махонькая краюшечка хлѣбца да съ горсточку мучицы, а корова не привела еще теленочка, и молока нѣтутъ: все жду — вотъ отелится . . . Не взыщите на хлѣбѣ на соли!» — «И, бабушка! сказалъ Спаситель: не кручинься, всѣ будемъ сыты. Давай что есть, мы и хлѣбушка поѣдимъ: все, бабушка, отъ Бога . . .» Вотъ сѣли они за столъ, стали ужинать, одной краюшечкой хлѣбца всѣ напитались, еще ломтей эва сколько осталось! «Вотъ, бабушка, ты говорила, что нечѣмъ будетъ накормить, сказалъ Спаситель: гляди-ка, мы всѣ сыты, да и ломти еще остались. Все, бабушка, отъ Бога . . .» Переночевали Христосъ и апостолы у бѣдной вдовы. На утро говорить вдова своей невѣсткѣ: «Подъ, поскреби мучицы въ закромѣ; авось наберешь съ горсточку на блины покормить странниковъ». Невѣстка сходила и несетъ муки-таки порядочную махотку¹. Старуха не надивится, откуда взялось столько; было чуть-чуть, а таперьча и на блины хватило, да еще невѣстка говорить: «Тамъ въ закромѣ и на другой разъ осталось». Напекла вдова блинковъ и потчуетъ Спасителя и апостоловъ:

¹) Глиняный горшокъ.

«Кушайте, родимые, чѣмъ Богъ послалъ . . .» — «Спасибо, бабушка, спасибо!»

Поѣли они, попрощались съ бѣдною вдовою и пошли себѣ въ путь. Идутъ эдакъ по дорогѣ, а въ сторонѣ отъ нихъ сидитъ на пригоркѣ сѣрый волкъ; поклонился онъ Христу и сталъ просить себѣ ѣды: «Господи, завыль: я ѣсть хочу! Господи, я ѣсть хочу!» — «Пойди, сказалъ ему Спаситель: къ бѣдной вдовѣ, съѣшь у неѣ корову съ теленкомъ». Апостолы усумнились и сказали: «Господи, за что же велѣлъ ты зарѣзать у бѣдной вдовы корову? Она такъ ласково приняла и накормила насъ; она такъ радовалась, ожидаючи отъ своей коровы теленочка: было бы у ней молочко — пропитаніе на всю семью». — «Такъ тому быть должно!» отвѣчалъ Спаситель, и пошли они дальше. Волкъ побѣждалъ и зарѣзалъ у бѣдной вдовы корову; какъ узнала о томъ старушка, она со смиреніемъ промолвила: «Богъ далъ, Богъ и взялъ; его святая воля!»

Вотъ идутъ Христосъ и апостолы, а навстрѣчу имъ катится по дорогѣ бочка съ деньгами. Спаситель и говорить: «Катись, бочка, къ богатому мужику во дворъ!» Апостолы опять усумнились: «Господи! лучше бъ велѣлъ ты этой бочкѣ катиться во дворъ къ бѣдной вдовѣ; у богатаго и такъ всего много!» — «Такъ тому быть должно!» отвѣчалъ имъ Спаситель, и пошли они дальше. А бочка съ деньгами прикатилась прямо къ богатому мужику во дворъ; мужикъ взялъ, припряталъ эти деньги, а самъ все недоволенъ: «Хоть бы еще столько же послалъ Господь!» думаетъ про себя. Христосъ и апостолы идутъ себѣ да идутъ. Вотъ въ полдень стала большая жара, и захотѣлось апостоламъ испить. «Иисусе! мы пить хотимъ», говорятъ они Спасителю. «Ступайте, сказалъ Спаситель: вотъ по этой дорожкѣ найдете колодезь и напейтесь».

Апостолы пошли; шли-шли, и видять колодезь. Заглянули въ него: тамъ-то срамотà, тамъ-то сквернота — жабы, змѣи, лягва¹ . . . тамъ-то нехорошо! Апостолы, не напившись, скоро воротились назадъ къ Спасителю. «Что жъ, испили водицы?» спросилъ ихъ Христось. «Нѣтъ, Господи!» — «Отчего?» — «Да ты, Господи, указаль намъ такой колодезь, что и посмотриѣть-то въ него страшно». Ничего не отвѣчалъ имъ Христось, и пошли они впередъ своею дорогою. Шли-шли; апостолы опять говорятъ Спасителю: «Исусе! мы пить хотимъ». Послалъ ихъ Спаситель въ другую сторону: «Вонъ видите колодезь, ступайте и напейтесь». Апостолы пришли къ другому колодезю: тамъ-то хорошо! тамъ-то прекрасно! растутъ деревья чудесныя, поютъ птицы райскія, такъ бы и не ушелъ оттудова! Напились апостолы, — а вода такая чистая, студеная да сладкая! — и воротились назадъ. «Что такъ долго не приходили?» спрашиваетъ ихъ Спаситель. «Мы только напились, отвѣчаютъ апостолы: да побыли тамъ всего три минуточки». — «Не три минуточки вы тамъ побыли, а цѣлыхъ три года», сказалъ Господь. Каково въ первомъ колодезѣ — таково худо будетъ на томъ свѣтѣ богатому мужику, а каково у другого колодезя — таково хорошо будетъ на томъ свѣтѣ бѣдной вдовѣ!»

Записана въ Воронежской губ., Бобровскомъ у.

(b) Въ давніи времена ходывъ по земли Богъ и зъ святымъ Мыколаемъ и святымъ Петромъ, и уже святыи Петро совсимъ обдерся², такъ, що й не стало на йому ньякого шматя³. А Господь каже ему: «Пиды, Петре, та украды соби шматя дѣ-ныбудъ на тыну, тай прислухайся — чы буде за те лаяты тебе хозяйка, чы ни!»

¹) Лягущки.

²) Ободрался.

³) Пшатя.

Отъ св. Петро пишовъ и покравъ повишане на тынови людськее шматя, и убрався пишовъ до Бога, тай каже: «Я вже укравъ шматя, алы жъ хозяйка мене за тее не лаяла, а тильки оглядывшысь сказала, нехай јому Богъ звыдыть и избачить!» А Богъ выслухавъ цее, тай каже: «Ну добре, колы такъ!» — Отъ Богъ, св. Петро и св. Мыколай вси зашлы въ обидранную хату до одной найбиднищой вдовы-мужычки, упросылысь въ ней на ничъ и стали спрсшуваты: «Чы ныма чого у тебе поисты?» А хозяйка одвичае: «Ныма въ мене ничего. Я бидная, хлибъ соби заробляю, и тильки маю хлиба — що одынъ окрайчыкъ на полицы». А Богъ до неи каже: «Дай же намъ хоть борщу». Вона зновъ одвичае: «Та ныма у мене ни якої стравы¹, и ничогисынько не варыла». Отъ Богъ зновъ сказавъ: «Погляды лышь, молодыце, добре въ пичи, може чы не найдешъ тамъ чого-ныбудь». Вона все-таки не хоче того слухаты, а дали Богъ якъ причыпывся добре до неи: «Таки погляды въ пичъ, та погляды». — Отъ вона, абы витчыпытыця, иде до печи; колы заглянула тудя въ пичъ, ажъ тамъ богацько всякой всячины — понавáрывано разной хорошей стравы и варынухи, тай каже вона: «Що це такее на свити значыть, я не топыла, ажъ богацько есть понаварывано всякой всячины?» Отъ вона повиньмала все съ печи, и вси воны понајидалысь, тай полягали спати; а хозяйка все не знала, що то Богъ прійшовъ до неи. На другой день вранци Богъ, св. Петро и св. Мыколай повставалы, подяковалы гарно² хозяйци, тай пишлы дальше, и почулы воны высильне гранье³; ажъ надходять воны тудя, колы дывятця, а тамъ высилья у одного богатаго

¹) Кушанья, їствы.

²) Поблагодарили усердно.

³) Свадебное гулянье, веселье.

музыка. Отъ св. Мыколай каже: «Господы мылостывый! ходимъ же и мы на те высилья, чы не дадутъ и намъ по чарци горилки та чого поисты?» А Богъ каже: «Добре, ходимъ». Отъ воны пишлы туда замисть старцивъ, буцимъ¹ просыты мылостыни, а богатый хозяйинъ теи хаты оглянувшись до нихъ, тай зновъ ставъ частуваты за столомъ своихъ высильныхъ гостей, богатыхъ хозяйинивъ, а дали ставъ гукаты на свою жинку: «А дай лышь тамъ старцамъ мылостыни». А жинка јого — така въ убраньи, щой куды! — закрычала сердыто: «Ты гляды своихъ людей, що частуешъ², и не оглядайся до старцивъ; бо якъ ты принадышь сыхъ дидивъ³, то й не будутъ черезъ нихъ двери зачынятьця!»⁴ Дали погодывши, той хозяйинъ якъ оглянувшись побачывъ, що довго старци стоять въ хати, та нагумонивъ⁵ добре на свою жинку, — ажъ тоди вона дала тымъ старцамъ по маленькій чароци горилки и по шматочку хлиба, тай выпроводыла ихъ за двери. Отъ Богъ зъ св. Петромъ и Мыколаемъ идучи звиттыля⁶, тай каже Богъ: «Ну тай богатый же цей чоловикъ, що мы булы въ него на высильи, алы жъ и крѣпко винъ скупый, а јого жинка ище гирше скупица и дуже велыка злоѣдныца, та и обое воны не вмиють въ счастья шануватысь⁷ и не хотятъ помогаты другимъ биднымъ людямъ». Отъ Богъ зъ св. Петромъ и Мыколаемъ пишлы шляхомъ⁸ и на поли полягали спочываты, ажъ прибигъ до нихъ вовкъ, тай

¹) Какъ будто.

²) Угощаешь.

³) Привадишь этихъ старцевъ.

⁴) Затворяться.

⁵) Накричалъ.

⁶) Оттуда.

⁷) Держать себя.

⁸) Дорогою.

просить Бога: «Дай мини, Господы, що поїисты; бо я цилые сутки ничого не живъ и дуже охлявъ¹ зъ голоду». Богъ выслухавъ цее, тай говорить: «Пиды, вовче, въ село; тамъ есть найбиднища вдова-мужычка, що мы въ ней ночувалы; у ней есть одна тильки ряба корова, то визьмы ту корову тай изъїижъ». А св. Мыколай начавъ просить Бога: «Господы милостивый! на що жъ обиждаты бидную вдову, нехай вовкъ не бере въ неї послиднѣй коровы, бо вона буде гирько плакаты и мучытьця; а лучше нехай вовкъ возме яку-ныбудь скотыну у того богатыря², дѣ мы були на высильи, бо винъ богатый чоловикъ та ще й дуже скупый». А Богъ каже: «Не можно такъ! нехай возме корову у самой теї бидной вдовы; нехай вона до время плаче та гирько бидуе³, бо вона на симъ свити талану не мае». Отъ вовкъ побигъ до ней, а вони полягали спаты. Св. Мыколай и ставъ жаловаты бидной вдовы, тай начавъ винъ придумуваты, якъ бы ухытрытьця и помогты для ней, а дали надумавъ и подывывся, що Богъ уже спыть (а Богъ все знае, та навмысне буцимъ⁴ спыть), отъ св. Мыколай взявъ та мерщій⁵ побигъ на впереимы⁶ вовка другою стороною, щобъ вмазаты вдовыну корову болотомъ⁷, щобъ та корова була чорна, а не ряба, щобъ не зъживъ їїи вовкъ. И якъ прибигъ туды св. Мыколай, отъ скорійше болотомъ и обмазавъ ту корову, такъ що вона зробылась чорна, тай заразъ вернувся назадъ до Бога. А Богъ скоро вставъ буцимъ ничого не знае, и каже до св. Петра и

1) Ослабѣлъ.

2) Богача.

3) Бѣдствуетъ.

4) Притворился будто.

5) Скорѣе.

6) Чтобы обогнать, опередить волка.

7) Т.-е. грязью.

Мыколая: «А що вставайте уже, та ходымъ». И тильки що хотилы вони идты дальше, ажъ зновъ прибигъ до ныхъ той самый вовкъ и каже: «Ныма, Господы, у теи бидной вдовы рябой коровы, а тильки есть у неи одна чорна». Отъ Богъ все уже знае, тай каже: «Ну такъ изъѣжъ ту чорну корову». А св. Мыколай бачить, що ничего не вдіе¹, тай замовчавъ. Отъ вовкъ побигъ до чорной коровы, а Богъ зъ Петромъ и Мыколаемъ началы идты шляхомъ. Отъ идуть вони та идуть, ажъ катытьця противъ ныхъ бочка, а св. Мыколай пытае: «Що це таке, Господы, катытьця и куды?» Господь одвигае: «Це катытьця бочка съ сребромъ и златомъ до того богатыря, що мы были у нѣго нависилы, бо такой јого таланъ и така јого доля; алы все јого счастья буде на симъ свити!» А св. Мыколай давай просить, каже: «Господы мылостывый, удины жъ съ цей бочки або зъ макитерку² для теи бидной вдовы, дѣ мы почувалы, въ неи жъ вовкъ и послиднюю корову зъјивъ». А Богъ одвигае: «Ни, того не можно! бо цей таланъ данъ одному тильки тому богатырови». Отъ св. Мыколай вже замовчавъ, и началы идты дальше; ишли та ишли, ажъ св. Мыколай захотивъ дуже пыты воды тай каже: «Ахъ, якъ мыни хочетця пыть!» А Богъ говорить јому: «Колысь я проходывъ чрезъ оцей яръ, що недалеко видъ насъ выдно, тамъ я бачывъ крыныцю³. Иды туда, тай напьесся воды». Колы пишовъ св. Мыколай туда въ яръ, ажъ тамъ коло крыныци побачывъ такого богацько темнаго та сираго страшенаго гаду, такого сердытаго, що ажъ кышыть; отъ винъ злякався⁴ дуже тай насилу звиттыля утикъ⁵. А Богъ пытае: «Чого

¹) Не сдѣлаеть.

²) Макитра — глиняный сосудъ, горшокъ.

³) Колодець, родникъ.

⁴) Испугался.

⁵) Убѣжалъ.

ты, Мыколаю, такъ нынче злякався, ажъ поблиднивъ съ переполоху¹, и мабудь² не пывъ воды?» А св. Мыколай одвичае: «Не могъ я напытьця, та ще й якъ побачывъ, що тамъ есть такого богацько страшнаго гаду, то насылу я звиттыля утикъ». Отъ Богъ выслухавъ цее тай сказавъ: «Ну, ходымъ же дали!» И прошлы воны дальше зъ пятыро гинъ³, або бильше, тай Богъ зновъ каже до св. Мыколая: «Иды у цей другый ярокъ, тамъ повная буде крыныця; то вже тамъ напьесся воды». Отъ св. Мыколай пишовъ туда; колы надходить въ той яръ, яжъ тамъ побачывъ такій ще гиршый гадъ, та такого жъ јого превелькая сыла и дуже богацько, та ще й далеко злищій, якъ попереду бачывъ, такъ що нынче горыть трава. И св. Мыколай завсими перелякався та побиливъ, и насылу велыку звиттыль утикъ, такъ нынче на јому волосья и одежда загорилася! И прійшовъ до Бога тай съ переляху⁴ насылу рассказавъ, що не можно тамъ напытысь воды, бо ще й гиршей тамъ есть гадъ и далеко злищій отъ першого гаду, що винъ бачывъ попереду. А Богъ каже: «Ну колы такъ, то ходымъ же дальше». Отъ воны пошлы дальше и довго ишлы, ажъ побачылы вдали третій ярокъ нынче съ садкомъ; тай Богъ каже: «Ну иды жъ, Мыколаю, въ той ярокъ, дѣ бачышь — садокъ выдно, а вже тамъ певне⁵ напьесся воды». Колы св. Мыколай пишовъ туда, ажъ тамъ такая прихорошая крыныця зъ пригожою водою, а надъ тею крыницею и скризъ тамъ такіи разніи, прихорошіи, пахнючіи цвиткы та ягоды, яблуки, хвыги, мындалы, розынкы⁶ и всякая

¹) Съ испугу.

²) Можетъ быть.

³) Въмѣсто: гоней (гони — мѣра разстоянія).

⁴) Съ испугу; лякъ — испугъ.

⁵) Навѣрно, непременно.

⁶) Изюмъ.

овощъ, а птыци такъ хороше спиваютъ та щебечуть разными голосами, и таке все тамъ занимательне, що й сказаты и прописаты неможно. Отъ св. Мыколай незнавъ, що й робыты, чы воцу пыты, чы любоватыся та прыглядуватыхъ; напыетця трохы пахнючой воды, тай оставыть пыты, та все разглядае. И винъ трычи такъ потрохы пывъ тую воду, та все разглядувавъ, и не чувся¹ — що винъ не въ примиту пробувъ тамъ цилыхъ тры роки², якъ нынче одну минуту тамъ бувъ. Ажъ приходить туды Господь Богъ тай каже јому: «Що це ты, Мыколаю, такъ довго тутъ сыдышь, що прошло тому тры роки, якъ ты пишовъ сюды пыть воды?» И каже Богъ: «А я тебе не дождався тай покинувъ, и далеко уже я выходывъ съ пивъ-свита, покы зновъ до тебе вернувся». Отъ св. Мыколай выслухавши цее, тай одвичае: «Господы мылостывый! що це таке значыть, що коло переднищихъ двоухъ крыныць, куды я попереду ходывъ пыть воды, есть тамъ богацько страшенаго гаду, що й прыступыть страшно; а тутынъка въ третимъ яру такъ дуже прихорошая крыныця зъ водою и все тутынъка росте дуже гарная пахнючая всякая всячина, що й не можно налюбоватыся и наслухатьця птычаго щебетаня, що й любуйся, прислухайся тай ще того хочитця?» — А Богъ одвичае јому: «Оце жъ знай, що переднищий яръ, дѣ ты бачывъ богацько злого страшнаго гаду, то тее мисто называитця пекломъ и воно определяно для того богатыря, що мы булы у него на высильи, а другій яръ, дѣ есть еще гиршій при-страшенный гадъ, то также приготовано пекло для жинки того же богача, бо јого жинка ище гирша видъ своего чоловика³; а якъ воны не вмилы въ счастіи жыты,

¹) Почувствовалъ.

²) Года.

³) Мужа.

добре шануватись, и не хотили помогаты биднымъ людямъ, то за тее по смерти будуть вично мучытьця въ тыхъ пеклахъ. А оце третій яръ, дѣ ты, Мыколаю, пывъ воду, тай довго такъ тутъ забарывся¹ черезъ тее, що тутынька дуже хороше, называетця рай, опредиланный для теи бидной вдовы, що мы въ неи ночувалы, бо вона на симъ свити цилый вѣкъ гирько бидовала, терпила та плакала, но була добрая жинка и честная — то за тее по смерти буде маты въ симъ раю вичное прибогатое счастье. Отъ бачь, якъ то робытця; будь добрый чоловіче, не вповай на земнее счастье, та любви бидныхъ и старайся, небоже, — то, якъ кажуть, Богъ въ симъ и будущимъ вику поможе!»

Записана въ Васильковскомъ у., Кіевской губ. Изъ собранія В. И. Даля.

4

Исцѣленіе

Вотъ видишь ли, скажу тваей миласти, былъ адинъ священникъ бядиѣющій, пребядиѣющій. Приходъ ли у него былъ больна малый, али какъ тебѣ сказать, правду молвить: што иное, только, слышь, все малился Богу, кабы въ достаткѣ-та быть пасправиѣе. Вотъ онъ всё малился, ды малился, день и ночь малился, и Николу миласливава прасиль все, кабы справица. Анъ нѣтъ — лихъ! не дасть Богъ ему счастья. Вотъ онъ пашоль изъ дому, куды глаза глядятъ: шоль-шоль, все шоль, и увидалъ онъ: возля дороги сидятъ двоя съ сумками, какъ и онъ пѣшіе — ну, знашь, присѣли атдахнуть. Адинъ-атъ малодинькай съ бароткай, а другой-ятъ сѣдинькай старичокъ. Адинъ-атъ, знашь, былъ самъ Христосъ, а другой-ятъ Никола миласливый. Вотъ онъ абрадавался, патшоль къ нимъ и гаварить:

¹) Замѣшкался.

«Ну, братцы! вы, какъ и я же, пѣшкомъ идете? кто вы дискать таковы?» Ани ему сказали: «Мы ворожецы, знахари, и варажить умѣемъ и лѣчимъ». — «Ну, слышъ, нельзя ли вамъ взять и меня съ сабою?» — «Пайдемъ, гаварять ему: только матрѣй¹ все поравну дѣлать». — «Знама дѣла, што поравну». Вотъ эвтимъ дѣламъ-та и пашли ани всѣ троѣ вмѣсти. Шли ани, шли, устали и зашли начавать въ избушку. Попъ-ать все у себя съ вечеру съѣлъ, што, знашъ, былъ у него съѣснова. А у Христа съ Николай миласливымъ была адна лишь прасвирачка, и ту палажили ани на полачку у абразовъ да другова дни. На утро попъ всталъ; захатѣлась ему ѣсть, онъ взялъ украткай ту прасвирачку и съѣлъ. Христось-ать схватился прасвирачки, анъ лихъ нѣтъ ее! «Хто, слышъ, маю прасвирачку съѣлъ?» гаварить папу. Онъ запѣрся, сказалъ: «Знать не знаю, я не ѣлъ». Вотъ такъ таму дѣлу и быть. Встали, вышли изъ избушки и пашли апять; шли ани, шли, и пришли въ адинъ горать. Вотъ малодинькай съ бароткай знахарь, знашъ, Христось-ать, и гаварить: «Въ эвтамъ гараду у багатава де барина есть бальная дочь; ниhto не смохъ ее излѣчить, айдате-ка² мы къ нему». Пришли ани къ таму барину, стали стучатца у него падъ акномъ: «Пусти-ка насъ; мы, слышъ, вылѣчимъ тваю дочь». Вотъ пустили ихъ. Далъ имъ тотъ баринъ лѣчить сваю дочь; ани взяли ее и павели въ баню. Привели въ баню, и Христось-ать всеѣ ее разрѣзалъ на части: ана и не слыхала, и не плакала, и не кричала. Разрѣзалъ на части ее, взялъ и перемылъ всеѣ на всеѣ въ трехъ вадахъ. Перемылъ въ трехъ вадахъ и слажилъ се всеѣ вмѣсти папрежняму, какъ была. Слажилъ вмѣсти, и спрыснулъ разъ — ана сраслась; спрыснулъ

¹) Смотри.

²) Пойдемте.

въ другой — она пашевелилась; спрыснулъ въ третій — ана встала. Привели ее къ атцу; ана, знашъ, и гаварить: «Я ва всемъ здорова папрежняму». Вотъ баринъ тотъ ихъ вдоваль сыто-насыто всёмъ накармилъ и напайлъ. Попъ ёль, ёль, насилу съ мѣста всталъ, а тѣ, знашъ, Христось-атъ ды Никола миласливай, немношка закусили, и сыты. Вотъ паслѣ баринъ-атъ аткрылъ имъ сундукъ съ деньгами: «Ну, слышъ, берите, сколько душѣ вашей угодна». Вотъ Христось взялъ горсточку, ды Никола миласливай другую; а попъ началъ савать вездѣ себѣ, и въ карманы, и за пазуху, и въ суму, и въ сапаги — йльно¹ вездѣ была пѡлна.

Вотъ ѡвтимъ дѣламъ-та пашли ани апять въ дарогу; шли, шли, и пришли къ рѣчкѣ. Христось съ Николай миласливымъ разомъ перешли легоханька, а попъ-атъ съ деньгами шоль-шоль па вадѣ-та и началъ была тануть. Съ другога-та берегу Христось съ Николай миласливымъ кричатъ ему: «Брось, брось деньги! брось, слышъ, деньги! а то утонишь». — «Нѣтъ, гаварить: хоть утану, а ихъ не брошу». — «Брось, брось деньги! а то захлебнешься, помрешь». — «Нѣтъ, умру — не брошу!» гаварить попъ, и каё-какъ перебрелъ онъ съ деньгами-та черезъ рѣчку. И сѣли всё троя на бережокъ. Христось-атъ и гаварить папу: «Давай деньги-та дѣлить». А попъ не даетъ: «Ѣта май деньги! Вы што не брали себѣ больше? я чуть была не утанулъ съ ними, а вы гаварили: брось ихъ». — «А угаворъ-атъ, сказалъ Христось: вить лутча денихъ». Вотъ попъ сталъ выкладывать сваи деньги въ кучу, и Христось съ Николай миласливымъ слажили сваи туды жа. Вотъ ѡвтимъ дѣламъ-та сталъ Христось дѣлить деньги и класть на четыре кучки, на четыре доли. Попъ-атъ гаварить: «Насъ де троя; каму кладешъ ты ищо че-

¹) Такъ что.

твертую долю?» — «Четвертая доля таму, гаварить Христось: хто маю прасвирачку съѣль». — «Я, слышь, ее съѣль!» патхвatility попъ. Вотъ Христось-ать съ Николай миласливымъ усмѣхнулись. «Ну, кали ты маю прасвирачку съѣль, такъ вотъ тебѣ эвти двѣ кучки денихъ. Ды вотъ и маю вазьми себѣ-же», гаварить Христось. «И маю, слышь, кучку возьми себѣ», гаварить Никола миласливай. «Ну, таперь у тебя многа денихъ! ступай дамой, а мы пайдемъ адни».

Попъ-ать взялъ все деньги и пашолъ адинъ. Пашолъ, знашь, и думаетъ: чѣмъ, дискать, мнѣ дамой идти, лутча пайду я адинъ лѣчить; я теперь сьумѣю — видѣль, какъ лѣчуть. Вотъ онъ шолъ-шолъ, пришолъ въ горать и проситца къ аднаму багатаму купцу: узналъ, знашь, што у него есть дочь бальная, и никто ее не мохъ излѣчить. Проситца къ багатаму купцу: «Пустите меня, я вашу бальную дочь вылѣчу». Пустили ево. Онъ, знашь, увѣрилъ ихъ, што вылѣчить. Ну харашо, такъ таму дѣлу и быть: вылѣчить, такъ вылѣчить! Вотъ выпрасилъ онъ большой ношъ вострай; и павель бальную въ баню, и началъ ее рѣзать на части: знашь, видѣль — какъ Христось-ать рѣзалъ. Только нука кричать эвта бальная; кричала, кричала, што ни есть мочи! «Не кричи, слышь, не кричи, будишь здорова!» Вотъ изрѣзалъ ее замертво на части, и началъ ее перемывать въ трехъ вадахъ. Перемылъ и началъ складывать апять, какъ была папрежняму; анъ лихъ не складываетца ана папрежняму. Вотъ онъ мучился, мучился надъ нею, каѣ-какъ слажилъ. Слажилъ и спрыснулъ разъ — анъ, слышь, ана не срастаетца; спрыснулъ въ другой — нѣтъ толку; спрыснулъ въ третій — все, знашь, бѣзъ толку. «Ну, бѣда моя! прапалъ я таперь! угажу на висилицу, либа матрѣй въ Сибирь и на катаргу!» Началъ плакать и малитца Богу и Николѣ

миласливаму, штопъ паслали ему апять тѣхъ знахарей. И видить въ акошка, што идутъ къ нему въ баню тѣ знахари: малодинькай съ бароткай и сѣдинькай старичокъ. Вотъ какъ абрадавался имъ! Бухъ имъ въ ноги: «Батюшки маи! будьте атцы радные! Взаяся я лѣчить па-вашему, да не выходитъ . . .» А эвти знахари апять, знашъ, были Христось и Никола миласливай. Взашли, усмѣхнулись и гаварять: «Ты бѣльна скоро выучился лѣчить-та!» Вотъ Христось-атъ взялъ мертваю всеё па частямъ перемылъ, ды и слажилъ. Слажилъ, знашъ, папрежняму, какъ была, и спрыснулъ разъ — ана сраслась, спрыснулъ въ другой — ана папшевелилась, спрыснулъ въ третій — она встала. Вотъ попъ-атъ перекрестился: «Ну, слава тебѣ, Господи! ушъ вотъ какъ ратъ — сказать нельзя!» — «Вазьми, сказалъ Христось: и атведи ее таперь къ атцу; ды матрѣй, больше не лѣчи!» — крѣпко-накрѣпко наказалъ ему: «а не то прападешъ!» Вотъ знахари-тѣ, Христось и Никола миласливай, пашли са двара, а попъ-атъ привелъ ее къ атцу: «Я ее, слышъ, излѣчилъ». Дочь сказала атцу, што ана таперь здорова папрежняму. Купецъ нука ево паить, кармить, угаваривать, штопъ астался онъ у нево-та. «Нѣтъ, не астанусь!» Вотъ купецъ ему денихъ далъ вдоваль, лошадь съ павоскай, и попъ ушъ пряма паѣхалъ дамой и палажилъ зарокъ, што лѣчить таперь не станить.

Записана въ Чистопольскомъ у., Казанской губ.

5

Попъ-завидушіе глаза

Въ приходѣ святого Николы жилъ одинъ попъ. У этого попа глаза были самые поповскіе. Служилъ онъ Николѣ нѣсколько лѣтъ, до того дослужилъ, что не осталось у него ни кола, ни двора, ни хлѣба, ни пріюта.

Собралъ нашъ попъ всѣ ключи церковные, увидѣлъ икону Николы, съ горя ударилъ его по плѣши ключами и пошелъ изъ своего прихода, куда глаза глядятъ. Шелъ онъ путемъ-дорогой. Вдругъ пался ему на стрѣту незнамой человѣкъ. «Здравствуй, доброй человѣкъ! сказалъ онъ попу: куда идешь и откуда? Возьми меня къ себѣ въ товарищи». Вотъ и пошли они вмѣстѣхъ. Шли, шли они нѣсколько верстъ, пріустали; пора отдохнуть. У попа было въ рясѣ немного сухариковъ, а у принятаго товарища двѣ просвирки. Попъ говоритъ ему: «Давай съѣдимъ прежде твои просвирки, а тамъ примемся и за сухари». — «Ладно, говоритъ ему незнамой: съѣдимъ просвирки мои, а твои сухари оставимъ на послѣ». Вотъ они ѣли-ѣли просвирки; оба наѣлись досыта, а просвирки не убывали. Попу стало завидно. «Семь-ка, думаетъ онъ: я у него украду ихъ». Старичокъ послѣ обѣда легъ отдохнуть, а попъ все смекаетъ, какъ бы украсть у него просвирки? Заснулъ старичокъ. Попъ стянулъ у него изъ кармана просвирки; сидитъ да ѣстъ втихомолку. Проснулся старичокъ, хватился просвирокъ своихъ — нѣту ихъ! «Гдѣ мои просвирки? вскрычалъ онъ: кто съѣлъ ихъ? ты, попъ?» — «Нѣтъ, право не я», сказалъ ему попъ. «Ну ладно»!

Вотъ встряхнулись они, пошли опять путемъ-дорогой. Идутъ, идутъ; вдругъ дорога разсѣкается на двѣ розтани¹. Вотъ они пошли оба въ одну сторону. Дошли до какого-то царства. Въ этомъ царствѣ у царя была дочь при смерти, и царь объявилъ, что кто вылѣчитъ его дочь, тому полжитія-полбытія-полцарства, а не вылѣчитъ — голова съ плечъ, на тычинку повѣсятъ. Вотъ они пришли; противъ царскаго дворца *налируются*,

¹) Розстанъ — мѣсто, гдѣ одна дорога раздѣляется на двѣ; перекрестокъ.

дохтурами называются. Выходили изъ царскаго дворца слуги и спрашивали ихъ: «Что вы за люди? изъ какихъ родовъ, изъ какихъ городовъ? что вамъ надоть?» — «Мы, говорятъ они: дохтуры; можемъ царевну вылѣчить». — «Ну, коли дохтуры, заходите въ палату». Вотъ они вошли въ палату, поглядѣли царевну, попросили у царя особой избы, обрѣза воды, вострой сабли, большого стола. Царь все это далъ имъ. Заперлись они въ особую избу, клали царевну на большой столъ, разсѣкали ее вострой саблей на мелкія части, кидали въ обрѣзъ съ водой, мыли, полоскали; потомъ стали складывать штука къ штукѣ; какъ старичокъ дунетъ, такъ штука съ штукой и склеиваются. Склалъ онъ всѣ штуки какъ надоть, въ послѣдній разъ дунулъ царевна вострепелась и встала жива и здрава. Приходитъ самъ царь къ избѣ ихной и говорить: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!» — «Аминь!» отвѣчаютъ ему. «Вылѣчили ль царевну?» спрашиваетъ царь. «Вылѣчили, говорятъ дохтуры: вотъ она!» Царевна вышла къ царю жива и здрава. Царь говоритъ дохтурамъ: «Что хотите вы отъ добра? злата ли, серебра ли? берите!» Вотъ они начали брать злато и серебро; старичокъ беретъ пѣсточкой¹, а попъ горсточкой и все кладетъ въ сумку свою; покладетъ, покладетъ, да поприздымаетъ²: заберетъ ли его могутъ³. Потомъ они распростились съ царемъ и пошли. Старичокъ говоритъ попу: «Эти мы деньги въ землю складемы, а сами опять лѣчить пойдемъ». Вотъ они шли, шли: дошли опять до другого царства. Въ этомъ царствѣ у царя была тоже при смерти дочь, и царь объявилъ, что кто вылѣчитъ его дочь, тому полжитѣя-полбытѣя-

¹) Шепоткой, тремя пальцами.

²) Да приподниметъ.

³) Возьметъ ли его сила.

полцарства, а не вылѣчить — голова съ плечъ, на тычинку повѣсятъ. Вотъ они пришли; противъ царскаго дворца *налируются*, дохтурами называются . . .

[Повторяется слово въ слово тотъ же разсказъ объ излѣченіи царевны].

Приходятъ они опять въ третіе царство, въ которомъ тоже царевна при смерти, и царь обѣщаль тому, кто ее вылѣчить, полжитъ-я-полбытъ-я-полцарства, не вылѣчить — голова съ плечъ, на тычинку повѣсятъ. Завиднаго попа мучить лукавый: какъ бы не сказать старичку, а вылѣчить одному, серебро и золото захватить одному бы? Противъ царскихъ воротъ ходить попъ, *налируется*, дохтуромъ называется. Такимъ же образомъ просить у царя особой избы, обреза воды, большого стола, вострой сабли. Заперся онъ въ особую избу, клалъ царевну на столъ, рубилъ вострой саблей, и какъ царевна ни крычала, какъ ни визжала, попъ, не глядя ни на крикъ, ни на визгъ, знай рубить да рубить, словно говядину. Разрубилъ онъ ее на мелкія части, скидалъ въ обреза, мылъ, полоскалъ, склалъ штука къ штукѣ, такъ же какъ дѣлалъ старичокъ; глядитъ, какъ будутъ склеиваться все штуки. Какъ дунетъ — такъ нѣтъ ничего! опять дунетъ — хуже того! Вотъ попъ ну опять складывать штуки въ воду; мылъ-мылъ, полоскалъ-полоскалъ, и опять приложилъ штука къ штукѣ; дунетъ — все нѣтъ ничего! «Ахти *мнѣциньки*! думаетъ попъ: бѣда!» Поутру приходитъ царь и видитъ: никакихъ нѣтъ успѣховъ у дохтура; все тѣло смѣшалъ съ дрянью. Царь велѣлъ дохтура въ петлю. Взмолился нашъ попъ: «Царь, вольной человекъ! оставь меня на мало время: я сбѣгаю за старичкомъ, онъ вылѣчитъ царевну». Побѣгъ попъ старичка искать; нашелъ старичка, и говорить: «Старичокъ! виноватъ я окаянный; попуталъ меня бѣсъ:

хотѣлъ я одинъ вылѣчить у царя дочь, да не могъ; хотятъ меня вѣшать. Помоги мнѣ!» Пошелъ старичокъ съ попомъ. Повели попа въ петлю. Старичокъ говоритъ попу: «Попъ, а кто съѣлъ мои просвирки?» — «Право, не я, ей-Богу, не я!» Ввели его на другую ступеньку. Старичокъ говоритъ попу: «Попъ, а кто съѣлъ мои просвирки?» — «Право, не я! ей-Богу! не я!» Ввели на третью, опять: «не я!» Сейчасъ голову въ петлю, и все: «не я!» Ну, нечего дѣлать! Старичокъ говоритъ царю: «Царь, вольной человѣкъ! позволь мнѣ царевну вылѣчить; а если не вылѣчу, вели вѣшать другую петлю: мнѣ петля и попу петля!» Вотъ старичокъ склалъ куски тѣла царевнина штука къ штукѣ, дунуль — и царевна встала жива и здорова. Царь наградилъ ихъ обоихъ серебромъ и златомъ. «Пойдемъ же, попъ, деньги дѣлить», сказалъ старикъ. Пошли. Склали всѣ деньги на три кучки. Попъ глядитъ: «Какъ же! насъ двое, кому же третья-то часть?» — «А это тому, сказалъ старичокъ: кто съѣлъ у меня просвирки» — «Я съѣлъ, старичокъ! вскричалъ попъ: право я, ей-Богу я!» — «Ну, нѣ тебѣ и деньги, да возьми и мои. Служи вѣрно въ своемъ приходѣ, не жадничай, да не бей ключами Николу по плѣши», — сказалъ старичокъ и вдругъ сталъ невидимъ.

Записана въ Шенкурскомъ у., Архангельской губ., г. Н. Борисовымъ.

6

Превращеніе

Жиу адзинъ багаты чалавѣкъ, други бѣдны; багаты — банкетъ, а бѣдны ницъ не мѣу. Прыходзицъ да багатаго дзѣдъ и просицца нѣ начъ, дый каже: «Гаспадарокъ, мой галубокъ! ци пусьциу бы ты мене нѣ начъ?» Іонъ ницъ не дау ямѣ, да й гордо ат-

казау: «У мене, каже, никали не начавали ни убогіе, ни бѣдныя, ни падарожныя; дакъ и ты не будзешъ начаваць. Идзи у тую хату, што небамъ пакрыта; тамъ заусіоды начуюць бѣдныя, убогіе и падарожныя, то и ты тамъ будзешъ начаваць. Цебе тамъ пусыцяць!» Старикъ каже: «Гаспадарокъ, мой галубокъ! пакажы, гдзѣ тая хата, што небамъ пакрыта?» Гаспадаръ вышоу паказываць: «Да вонъ дзѣ тая хата небамъ пакрыта, гдзѣ начуюць бѣдныя, убогіе и падарожныя; тамъ и цебе пусыцяць». Дакъ дзѣдъ пагладзиу гаспадара па галавѣ, и той гаспадаръ стау каніомъ.

Просицца дзѣдъ у бѣднаго на начъ и каже: «Гаспадарокъ, мой галубокъ! пусыци мене на начъ». — «Можно, дзѣдку! у мене начуюць убогіе, бѣдныя и падарожныя». — «Кали, гаспадарокъ, я з' каніомъ». Дакъ іонъ каже: «Дзѣдку! у мене поставиць нима гдзѣ, и сѣна нима, чаго даць яму ѣсць». Дзѣдъ каже: «Я бѣ на дварѣ паставиу, кастрыцы¹ падкинуу, дакъ и будзе ѣсць!» Дакъ бѣдны павіоу каня и паставиу на дварѣ, а дзѣдъ пашоу самъ у хату. Назаутра, якъ дзѣдъ адхадзиу, каже: «Дарую я табѣ гэтаго каня на твае сирацтво»². Гаспадаръ зачау яму дзякаваць³, и каже да жонки: «Жонко! возьміомъ и вывазимъ хату». И вывазили хату⁴.

Апяць прышоу дзѣдъ на начъ, дакъ той гаспадаръ не пусыциу. «Я той самы стары, а ты мене не пазнау!» И узяу изноу погладзиу таго каня па галавѣ, и стау іонъ чelowѣкомъ; а бѣдны безъ каня зноу зробиуся бѣднымъ.

Записана въ Новогрудскомъ у., Гродненской губ., старшимъ учителемъ Новогрудскаго дворянскаго училища М. Дмитріевымъ.

¹) Труха остающаяся послѣ льна и конопли.

²) На бѣдность, сиротство.

³) Благодарить.

⁴) Т.-е. навозили лѣсу на новую избу.

Пиво и хлѣбъ

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ богатой крестьянинъ; много у него было и денегъ и хлѣба. И давалъ онъ по всей деревнѣ бѣднымъ мужичкамъ займы: деньги давалъ изъ процентовъ, а коли дастъ хлѣба, то весь сполна возврати на лѣто, да сверхъ того за каждый четверикъ два дня ему проработай на полѣ. Вотъ разъ случилось: подходитъ храмовой праздникъ и стали мужички варить къ празднику пиво; только въ этой самой деревнѣ былъ одинъ мужикъ да такой бѣдной, что скуднѣй его во всемъ околоткѣ не было. Сидитъ онъ вечеромъ, накануне праздника, въ своей избѣнкѣ съ женою и думаетъ: «Что дѣлать? люди добрые станутъ гулять, веселиться; а у насъ въ домѣ нѣтъ ни куска хлѣба! Пошелъ бы къ богачу попросить въ долгъ, да вѣдь не повѣритъ; да и что съ меня, горемычнаго, взять послѣ?» Подумаль-подумаль, приподнялся съ лавки, сталъ передъ образомъ и воздохнулъ тяжелѣхонько. «Господи! говоришь: прости меня грѣшнаго; и масла-то купить не на что, чтобъ лампадку передъ иконою затеплить къ празднику!» Вотъ немного погода приходитъ къ нему въ избушку старецъ: «Здравствуй, хозяинъ!» — «Здорово, старичокъ!» — «Нельзя ль у тебя переночевать?» — «Для чего нельзя! ночуй, коли угодно; только у меня, родимой, нѣтъ ни куска въ домѣ, и покормить тебя нечѣмъ». — «Ничего, хозяинъ! у меня есть съ собой три кусочка хлѣбушка, а ты дай ковшикъ водицы: вотъ я хлѣбцемъ-то закушу, а водицей прихлебну — тѣмъ сытъ и буду». Сѣлъ старикъ на лавку и говоритъ: «Что, хозяинъ, такъ приунылъ? о чемъ запечалился?» — «Эхъ, старина! отвѣчаетъ хозяинъ: какъ не тужить

миѣ? вотъ даль Богъ — дождались мы праздника, люди добрые стануть радоваться и веселиться, а у насъ съ женою хотъ шаромъ покати, — кругомъ пусто!» — «Ну, что жъ? говоритъ старикъ: пойдѣ къ богатому мужику, да попроси у него въ долгъ что надо». — «Нѣтъ, не пойду; все равно не дастъ!» — «Ступай, пристаесть старикъ: иди смѣло и проси у него четверикъ солоду; мы съ тобой пива наваримъ». — «Э, старичокъ! теперича поздно; когда тутъ пиво варить? вить праздникъ-то завтра». — «Ужъ я тебѣ сказываю: ступай къ богатому мужику и проси четверикъ солоду; онъ тебѣ сразу дастъ! небось, не откажетъ! А завтра къ обѣду такое пиво у насъ будетъ, какого во всей деревнѣ никогда не бывало!» Нечего дѣлать, собрался бѣднякъ, взялъ мѣшокъ подъ мышку и пошелъ къ богатому. Приходитъ къ нему въ избу, кланяется, величаетъ по имени и отчеству, и проситъ въ заемъ четверикъ солоду: хочу де къ празднику пива сварить. «Что жъ ты прежде-та думалъ! говоритъ ему богатой: когда теперича варить? вить до праздника всего нѣ всего одна ночь осталась». — «Ничего, родимой! отвѣчаетъ бѣдной: коли милость твоя будетъ, мы какъ-нибудь сваримъ себѣ съ женою, будемъ вдвоемъ пить да величать праздникъ». Богатой набралъ ему четверикъ солоду и насыпалъ въ мѣшокъ; бѣдной поднялъ мѣшокъ на плечи и понесъ домой. Воротился и разсказалъ, какъ и что было. «Ну хозяйинъ! молвилъ старикъ: будетъ и у тебя праздникъ. А что, есть ли на твоємъ дворѣ колодезь?» — «Есть», говоритъ мужикъ. «Ну, вотъ мы въ твоємъ колодезѣ и наваримъ пива; бери мѣшокъ да ступай за мною». Вышли они на дворъ и прямо къ колодезю. «Высыпай-ка сюда!» говоритъ старикъ. «Какъ можно такое добро въ колодезь сыпать! отвѣчаетъ хозяйинъ: только одинъ четверикъ и есть, да и тотъ задаромъ долженъ пропасть!

Хорошаго ничего мы не сдѣлаемъ, только воду смутимъ». — «Слушай меня, все хорошо будетъ!» Что дѣлать, вывалили хозяинъ въ колодезь весь свой солодъ. «Ну, сказалъ старецъ: была вода въ колодезѣ, сѣлайся за ночь пивомъ! . . . Теперь, хозяинъ, пойдемъ въ избу да ляжемъ спать, — утро мудренѣе вечера; а завтра къ обѣду поспѣетъ такое пиво, что съ одного стакана пьянъ будешь». Вотъ дождались утра; подходитъ время къ обѣду, старикъ и говоритъ: «Ну, хозяинъ! теперича доставай ты побольше ушатовъ, станови кругомъ колодезя и наливай пивомъ полнѣхоньки, да и зови всѣхъ, кого ни завидишь, пить пиво похмельное». Бросился мужикъ по сосѣдямъ. «На что тебѣ ушаты понадобились?» спрашиваютъ его. «Очень, говоритъ, нужно; нѣ во что пива сливать». Вздивовались сосѣди: «что такое значить! не съ ума ли онъ спятилъ? куска хлѣба нѣтъ въ домѣ, а еще о пивѣ хлопочетъ!» — Вотъ хорошо, набралъ мужикъ ушатовъ двадцать, поставилъ кругомъ колодезя и сталъ наливать — и такое сдѣлалось пиво, что ни вздумать, ни взгадать, только въ сказкѣ сказать! Налилъ всѣ ушаты полнымъ-полнѣхоньки, а въ колодезѣ словно ничего не убыло. И сталъ онъ кричать, гостей на дворъ зазывать: «Эй, православные! пожалуйте ко мнѣ пить пиво похмельное; вотъ пиво — такъ пиво!» Смотрить народъ, что за диво такое? вишь налилъ изъ колодезя воды, а зоветъ на пиво; да-ка зайдемъ, посмотримъ, на какѹ это хитрость онъ поднялся? Вотъ повалили мужики къ ушатамъ, стали черпать ковшикомъ, пиво пробовать; очень показалось имъ это пиво: «Отродясь де такого не пивали!» И нашло народу полноъ дворъ. А хозяинъ не жалѣетъ, знай себѣ черпаетъ изъ колодезя да всѣхъ сплошь и угощаетъ. Услыхалъ про то богатой мужикъ, пришелъ къ бѣдному на дворъ, попробовалъ пива, и

зачалъ просить бѣднаго: «Научи де меня, какой хитростью сотворилъ ты эдакое пиво?» — «Да тутъ нѣтъ никакой хитрости, отвѣчалъ бѣдной: дѣло самое простое, — какъ принесъ я отъ тебя четверикъ солоду, такъ прямо и высыпалъ его въ колодезь: была де вода, сдѣлайся за ночь пивомъ!» — «Ну, хорошо же! думаетъ богатой: только ворочусь домой, такъ и сдѣлаю». Вотъ приходитъ онъ домой и приказываетъ своимъ работникамъ таскать изъ анбара самой что ни есть лучшей солоды и сыпать въ колодезь. Какъ взялись работники таскать изъ анбара, и впѣрли въ колодезь кулей десять солоду. «Ну, думаетъ богатой: пиво-то у меня будетъ получше, чѣмъ у бѣднаго!» Вотъ на другое утро вышелъ богатой на дворъ и поскорѣй къ колодезю, почерпнулъ и смотреть; какъ была вода — такъ и есть вода! только мутнѣе стала. «Что такое! должно быть мало солоду положили; надо прибавить», думаетъ богатой и велѣлъ своимъ работникамъ еще кулей пять ввалить въ колодезь. Высыпали они и въ другой разъ; не тутъ-то было, ничего не помогаетъ! весь солодъ задаромъ пропалъ. Да какъ прошелъ праздникъ, и у бѣднаго осталась въ колодезѣ только сущая вода; пива все равно какъ не бывало.

Опять приходитъ старецъ къ бѣдному мужику и спрашиваетъ: «Послушай, хозяинъ! сѣялъ ли ты хлѣбъ-атъ нынѣшнимъ годомъ?» — «Нѣтъ, дѣдушка, ни зерна не сѣялъ!» — «Ну, ступай же теперича опять къ богатому мужику и проси у него по четверику всякаго хлѣба; мы съ тобой поѣдемъ на поле да и посѣемъ». — «Какъ теперича сѣять? отвѣчаетъ бѣдной: вѣдь на дворѣ зима трескучая!» — «Не твоя забота! дѣлай, что приказываю. Наварилъ тебѣ пива, насѣю и хлѣба!» Собрался бѣдной, пошелъ опять къ богатому и выпросилъ у него въ долгъ по четверику всякаго зерна. Воро-

тился и говорить старику: «Все готово, дѣдушка!» Вотъ вышли они на поле, разыскали по примѣтамъ мужикову полосу — и давай разбрасывать зерно по бѣлому снѣгу. Все разбросали. «Теперича, сказалъ старикъ бѣдному: ступай домой и дожидай лѣта, будешь и ты съ хлѣбомъ!» Только пришелъ бѣдной мужикъ въ свою деревню, какъ провѣдали про него всѣ крестьяне, что онъ середѣ зимы хлѣбъ сѣялъ; смѣются на него — да и только: «Эка онъ, сердечной, хватился когда сѣять! осенью небось не догадался!» Ну, хорошо; дождалися весны, сдѣлалась теплынь, снѣга растаяли, и пошли зеленые всходы. «Да-ка, вздумалъ бѣдной: пойду — посмотрю, что на моей землѣ дѣлается». Приходить на свою полосу, смотреть, а тамъ такіе всходы, что душа не нарадуется! на чужихъ десятинахъ и вполовину не такъ хороши. «Слава Тебѣ Господи! говоритъ мужикъ: теперича и я поправляюсь». Вотъ пришло время жатвы; начали добрые люди убирать съ поля хлѣбъ. Собрался и бѣдной, хлопочетъ съ своею женою, и никакъ не сможетъ управиться; принужденъ созывать къ себѣ на жнитво рабочій народъ и отдавать свой хлѣбъ изъ половины. Дивуются всѣ мужики бѣдному: земли онъ не пахалъ, сѣялъ середѣ зимы, а хлѣбъ у него выросъ такой славной. Управился бѣдной мужикъ и зажилъ себѣ безъ нужды; коли что надо по хозяйству — поѣдетъ онъ въ городъ, продастъ хлѣба четверть, другую, и купить что знаетъ; а долгъ свой богатому мужику сполна заплатилъ. Вотъ богатой и думаетъ: «Да-ка и я зимой посѣю; авось и на моей полосѣ уродится такой-же славной хлѣбъ». Дождался того самаго дня, въ который сѣялъ бѣдной мужикъ прошлымъ годомъ, навалилъ въ сани нѣсколько четвертей разнаго хлѣба, выѣхалъ въ поле и давай сѣять по снѣгу. Засѣялъ все поле; только поднялась

къ ночи погода, подули сильные вѣтры и свѣяли съ его земли все зерно на чужія полосы. Вотъ и весна-красна; пошелъ богатой на поле и видить: пусто и голо на его землѣ, ни одного всхода не видать, а вездѣ, на чужихъ полосахъ, гдѣ ни пахано, ни сѣяно, поднялись такія зеленя, что любо-дорого! И раздумался богатой: «Господи, много издержалъ я на сѣмена — все нѣтъ толку; а вотъ у моихъ должниковъ ни пахано, ни сѣяно — а хлѣбъ самъ собой растеть! Должно быть, я — великой грѣшникъ!»

Изъ собранія В. И. Даля.

8

Христовъ братецъ

Одинъ старикъ, умирая, завѣщалъ своему сыну, чтобы онъ не забывалъ нищихъ. Вотъ на Свѣтлый день собрался онъ въ церковь и взялъ съ собой красныхъ лицъ христосоваться съ нищею братіей, хоть и крѣпко забранилась на него мать, — а была она злая, къ бѣднымъ немилостивая. Въ церкви не достало ему одного яйца: оставался еще одинъ срамной нищій, и позвалъ его парень на домъ къ себѣ разговѣться. Какъ увидала мать нищаго, больно осерчала: «Лучше, говоритъ, со псомъ разговѣться, нежели съ такимъ срамнымъ старикомъ!» — и не стала разговляться. Вотъ сынъ со старикомъ разговѣлись и пошли отдохнуть. И видить сынъ: на старикѣ одѣжонка плохинькая, а крестъ какъ жаръ горить. «Давай, говоритъ старецъ: крестами мѣняться; будь ты мнѣ братъ крестовый!» — «Нѣтъ, братъ! отвѣчаетъ парень: коли я захочу — такъ куплю себѣ эдакой крестъ, а тебѣ негдѣ взять». Однако старикъ уговорилъ парня помѣняться и позвалъ его къ себѣ въ гости во вторникъ на Святой. «А дорога,

говорить, — вонъ ступай по той дорожкѣ; скажи только: благослови, Господи! — такъ и дойдешь до меня».

Вотъ въ самый вторникъ вышелъ парень на тропинку, сказалъ: «Благослови, Господи!» и пустился въ путь-дорогу. Прошелъ немного — и слышитъ дѣтскіе голоса: «Христовъ братецъ, скажи объ насъ Христу — долго ли намъ мучиться?» Прошелъ еще немного — и видитъ: дѣвицы изъ колодца въ колодець воду переливаютъ. «Христовъ братецъ, говорятъ онѣ ему: скажи объ насъ Христу — долго ли намъ мучиться?» Идетъ онъ дальше — и видитъ тынъ, а подь тѣмъ тыномъ виднѣются старики; всѣхъ иломъ занесло! И говорятъ они: «Христовъ братецъ, скажи объ насъ Христу — долго ли намъ мучиться?» Идетъ все дальше и дальше — и вотъ усмотрѣлъ того самаго старца, съ которымъ вмѣстѣ онъ разговлялся. Старецъ у него спрашиваетъ: «Не видалъ ли чего по дорогѣ?» Парень разсказалъ ему все, какъ было. «Ну, узналъ ли ты меня?» говоритъ старецъ, — и только тутъ узналъ мужикъ, что это былъ самъ Господь Іисусъ Христосъ. «За что жъ, Господи, младенцы мучатся?» — «Ихъ мать во чревѣ прокляла, имъ въ рай и пройти нельзя!» — «А дѣвицы?» — «Обѣ молокомъ торговали, въ молоко воду мѣшали; теперь весь вѣкъ будутъ онѣ переливать воду!» — «А старики?» — «Какъ жили они на бѣломъ свѣтѣ, такъ говорили: только бы на этомъ свѣтѣ хорошо пожить, а на томъ все равно — хоть тынъ нами подпирай! Вотъ они весь вѣкъ и будутъ стоять подь тыномъ». Потомъ повелъ Христосъ мужика по раю и сказалъ, что тутъ и ему мѣсто уготовано (мужику и выйти оттудова не хотѣлось!). А послѣ повелъ его къ аду, и сидитъ въ аду мать мужика; онъ и сталъ просить Христа: «Помилуй ее, Господи!» Повелѣлъ ему Христосъ свить напередъ веревку изъ кострики. Мужикъ свилъ веревку изъ кострики: видно

ужь Господь такъ далъ! Приносить ко Христу. «Ну, говорить онъ: ты виль эту веревку тридцать лѣтъ, довольно потрудились за свою мать — вытащи ее изъ ада». Сынъ кинулъ веревку къ матери, а та сидитъ въ смолѣ кипучей. Веревка не горитъ — такъ Богъ далъ! Сынъ совсѣмъ было вытащилъ свою мать, ужь за голову ее схватилъ, да она какъ крикнетъ на него: «Ахъ ты, борзой кобель, совсѣмъ было удавилъ!» — веревка оборвалась, и полетѣла грѣшница опять въ смолу кипучую. «Не хотѣла она, сказалъ Христосъ: и тутъ воздержать своего сердца; пусть-же сидитъ въ аду вѣки вѣчныя!»

Доставлена отъ П. В. Кирѣевского.

(b*) Былъ-жилъ купецъ съ купчихою — оба скупы и къ нищимъ немилостивы. Былъ у нихъ сынъ, и задумали они его женить. Сосватали невѣсту и сыграли свадьбу. «Послушай, другъ! говорила молодая мужу: отъ свадьбы нашей осталось много напеченаго и наваренаго; прикажи все это скласть на возъ и развезти по бѣднымъ: пусть кушаютъ за наше здоровье». Купеческій сынъ сейчасъ позвалъ приказчика, и все, что отъ пира осталось, велѣлъ раздать нищимъ. Какъ узнали про то отецъ и мать, больно осерчали они на сына и сноху: «Эдакъ, пожалуй, раздадутъ все имѣніе!» и прогнали ихъ изъ дому. Пошелъ сынъ со своею женою, куда глаза глядятъ. Шли, шли, и приходятъ въ густой темной лѣсъ. Набредли на хижину — стоитъ пустая — и остались въ ней жить.

Прошло время немалое, наступилъ великой постъ; вотъ уже и постъ подходитъ въ концу. «Жена! говорить купеческой сынъ: я пойду въ лѣсъ, не удастся ли застрѣлить какой птицы, чтобъ было чѣмъ на праздникъ разговѣться». — «Ступай!» говорить жена. Долго ходилъ

онъ по лѣсу, не видалъ ни одной птицы; сталъ воротаться домой и увидалъ — лежить человѣческая голова, вся въ червяхъ. Взялъ онъ эту голову, положилъ въ сумку и принесъ къ женѣ. Она тотчасъ обмыла ее, очистила и положила въ уголь подъ образа. Ночью подъ самый праздникъ засвѣтили они передъ иконами восковую свѣчу и зачали Богу молиться, а какъ настало время быть заутренѣ, подошелъ купеческой сынъ къ женѣ и говорить: «Христосъ воскрес!» Жена отвѣчаетъ: «Воистину воскрес!» И голова отвѣчаетъ: «Воистину воскрес!» Говорить онъ и въ другой, и въ третій разъ: «Христосъ воскрес!» — и отвѣчаетъ ему голова: «Воистину воскрес!» Смотрить онъ со страхомъ и трепетомъ: оборотилась голова свѣдымъ старцемъ. И говорить ему старецъ: «Будь ты моимъ меньшимъ братомъ; прїѣзжай ко мнѣ завтра, я приплю за тобой крылатаго коня». Сказалъ и исчезъ.

На другой день стоитъ передъ хижиной крылатый конь. «Это братъ за мной прислалъ», говорить купеческой сынъ, сѣлъ на коня и пустился въ дорогу. Прїѣхалъ, и встрѣчаетъ его старецъ. «Гуляй у меня по всѣмъ садамъ, сказалъ онъ: ходи по всѣмъ горницамъ; только не ходи въ эту, что печатью запечатана». Вотъ купеческой сынъ ходилъ-гулялъ по всѣмъ садамъ, по всѣмъ горницамъ; подошелъ наконецъ къ той, что печатью запечатана, и не вытерпѣлъ: «Дай посмотрю, что тамъ такое!» Отворилъ дверь и вошелъ; смотреть — стоятъ два котла кипучіе; заглянулъ въ одинъ, а въ котлѣ сидитъ отецъ его и бьется оттуда выпрыгнуть; схватилъ его сынъ за бороду и сталъ вытаскивать, но сколько не силился, не могъ вытащить; только борода въ рукахъ осталась. Заглянулъ въ другой котель, а тамъ мать его мучится. Жалко ему стало, схватилъ ее за косу и давай тащить; но опять сколько ни силился,

ничего не сдѣлалъ; только коса въ рукахъ осталась. И узналъ онъ тогда, что то не старецъ, а самъ Господь называлъ его меньшимъ братомъ. Воротился онъ къ нему, палъ къ стопамъ и молилъ о прощеніи, что нарушилъ заповѣдь и побывалъ въ запретной комнатѣ. Господь простилъ его и отпустилъ назадъ на крылатомъ конѣ. Воротился домой купеческой сынъ, а жена и говорить ему: «Что такъ долго гостилъ у брата?» — «Какъ долго! всего одни сутки пробылъ». — «Не одни сутки, а цѣлыхъ три года!» Съ тѣхъ поръ они еще милосерднѣе стали къ нищей братіи.

Изъ собранія В. И. Даля.

(с*) Въ одномъ селѣ жилъ мужикъ; у него былъ сынъ — доброй да набожной. Разъ отпросился онъ у отца и отправился на богомолье. Шель-шель, и пришелъ къ избушкѣ, а въ той избушкѣ стоитъ старичокъ на колѣняхъ и Богу молится. Усмотрѣлъ его старецъ и спрашиваетъ: «Кто ты таковъ и куда путь держишь?» — «Крестьянской сынъ, иду на богомолье». — «Иди сюда, давай вмѣстѣ молиться». Стали они рядомъ передъ святою иконою и долго-долго молились Богу. Окончили молитву; старецъ и говорить: «Давай теперь побратаемся». Побратались они, распрощались и пошли всякой своею дорогою.

Только воротился крестьянской сынъ домой, отецъ вздумалъ женить его; сосваталъ невѣсту и велитъ подъ вѣнецъ идти. «Батюшка, говорить крестьянской сынъ: позволь мнѣ весь вѣкъ свой Богу служить; я жениться не хочу». Отецъ и слышать того не хочетъ: «Ступай, да и ступай подъ вѣнецъ». Вотъ онъ подумалъ-подумалъ и ушелъ изъ родительскаго дому. Идетъ путемъ-дорогою, а навстрѣчу ему тотъ самой старецъ, съ которымъ онъ побратался. Взялъ его за руку и привелъ къ себѣ въ садъ. И показалось крестьянскому сыну, что побылъ

онъ здѣсь только три минуточки; а былъ онъ въ саду не три минуточки, а триста годовъ. Какъ воротился въ свое село, смотритъ — и церковь уже не та, и люди другіе. Сталъ спрашивать у священника: «Гдѣ же прежняя церковь и гдѣ такіе-то люди?» — «Этого я не запомню», говоритъ священникъ. «Гдѣ же та невѣста, отъ которой женихъ изъ-подъ вѣнца ушелъ?» Справился священникъ по книгамъ и рассказываетъ: «Это ужъ давнымъ-давно было, назадъ тому триста лѣтъ». Потомъ разспросилъ онъ крестьянскаго сына, кто онъ таковъ и откуда явился; а какъ узналъ обо всемъ, велѣлъ причетникамъ обѣдню служить: «Это, говоритъ, меньшей братъ Христовъ!» Стала обѣдня отходить, началъ крестьянской сынъ умаляться; окончилась обѣдня — и его не стало.

Записана въ Зубцовскомъ у., Тверской г. Изъ собранія В. И. Даля.

9

Егорій Храбрый

Какъ во городѣ, во Ерусалимѣ,
При царѣ было, при Ѳеодорѣ,
При царицѣ было, при Софѣѣ,
Породила она Ѳеодору три дочери,
Еще четвертаго Егорія Харабраго.
Выходитъ изъ той земли, изъ жидовскія,
Жидовскія, босурманскія,
Царица Мартемьянища.
Полонилъ онъ у Ѳедора три дочери,
Еще четвертаго Егорія Харабраго.
Злодѣй-царица Мартемьянища
Святому Егорию глаголетъ:
«Охъ ты гой еси, Егорій Храбрый свѣтъ!
Ты не вѣруй самому Христу,
Самому Христу, царю небесному;

А ты вѣруй сатанѣ-врагу со діаволомъ». Святой Егорій глаголетъ:
«Я не вѣрую сатанѣ-врагу,
Сатанѣ-врагу со діаволомъ;
А я вѣрую самому Христу,
Самому Христу, царю небесному!»
Злодѣй-царица Мартемьяница
На святаго Егорія осержается,
На святое тѣло опалается,
На святое тѣло на Егорьево:
Повелѣлъ Егорія въ топоры рубить.
Не добре Егорія топоры берутъ,
У топоровъ лезвѣя посломалися
Отъ святаго тѣла Егорьева.
Злодѣй-царица Мартемьяница
Святому Егорію глаголетъ:
«Охъ ты гой еси, Егорій Харабрый свѣтъ!
Ты не вѣруй самому Христу,
Самому Христу, царю небесному;
А ты вѣруй сатанѣ-врагу,
Сатанѣ-врагу со діаволомъ». Святой Егорій глаголетъ:
«Я не вѣрую сатанѣ-врагу,
Сатанѣ-врагу со діаволомъ;
А я вѣрую самому Христу,
Самому Христу, царю небесному!»
Злодѣй-царица Мартемьяница
На святаго Егорія осержается,
На святое тѣло опалается,
На святое тѣло на Егорьево:
Повелѣлъ Егорія во смолѣ варить.
Не добре Егорія смола беретъ,
И поверхъ смолы Егорій плаваетъ,
Самъ стихи поетъ херувимскіе,

Онъ гласы гласить все евангельскіе.
Злодѣй-царища Мартемьянища
На святаго Егорія осержается,
На святое тѣло опалается,
На святое тѣло на Егорьево:
Повелѣлъ Егорія во пилы пилить.
Не добре Егорія пилы берутъ,
У пиль зубья полопалися
Отъ святаго тѣла отъ Егорьева.
Злодѣй-царища Мартемьянища
На святаго Егорія осержается,
На святое тѣло опалается,
На святое тѣло на Егорьево:
Повелѣлъ Егорію сапоги ковать желѣзные,
Становить на плиты на чугуныя, на каленыя.
Не добре Егорія сапоги берутъ,
Въ сапогахъ стоитъ —
Самъ стихи поетъ херувимскіе,
А гласы гласить все евангельскіе.
Злодѣй-царища Мартемьянища
Святому Егорію глаголетъ:
«Охъ ты гой еси, Егорій Харабрый свѣтъ!
Ты не вѣруй самому Христу,
Самому Христу, царю небесному;
А ты вѣруй сатанѣ-врагу,
Сатанѣ-врагу со діаволомъ».
Святой Егорій глаголетъ:
«Я не вѣрую сатанѣ-врагу со діаволомъ,
А я вѣрую самому Христу,
Самому Христу, царю небесному!»
Злодѣй-царища Мартемьянища
На святаго Егорія осержается,
На святое тѣло опалается,
На святое тѣло на Егорьево:

Повелѣлъ Егорію погреба копать,
 Погреба копать ему глубокіе —
 Длины погребъ сорокъ сажень,
 Ширины погребъ тридцать сажень,
 Глубины погребъ двадцать сажень;
 Садилъ Егорія во глубокой погребъ,
 А самъ собака приговариваетъ:
 «Не бывать Егорію на святой Руси,
 Не видать Егорію солнца краснаго,
 Не слыхать Егорію будетъ звону колокольнаго,
 Не слыхать Егорію будетъ четья, пѣтя¹ церковнаго!»
 Защитилъ онъ щитомъ дубовымъ,
 Задвигалъ онъ досками чугунными,
 Засыпалъ онъ песками рудожелтыми.
 Какъ по Божіему повелѣнію, по Егорьеву умоленію
 Подымалися вѣтры буйные со святой Руси,
 Со святой Руси — погода и со вихоремъ;
 Разносили пески рудожелтые,
 Раздвигали доски чугунные,
 Разметали щиты все дубовые.
 Выходитъ Егорій на святую Русь.
 Идетъ во свой во Ерусалимъ-градъ.
 Ерусалимъ-градъ — онъ пусть стоитъ;
 Однѣ церкви! . . . и стоитъ одна
 Церковь Божія соборная, богомольная:
 Во той во церкви его матушка,
 Святая Софья премудрая,
 На святые иконы Богу молится;
 Молитва ея къ Богу доносится.
 Увидѣла она Егорія Харабраго,
 Называла милымъ чадомъ,
 А сама говоритъ таково слово:
 «Охъ ты гой еси, Егорій Харабрый свѣтъ!»

¹ Чтенія и пѣнія.

Ты бери себѣ коня сиваго
Со двѣнадцати цѣпей желѣзныхъ,
Поѣзжай ты во чисто поле».
Святой Егорій поѣзжаючи,
Святую вѣру утверждаючи,
Еще Егорій наѣзжаючи
На тѣ лѣса на дремучіе, —
Древо съ древомъ совивалосѣ,
Къ сырой земли приклонялося,
Не добре Егорию лѣзя проѣхати,
Святой Егорій глаголетъ:
«Охъ вы гой еси, лѣса темные,
Лѣса темные и дремучіе!
Разойдитесь лѣса по всей земли,
Вы не вѣруйте сатанѣ-врагу,
Сатанѣ-врагу со діаволомъ;
А вы вѣруйте самому Христу,
Самому Христу, царю небесному».
Разошлись лѣса по всей земли.
И еще Егорій поѣзжаючи,
Святую вѣру утверждаючи,
И еще Егорій наѣзжаючи
На тѣ горы на высокія, на толкучія, —
Гора съ горою сѣйдется, не разойдется.
Не добре Егорию лѣзя проѣхати,
Святой Егорій глаголетъ:
«Охъ вы гой еси, горы толкучія!
Разойдитесь горы по всей земли,
Вы не вѣруйте сатанѣ-врагу,
Сатанѣ-врагу со діаволомъ;
Ужъ вы вѣруйте самому Христу,
Самому Христу, царю небесному».
Разошлись горы по всей земли.
И еще Егорій поѣзжаючи,

Святую вѣру утвержаючи,
И еще Егорій наѣзжаючи
На то стадо на звѣриное, на змѣиное;
Не добре Егорию лѣзя проѣхати,
Святой Егорій глаголетъ:
«Охъ вы гой еси, звѣри свирѣпые!
Разойдитесь, звѣри, по всей земли,
Вы не вѣруйте сатанѣ-врагу,
Сатанѣ-врагу со діаволомъ;
А вы вѣруйте самому Христу,
Самому Христу, царю небесному».
Разошлись звѣри по всей земли.
И еще Егорій поѣзжаючи,
Святую вѣру утвержаючи,
И еще Егорій наѣзжаючи
На то стадо на змѣиное,
На змѣиное, на звѣриное, —
Пасутъ то стадо три пастыря,
Три милыя сѣстры.
Не добре Егорию лѣзя проѣхати;
Святой Егорій Харабрый свѣтъ —
Слѣзаетъ онъ со бѣла осла (коня?),
Беретъ онъ свое (с)кипетро вострое,
И побилъ онъ все стадо змѣиное.
Все змѣиное, все звѣриное;
А самъ говоритъ таково слово:
«Охъ вы гой еси, три пастыря,
Три милыя сѣстры!
Вы подите во свой во Ерусалимъ-градъ
И купайтесь во Іорданѣ-рѣкѣ;
Набрались всѣ вы духа нечистаго,
Духа нечистаго, босурманскаго».
И еще Егорій поѣзжаючи,
Святую вѣру утвержаючи,

И еще Егорій наѣзжаючи
 На тѣ ворота кесарійскія, іерусалимскія, ---
 На воротахъ сидитъ Острафилъ-птица,
 Во когтяхъ держитъ осетра-рыбу.
 Не добре Егорию лѣзя проѣхати,
 Святой Егорій глаголетъ:
 «Охъ ты гой еси, матушка Острафилъ-птица!
 Ты не вѣруй сатанѣ-врагу,
 Сатанѣ-врагу со діаволомъ;
 А ты вѣруй самому Христу,
 Самому Христу царю небесному.
 Полети жъ ты птица, на сини моря,
 Пей и ѣшь повелѣнное,
 Повелѣнное, благословенное,
 И дѣтей води на синѣмъ морѣ».
 И еще Егорій поѣзжаючи,
 Святую вѣру утверждаючи,
 И еще Егорій наѣзжаючи
 На того злодѣя-царица Мартемьянища;
 Увидѣлъ онъ собака Егорія Харабраго,
 Закричалъ онъ собака по-звѣриному,
 Засвисталъ онъ собака по-змѣиному.
 Святой Егорій Харабрый свѣтъ ---
 Слѣзаетъ онъ со бѣла осла,
 Беретъ онъ свою палицу желѣзную,
 Поразилъ онъ тутъ царица Мартемьянища.
 Потопила Егорія кровь жидовская,
 Кровь жидовская, босурманская:
 По колѣна во кровѣ стоитъ ---
 Святой Егорій глаголетъ:
 «Охъ ты гой еси, матушка сыра земля!
 Прими въ себя кровь жидовскую,
 Кровь жидовскую, босурманскую».
 Разступилася матушка сыра земля

На двѣ стороны, на четыре четверти,
Пожрала въ себя кровь жидовскую,
Кровь жидовскую, босурманскую.
Живучи Егорій мучился на вольномъ свѣтѣ,
Отъ грѣховъ своихъ очистился.
Богу нашему слава нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ.
Аминь.

Записана въ Сорокинской пристани, Екатеринбургскаго у.,
Пермской губ. Изъ собранія В. И. Даля.

(b*) Егорій святой Богу молился
За мать за родную!
Великую онъ скорбь перенесъ
За мать за родную:
Его во пилы пилили,
Въ топоры рубили;
У пилъ зубья посшибались,
У топоровъ лезья до обухъ выбивались,
И Егорию ничего не дѣялось!
Его во смолѣ варили,
Въ водѣ студендой топили.
Егорій въ водѣ не утопаетъ,
Поверхъ смолы плаваетъ!
Вырыли погребъ глубокой
Сажали въ него Егорія;
Досками дубовыми закрывали,
Гвоздями полужёными забивали,
Желтыми песками засыпали
За мать за родную!
Сидѣлъ тутъ Егорій
Тридцать два года;
Поднималась бурна погода
Разнесли вѣтры желтые пески,
Разнесли вѣтры до единой доски!

И собралъ Егорій дружину отборну;
И ѣхалъ Егорій въ церковь соборну;
Тутъ мать его Богу молилась,
Слеза горяча потокомъ катилась.
«Поди, поди, Егорій! сядь на коня, приуправься!
Лютаго змія копьемъ порази,
Материнскую кровь отомсти».
— «Стѣбитъ ли, мать, мое рожденіе
Всего моего похождения?»
«Вдвое стѣдитъ твое рожденіе
За меня претерпѣнна мученія!»
Сѣлъ Егорій на борза коня, приуправился!
И наѣхалъ Егорій на лѣса валющи:
«Лѣса, лѣса, вы привстаньте!
Срублю я изъ васъ церковь соборну,
Поставлю я въ ней икону святую
За мать за родную».
Вѣхалъ Егорій могучій
Въ великой городъ толкучій,
И наѣхалъ на дѣвокъ мудрѣныхъ:
«Дѣвицы, дѣвицы, къ вамъ рѣчь я веду —
Пдите на Ерданъ на рѣку,
Воспримитесь, перекреститесь!»
Вѣхалъ Егорій въ лѣса дремучи,
Встрѣлись Егорію волки прискучи,
Гдѣ волкъ, гдѣ два:
«Соберитесь вы, волки!
Будьте вы мои собаки,
Готовьтесь для страшныя драки».
Наѣхалъ Егорій на стадо птицъ:
«Птицы, синицы!
Летите вы на море,
На пиръ на кровавой».
Наѣхалъ Егорій на змія-горюна . . .

Но Егорій не ужахался,
Егорій не устрахался,
Острымъ копьемъ змія заколотъ,
Стаи птицъ прилетали,
Змія-горюна клевали;
Синё море волной наtekло,
Змія-горюна съ собой унесло.

Записана въ Егорьевскомъ у., Рязанской губ. Изъ собранія
В. И. Даля.

10

Илья-пророкъ и Никола

Давно было; жилъ-былъ мужикъ. Николинъ день
завсегда почиталъ, а въ Ильинъ нѣтъ-нѣтъ, да и ра-
ботать станеть; Николѣ-угоднику и молебень отслу-
жить, и свѣчку поставить, а про Илью-пророка и
думать забылъ.

Вотъ разъ какъ-то идетъ Илья-пророкъ съ Николой
полемъ этого самаго мужика; идутъ они да смотрять
— на нивѣ зеленя стоятъ такія славныя, что душа ни
нарадуется. «Вотъ будетъ урожай, такъ урожай!
говорить Никола. Да и мужикъ-то, право, хорошій,
доброй, набожной; Бога помнитъ и святыхъ знаетъ!
Къ рукамъ добро достанется...» — «А вотъ посмотримъ,
отвѣчалъ Илья: еще много ли достанется! какъ спалю
я молніей, какъ выбью градомъ все поле, такъ будетъ
мужикъ твой правду знать, да Ильинъ день почитать».
— Пospорили-пospорили и разошлись въ разныя
стороны. Никола-угодникъ сейчасъ къ мужику: «Про-
дай, говоритъ, поскорѣе ильинскому батькѣ весь свой
хлѣбъ на корню; не то ничего не останется, все градомъ
повыбьетъ». Бросился мужикъ къ попу: «Не купишь ли,
батюшка, хлѣба на корню? все поле продамъ; такая ну-
жда въ деньгахъ прилучилась, что вынь да положь! Купи,

отецъ! задёшево отдамъ». Торговаться-торговаться, и сторговались. Мужикъ забралъ деньги и пошелъ домой.

Прошло ни много, ни мало времени: собралась, понадвинулась грозная туча, страшнымъ ливнемъ и градомъ разразилась надъ нивою мужика, весь хлѣбъ какъ ножомъ сръзала — не оставила ни единой былинки. На другой день идетъ мимо Илья-пророкъ съ Николою; и говоритъ Илья: «Посмотри, каково разорилъ я мужиково поле!» — «Мужиково? Нѣтъ, братъ! разорилъ ты хорошо, только это поле ильинскаго попа, а не мужиково». — «Какъ попа?» — «Да такъ; мужикъ — съ недѣлю будетъ — какъ продалъ его ильинскому батькѣ и деньги все сполна получилъ. То-то, чай, попъ по деньгамъ плачетъ!» — «Постой же, сказалъ Илья-пророкъ; я опять поправлю ниву, будетъ она вдвое лучше прежняго». Поговорили, пошли всякой своей дорогою. Никола-угодникъ опять къ мужику: «Ступай, говорить, къ попу, выкупай поле — въ убыткѣ не будешь». Пошелъ мужикъ къ попу, кланяется и говоритъ: «Вижу, батюшка, послалъ Господь Богъ несчастіе на тебя — все поле градомъ выбито, хоть шаръ покати! Такъ ужъ и быть, давай пополамъ грѣхъ: я беру назадъ свое поле, а тебѣ на бѣдность вотъ половина твоихъ денегъ». Попъ обрадовался, и тотчасъ они по рукамъ ударили.

Межъ тѣмъ — откуда что взялось — стало мужиково поле поправляться; отъ старыхъ корней пошли новые свѣжіе побѣги. Дождевыя тучи то-и-дѣло несутся надъ нивою и поятъ землю; чудный уродился хлѣбъ — высокой да частой; сорной травы совсѣмъ не видать; а колосъ налился полной-полной, такъ и гнѣтся къ землѣ. Пригрѣло солнышко и созрѣла рожь — словно золотая стоитъ въ полѣ. Много нажалъ мужикъ сноповъ, много наклалъ копенъ; ужъ собрался возить,

да въ скирды складывать. На ту пору идетъ опять мимо Илья пророкъ съ Николою. Весело оглянуль онъ все поле и говорить: «Посмотри, Никола, какая благодать! Вотъ такъ наградилъ я попа, по вѣкъ свой не забудеть . . .» — «Попа?! Нѣтъ братъ! благодать то велика, да вѣдь поле это — мужиково; попъ тутъ ни при чемъ останется». — «Что ты!» — «Правое слово! Какъ выбило градомъ всю ниву, мужикъ пошелъ къ ильинскому батькѣ и выкупилъ ее назадъ за половинную цѣну». — «Постой же! сказалъ Илья-пророкъ; я отниму у хлѣба всю спорынью: сколько бы ни наклалъ мужикъ сноповъ, больше четверика заразъ не вымолотить». — «Плохо дѣло!» думаетъ Никола-угодникъ; сейчасъ отправился къ мужику: «Смотри, говорить, какъ станешь хлѣбъ молотить, больше одного снопа заразъ не клади на токъ».

Сталь мужикъ молотить: чтò ни снопъ, то и четверикъ зерна. Всѣ закорма, всѣ клѣти набилъ рожью, а все еще остается много; поставилъ онъ новые анбары и насыпалъ полнѣхоньки. Вотъ идетъ какъ-то Илья пророкъ съ Николою мимо его двора, посмотрѣль туда-сюда и говорить: «Ишь какіе анбары вывелъ! что то насыпать въ нихъ станетъ?» — «Они ужъ полнѣхоньки», отвѣчаетъ Никола-угодникъ. «Да откуда же взялъ мужикъ столько хлѣба?» — «Эва! у него всякой снопъ далъ по четверику зерна; какъ зачалъ молотить, онъ все по одному снопу клалъ на токъ». — «Э, братъ Никола! догадался Илья-пророкъ: это все ты мужику пересказываешь». — «Ну, вотъ выдумалъ; стану я пересказывать . . .» — «Какъ тамъ хочешь, а ужъ это твое дѣло! Ну, будетъ же меня мужикъ помнить!» — «Что жъ ты ему сдѣлаешь?» — «А что сдѣлаю, того тебѣ не скажу». — «Вотъ когда бѣда, такъ бѣда приходитъ!» думаетъ Никола-угодникъ, и опять къ мужику: «купи,

говорить, двѣ свѣчи, большую да малую, и сдѣлай то-то и то-то».

Вотъ на другой день идутъ вмѣстѣ Илья-пророкъ и Никола-угодникъ въ видѣ странниковъ, и попадаетея имъ навстрѣчу мужикъ: несетъ двѣ восковыя свѣчи — одну большую рублевую, а другую копеечную. «Куда, мужичокъ, путь держишь?» спрашиваетъ его Никола-угодникъ. «Да вотъ иду свѣчку рублевую поставить Ильѣ-пророку; ужъ такой былъ милостивой ко мнѣ! Градомъ поле выбило, такъ онъ батюшка постарался, да вдвое лучше прежняго далъ урожай». — «А копеечная-то свѣча на что?» — «Ну, эта Николѣ!» сказалъ мужикъ и пошелъ дальше. «Вотъ ты, Илья, говоришь, что я все мужику пересказываю; чай, теперь самъ видишь, какая это правда!»

На томъ дѣло и покончилось; смиловался Илья-пророкъ, пересталъ мужику бѣдою грозить; а мужикъ зажилъ припѣваячи, и сталъ съ той поры одинаково почитать и Ильинъ день и Николинъ день.

Записана со словъ крестьянина Ярославской губ.

11

Касьянъ и Никола

Разъ въ осеннюю пору увязилъ мужикъ возъ на дорогѣ. Знамо, какія у насъ дороги; а тутъ еще случилось осенью — такъ и говорить нечего! Мимо идетъ Касьянъ-угодникъ. Мужикъ не узналъ его и давай просить: «Помоги, родимой, возъ вытащить!» — «Подиты! сказалъ ему Касьянъ-угодникъ: есть мнѣ когда съ вами валяндаться!» Да и пошелъ своею дорогою. Немного спустя идетъ тутъ же Никола-угодникъ. «Батюшка, завопилъ опять мужикъ: батюшка! помоги возъ вытащить». Никола-угодникъ и помогъ ему.

Вотъ пришли Касьянъ-угодникъ и Никола-угодникъ къ Богу въ рай. «Гдѣ ты былъ, Касьянъ-угодникъ?» спросилъ Богъ. «Я былъ на землѣ, отвѣчалъ тотъ: прилучилось мнѣ идти мимо мужика, у котораго возъ завязъ; онъ просилъ меня: помоги, говоритъ, возъ вытащить; да я не сталъ марать райскаго платья». — «Ну, а ты гдѣ такъ выпачкался?» спросилъ Богъ у Никола-угодника. «Я былъ на землѣ; шелъ по той же дорогѣ и помогъ мужику вытащить возъ», отвѣчалъ Никола-угодникъ. «Слушай, Касьянъ! сказалъ тогда Богъ: не помогъ ты мужику — за то будутъ тебѣ черезъ три года служить молебны. А тебѣ, Никола-угодникъ! за то, что помогъ мужику возъ вытащить — будутъ служить молебны два раза въ годъ». Съ тѣхъ поръ такъ и сдѣлалось: Касьяну въ високосный только годъ служатъ молебны, а Николѣ два раза въ годъ.

Записана въ Орловскомъ у. П. И. Якушкинымъ.

12

Золотое стремя

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ одинъ цыганъ, была у него жена и семеро дѣтей, и дожилъ онъ до того, что ни ѣсть, ни пить нечего — нѣтъ ни куска хлѣба! Работать-то онъ лѣнится, а воровать боится: что дѣлать? Вотъ вышелъ цыганъ на дорогу и стоитъ въ раздумьи. На ту пору ѣдетъ Егорій Храбрый. «Здорово! говоритъ цыганъ: куды ѣдешь?» — «Къ Богу». — «Зачѣмъ?» — «За приказомъ: чѣмъ кому жить, чѣмъ промыслять». — «Доложи и про меня Господу, говоритъ цыганъ: чѣмъ велитъ мнѣ питаться?» — «Хорошо, доложу!» отвѣчалъ Егорій и поѣхалъ своей дорогой. Вотъ цыганъ ждалъ его, ждалъ и только завидѣлъ, что Егорій ѣдетъ назадъ, сейчасъ и спрашиваетъ: «Что жъ, доложилъ про меня?»

— «Нѣтъ», говоритъ Егорій. «Что жъ такъ?» — «Забылъ!» Вотъ и въ другой разъ вышелъ цыганъ на дорогу, и опять повстрѣчалъ Егорія: ѣдетъ онъ къ Богу за приказомъ. Цыганъ и проситъ: «Доложи де про меня!» — «Хорошо», сказалъ Егорій — и опять позабылъ. Вышелъ цыганъ и въ третій разъ на дорогу, увидалъ Егорія и снова проситъ: «Скажи де про меня Богу!» — «Хорошо, скажу». — «Да ты, пожалуй, забудешь?» — «Нѣтъ, не забуду». Только цыганъ не вѣритъ: «Дай, говоритъ, мнѣ твое золотое стремянѣ, я подержу, пока ты назадъ вернешься; а безъ того ты опять позабудешь». Егорій отвязалъ золотое стремянѣ, отдалъ цыгану, а самъ объ одномъ стремянѣ поѣхалъ дальше. Приѣхалъ къ Богу и сталъ спрашивать: чѣмъ кому жить, чѣмъ промышлять? Получилъ приказъ и хотѣлъ было назадъ ѣхать; только сталъ на лошадь садиться, глянулъ на стремянѣ и вспомнилъ про цыгана. Воротился къ Богу и говоритъ: «Попался мнѣ еще на дорогѣ цыганъ и наказалъ спросить: чѣмъ ему питаться?» — «А цыгану, говоритъ Господь: то и промыселъ, коли у кого что возьметъ да утаитъ; его дѣло обмануть да выбожить!» Сѣлъ Егорій на коня и приѣхалъ къ цыгану: «Ну, правду ты, цыганъ, сказывалъ! коли бъ не взялъ ты стремянѣ, совсѣмъ бы забылъ про тебя». — «То-то и есть! сказалъ цыганъ; теперь по вѣкъ меня не забудешь, какъ только глянешь на стремянѣ — сейчасъ меня помянешь». — «Ну, что Господь-то сказалъ?» — «А то и сказалъ: коли у кого что возьмешь — утаишь да забojiшь, твое и будетъ!» — «Спасибо», молвилъ цыганъ, поклонился и повернулъ домой. «Куда жъ ты? сказалъ Егорій; отдай мое золотое стремянѣ». — «Какое стремянѣ?» — «Да ты же у меня взялъ?» — «Когда я у тебя бралъ? я тебя впервой вижу, и никакого стремянѣ не бралъ, ей-Богу, не бралъ!» забожился цыганъ.

Что дѣлать — бился съ нимъ, бился Егорій, такъ и уѣхалъ ни съ чѣмъ! «Ну, правду сказывалъ цыганъ: коли бъ не давалъ ему стремена — и не зналъ бы его, а теперь по вѣкъ помнить буду!»

Цыганъ взялъ золотое стремя и пошелъ продавать. Идетъ дорогою, а навстрѣчу ему ѣдетъ баринъ. «Что, цыганъ, продаешь стремя?» — «Продаю». — «Что возьмешь?» — «Полторы тысячи рублей». — «Зачѣмъ такъ дорого?» — «Затѣмъ, что оно золотое». — «Ну, ладно!» сказалъ баринъ; хватился въ карманъ — нѣтъ больше тысячи. «Вотъ тебѣ, цыганъ, тысяча — отдавай стремя; а остальные деньги напоследяхъ получишь». — «Нѣтъ, баринъ; тысячу-то рублей, пожалуй, я возьму, а стремя не отдамъ; какъ доплешь, что слѣдуетъ по уговору, тогда и товаръ получишь». Баринъ отдалъ ему тысячу и поѣхалъ домой. И только приѣхалъ — сейчасъ же вынулъ пятьсотъ рублей и послалъ къ цыгану съ своимъ человѣкомъ: «Отдай, говоритъ, эти деньги цыгану, да возьми у него золотое стремя». Вотъ приходитъ барской человѣкъ въ избу къ цыгану. «Здорово, цыганъ!» — «Здорово, доброй человѣкъ!» — «Я привезъ тебѣ деньги отъ барина». — «Ну, давай, коли привезъ». — Взялъ цыганъ пятьсотъ рублей и давай поить его виномъ: напоилъ досыта! Какъ напоилъ досыта, сталъ барской человѣкъ собираться домой и говоритъ цыгану: «Давай же золотое стремя». — «Какое?» — «Да то, что барину продалъ!» — «Когда продалъ? у меня никакого стремя не было». — «Ну, подавай назадъ деньги!» — «Какія деньги?» — «Да я сейчасъ отдалъ тебѣ пятьсотъ рублей». — «Никакихъ денегъ я не видалъ, ей-Богу, не видалъ! еще самого тебя Христа ради поилъ, не то что брать съ тебя деньги!» Такъ и отперся цыганъ. Только услыхалъ про то баринъ, сейчасъ поскакалъ къ цыгану: «Что жъ

ты, воръ эдакой, деньги забралъ, а золотого стремена не отдаешь?» — «Да какое стремянѣ? ну, ты самъ, баринъ, разсуди, какъ можно, чтобъ у эдакого мужика-сѣряка да было золотое стремянѣ!» — Вотъ баринъ съ нимъ возился-возился, ничего не беретъ. «Поѣдемъ, говоритъ, судиться». — «Пожалуй, отвѣчаетъ цыганъ: только подумай, какъ мнѣ съ тобой ѣхать-то? ты какъ есть баринъ, а я мужикъ-вахлякъ! Наряди-ка напередъ меня въ хорошую одежду, да и поѣдемъ вмѣстѣ».

Баринъ нарядилъ его въ свою одежду, и поѣхали они въ городъ судиться. Вотъ пріѣхали въ судъ; баринъ говоритъ: «Купилъ я у этого цыгана золотое стремянѣ; онъ деньги-то забралъ, а стремяна не отдаетъ». А цыганъ говоритъ: «Господа судьи! сами подумайте, откуда вѣзется у мужика-сѣряка золотое стремянѣ? у меня дома и хлѣба-то нѣту! Не вѣдаю, чего этому барину надо отъ меня? Онъ, пожалуй, скажетъ, что на мнѣ и одежда-то его!» — «Да-таки моя!» закричалъ баринъ. «Вотъ видите, господа судьи!» Тѣмъ дѣло и кончено; поѣхалъ баринъ домой ни съ чѣмъ, а цыганъ сталъ себѣ жить да поживать, да добра наживать.

Изъ собранія В. И. Даля.

13

Пятница

Када-та адна баба ни пачла¹ матушку Пятницу и учла прядиво мыкать да вертѣть. Прапряла она да абѣда, и вдругъ сонъ на нее напольш — такой магу-чай сонъ! Уснула ана, вдругъ атварила дверь и входитъ, вишь, матушка Пятница вочью всеѣмъ въ бѣломъ шушунѣ², да сердитая такая! и шмыхъ пряма

¹) Не почтила.

²) Женская одежда.

къ бабѣ, ще пряла-та. Набрала въ горсть кастри-
ки съ пола, какая атлятала-та атъ мочекъ¹, и ну па-
сышатъ ей глаза, и ну пасыпать! пасыпала да и была
такава: паминай какъ звали! Ничаго и ня молвила,
сърдешная. Та баба какъ праснулась, такъ и взвыла
благимъ матамъ атъ глазъ, и ни вѣдая, атъ чаго ани
забалѣли. Другія (бабы) сидя въ ужасѣ и учили
вапить: «Ухъ ты, акаянная! заслужила казнъ лютую
атъ матушки Пятницы» — и сказали ей всё, ще было.
Та баба слушала-слушала и ну просить: «Матушка
Пятница! взмилуйся мнѣ, памилуй меня грѣшную;
паставлю те свѣчку, и другу-недругу закажу аби-
жать те, матушка!» И ще жъ ты думаешь? Ночью,
вишь, апять прихадила ана и выбила изъ глазъ
у той бабы кастру-та, и ана апять встала. Грѣхъ
великай абижать матушку Пятницу — прядиво мыкать
да прясть!

Записана въ Липецкомъ у., Тамбовской губ., сельскимъ учителемъ
Елисѣемъ Сабуровымъ.

14

О Ноѣ Праведномъ

Заставиль Гасподь слипова ды бизрукыва караулить
садъ. Бизрукый яблыка ни дастанить, слипой ни
найдить. Паспѣли яблыки, пашли духи сладкіи. —
«Малый, какъ жа намъ яблычка пакушить?» — «Садись
верхомъ на мине, а я пидвизу къ яблынки». Слипой
нарвалъ пазуху яблыкъ. Бизрукый ўзрилъ Бога,
драгнулъ атъ яблынки бѣжать. Слипой атъ плечъ
(онъ за пличи диржалси — вирхомъ на бизрукымъ)
атарвалси, ударилси абъ земь, ды-й абмѣръ. Гасподь
приходить: «Бизрукый, идѣ слипой?» — «Омырыкъ

¹) Мочка — прядь льна или поскони.

явѣ ашибѣ». Гасподь приходитъ къ слипому: «Слипой, съ чаво жѣ ты абмѣрь? абманываишь ты мине, слипой! ни омырыкъ тебе ушибѣ, ты съ пличей убилси съ бизрукыва!» — «Абмануль я тебе, Госпыди! прасти мине». Прастилъ слипова, ды-й пашолъ.

Сыбрались караульщики, на варатахъ стаять. Идѣть дьявыль: «Здрастуйти, ребята! што жѣ вы яблыкѣ ни ѣдитя?» — «Какѣ жа намъ ихъ ѣсть? у мине рукѣ нѣту, у ниво глазѣ. Я ни дастану!» — «А я ни найду!» — «Плохи жѣ вы, ребята, кады въ саду яблыкѣ ни ѣдитя». — «Мы ни ухитримси, какѣ ихъ ѣсть!» — «Эка, какѣ? бизрукый пади ударьси абъ яблыню, а слипой падбери!» Яблынки были насажины другъ атъ друга на сажню. Бизрукый какѣ ударилси абъ яблыню — увесь тотъ садъ абтресѣ. Слипой легъ на пуза, прикаталъ усю траву — все яблыки искалъ. Ну, Гасподь приходитъ: «Караульщики, хто жѣ у васѣ садъ абтресѣ!» — «Вѣтирь паднялси, увесь садъ абтресѣ!» — «Атѣ чаво жа яблыни пазавяли?» — «Атѣ яснава сонца!» — «Атѣ чаво жа нижнѣи бака папрѣли?» — «Атѣ сильныва дожжа!» — «А хто жа у васѣ въ саду траву примялъ?» Слипой гаварить: «У мине животъ балѣлъ, все каталси!» — «Врешъ ты, слипой! все абманываешъ мине!» — Сабралъ Гасподь караульщикавъ, узаялъ огнинныи прутьи, выбилъ ихъ огнинными прутьими: «Выдитя, проклятыи калѣки, вонъ изъ маиво саду, пабирайтиси пѣ міру атныни да вѣку!»

Гасподь сказалъ: «Дай жа я едѣлаю Ноя Правидныва, штобѣ у маемъ у свѣти была правда». Приставилъ сабаку голую караулить Ноя Правидныва: «Сматри жѣ ты, сабака, никаво ни пущай сматрѣть маиво Ноя Правидныва!» Приходитъ дьявыль къ сабаки: «Пусти мине, сабака, Ноя Правидныва пысатрѣть!» — «Мнѣ Гасподь ни вилѣлъ никаво пущать». — «Хатя ты ни пу-

щаишь мине Ноя Правидныва пысматрѣть, а я тибѣ дамъ шубу и на руки и на ныги: придетъ зима, придутъ марозы — ни надыть тибѣ избы». Даль дьявыль сабаки шубу; сабака пустила дьявыла пысматрѣть Ноя Правидныва. Дьявыль ахаркылъ, апливалъ Ноя Правидныва; сталъ Ной синій, зилений, дурной... странно на Ноя глидѣть стало! «Што жъ ты, сабака, да Ноя дьявыла дапустила? што жъ я тибѣ гаварилъ!» — «А што жъ ты мине безъ шубы приставилъ?» — «Штобъ ты цирковныва звону ни слыхала, у Божій храмъ ни хадила!» Взялъ Гасподь, апасли той сабаки, Ноя вывырызалъ (sic): аплёвыныя, ахѣркиныя въ сирѣдку... Изъ Ноевыва рибра сдѣлалъ Гасподь жину Евгу. «Ну, Ной съ Евгаю Правидныи! усѣ плады ѣштя; аднаво плада ни трогайтя, вотъ съ той-та яблынки». Евга гаварить: «Ной Правидный! ать чаво жъ эта такъ Богъ гаварить: усѣ плады ѣштя, а съ аднаво ни трогайтя? Давай пакушаимъ!» Съѣли па яблычку, па разу укусили... другъ друга зыстыдилися: Евга пыдъ лапухъ, а Ной пыдъ другой — другъ ать друга схаранилися. Приходить Гасподь: «Ной Правидный! игдѣ ты?» — «Я вѣтынъ!» — «Иди ка мнѣ». — «Я нагъ! Ной гаварить: Госпыди! сатвори намъ адежду». — Вышли ани къ нему; выбилъ ихъ Гасподь огниными прутьими, выгналъ изъ саду вонъ!

Выслымши изъ саду Ноя Правидныва, умилился Гасподь. «Ной Правидный, гаварить, у насъ будить чиризъ три года патопа; штобы ты въ три года кавшегъ выстраилъ. Ной Правидный! кавшегъ строй, да жинѣ ни сказывай, што строишь!» Пашолъ Ной Правидный у рощу строить кавшегъ; строить годъ, строить два. Дьявыль приходитъ: «Ной Правидный, што дѣлаишь?» — «Развѣ ты слипой? ты видишь, што я дѣлаю!» — «Я вижу, што ты строишь, ды ни знаю!» — «И ни вѣляна

тибѣ знать!» Дьявыль ударилси изъ рощи къ Ноивый жинѣ, къ Евги: «Евга, успраси ты у мужа, што онѣ дѣлаить?» А Ной Правидный жинѣ атказываить: «Я такъ па рощи хажу, на дровья сматрю, самъ себе забавляю!» — «Енѣ ни па рощи гуляить, енѣ што-й-та рубить!» — «Я ни знаю». — «Сдѣлай жа ты квасу, наклади хмелю!» — Усхвалиль самъ себе Ной: «Слава тибѣ, Господи! састроиль сибѣ судно за палгода патопы». Приходить, сталъ кушать: «Евга, нѣтъ ли чаво пакушамши напйтца?» Напилси квасу, легъ атдыхать. «Ной Правидный! два года ходишь, да мнѣ правды ни скажишь, што-й-та такая ты рабѣтаишь?» — «Экая ты! Вотъ асталась палгода да первыва мая; у маймѣсицы, у первымъ числѣ, будить патопа!» — Атдахнумши, приходитъ Ной къ кавшегу; увесь кавшегъ дьявыль разметаль. «Экая! . . . пригрѣшилъ я дли тибѣ!» Шестъ мѣсицывъ енѣ живо сыбираль ни пимши, ни ѣмши, и дамой ни хадиль. Приходить жа Гасподь: «Ной Правидный, сабирай жа всякихъ звирьевъ у кавшегъ па парѣ, и дичи, пладовъ всякихъ». Сабраль жа енѣ звирьевъ всякихъ, и ужовъ, и пладовъ всякихъ. «Будить, гаварить Гасподь: патопа: затопить и лѣса, и луга, и балѣта, и дамѣ! Будить патопа на двинадцать сутыкъ». Ной забраль все.

Дьявыль гаварить: «Евга, какъ жа мнѣ съ табою у кавшегъ залѣсть?» — «Я ни знаю!» — «Разуй лѣваю ногу, да глянь скрозь ноги на мине; а патыль ты ни лѣзь у кавшегъ, пакыль страшная патопа ни настанить, пакыль вада ни разальетси увиздѣ; енѣ на тибѣ закричить: лѣзь ка мнѣ, акаянная — то утопишь! Какъ енѣ тибѣ акаяннай назаветъ — и я съ табой улѣзу. А датыль не лазій». Евга глянула скрозь ноги; Ной закричалъ: «Лѣзь жа ты ка мнѣ! лѣзь жа скарѣя, акаянная!» Какъ сказалъ Ной, дьявыль какъ

сигнеть у кавшегъ и паплыль; скинулси мышью — кавшегъ пратачилъ. Ужъ узяль эту дыру галавой и заткнуль, игдѣ мышь пратачила. Плавыли ани адинатцать сутыкъ на вазморью, на этай пы патопи. Паслалъ Ной Правидный ворана: «Палити жа ты, чорнай воранъ, узнай, есть вадѣ паниженія, али нѣтъ?» Воранъ литалъ, литалъ, наполоъ падла и сталъ кливать на остроуви. «Идѣ жъ ты былъ, воранъ?» — «Я, говарить, аташолъ да падла кливалъ!» — «Какъ жа ты ни паслушилъ? мы тебе пасылали пыматрѣть вады; вѣдъ всякая душа да хвалить Госпыда! будь жа ты, воранъ, какъ пень гарѣлый; будь жа у тебе дѣти гадавыи: какъ дитей даждешьси — самъ акалѣй!» Вѣдъ какъ воранъ даждетца дитей, выходить, выкормить, самъ акалѣить; вѣдъ ани всѣ калѣютъ! «Лити жъ ты, голубъ; пысматри жъ ты патоны: спадаитъ ли, прибавляитъ ли?» Литалъ, литалъ голубъ; патопа сбавила на три аршина; и наполоъ ёнъ такой мѣста, сухоя, игдѣ можна кавшегу вылѣсти на край. Приплыли хъ пристыни.

Приходить Гасподь: «Што вы, живы ли усѣ?» — «Слава ти, Госпыди! усѣ живы!» — «Выходитя жъ вонъ!» Усѣ вышли; напаслѣдакъ дьявыль сигъ! «Вотъ, Госпыди, хотѣлъ мене утапить; вѣдъ я вѣтанъ! я тебе бальшой врагъ!» — «Кали жъ ты мнѣ бальшой врагъ, вазьми жъ ты мене за руку». Вазьметъ дьявыль Госпыда папирѣхъ руки, да ни паймаитъ — руку апустить. «Дай жа я тебе вазьму за руку!» Какъ вазьметъ Гасподь дьявыла за руку, — «ой, ой, ой! я буду тибѣ хоть меньшей братъ!» — все, вишь, у братья лѣзить. «Лѣзь жа ты, меньшей братъ, у моря, дастанъ зимли горсть: давай зимлю засивать». Ани прибились хъ кургану, а кругомъ все моря стояла. Полѣзь дьявыль въ моря, схватилъ зимли горсть, да ни вытачилъ — всиё раз-

мыла! Разъ слѣзь, другой, третій слѣзь . . . у читьвёр-
тай полѣзь. «Братъ, гаварить Гасподь: скажи: Госпыди
Иисусъ Христосъ!» Сказалъ дьявыль: «Госпыди Иисусъ
Христосъ!» нырнулъ въ моря и вытащилъ зимли у
горети съ макавыхъ два зирна. «Лѣзь жа ищо, этой
зимли мала!» — «Пастой жа, гаварить самъ сибѣ дьявыль:
я запхаю сибѣ за щикъ зимли: што Гасподь будить
дѣлать, я сибѣ тожа сдѣлаю». Взялъ Гасподь пере-
христился, кинулъ зимлю на три стораны: сдѣлались
па взморью луга, лѣса, рощи . . . рѣвна! «Госпыди,
а што жъ за май труды, какая будить угроженія?» —
«Пасажали мы бѣлый свѣтъ; можетъ, тебе будутъ хва-
лти, мине поминати; я и тѣмъ буду даволинъ».

«Ну, Ной, живи на зимли, радися, пладися!» —
«Госпыди, скоро жъ ать мине ать аднаво бѣлый свѣтъ
нарадитца?» Гасподь гаварить: «Ты мужика свалая
изъ глины, а гасподь изъ пшенишныва изъ тѣста».
Барзой кабель стаялъ сзади, схватилъ пшенишный
комъ да бижать: ать Варонижа да нашива сила все
адпаворцевъ и
«Госпыди, я насилѣлъ народу ать Варонижа ды Кура-
кина на двѣсти на восемьдесятъ верстъ. Госпыди, у
чомъ жа намъ жить будить? народу я распладилъ
много!» Гасподь далъ имъ тапоры, срубилъ имъ избы:
«Живитя, вотъ вамъ избы!» — «Госпыди, на чомъ жа
намъ работать?» Далъ Гасподь лошадь. «Да чѣмъ жа
яне абратать?» Гасподь свизалъ обрыть¹, свизалъ
хамуть. Вотъ спирва выбралось чплавѣкъ сорыкъ
народу абгарнуть² лошадь ды загнать въ хамуть, а тамъ
обрыть вздернуть; стали впириди, растапырили хамуть
да обрыть! Гасподь паймалъ лошадь, запрегъ: «Вотъ
вамъ, гаварить, изба, лошадь, упряжь; живитя да

¹ Мочальная или веревочная узда.

² Окружить.

мине хвалитя!» Вотъ мы таперича живемъ да и хвалимъ живѣ: «Слава ти бѣ, Госпыди! што усѣ паказалъ».

Доставлена П. В. Кирѣевскимъ.

15

Соломонъ Премудрый

Иисусъ Христосъ, послѣ распятія, сошелъ во адъ и всѣхъ оттуда вывелъ, окромя одного Соломона Премудраго. «Ты, сказалъ ему Христосъ: самъ выди своими мудростями!» И остался Соломонъ одинъ въ аду; какъ ему выйти изъ аду? Думалъ-думалъ да и сталъ вить завертку. Подходить къ нему маленькой чертенокъ, да и спрашиваетъ, на что вѣтъ онъ веревку безъ конца? «Много будешь знать, отвѣчалъ Соломонъ: будешь старше дѣда своего сатаны! увидишь на что!» Свилъ Соломонъ завертку, да и сталъ размѣрять ею въ аду. Чертенокъ опять сталъ у него спрашивать, на что онъ адъ размѣрять? «Вотъ тутъ монастырь поставлю, говорить Соломонъ Премудрой: вотъ тутъ церковь соборную». Чертенокъ испугался, бѣгомъ побѣжалъ и рассказалъ все дѣду своему, сатанѣ, а сатана взялъ да и выгналъ изъ аду Соломона Премудраго.

Записана въ Орловскомъ у. П. И. Якушкинымъ.

16

Солдаты и Смерть

(а) Одинъ солдатъ прослужилъ двадцать пять лѣтъ, а отставки ему нѣтъ — какъ нѣтъ! Сталъ онъ думать да гадать: «Что такое значить? прослужилъ я Богу и великому государю двадцать пять лѣтъ, въ штрафахъ не бывалъ, а въ отставку не пушаютъ; дай пойду, куды глаза глядятъ!» Думалъ-думалъ и убѣжалъ. Вотъ ходилъ онъ день, и другой, и третій, и повстрѣ-

чалея съ Господомъ. Господь его спрашиваетъ: «Куда идешь, служба?» — «Господи! прослужилъ я двадцать пять лѣтъ вѣрою и правдою, вижу: отставки не даютъ, вотъ я и убѣжалъ; иду теперь, куды глаза глядятъ!» — «Ну, коли ты прослужилъ двадцать пять лѣтъ вѣрою и правдою, такъ ступай въ рай — въ царство небесное». Приходить солдатъ въ рай, видитъ благодать неизреченную, и думаетъ себѣ: вотъ когда проживу-то! Ну только ходилъ онъ, ходилъ по райскимъ мѣстамъ, подошелъ къ святымъ отцамъ и спрашиваетъ: «Не продасть ли кто табаку?» — «Какой, служба, табакъ! тутъ рай, царство небесное!» Солдатъ замолчалъ. Опять ходилъ онъ, ходилъ по райскимъ мѣстамъ, подошелъ въ другой разъ къ святымъ отцамъ и спрашиваетъ: «Не продаютъ ли гдѣ близко вина?» — «Ахъ ты, служба-служба! какое тутъ вино! здѣсь рай, царство небесное!».. «Какой тутъ рай: ни табаку, ни вина!» сказалъ солдатъ и вошелъ вонъ изъ раю.

Идетъ себѣ да идетъ, и попался опять навстрѣчу Господу. «Въ какой, говоритъ, рай послалъ ты меня, Господи? ни табаку, ни вина нѣтъ!» — «Ну, ступай по лѣвую руку, отвѣчаетъ Господь: тамъ все есть!» Солдатъ повернулся налѣво и пустился въ дорогу. Бѣжить нечистая сила: «Что угодно, господинъ служба?» — «Погоди спрашивать; дай прежде мѣсто, тогда и разговаривай». Вотъ привели солдата въ пекло. «А что, табакъ есть? спрашиваетъ онъ у нечистой силы. — «Есть, служивой!» — «А вино есть!» — «И вино есть!» — «Подавай всего!» Подали ему нечистые трубку съ табакомъ и полуштофъ перцовки. Солдатъ пьетъ-гуляетъ, трубку покуриваетъ, и радѣхонекъ сталъ: «вотъ взаправду рай — такъ рай!» Да недолго нагулялъ солдатъ; стали его черти со всѣхъ сторонъ прижимать, тошно ему пришлось! Что дѣлать? пустился на выдумки, сдѣлалъ

сажень, настрогалъ колышковъ и давай мѣрить; отмѣрить сажень и вобѣть колышекъ. Подскочилъ къ нему чортъ: «Что ты, служба, дѣлаешь?» — «Развѣ ты ослѣпъ! Не видишь, что ли? хочу монастырь построить». Какъ бросится чортъ къ своему дѣдушкѣ: «Погляди-ка, дѣдушка, солдатъ хочетъ у насъ монастырь строить!» Дѣдъ вскочилъ и самъ побѣждалъ къ солдату: «Что, говоритъ, ты дѣлаешь?» — «Развѣ не видишь? хочу монастырь построить». Дѣдъ испугался и побѣждалъ прямо къ Богу: «Господи! какого солдата прислалъ ты въ пекло: хочетъ монастырь у насъ построить!» — «А мнѣ что за дѣло! зачѣмъ такихъ къ себѣ примааете?» — «Господи! возьми его оттѣдова». — «А какъ его взять-то! самъ пожелалъ». — «Ахти! завопилъ дѣдъ: что же намъ бѣднымъ съ нимъ дѣлать?» — «Ступай, сдери съ чертенка кожу и натяни барабанъ, да послѣ выйди изъ пекла и бей тревогу: онъ самъ уйдетъ!» Воротился дѣдъ, поймалъ чертенка, содралъ съ него кожу и натянулъ барабанъ. «Смотрите же, наказываетъ чертямъ: какъ выскочить солдатъ изъ пекла, сейчасъ запирайте ворота крѣпко-накрѣпко, а то какъ бы опять сюда ни ворвался!» Вышелъ дѣдъ за ворота и забилъ тревогу; солдатъ какъ услыхалъ барабанный бой — пустился бѣжать изъ аду, сломя голову, словно бѣшеной; всѣхъ чертей распугалъ, и выскочилъ за ворота. Только выскочилъ, — ворота хлопъ и заперлися крѣпко-накрѣпко. Солдатъ осмотрѣлся кругомъ: никого не видать и тревоги не слышать; пошелъ назадъ и давай стучаться въ пекло: «Отворяйте скорѣе! кричитъ во все горло: не то ворота сломаю!» — «Нѣтъ, братъ, не ломаешь!» говорятъ черти. Ступай себѣ, куда хочешь, а мы тебя не пустимъ; мы и такъ насилу тебя выжили!» Повѣсилъ солдатъ голову и побрелъ, куда глаза глядятъ. Шелъ-шелъ и повстрѣчалъ Господа. «Куда

идешь, служба?» — «И самъ не знаю!» — «Ну, куда я тебя дѣну? послалъ въ рай — не хорошо! послалъ въ адъ — и тамъ не ужился!» — «Господи, поставь меня у своихъ дверей на часахъ». — «Ну, становись». Сталъ солдатъ на часы. Вотъ пришла Смерть. «Куда идешь?» спрашиваетъ часовой. Смерть отвѣчаетъ: «Иду къ Господу за повелѣніемъ, кого морить мнѣ прикажетъ». — «Погоди, я пойду спрошу». Пошелъ и спрашиваетъ: «Господи! Смерть пришла; кого морить укажешь?» — «Скажи ей, чтобъ три года морила самой старый людъ». Солдатъ думаетъ себѣ: «Эдакъ, пожалуй, она отца моего и мать уморить: вѣдь они старики». Вышелъ и говоритъ Смерти: «Ступай по лѣсамъ и три года точи самые старые дубы». Заплакала Смерть: «За что Господь на меня прогнѣвался? посылаетъ дубы точить!» И побрела по лѣсамъ, три года точила самые старые дубы; а какъ изошло время — воротилась опять къ Богу за повелѣніемъ. «Зачѣмъ притащилась?» спрашиваетъ солдатъ. «За повелѣніемъ, кого морить Господь прикажетъ». — «Погоди, я пойду спрошу». Опять пошелъ и спрашиваетъ: «Господи! Смерть пришла; кого морить укажешь?» — «Скажи ей, чтобъ три года морила молодой народъ. Солдатъ думаетъ себѣ: «Эдакъ, пожалуй, она братьевъ моихъ уморить!» Вышелъ и говоритъ Смерти: «Ступай опять по тѣмъ же лѣсамъ и цѣлыхъ три года точи молодые дубы; такъ Господь приказалъ!» — «За что это Господь на меня прогнѣвался!» заплакала Смерть и пошла по лѣсамъ, три года точила все молодые дубы, а какъ изошло время — идетъ къ Богу, едва ноги тащить. «Куда?» спрашиваетъ солдатъ. «Къ Господу за повелѣніемъ, кого морить прикажетъ». — «Погоди, я пойду спрошу». Опять пошелъ и спрашиваетъ: «Господи! Смерть пришла; кого морить укажешь?» — «Скажи ей, чтобъ три года младенцевъ морила».

Солдаты думаютъ себѣ: «У моихъ братьевъ есть ребятки: эдакъ, пожалуй, она ихъ уморить!» Вышелъ и говорить Смерти: «Ступай опять по тѣмъ же лѣсамъ и цѣлыхъ три года гложь самые малые дубки». — «За что Господь меня мучаетъ!» заплакала Смерть и пошла по лѣсамъ, три года глодала самые что ни есть малые дубки; а какъ изошло время — идетъ опять къ Богу, едва ноги передвигаетъ. «Ну теперь хоть подерусь съ солдатомъ, а сама дойду до Господа! за что такъ девять лѣтъ онъ меня наказуетъ?» Солдаты увидали Смерть и окликаютъ: «Куда идешь?» Смерть молчитъ, лѣзетъ на крыльцо. Солдаты ухватили ее за шиворотъ, не пускаютъ. И подняли они такой шумъ, что Господь услышалъ и вышелъ: «Что такое?» Смерть упала въ ноги: «Господи! за что на меня прогнѣвался? мучилась я цѣлыхъ девять лѣтъ: все по лѣсамъ таскалась, три года точила старые дубы, три года точила молодые дубы, а три года глодала самые малые дубки . . . еле ноги таскаю!» — «Это все ты!» сказалъ Господь солдату. «Виновать, Господи!» — «Ну, ступай жъ за это, носи девять лѣтъ Смерть на закортышкахъ!»

Засѣла Смерть на солдата верхомъ. Солдаты — дѣ¹ лать нечего — повезъ ее на себѣ, везъ-везъ и уморился; вытащилъ рогъ съ табакомъ и сталъ нюхать. Смерть увидала, что солдаты нюхаютъ, и говоритъ ему: «Служивой, дай и мнѣ понюхать табачку». — «Вотъ-те на! пользай въ рожокъ да и нюхай, сколько душѣ угодно». — «Ну, открой-ка свой рожокъ!» Солдаты открыли, и только Смерть туда влѣзла — онъ въ ту жъ минуту закрылъ рожокъ и заткнулъ его за голенище. Пришелъ опять на старое мѣсто и сталъ на часы. Увидалъ его Господь и спрашиваетъ: «А Смерть гдѣ?» — «Со мною». «Гдѣ съ тобою?» — «Вотъ здѣсь за голенищемъ». — «А ну, покажи!» — «Нѣтъ, Господи, не покажу, пока

¹ На плечахъ.

девять лѣтъ не выйдетъ; шутка ли ее носить на за-
кортышкахъ! вѣдь она не легка!» — «Покажь, я тебя
прощаю!» Солдатъ вытащилъ рожокъ и только открылъ
его — Смерть тотчасъ и сѣла ему на плеча. «Слѣзай,
коли не сумѣла ѣздить!» сказалъ Господь. Смерть
слѣзла. «Умори же теперь солдата!» приказалъ ей
Господь и пошелъ — куда зналъ.

«Ну, солдатъ! говорить Смерть: слышалъ — тебя
Господь велѣлъ уморить!» — «Что жъ? надо когда-
нибудь умирать! дай только мнѣ исправиться». — «Ну,
исправься!» Солдатъ надѣлъ чистое бѣлье и притащилъ
гробъ. «Готовъ?» спрашиваетъ Смерть. «Совсѣмъ
готовъ!» — «Ну, ложись въ гробъ!» Солдатъ легъ спиной
кверху. «Не такъ!» говоритъ Смерть. «А какъ же?»
спрашиваетъ солдатъ — и улегся на бокъ. «Да все
не такъ!» — «На тебя и умереть-то не угодишь!» и улегся
на другой бокъ. «Ахъ, какой ты, право! развѣ не видалъ
какъ умирають?» — «То-то и есть, что не видалъ!» — «Пусти,
я тебѣ покажу». Солдатъ выскочилъ изъ гроба, а Смерть
легла на его мѣсто. Тутъ солдатъ ухватилъ крышку,
накрылъ поскорѣе гробъ и наколотилъ на него желѣзные
обручи; какъ наколотилъ обручи — сейчасъ же поднялъ
гробъ на плеча и стащилъ въ рѣку. Стащилъ въ рѣку,
воротился на прежнее мѣсто и сталъ на часы. Господь
увидалъ его и спрашиваетъ: «Гдѣ же Смерть?» — «Я
пустилъ ее въ рѣку». Господь глянулъ — а она далеко
плыветъ по водѣ. Выпустилъ ее Господь на волю.
«Что жъ ты солдата не уморила?» — «Вишь, онъ какой
хитрой! съ нимъ ничего не сдѣлаешь». — «Да ты съ нимъ
долго не разговаривай; пойди и умори его!» Смерть
пошла и уморила солдата.

(b) Жилъ да былъ одинъ солдатъ, и зажилъ онъ
долго на свѣтѣ, попросту сказать — чужой вѣкъ сталъ

заѣдать. Сверстники его понемногу отправляются на тотъ свѣтъ, а солдатъ себѣ и ухомъ не ведетъ, знай себѣ таскается изъ города въ городъ, изъ мѣста въ мѣсто. А по правдѣ сказать, не солгать: Смерть давно на него зубы точила. Вотъ приходитъ Смерть къ Богу и проситъ у него позволенія взять солдата: долго де зажилъ на свѣтѣ, пора де ему и честь знать, пора и умирать! Позволилъ Богъ Смерти взять солдата.

Смерть слетѣла съ небесъ съ такою радостію, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать. Остановилась у избушки солдата и стучится. «Кто тутъ?» — «Я». — «Кто ты?» — «Смерть». — «А! зачѣмъ пожаловала? я умирать-то не хочу». Смерть рассказала солдату все, какъ слѣдуетъ. «А если ужъ Богъ велѣлъ, такъ другое дѣло! противъ воли Божьей нельзя идти. Тащи гробъ! Солдатъ на казенный счетъ всегда умираетъ. Ну, поворачивайся, беззубая!» Смерть притащила гробъ и поставила посреди избы. «Ну, служивый, ложись; когда-нибудь надо же умирать». — «Не растабарывай! знаю я вашего брата, не надуешь. Ложись-ка прежде сама». — «Какъ сама?» — «Да такъ. Я безъ артикула ничего не привыкъ дѣлать; что начальство покажетъ: фрунтъ, что ли тамъ, аль другое что, — то и дѣлаешь. Ужъ такъ привыкъ, сударка моя! не переучиваться же мнѣ: старенецъ сталъ!» Смерть поморщилась и полѣзла въ гробъ. Только что расположилась она въ гробу какъ слѣдуетъ, — солдатъ возьми да и нахлопни гробъ-то крышкой, завязалъ веревкой и бросилъ въ море. И долго-долго носилась Смерть по волнамъ, пока не разбило бурей гроба, въ которомъ она лежала.

Первымъ дѣломъ Смерти, какъ только она получила свободу, опять была просьба къ Богу, чтобъ позволилъ ей взять солдата. Богъ далъ позволеніе. Снова пришла Смерть къ солдатской избушкѣ и стучится въ двери.

Солдаты узнали свою прежнюю гостью, и спрашивают: «Что нужно?» — «Да я за тобой, дружище! теперь не вывернешься». — «А врешь, старая чертовка! не вѣрю я тебѣ. Пойдемъ вмѣстѣ къ Богу». — «Пойдемъ». — «Подожди, мундиръ натяну». Отправились въ путь. Дошли до Бога; Смерть хотѣла было идти впередъ, да солдаты не пустили: «Ну куда ты лѣзешь? какъ смѣешь ты безъ мундира . . . идти? Я пойду впередъ, а ты жди!» Вотъ воротился солдатъ отъ Бога. «Что, служивый, правду я сказала?» спрашиваетъ Смерть. «Врешь, солгала немного. Богъ велѣлъ тебѣ прежде лѣса подстригать да горы ровнять; а потомъ и за меня приниматься». И солдатъ отправился на зимнія квартиры вольнымъ шагомъ, а Смерть осталась въ страшномъ горѣ. Шуткали! развѣ мала работа — лѣса подстригать да горы ровнять? И много-много лѣтъ трудилась Смерть за этой работой, а солдатъ жилъ себѣ да жилъ.

Наконецъ и въ третій разъ пришла за солдатомъ Смерть, и нечѣмъ ему было отговориться: пошелъ солдатъ въ адъ. Пришелъ и видитъ, что народу множество. Онъ то толчкомъ, то бочкомъ, а гдѣ и ружье на перевѣсѣ, и добрался до самаго сатаны. Посмотрѣлъ на сатану и побрелъ искать въ аду уголка, гдѣ бы ему расположиться. Вотъ и нашелъ; тотчасъ наколотилъ въ стѣну гвоздей, развѣсилъ аммуницію и закурилъ трубку. Не стало въ аду прохода отъ солдатики; не пускаетъ никого мимо своего добра: «Не ходить! вишь, казенныя вещи лежатъ; а ты, можетъ, на руку нечистъ. Здѣсь всякаго народу много!» Велятъ ему черти воду носить, а солдатъ говорить: «Я двадцать пять лѣтъ Богу и великому государю служилъ, да воды не носилъ; а вы съ чего это вздумали . . . Убирайтесь-ка къ своему дѣдушкѣ!» Не стало чертямъ житья отъ солдата; хоть бы выжить его изъ ада, такъ нейдетъ: «Мнѣ, говорить,

и здѣсь хорошо!» Вотъ черти и придумали штуку: натянули свинячую кожу, и только улегся солдатъ спать — какъ забили тревогу. Солдатъ вскочилъ да бѣжать; а черти сейчасъ за нимъ двери и притворили, да такъ себѣ обрадовались, что надули солдата! . . . И съ той поры таскался солдатъ изъ города въ городъ, и долго еще жилъ на бѣломъ свѣтѣ, — да вотъ какъ-то на прошлой недѣлѣ только померъ.

Записана въ Нижнемъ-Новгородѣ.

(с) Служилъ солдатъ Богу и великому государю цѣлыхъ двадцать пять лѣтъ, выслужилъ три сухаря и пошелъ домой на родину. Шель-шель и крѣпко задумался: «Господи Боже ты мой! служилъ я царю двадцать пять лѣтъ, былъ сытъ и одѣтъ; а теперь до чего дожилъ? и голоденъ, и холоденъ; только и есть что три сухаря». А навстрѣчу ему убогой нищій и просить милостинку. Солдатъ отдалъ нищему одинъ сухарь, а себѣ оставилъ два. Пошелъ дальше; немного погодя попадаетъ ему другой нищій, кланяется и просить милостинку. Солдатъ подалъ и этому сухарь, и остался у него одинъ. Опять пошелъ дальше своей дорогою и повстрѣчалъ третьяго нищаго: кланяется ему старецъ и просить милостинку. Вынулъ солдатъ послѣдній сухарь и думаетъ: «Цѣлой дать — самому не останется; половину дать — пожалуй сойдется этотъ старецъ съ прежними нищими, увидить у нихъ по цѣлому сухарю и обидится; лучше отдамъ ему весь, а самъ обойдусь коѣ-какъ!» Отдалъ послѣдній сухарь и остался ни при чемъ. Вотъ старецъ и спрашиваетъ его: «Скажи, доброй человѣкъ, чего желаешь, въ чемъ нуждаешься? я те помогу». — «Богъ съ тобой! отвѣчаетъ солдатъ: съ тебя, старичокъ, взять нечего: ты самъ человѣкъ убогой». — «Да ты не смотри на мое убожество;

только скажи, чего желаешь, — а я ужъ награжу тебя за твою добродѣтель». — «Мнѣ ничего не надо; а коли есть у тебя карты, такъ подари на память». Старецъ вынулъ изъ-за пазухи карты и даетъ солдату: «Возьми, говорить: съ кѣмъ ни станешь играть въ эти карты — всякаго обыграешь; да вотъ на тебѣ и торбу: что ни встрѣтишь на дорогѣ, звѣря ли, птицу ли, и захочешь поймать, — только распахни торбу и скажи: полѣзай сюда, звѣрь али птица! и все сдѣлается по-твоему». — «Спасибо», сказалъ солдатъ: взялъ карты и торбу и поплелся въ путь-дорогу.

Шель близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли, и пришелъ къ озеру, а на томъ озерѣ плаваютъ три дикихъ гуся. Вотъ солдатъ и вздумалъ: «Дай-ка я торбу свою попробую!» Вынулъ ее, распахнулъ и говорить: «Эй вы, дикіе гуси! полетайте въ мою торбу». И только выговорилъ эти слова — какъ снялись гуси съ озера и прилетѣли прямо въ торбу. Солдатъ завязалъ торбу, поднялъ на плечѣ и пустился въ дорогу. Шельшелъ, и пришелъ въ городъ. Забрался въ трактиръ и говорить хозяину: «Возьми этого гуся и зажарь мнѣ къ ужину, а другого гуся отдаю тебѣ за хлопоты, а третьяго промѣняй мнѣ на водку». Вотъ солдатъ сидитъ себѣ въ трактирѣ да угощается: выпьетъ винца да гусемъ и закуситъ. И вздумалось ему посмотреть въ окошко: стоитъ на другой сторонѣ большой дворецъ, только во всемъ дворцѣ нѣтъ ни одного стекла цѣлаго. «Послушай, спрашиваетъ онъ хозяина: что это за дворецъ и отчего пустой стоитъ?» — «Да, вишь, говорить хозяинъ: царь нашъ выстроилъ себѣ этотъ дворецъ, только жить-то въ немъ нельзя; вотъ ужъ семь лѣтъ пустѣетъ! всѣхъ нечистая сила выгоняетъ! Каждую ночь собирается тамъ чертовское сонмище, шумить, пляшетъ, въ карты играетъ и всякія скверны творить.

Вотъ солдатъ пошелъ къ царю. «Ваше царское величество! позволь, говорить, мнѣ въ твоёмъ порожнемъ дворцѣ одну ночь переночевать». — «Что ты, служба! говорить ему царь: Богъ съ тобою! ужъ были такіе смѣльчаки, брались переночевать въ энтоть дворцѣ, да ни одинъ живой не ворочался!» — «Небось, русской солдатъ ни въ водѣ не тонетъ, ни въ огнѣ не горитъ. Служилъ я Богу и великому государю двадцать пять лѣтъ, да не умеръ; а то за одну ночь у тебя помру!» — «Я жъ тебѣ говорю: пойдеть туда съ вечера живой человѣкъ, а утромъ однѣ косточки найдутъ». Солдатъ стоитъ на своемъ: пусти да пусти его во дворецъ. «Ну, говорить царь: ступай съ Богомъ, ночуй, коли хочешь; я съ тебя воли не снимаю».

Пришелъ солдатъ во дворецъ и расположился въ самой большой комнатѣ; снялъ съ себя ранецъ и саблю, ранецъ поставилъ въ уголокъ, а саблю на гвоздикъ повѣсилъ; сѣлъ за столъ, вынулъ кисеть съ табакомъ, набилъ трубку — и покуриваетъ себѣ. Вотъ ровно въ двѣнадцать часовъ — откуда что взялось — набѣжало во дворецъ чертей видимо-невидимо; поднялся гамъ, крикъ, плясъ, музыка. «А и ты, служивой, здѣсь! закричали черти. Зачѣмъ пожаловалъ? Не хочешь ли поиграть съ нами въ карты?» — «Отчего не хотѣть! только чуръ играть моими картами». Сейчасъ вынулъ свои карты и ну сдавать. Стали играть; разъ сыграли — солдатъ выигралъ, въ другой — опять солдатъ выигралъ; сколько ни ухитрялись черти, а всѣ деньги спустили солдату: онъ знай себѣ загребаеть! «Постой, служивой, говорятъ черти: есть у насъ еще шесть-десять четвериковъ серебра да сорокъ золота, давай-ка играть съ тобой на это серебро и золото!» — и посылають они малаго чертенка таскать серебро. Стали снова играть, солдатъ все обыгриваетъ: ужъ чертенокъ

таскаль-таскаль, все серебро перетаскаль, и говорить старому дьяволу: «Дѣдушка, больше нѣту!» — «Таскай, пострѣль, золото!» Вотъ онъ таскаль-таскаль золото, цѣлой уголъ навалилъ, а толку все нѣту, все солдатъ обыгрываетъ. Жалко стало чертямъ своихъ денегъ; вотъ они и давай приступать къ солдату, да какъ заревутъ: «Разорвемъ его, братцы! съѣдимъ его!» — «Еще посмотримъ, кто кого съѣстъ!» говоритъ солдатъ, схватилъ торбу, распахнулъ и спрашиваетъ: «А это что?» — «Торба», говорятъ черти. «А ну, по Божьему слову, полѣзайте въ торбу!» Только сказалъ — и полѣзли черти въ торбу; да и много жъ набралось ихъ, чуть ни давятъ другъ дружку! Солдатъ завязалъ торбу покрѣпче и повѣсилъ на стѣнку на гвоздь; а самъ улегся спать.

Поутру посылаетъ царь своихъ людей: «Ступайте, провѣдайте — что съ солдатомъ дѣется? Коли пропасть отъ нечистой силы, такъ приберите его косточки!» Вотъ и пошли; приходятъ во дворецъ — а солдатъ весело по горницамъ похаживаетъ да трубочку покуриваетъ. «Здорово, служивой! не чаяли увидать тебя живого! Ну, какъ ночевалъ, какъ съ чертями поладилъ?» — «Что черти! вы посмотрите-ка, сколько я серебра да золота у нихъ выигралъ, вишь какія кучи!» Посмотрѣли царскіе люди и вздивовались, а солдатъ имъ наказываетъ: «Приведите, братцы, да поживѣе двухъ кузнецовъ, да чтобъ захватили съ собой желѣзную плиту и молоты». Тѣ бѣгомъ бросились въ кузницу, и живо справили дѣло. Пришли кузнецы съ желѣзной плитою: съ тяжелыми молотами. «Ну-ка, говоритъ солдатъ: снимите эту торбу да приударьте ее по-кузнешному». Стали кузнецы снимать торбу и говорятъ промежъ собой: «Ишь какая тяжелая! черти что ли въ ней напханы!» А черти откликаются: «Мы, батюшки!

мы, родимые!» Сейчас положили кузнецы торбу на желѣзную плиту и давай молотами постукивать, словно желѣзо куютъ. Жутко пришлось чертамъ, неумоготу стало терпѣть: «Смилуйся! заорали: выпусти, служивой, на вольной свѣтъ, по вѣкъ тебя не забудемъ; а ужъ въ этотъ дворецъ ни одинъ чортъ ни ногой . . . всѣмъ закажемъ, за сто верстъ отъ него будемъ бѣгать!» Солдатъ остановилъ кузнецовъ, и только развязалъ торбу — черти такъ и прыснули, и пустились безъ оглядки въ тартарары — въ преисподнюю. А солдатъ не промахъ, ухватилъ одного стараго чорта, разрѣзалъ ему лапу до крови: «Подавай, говорить, росписку, что будешь мнѣ вѣрно служить!» Нечистой написалъ ему въ томъ росписку своею кровію, отдалъ и наострилъ лыжи. Прибѣжали черти въ пекло, переположили всю печистую силу — и старыхъ, и малыхъ; сейчасъ разставили кругомъ некла часовыхъ и крѣпко-накрѣпко приказали караулить, чтобъ какъ-нибудь ни пробрался туда солдатъ съ торбою.

Пришелъ солдатъ къ царю. Такъ и такъ, говорить, очистилъ дворецъ отъ дьявольскаго навожденія. «Спасибо, говорить ему царь: оставайся жить у меня, стану тебя замѣсто брата почитать». Остался солдатъ при царѣ жить; всего у него вдоволь, денегъ куры не клюютъ, и задумалъ онъ жениться. Оженился, а черезъ годъ послѣ того далъ ему Богъ сына. Вотъ и приключилась этому мальчику хворь, да такая — не можетъ никто вылѣчить; ужъ сколько лѣкарей перебивало, а толку нѣтъ ни на грошъ. И задумалъ солдатъ про того стараго чорта, что далъ ему росписку, а въ роспискѣ написалъ: вѣчно де буду тебѣ вѣрнымъ слугою; вздумалъ и говорить: «Куда-то мой старой чортъ дѣвался?» Вдругъ явился передъ нимъ тотъ самой чортъ и спрашиваетъ: «Что твоей милости угодно?» — «А вотъ что: захворалъ

у меня сыннишка, не знаешь ли — какъ бы его вылѣчить?» Чортъ вытащилъ изъ кармана стаканъ, налилъ его холодной водою, поставилъ хворому въ головахъ и говорить солдату: «Поди-ка, посмотри на воду». Солдатъ смотритъ на воду, а чортъ его спрашиваетъ: «Ну, что видишь?» — «Я вижу: въ ногахъ у моего сына стоитъ Смерть». — «Ну, коли въ ногахъ стоитъ, то будетъ здоровъ; а если бы Смерть въ головахъ стояла — то непременно бы померъ». Потомъ беретъ чортъ стаканъ съ водою и брызнулъ на солдатскаго сына, и въ ту же минуту онъ здоровъ сдѣлался. «Подари мнѣ этотъ стаканъ, говорить солдатъ: и больше ничего отъ тебя не надо». Чортъ подарилъ ему стаканъ, а солдатъ воротилъ назадъ росписку. Сдѣлался солдатъ знахаремъ, сталъ лѣчить бояръ и генераловъ; только посмотреть въ стаканъ — и сейчасъ скажетъ: кому помереть, кому выздоровѣть.

Случилось самому царю захворать; призывали солдата. Вотъ онъ налилъ въ стаканъ холодной воды, поставилъ царю въ головахъ, поглядѣлъ — и видитъ, что Смерть тутъ же въ головахъ стоитъ. И говорить солдатъ: «Ваше царское величество! никто тебя не сможетъ вылѣчить. Смерть въ головахъ ужъ стоитъ; всего на всего только три часа и осталось тебѣ жить!» Царь услышалъ эти рѣчи и сильно на солдата озлобился: «Какъ такъ? закричалъ на него; ты многихъ бояръ и генераловъ вылѣчивалъ, а меня не хочешь? сейчасъ прикажу казнить тебя смертію!» Вотъ солдатъ думалъ-думалъ: что ему дѣлать? и началъ просить Смерть: «Отдай, говорить, царю мой вѣкъ, а меня умори; все равно придется мнѣ помереть — такъ ужъ лучше помереть своею смертію, чѣмъ лютую казнь претерпѣть!» Посмотрѣлъ въ стаканъ, и видитъ, что Смерть стоитъ у царя въ ногахъ. Тутъ солдатъ взялъ воду и сбрызнулъ царя: сталъ онъ совершенно здоровъ. «Ну, Смерть!

говорить солдатъ: дай мнѣ сроку хоть на три часа, только домой сходить да съ женой и сыномъ проститься». — «Ступай!» отвѣчаетъ Смерть. Пришелъ солдатъ домой, легъ на кровать и крѣпко разболѣлся. А Смерть ужь около него стоитъ: «Ну, служивой! прощайся скорѣе, всего три минуты осталось тебѣ жить на свѣтѣ». Солдатъ потянулся, досталъ изъ-подъ головъ свою торбу, распахнулъ и спрашиваетъ: «Что это?» Смерть отвѣчаетъ: «Торба». — «Ну, коли торба, такъ полѣзай въ нее!» Смерть прямо въ торбу и *шурхнула*. Солдатъ — куда и хворь дѣвалась — вскочилъ съ постели, завязалъ торбу крѣпко-накрѣпко, взвалилъ ее на плеча и пошелъ въ лѣса Брянскіе, дремучіе. Пришелъ и повѣсилъ эту торбу на горькой осинѣ, на самой вершинѣ, а самъ воротился домой.

Съ той поры не сталъ народъ помирать: рожаться — рожается, а не умираетъ! Вотъ прошло много лѣтъ, солдатъ все торбы не снимаетъ. И случилось ему идти по городу. Идетъ, а навстрѣчу ему эдакая древняя старушка: въ которую сторону подуетъ вѣтеръ, въ ту сторону и валится. «Вишь какая старуха! сказали солдатъ: чай, давно ужь помирать пора!» — «Да, батюшка! отвѣчаетъ старушка: мнѣ давно помереть пора, — еще въ тоѣ время, какъ посадилъ ты Смерть въ торбу, оставалось всего житья моего на бѣломъ свѣтѣ одинъ только часъ. Я бы и рада на покой, да безъ Смерти земля не примаешь, и тебѣ, служивой, за это отъ Бога непрощенный грѣхъ! вѣдь ни одна душа на свѣтѣ такъ же, какъ я, мучится!» — Вотъ солдатъ и сталъ думать: «Видно, надобно выпустить Смерть-та; ужь пускай уморить меня . . . И безъ того на мнѣ грѣховъ много; такъ лучше теперь, пока еще силенъ, отмучаюсь на томъ свѣтѣ; а какъ сдѣлаюсь крѣпко старъ, тогда хуже будетъ мучиться». Собрался и пошелъ въ Брянскіе

лѣса. Подходить къ осинѣ и видить: висить торба высоко-высоко и качаетъ ее вѣтромъ въ разны стороны. «А что, Смерть, жива?» спрашиваетъ солдатъ. Она изъ торбы едва голосъ подаетъ: «Жива, батюпка!» Снявъ солдатъ торбу, развязалъ и выпустилъ Смерть, и самъ легъ на кровать, прощается съ женою и сыномъ, и просить Смерть, чтобъ уморила его. А она бѣгомъ за двери, давай Богъ ноги: «Пушай, кричить, тебя черти уморять, а я тебя морить не стану!»

Остался солдатъ живъ и здоровъ, и вздумалъ: «Пойду-ка я прямо въ пекло; пушай меня черти бросать въ кипучую смолу и варять до тѣхъ поръ, покуда на мнѣ грѣховъ не будетъ». Простился со всеми, и пошелъ съ торбою въ рукахъ прямо въ пекло. Шелъ онъ близко ли — далеко, низко ли — высоко, мелко ли — глубоко, и пришелъ-таки въ преисподнюю. Смотрить, а кругомъ пекла стоятъ часовые. Только онъ къ воротамъ, а чортъ спрашиваетъ: «Кто идетъ?» — «Грѣшная душа къ вамъ на мученіе». — «А это что у тебя?» — «Торба». Заоралъ чортъ во все горло, ударили тревогу, сбѣжалась вся нечистая сила, давай запираť все двери и окна крѣпкими запорами. Ходить солдатъ вокругъ пекла и кричить князю пекельному: «Пусти, пожалуста, меня въ пекло; я пришелъ къ вамъ за свои грѣхи мучиться». — «Нѣтъ, не пушу! ступай, куда знаешь; здѣсь тебѣ мѣста нѣту». — «Ну, коли не пускаешь меня мучиться, то дай мнѣ двѣсти грѣшныхъ душъ; я поведу ихъ къ Богу, можетъ — Господь и простить меня за это!» Князь пекельной отвѣчаетъ: «Я тебѣ еще отъ себя прибавлю душъ пятьдесятъ, только уходи отсюда!» Сейчасъ велѣлъ отсчитать двѣсти пятьдесятъ душъ и вывести въ задніе ворота, такъ чтобы солдатъ не увидѣлъ. Сказано, сдѣлано. Забралъ солдатъ грѣшныя души и повелъ къ самому раю. Апостолы увидали и

доложили Господу: «Такой-то солдатъ двѣсти пять-десять душъ изъ пекла привелъ». — «Примите ихъ въ рай, а солдата не пущайте». Только солдатъ отдалъ одной грѣшной душѣ свою торбу и приказалъ: «Смотри какъ войдешь въ райскіе двери — сейчасъ скажи: полѣзай, солдатъ, въ торбу!» Вотъ райскіе двери отворились, стали входить туда души, вошла и грѣшная душа съ торбою, да о солдатѣ отъ радости и забыла. Такъ солдатъ и остался, ни въ одно мѣсто не угодилъ. И долго послѣ того онъ жилъ-жилъ на бѣломъ свѣтѣ, да вотъ только на-дняхъ померъ.

Изъ собранія В. И. Даля.

17

Видѣніе

(а) Шелъ прохожій и выпросился ночевать къ одному дворнику. Накормили его ужиномъ, и улегся онъ спать на лавочку. У этого дворника было три сына, все женатые. Вотъ послѣ ужина разошлись они съ женами спать въ особыя клѣтки, а старикъ-хозяинъ взобрался на печку. Прохожій проснулся ночью и увидалъ на столѣ разной гадъ; не стерпѣлъ такой срамоты, вышелъ изъ избы вонъ и зашелъ въ ту клѣтку, гдѣ спалъ большой хозяйской сынъ; здѣсь увидалъ, что дубинка бьется отъ полу до самаго потолка. Ужаснулся и перешелъ въ другую клѣтку, гдѣ спалъ середній сынъ; посмотрѣлъ, а межъ имъ и женою лежить змій и дышетъ на нихъ. «Дай еще испытаю третьяго сына», подумалъ прохожій и пошелъ въ иную клѣтку; тутъ увидалъ кунку: перескакиваетъ съ мужа на жену, съ жены на мужа. Далъ имъ покой и отправился въ поле; легъ подъ зорѣдъ¹ сѣна, и слышалось ему — будто какой человѣкъ въ сѣнѣ

¹) Большая куча, стогъ.

стонеть и говорить: «Тошно животу моему! ахъ, тошно животу моему!» Прохожій испугался и легъ было подъ суслонъ¹ ржаной; и тутъ слышалъ голосъ, кричить: «Постой, возьми меня съ собой!» Не поспалось прохожему, воротился къ старику-хозяину въ избу, и зачалъ его старикъ спрашивать: «Гдѣ былъ, прохожій?» Онъ пересказалъ старику все видѣнное да слышанное: «На столѣ, говорить, нашелъ я разной гадъ, — оттого, что послѣ ужина невѣстки твои ничего благословясь не собрали и не покрыли; у большого сына бьется въ клѣти дубинка, — это оттого, что хочется ему большакѣмъ² быть, да малые братья не слушаются: бьется-то не дубинка, а умъ-разумъ его; промежь середняго сына и жены его видѣлъ змія, — это потому, что другъ на друга вражду имѣютъ; у меньшого сына видѣлъ кунку, — значить, у него съ женой благодать Божія, живутъ въ добромъ согласіи; въ сѣнѣ слышалъ стонъ, — это потому: коли кто польстится на чужое сѣно, скосить да смететь въ одно мѣсто съ своимъ, тады чужое-то давить свое, а свое стонеть, да и животу тяжело; а что колосье кричало: постой, возьми меня съ собой! — это которое съ полосы не собрано, оно-де говорить: пропаду, соберите меня!» А послѣ сказалъ прохожій старику: «Наблюдай, хозяинъ, за своей семьею: большому сыну отдай большину и во всемъ ему помогай; середняго сына съ женою разговаривай, чтобы жили совѣстнѣе; чужого сѣна не коси, а колосье съ полосу собирай добчиста». Распростился съ старикомъ и пошелъ въ путь-дорогу. Записана въ Архангельской губ. Изъ собранія В. И. Дала.

(b) Ходилъ по міру старинькой старичокъ, и попросился ночевать къ одному мужику. «Пожалуй, гово-

¹) Нѣсколько сноповъ хлѣба, складенныхъ въ кучу.

²) Старшимъ, главнымъ въ домѣ, хозяиномъ.

рить мужикъ, я тебя пушу; только станешь ли всю ночь сказывать мнѣ сказки?» — Хорошо, буду сказывать; дай только отдохнуть». — «Ну, ступай!» Вошелъ старичокъ въ избу и легъ на полати. Хозяинъ говоритъ: «Поди-ка, почтенной, поужинай». Старичокъ слѣзъ и поужиналъ. «Ну, старичокъ, сказывай сказку». — «Погоди, лучше я поутру расскажу». — «Ладно!» Улеглись спать. Вотъ старикъ проснулся въ ночи и видитъ: теплятся передъ образами двѣ свѣчки и порхаютъ по избѣ двѣ птички. Захотѣлось ему напиться; слѣзъ онъ съ полатей, а по полу такъ и бѣгаютъ ящерицы; подошелъ къ столу, а тамъ лягушки прыгаютъ да крикаютъ. Посмотрѣлъ на старшаго хозяйскаго сына, а промежъ имъ и женою змѣя лежитъ; посмотрѣлъ на второго сына — на его женѣ кошка сидитъ, на мужа ротъ разинула; глянулъ на меньшого сына, а промежъ имъ и женою младенецъ лежитъ. Страшно показалось старичку, пошелъ онъ и легъ на гувнѣ¹, а тутъ кричатъ: «Сестра! сестра! прибери меня». Легъ подъ изгородой, и тутъ кричатъ: «Выдерни, да вторни² меня!» Легъ подъ чугунъ, здѣсь кричатъ: «На бобрѣ вѣшѹ, на боберѣ упаду!» Пошелъ старичокъ опять въ избу. Просыпается хозяинъ и говоритъ: «Ну, сказывай сказку!» А старичокъ ему: «Я не сказки буду тебѣ сказывать, а правду. Знаешь ли, что я въ твоёмъ домѣ видѣлъ? проснулся я и вижу: теплятся передъ образами двѣ свѣчки, а по избѣ двѣ птички перепархиваютъ». — «Это мои два ангела перепархивали!» говоритъ хозяинъ. «Да еще видѣлъ я: промежъ старшимъ твоимъ сыномъ и его женою змѣя лежала». — «Это оттого, что они въ ссорѣ». — «Глянулъ я ночью и на другого сына, а на ёго женѣ кошка сидитъ, на мужа ротъ разинула». — «Это значитъ, что они не

¹) Овинъ.

²) Воткни.

дружно живутъ, хочетъ жена мужа извѣсть». — «А какъ посмотрѣлъ на меньшого сына, такъ межъ имъ и женою младенецъ лежалъ». — «Это не младенецъ, ангелъ лежалъ, оттого, что живутъ они дружно, согласно». — «Отчего же, хозяинъ, какъ слѣзъ я съ полатей, такъ по полу ящерицы бѣгали; а какъ подошелъ къ столу и хотѣлъ испить, такъ по немъ лягушки прыгали да крикали?» — «Оттого, сказалъ хозяинъ, что снохи мои никогда угарочка¹ не подметутъ, а квасъ, какъ нацѣдятъ въ кружку, такъ не благословясь и поставятъ на столъ». — «Пошелъ было я спать на гувно, а тамъ кричатъ: сестра! сестра, приberi меня». — «А это вотъ что значить: сыновья мои никогда мѣтелъ благословясь на мѣсто не поставятъ!» — «Потомъ легъ я подъ изгороду, а тамъ кричатъ: выдерни, да вторни!» — «Это значить, что изгорода вверхъ низомъ поставлена». — «Потомъ легъ я подъ чугунь, а тамъ кричить: на бобрѣ вѣщу, на боберѣ упаду». Хозяинъ говоритъ: «А это вотъ что — коли я помру, то и весь домъ мой опустится!»

Записана въ Зубцовскомъ у., Тверской губ. Изъ собранія
В. И. Даля.

18

Потанька

Одна баба не благословясь замѣшала опару. Прибѣжалъ бѣсъ Потанька, да и сялъ. А баба и вспомнила, што не благословясь замѣшала опару, пришла да и перекрестила: Потанькѣ выскочить-то и нельзя. Баба процѣдила опару и вывалила опарины на улицу, а Потанька все тутъ. Свины перепехиваютъ своѣ мѣсто на мѣсто, а вырватца не мѣжотъ; да чрезъ тропки коѣ-какъ выбился и безъ оглядки убѣжалъ. Прибѣжалъ къ товарищамъ; тѣ спрашиваютъ: «Гдѣ былъ, Потанька?» — «Да будь она проклятая баба! опару,

¹ Лучины.

говорить, замѣсила ли, завела ли не благословесь; я пришлоу да и сялъ. Она взяла да меня и перекрестила, дакъ насилиу вырвался чрезъ трои судки: свипы перепехиваютъ меня съ опариной, а я выбитца не могу; теперь въ жизь мою никогда не сяду къ бабѣ въ опару! Записана въ Пермской губ., Шадринскаго округа, въ заштатномъ городѣ Долматовѣ, государственнымъ крестьяниномъ Александромъ Зыряновымъ.

19

Поѣздка въ Іерусалимъ

Какой-то архимандритъ сталъ къ заутринѣ; пришлоу умыватца, видитъ въ рукомойкѣ нечистой духъ, взялъ ево да и заградилъ (крестомъ). Вотъ дьяволъ и взмолился: «Выпусти, отче! каку хошь налошь службу — сослужу!» Архимандритъ говорить: «Свозишь ли меня между обѣдней и заутриной въ Ерусалимъ?» — «Свожу, отче, свожу!» Архимандритъ ево выпустилъ и послѣ заутрины до обѣдни успѣлъ съѣздить въ Ерусалимъ, къ обѣднѣ поспѣлъ обратно. Послѣ забрали какъ-то справки, — все удивились, какъ онъ скоро мокъ съѣздить въ Ерусалимъ, спросили ево, и онъ разсказалъ это.

Записана тамъ же А. Зыряновымъ.

20

Пустынникъ и дьяволъ

(а) Одинъ пустынникъ молился тридцать три года, и видитъ, къ какому-та царю ходять дьяволъ на обѣдъ, ивкають, гайкають, пляшутъ, скачутъ и пѣсни поютъ. Одинъ разъ Потанька хромой отсталъ отъ дьяволѣвъ; пустынникъ вышлоу да и спрашивать ево: «куда вы такъ ходите?» — «Да ходимъ вотъ къ такому-то царю на обѣдъ; у него все стряпухи дѣлають все

не благословесь, намъ и ладно!» Старикъ и думать, какъ бы объ этомъ извѣстить царя; а отъ царя носили ему обѣдать каждый день. Онъ принялъ ѣвства да на тарелкахъ взялъ и надписалъ, што дьяволъ къ нему ходятъ на обѣдъ каждой день. Царь увидялъ эту надпись, тотчасъ всѣхъ людей перемѣнилъ и поставилъ къ стряпнѣ людей набожныхъ; за чево они вѣзмутца — все говорятъ: «Господи, благослови!» Видитъ пустынный дьяволѣвъ — впередъ шли весѣлы и радостны, а назадъ идутъ заунывны и печальны, и спрашиваетъ опеть Потаньку, што они не весѣлы? Тотъ только и сказалъ: «Молчи жо! ужъ мы тебѣ отплатимъ!» Не сталъ видать послѣ тово пустынный дьяволѣвъ. Одинъ разъ приходитъ къ нему женщина набожна. Онъ ее разспросилъ: «какъ, откуда?» тѣ-други разговоры, стали винцо попивать и напились, сговорились вѣнчатца: пошли, видать — все готово, какъ и есть. Пришло время вѣнцы надѣвать; ужъ начали — только надѣтъ. Пустынный и перекрестился; дьяволъ отступились, и онъ увидялъ петлю; да послѣ тово опеть тридцать три года молился, грѣхи замаливалъ!

Записана тамъ же А. Зыряновымъ.

(b) Былъ пустынный, молился тридцать лѣтъ Богу: мимо его часто пробѣгали бѣси. Одинъ изъ нихъ хромой отставалъ далеко отъ своихъ товарищей. Пустынный остановилъ хромого и спросилъ: «Куды вы, бѣси, бѣгаете?» Хромой сказалъ: «Мы бѣгаемъ къ царю на обѣдъ». — «Когда побѣжишь назадъ, принеси мнѣ солонку отъ царя; тогда я повѣрю, что вы тамъ обѣдаете». Онъ припесъ солонницу. Пустынный сказалъ: «Когда побѣжишь опять къ царю обѣдать, забѣги ко мнѣ взять назадъ солонницу». Между тѣмъ на солонкѣ написалъ: «Ты, царь, не благословясь кушаешь; съ тобой бѣси

ѣдятъ!» Государь велѣлъ, чтобы на столѣ становили все благословясь. Послѣ того бѣсѣнки прибѣжали на обѣдъ и не могутъ подойти къ благословенному столу, жжеть ихъ, и убѣжали назадъ. Начали спрашивать хромого: «Ты оставался съ пустынникомъ; вѣрно, говорилъ съ нимъ, что мы на обѣдъ ходимъ?» Онъ сказалъ: «Я только одну солоницу приносилъ ему отъ царя». Начали бѣси хромого за то драть, для чего сказывалъ пустыннику. Вотъ хромой въ отмщеніе построилъ противъ кельи пустынника кузницу, и сталъ стариковъ передѣлывать въ горнѣ на молодыхъ. Пустынникъ увидалъ это, захотѣлъ и самъ передѣлаться: «Дака, говорить, и я передѣлаюсь!» Пришелъ въ кузницу къ бѣсѣнку, говорить: «Нельзя ли и меня передѣлать на молодого?» — «Изволь», отвѣчаетъ хромой, и бросилъ пустынника въ горно; тамъ его варилъ-варилъ и выдернулъ молодцомъ; поставилъ его передъ зеркало: «Поглядись-ка теперь — каковъ ты?» Пустынникъ самъ себѣ налюбоваться не можетъ. Потомъ понравилось ему жениться. Хромой предоставилъ ему невѣсту; оба они глядятъ не наглядятся другъ на друга, любятъ не налюбуются. Вотъ надобно ѣхать къ вѣнцу; бѣсѣнокъ и говорить пустыннику: «Смотри, когда вѣнцы станутъ накладывать, ты не крестись!» Пустынникъ думаетъ: «Какъ же не креститься, когда вѣнцы накладываютъ?» Не послушался его и перекрестился, а когда перекрестился — то увидѣлъ, что надъ нимъ нагнута осина, а на ней петля. Если бъ не перекрестился, такъ бы тутъ и повисъ на деревѣ; но Богъ отвелъ его отъ конечной гибели.

Изъ собранія В. И. Даля.

(с) Жилъ-былъ святой пустынникъ, и вычиталъ онъ въ Писаніи: все, чего ни пожелаешь, и все, чего ни попросишь у Бога съ вѣрою, — то Господь тебѣ и даруетъ.

Захотѣлось ему испытать: правда ли это? «Ну, можно ли тому стать, думалъ онъ: коли я пожелаю взять за себя царевну, то ужъ и царь и выдастъ ее за такого старца!» Думалъ-думалъ и пошелъ къ царю. «Такъ и такъ, говорить, хочу взять за себя царевну замужъ». А царь говорить: «Коли ты достанешь мнѣ такой дорогой камень, какого еще никто не видывалъ, такъ царевна будетъ твоею женою». Воротился пустынный въ келью; а чорту давно ужъ досадно смотрѣть на его святое житіе, пришелъ онъ соблазнять пустытника и сталъ говорить ему про свое могущество. «А сможешь ли ты, нечистой, влѣзть въ этотъ кувшинъ съ водою?» — «Э! да я, пожалуй, въ пустой орѣхъ влѣзу, не только въ кувшинъ!» — «Одначе попробуй сюда влѣзть!» Чортъ едуру влѣзъ въ кувшинъ, а пустынный и началъ его крестить. «Пусти меня; сдѣлай милость, пусти! заоралъ чортъ во все горло: крестъ меня жжетъ, страшно жжетъ!» — «Нѣтъ, не пущу! развѣ возьмешься достать мнѣ такой дорогой камень, какого еще никто на свѣтѣ не видывалъ — ну, тогда другое дѣло!» — «Достану; право слово, достану; только пусти!» Пустынный открестилъ кувшинъ; чортъ выскочилъ оттуда и улетѣлъ. Черезъ малое время воротился онъ съ такимъ дорогимъ камнемъ, что всякому на диво! Взялъ пустынный камень и понесъ къ царю. Тотъ — дѣлать нечего — велѣлъ царевнѣ готовиться замужъ за старца; а пустынный и говорить: «Не надо! вишь, начиталъ я въ Писаніи: что ни попрошу у Бога — то мнѣ и сдѣлается, вотъ мнѣ и захотѣлось попытать, а взаправду-то жениться я не хочу». А нечистой ужъ какъ было радовался, что смутилъ пустытника: «Вотъ-де женится на царевнѣ, какое тутъ спасенье!»

Въ другой разъ заспорилъ пустынный съ чортомъ: «Не влѣзешь де ты, окаянный, въ орѣхъ-свистунъ!»

Чортъ расхвастался и влѣзъ. Вотъ пустынникъ давай его крестить. «Пусти! закричалъ нечистой: пожалуста пусти! меня огнемъ жжетъ!» — «Выпущу, коли пропоешь ангельскіе гласы!» — «Не смѣю, говорить нечистой: меня разорвутъ за это наши!» — «Одначе пропой!» Что дѣлать? согласился чортъ; вотъ выпустилъ его пустынникъ на волю, самъ палъ на колѣни и зачалъ Богу молиться, а нечистой запѣлъ ангельскіе гласы: то-то хорошо! то-то чудесно! Вишь, черти-то прежде были ангели, отъ того они и знаютъ ангельскіе гласы. Какъ запѣлъ онъ — такъ и поднялся на небо: Богъ значить, простилъ его за это пѣніе.

Записана въ Воронежской губ., Бобровскомъ у.

21

Пустынникъ

Было-жило три мужика. Одинъ мужикъ былъ богатой; только жилъ онъ, жилъ на бѣломъ свѣтѣ, лѣтъ двѣсти прожилъ, все не умираетъ; и старуха его была жива, и дѣти, и внуки, и правнуки всѣ были живы — никто не умираетъ; да что? изъ скотины даже ни одна не тратилась!¹ А другой мужикъ слылъ безсчастливымъ, ни въ чемъ не было ему удачи, потому что за всякое дѣло принимался безъ молитвы; ну, и бродилъ себѣ то туда, то сюда, безъ толку. А третій-то мужикъ былъ горькой-горькой пьяница; все дѣлаетъ съ себя пропилъ и сталъ таскаться по міру.

Вотъ однова сошлись они вмѣстѣ, и отправились все трое къ одному пустыннику. Старику захотѣлось вывѣдать, скоро ли Смерть за нимъ прійдетъ, а безсчастному да пьяницѣ — долго ли имъ горе мыкать? Пришли и рассказали все, что съ ними случилось. Пустынникъ

¹) Не издыхала.

вывелъ ихъ въ лѣсъ, на то мѣсто, гдѣ сходились три дорожки, и велѣлъ древнему старику идти по одной тропинкѣ, безсчастному по другой, пьяницѣ по третьей: тамъ дискать всякъ свое увидить. Вотъ пошелъ старикъ по своей тропинкѣ, шелъ-шелъ, шелъ-шелъ, и увидалъ хоромы, да такія славныя, а въ хоромѣхъ два попа; только подступился къ попамъ, они ему и гудятъ: «Ступай, старичокъ, домой! какъ вернешься — такъ и умрешь». Безсчастный увидалъ на своей тропинкѣ избу, вошелъ въ нее, а въ избѣ стоитъ столъ, на столѣ краюшка хлѣба. Проголодался безсчастный, обрадовался краюшкѣ, ужъ и руку протянулъ, да позабылъ лобъ-то перекрестить — и краюшка тотчасъ исчезла! А пьяница шелъ-шелъ по своей дорожкѣ и дошелъ до колодца, заглянулъ туда, а въ немъ гады, лягва, змѣи и всякая срамота! Воротился безсчастный съ пьяницей къ пустыннику и рассказали ему, что видѣли. «Ну, сказалъ пустынникъ безсчастному: тебѣ николи и ни въ чемъ не будетъ удачи, пока не станешь ты за дѣло приниматься, благословясь и съ молитвою; а тебѣ, молвилъ пьяницѣ: уготована на томъ свѣтѣ мѣла вѣчная — за то, что упиваешься ты виномъ, не вѣдая ни постовъ, ни праздниковъ!» А старикъ-то древній пошелъ домой и только въ избу, а Смерть ужъ пришла за душою. Онъ и зачалъ просить: «Позволь еще пожить на бѣломъ свѣтѣ, я бы роздалъ свое богатство нищимъ; дай сроку хоть на три года!» — «Нѣтъ тебѣ сроку ни на три недѣли, ни на три часа, ни на три минуты! говоритъ Смерть: чего прежде думалъ — не раздавать?» Такъ и умеръ старикъ. Долго жилъ на землѣ, долго ждалъ Господь, а только какъ Смерть пришла — вспомнилъ о нищихъ.

Записана въ Воронежской губ., Бобровскомъ у.

Повѣсть о бражникѣ

Во дни нѣки посла Господь ангеловъ взяти душу бражникову, и поставити ю у вратъ пречистаго рая повелѣ. Бражникъ же нача талки(ти)ся во врата пречистаго рая. И прииде ко вратамъ рая Петръ апостоль и рече: «Кто талкійся во врата пречистаго рая?» И отвѣща ему «Азъ ес(м)ь бражникъ, и желаю съ вами въ раю жити». И рече Петръ апостоль: «Отыди отсюда, человѣче; здѣсь бражники не водворяютца, ибо имъ изготована мука вѣчная со блудниками вмѣстѣ». И отвѣща ему бражникъ «Господине, гласъ твой слышу, а лица не вижу, и имени твоего не вѣмъ». — «Азъ ес(м)ь Петръ апостоль, который имѣю ключи сего царствія славы». — «Помнишь ли ты, господине Петре, когда Господа нашего Ісуса Христа іудеи на судилище къ Каіаѣ поведоша и тебя вопрошали: ученикъ есть сего Ісуса назарянина? — а ты трикраты отъ него отрекся. Аще бы не слезы твои и покаяніе, и тебѣ не быть въ раю; а я *хотѣ* и бражникъ — по вся дни Божіе пилъ и за всякимъ корцомъ имя Господне прославлялъ, а не отрекался отъ него». Слыша Петръ отвѣтъ бражниковъ, отыде отъ вратъ пречистаго рая и сумнился о семъ человѣцѣ бражникѣ.

Вторицею нача бражникъ талкитися у вратъ пречистаго рая, и прииде ко вратамъ царь и пророкъ Давыдъ и рече: «Кто талкійся у вратъ пречистаго рая?» И бысть гласъ къ нему: «Азъ есмь бражникъ, и желаю съ вами въ раю жити». И рече къ нему царь Давыдъ: «Отыди человѣче, отсюда; здѣсь бражники не водворяютца, ибо имъ уготовано мѣсто въ муку вѣчную со блудниками вмѣстѣ». И отвѣща бражникъ: «Господине, гласъ твой слышу, а лица твоего не вижу, имени твоего не вѣмъ». И рече къ нему царь Давыдъ: «Азъ есмь царь и пророкъ,

который сѣдая со Авраамомъ и Исаакомъ на лонѣ царствія сего и состави псалтырь и пѣсни троичныя». И бысть отвѣтъ бражниковъ: «Помнише ли ты, царю Давыде, когда бысть брань на Голіафы, тогда ты слугу своего Урію на войну услалъ, и тамо его смерти предати повелѣлъ, а жену его къ себѣ въ прелюбодѣяніе пріялъ? Аще бы не были твои слезы и покаяніе, и тебѣ не быть бы въ раю». Слыша сіе, царь Давыдъ отыде и сумнися о семъ человѣцѣ.

Бражникъ же нача третицею талкитися у вратъ пречистаго рая. И прииде ко вратамъ Іоаннъ Богословъ и рече: «Кто талкійся у вратъ пречистаго рая?» И отвѣща ему: «Азъ есмь бражникъ, и желаю съ вами вмѣстѣ въ раю жити». И рече Іоаннъ Богословъ: «Отыди отсюда, человѣче; здѣсь бражники не водворяютца, ибо имъ уготовано мѣсто во огнь кромѣчный съ прелюбодѣями вмѣстѣ». Отвѣща бражникъ: «Господине, гласъ твой слышу, а лица твоего не вижу, и имени твоего не вѣмъ». — «Азъ есмь Іоаннъ Богословъ, другъ Христовъ, наперсникъ, возлюбленникъ и дѣвственникъ». — «О господине Іоанне Богослове! не самъ ли ты написалъ во евангеліи, что любите другъ друга, а ты нынѣ меня ненавидишь и въ раю жити не водворяешь; или отрекися отъ письма руки своей, или вырви изъ книги листь тотъ, который написалъ ты самъ!» Отыде Іоаннъ Богословъ и сумнися о семъ человѣцѣ, и повелѣ апостолу Петру впустити его во царствіе небесное.

Заимствована изъ рукописи XVIII-го столѣтія.

23

Царевичъ Евстафій

Въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ царь. У него былъ молодой сынъ царевичъ Евстафій; не любилъ онъ ни пировъ, ни плясокъ, ни гульбищъ, а любилъ ходить по

улицамъ, да водиться съ нищими, людьми простыми и убогими, и дарилъ ихъ деньгами. Крѣпко разсердился на него царь, повелѣлъ вести къ висѣлицѣ и предать лютой смерти. Привели царевича и хотятъ уже вѣшать. Вотъ царевичъ палъ передъ отцомъ на колѣни и сталъ просить сроку хоть на три часа. Царь согласился, далъ ему сроку на три часа. Царевичъ Евстафій пошелъ тѣмъ временемъ къ слесарямъ и заказалъ сдѣлать въ скорости три сундука: одинъ золотой, другой серебряной, а третій — просто расколотъ кряжъ надвое, выдолбить корытомъ, и прицѣпить замѣкъ. Сдѣлали слесаря три сундука и принесли къ висѣлицѣ. Царь съ боярами смотрятъ, что такое будетъ; а царевичъ открылъ сундуки и показываетъ: въ золотомъ насыпано полно золота, въ серебряномъ насыпано полно серебра, а въ деревянномъ наложена всякая мерзость. Показалъ и опять затворилъ сундуки и заперъ ихъ накрѣпко. Царь еще пуще разгнѣвался, и спрашиваетъ у царевича Евстафія: «Что это за насмѣшку ты дѣлаешь?» — «Государь батюшка! говоритъ царевичъ: ты здѣсь съ боярами, вели оцѣнить сундуки-то, чего они стоятъ?» Вотъ бояре серебряной сундукъ оцѣнили дорого, золотой того дороже, а деревянной и смотрѣть не хотятъ. Евстафій-царевичъ говоритъ: «Отомкните-ка теперь сундуки, и посмотрите что въ нихъ!» Вотъ отомкнули золотой сундукъ, а тамъ змѣи, лягушки и всякая срамота; посмотрѣли серебряной — и здѣсь тоже; открыли деревянной, а въ немъ растутъ древа съ плодами и листвіемъ, испускаютъ отъ себѣ духи сладкіе, а посреди стоитъ церковь съ оградой. Изумился царь и не велѣлъ казнить царевича Евстафія.

Записана въ Саратовской губ. Изъ собранія В. И. Даля.

Повѣсть о царѣ Аггеѣ и како пострада гордостію

Бысть во градѣ Оилуянѣ царь, именемъ Аггей, славенъ зѣло. И по врѣмени приключишася стояти ему въ церкви у божественныя литургіи и чтущу іерею святое евангеліе, егда іерей прочтя строки евангельскія, внемлетъ писано: «Богатіи обнищаютъ, а нищии обогатѣютъ!» Слышавъ же то царь и възъярися, и рече царь: «Писано ложно есть сіе писаніе: евангельское слово, а неправда!» И глаголетъ царь: «Азъ есмь богатъ зѣло и славенъ; како мнѣ обнищати, а нищему обогатѣти противъ меня?» Егда жъ оттольи (?) ужаси наполнися, и повелѣ царь іерея посадити въ темницу, а листъ повелѣ изъ евангелія выдрать. И поиде царь въ домъ свой и нача пити и ясти и веселитися.

Видѣвша же царь въ полѣ оленя, поѣха и взя съ собою юношовъ, и погна вслѣдъ и хотѣ оленя уловити. Бѣ же олень прекрасенъ зѣло. Царь же рече отрокомъ своимъ: «Сойдите вы здѣ, азъ пойду, уловлю единъ оленя». И погна вслѣдъ; олень поплы за рѣку. Царь привяза коня своего къ дубу, и совлече одежду съ себя и поплы нагъ за рѣку. Егда рѣку переплы, и абіе олень невидимъ бысть. Ангелъ Господень всѣдъ на коня царева во образѣ царя Аггея, сказа юношамъ своимъ: «Уплы олень за рѣку» — и поѣде съ юношами во градъ свой ко царицѣ. Царь же Аггей обратился взадъ на коня, и ни коня и ни платія не обрѣтаетъ, и ста нагъ и весьма задумался.

И поиде Аггей ко граду своему, и видѣ пастуховъ пасуща воловъ и вопрошà у нихъ: «Братія меньшая пастухи, гдѣ есть видѣли коня и платіе мое?» Пастухи вопроша его: «Кто еси ты?» Онъ же рече имъ: «Азъ есмь царь

вашъ Аггей». Пастухи же рѣша: «Окаянный человѣкъ! какъ ты смѣши называться царемъ? мы же видѣли царя Аггея, нынѣ проѣхалъ во градъ свой съ пяти юношами». И нача его бранити, бити кнутами и трубами (?); царь же нача плакати и рыдати. Пастухи отбѣша его прочь, и пошедъ ко граду своему нагъ. И срѣтоша его торговые люди града того и вопрошаша его: «Человѣче, что еси нагъ?» И онъ рече: «Одежду мою пограбили разбойники». Они же даша ему одежду худую и раздраную. Онъ же взялъ и поклонишася имъ, и поиде ко граду своему; и пришедши ко граду своему, попросися къ нѣкоей вдовѣ ночевать и нача ее вопрошати: «Скажи, госпоже моя, кто есть у васъ царь?» Она же отвѣщаша ему: «Или ты не нашей земли человѣкъ?» И сказа ему: «Царь есть у насъ Аггей». Онъ вопроси: «Сколько лѣтъ царствуетъ?» Она же сказала ему: «35 лѣтъ». Онъ же написавъ своею рукою письмо къ царицѣ, что у него были съ нею тайныя дѣла и мысли, и повелѣ нѣкоей женѣ снести письмо къ царицѣ. Царица взяла письмо и повелѣ чести предъ собою. Онъ же написася мужемъ ея царемъ Аггеемъ. И нападе на ню страхъ великъ; во страсѣ томъ нача говорити: «Какой сей убогій человѣкъ нарицаеть своею ми женою? аще сіе повѣдаетъ царь, повелитъ казнити». И повелѣ бити его кнутомъ нещадно безъ царскаго вѣдома. Биша его безъ милости и отпустиша едва жива; онъ же поиде изъ града, плача и рыдая, и воспоминаая евангельское слово, что богатіи обнищаютъ, а нищїи обогащаютъ, и каяся о томъ попу, како похули святое евангеліе, и како іерея въ темницу посадиль, и поидоша незнаемымъ путемъ. Царица рече являющемуся во образѣ царя ангелу: «Ты, государь мой милый, годъ со мною не спиши и постели не твориши; како мнѣ пребывати мимо тебя?» Царь же рече ей: «Обѣщаніе дано Богу, что три года съ тобою не

спать и постели не творить» — отыде отъ нея въ царскую свою палату.

Аггей царь прииде въ незнаемый градъ, нанялся у крестьянина работати въ лѣто; и работати крестьянскаго дѣла не умѣеть, и крестьянинъ ему отказа. Онъ же нача плакати и рыдати, и поидоша путемъ отъ города того, и срѣтоша его на пути нищии. Онъ же рече имъ: «Возьмите убо, братія, и меня съ собою; нынѣ человекъ убогъ, работати не умѣю, а просить не смѣю и стыжуся. Что ми велите, я у васъ стану тружdatися». Они же поимше его съ собою и даша ему суму носити. Они же придоша къ ночлегу ночевати и повелѣ ему баню топяти, и воду носити, и постелю стлати. Царь же Аггей заплакася горько: «Увы мнѣ! что сотворилъ себѣ. Владыку прогнѣваль; самъ же царства своего лишился и погибель себѣ сотворилъ, а вся пострадалъ за слово евангельское! . . .» Заутра же возста нищіе и поидоша ко граду своему Оилуану, и пришедши на царскій дворъ и нача милостыни просити. И бысть въ то время у царя пиръ великъ; и повелѣ царь взяти нищихъ въ палату, кормити довольно, и повелѣ взять у нищихъ мѣхоношу въ царскія палаты и посадити въ особую палату. И какъ пиръ у царя разшелся, и бояра и гости веѣ розыдошася, ангелъ въ образѣ Аггея царя прииде къ нему въ палату, гдѣ Аггей царь съ нищими обѣдаетъ. «Вѣдаеш ли ты царя гордаго и великаго, како похули слово евангельское?» И нача его учити и наказывати впредь евангельское слово не хулитъ и священниковъ почитать, а себя не превозносить, кротку и смиренну быть.

Выписана изъ старой рукописи изъ Шенкурскаго у., Архангельской губ. Изъ собранія В. И. Дала.

Гордый богачъ

Не вѣдаю гдѣ, жилъ-былъ себѣ панъ, такой богатой, что карбованцы мѣрялъ коробами, золото четвериками, а въ мѣдныхъ деньгахъ и счету не зналъ. Сколько у него было крестьянъ, земли, лѣсовъ, покосовъ — нечего и говорить! все равно не пересчитаешь. Охохъ! да какая жъ бѣда съ нимъ случилась! Изъ богача сдѣлался онъ бѣдниѣ насъ грѣшныхъ: а за что? За то, что Бога позабылъ и работалъ одной нечистой силѣ. Бывало, добрые люди заутреню слушаютъ въ церкви Божіей, а у него музыка гудитъ, да въ присядку отжариваютъ. Въ церковь онъ никогда не ходилъ, и не вѣдалъ, зачѣмъ туда люди ходятъ. Да разъ какъ-то вздумалось ему посмотреть, что такое тамъ дѣется, и вотъ на праздникъ Господень пошелъ панъ вмѣстѣ съ панею къ обѣднѣ. Всѣ православные Богу молятся, а они стоятъ себѣ, поглядываютъ по сторонамъ да хохочутъ. Сталъ дьяконъ читать: «Богатые обнищаютъ и взалкаютъ . . .» — какъ бѣжить къ нему панъ, вырвалъ изъ рукъ книгу и хватъ дьякона по лысинѣ: «Какъ смѣешь ты, дурень, такія слова при мнѣ сказывать? Развѣ я могу обнищать и взалкать? Ахъ ты, кутейникъ! погоди жъ, я тебѣ покажу, какъ надо мной смѣяться! Если хоть разъ еще осмѣлишься выговорить такія рѣчи, то я такъ попотчу тебя на конюшнѣ, что до новыхъ вѣшниковъ не забудешь! Подай чернилицу». Дьяконъ не живъ, не мертвъ, со всѣхъ ногъ пустился доставать чернилицу и перо; а попъ въ олтарѣ спрятался и тресется, бѣдненькой, словно въ лихорадкѣ. Принесъ дьяконъ чернилицу и перо. «Смотри, неучъ! говорить панъ: что замараю я, того никогда не читать ни при моей жизни, ни послѣ!» Вдругъ поднялась буря, молнія поминутно блещетъ,

громъ все сильнѣй и сильнѣе, а потомъ какъ ударить — Господи, твоя воля! — всѣ, кто только былъ въ церкви, такъ и повалились на полъ. Только панъ съ панею стоятъ да хохочутъ. Прибѣжалъ староста: «Бѣда! говорить, господскій домъ горить!» Принялись тушить; да нѣтъ, съ Богомъ нельзя спорить. Все нацисто сгорѣло, будто и не было панскаго двора. Ну, это богачу какъ плюнуть: явились новые хоромы еще лучше прежнихъ. Только съ того самаго времени, какъ станетъ дьяконъ читать въ церкви и только дойдетъ до того мѣста, гдѣ написано, что богатые обнищаютъ и взалкаютъ, — всякой разъ, откуда что возьмется, загромить да и загромить на небѣ.

Вотъ захотѣлось пану ѣхать на охоту. Собралось народу — человѣкъ съ двѣсти будетъ, да и собакъ столько же. Сѣли на коней, затрубили въ рога и поскакали въ лѣсъ; травили тамъ и зайцевъ, и лисицъ, и волковъ, и медвѣдей, какъ вдругъ бѣжитъ олень да такой красивой, что не наглядѣлся бъ на него! Панъ ударилъ въ слѣдъ за оленемъ: птицею летитъ на конѣ, а звѣрь еще быстрѣе.

Вотъ близко, вотъ нагонить, не тутъ-то было! Уже полдень прошелъ, уже и солнышко низко, вотъ и темнѣть стало — онъ все гонится за краснымъ звѣремъ. Настала чѣрная ночь, въ лѣсу хоть глазъ выколи — ничего не видно! Тогда только остановилъ панъ своего коня. Что дѣлать? онъ затрубилъ въ рогъ, не откликнутся ль его охотники? Прислушался — ничего не слышно, только боръ шумитъ. Затрубилъ въ другой и въ третій разъ, никто не отзывается; одинъ далекой лѣсъ повторяетъ: тру-тру-тру! Ъдетъ панъ дальше; уже сдается ему, что село близко, что кони ржутъ и собаки лаютъ; а все не видать жилья, только небо да земля, да сосны кудрявыя шумятъ верхушками. Уже

и конь присталъ, чуть-чуть ноги двигаетъ, а самъ онъ едва на конѣ сидить. Вдругъ блеснулъ огонекъ. Панъ снова заигралъ въ трубу, чтобы вышли къ нему навстрѣчу, коли есть тутъ люди. Чего хотѣлъ, то и сдѣлалось. Выскочили изъ-за деревьевъ человѣкъ двѣнадцать и встрѣтили его, только не по-пански: одинъ такъ хватилъ его по затылку, что панъ какъ снопъ повалился на землю. Очнулся — совсѣмъ голой, какъ мать породила! Хотѣлъ было повернуться — куда! руки веревкою скручены. Осмотрѣлся: вокругъ огня сидятъ разбойники и съ ними атаманъ въ красномъ кафтанѣ. «Что жъ вы, сволочь, барина не прикроете!» закричалъ онъ на своихъ молодцовъ. Тотчасъ съ десятокъ хлопцовъ бросилось къ пану и давай потчевать его батогами. «Полно! снова заревѣлъ атаманъ: отведите его въ Волчью долину и привяжите тамъ къ дереву; намъ онъ больше не нуженъ, а волкамъ пригодится: лакомый будетъ кусокъ на завтракъ!» Подхватили пана за ноги, приволокли въ Волчью долину и плотно прикрутили веревкой къ соснѣ. Стоитъ панъ сутки, стоитъ и другіе — нѣтъ мочи терпѣть: внутри огнемъ палить, во рту пересохло, вотъ-вотъ душа съ тѣломъ разстанется. А онъ и не думаетъ покаяться; на умѣ одно держитъ: «какъ ворочусь домой, сейчасъ же соберу крестьянъ и пойду душить этихъ проклятыхъ лѣсовиковъ!»

Недалеко отъ Волчьей долины, на полянкѣ паслось стадо. Жарко стало въ полдень; вотъ пастухи и погнали сюда своихъ овецъ и коровъ, чтобы усѣсться самимъ подъ сосною и плестъ въ холодку лапти. Какъ же они удивились! стоитъ у сосны голой человѣкъ, по рукамъ и по ногамъ связанный. «Ахъ, Грицько! говоритъ одинъ пастухъ: посмотри-ка: человѣкъ привязанъ въ чемъ мать родила, и весь-то избитой, весь-то въ крови!

Пойдемъ, отвяжемъ его; можетъ еще живъ!» — «Что жъ? отвяжемъ», говоритъ другой. Съ этимъ словомъ они подошли къ соснѣ и распутали веревки. Панъ-то молчалъ, а какъ сняли съ него веревки, сейчасъ закричалъ: «Эй, ты, молодецъ! сними-ка свою сермягу да подай сюда. Хоть твой нарядъ и плохъ, а все лучше, чѣмъ голымъ быть. Да проводи меня въ барской домъ. Знайте, негодяи, съ кѣмъ вы дѣло имѣете: я вашъ баринъ!» — «Ого! видишь ли, Грицько, что это за птица! Нашъ баринъ! . . . Ха-ха-ха! Похожъ, нечего сказать, похожъ на барина: кафтанъ на тебѣ такой славной, весь расписанной! Нѣтъ, человѣче, Богъ тебя знаетъ, кто ты такой; я тебѣ скажу, что панъ нашъ въ высокихъ хоромахъ, въ золотой одеждѣ». — «Ахъ ты, хамское отродье! смѣешь ли ты грубить своему господину? . . . Вотъ я васъ! дайте дѣ до дому добраться». Расходился панъ, и ну тащить съ пастуха свитку. «Такъ вотъ оно что! сказали пастухъ: тебя съ привязи спустили, а ты и кусаться лѣзешь! Вотъ же тебѣ, бродяга! вотъ тебѣ, разбойникъ!» и началъ отжаривать пана пугою. Панъ отъ него, а пастухъ за нимъ; шлѣпъ да шлѣпъ, шлѣпъ да шлѣпъ. Какъ припустить панъ въ сторону, откуда ноги взялись. Долго бѣжалъ онъ, пока изъ силъ не выбился; выбился изъ силъ и растянулся на дорогѣ. На его счастье идутъ старцы. Сжалился одинъ старецъ, далъ ему свою свитку; панъ одѣлся и пошелъ вмѣстѣ съ ними, питаясь милостиной. Дорогою онъ разсказалъ обо всемъ, что ему приключилось; говорилъ, какъ отплатить своимъ обидчикамъ и какъ наградить старцевъ — за то, что его прикрыли и съ собой взяли. Старцы уже новыя торбы стали готовить, чтобъ было куда положить панскіе гроши. Вотъ пришли въ село и прямо въ барскія хоромы лѣзутъ. «Куда вы!» закричали на нихъ слуги. «Прочь!

сказалъ панъ: развѣ не видите, хамы! что вашъ господинъ идетъ?» — «Какой господинъ? Былъ у насъ панъ, да пропалъ!» — «Врете, скоты! я — вашъ панъ!» — «Ну, братъ, погоди маленько!» Панъ полѣзъ было драться, да куда! схватили его за руки и повели къ пани. Какъ услышала она, что такой срамной, обдерганной волочуга называется ея мужемъ, разгнѣвалась и приказала высѣчь его плетями и зарыть живого въ землю. Что ни дѣлалъ панъ, какъ ни отбивался, а схоронили его заживо. Въ церкви опять стали читать вымаранныя слова: «богатые обнищаютъ и взалкаютъ», и при чтеньи дьякона уже не было слышно громовыхъ ударовъ.

25

Смерть праведнаго и грѣшнаго

Одинъ старецъ просилъ у Бога, чтобъ допустилъ его увидѣть, какъ умираютъ праведники. Вотъ явился къ нему ангелъ и говоритъ: «Ступай въ такое-то село и увидишь, какъ умираютъ праведники». Пошелъ старецъ; приходитъ въ село и просится въ одинъ домъ ночевать. Хозяева ему отвѣчаютъ: «Мы бы рады пустить тебя, старичокъ, да родитель у насъ боленъ, при смерти лежитъ». Больной услышалъ эти рѣчи и приказалъ дѣтямъ впустить странника. Старецъ вошелъ въ избу и расположился на ночлегъ. А больной созвалъ своихъ сыновей и снохъ, сдѣлалъ имъ родительское наставленіе, далъ свое послѣднее навѣки нерушимое благословеніе и простился со всѣми. И въ ту же ночь пришла къ нему Смерть съ ангелами: вынули душу праведную, положили на золотую тарелку, запѣли: «Иже херувимы» и понесли въ рай. Никто того не могъ видѣть; видѣлъ только одинъ старецъ. Дождался онъ похоронъ праведника, отслужилъ панихиду и возвратился домой, благодаря Господа, что сподобилъ его видѣть святую кончину.

Послѣ того просилъ старецъ у Бога, чтобъ допустилъ его увидѣть, какъ умирають грѣшники; и былъ ему гласъ свыше: «Иди въ такое-то село и увидишь, какъ умирають грѣшники». Старецъ пошелъ въ то самое село и выпросился переночевать у трехъ братьевъ. Вотъ хозяева воротились съ молотбы въ избу, и принялись всякъ за свое дѣло, начали пустое болтать да пѣсни пѣть; и невидимо имъ пришла Смерть съ молоткомъ въ рукахъ и ударила одного брата въ голову. «Ой голова, болить! . . . ой, смерть моя . . .» закричалъ онъ и тутъ же померъ. Старецъ дождался похоронъ грѣшника и воротился домой, благодаря Господа, что сподобилъ его видѣть смерть праведнаго и грѣшнаго.

Записана въ Саратовской губ. Изъ собранія В. И. Даля.

26

Ангель

Родила баба двойню. И посылаетъ Богъ ангела вынуть изъ нея душу. Ангель прилетѣлъ къ бабѣ; жалко ему стало двухъ малыхъ младенцевъ, не вынулъ онъ души изъ бабы и полетѣлъ назадъ къ Богу. «Что, вынулъ душу?» спрашиваетъ его Господь. — «Нѣтъ, Господи!» — «Что жъ такъ?» Ангель сказалъ: «У той бабы, Господи, есть два малыхъ младенца; чѣмъ же они станутъ питаться?» Богъ взялъ жезло, ударилъ въ камень и разбилъ его надвое. «Полѣзай туда!» сказалъ Богъ ангелу; ангель полѣзъ въ трещину. «Что видишь тамъ?» спросилъ Господь. «Вижу двухъ червячковъ». — «Кто питаетъ этихъ червячковъ, тотъ пропиталъ бы и двухъ малыхъ младенцевъ!» И отнялъ Богъ у ангела крылья, и пустилъ его на землю на три года.

Нанялся ангель въ батраки у попа. Живетъ у него годъ и другой; разъ послалъ его попъ куда-то за дѣломъ. Идетъ батракъ мимо церкви, остановился и давай бро-

сать въ нее каменья, а самъ норовить, какъ бы прямо въ крестъ попасть. Народу собралось много-много, и приня лихъ всѣ ругать его; чуть-чуть ни прибили! Пошелъ батракъ дальше, шелъ-шелъ, увидѣлъ кабакъ и давай на него Богу молиться. «Что за болванъ такой! говорятъ прохожіе: на церковь каменья швыряетъ, а на кабакъ молится! мало бьютъ эдакихъ дураковъ! . . .» А батракъ помолился и пошелъ дальше. Шелъ-шелъ, увидалъ нищаго, и ну его ругать попрошайкою. Услыхали то люди прохожіе и пошли къ попу съ жалобой: «такъ и такъ, говорятъ, ходитъ твой батракъ по улицамъ — только дурить, надъ святынею насмѣхается, надъ убогими ругается». Сталъ попъ его допрашивать: «За чѣмъ де ты на церковь каменья бросалъ, на кабакъ Богу молился!» Говоритъ ему батракъ: «Не на перковь бросалъ я каменья, не на кабакъ Богу молился! Шелъ я мимо церкви и увидѣлъ, что нечистая сила за грѣхи наши такъ и кружится надъ храмомъ Божьимъ, такъ и лѣпится на крестъ; вотъ я и сталъ шибать въ нее каменьями. А мимо кабака идучи, увидѣлъ я много народу, пьютъ, гуляютъ, о смертномъ часѣ не думаютъ; и помолился тутъ я Богу, чтобъ не допускалъ православныхъ до пьянства и смѣртной гибели». — «А за что облаялъ убогаго?» — «Какой то убогой! много ссть у него денегъ, а все ходитъ по міру да собираетъ милостину; только у прямыхъ нищихъ хлѣбъ отнимаетъ. За то и называлъ его попрошайкою».

Отжилъ батракъ три года. Попъ даетъ ему деньги, а онъ говорить: «Нѣтъ, мнѣ деньги не нужны; а ты лучше проводи меня». Пошелъ попъ провожать его. Вотъ шли они, шли, долго шли. И далъ Господь снова ангелу крылья; поднялся онъ отъ земли и улетѣлъ на небо. Тутъ только узналъ попъ, кто служилъ у него цѣлыхъ три года.

Записана въ Воронежской губ., Бобровскомъ уѣздѣ.

Кумова кровать

Жили-были мужикъ, да баба, у нихъ былъ сынъ. И такъ обѣдняли они, хоть по міру иди. Мужикъ думалъ-думалъ, что дѣлать, какъ хлѣба добывать? — и надумался: сталъ учиться колдовству, учился-учился, и таки выучился съ чертями водиться. Вотъ пришло ему время женить сына. «Дай, говоритъ онъ: пойду да сосватаю у своихъ пріятелей-чертей». Пошелъ и сосваталъ за сына опившуюся дѣвку, что возить у чертей воду съ прочими опойцами. Дѣло сдѣлали, по рукамъ ударили, начали пиво варить. Нечистые завели свата и жениха въ богатые каменные хоромы свадьбу играть, и разослали позыватыхъ звать гостей на пиръ, на веселье. Со всѣхъ сторонъ наѣхало видимо-невидимо чертей; собрались и начали пить, ѣсть, веселиться. Сватъ съ самимъ сатаной въ передѣ¹ сидитъ. Вотъ начали молодые дары дарить. Сатана много на отдарье положилъ казны, и говоритъ свату: «Ну, сватушка! подарилъ я молодого деньгами, подарю и слугою. Вишь, одинъ мужикъ продалъ намъ своего сына и росписку на томъ далъ; коли хочешь, кумъ, — я тебѣ съ сыномъ подарю эту росписку?» Кумъ билъ ему челомъ, а сатана созвалъ всѣхъ чертей и спрашиваетъ: у кого росписка? Указали на одного чорта, а тотъ знай себѣ запирается, не хочетъ отдавать росписки. Сатана приказалъ его раздѣть и бить за утайку желѣзными прутьями. Какъ ни били, какъ ни колотили его — не могли ничего сдѣлать, стоитъ на своемъ да и только. Сатана и крикнулъ: «Ташите-ка его на кумову кровать!» Чортъ такъ напугался, что сейчасъ же досталъ росписку и отдалъ сатанѣ, а сатана куму. Вотъ сватъ и спрашиваетъ сатану: «Какая это у

¹) Передъ — передній уголъ, почетное мѣсто въ избѣ.

вась кумова кровать, что даже чортъ напугался?» — «Да такъ, кумъ, простая!» — «Какъ, кумъ, простая? нѣтъ, смотри, не простая!» — «Ну для тебя, пожалуй, скажу; только ты никому не сказывай! Кровать эта сдѣлана для насъ, чертей, и для нашихъ сродниковъ, сватовъ, кумовьевъ; она вся огненная, на колесахъ, и кругомъ вертится». Свать убоился, вскочилъ съ мѣста и давай Богъ ноги. А сатана вслѣдъ ему говорить: «Куда, кумъ, торопишься? посиди, побесѣдуй съ нами. Да вѣдь не уйдешь отъ насъ; пожалуй, и притащутъ милаго!»

Записана въ Саратовской губ. Изъ собранія В. И. Даля.

28

Грѣхъ и покаяніе

(а) Жила-была старуха, у ней были одинъ сынъ и одна дочь. Жили они въ превеликой бѣдности. Вотъ разъ какъ-то пошелъ сынъ въ чистое поле посмотрѣть на озимые всходы; вышелъ и осмотрѣлся кругомъ: стоитъ недалека высокая гора, а на той горѣ на самомъ верху клубится густой дымъ. «Что за диво такое! думаетъ онъ: ужъ давно стоитъ эта гора, никогда не видалъ на пей и малаго дыма, а теперича, вишь, какой густой поднялся! Дай пойду, посмотрю на гору». Вотъ полѣзъ на гору, а она была крутая-крутая! — насилу взобрался на самой верхъ. Смотрить — а тамъ стоитъ большой котелъ полонъ золота. «Это Господь кладъ послалъ на нашу бѣдность!» подумалъ парень, подошелъ къ котлу, нагнулся и только хотѣлъ горсть набрать — какъ послышался голосъ: «Не смѣй брать этихъ денегъ, а то худо будетъ!» Оглянулся онъ назадъ — никого не видно, и думаетъ: вѣрно мнѣ почудилось! Опять нагнулся и только хотѣлъ набрать горсть изъ котла — какъ послышались тѣ

же самыя слова. «Что такое? говоритъ онъ самъ себѣ: никого нѣтъ, а голосъ слышу!» Думаль-думаль и рѣшился въ третій разъ подойти къ котлу. Опять нагнулся за золотомъ и опять раздался голосъ: «Тебѣ сказано — не смѣй трогать! а коли хочешь получить это золото, такъ ступай домой и сдѣлай напередъ грѣхъ съ родной матерью, сестрою и кумою. Тогда и приходи: все золото — твое будетъ!»

Воротился паренъ домой и крѣпко призадумался. Мать и спрашиваетъ: «Что съ тобой? ишь ты какой невеселой!» Пристала къ нему, и такъ и сякъ подговаривается: сынъ не выдержалъ и признался про все, что съ нимъ было. Старуха, какъ услыхала, что онъ нашелъ большой кладъ, съ того самаго часу и зачала въ мысляхъ держать, какъ бы ухитриться, смутить сына да на грѣхъ навести. И въ первой таки праздникъ позвала къ себѣ куму, перемолвила съ нею и съ дочерью, и придумали онѣ вмѣстѣ напоить малаго пьянымъ. Принесли вина и ну его потчевать; вотъ онъ выпилъ рюмку, выпилъ и другую, и третью, и напился до того, что совсѣмъ позабылся и сотворилъ грѣхъ со всѣми тремя: съ матерью, сестрою и кумою. Пьяному море по колѣна, а какъ проспался да вспомнилъ, какой грѣхъ-то сотворилъ, — такъ просто на свѣтъ не смотрѣлъ бы! «Ну, что же, сынокъ, говоритъ ему старуха: о чемъ тебѣ печалиться? ступай-ка на гору да таскай деньги въ избу». Собрался паренъ, взощелъ на гору, смотреть: золото стоитъ въ котлѣ нетронуто, такъ и блестить! «Куды мнѣ дѣвать это золото? я бы теперь послѣднюю рубаху отдалъ, только бъ грѣха избыть». И слышался голосъ: «Ну, что еще думаешь? теперича не бойся, бери смѣло, все золото — твое!» Тяжело вздохнулъ паренъ, горько заплакалъ, не взявъ ни одной копейки и пошелъ, куда глаза глядятъ.

Идетъ себѣ да идетъ дорогою, и кто ни встрѣтится — всякаго спрашиваетъ: не знаетъ ли, какъ замолить ему грѣхи тяжкіе? Нѣтъ, никто не можетъ ему сказать, какъ замолить грѣхи тяжкіе. И съ страшнаго горя пустился онъ въ разбой; всякаго, кто только попадется навстрѣчу, онъ допрашиваетъ: какъ замолить ему передъ Богомъ свои грѣхи? и если не скажетъ — тотчасъ убиваетъ до смерти. Много загубилъ онъ душъ, загубилъ и мать, и сестру, и куму, и всего — девяносто девять душъ; а никто ему не сказалъ, какъ замолить грѣхи тяжкіе. И пошелъ онъ въ темный дремучій лѣсъ, ходилъ-ходилъ, и увидалъ избушку — такая малая, тѣсная, вся изъ дѣрну складена; а въ этой избушкѣ спасался скитникъ. Вошелъ въ избушку; скитникъ и спрашиваетъ: «Откуда ты, доброй человѣкъ, и чего ищешь?» Разбойникъ разсказалъ ему. Скитникъ подумалъ и говоритъ: «Много за тобою грѣховъ, не могу наложить на тебя эпитимью!» — «Если не наложишь на меня эпитимьи, такъ и тебѣ не миновать смерти; я загубилъ девяносто девять душъ, а съ тобой ровно будетъ сто». Убилъ скитника и пошелъ дальше. Шелъ-шелъ и добрался до такого мѣста, гдѣ спасался другой скитникъ, и разсказалъ ему про все. «Хорошо, говоритъ скитникъ: я наложу на тебя эпитимью, только можешь ли ты снести?» — «Что знаешь, то и приказывай, хоть каменя грызть зубами — и то стану дѣлать!» — Взялъ скитникъ горѣлую головешку, повелъ разбойника на высокую гору, вырылъ тамъ яму и закопалъ въ ней головешку. «Видишь, спрашиваетъ онъ, озеро?» А озеро-то было внизу горы, съ полверсты эдакъ. «Вижу», говоритъ разбойникъ. «Ну, ползай же къ этому озеру на колѣнкахъ, носи оттуда воду и поливай это самое мѣсто, гдѣ зарыта горѣлая головешка, и до тѣхъ таки поръ поливай, покуда она не пуститъ она отростковъ

и не вырастетъ отъ неё яблоня. Вотъ когда вырастетъ отъ неё яблоня, задвѣтетъ да принесетъ сто яблоковъ, а ты тряхнешь ее, и всѣ яблоки упадутъ съ дерева наземь: тогда знай, что Господь простилъ тебѣ всѣ твои грѣхи». Сказалъ скитникъ и пошелъ въ свою келью спастись попрежнему. А разбойникъ сталъ на колѣна, поползъ къ озеру и набралъ въ ротъ воды, влѣзъ на гору, полилъ головешку и опять поползъ за водою. Долго, долго эдакъ онъ потрудился; прошло цѣлыхъ тридцать лѣтъ — и пробилъ онъ колѣнками дорогу, по которой ползалъ, въ поясъ глубины, и дала головешка отростокъ. Прошло еще семь лѣтъ — и выросла яблоня, расцвѣла и принесла сто яблоковъ. Тогда пришелъ къ разбойнику скитникъ и увидѣлъ его худого да тощаго: однѣ кости! «Ну, братъ, тряси теперь яблоню». Тряхнулъ онъ дерево, и сразу осыпались всѣ до одинаго яблоки; въ ту жъ минуту и самъ онъ померъ. Скитникъ вырылъ яму и предать его землѣ честно.

Изъ собранія В. И. Даля.

(b) Была вдова, у ней было двое дѣтей: сынъ и дочь. Жили они въ большой бѣдности. Вотъ мать и задумалась отдать своего сына въ пастухи. Въ одно время пасъ онъ скотину въ лѣсу. И привезъ туда колдунъ возъ денегъ, вырылъ яму, вывалилъ въ нее деньги, забросалъ землею, и сталъ заклинять: «Достаньтесь, мои деньги, тому, кто сотворить грѣхъ съ родной матерью, съ родной сестрою и съ кумою!» Заклялъ и уѣхалъ. Пастухъ все это слышалъ: пригналъ скотину на село и рассказалъ про этотъ кладъ своей матери. Крѣпко польстилась она на деньги; вотъ на утро нарядилась она такъ, что и признать ее нельзя, и пошла туда, гдѣ сынъ

ея пасъ скотину; пришла и давай съ нимъ играть. Играла-играла и навела его на грѣхъ . . . На другой день нарядила она свою дочь, послала въ поле и наказала, что дѣлать. И эта играла-играла съ пастухомъ, и навела его на грѣхъ . . . Воротился сынъ домой. Вдова и говоритъ ему: «Ступай, доставай кладъ!» — «Ахъ, матушка, вѣдь я тебѣ сказывалъ, какой это кладъ: мнѣ онъ не дастся!» — «Небось, дастся! вѣдь ты сотворилъ грѣхъ и со мною, и съ сестрою, а она тебѣ и сестра и кума вмѣстѣ; ты съ ней у сосѣда крестилъ». — «Ахъ, матушка, матушка! до чего ты меня довела! не хочу теперь съ вами жить, лучше пойду — куда глаза глядятъ!» И только вышелъ сынъ за ворота и сдѣлалъ шаговъ десять, какъ вдругъ поднялся вѣтеръ, изба вспыхнула и въ одну минуту сгорѣла вмѣстѣ съ его матерью и сестрою. Онъ еще пуще пріунылъ и подумалъ про себя: «Стало быть, я великой грѣшникъ передъ людьми и Богомъ!»

Шелъ онъ, шелъ, и попалъ въ большой дремучій лѣсъ; увидалъ тропинку, пустился по этой тропинкѣ и пришелъ къ кельѣ; началъ стучаться, пустынникъ его спрашиваетъ: «Кто тамъ?» — «Грѣшникъ, святой отче!» — «Подожди, молитву окончу». Окончилъ молитву, вышелъ изъ кельи и спрашиваетъ: «Куда Богъ несетъ? и что надобно?» Разказалъ ему странникъ. «Это грѣхъ великой! не вѣдаю, можно ли отмолить его; ступай-ка ты по этой дорожкѣ, и дойдешь до другой кельи — тамъ живетъ пустынникъ старѣй меня вдвое; можетъ, онъ тебѣ и скажетъ» . . . Пошелъ странникъ дальше и дальше, приходитъ къ кельѣ и опять стучится. Пустынникъ стоялъ тогда на молитвѣ. «Кто тамъ?» спрашиваетъ онъ. — «Грѣшникъ, святой отче!» — «Подожди, молитву окончу». Окончилъ молитву, вышелъ и спрашиваетъ: «Что за грѣшникъ такой?» Странникъ разказалъ про все. «Если хочешь отмаливать свои грѣхи, сказалъ ему пу-

стынникъ: такъ пойдемъ со мною». Далъ ему топоръ и повелъ къ толстой березѣ: «Свали-ка эту березу и разруби ее на три части». Тотъ свалилъ березу съ корня и разрубилъ на три части. Пустынникъ зажегъ эти три бревна; вотъ они горѣли-горѣли, и остались только три малыя головешки. «Закопай ты эти головешки въ землю, и день и ночь поливай ихъ водою!» сказалъ пустынникъ и ушелъ. Грѣшникъ зарылъ три головешки въ землю и началъ поливать ихъ и день, и ночь; годъ поливалъ, и другой, и третій . . . долго-долго трудился: двѣ головешки ужъ пустили отростки, а третья нѣтъ какъ нѣтъ! Пришелъ къ нему пустынникъ, видитъ: выросло двѣ березки, и говоритъ: «Богъ простилъ тебѣ два грѣха — съ матерью и сестрою, а третьяго — съ кумою — ты еще не замолилъ у Господа. Вотъ тебѣ стадо черныхъ овецъ, паси его да молись Богу до тѣхъ поръ, пока ни станутъ всѣ овцы бѣлыми». Погналъ грѣшникъ овецъ, пасетъ годъ, и другой, и третій, много молится, много трудовъ несетъ — только овцы все остаются черными.

Вотъ сталъ мимо его по зарѣ ѣздить какой-то чело-вѣкъ: ѣдетъ себѣ и всякой разъ распѣваетъ веселыя пѣсни. «Дай спрошу, думаетъ грѣшникъ: что это за чело-вѣкъ ѣздитъ?» Вышелъ на дорогу, подождалъ немножко и видитъ: подѣзжаетъ тотъ самой чело-вѣкъ и поетъ пѣсню. Онъ сейчасъ схватилъ его лошадь за узду, остановилъ и спрашиваетъ: «Кто ты таковъ и зачѣмъ поешь эдакія пѣсни?» — «Я разбойникъ, ѣзжу по дорогамъ и убиваю людей; чѣмъ больше убью за ночь, тѣмъ веселѣе пѣсню пою!» Не утерпѣлъ пастухъ, размахнулся своей дубинкою и убилъ разбойника наповаль. «Ахъ что же я надѣлалъ? говоритъ онъ: одного еще грѣха не отмолилъ, а ужъ другой грѣхъ нажилъ!» Воротился къ овцамъ, а онѣ всѣ бѣлыя; пригналъ овецъ къ

пустыннику и рассказалъ все, что съ нимъ было. Пустынникъ и говоритъ: «Это за тебя міръ умолилъ Бога!»

Изъ собранія В. И. Даля.

29

Горькій пьяница

Жиль-быль старикъ, да такой горькой пьяница, что и сказать нельзя. Вотъ забрался онъ какъ-то въ кабакъ, упился зелена вина, и поплелся во хмелю домой, а путь-то лежалъ черезъ рѣку, подошелъ къ рѣкѣ, не сталъ долго думать, скинулъ съ себя сапоги, повѣсилъ на шею и побрелъ по водѣ; только дошелъ до середины — спотыкнулся о камень, упалъ въ воду, да и поминай какъ звали!

Остался у него сынъ Петруша. Видитъ Петруша, что отецъ пропалъ безъ вѣсти, потужилъ, поплакалъ, отслужилъ за упокой души панихиду и принялся хозяйничать. Разъ въ воскресный день пошелъ онъ въ церковь Богу помолиться. Идетъ себѣ по дорогѣ, а впереди его тащится баба: шла-шла, спотыкнулась о камышекъ и заругалась: «Кой чортъ тебя подъ ноги суеть!» Петруша услыхалъ такія рѣчи и говоритъ: «Здорово, тетка! куды путь держишь?» — «Въ церковь, родимой, Богу молиться». — «Какъ же тебѣ не грѣшно: идешь въ церковь Богу молиться, а поминаешь нечистаго! сама спотыкнулась, да на чорта сваливаешь» . . . Ну, отслушалъ онъ обѣдню и пошелъ домой; шелъ-шелъ, и вдругъ откуда ни возьмись — сталъ передъ нимъ мѣлодецъ, поклонился и говоритъ: «Спасибо тебѣ, Петруша, на добромъ словѣ!» — «Кто ты таковъ и за что благодарствуешь?» спрашиваетъ Петруша. «Я дьяволъ; а тебѣ благодарствую за то, что какъ спотыкнулась баба да облаяла меня понапрасну, такъ ты замолвилъ за меня доброе слово». И началъ просить: «Побывай де, Петруша, ко

мнѣ въ гости; я тебя въ-какъ награжу! и серебромъ и златомъ, всёмъ надѣлю!» — «Хорошо, говоритъ Петруша: побываю». Дьяволъ разсказалъ ему про дорогу и пропалъ въ одну минуту, а Петруша воротился домой.

На другой день собрался Петруша въ гости къ дьяволу; шелъ-шелъ, цѣлыхъ три дня шелъ и пришелъ въ большой лѣсъ, дремучій да темный — и неба не видать! А въ томъ лѣсу стоялъ богатой дворецъ. Вотъ онъ вошелъ во дворецъ, и увидѣла его красная дѣвица — выкрадена была нечистыми изъ одного села; увидѣла его и спрашиваетъ: «Зачѣмъ пожаловалъ сюда, доброй молодецъ? здѣсь черти живутъ, они тебя въ клочки разорвутъ». Петруша разсказалъ ей, какъ и зачѣмъ попалъ въ этотъ дворецъ. «Ну, смотри же, говоритъ ему красная дѣвица: станеть давать тебѣ дьяволъ золото и серебро — ты ничего не бери, а проси, чтобъ подарилъ тебѣ того самаго ледащаго коня, на которомъ нечистые дрова и воду возять. Этотъ конь — твой отецъ; какъ шелъ онъ изъ кабака пьяной да упалъ въ воду, черти тотчасъ подхватили его, сдѣлали своей лошадыю, да возять теперь на немъ дрова и воду!» Тутъ пришелъ тотъ самой молодецъ, что звалъ Петрушу въ гости и принялся угощать его всякими напитками и наѣдками. Пришло время отправляться Петрушѣ домой. «Пойдемъ, сказалъ ему дьяволъ: я надѣлю тебя деньгами и славною лошадыю, живо до дому доѣдешь». — «Ничего мнѣ не нужно, отвѣчалъ Петруша: и коли хочешь дарить — подари ту ледащую кляченку, на которой у васъ дрова и воду возять». — «Куда тебѣ эта кляча! скоро ли на ней до дому доберешься, она, того и смотри, околѣеть!» — «Все равно, подари; окромя ея, другой не возьму!» Отдалъ ему дьяволъ худую кляченку. Петруша взялъ и повелъ ее за узду. Только за ворота, а навстрѣчу ему красная дѣвица: «Что, досталъ лошадь?»

— «Досталъ». — «Ну, доброй молодець, какъ придеши, подъ свою деревню — сними съ себя крестъ, очерти кругомъ этой лошади три раза и повѣсь ей крестъ на голову». Петруша поклонился и отправился въ путь; пришелъ подъ свою деревню — и сдѣлалъ все, что научила его эта дѣвица: снялъ съ себя мѣдный крестъ, очертилъ кругомъ лошади три раза и повѣсилъ ей крестъ на голову. И вдругъ лошади не стало, а на мѣсто ея стоялъ передъ Петрушою родной его отецъ. Посмотрѣлъ сынъ на отца, залился горячими слезами и повелъ его въ свою избу; старикъ-ать три дня жилъ безъ говору, языкомъ не владалъ. Ну, послѣ стали они себѣ жить во всякомъ добрѣ и счастіи. Старикъ совсѣмъ позабылъ про пьянство, и до самаго послѣдняго дня ни капли вина не пилъ.

Изъ собранія В. И. Даля.

30

Крестный отецъ

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ бѣдной мужикъ съ женою; дѣтей у нихъ не было. Стали они просить Бога, чтобы далъ имъ дѣтище во младости на посмотрѣніе, подъ старость на утѣшеніе, а по смерти на поминъ души. Создалъ имъ Господь дѣтище. Обрадовался мужикъ, пошелъ къ сосѣду и началъ просить въ кумовья: «Пожалуй, говорить, приведи младенца въ крещеную вѣру». Сосѣдъ отказался затѣмъ, что мужикъ-то былъ очень бѣденъ. Пошелъ онъ къ другому, и тотъ отказался. Всю деревню исходилъ, никто къ нему нейдетъ въ кумовья. Что дѣлать? пошелъ мужикъ въ иную деревню. Идетъ путемъ дорогою, и попадаетъ ему навстрѣчу незнакомой старецъ. «Здорово, доброй человѣкъ! куда идешь, куда путь держишь?» — «Здорово, дѣдушка! далъ мнѣ Го-

сподѣ дѣтище во младости на посмoтрѣніе, подѣ старость на утѣшеніе, а по смерти на поминѣ души, да вотъ прилучилось какое горе: человекъ я бѣдной, никто нейдетъ ко мнѣ привести младенца въ крещеную вѣру». — «Возьми меня». — Мужикъ несказанно тому обрадовался и благодарствовалъ старику. «Ну, говоритъ старецъ: ступай теперь къ богатому купцу, проси дочь его въ крѣсныя матери». — «Ахъ, нареченной кумъ! какъ мнѣ къ купцу идти, онъ мною побрезгаетъ». — «Не твоя печаль! ступай и проси. Да смотри, чтобъ къ завтраму, къ утру, все было готово». Бѣдной мужикъ воротился домой, запрягъ лошадь и поѣхалъ въ городъ къ богатому купцу. «Что надѣть?» спрашиваетъ купецъ. «Да вотъ, господинъ купецъ! далъ мнѣ Господь дѣтище во младости на посмoтрѣніе, подѣ старость на утѣшеніе, а по смерти на поминѣ души. Пожалуй, отпусти свою дочь въ крѣсныя». — «А когда у тебя кѣтины?» — «Завтра утромъ». — «Ну, хорошо; ступай съ Богомъ, она пріѣдетъ».

На другой день поутру пріѣхала кума, пришелъ и кумъ, и окрестили младенца. Распрощались и пошли по своимъ мѣстамъ. Сталъ младенецъ возрастать, да такой умной да доброй, всѣмъ сосѣдямъ на зависть. Отдали его учиться грамотѣ; которые учатся лѣтъ по пяти, а онъ всю науку въ годъ окончалъ, всѣхъ перегналъ! Пришла Святая недѣля. Отслушалъ мальчикъ заутреню и раннюю обѣдню, сходилъ къ крѣсной матери, похристосовался, воротился домой и спрашиваетъ: «Батюшка и матушка! гдѣ живетъ мой крѣсной, я бы къ нему пошелъ, похристосовался?» — «Любезной сынъ, говорятъ они: мы и сами не знаемъ; какъ окрестилъ онъ тебя — съ той самой поры не видали, и ничего про него не слыхали». — «Ну, батюшка и матушка! прощайте: пойду искать своего крѣснаго». И пошелъ онъ, куда глаза

глядяты; шель-шель, вышелъ въ чистое поле и повстрѣчался ему старецъ. «Здравствуй! говорить старецъ: куда идешь, куда путь держишь?» — «Здорово, дѣдушка! иду искать крѣснаго». — «Я твой крѣсной, говорить старикъ: пойдемъ со мною». А старикъ-то былъ самъ Господь и повель онъ своего крестника въ царство небесное; привель и приказываетъ: «Смотри, крестникъ! по всеѣмъ палатамъ гуляй, не входи только въ эту дверь». Сказаль и ушелъ отъ него; остался мальчикъ одинъ. Вотъ онъ ходилъ-ходилъ по всеѣмъ палатамъ и вздумаль себѣ: «Отчего такъ не велѣлъ мнѣ крѣсной входить въ эту комнату? дай пойду посмотрю — что тамъ такое?» Вошелъ и увидѣлъ тамъ разбойника, а передъ нимъ на колѣняхъ стоитъ человекъ; жалко ему стало того человекъ, ухватилъ онъ камень и убилъ разбойника. Вдругъ является Господь. «Не послушалъ, говорить, ты моего приказанія! Этотъ разбойникъ убилъ въ свою жизнь девять человекъ, а ты его грѣхи теперь на себя снялъ; ступай же на землю и трудись, пока грѣховъ своихъ не замолишь!» Указаль ему Господь дорогу: «Иди вотъ по этой дорогѣ; будутъ тебѣ на пути два озера, по поясъ глубины отъ берега до берега; смотри же, не пей изъ нихъ воды, а коли напьешься — навѣкъ погибнешь».

Пошелъ мальчикъ путемъ-дорогою; шель-шель и пришелъ къ первому озеру. Сталь переходить на другой берегъ, добрался ужъ до середины, и захотѣлось ему пить; такая жажда напала, что утерпѣть немоготу. Началь онъ молиться Богу, и вздумаль помочить голову водою; помочилъ — и сдѣлалось ему легче. Вышелъ онъ на другую сторону, глянулъ въ воду и видитъ, что на головѣ у него волосы стали серебряные. Пустился дальше въ путь-дорогу, пришелъ къ другому озеру, сталь перебираться на тотъ берегъ, добрался до середины,

и опять напала на него жажда: такъ бы вотъ и испиль! Началь онъ Богу молиться, и опять вздумалъ помочить голову водою; помочилъ — и сдѣлалось ему гораздо полегче. Вышелъ на берегъ, глянулъ въ воду и увидѣлъ на своей головѣ золотые волосы. Пустился дальше; шельшелъ, пришелъ въ большой городъ, купилъ на рынкѣ воловій пузырь и надѣлъ его на голову; измарался весь грязью и замѣшался межъ поденщиками! Пришелъ на рынокъ царской садовникъ, забралъ всѣхъ поденщиковъ; одного его не беретъ на работу. «Что жъ ты меня не возьмешь?» — «Да ты кто?» — «Я — Иванъ Шолудивой, садовникъ». — «Ну, коли ты садовникъ, мнѣ такихъ и надо». И повелъ его прямо къ царю въ садъ. Раздалъ всѣмъ поденщикамъ работу; остался одинъ Иванъ Шолудивой. А у этого царя была любимая яблоня, и засохла тому лѣтъ уже десять; привелъ онъ его къ этой яблони и говоритъ: «Вотъ тебѣ работа, привей эту яблоню». Иванъ Шолудивой взялъ ножикъ и привилъ яблоню; она сейчасъ принялась, расцвѣла и принесла такія же славныя яблоки, какія и прежде давала. Какъ увидалъ то садовникъ — вздивовался; къ вечеру рассчиталъ онъ всѣхъ поденщиковъ, а Ивана Шолудиваго оставилъ при себѣ: «Живи, братъ, у меня; ты мнѣ нуженъ!» Живетъ Иванъ Шолудивой у царя въ саду, ни съ кѣмъ дружбы не сводить, не гуляетъ, а все Богу молится. Разъ поутру всталъ онъ рано и пошелъ прямо къ колодезю, скинулъ съ головы воловій пузырь и давай умываться; умылся и началъ расчесывать свои золотыя кудри. Увидала его изъ окна меньшая царевна и такъ полюбила, что и во снѣ и наяву — все его видитъ.

Вотъ собрались царевны, пришли къ своему родителю и пали въ ноги: «Не прикажи, говорятъ, казнить; прикажи рѣчь говорить». — «Говорите, любезныя дочери!» — «Милосливой батюшка! мы уже въ совершенныхъ

лѣтахъ, пора намъ выходитьъ замужъ». — «Ладно», говоритъ царь и разослалъ по всеѣмъ царствамъ, по всеѣмъ государствамъ, чтобы со всеѣхъ сторонъ съѣзжались женихи: цари и царевичи, короли и королевичи, и могучіе богатыри. Съѣхались женихи, пошелъ пиръ на весь міръ. Вотъ царь всталъ и говоритъ своей большой дочери: «Ступай, дочь любезная! выбирай себѣ жениха». Выбрала большая царица; послѣ того пошла середняя царица — и та выбрала себѣ жениха. «Ну, выбирай ты!» говоритъ царь меньшей царицѣ. Она взяла налила чарку водки и говоритъ: «Кто эту чарку выпьетъ, тотъ и женихъ мой будетъ!» Поднесла чарку прямо къ Ивану Шолудивому, поклонилась ему и потчуетъ: «Ну, нареченной супругъ, кушай на здравіе!» У царя ни пиво варить, ни вино курить, честнымъ пиркомъ да за свадьбу. Повѣнчали царицу. Вотъ старшія сестры и смѣются надъ меньшей: «твой де мужъ какъ есть дуракъ!» — «Вамъ что за нужда? отвѣчаетъ царица: вить не вамъ съ дуракомъ жить!»

Жили они долго ли, коротко ли; попалъ на то царство сильной непріятель. Собрались старшіе зятья и поѣхали сражаться. А Иванъ Шолудивой вышелъ въ чистое поле, свиснулъ-крикнулъ своимъ богатырскимъ голосомъ: «Эй ты, сивка бурка! стань передо мною, какъ листъ передъ травою!» Откуда нѣ взялся конь, сталъ передъ нимъ какъ вкопанной. Надѣлъ онъ на себя платье богатырское, сѣлъ на коня, ударилъ по крутымъ бедрамъ, и понесся на непріятеля, словно соколъ на гусей и лебедей; и сталъ побивать направо и налево. Только самого его ранили въ лѣвую руку; увидала то меньшая царица, взяла платокъ и перевязала ему руку. Опять поѣхалъ Иванъ Шолудивой и перебилъ дочиста все войско непріятельское; воротился въ царскій садъ, легъ и заснулъ крѣпкимъ сномъ. Увидала его царица и

спознала, кто таковъ богатырь былъ; сказала царю — тотъ такъ обрадовался, что на радостяхъ отдалъ ему половину царства; и стали они себѣ жить-поживать, да добра наживать.

Изъ собранія В. И. Даля.

30*

Повѣсть о сынѣ крестномъ, како Господь крестилъ младенца убогаго человѣка

Бысть въ нѣкоторой странѣ, въ городѣ Антоурѣ: живяше нѣкій убогій человѣкъ во всякомъ убожествѣ, и по времени жена его роди сына . . . Рече жена мужу своему: «Поди позови воспріемника, кто бѣ крестилъ чадо наше». Онъ же поиде звати кума по всему граду своему, и никто же къ нему не идетъ; скудости ради гнушаются. Онъ же поиде въ домъ свой, горько плакася, и встрѣте его нѣкоторый мужъ лицомъ свѣтелъ и во свѣтлыхъ ризахъ, и виде убогаго плачуща и спросиша его: «Чадо, что зло плачущи? повѣждь ми; азъ печаль твою излѣчу и на радость приложу». Той же рече ему: «Како мнѣ не плакати! родился у меня сынъ, не изыщу къ себѣ, кто бы былъ воспріемникомъ и крестилъ его; никто не иде, и скудости моей ради гнушаются мною». Той же пресвѣтлый мужъ рече ему: «Гряди, чадо, въ церковь и вели священнику мало ждаты; азъ воспріемникомъ гряду и окрещу твоего дѣтища». Убогій же поклонился ему до земли . . . Прииде тотъ свѣтлый мужъ-нареченный кумъ, рече іерею: «Отче святыи! азъ хочу воспріемникомъ быть и окрестить сего младенца». Приемъ отъ іерея благословеніе, и окрестиша младенца и даша священнику за крещеніе 4 златницы . . . Младенецъ той возроста и трехъ лѣтъ вопросиша родителя своего: «Есть ли у меня отецъ крестный?» Мать

его рече ему: «Чадѣ! отецъ твой тако безуменъ: сотворилъ твое крещеніе, а отца твоего крестнаго въ домъ къ себѣ не позвалъ и о имени его не повѣдалъ; и мы его по сіе время не имамъ знати». Младенецъ же, слышавъ то, зѣло бысть печаленъ. И прииде праздникъ Воскресеніе Господа нашего; той младенецъ прииде въ церковь и ста въ такомъ мѣстѣ, идѣже Спасителевъ образъ; зрѣтъ на Господа нашего Іисуса Христа, моляся со слезами, и во умѣ своемъ помыслиша: «Дажь ми, Господи! видѣти отца моего крестнаго; не съ кѣмъ мнѣ похристосоватися». Отпѣли утрени, и прииде ко младенцу мужъ зѣло великъ и украшенъ лицемъ, аки солнце сіяюще, и надъ нимъ много свѣтлыхъ и пресвѣтлыхъ юношей во святыхъ ризахъ; и рече тотъ свѣтлый мужъ младенцу: «Сыне мой крестный, Христосъ воскрес!» И поцѣловалъ младенца и даша ему два яйца. Младенецъ же отвѣща: «Воистинно воскрес!» Тако жъ мужъ вопроша младенца: «Знаеши ли ты отца твоего крестнаго?» Младенецъ рече ему: «Отъ рожденія своего не имамъ знати отца своего крестнаго». Рекъ ему свѣтлый изрядный мужъ; «Азъ есмь отецъ твой крестный» . . . Младенецъ же прииде въ домъ свой и нача съ родителями своими христосоваться, даде имъ по яйцу; и они на тѣ два яйца смотря зѣло удивляхуся и между собою глаголаху: «Таковыхъ яицъ во свѣтѣ нѣтъ». И вопроша дѣтища своего: «Кто ихъ тебѣ даде?» Онъ же рече: «Отецъ мой крестный даде мнѣ». — «Како тебѣ отца крестнаго знати?» Младенецъ рече имъ съ клятвою: «Воистинно далъ мнѣ отецъ крестный». Егда младенецъ поиде къ литургіи и вниде въ церковь, и ста въ томъ же мѣстѣ, зря на Спасителевъ образъ, со слезами и со всякимъ умиленіемъ моляшеся, глаголаше: «Господи царю, творецъ мой! дажь ми видѣти домъ отца моего крестнаго». Отпѣли литургію Божію, и виде младенецъ: церковное

небо растворилось и много грядущихъ свѣтлыхъ и пресвѣтлыхъ юношей во златыхъ ризахъ . . . И предстоящему народу никому не видимо взяша его на высоту и вознесоша даже до . . . девятого неба. И младенецъ ужасохся, и шестокрылати юноши рекоша ему: «Чадо! не убойся, не опалимъ тя пламеніемъ; мы слуги отца твоего крестнаго». И введоша его въ палату, и узрѣ младенецъ, яко палата украшена, въ ней же бесѣдующе ангели и архангели, поюще пѣснь, пресвятую Троицу славяще. И введоша его во другую палату, и видѣ младенецъ, яко палата украшена лѣнотою паче первыя, въ ней же сѣдѣюще пророцы и младенцы, хвалу Богу воздая. И введоша въ третью палату, и та палата украшена паче всѣхъ седмерицею и содѣяно въ ней 12 престоловъ, украшены серебромъ и златомъ, и драгимъ каменіемъ и жемчугомъ, и посреде единъ престолъ превыше всѣхъ, преодѣянъ багряною червленною ризою, и передъ нимъ стояще херувимы и серафимы и множество ангеловъ, непрестанно славяща Господа и Спаса нашего Иисуса Христа. И видѣ на томъ престолѣ сидяща Господа нашего Иисуса Христа; на немъ порфира царская, въ рукѣ держитъ скипетръ, судить дѣла человѣческія. Возста Господь съ престола своего и рече: «Поди, сынъ мой крестный! то есть домъ мой, еже ты желаешь видѣти; азъ здѣ пребываю.» И взя его за руку и посадилъ его на престолѣ; а самъ изволилъ изыти въ иную палату. Младенецъ же одѣяйся во порфиру царскую, и возложи на себя вѣнецъ, и вземъ въ рукѣ скипетръ; и нача ему ангели и архангели служити. И видѣ младенецъ все: кто на землѣ творить добрыя дѣла и худыя, и рай и мѹку, и кто за какія дѣла мучится, и нача судить дѣла человѣческія:

1-й судъ

Видѣ младенецъ на землѣ: нѣкоторые разбойники и грабители подкопали подъ церковь, хотяще святую церковь ограбити, и рече: «Повели, Господи, церкви обрушиться и подавить грабителей». И того часу церковь подавила ихъ безъ покаянія.

2-й судъ

Той же младенецъ видѣ на землѣ: въ нѣкоторомъ морѣ плыша разбойницы, хотяще нѣкоторую обитель разбити, и рече: «Повели, Господи, разбойниковъ потопить, да не погубятъ святую обитель». Того часа корабль погрузился въ море, и грабители безъ покаянія потонуша.

3-й судъ

Той же младенецъ видѣ на землѣ: у нѣ котораго купца, богатаго человѣка, во храминѣ жена его отъ мужа своего творяше блудъ съ прелюбодѣями, и рече: «Повели, Господи, сей храмъ обрушиться и подавити прелюбодѣевъ». И того часа повалилась храмина, и съ ними много неповинныхъ безъ покаянія подавила.

4-й судъ

Той же младенецъ видѣ на землѣ: въ нѣкоторомъ градѣ люди творятъ много блуда и неправды безъ покаянія, и рече: «Повели, Господи, за беззаконіе ихъ сему граду провалиться сквозь землю». И того часа бысть такъ: погибоша множество неповинныхъ безъ покаянія.

Господь же умилосердися надъ народомъ, не хотя созданія своего безъ покаянія погубити, и внидоша во святую палату, и видѣ сына своего крестнаго сѣдяща на престолѣ: въ руцѣхъ держитъ скипетръ, на немъ порфира царская, судитъ дѣла человѣческія. Господь рече ему: «Сыне крестный! немилостиво судиши. Посидѣлъ ты на моемъ престолѣ четверть часа, и погубилъ

ты безъ покаянія народу на землѣ три тѣмы тысячъ человѣкъ; аще бѣ ты еще тако же время посидѣлъ на моемъ мѣстѣ, и ты бы всего народу не оставилъ; всѣхъ бы погубилъ до конца безъ покаянія. Азѣ, Господь, творецъ всѣмъ человѣкомъ . . . , не хочу смерти грѣшника и ожидаю покаянія» . . . И възиде Господь на престолъ свой, и приѣмъ отъ крестна сына порфиру царскую и вѣнецъ и возложи на себя, и приѣмъ въ рудъ скипетръ, и сяде на престолѣ своемъ и нача судити дѣла человѣческія. И повелѣ двумъ ангеломъ сына своего крестнаго снести съ высоты небесныя . . . Тогда ангели его приняша и понесоша въ домъ родителя его. Родители же вопроша его: «Гдѣ толикое время былъ еси послѣ обѣдни?» Онъ повѣдаше: «Азѣ былъ въ домѣ отца моего крестнаго!» Они же не поняша ему вѣры: «Чадѣ! неправду глаголешь; како тебѣ быти у отца твоего крестнаго! и мы его не знаемъ; ты же како знаещи домъ его?» И рече имъ съ клятвою: «Вѣстинно я былъ у него!» . . .¹

Выписана изъ рукописнаго сборника. Изъ собранія В. И. Даля.

31

Кузнецъ и чортъ

Жилъ-былъ кузнецъ, у него былъ сынъ лѣтъ шести, мальчикъ бойкой и разумной. Разъ пошелъ старикъ въ церковь, сталъ передъ образомъ страшнаго суда, и видѣть: нарисованъ чортъ, да такой страшной — чѣрной, съ рогами и съ хвостомъ. «Ишь какой! подумалъ онъ: дай-ка я себѣ намалюю такого въ кузницѣ». Вотъ и нанялъ маляра, и велѣлъ ему нарисовать на дверяхъ кузницы чорта точь-въ-точь такого, какого видѣлъ въ

¹ Легенда оканчивается такъ: мальчикъ ради душевнаго спасенія покидаетъ родительскій домъ, удаляется въ непроходимые лѣса, и затворившись въ пещерѣ, день и ночь трудится Богу. По блаженной кончинѣ, мощи труженика были прославлены даромъ исцѣленія больныхъ, недужныхъ и скорбныхъ.

церкви. Нарисовалъ маляръ. Съ той поры старикъ, какъ войдетъ въ кузницу, всегда взглянетъ на чорта и скажетъ: «Здорово, землякъ!» А послѣ разведетъ въ горнѣ огонь и примется за работу. Жилъ эдакъ кузнецъ въ ладу съ чортомъ лѣтъ съ десятокъ; потомъ зоболѣлъ и померъ. Сталъ сынъ его за хозяина, принялся за кузнечное дѣло; только не захотѣлъ онъ почитать чорта, какъ почиталъ его старикъ. Придетъ ли поутру въ кузницу — съ нимъ никогда не поздоровается, а замѣсто ласковаго слова возьметъ самой что ни есть большой молотъ и огрѣетъ этимъ молотомъ чорта прямо въ лобъ раза три, да потомъ и за работу. А какъ настанетъ у Бога праздникъ — сходить онъ въ церковь, поставитъ святымъ по свѣчкѣ; а къ чорту придетъ и плюнетъ въ глаза. Прошли цѣлые три года, а онъ все угощаетъ нечистаго каждое утро то молотомъ, то плевками. Терпѣлъ-терпѣлъ чортъ, да и вышелъ изъ терпѣнія; неумоготу стало. «Полно, думаетъ, принимать мнѣ отъ него такое наругательство! дай ухитрюсь, да что-нибудь надъ нимъ сдѣлаю».

Вотъ обернулся чортъ парнемъ и приходитъ въ кузницу. «Здрастуй, дядя!» — «Здорово». — «А что, дядя, возьми меня къ себѣ въ ученье? буду тебѣ хоть уголья таскать да мѣха раздувать». Кузнецъ тому и радъ: «Отчего не взять! вдвоемъ все спорѣй . . .» Пошелъ чортъ въ науку; пожилъ мѣсяцъ и узналъ кузнечное дѣло лучше самого хозяина: чего хозяинъ не сможетъ, то онъ сдѣлаетъ. Любо-дорого посмотрѣть! Кузнецъ ужъ такъ его полюбилъ, ужъ такъ имъ доволенъ, что и сказать нельзя. Въ другой разъ самъ нейдетъ въ кузницу — надѣется на работника: онъ всемъ управить. Разъ какъ-то не было хозяина дома, а въ кузницѣ оставался одинъ работникъ. Видитъ онъ — ѣдетъ мимо старая барыня, высунувъ голову изъ дверей и давай кричать: «Эй, господа! вы пожалуйста сюда; здѣсь новая работа

открывается. старые въ молодыхъ передѣлываются». Барыня сейчасъ изъ коляски да въ кузницу. «Чѣмъ ты это похваляешься? да вправду ли? да сумѣешь ли?» спрашиваетъ парня. «Не учиться намъ стать! отвѣчаетъ нечистой: коли бѣ не умѣлъ, такъ и не вызывался бы». — «А что стоитъ?» спрашиваетъ барыня. «Да всего пятьсотъ рублевъ». — «Ну, вотъ тебѣ деньги, сдѣлай изъ меня молодую». Нечистой взялъ деньги, посылаетъ кучера на деревню: «Ступай, говорить, притащи сюда два ушата молока»; а самоё барыню схватилъ клещами за ноги, бросилъ въ горнъ и сжегъ всю дочиста; только однѣ косточки и остались. Какъ принесли два ушата съ молокомъ, онъ вылилъ ихъ въ кадушку, собралъ все к косточки и побросалъ въ молоко. Глядь — минуты черезъ три выходитъ изъ молока барыня: живая, да молодая, да красивая!

Сѣла она въ коляску и поѣхала домой; входитъ къ барину, а тотъ уставилъ на нее глаза и не узнаетъ своей жены. «Что глаза-то выпучилъ? говоритъ барыня. Видишь, я и молода, и статна; не хочу, чтобъ у меня мужъ былъ старой! Сейчасъ же поѣзжай въ кузницу, пускай и тебя перекуютъ въ молодого . . . а то и знать тебя не хочу!» Нечего дѣлать, поѣхалъ баринъ.

А тѣмъ временемъ кузнецъ воротился домой и пошелъ въ кузницу; смотреть — нѣту работника; искалъ-искалъ его, спрашивалъ-спрашивалъ — нѣтъ какъ нѣтъ, и слѣдъ простылъ. Принялся одинъ за работу, только молотомъ постукиваетъ. Пріѣзжаетъ баринъ и прямо въ кузницу: «Сдѣлай, говоритъ, изъ меня молодого». — «Въ умѣ ли ты, баринъ? какъ сдѣлать изъ тебя молодого?» — «Ну, тамъ какъ знаешь!» — «Я ничего не знаю». — «Врешь, мошенникъ! коли передѣлали мою старуху, передѣлывайте и меня; а то мнѣ житья отъ нея не будетъ . . .» — «Да я твоей барыни и въ глаза-то не ви-

даль». — «Все равно, твой работникъ видѣлъ. Если онъ сумѣлъ дѣло повершить, такъ ты, старой мастеръ, и по-давну долженъ умиѣть. Ну, живѣй поворачивайся; не то, быть худу: попробуешь у меня березовой бани». При-нужденъ былъ кузнецъ передѣлывать барина. Разспро-силъ потихоньку у кучера, какъ и что и сдѣлалъ работ-никъ его съ барыней, и думаетъ: куда не шло! стану то же дѣлать; попаду на ладъ — хорошо, не попаду — все равно пропадать! Тотчасъ раздѣлъ барина донага, схва-тилъ его клещами за ноги, сунулъ въ горнь и давай поду-вать мѣхами: сжегъ всего въ пепелъ. Послѣ того вынулъ кости, покидалъ въ молоко, и ждетъ — скоро ли выскочить оттуда молодой баринъ. Ждетъ часъ, и другой — нѣтъ ничего; посмотрѣлъ въ кадушку — однѣ косточки пла-ваютъ, и тѣ обгорѣлыя . . . А барыня шлетъ пословъ въ кузницу: скоро ли будетъ готовъ баринъ? Отвѣчаетъ бѣдной кузнецъ, что баринъ приказалъ долго жить; поминайте, какъ звали! Какъ узнала барыня, что ку-знецъ только сжегъ ея мужа, а молодымъ не сдѣлалъ, сильно разгнѣвалась, созвала своихъ вѣрныхъ слугъ и велѣла тащить кузнеца на висѣлицу. Сказано — сдѣ-лано. Побѣждали слуги въ кузницу, схватили его, свя-зали и потащили на висѣлицу. Вдругъ нагоняетъ ихъ тотъ самой малой, что у кузнеца жилъ въ работникахъ, и спрашиваетъ: «Куда ведутъ тебя, хозяинъ?» — «Хотятъ повѣсить», отвѣчалъ кузнецъ, и рассказалъ все, что съ нимъ случилось. «Ну, дядя! молвилъ нечистой: покля-нись, что никогда не будешь бить меня своимъ молотомъ, а станешь ко мнѣ такую же честь держать, какую твой отецъ держалъ, и баринъ сейчасъ будетъ и живъ и мо-лодъ». Кузнецъ забожился, заклился, что никогда не подыметъ на чорта молота, а будетъ отдавать ему вся-кую почестъ. Тутъ работникъ побѣждалъ въ кузницу и наскоро воротился оттуда вмѣстѣ съ бариномъ: «Стой,

кричитъ слугамъ: не вѣшайте! вотъ вашъ баринъ!» Они сейчасъ развязали веревки и выпустили кузнеца на все четыре стороны; съ тѣхъ поръ пересталъ кузнецъ плевать на чорта и бить его молотомъ, работникъ его скрылся и больше на глаза не показывался, а баринъ съ барыней стали жить да поживать да добра наживать, и теперь еще живутъ, коли не умерли.

Изъ собранія В. И. Даля.

32

Волкъ

Дѣло было въ старину, когда еще Христосъ ходилъ по землѣ вмѣстѣ съ апостолами. Разъ идутъ они дорогою, идутъ широкою; попадаетеся навстрѣчу волкъ и говорить: «Господи! мнѣ ѣсть хочется!» — «Поди, сказалъ ему Христовъ: съѣшь кобылу». Волкъ побѣждалъ искать кобылу; увидѣлъ ее, подходитъ и говорить: «Кобыла! Господь велѣлъ тебя съѣсть». Она отвѣчаетъ: «Ну, нѣтъ! меня не съѣшь, не позволено; у меня на то есть видъ, только далеко забыть». — «Ну покажи!» — «Подойди поближе къ заднимъ ногамъ». Волкъ подошелъ; она какъ треснетъ его по зубамъ задними копытами, ажно волкъ на три сажени назадъ отлетѣлъ! А кобыла убѣжала.

Пошелъ волкъ съ жалобой; приходитъ ко Христу и говорить: «Господи! кобыла чуть-чуть не убила меня до смерти!» — «Ступай, съѣшь барана». Волкъ побѣждалъ къ барану; прибѣжалъ и говорить: «Баранъ! я тебя съѣмъ, Господь приказалъ». — «Пожалуй, съѣшь! да ты стань подъ горою да разинь свою пасть, а я стану на горѣ. разбѣгусь, такъ прямо къ тебѣ въ ротъ и вскочу!» Волкъ сталъ подъ горою и разинулъ пасть; а баранъ какъ разбѣжится съ горы, да какъ ударить его своимъ бараньимъ лбомъ: бацъ! Сшибъ волка съ ногъ, да самъ и ушелъ.

Волкъ всталъ, глядитъ на всѣ стороны: нѣтъ барана.

Опять отправился съ жалобой; приходитъ ко Христу и говорить: «Господи, и баранъ меня обманулъ; чуть-чуть совсѣмъ не убилъ!» — «Поди, сказалъ Христосъ: съѣшь портного». Побѣждалъ волкъ; попадаетея ему навстрѣчу портной. «Портной! я тебя съѣмъ, Господь приказалъ». — «Погоди, дай хоть съ родными проститься». — «Нѣтъ, и съ родными не дамъ проститься». — «Ну, что дѣлать! такъ и быть, съѣшь. Дай только я тебя смѣряю: влѣзу ли еще въ тебя-то?» — «Смѣрай!» говоритъ волкъ. Портной зашелъ сзади, схватилъ волка за хвостъ, завилъ хвостъ за руку, и давай сѣраго утюжить. Волкъ бился-бился, рвался-рвался, оторвалъ хвостъ, да давай Богъ ноги. Бѣжить что есть силы, а навстрѣчу ему семь волковъ. «Постой! говорятъ: что ты, сѣрой, безъ хвоста?» — «Портной оторвалъ». — «Гдѣ портной?» — «Вонъ идетъ по дорогѣ». — «Давай нагонять его», и пустились за портнымъ. Портной слышалъ погоню, видитъ — что дѣло плохо, взобрался поскорѣй на дерево, на самой верхъ, и сидитъ. Вотъ волки прибѣжали и говорятъ: «Станемъ, братцы, доставать портного; ты, кургузой, ложись подъ исподъ, а мы на тебя, да другъ на дружку устанемся, авось достанемъ!» Кургузой легъ наземъ, на него сталъ волкъ, на того другой, на другого третій, все выше и выше; ужъ послѣдній взлѣзаетъ. Видитъ портной бѣду неминуемую: вотъ-вотъ достанутъ! и закричалъ сверху: «Ну, ужъ никому такъ не достанется, какъ кургузому!» Кургузой какъ выскочить изъ-подъ низу да бѣжать! Все семеро волковъ попадали наземъ, да за нимъ въ догонку; нагнали и ну его рвать, только клочья летятъ. А портной слѣзъ съ дерева и пошелъ домой.

Изъ собранія В. И. Даля.

Пѣтухъ и жорновки

Жилъ да былъ себѣ старикъ со старухой, бѣдные-бѣдные! Хлѣба-то у нихъ не было; вотъ они поѣхали въ лѣсъ, набрали жолудей, привезли домой и начали ѣсть. Долго ли, коротко ли они ѣли, только старуха уронила одинъ жолудь въ подполье. Пустилъ жолудь ростокъ и въ небольшое время доросъ до полу. Старуха запримѣтила и говорить: «Старикъ! надобно полъ-та прорубить; пускай дубъ растеть выше; какъ вырастетъ, не станемъ въ лѣсъ за жолудями ѣздить, станемъ въ избѣ рвать». Старикъ прорубилъ полъ; дерево росло-росло и выросло до потолка. Старикъ разобралъ и потолокъ, а послѣ и крышу снялъ; дерево все растеть да растеть, и доросло до самаго неба. Не стало у старика со старухой жолудей, взялъ онъ мѣшокъ и полѣзъ на дубъ. Лѣзъ-лѣзъ, и взобрался на небо. Ходилъ-ходилъ по небу, увидалъ: сидитъ кочетокъ-золотой гребенѣкъ, маслена головка, и стоятъ жорновцы. Вотъ старикъ-атъ долго не думалъ, захватилъ съ собою и кочетка и жорновцы и спустился въ избу. Спустился и говорить: «Какъ намъ, старуха, быть, что намъ ѣсть?» — «Постой, молвила старуха: я попробую жорновцы». Взяла жорновцы и стала молоть: анъ блинъ да пирогъ, блинъ да пирогъ! что ни повернетъ — все блинъ да пирогъ! И накормила старика.

Ѣхалъ мимо какой-то баринъ, и заѣхалъ къ старику со старухой въ хату. «Нѣтъ ли, спрашиваетъ, чего-нибудь поѣсть?» Старуха говоритъ: «Чего тебѣ, родимой, дать поѣсть, развѣ блинковъ?» Взяла жорновцы и намолола: нападали блинны да пирожки. Проѣзжіи поѣлъ и говорить: «Продай мнѣ, бабушка, твои жорновцы». — «Нѣтъ, говоритъ старушка: продать нельзя». Онъ взялъ да и укралъ у ней жорновцы. Какъ увѣ-

дали старикъ со старушкою, что украдены жорновцы, стали горе горевать. «Постой, говоритъ кочетокъ-золотой гребенёкъ: я полечу, догоню!» Прилетѣлъ онъ къ боярскимъ хоромамъ, сѣлъ на ворота и кричить: «Кукуреку! бояринъ, бояринъ! отдай наши жорновцы золотые, голубые! бояринъ, бояринъ! отдай наши жорновцы золотые, голубые!» Какъ услыхалъ баринъ, сейчасъ приказываетъ: «Эй, малой! возьми брось его въ воду». Поймали кочетка, бросили въ колодезь; онъ и сталъ приговаривать: «Носикъ, носикъ! пей воду; ротикъ, ротикъ! пей воду» — и выпилъ всю воду. Выпилъ всю воду и полетѣлъ къ боярскимъ хоромамъ; усѣлся на балконъ и опять кричить: «Кукуреку! бояринъ, бояринъ! отдай наши жорновцы золотые, голубые! бояринъ, бояринъ! отдай наши жорновцы золотые, голубые!» Баринъ велѣлъ повару бросить его въ горячую печь. Поймали кочетка, бросили въ горячую печь — прямо въ огонь; онъ и сталъ приговаривать: «Носикъ, носикъ! лей воду; ротикъ, ротикъ! лей воду» — и залилъ весь жаръ въ печи. Вспорхнулъ, влетѣлъ въ боярскую горницу и опять кричить: «Кукуреку! бояринъ, бояринъ! отдай наши жорновцы золотые, голубые! бояринъ, бояринъ! отдай наши жорновцы золотые, голубые!» Гости услышали это и побѣгли изъ дому, а хозяинъ побѣгъ догонять ихъ; кочетокъ-золотой гребенёкъ схватилъ жорновцы, да и улетѣлъ съ ними.

Записана въ Воронежскомъ у.

ПРИМЪЧАНІЯ

Списокъ трудовъ

наиболѣе часто упоминаемыхъ

- Aarne*: Aarne, Verzeichnis der Märchentypen. FF Communications No. 3, Helsinki 1910.
- *FFC 25*: Estnische Märchen- und Sagenvarianten. Verzeichnis der zu den Hurtschen Handschriftsammlungen gehörenden Aufzeichnungen . . . ausgearbeitet von Antti Aarne. Hamina 1918.
- *Vgl. Mf.*: Aarne, Vergleichende Märchenforschungen. Memoires de la société finno-ougrienne XXV, Helsingfors 1908.
- AfslPh*: Archiv für slavische Philologie, Bd. 31, Berlin 1910; Bd. 35, 1913.
- Аѳ. Лег.*: Народныя русскія легенды, собранныя Аѳанасьевымъ. Лондонъ 1859.
- Benfey*: Panchatantra, übersetzt von Th. Benfey, I und II, Leipzig 1859.
- Böhm*: Lettische Schwänke, übersetzt von Prof. Max Böhm, Reval 1911.
- Bolte-Polívka*: Anmerkungen zu den Kinder- und Hausmärchen der Brüder Grimm. Neu bearbeitet von Johannes Bolte und Georg Polívka. I., II., III. Bd. Leipzig 1913—1918.
- Dähnhardt*: Natursagen, hrsg. von Oskar Dähnhardt. Bd. I, Sagen zum Alten Testament, Leipzig und Berlin 1907. Bd. IV. Tiersagen, bearbeitet von O. Dähnhardt und A. v. Löwis of Menar, Leipzig-Berlin 1912.
- Добровольскій*: Смоленскій этнографическій сборникъ, составилъ В. Н. Добровольскій, ч. I. С.-Петербургъ 1891.
- Драгомановъ*: Малорусскія народныя преданія и разсказы. Сводъ Михаила Драгоманова. Кіевъ 1876.
- ЖМНП*: Журналъ министерства народнаго просвѣщенія. С.-Петербургъ 1834 и сл.

- ЖСт:** Живая Старина. Периодическое издание отдѣленія этнографіи Имп. Русск. Геогр. Общ. подъ ред. Ламанскаго. С.-Петербургъ 1890 и сл.
- ИРЛ:** Исторія русской литературы, подъ ред. Е. В. Аничкова. Томъ II. Народная словесность. Москва 1908.
- КНМ:** Kinder- und Hausmärchen, gesammelt durch die Brüder Grimm. 32. Auflage, besorgt von Reinhold Steig. Stuttgart und Berlin 1906.
- Köhler:** Kleinere Schriften von Reinhold Köhler, hrsg. von J. Bolte. I—III, Weimar 1898 und Berlin 1900.
- Колмачевскій:** Животный эпосъ на западѣ и у славянъ. Л. Колмачевского. Казань 1882.
- Kretschmer:** Neugriechische Märchen, herausg. von P. Kretschmer, Jena 1917.
- Kubín:** J. Kubín, Povídky Kladské I, II. Praha 1908—1914 (съ прим. Ю. Поливки.)
- Курскій сборникъ:** Изданіе курскаго губернскаго статистическаго комитета, вып. IV. Матеріалы по этнографіи Курской губерніи. Часть третья. Приготовилъ къ печати В. И. Рѣзановъ. Курскъ 1903.
- v. Löwis, FEVM:** Finnische und Estnische Volksmärchen, herausgeg. von August v. Löwis of Menar. Jena 1912.
- **RVM:** Russische Volksmärchen, übersetzt und eingeleitet von August von Löwis of Menar. Jena 1921.
- Максимовъ:** Нечистая, невѣдомая и крестная сила. Сочиненіе С. В. Максимова. С.-Петербургъ 1903.
- Ончуковъ:** Сѣверныя сказки. Сборникъ Н. Е. Ончукова. С.-Петербургъ 1909.
- Panzer:** Studien zur germanischen Sagengeschichte von Dr. Friedrich Panzer. II. Sigfrid. München 1912.
- Polívka:** Pohádkoslovné Studie. Napsal Jiří Polívka (Národop. sborn. českoslov. X). V Praze 1904.
- Потанинъ, ВМ:** Г. Н. Потанинъ, Восточные мотивы въ средневѣковомъ европейскомъ эпосѣ. Москва 1899.
- Пыпинъ:** Исторія русской литературы. Т. I—IV. А. Н. Пыпина. Изд. 3. С.-Пет. 1907.
- Ровинскій:** Русскія народныя картинки. Собралъ и описалъ Д. Ровинскій. Книги I—V, Санктпетербургъ 1881.
- Савченко:** Савченко, С. В., Русская народная сказка. Кіевъ 1914.
- Садовниковъ:** Сказки и преданія самарскаго края, собраны и записаны Д. Н. Садовниковымъ. С.-Петербургъ 1884.

- Смирновъ* 1, 2: А. М. Смирновъ, Систематическій указатель темъ и вариантовъ русскихъ народныхъ сказокъ. С.-Петербургъ 1912, 1913. (Оттиски изъ Изв. Отд. русск. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ, т. XVI, кн. 4 и т. XVII, кн. 3).
- Stroebe*: Nordische Volksmärchen. II. Teil. Norwegen. Übersetzt von Klara Stroebe. Jena 1915.
- Сумцовъ*: Проф. Н. О. Сумцовъ, Разысканія въ области анекдотической литературы. Анекдоты о глупцахъ. Харьковъ 1898.
- Federowski*: Lud Białoruski na Rusi Litewskiej. Materiały . . . zgromadzone . . . przez Michała Federowskiego. Tom II, cz. I. W Krakowie 1902.
- Харузинъ*: Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи. Вып. II. Подъ ред. Николая Харузина. Москва 1890.
- ZVfVK*: Zeitschrift des Vereins für Volkskunde. Berlin 1891 и сл.
- Чубинскій*: Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край. Матеріалы и изслѣдованія, собранныя д.-чл. П. П. Чубинскимъ. Томъ второй. Петербургъ 1878.
- ЭтнОб*: Этнографическое Обозрѣніе. Період. изданіе Этногр. Отд. Имп. Общ. Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи, состоящаго при Московскомъ Университетѣ. Подъ ред. Н. А. Янчука, Москва 1889 и сл.

Сказки

Въ настоящемъ изданіи *цифры* и *латинскія буквы* въ оглавленіяхъ соотвѣтствуютъ обозначенію сказокъ въ *третьемъ* (1897 г.) и въ *четвертомъ* (1914 г.) изданіи «Народныхъ русскихъ сказокъ А. Н. Афанасьева».

1. См. Смирновъ 1 No. 17, 18, 19, 34, 12, 5; Aarne No. 1, 2, 4; КНМ. No. 73, 74; Bolte-Polívka 2, 201 къ No. 83; Колмачевскій 57, 68, 169. — Къ сказкамъ о животныхъ ср. сочиненіе Вл. Боброва, Русскія народныя сказки о животныхъ, Варшава 1909.
2. Смирновъ 1 No. 10, 11; Aarne No. 15; КНМ. No. 2.
3. Смирновъ 1 No. 34; Aarne No. 43.
- 4b. Смирновъ 1 No. 5 (С. замѣчаетъ «церковно-книжную обработку» этой сказки); КНМ. No. 86; Колмачевскій 93.
5. Начало: см. Ае., Лег. No. 33; Bolte-Polívka 2, 511 къ No. 112. Смирновъ 1 No. 9.
6. Смирновъ 1 No. 8; Aarne No. 37; Bolte-Polívka 1, 518 прим. (къ No. 58).
7. Смирновъ 1 No. 24—27; Aarne No. 9, 154; КНМ. No. 189.
8. Смирновъ 1 No. 28; Aarne No. 155; Колмачевскій 135.
9. Смирновъ 1 No. 29; Колмачевскій 164.
10. Смирновъ 1 No. 31; Aarne No. 21.
11. Смирновъ 1 No. 2a.
12. Смирновъ 1 No. 3; Aarne No. 56a; КНМ. No. 58.
13. Смирновъ 1 No. 1; Aarne No. 60.
14. Смирновъ 1 No. 26; Колмачевскій 163.
15. Смирновъ 1 No. 14; Aarne No. 275; КНМ No. 187; Dähnhardt IV, Kap. 3.
16. Смирновъ 1 No. 20; Колмачевскій 163; Dähnhardt III, 272.
17. Смирновъ 1 No. 15; Колмачевскій 163.
18. Смирновъ 1 No. 22a; Aarne No. 103.

19. Смирновъ 1 No. 226, 23; Aarne No. 125; КНМ No. 27.
20. Смирновъ 1 No. 13, 43; Aarne No. 152.
21. Смирновъ 1 No. 36; Колмачевскій 164; ЖСт 13, 408 (1903).
22. Смирновъ 1 No. 37; Колмачевскій 164.
23. Смирновъ 1 No. 45; Aarne No. 123; КНМ No. 5.
24. Смирновъ 1 No. 42; Aarne No. 122; Ае. Лег. No. 32.
25. Смирновъ 1 No. 35; Колмачевскій 164.
26. Начало: ср. No. 24. Смирновъ 1 No. 42, 5а; Aarne No. 101, 41; КНМ No. 48.
- 27а, в. Смирновъ 1 No. 47; Bolte-Polívka 2, 100 къ No. 72а. Такъ-называемая «кучевая» сказка (Häufungs- или Lawinenmärchen) по выраженію Колмачевского; ср. No. 34.
28. Ср. No. 3. Смирновъ 1 No. 346; Колмачевскій 165; Bolte-Polívka 1, 346 къ No. 36.
29. Смирновъ 1 No. 346; Aarne No. 130; КНМ No. 27; Bolte-Polívka 1, 348 прим. къ роли ежа.
30. Смирновъ 1 No. 236; Aarne No. 130; КНМ No. 27.
31. Ср. No. 30. Смирновъ 1 No. 236; КНМ No. 27.
32. Смирновъ 1 No. 42, 56; Aarne No. 248; КНМ No. 58.
33. Смирновъ 1 No. 49; КНМ No. 80.
34. Ср. No. 27. Смирновъ 1 No. 48; КНМ No. 80.
35. Смирновъ 1 No. 50; ср. КНМ No. 80.
36. Смирновъ 1 No. 52а; Колмачевскій 169.
37. Ср. Aarne No. 6, 57; Колмачевскій 168.
38. Смирновъ 1 No. 53; ср. Aarne No. 220.
- 39, 40. Смирновъ 2 No. 1; Aarne No. 555; КНМ No. 19.
- 41а, с. Колмачевскій 170; Ровинскій 4, 256—270; Шляпкинъ, ЖМІІПр 1904, авг. 380. — Ср. Ончуковъ No. 1; ЖСт 13, 405—408 (1903).
42. Мѣстное преданіе, объясняющее, почему въ Шекснѣ «совсѣмъ мало стало мелкой рыбыцы».
43. Ср. Federowski II, 1 No. 4.
44. Савченко 61.
45. КНМ No. 18.
46. Кучевая сказка.
48. Benfey 1, 376; Этн. Об. III, 3, 84 (Сумцовъ); Bolte-Polívka 1, 105 прим.
49. Ср. Aarne No. 552; Bolte-Polívka 3, 428 къ No. 197.
50. Вертодубъ, Вертогоръ см. AfslPh 35, 292 (Polívka). Преслѣдованіе: Aarne No. 313, 314; КНМ No. 79.
51. Мѣстное преданіе.
- 52в. Ончуковъ No. 108; AfslPh 31, 276 (Polívka).
- 53—55. Ср. No 52. — Всѣ эти сказки подходятъ подъ типъ

- «Aschenbrödel», KHM No. 21; Aarne No. 510. — Къ NNo. 53, 54, ср. еще Bolte-Polívka 1, 221 къ No. 24.
- 56, 57. Aarne No. 510, 511; KHM No. 21, 130.
- 58a, b, 59. Aarne No. 480; KHM No. 24. — Къ No. 58 см. KHM No. 79; къ No. 59 ср. Bolte-Polívka 1, 377. — «Русскимъ духомъ пахнетъ»: Bolte-Polívka 1, 289.
60. Aarne No. 327 B; Bolte-Polívka 1, 124, 500; 2, 144.
- 61a, b—63. Aarne No. 327A; KHM No. 15. — Къ No. 61 a, b см. Смирновъ 1, No. 16, 26.
64. Преслѣдованіе: Aarne No. 313, 314.
65. Aarne No. 510B; KHM No. 21, 65, 15; Ончуковъ No. 71.
66. Aarne No. 613; KHM No. 107; см. обстоятельное изслѣдованіе R. Th. Christiansen; The tale of the two travellers, FF Communications No. 24, Hamina 1916.
67. Aarne No. 531, 502; KHM No. 126, 136; ср. Bolte-Polívka 2, 284 прим. 1.
68. Aarne No. 502; KHM No. 136.
69. Aarne No. 502; KHM No. 136.
70. Ср. Aarne No. 533; KHM No. 89.
71. Aarne No. 301; KHM No. 91.
72. Конецъ: см. Aarne No. 1130.
73. Ср. No. 71. — Савченко 62.
74. Bolte-Polívka 3, 431 къ No. 197.
75. Ср. No. 76.
76. Безусловно наиболѣе героическая сказка всего сборника. — Ср. Panzer 143 сл., 174 сл.; v. Löwis, RVM стр. XX; Труды XV. Археол. Съѣзда, въ Новгородѣ Протоколы стр. 65, (Москва 1914) докладъ Б. М. Соколова къ темѣ женитьбѣ на могучей королевнѣ при помощи свата-помощника. — Ончуковъ No. 27.
77. Ср. 76. Aarne No. 513, 514; KHM No. 71.
78. 79. Ср. No. 76.
80. Aarne No. 301A; KHM No. 91.
81. Ср. No. 50. Aarne No. 301B; KHM No. 91.
82. Ср. Aarne No. 650 A; KHM No. 90.
83. Aarne No. 513B; KHM No. 71.
- 84a, c. Aarne No. 653; KHM No. 129; Bolte-Polívka 2, 75 къ No. 70.
85. Савченко 42, прим. 2; Потанинъ, ВМ 819 сл.
86. Aarne No. 1049; KHM No. 183.
87. Aarne No. 650; KHM No. 90, 195.
88. Aarne No. 1071, 1072, 1084, 1063, 1130; KHM No. 195.
89. Ср. No. 88; KHM No. 195.
90. 91. Aarne No. 326, 1160; KHM No. 4.
92. Aarne No. 303; его же Vgl. Mf. 145; KHM No. 60.

- 93с. Савченко 100; Aarne No. 506, 516; КНМ No. 6; Bolte-Polívka 3, 433, 504. «Русской коской пахнетъ»: см. Bolte-Polívka 1, 289.
94. Ср. Aarne No. 552; КНМ No. 197; Bolte-Polívka 3, 368 сл.; Савченко 62.
95. Ср. No. 94. Савченко 62, 100.
96. Сказка, пропитанная былинными мотивами. Ср. Чубинский II No. 80.
97. Bolte-Polívka 3, 438 къ No. 197.
98. Смирновъ 2, No. 5, 26; Aarne No. 545; Bolte-Polívka 1, 333 къ No. 33a.
99. Смирновъ 2, No. 5, 2a, 6; Bolte-Polívka 1, 333 къ No. 33a.
- 100b. Смирновъ 2, No. 4, 2; Савченко 100, 102; Aarne No. 675; Bolte-Polívka 1, 488 къ No. 54a.
101. Basile, Pentamerone 1, 3; Смирновъ 2 No. 4, 3; ЖСт 12, 469 No. 10; Aarne No. 675; Bolte-Polívka 1, 488 къ No. 54a.
102. Смирновъ 2 No. 8, 1; Aarne No. 550; КНМ No. 57; Ончуковъ No. 88.
103. Смирновъ 2 No. 7, 13; Aarne No. 531; КНМ No. 126.
104. Aarne No. 551; КНМ No. 97.
105. Смирновъ 2 No. 7, 1; Савченко 102; ср. Bolte-Polívka 3, 112 пр. 1; Aarne No. 530.
106. Смирновъ 2 No. 7, 2; Bolte-Polívka 3, 112 пр. 1.
107. Смирновъ 2 No. 7, 7a; Bolte-Polívka 3, 36 къ No. 126; 2, 333 къ No. 92; Aarne No. 328.
108. 109. Aarne No. 563; КНМ No. 36; Ончуковъ No. 16.
110. = Афанасьевъ, Легенды No. 33; Bolte-Polívka 1, 258 къ No. 27. Чудесная мельница: Bolte-Polívka 2, 439 къ No. 103. — Ср. еще сказку No. 5.
111. Aarne No. 561; Bolte-Polívka 2, 549 къ No. 116.
112. Aarne No. 560; его же Vgl. Mf. 1—82; Bolte-Polívka 2, 457 къ No. 104a.
113. Смирновъ 2 No. 3, 3; Aarne No. 566; его же Vgl. Mf. 83—142; Bolte-Polívka 1, 480 къ No. 54.
- 114a, b. Смирновъ 2 No. 3, 2; Bolte-Polívka 1, 543 къ No. 60; Aarne, Vgl. Mf. 143—200.
115. Смирновъ 2, No. 3, 36; Aarne No. 566, 567; его же Vgl. Mf. 87, 147, 150; КНМ No. 122; Bolte-Polívka 2, 333 къ No. 92.
- 116a, b. Ср. No. 76. — a: Aarne No. 851; КНМ No. 22.
b: конецъ ср. Aarne No. 592; КНМ No. 110. Безногой человекъ: Bolte-Polívka 1, 311 къ No. 31.
117. Смирновъ 2 No. 9, 3a; Bolte-Polívka 2, 144 къ No. 79.

118. Смирновъ 2 No. 9, 36; Bolte-Polívka 3, 2 пр. 1 къ No. 121; Aarne No. 315.
119. Смирновъ 2 No. 9, 1а; Bolte-Polívka 1, 553 къ No. 60; Aarne No. 315.
120. Aarne No. 475; KHM No. 100.
121. Aarne No. 709; KHM No. 53.
122. Aarne No. 569; KHM No. 54; Ончуковъ No. 116.
123. Смирновъ 2 No. 6, 6а; Aarne No. 465, 1651; Bolte-Polívka 2, 75 къ No. 70; Ончуковъ No. 116.
- 124b. Смирновъ 2 No. 6, 6б; Aarne No. 1650; KHM No. 70.
125. Aarne No. 313c; KHM No. 71, 113; см. тоже Bolte-Polívka 2, 329 сл.
126. Bolte-Polívka 2, 28 къ No. 62.
127. Интересный вариантъ къ сказкѣ братьевъ Гриммовъ, KHM No. 93.
128. KHM No. 93.
129. Aarne No. 432; KHM No. 88.
130. Aarne No. 400; KHM No. 191, 193; Ончуковъ No. 2.
131. Aarne No. 850; KHM No. 114; Драгомановъ 2, 132 пр. 2.
132. Aarne No. 851; KHM No. 22.
133. 134. Bolte-Polívka 1, 324 къ No. 33; Aarne No. 725, 671.
135. Ончуковъ No. 35.
136. Ср. Kretschmer No. 61 = Hahn, Griechische und albanesische Märchen No. 15, Leipzig 1864.
137. Aarne No. 780; KHM No. 28.
138. Aarne No. 671; KHM No. 33.
139. Aarne No. 670; онъ же FFC 15 «Der tiersprachenkundige Mann», Hamina 1914; Bolte-Polívka 1, 132 пр. 1 къ No. 17.
140. Смирновъ 2 No. 6, 4г; Aarne No. 325; KHM No. 68.
141. Ср. «Тысяча и одна ночь», исторія Сиди-Нуумана (издание Insel-Verlag 11, 245—258).
142. Aarne No. 571; KHM No. 64; Савченко 102.
143. KHM No. 76.
144. Aarne FFC 25 No. 831 (эстонскіе варианты).
145. Ончуковъ No. 156; AfslPh 33, 599.
146. Aarne No. 450; KHM No. 11.
147. Aarne No. 403a; KHM No. 135.
148. Aarne No. 403b и 450; KHM No. 13.
149. Ср. No. 147. KHM No. 88 (Bolte-Polívka 2, 270).
150. Aarne No. 402; KHM No. 63.
151. Ср. прим. къ No. 152.
152. Aarne No. 400; KHM No. 92, 93.
153. Bolte-Polívka 2, 331 къ No. 92.
154. Ср. KHM No. 154.

155. Bolte-Polívka 2, 245 къ No. 88.
156. Bolte-Polívka 2, 239 къ No. 88.
157. Aarne No. 361; KHM No. 101.
158. Aarne No. 706; KHM No. 31.
159. 160. Aarne No. 707; KHM No. 96. Ср. еще Bolte-Polívka 1, 488 сл. къ No. 54a.
- 161a, b. Aarne No. 510B; KHM No. 65.
162. 163. Aarne No. 510; KHM No. 21.
164. Aarne No. 510B; KHM No. 65, 21.
165. Aarne No. 314, 502; KHM No. 136.
166. Aarne No. 571; KHM No. 64.
167. Aarne No. 306; KHM No. 133.
168. Aarne No. 700; KHM No. 45.
169. KHM 41.
170. Смирновъ 2 No. 5, 3a; Aarne No. 1137; Bolte-Polívka 3, 378 къ No. 191a.
171. 172. Сонни, Горе и доля въ народной сказкѣ (Eranos. Сборникъ статей въ честь Дашкевича, Кіевъ 1906); Bolte-Polívka 2, 420 сл. къ No. 99.
173. Савченко 237, 458, 471; Aarne No. 461; онъ же въ FFC 23, Namina 1916; KHM No. 29. Краковскій въ Сборникѣ въ честь Потанина стр. 1—12, С.-Петербургъ 1909.
174. 175. Ср. былины объ Ильѣ Муромцѣ.
176. 177. Ср. соотвѣтствующія былины.
178. 179. Ср. No. 125; Ончуковъ No. 116; Aarne No. 882.
180. Въ нѣкоторыхъ чертахъ сказка сходна съ текстомъ подъ No. 133. Класть примѣты, чтобъ узнать виновника: Bolte-Polívka 3, 145 прим. (къ No. 143); 3, 396 прим. 2 (къ No. 192). Этноб. 22, 3—4, 161—166 (1910 г.) герой здѣсь Соломонъ.
181. KHM No. 67; Владиміровъ. Введеніе въ исторію русской словесности 230, Кіевъ 1896.
182. Ср. Пыпинъ I, 202, 217; С. Шамбинаго, Повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ. Спб. 1906.
183. Ср. Пыпинъ I, 489 сл. 530.
184. Ср. ЖСт 1, 3, 183—185 (1891), библиографія, составленная С. Ольденбургомъ; Пыпинъ II, 489 сл.; Köhler 1, 578; ZVfVK 2, 299; v. Löwis, RVM No. 54.
- 185a, b. Aarne No. 851; KHM No. 22.
- 186b. Савченко 59 сл. (вариантъ XVII вѣка); Aarne No. 1960; Bolte-Polívka 3, 190 къ No. 146.
187. 188b. Aarne No. 875; KHM No. 94.
189. Ср. анекдоты подъ No. 249.
190. 191. Aarne No. 875, 922; KHM No. 94, 152; Савченко 60 (вариантъ XVII вѣка).

192. Принадлежитъ къ такъ-наз. «Ruodlieb»-сказкамъ; Aarne No. 910B; ZVfVK 6, 169; Köhler 2, 167, 285, 404; Добровольскій I, 533 No. 21, 540 No. 22; Ончуковъ No. 12, 155; Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ V, I, 3, 77; Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа IX, 2, 171 и 207; XVIII, 3, 104; Диваевъ въ Этноб XV (1903), 1, 98.
193. Aarne No. 887.
194. Ср. Aarne No. 882, 883; Bolte-Polívka 3, 92 пр. 1.
195. Bolte-Polívka 3, 529.
196. Душа убитаго человѣка въ образѣ птицы: ср. КНМ No. 47; Aarne No. 720. Преступная любовь отца: ср. выше No. 65; Aarne No. 510B.
197. Aarne No. 952; КИМ No. 199.
198. Принадлежитъ къ кругу сказокъ Aarne No. 950—974.
199. 200. Aarne No. 955; КНМ No. 40.
201. Aarne FFC 25 No. 954; Bolte-Polívka 3, 142 къ No. 142.
202. Тысяча и одна ночь, исторія Кваджа Гасанъ Алгабала (11, 261—289, изд. Insel-Verlag).
203. Финскій вариантъ изъ Ингерманландіи въ архивѣ финскаго литературнаго общества въ Гельсингфорсѣ, собраніе Viktori Alava 1891 No. 942 = v. Löwis FEVM No. 16; Bolte-Polívka 2, 218 къ No. 87.
204. Aarne No. 326; КНМ No. 4.
- 205a, b, f, g. Bolte-Polívka 3, 482 пр. 1.
- 205h: Къ мотиву «сто лѣтъ проходятъ какъ минута» см. Huber, Die Wunderlegende von den Siebenschläfern, Leipzig 1910 и рецензія Bolte въ ZVfVK 27, 175; Köhler 2, 239; Bolte-Polívka 3, 460 къ No. 202.
206. Ср. Aarne No. 710; КНМ No. 3; Bolte-Polívka 2, 126 къ No. 76.
207. Aarne No. 307; Bolte-Polívka 3 къ No. 217, 219.
- 208a. О вѣдьмахъ ср. Максимовичъ 133—146; Ю. Поливка въ примѣч. къ Kubín II, 226 No. 69.
- 208b. Aarne No. 307; Bolte-Polívka 3, 536 къ No. 219.
- 208e. Federowski 2, 1, 143.
210. Построеніе моста: ср. выше No. 143.
212. Ср. Максимовъ 24 о соблазненіи женщинъ нечистымъ.
213. О лѣшихъ см. Максимовъ 68—77.
- 214a, b. Bolte-Polívka 3, 204 къ No. 149; Садовниковъ No. 25.
215. Ср. Максимовъ 117, 124.
- 216b, 217. Aarne No. 1641; КНМ No. 98; Савченко 450.
218. Начало: ср. Aarne FFC 20, Hamina 1915.
219. Aarne No. 1525a; КНМ No. 192.

220. Ср. No. 227; Aarne No. 1540; его же FFC 22; КНМ No. 114, 34.
221. Сходная игра словъ см. выше No. 161b.
222. Сумцовъ 48 сл.; Böhm No. 40; ср. еще Köhler 3, 164; Frobenius, Der schwarze Dekameron 342, Berlin (1910). Aarne No. 1537; Kubín II, 247 No. 80.
223. Aarne No. 1535, 1539; КНМ No. 61. Ср. Bolte-Polívka 1, 320 къ No. 32.
224. Bolte-Polívka 1, 525 къ No. 59; 2, 14 къ No. 61.
225. Смирновъ 2 No. 5, 36; Aarne No. 1600, 1642, 1381; Курскій сборникъ 4, 93; Bolte-Polívka 1, 60 къ No. 7.
- 226b. Aarne No. 1696; КНМ No. 143.
227. Aarne No. 1450, 1384, 1210; КНМ No. 34.
228. КНМ No. 83.
- 229a, b. Ровинскій 1, 436.
- 230a, b. Aarne FFC 25 No. 2014 (эстонскіе варианты); Stroebe 2 No. 52 (изъ Норвеги).
231. Aarne No. 852; КНМ No. 112; ZfvVK 28, 131.
232. Aarne No. 1930. Къ характерному заключенію, изъ котораго явствуетъ участіе скомороховъ въ сказыванію сказокъ, ср. Савченко 26.
- 234, 235. Aarne No. 1640; КНМ No. 20.
236. Aarne No. 1164; Ончуковъ No. 95; Chauvin, Bibl. arabe VIII, 152 No. 154.
- 237a, c. Aarne No. 1365; J. de Vitry, Exempla No. 122.
- 238b. Aarne No. 1381; КНМ No. 59.
240. КНМ No. 95.
241. Bolte-Polívka 3, 126 къ No. 139.
242. Ср. No. 223. 224; Aarne No. 1535, 1539; КНМ No. 61.
243. Вариантъ въ Извѣст. Отд. р. яз. и слов. Имп. Акад. наукъ XVII, 2, 163 (1912); Bolte-Polívka 2, 210 къ No. 86.
244. КНМ No. 78.
245. Финскій вариантъ изъ Ингерманландіи въ архивѣ финскаго литературнаго общества, собраніе Fr. A. Saxback 1859 No. I, 10=v. Löwis FEVM No. 2.
247. Aarne FFC 25, No. 1645; ZfvVK 20, 325.
- 248a, l, p, t. — a: Bolte-Polívka 1, 66 къ No. 7.
249. Ср. Сумцовъ, Разысканія; Clouston, The book of noodles, London 1888. — Къ No. r: Aarne No. 1539; Bolte-Polívka 2, 8 къ No. 61; Köhler 1, 249 сл. — Къ No. s: Aarne, FFC 25, 89 къ No. 1529; Bolte-Polívka 3, 9 къ No. 122. — Къ No. x: Decamerone 7, 9. — Къ No. aa: Юбилейный сборникъ въ честь Миллера 163—168 (Поливка), Москва 1900; ZfvVK 26, 8—18, 370; 27, 135—141; Aarne No. 1940. Ср. No. www. —

Къ No. ww: ср. выше No. 186; Aarne No. 1960D;
 Bolte-Polívka 3, 190. — Къ No. yy: Bolte-Polívka 2,
 361 прим. къ No. 94. — Къ No. fff: Bolte-Polívka 2,
 210 къ No. 86. — Къ No. hhh: см. выше No. 87. —
 Къ No. iii: Bolte-Polívka 3, 265 къ No. 164. — Къ
 No. rrr: Aarne No. 1383; Bolte-Polívka 1, 340 сл. къ
 No. 34. — Къ No. sss: Aarne No. 901; Köhler 1, 17;
 3, 40—44. — Къ No. www: ср. выше aa.
 250. Bolte-Polívka 2, 210 къ No 86.

Замѣтка о сказкѣ «Ерусланъ Лазаревичъ». Ср. Влади-
 мировъ, Введение въ исторію русской словесности 152;
 Пыпинъ II, 491.

Легенды

Цифры и латинскія буквы соотвѣтствуютъ обозначенію легендъ въ Лондонскомъ изданіи (1859 г.) «Народныхъ русскихъ легендъ, собранныхъ Аѳанасьевымъ», при чемъ параллельныя легенды, взятые изъ *примѣчаній* Аѳанасьева, въ настоящемъ изданіи обозначены *звѣздочкой*.

1. Aarne No. 752; онъ же въ FFC 25 къ No. 752 (эстонскіе варианты); Finnisch-Ugrische Forschungen XIII, 1913, p. 38 (вариантъ, записанный Потаниномъ у вотяковъ).
2. Чудесная молотъба ср. Bolte-Polívka 2, 439 къ No. 103.
- 3а, б. Ср. прим. къ сказкѣ No. 205е. Finnisch-Ugrische Forschungen, XIII, 38. — Наказанія въ загробной жизни: Köhler, 1, 52.
- 4, 5. Aarne No. 785; Bolte-Polívka 2, 149—163 къ No. 81; Харузинъ 215 No. 52.
- 6, 7. Ср. Bolte-Polívka 2, 210—229 къ No. 87.
8. Bolte-Polívka 3, 541 къ No. 221; 3, 460 къ No. 202.
9. Св. Георгій въ народныхъ преданіяхъ: Рыстенко, Легенда о св. Георгіи и драконѣ въ византийской и славянорусской литературахъ. Зап. Имп. Новоросс. университета, т. 112, Одесса 1909. — Св. Георгій часто является покровителемъ волковъ, см. Рыстенко 306—309; Dähnhardt, III, 299 и друг.; ИРЛ II, 128.
- 10, 11. ИРЛ II, 124—127. Къ No. 10 ср. Харузинъ 218 No. 55; Polívka 181 сл.; Finnisch-Ugrische Forschungen, XIII, 39 (легенда вотяковъ).
12. Bolte-Polívka 1, 67 къ No. 7.
13. Св. Пятница въ великорусскихъ вѣрованіяхъ: Максимовъ 510—518; въ украинскихъ вѣрованіяхъ: см. Булащевъ, Украинскій народъ въ своихъ легендахъ и религіозныхъ воззрѣніяхъ и вѣрованіяхъ 274—287, Кіевъ 1909.
14. Ср. Dähnhardt I, Kap. 1, 2, 5, 13; ИРЛ II, 119 сл.
15. Aarne FFC. 25, 51 No. 804 (эстонскіе варианты). Легенды о Соломонѣ: ср. ИРЛ II, 113—119.

- 16a, b, c. Aarne No. 330; Bolte-Polívka 2, 183 къ No. 82; ZVfVK 24, 312.
- 17a, b. Aarne FFC 25, 56 No. 840 (эстонскіе варианты).
- 18, 19. Ср. ниже No. 20c; Bolte-Polívka 2, 414 сл. къ No. 99.
- 20 b. «Передѣлываніе на молодыхъ» ср. ниже No. 31.
- 21c. Bolte-Polívka 2, 417 къ No. 99.
21. Подобныя поѣздки по воздуху встрѣчаются въ легендахъ часто; см. Günter, Die christliche Legende des Abendlandes 103 сл., Heidelberg 1910.
22. Ср. Bolte-Polívka 3, 303 сл. къ No. 178.
23. Легенда, быть можетъ, сложилась подъ вліяніемъ исторіи о Варлаамѣ и Иосафатѣ, ср. E. Kuhn, Barlaam u. Joasaph, Abhandl. d. bayer. Akad., 20, Bd. 1, 74; Gesta romanorum, cap. 109. (Литература о Варлаамѣ см. Пыпинъ I, 513, 534).
24. Köhler 2, 207, 250, 584.
25. Aarne FFC 25, 51 No. 808.
26. Aarne FFC 25, 50 No. 795; Kubin II, 185 No. 54.
27. Ср. Драгомановъ, Малорусскія народныя преданія и рассказы 50 No. 17.
- 28a, b. ИРЛ II, 123; Bolte-Polívka 3, 465 сл. къ No. 206.
29. Люди превращенные чортомъ въ лошади встрѣчаются и въ другихъ преданіяхъ: ср. Aarne FFC 25, 118 No. 25.
30. Крестный отецъ, запрещеніе входить въ комнату: ср. Bolte-Polívka 1, 14 къ No. 3. Къ второй половинѣ легенды ср. сказки No. 67—69, 165.
- 30*. Ср. Bolte-Polívka 1, 342—346 къ No. 35.
31. КНМ No. 147; Dähnhardt, 2, 154 сл., 159 вар. с.
32. Волкъ и кобыла: Aarne No. 122; Dähnhardt 4, 238; Волкъ и баранъ: Aarne No. 122; Dähnhardt 4, 257; — Волкъ и портной: Dähnhardt 3, 43, 305, 495; Bolte-Polívka 2, 530 прим., 3 (къ No. 114).
33. Повтореніе этой легенды въ сказкахъ подѣ No. 110.

Оглавление

СКАЗКИ

131. Гусли-самогуды	7
132. Царевна разрѣшающая загадки	9
133. Вѣщій сонъ	11
134. Вѣщій сонъ	20
135. Соль	24
136. Золотая гора	28
137. Чудесная дудка (а)	32
138. Птичій языкъ	34
139. Охотникъ и его жена	37
140. Хитрая наука (а)	39
141. Диво (а)	44
142. Диво-дивное, чудо-чудное	48
143. Счастливое дитя	50
144. Кладъ	53
145. Скорый гонецъ	56
146. Сестрица Аленушка, братецъ Иванушка (а)	63
147. Царевна-сѣра утица	67
148. Бѣлая уточка	70
149. Арысь-поле	74
150. Царевна-лягушка (а)	75
151. Царевна-змѣя	79
152. Заколдованная королева (а)	83
153. Окаменѣлое царство (а)	94
154. Береза и три сокола	97
155. Заклятой царевичъ	99
156. Сопливый козелъ	101
157. Неумойка	104
158. Косоручка (а)	107
159. По колѣна ноги въ золотѣ, по локоть въ серебрѣ (а)	113
160. Поющее дерево и птица-говоруны (а)	117
161. Свиной чехолъ (а, в)	121
162. Золотой башмачокъ	128
163. Чернушка	130
164. Царевна въ подземномъ царствѣ	132
165. Незнайко (а)	134
166. Несмѣяна-царевна	142

167.	Ночныя пляски	145
168.	Мальчикъ-съ-пальчикъ	147
169.	Верлюка	150
170.	Лихо одноглазое	155
171.	Горе	157
172.	Двѣ доли	162
173.	Марко Богатый и Василій Безсчастный (а)	164
174.	Исторія о славномъ и храбромъ богатырѣ Ильѣ-Муромцѣ и о Соловьѣ-разбойникѣ (а)	172
175.	Илья-Муромецъ и змѣй	178
176.	Василій Буславичъ	185
177.	Алеша-Поповичъ	186
178.	Данило Безсчастный	190
179.	Василій-царевичъ и Елена Прекрасная	196
180.	Балдакъ Борисьевичъ	202
181.	Василиса-поповна	210
182.	Про Мамаю-безбожнаго	213
183.	Сказаніе объ Александрѣ Македонскомъ	224
184.	Шемякинъ судъ (а)	225
185.	Загадки (а, в)	227
186.	Горшеня (в)	230
187.	Мудрые отвѣты	233
188.	Мудрая дѣва (в)	234
189.	Поповъ работникъ	237
190.	Царевичъ-найденнышъ	238
191.	Сосватанныя дѣти	239
192.	Доброе слово (а)	242
193.	Дочь пастуха	244
194.	Оклеветанная купеческая дочь (а)	247
195.	Царица-гуслирь	251
196.	Отецъ и дочь	253
197.	Солдатъ и царь въ лѣсу	255
198.	Солдатъ и разбойникъ	260
199.	Разбойники	261
200.	Королевна и разбойники	266
201.	Мудрая дѣвица и семь разбойниковъ	269
202.	Счастье и Несчастье	277
203.	Убогій	279
204.	Безстрашный (а)	281
205.	Разказы о мертведахъ (а, в, г, д, е)	284
206.	Упырь	291
207.	Иванъ-купеческій сынъ отчитываетъ царевну	296
208.	Разказы о вѣдьмахъ (а, в, е)	300
209.	Смерть скупого	304
210.	Скрипачъ въ аду	305
211.	Горшечникъ	307

212.	Вдова и бѣсъ	309
213.	Лѣшій	310
214.	Морока (а, в)	311
215.	Дока на доку	315
216.	Ворожея (б)	317
217.	Знахарь	318
218.	Слѣпцы	320
219.	Воръ (а)	323
220.	Вороватый мужикъ	327
221.	Солдатская загадка	330
222.	Мертвое тѣло (а)	331
223.	Шутъ (а)	333
224.	Иванушко-дурачокъ (а)	338
225.	Дуракъ и береза	341
226.	Набитый дуракъ (б)	344
227.	Лутонюшка (а)	346
228.	Мѣна (а)	347
229.	Сказка про братьевъ Оому и Ерему (а, в)	350
230.	Хорошо да худо (а, в)	351
231.	Не любо — не слушай (а)	353
232.	Байка про старину стародавнюю	356
233.	Удалой багрякъ	358
234.	Ивань-дуракъ	359
235.	Оома Беренниковъ (а)	363
236.	Сказка о злой женѣ (а)	367
237.	Жена-спорщица (а, с)	369
238.	Жена-доказчица (б)	371
239.	Головиха	372
240.	Мужъ да жапа	373
241.	Вѣщій дубъ	375
242.	Дорогая кожа	377
243.	Какъ мужъ отучилъ жену отъ сказокъ	380
244.	Лубокъ	381
245.	Крестъ-порука	382
246.	Объ отцѣ Николаѣ	384
247.	Скряга	386
248.	Разсказы объ инородцахъ (а, l, n, t, y, cc, ff)	387
249.	Народные анекдоты (а—z, aa—zz, aaa—yyy)	396
250.	Докучныя сказки (а—d)	438
251.	Прибаутки (а—w)	438
	Замѣтка о сказкѣ «Ерусланъ Лазаревичъ»	446

ЛЕГЕНДЫ

1.	Чудесная молотѣба	459
2.	Чудо на мельницѣ	461
3.	Бѣдная вдова (а, в)	461
4.	Исцѣленіе	471

5. Попъ-завидушіе глаза	475
6. Превращеніе	479
7. Пиво и хлѣбъ	481
8. Христовъ братецъ (и в*, с*)	486
9. Егорій Храбрый (и в*)	491
10. Илья-пророкъ Никола	500
11. Касьянъ и Ниола	503
12. Золотое стремя	504
13. Пятница	507
14. О Ноѣ Праведномъ	508
15. Соломонъ Премудрый	514
16. Солдаты и Смерть (а, в, с)	514
17. Видѣніе (а, в)	530
18. Потанька	533
19. Поѣздка въ Іерусалимъ	534
20. Пустынникъ и дьяволъ (а, в, с)	534
21. Пустынникъ	538
22. Повѣсть о бражникѣ	540
23. Царевичъ Евстафій	541
24. Повѣсть о царѣ Аггосѣ и како пострада гордостію	543
24*. Гордый богачъ	546
25. Смерть праведнаго и грѣшнаго	550
26. Ангель	551
27. Кумова кровать	553
28. Грѣхъ и покаяніе (а, в)	554
29. Горькій пьяница	560
30. Крестный отецъ	562
30*. Повѣсть о сынѣ крестномъ, како Господь крестилъ младенца убогаго человѣка	567
31. Кузнецъ и чортъ	571
32. Волкъ	575
33. Пѣтухъ и жорновки	577
Примѣчанія	579

